

Зал
славы
всемирной
фантастики

М.Рейнольдс

M. Reynolds

МАК РЕЙНОЛЬДС БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА

Мак Рейнолдс
БОЖЕСТВЕННАЯ
СИЛА

Mack Reynolds
**EARTH
UNAWARE**

Зал славы всемирной фантастики

M. Reynolds

EARTH UNAWARE

Перевод с английского

БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА

Київ
"Альтерпрес"
1995

Редакційна колегія серії:

П.Хазін
В.Каплан
М.Штулак

ЭТА КНИГА ДОЛЖНА ПРОДАВАТЬСЯ
ТОЛЬКО В СУПЕР-ОБЛОЖКЕ

Творчество известного американского писателя-фантаста Мака Рейнольдса (1917—1983) представлено романами “Недремлющее око”, “Пионер космоса” и “Божественная сила”.

Р35 Рейнольдс Мак
Сила господня: Пер. з англ. — К.: МСП “Альтерпрес”, 1995. — 543с.: іл. — (Зал слави всесвітньої фантастики). — Рос. мовою.
ISBN 5-7707-4764-1

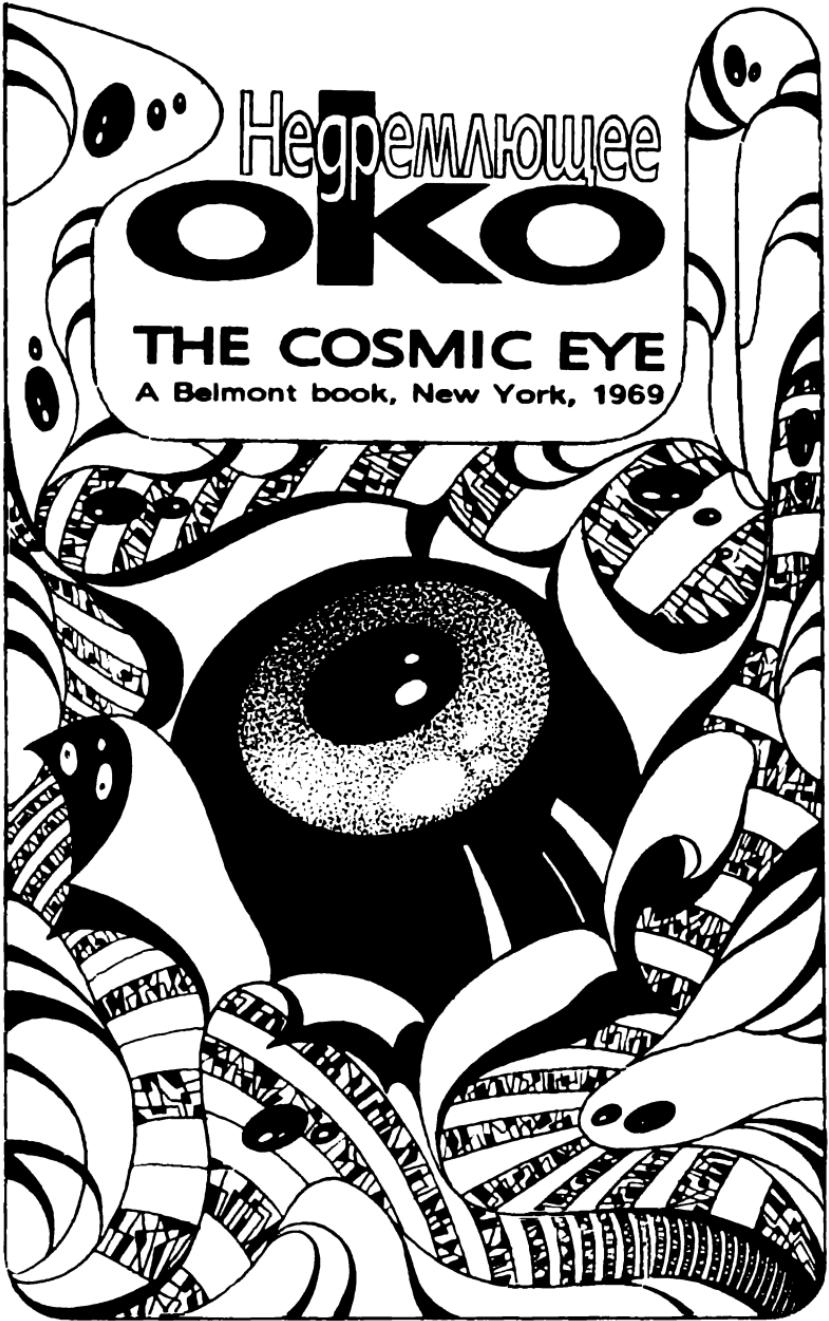
Творчість відомого американського письменника-фантаста Мака Рейнольдса (1917—1983) представлена романами “Недремлющее око”, “Пионер космосу” та “Сила господня”.

р 4703040100-15 без оголош.
95

ББК 84.7США

ISBN 5-7707-4764-1

© Упорядкування, художнє
формлення, емблема і назва
серії. МСП “Альтерпрес”, 1995
© Супер-обкладинка.
Н.Ширяєва, 1996

Hegre-Malöwhee

OKO

THE COSMIC EYE

A Belmont book, New York, 1969

*Когда четверо собираются,
чтобы войти в сговор, трое из
них — полицейские шпики, а
четвертый — дурень.*

Старая европейская поговорка

ГЛАВА I

— Мой дорогой мальчик, — произнес Уильям Моррис, слегка согнувшись в коленях, чтобы приноровиться к ускорению лифта, — я уверен, мне не нужно предупреждать тебя, ну, не высказывать сегодня ничего такого, что бы напоминало непопулярные идеи твоего отца. — Он прошептался, как бы извиняясь. — Это, конечно.., — он не закончил фразы.

— О Великий Скотт, дядя Билл, перестань беспокоиться обо мне. Таос не такое дикое и отсталое место, как тебе кажется. В самом деле, мы там довольно цивилизованны. Да и отец, собственно говоря, далек от того, чтобы выступать с антитехнократическими речами на уличных трибунах.

— Я надеюсь, — сказал дядя.

Он быстро обвел глазами кабину лифта.

— Я бы очень хотел, чтобы ты не говорил подобных вещей, мой мальчик.

— Что ты имеешь в виду? Я всего лишь хотел сказать, что отец не имеет обыкновения высказываться против правительства.

Дядя заволновался.

— Да, но ты сказал это непочтительно. Это легко может войти в привычку — говорить легкомысленно — и, помимо своей воли, ты позволяешь своему подсознанию, ну...

Он оборвал фразу и прошептался.

Это был упитанный мужчина лет шестидесяти, совершенно седой, но без сомнения, сильный и энергичный — в расцвете сил.

Рекс Моррис, его племянник, приближался к своему тридцатилетию, а также к пяти футам десяти дюймам и к шестидесяти килограммам. По его виду можно было пред-

положить, что жизнь до сих пор не очень круто обходилась с ним. У него была легкая походка, почти праздный вид — богатый молодой аристократ. Он улыбнулся дяде.

Дядя Билл расстроился из-за племянника.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал он строго. — Вот мы и пришли. Этот особняк на крыше небоскреба принадлежит Лиззи Мим. Такая квартира создает некоторый престиж ее хозяйке, не так ли, мой мальчик?

— А кто она такая? За эти последние несколько дней я встречал так много людей, что запутался.

— Ну, ты должен помнить Элизабет Мим. Ты встречал ее в один из последних вечеров на приеме у Технолога Филпа в Элитарной комнате. Ее муж когда-то был Первым Технологом Функционального ряда транспорта. Мой хороший друг. После его смерти Лиззи много времени уделяет развлечениям. Ее квартира, мой мальчик, может послужить тебе как бы центром, местом для завязывания контактов. На ее вечерах бывает, и даже часто, сам Высший Технолог.

Они вышли из лифта, вошли в сверхшикарную прихожую и остановились перед дверью. Старший мужчина нажал на кнопку сбоку от двери и многозначительно подмигнул племяннику.

— Шикарно, да? Электронопка. Лиззи Мим известна своей слабостью к антиквариату.

Рекс Моррис был заинтригован.

— Для чего эта кнопка?

— Когда на нее нажмешь, внутри звонит звонок. И Лиззи знает, что к ней кто-то пришел.

Рекс недоуменно посмотрел на дядю.

— Ну и что тогда?

— А тогда она подходит к двери посмотреть, кто это.

— Но послушай, почему не иметь просто экран идентификации на двери, как у всех? В таком случае она могла бы видеть, кто пришел, и решать, открывать ему или нет.

Дядя нетерпеливо сказал:

— Это антиквариат, неужели ты не понимаешь? Я наверное не смог бы насчитать и полдюжины людей во всем городе, имеющих такую вещь.

Рекс Моррис пробормотал что-то в ответ, но дверь уже открывалась.

— О, это ты, Уильям, — воскликнула Лиззи Мим. — И твой дорогой-предорогой племянник с дикого-предикого Запада.

Рекс Моррис поморщился.

— Входите же, — с трепетом произнесла она, взмахнув массивной и усыпанной драгоценностями рукой в направлении, откуда доносились звуки. Это была средних лет дамочка, не превышавшая пяти футов двух дюймов и склонная вот-вот располнеть. Однако у нее было довольно приятное лицо — в стиле немецкой домохозяйки. Рексу Моррису пришло на ум, что аристократы в жизни редко похожи на те очаровательные образы, которые можно увидеть в стерео-шоу.

— Конечно, ты помнишь Рекса, — сказал Уильям Моррис, запечатлев легкий поцелуй на щеке хозяйки в знак приветствия.

— Ну, разумеется, и я хотела бы познакомить его сегодня с некоторыми дорогими людьми. В том числе, — добавила она игриво, — с одной дорогой-предорогой молодой леди.

Она оперлась своей пухлой рукой на Рекса Морриса, и они прошли в глубь квартиры.

— Уильям, — бросила она через плечо, — ты здесь хорошо ориентируешься. Позаботься о себе, пожалуйста, сам.

Дядя Билл направился к ближайшему автобару.

— Ну вот, Рекс, — сказала она. — Я могу называть тебя так?

— Конечно, Технола Мим.

Она хихикнула.

— На самом деле, все называют меня Элизабет, и ты тоже можешь звать меня так. И еще об одном я хочу тебя предупредить. Сейчас все прекрасно проводят время у меня. Да, прекрасно. Но запомни, пожалуйста, что мы не обсуждаем ни религии, ни политики, ни каких-либо других спорных вопросов и, конечно же, в моем доме никто и никогда не высказывался против правительства.

— Ну, разумеется, — сказал Рекс.

Она похлопала его по плечу.

— Ну, вот, — сказала она одобрительно. — Я помню твоего отца, когда он был молодым человеком. Мне кажется, что ты унаследовал только его лучшие качества.

Такое высказывание, по-видимому, не требовало ответа. Лиззи Мим подвела его к группе дам, внимавшим в настоящий момент сетованиям одной из них, очевидно, высказывающей смелые суждения по вопросам большой важности.

— Масло, — с возмущением говорила она. — Дорогие мои, я просто не знаю, что делать с проблемой слуг. Настоящее китовое масло приходится использовать для смаэзывания служанки — оно предохраняет ее от поломки. Это одна из старейших фамильных робов, одной из самых ранних моделей, которая была у меня всю жизнь, а до того — у моей матери. И что же мне делать? Я не могу переделать ее — что скажут обо мне? Но ей необходимо масло. Господь знает, как мои дедушка и бабушка могли позволить себе это. А я не могу. Масло, мои дорогие, стоит 3 тысячи эргов за фунт. Что я хочу сказать...

— Слуги! — пришла в ярость другая дама.

В ходе этих знакомств Рексу Моррису удавалось немногого выпить. Его знакомили то с тем, то с этим, представляли той или иной группе. Несколько бессмысленных слов сказано ему и им. В памяти осталось, наверное, одно из десяти имен.

Лиззи Мим наконец-то закончила свой обход. Она взяла бокал вина из автобара и начала пить маленькими глотками.

— Слишком холодное, — сказала она, нахмурившись. — Слуги! — добавила она рассеянно, по-хозяйски окинув глазами свою квартиру. — Интересно, было ли лучше, когда слугами были люди?

Рекс приподнял брови.

— Моя дорогая Технола Мим.

Ее глаза стрельнули по его лицу, расширившись.

— О, не пойми меня неправильно. Я не критикую правительство. Функциональный ряд обслуживания был упразднен.

— Я ничего не знаю об этом, — сухо сказал Рекс Моррис.

— Конечно же, как и я.

— А кто эта привлекательная дама вон там? — спросил Рекс, скорее всего, чтобы поменять тему. Слишком уж они приблизились к спорным вопросам. — Та, которая разговаривает с крупным чиновником Безопасности.

— С Технологом Маттом Эджевортом? Это Надин, — сказала Лиззи Мим. — Я разве не представляла тебя Техноле Надин Симс?

— По-моему, нет, — сказал Рекс. — Я наверняка бы запомнил. Она, без сомнения, самая потрясающая девушка из присутствующих здесь. Это она — дорогая-предорогая молодая леди, о которой вы упоминали?

— Нет, — ответила Лиззи Мим. В ее голосе появилось что-то неприятное. — По правде говоря, Надин, как я понимаю, связана с ФРБ.

— О, — сказал Рекс. — Как мило.

Лиззи Мим затараторила:

— Как тебе известно, Рекс, твой дядя — один из моих старых-престарых друзей, и, конечно, я знала твоего отца — до того, как он забрался в то место, где он сейчас живет...

— Таос, — подсказал Рекс, по-прежнему не отрывая глаз от девушки. Это было стройное, утонченное создание, одетое в серое сари. В ее осанке было что-то кошачье — черная пантера в джунглях — невероятно красивая, но несомненно опасная. Крупный полицейский чиновник куда-то отошел. Рекс поинтересовался, неужели именно ее связью с Функциональным Рядом Безопасности можно объяснить отсутствие поклонников, которые должны были бы тремя-четырьмя рядами окружать ее.

— Да, конечно, — сказала хозяйка дома. — Что я хочу сказать, Рекс, я очень близко к сердцу принимаю твои интересы. Уильям сказал мне, что ты закончил свою учебу и ~~подыскиваешь~~ назначение в подходящем Функциональном Ряду, и мы, конечно же, хотим, чтобы у тебя были нужные контакты.

Рекс взглянул на нее с улыбкой.

— Вы хотите сказать, что Технолу Симс нельзя считать хорошим контактом?

Она похлопала его по плечу своей массивной рукой.

— Прекрати, Рекс Моррис. Я знаю, ты разыгрываешь меня. Не правда ли, прекрасное слово? “Разыгрывать”. От него веет стариной. Оно означает, что ты подшучиваешь надо мной. Я хотела только напомнить тебе, что ты новичок в столице, и тебе более чем другим не следует проявлять заинтересованность в спорных вопросах. А Надин мо-

жет быть... ну, ты сам знаешь. Но давай подойдем, я вижу, что ты уже заинтригован.

Надин Симс одарила его чересчур деланной улыбкой.

— Я думала, когда же нас представят друг другу, — сказала она. — Знаменитости у нас редки в последнее время.

— Знаменитости? — переспросил Рекс Моррис.

— Сын Леонарда Морриса представляет большой интерес, — сказала она ему, окинув взглядом с ног до головы его аккуратную, хорошо сложенную фигуру и, по-видимому, оставшись довольной увиденным.

— Ну, я вас, молодые люди, оставлю, — засуетилась Лиззи Мим. — Мне показалось, что был звонок в дверь, пойду проверю.

Она упорхнула.

— Она довольно древняя, — произнес Рекс, чтобы что-нибудь сказать.

— Самая выдающаяся хозяйка столицы, — сказала Надин. — Никто из лучших людей не пропускает ее приемов. Я слышала, что вы приехали в наш город навсегда.

Он усмехнулся.

— Это звучит ужасно по отношению к старому холостяку тридцати лет.

Она нахмурилась, слегка недоуменно, что ей впрочемшло, и сказала:

— Простите?

— Я далек от мысли искать в вашем городе вечное и доброе. Я откликнулся на любое предложение столицы в плане сиюминутного и злого. Видите ли, дурная репутация Великого Вашингтона дошла и до наших дебрей, и она заманчива.

Она рассмеялась.

— Я могу предложить свои услуги гида. Я же имела в виду, что вы приехали к нам на постоянное проживание.

— Только в том случае, если я смогу найти многообещающее назначение. Дядя Билл, правда, оптимист.

Он зевнул, как бы представив себе перспективу будущей работы.

— Я хотела бы еще один сукратцер, — сказала она, направившись к ближайшему автобару. — У вас специальность такая же, как и у вашего отца?

Он заказал по коду ей бокал искристого вина и скрипился.

— В этом-то вся проблема. Я неизлечимо ленив. Я ни на чем не специализировался.

Он передал ей охлажденный бокал.

Она приподняла брови над краем бокала, не отрываясь от него.

— Вы меня поражаете. Куда же идет класс Технологов?

Рекс Моррис пожал плечами и заказал сазерак.

— Слишком много хлопот. И, кроме того, приобретаешь только трудности. Достаточно посмотреть на моего отца — ученого, победившего вирусные болезни. Разве он известен благодаря этому? Конечно, нет. Слава его вызвана его отказом от конформизма и...

— Технол Моррис, — сказала она мягко. — Мне кажется, что мы не настолько хорошо знакомы, вы согласны?

Он немедленно пожалел о сказанном.

— Извините.

Она одарила его своей деланной улыбкой.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. И вижу ваше положение. При ваших связях разве есть необходимость в специальности? Вам стоит лишь захотеть, и вы добьетесь своего.

Не успели они развить эту тему, как подошел неуклюжий Технолог Безопасности, Мэтт Эждеворт, с которым она перед этим беседовала, и после натянутого чересчур формального приглашения увлек Надин Симс в комнату, отведенную для танцев. Она, обернувшись, взглянула на Рекса и состроила гримасу отчаяния, как бы выражая свое желание остаться.

Рекс Моррис глядел ей вслед с тихим возгласом восхищения. Одежда индийских женщин — сари — одно из самых украшающих женщину одеяний, когда-либо созданных, а фигура Надин Симс была такой, которая и не требовала украшения.

Голос за его спиной произнес протяжно:

— О-ч-е-н-Ь плохо, мой дорогой мальчик.

Рекс обернулся к дяде.

— Что такое?

— Ничего такого, Рекс. Ничего. Как проводишь время?

— Отлично. Много приятных людей, дядя Билл.

— Как тебе понравилась Технола Симс?

— Хорошенькая девушка. То, что нужно. Можно даже сказать, красивая.

— Все правильно. Но... как я понимаю, она иногда подрабатывает для... — он запнулся.

— Для ФР Безопасности, — закончил за него Рекс. — Так мне сказали.

Дядя прокашлялся.

— Хотел бы тебя познакомить и с другими моими друзьями, мой дорогой мальчик. Технолог Маррисон, что стоит вон там, — жук навозный в ФР текстильной промышленности. Вечно жаждет молодой крови, особенно в нашем раннем пенсионном возрасте.

Технолог Маррисон — толстый, лысый тип с красным носом — был в середине своего рассказа о каком-то веселеньком дельце в тот момент, когда к нему подошли Рекс со своим дядей.

— ... и тогда мы переключились на гавайское, — поведал он. — Четыре части джина, две — апельсинового соха и одна — ликера кюрасао. Его подают, вы знаете, в ананасе. К этому времени мы все упились. В стельку. Нужно было видеть Джейфа. Джейф был вдрызг пьяный. А Марта...

— Марта? — переспросил кто-то. — Только не Марта. Она выносливая, как верблюд. Я никогда не видел, чтобы Марта...

— Упилась, — настаивал Технолог Маррисон. — А потом мы все пошли в Ночлежку с этими ананасами, вы представляете себе. Ужасно весело. У каждого из нас было по ананасу в каждой руке.

— И вот здесь-то вас и остановил Исполнитель из ФРБ? — спросил кто-то, засмеявшись.

— Это мы ему сказали, куда направиться, — хихикнул Маррисон. — Представьте себе, мы — два Первых Технолога и три Технолога, а этот тупица пытается проявить по отношению к нам свои полномочия.

Все засмеялись.

Дядя Билл прервал их.

— Фред, я хотел бы познакомить тебя с моим племянником. Это Рекс. Рекс, Фредрикс Маррисон — Технолог Функционального Ряда текстильной промышленности на всем восточном побережье.

Маррисон заметно заважничал. Он снисходительно притянул руку.

— Твой племянник? — переспросил он Уильяма Морриса. И затем более сдержанно: — Не сын ли это твоего брата Леонарда?

Рекс Моррис кивнул.

— Леонард Моррис — мой отец.

Маррисон состроил гримасу.

— Да, я, как и все, восхищаюсь открытиями твоего отца в области вирусов, но я никогда не соглашусь с его...

Тут подлетела Лиззи Мим.

— Господа, господа, — зашебетала она, — мы собрались здесь не для спора, не так ли? Рекс, пойдем со мной. Я хочу познакомить тебя с одной моей дорогой-предородной подругой.

Учитывая тот факт, что дядя, вероятно, обсудит его дела успешнее, чем он сам, Рекс Моррис позволил увести себя после некоторых банальных реверансов в адрес текстильного магната с его стороны.

Фактически, его голова еще была повернута в сторону этой последней группы, когда Лиззи Мим произнесла:

— Паула Клейн, это тот дорогой мальчик, с которым я хотела познакомить тебя. Милый-премиленый мальчик. Рекс Моррис из... как ты называешь его, — Тауз?

— Таос, — поправил ее Рекс.

Паула Клейн хмуро взглянула на него. У него появилось странное ощущение, что для этой хорошенькой девушки знакомство с молодым человеком ее возраста — пустая трата времени, которое лучше было бы употребить на более важные дела. Ей должно быть около двадцати пяти лет, решил он, но у нее был серьезный, открытый взгляд студентки, склонной к идеализму. Жаль, подумал он, так как эта брюнетка была именно такого типа, какой ему больше всего нравился. Волосы — такие черные, что вызывают подозрение, темные глаза, красивый цвет лица, почти такого же оттенка, как у индианок в его родном Таосе. Ее крупный рот естественно красного цвета; а таких прекрасных зубов, как у нее, он никогда прежде не видел.

— ...ее мать, — продолжала Лиззи Мим, — одна из моих лучших подруг.

Она похлопала Рекса по плечу одной своей пухлой ладонью, а Паулу — другой.

— Ну, а теперь познакомьтесь друг с другом поближе, — сказала она и добавила: — Но будьте осторожны. Я боюсь, что отец Рекса имеет дурную репутацию относительно обсуждения политики, а дедушка Паулы и его религия... — Она хихикнула, словно демонстрируя свою смелость, и упорхнула.

Рекс Моррис отвлекся от физических данных Паулы, превосходных, надо признать, и переспросил:

— Религия дедушки?

Паула Клейн заметила безо всякого выражения:

— Лиззи, кажется, настоятельно советовала не обсуждать ни политику, ни религию, ни секс, ни какие-либо другие спорные вопросы и не критиковать никакие современные заведения, и самое главное...

— Никакой критики в адрес правительства, — закончили они вдвоем с присоединившимся к ней Рексом.

Они оба рассмеялись, но затем оба быстро огляделись по сторонам. Никого, кажется, не было поблизости, чтобы наблюдать за ними.

— Выпьем? — предложил Рекс.

— Нет, спасибо, я не пью.

Он посмотрел на нее, приподняв брови.

— В наши дни? На что же вы тогда тратите свое время?

Ее глаза скользнули по нему в задумчивости. Она любовалась цветом его лица, глубоким горным загаром, его удивительно аккуратной фигурой. Уже второй раз в течение часа Рекс Моррис чувствовал на себе изучающий взгляд красивой женщины.

— Судя по вашему виду, — произнесла девушка, — не скажешь, что вы часто пьянистуете, Технол...

— Моррис. Рекс Моррис.

— И вы, кажется, из Таоса? О, Великий Говард, я, наверное, прослушала, когда Лиззи представляла вас. Вы, должно быть, сын...

Он снова присоединился к ней и вместе они нараспев закончили:

— Леонарда Морриса.

Рекс сказал:

— Я начинаю сильно уставать от того, что я сын моего отца.

В выражении ее лица и в ее голосе появилось что-то новое.

— Не стоит, — сказала она.

— Нет, конечно же, если говорить серьезно, он не из тех стариков, удержаться от любви к которым легко.

Паула Клейн почти прошептала:

— А теперь о том вопросе, который вы задали. Мой дедушка был одним из последних, кто выступал против религиозных уний Темпля.

— Ясно, — неуверенно произнес Рекс.

Она продолжала.

— Он исповедовал одну из старых религий до самого своего конца, хотя его понизили в должности до обычного Инженера.

Затем она задумчиво добавила:

— Потребуется еще много времени, чтобы изгладились из нашей памяти ошибки прошлого.

Рекс смущенно заметил:

— Мне кажется, нехорошо, если нас кто-нибудь услышит, Технола Клейн.

Она как-то странно посмотрела на него, но затем быстро тряхнула головой и сказала:

— Послушай, как ты относишься к тому, чтобы выбраться отсюда и поговорить?

Он улыбнулся.

— Лучшего предложения я не получил за целый день.

— Следуй за мной. Я хорошо знаю эту квартиру. Здесь есть черный ход, и никто не увидит, как мы уйдем отсюда.

Рекс Моррис пожал плечами. Этот прием, как и дюжины других, которые он уже посетил вместе с дядей, не был особенно значительным. Дядя Билл пustил в ход свои связи, извлекая из своих контактов все, что можно. Некоторые высокопоставленные лица из Функциональных Рядов и Темпль были здесь сегодня, но личное присутствие Рекса на этой сцене не было особенно необходимым.

ГЛАВА II

Паула шла впереди. Они прошли через зал, выскользнули за дверь и очутились в стерильной бело-желтого цвета комнате со множеством кабинок, столиков и других предметов, назначение которых Рексу было неизвестно.

— Ради Великого Скотта, скажи, что это такое, — спросил он.

— Это кухня, — ответила она.

— Кухня? Там, где готовят пищу? И это в частном доме и в наше время?

— Лиззи помешана на антиквариате, — сказала она. — А также на старом образе жизни. Пойдем. Этот черный ход — служебный. Я часто в детстве играла здесь. Лиззин муж был прекрасным человеком — как и она, конечно же.

Она провела его через черный ход к служебному лифту.

Они вошли в лифт и Паула произнесла:

— Служебное помещение, пожалуйста.

— Выполнено, Технола Клейн.

Она пояснила удивленному Рексу:

— Он все еще распознает меня, спустя столько лет.

С головокружительной скоростью лифт опустился на два уровня под землю. Они вошли в одно из служебных помещений здания, и Паула, по-прежнему хорошо ориентируясь, вышла к блоку вызова ФР транспорта и набрала код для вызова двуместного авто на воздушной подушке.

— По моим представлениям, — сказала она, когда они ожидали авто, — в вашей части Техната еще должно было сохраниться некоторое количество личных автомобилей.

— Не так много, наверное, как ты думаешь, — ответил Рекс. — В Таосе есть свой гараж ФР транспорта. Конечно, наш дом находится в четырнадцати километрах от города, и требуется время, чтобы туда добраться. А приобретя собственную автомашину, чувствуешь свои ограниченные возможности. Ведь пользуясь услугами гаража ФРТ, можешь выбирать любую модель: сегодня — гоночную скоростную, завтра — восьмиместный лимузин, потом — грузовик-пикап или четырехместный седан.

— Конечно, — сказала Паула. — Мой дедушка помнил еще то время, когда автомобили были, главным образом, личного владения, за исключением такси и арендемых машин. Он рассказывал, что улицы были так запружены транспортом, что движение было практически парализовано и негде было даже запарковать машину. Это было, наверное, до появления подземок и автоматизированных дорог. А вот и наш автомобиль.

Двухместный, управляемый робом автомобиль на воздушной подушке съехал по наклонной плоскости и подъехал к ним, вплотную приблизившись к обочине тротуара в том месте, где они стояли. Дверца автоматически открылась.

Паула села на сиденье возле ручного управления.

— Я поведу, — сказала она. — Я знаю город лучше тебя.

Рекса слегка удивило то, что она просто не набрала код их места назначения. Но он только спросил:

— Послушай, а куда мы едем?

— Увидишь, — хихикнула она. — Мое предложение состояло в том, чтобы отправиться “куда-нибудь” и там поговорить. Вот мы и поедем куда-нибудь и поговорим. Они вписались в городское движение на одном из самых низких уровней, и Паула набрала код.

Спустя десять минут они уже были у выхода на поверхность возле их места назначения, неизвестно, правда, какого. Они выехали в сам город. Рексу не было знакомо это место, что было не очень удивительно, так как он в городе всего лишь неделю. Но, по-видимому, он легко бы мог найти его. Это был один из не слишком шикарных развлекательных центров типа ночной клуб-ресторан-бар.

Паула снова перешла на ручное управление, продвинула машину немного вперед и затем приблизилась к обочине. Они вышли, и она отпустила автомобиль, который остался ждать следующего вызова. Дальше они пошли по узенькой уличке.

Рекс с интересом оглядывался по сторонам.

— Это, наверное, одна из самых старых улиц города.

— Я думаю, да.

— Послушай, черт возьми, куда мы в конце-концов идем?

Она загадочно улыбнулась. Фактически, впервые он увидел ее улыбку. Она продолжала улыбаться, и он вдруг почувствовал, что не прочь видеть ее улыбку и в будущем.

— Ты все увидишь сам, мистер Сын Леонарда Морриса.

Рекс тяжело вздохнул.

Они вошли в среднего размера и непонятного назначения здание, какие строились до эпохи высотных домов и суперквартир. Рекс вначале решил, что это один из домов, принадлежащих классу Исполнителей. Но даже если это так, все равно много непонятных вещей. Они прошли по

коридору несколько ярдов и вошли, по-видимому, в служебный лифт. Опустились на два уровня и очутились в маленькой комнатке без мебели и Паула стала перед переговорным экраном.

Какой-то голос произнес:

— Мы узнали тебя, Паула Клейн, но кто этот незнакомец? Он не наш член.

— Я могу поручиться за него, — нетерпеливо сказала Паула.

Рекс Моррис почувствовал, что впадает в раздражение. К чему это все приведет? Это решительно ему не нравилось. И у него не было ни малейшей догадки ...

Голос продолжал:

— Может быть ты и можешь поручиться за него, иначе бы ты не взяла его с собой ... Но, Паула Клейн, ты знаешь правила нашего заведения, и этот представитель класса Технологов незнаком нам.

Она сказала с нетерпением:

— Я говорю тебе, он совершенно безопасный. И, как тебе хорошо известно, я сама принадлежу касте Технологов.

— Но откуда мы знаем. Извините, сэр, но это частное заведение и...

Паула оборвала его:

— Это Технол Рекс Моррис, сын Героя Техната Леонарда Морриса. Этого достаточно для тебя?

Наступила долгая минута молчания.

Затем голос произнес, как бы извиняясь:

— Добро пожаловать в нашу разговорную, Технол Моррис.

Паула сердито фыркнула, пошла вперед, показывая путь, и остановилась у тяжелой, обитой войлоком двери, которая уже плавно раздвигалась.

— Разговорня, — повторил невольно Рекс.

ГЛАВА III

Она повернулась к нему с озорной улыбкой на губах и с некоторым видом триумфа.

— Я говорила тебе: поедем куда-нибудь, где мы сможем поговорить. Где же еще в Великом Вашингтоне можно поговорить, как не в разговорне?

— О, Великий Скотт, — пробормотал Рекс.

Внутри оказалось не менее полудюжины комнат различного размера. И в каждой из них было по полдюжины круглых столиков. Рексу они отдаленно напоминали столики для игры в покер, но только они были большего размера. За каждым столиком могли удобно разместиться около дюжины человек. Возле некоторых из них, однако, было вдвое больше человек, и они сидели или стояли. В центре каждого стола был автобар и, наверное, около половины посетителей клуба попивали кофе или другие напитки.

Но привело их сюда, разумеется, не желание выпить.

— Пойдем туда, — сказала ему Паула, и ее темные глаза сверкали.

И затем шепотом:

— Здесь только одно простое правило. Ты не должен никому возражать — ни в коем случае. Ты имеешь право говорить все, что пожелаешь, но все остальные имеют такое же право.

Рекс Моррис с печальным видом прокашлялся.

— Послушай, я бы попросил тебя не представлять меня по фамилии.

Она странно посмотрела на него.

— Хорошо, но ты можешь доверять этим людям. Они в одной с тобой лодке. Я назвала твою фамилию у входа, чтобы нас пропустили. Отныне тебя всегда будут пускать, даже если ты захочешь прийти сюда сам.

Они подошли к столику, окруженному плотным кольцом собеседников старшего возраста. Многие из них спокойно сидели и слушали, покуривая трубку или сигарету или же попивая кофе или пиво. Царила атмосфера расслабленности. Как раз в этот момент один из них решительно выдвинулся вперед. Это был худой и ершистый Старший исполнитель.

— Я спрашиваю, почему? — сказал он. — Почему, почему и почему? И никто не может ответить. На низких уровнях религиозной веры мы доходим до смешного. Нам объясняют, что есть высшее существо или существа, которые создают весь мир и человека, а затем проводят время в наблюдении за ним, как обычно требуя поклонения. Если человек “хороший”, после смерти он вознаграждается навеки вечные; если же он “плохой”, он карается навеки

вечные. Явно детская концепция, возникшая первоначально в примитивных умах. Более того, что такое "хорошо" и что такое "плохо" обычно произвольным образом определяется духовенством.

Он перевел дыхание и продолжил:

— И очень часто их решения относительно того, что грешно, а что праведно, диктуются их собственными материальными выгодами.

Один из слушателей что-то пробормотал в этот момент, но было неясно, соглашался он с выступающим или нет.

Выступающий обратился к нему:

— Большой редкостью в истории являются случаи, когда духовенство не держало в своих руках общественного богатства. Есть исключения, но лишь исключения. Религиозное движение может возникнуть среди мечтателей и идеалистов, живущих добровольно в бедности. Иисус и его ближайшие ученики тому пример. Но примерно через столетие, когда новая религия завоевывает множество последователей, появляется новое поколение религиозных лидеров, живущих за счет страны.

Другой из слушателей заметил:

— Мне кажется, вы отклонились от своей первоначальной темы.

— Отнюдь. Мой вопрос, который я задаю всем религиям — почему? На таком низком уровне персонифицированных богов ситуация наиболее очевидна. Бог создает человека, навязывает ему почти невыполнимые правила, особенно в такой сфере, как, скажем, секс, а затем карает или вознаграждает по делам его. Но почему? Почему всесильного Бога это должно волновать? Вопрос остается в силе на любом уровне религиозной мысли. Если существует высшее, управляющее миром существо, что движет им? С какой целью он создал такое глупое и жалкое творение, как человек?

Один из слушателей постарше вынул изо рта трубку и мягко сказал:

— Тот факт, что мы не можем ответить на ваш вопрос, не означает, что ответа нет. Возможно, для Божества ответ очевиден. А возможно, по какой-то причине он не хочет, чтобы мы знали, почему он создал нас. И наконец, возможно, мы обречены никогда и не узнать этого.

Рекс Моррис отвел Паулу Клейн на несколько ярдов в сторону от стола. У него были пересохшие губы.

— Послушай, — прошептал он, — если бы Темплю стало известно об этом разговоре, эти мужчины были бы арестованы и, наверное, потеряли бы статус. Их могут изгнать из Техната или даже...

— Посадить в тюрьму или применить к ним силу, — Паула закончила фразу за него.

— Да, именно это я имел в виду, — сказал он озабоченно. Она улыбнулась.

— Боюсь, что примеру, который подал твой отец, последовала наиболее интеллектуальная часть нашего общества. Это отнюдь не единственная разговорня в Великом Вашингтоне. А в каждом городе есть свои разговорни.

— Но какой в этом смысл? Рано или поздно Темплю удастся сломить этих мужчин. Нельзя говорить таких вещей, какие они говорят.

— Дело не только в Темпле. Какими, например, спорными вопросами интересуешься ты?

— Я? Ну...

— Пойдем вон туда. Я знаю того парня, который сидит в углу за столиком; думаю, что он развеселит тебя.

Рекс Моррис поднял к небу глаза, как бы в знак протesta, но последовал за ней.

— Материнство, — произнес, усмехаясь, грузный и бледный Младший исполнитель. — Что такого есть в каждой матери, что автоматически превращает ее в объект почитания и обожания? Возьмите какую-нибудь неряшливую, недовоспитанную и недообразованную, неискреннюю и несимпатичную девчонку восемнадцати лет и позвольте ей забыть принимать свои пилюли — и девять месяцев спустя — о, чудо из чудес — она превращается в настоящую святыню, которой поклоняются. Она ведь мать! Скажите что-нибудь против материнства, и толпа будет жаждать вашей крови. Это не значит, что я защищаю отцов. По моему мнению, ни один человек из ста не способен принимать участие в воспитании молодого поколения. В голове у них путаница, способностей никаких, словом, продукт им же подобных родителей.

Он выразил всем своим видом отвращение и погрузился на время в молчание.

Паула лукаво спросила:

— Разве вы не любите свою мать, Исполнитель?

Он взглянул на Паулу и снова поморщился.

— Я люблю ее, наверное, но я знаю также ее недостатки. Боже, как она страдает. Мученица. Сколько лет своей жизни она отдала детям. Как жестоки они, не понимают и не ценят ее. Типичный пример!

Кто-то из сидевших за столом сказал:

— Если вы полагаете, что родители не способны воспитывать детей, то кем вы предполагаете их заменить?

— Подготовленными профессионалами, конечно. Так же, как мы выявляем способных к тому, чтобы стать инженерами, пилотами, учителями, художниками и т.п., давайте начнем выявлять тех, кто имеет способность растить детей.

Рекс тряхнул головой.

— А что там? — спросил он шепотом у Паулы, кивнув в сторону стола, вокруг которого не только сидели, но и стояли люди.

— Не знаю, — прошептала в ответ она. — Давай походим от стола к столу, пока ты не найдешь что-нибудь интересное для себя. И тогда ты либо послушаешь, либо поговоришь с ними, если захочешь.

Это был не монолог на этот раз, а небольшой диспут.

— Я не страдаю узостью взглядов. Я не горю желанием сжигать гомосексуалистов на костре. Если их, скажем, вкусы отличаются от моих, это их личное дело.

Он наклонился вперед и указал пальцем на молодого человека, сидевшего напротив него.

— Однако такого рода добровольные отношения между взрослыми — это одно. Но я никак не могу одобрить тех взрослых, которые соблазняют молодых людей, которые в противном случае могли бы остаться нормальными.

— Что же вы понимаете под словом “нормальный”? — спросил его раздраженно другой. — Дайте мне определение понятия “нормальный” применительно к сексу.

— Вы знаете, что я имею в виду. Основным предназначением сексуального акта является воспроизведение рода. Это — нормально. Если вы начинаете действовать вопреки этой конечной цели, вы покушаетесь на род человеческий. Если гомосексуалист соблазняет нормального мо-

лодого человека или женщину, он посягает на их потомство.

— Смешно слушать, — сказал кто-то. — Неужели Кинсей прожил впустую? Ведь хорошо известно, что практически каждый имеет некоторую склонность к гомосексуализму. Человечеству не угрожает опасность только потому, что не каждый может приспособиться к обычной сексуальной практике. Разве греки Золотого века неправлялись с задачей воспроизведения рода? Конечно, справлялись. Более того, у них был такой высокий прирост населения, что они вынуждены были мигрировать в колонии по всему Средиземноморью. А как вы знаете, гомосексуализм процветал в Древней Греции.

На стене вспыхнули красные лампочки, и комната моментально замерла.

Последний из выступавших тяжело вздохнул:

— Облава. А я на поруках после того, как последний раз попался.

Паула быстро окинула взглядом комнату. Все члены разговорни были уже на ногах и ходили кругами в нерешительности.

То тут, то там раздавались голоса и даже крики. Все смешалось. Где-то в отдалении раздался звук тяжелого удара, по-видимому, была высажена дверь.

Кто-то вскрикнул:

— Как же нам выбраться отсюда? Они заходят и через передние, и через задние двери.

— О Великий Скотт, — вырвалось у Рекса Морриса. — Нас схватят. И я никогда теперь не получу приличного назначения.

Паула Клейн взглянула на него несколько странно и скомандовала:

— Следуй за мной. Сюда, вот сюда.

Он последовал за ней через несколько комнат и небольшой коридор, из которого они попали в крошечный кабинет. Кроме одного стола и двух прямых стульев в нем из мебели ничего больше не было. На стене, правда, висел почему-то портрет Высшего технолога.

За столом сидел краснолицый мужчина среднего возраста в форме Старшего исполнителя. Всем своим видом он выражал возмущение.

— Облава, — с горечью произнес он. — Вторая за этот месяц. Что там у них стряслось в ФРБ, если их Технологи так выслуживаются? Привет, Паула.

Он взглянул на Рекса.

— Кто это?

Паула сказала с нетерпением:

— Майк, это сын Леонарда Морриса. Он недавно у нас в городе. Ты прав относительно Технолога Мэтта Эдже-вортса. Он изо всех сил хочет заполучить пост Первого Технолога и пытается разрекламировать себя. Если он схватит Рекса в разговорне, он может взять его на заметку. Ты сам знаешь. Кроме того, Рекс пока не установил связи ни с одним из Функциональных Рядов. И у него нет такой организации, которая могла бы взять его под защиту, если он попадет в технатовский суд. Майк, ты должен предпринять что-нибудь.

Майк кивнул головой в направлении тех комнат, откуда только что пришли Паула и Рекс.

— Каждому из тех, кто там остался, кажется, что у него есть особые причины не быть схваченным. Почему вам кажется, что вы не такие, как они?

— Майк, это не кто-нибудь. Это сын Леонарда Морриса. Если его схватят, об этом будут трубить на каждой станции Техната. И это будет еще один удар по его отцу, а, как мне кажется, этот человек получил их уже достаточно от нашего общества.

Майк, очевидно, быстро принимал решения и быстро действовал. Он был уже на ногах.

— Хорошо, идите сюда. Ты сама в уязвимом положении, Паула.

Он открыл дверь стенного шкафа для одежды.

— Я пользовался этим ходом всего лишь два или три раза. Возможно, полиция знает о нем. А может и нет. Я даже сам не воспользуюсь им. Это только на случай крайней необходимости. Желаю удачи, Технол Моррис.

Рекс пробормотал в ответ:

— Спасибо, Майк.

— О, Великий Говард, поторопись же, — сказала Паула.

В коридоре послышались чьи-то тяжелые шаги.

Она сняла и отбросила два или три пиджака, чтобы добраться до небольшой потайной двери. Паула надавила на

нее, и дверь отворилась, как раз в тот момент, когда Майк закрыл за ними дверь шкафа.

Стало темно.

— У тебя есть фонарь? — спросила она шепотом. — Я не вижу своей руки прямо перед лицом.

Он зажег свой фонарь, и они смогли продолжить свой путь по очень узкому проходу. Заканчивался он нормальной на вид дверью, которая вела в коридор. Он был освещен.

Паула сказала:

— Я не имею ни малейшего представления о том, где мы находимся и как нам отсюда выбраться.

— Нам остается только пробовать, — сказал Рекс. — Похоже, что это какие-то склады. Надеюсь, мы ни на кого не натолкнемся.

Вскорости они нашли лестницу и поднялись по ней. Лифтов, по-видимому, не было. Поднявшись на два этажа, они очутились в вестибюле, очевидно, небольшой гостиницы, возможно, для Старших исполнителей и ниже.

Гостиница была новая, полностью автоматизированная, поэтому из обслуживающего персонала было только пару дежурных, которые смотрели на них с большим удивлением. Это было отнюдь не то место, где можно было ожидать появления парочки ранга Технолов.

Паула и Рекс не обратили на них никакого внимания и направились к центральному выходу. Они задержались ненадолго в дверях, чтобы оглядеться по сторонам.

На улице они увидели с полдюжины Исполнителей ФРБ, находящихся в распоряжении представителя полиции Безопасности в ранге Инженера. Они, по-видимому, охраняли вход в разговорную, в то время, как другие члены их команды проводили внутри облаву. Тут же были выгодным образом запаркованные пять или шесть машин, некоторые из которых предназначались для перевоза арестованных.

Пешеходы проходили мимо с устремленными вперед глазами, словно не замечая, что происходит что-то необычное. Чувство боязни быть вовлеченным во что-нибудь было сильно развито у жителей Техната.

Рекс сказал:

— Как ты думаешь, может быть нам лучше вернуться в гостиницу и переждать в вестибюле, пока здесь все кончится?

Паула Клейн задумалась, покусывая губы.

— Нет, — сказала она. — Они могут обнаружить ту потайную дверь в шкафу у Майка и воспользоваться ею. Если они найдут нас здесь в одежде ранга Технолов, они сразу же догадаются, что мы убежали из разговорни. Пойдем отсюда, возьми меня под руку.

Пытаясь выглядеть беззаботными и делая вид, что их появление в гостинице низшей касты было в порядке ве-щней, Рекс Моррис и Паула Клейн вышли на улицу, сме-шались незаметно с другими прохожими и пропдефирирова-ли мимо сотрудников ФРБ.

По крайней мере, им хотелось надеяться, что они ос-тались незамеченными. Однако Инженер вдруг прищурил-ся, пробормотал что-то своим ребятам, и весь отряд застыл в напряженном ожидании. Паула кивнула им и продолжи-ла свой путь, как ни в чем не бывало.

Когда они прошли по улице футов сто, Рекс, уставив-шись на Паулу, спросил:

— Что все это значит?

Паула покусывала губы.

— Черт возьми, этот дурак видел, как я выходила с тобой из гостиницы.

— Ну и что? Меня интересует, что означает это при-ветствие. Вместо того, чтобы арестовать нас, они обошлись с нами, как с важными персонами.

Паула нетерпеливо сказала:

— Клейн, Клейн. Неужели тебе не знакома эта фамилия?

Рекс остановился и продолжал внимательно смотреть на нее.

— Ты хочешь сказать, что Уоррен Клейн — твой муж?

Первый Технолог Функционального Ряда Безопасности?

— Не муж, а брат. О Великий Говард, он будет в не-годовании. Он уже предупреждал меня держаться подаль-ше от разговорень, учитывая его положение.

ГЛАВА IV

Утром за завтраком Уильям Моррис был назойливо лю-бопытен.

— Мы как-то потеряли тебя из виду на приеме у Лиз-зи. Я подумал было, что ты отправился побродить с Надин

Симс, но потом я заметил, что она продолжала танцевать с Технологом Эджевортом.

Рекс в это время заказывал себе черепашки яйца и морскую свинку, гренки, масло и кофе.

— Угу, я вышел погулять с Паулой Клейн.

Дядя поджал губы.

— С Паулой Клейн, говоришь. Да, она миленькая. Однако...

— Что однако? — нахмурился Рекс.

— Откровенно говоря, она довольно сумасбродна, насколько я знаю. Она приводит своего брата в отчаяние. У тебя проглядывает некоторая тенденция завязывать контакты с молодыми дамами, связанными с ФР Безопасности, Рекс. Ты думаешь, что... — он не закончил фразы.

Рекс получил из автостола заказанные им блюда и принялся за них.

— Китовое масло, — произнёс он. — Ты знаешь, что отец производит настоящее масло у нас возле Таоса?

— Настоящее масло? О, это большая редкость, даже на столах у Первых Технологов. Я ел у одного из них на прошлой неделе. Ты имеешь в виду коровье масло? У твоего отца связи с зоопарком?

— Я имел в виду козье масло. Одна из любимых шуток отца в последнее время — говорить людям, что он — последний фермер. У него дойная коза, одна из трех или четырех последних коз в области. Это у него как хобби. Очень много хлопот с выпасом и другими вещами, но он получает от этого удовольствие.

— Старина, — сказал дядя, широко раскрыв глаза. — Я расскажу Лиззи об этом. Она умрет от зависти.

Голос роба произнес из стенного переговорного устройства:

— Инженер Ланс Фредрикс из Функционального Ряда Безопасности — к услугам Технолога Уильяма Морриса и Технола Рекса Морриса.

Уильям Моррис поднял брови.

— Безопасности? Чего еще нужно Инженеру Безопасности от меня?

Рекс нервно произнес:

— О-о.

Дядя перевел глаза на него.

— У тебя есть что-то, о чем мне следует знать?

Рекс отложил вилку и смущенно посмотрел на своего старшего собеседника.

— Боюсь, что я свалил дурака. Надеюсь, что это не пошатнет твоего положения.

— Моего положения? Не смеши меня. Я на пенсии. Что произошло?

— Я был вчера в разговорне, дядя Билл. А там была облава из ФРБ. Я думал, мне удалось выбраться незамеченным, но, очевидно, нет. Я сильно вляпался?

— Разговорня! Нет и недели, как ты в городе, а уже посещаешь разговорню. О Великий Говард, ты явно идешь по стопам отца!

— Меня повели. Я слышал, конечно, раньше о таких местах, но никогда не бывал. В наших краях их нет. Наверное, мне следовало немедленно покинуть ее, но мне было любопытно.

Уильям Моррис поднял к небу глаза.

— Ладно, пусть войдет чиновник и все объяснит. Однако, мне кажется, Рекс, что учитывая, э-э, репутацию твоего отца, тебе бы следовало быть более осмотрительным.

— Виноват, дядя Билл.

Дядя повысил голос:

— Впустите Инженера Фредрикса.

— Выполнено, — ответил голос роба.

Дверь отворилась, и в комнату вошел гладко выбритый, хорошо сложенный Старший инженер в форме ФР Безопасности. Остановившись в двух футах от двери, он щелкнул каблуками и выпалил:

— Мое почтение Технологу Моррису.

— Вольно, вольно, — пробормотал Уильям Моррис.

— Садитесь, Фредрике. Хотите кофе? Натуральный кофе из Южно-американского Техната.

Инженер Фредрикс поразился:

— Натуральный кофе?

Уильям Моррис хихикнул:

— Да, с бразильских плантаций на гидропонике. Вы почувствуете, Фредрикс, что ранг дает привилегии. Особенно после того, как вы заслужите свое собственное назначение в ранг Технолога, да?

Человек из ФР Безопасности несколько смущенно сел и взял чашечку кофе, заказанную для него хозяином. Прокашлялся и сказал:

— Да, сэр, благодарю вас. Мне, собственно, нужен Технол Моррис.

Хозяин дома предложил гостю сахар и сливки и сказал посмеиваясь:

— Я так и понял. Мой племянник как раз перед вашим приходом рассказал мне, что вчера его случайно затащили в разговорню.

— Да.

— Случайно, — повторил Уильям Моррис. — Высшей степени глупость. Я уже сказал ему об этом.

Инженер Фредрикс чувствовал себя смущенным.

— Дело в том, сэр, что я получил приказ задержать Технола Морриса...

Уильям Моррис замахал рукой.

— Не беспокойтесь, молодой человек. Я свяжусь с вашим Технологом и все уладжу.

Рекс Моррис впервые за все это время сказал:

— Дядя Билл, я не хотел бы прятаться за твоей спиной в этом деле. Я допустил ошибку и я должен ответить за это.

— Предоставь это мне, мой мальчик. Ты слишком недавно в городе, и тебе не к чему пятнать свое имя. Это может помешать тебе получить подходящее назначение.

Дядя Билл повернулся к чиновнику Безопасности.

— Если я не ошибаюсь, Мэтт Эджеворт — ваш начальник. Я позову ему сразу после завтрака.

Фредрикс ерзал на стуле, видно, сожалея о том, что не устоял против соблазна выпить чашечку кофе. Трудно быть при исполнении обязанностей по отношению к тому, чье гостеприимство принимаешь. Он сказал:

— Сэр, у меня есть приказ доставить Технола Морриса в штаб.

— Вот как, — холодно произнес старший Моррис. — Может быть, вы лучше дадите мне номер телефона вашего Технола, Инженер Фредрикс? Я не потерплю такого солдафонского отношения к моему гостю и родственнику.

Чиновник ФРБ вскочил со своего места, лицо его вспыхнуло.

— Сэр, Технолог Эджеворт лично руководит операциями по борьбе с разговорнями. Статистика показала, что число их удвоилось за последний год. Технолог был возмущен сегодня утром, когда узнал, что Технола Морриса, прибывшего в город всего несколько дней тому назад, уже видели в одной из них. Сложность ситуации в том, что у него особый статус защиты, в силу выдающегося положения его семьи.

— Я же вам сказал, что моего племянника привели в это место без его согласия. Он не виноват.

— Кто же его привел? — допытывался чиновник Безопасности.

Рекс пробормотал:

— Я могу сказать вам. Я против подобных мест и не собирался их посещать. Меня привела туда Технола Паула Клейн.

— Рекс... — произнес дядя.

— Паула Клейн? — тупо повторил чиновник.

Наступила долгая минута неловкого молчания. Наконец, Старший инженер Ланс Фредрикс щелкнул снова своими каблуками.

— Я доложу начальству. Мое почтение, Технолог Моррис. Могу я просить вашего разрешения покинуть вас?

— Разумеется.

Перед тем, как покинуть их, чиновник Безопасности бросил быстрый взгляд на Рекса Морриса. Легкое презрение было в этом взгляде.

После его ухода Уильям Моррис смущенно сказал:

— Ты думаешь, это было необходимо, Рекс? Паула немного своеобразная, но она хорошая девушка.

Рекс пожал плечами и намазал маслом еще один кусочек подсущенного хлеба.

— Что ей будет, если у нее брат Первый технолог Безопасности? Каждый заботится о себе. Этот носатый Технолог Эджеворт не осмелится впутать в скандал члена семьи своего начальника.

— Возможно, — сказал дядя, все еще смущаясь.

Рекс сказал:

— Послушай, как они узнали, что я был в разговорне? Нам ведь удалось уйти.

— Это было место, принадлежащее касте Исполнителей?

— Думаю, что да. Кажется, мы были там единственны из класса Технологов. Было там еще пару Инженеров.

Старший Моррис выразил неудовольствие.

— Эти разговоры касты Исполнителей нашпигованы полицией. Обо всем там происходящем немедленно докладывается.

— Но почему же тогда они все это терпят? Почему этот Технолог Эджеворт не прикроет их все за один раз?

— Наверное, потому, что известное зло, которое можно контролировать, лучше неизвестного. ФР Безопасности знает, что некоторая часть населения обсуждает спорные вопросы. Лучше проконтролировать, чем попытаться подавить полностью. Когда кто-нибудь заходит слишком далеко и начинает представлять угрозу, его хватают и принимают меры.

Рекс с недоверием тряхнул головой.

— Что я могу сказать — я могу понять, что лучшие умы Техната, например, в лице Высшего Технолога и других деятелей высокого ранга — Первого Технолога, то есть тебя, Технологов — могут счесть необходимым обсудить спорные вопросы, но я не понимаю, как можно позволять это низам, например, ранга Старшего инженера.

Дядя пробормотал:

— Так оно всегда и бывает, мой мальчик. Каждый склонен думать, что именно его нельзя ограничивать в его мыслях и речах, а всех, кто ниже его, можно.

— Дядя Билл, сказал Рекс Моррис, явно шокированный. — Ты, наверное, шутишь.

Дядя цинично продолжал:

— Следующий раз, когда ты захочешь побывать в разговоре, не ходи, пожалуйста, в те, которые для низшей касты. Они существуют на всех уровнях, мой мальчик: для Исполнителей, Инженеров и Технологов. Когда у тебя возникнет необходимость, обратись ко мне.

Молодой человек смотрел на дядю широко открытыми глазами.

— Ты хочешь сказать, что сам бываешь в одной из них?

Он быстро огляделся по сторонам.

Уильям Моррис хихикнул:

— Ни микрофонов, ни подслушивающих устройств здесь нет, Рекс. Ты должен осознать, что одна из главных привилегий моего ранга, даже когда я на пенсии, заключается в том, что за моим домом нет наблюдения. Ты можешь говорить здесь так же свободно, как в разговорне, к тому же с большей степенью безопасности.

ГЛАВА V

Рекс сказал:

— Ну, конечно, я понимаю, что ранг имеет свои привилегии.

Дядя был все еще, очевидно, в состоянии раздражения после разговора с Инженером Безопасности, вторгшимся в его частную жизнь. Он сказал:

— Да, но я боюсь, что даже они ничего не значат в обществе, которое становится совершенно обнаженным, в обществе без интимности. Когда основатели Техната предпринимали свои первые шаги против нонконформистов, не думаю, чтобы они ожидали, что дойдет до такого.

— Дядя Билл!

— Не будь таким простофилей, мой мальчик. Одно дело, следить за собой, скажем, на приемах у Лиззи Мим, но я твой дядя, и мы находимся у меня дома. Мы оба принадлежим касте Технологов. Если мы не можем обсуждать серьезных вопросов, кто же тогда может? .

— Ну... — Рекс Моррис заерзal на своем стуле. — Я всегда находился под сильным влиянием неортодоксальных мыслей моего отца и, возможно, из чувства противоречия, ударился в противоположную крайность.

Старший Моррис его почти не слушал. Он произнес несколько задумчиво:

— Интересно, откуда это все пошло. Мы, американцы, на заре своей истории гордились своей открытостью и откровенностью. Известно ли тебе, что даже тайное голосование презиралось в первые дни Американской республики?

— Тайное голосование? — рассеянно переспросил Рекс, не проявив, очевидно, особенной заинтересованности.

— В первые годы в послереволюционной Америке, когда ввели выборы, избиратели — все мужчины, конечно, и все владельцы собственности — обычно собирались на центральной площади селения. Кандидаты присутствовали тут же, и был стол, где клерк регистрировал поданные голоса. Каждый избиратель выходил вперед и устно выражал свое решение. Кандидат, за которого он отдал свой голос, благодарил его, и голос заносился в таблицу. Каждый человек гордился тем, что он отдает свой голос, и ему наплевать на то, что все знали, за кого он проголосовал. Тайное голосование появилось позже, когда граждане начали избегать того, чтобы их начальство, их соседи или кто-либо еще знали, как они проголосовали, — из страха подвергнуться дискриминации с их стороны.

Рекс зевнул и сказал:

— Смешной способ избрания национальных правителей — голосование.

Он налил себе последнюю чашечку кофе.

Уильям Моррис в задумчивости прищурил глаза. Он продолжал:

— Я помню, как мой дедушка рассказывал о природе людей времен своей молодости. В 30-е годы было очень популярно путешествовать на попутных машинах. Была масса таких людей, у которых не было собственных автомобилей, но которые хотели путешествовать. Их неизменно подбирали. Когда времена депрессии прошли, путешествующие на попутках исчезли. Как только люди стали жить богаче, их больше стала пугать опасность потерять свое богатство; они стали бояться краж, нападений и поэтому избегали подбирать на дорогах незнакомых людей.

Рекс помешал кофе.

Дядя продолжал:

— Возрастала черствость. Исчезали старые добродетели. Помню, я читал о молодой девушке, зверски убитой в Нью-Йорке. Убийство это совершалось в течение, по меньшей мере, часа. Более тридцати человек слышали ее крики, но никто даже и не подумал хотя бы вызвать полицию. Они не хотели быть “вовлеченными”, как они это называли. Их могли вызвать в полицейский участок или при-

влечь в качестве свидетелей в суде. И они готовы были допустить, чтобы убили соседа, только чтобы избежать этого. Людей грабили и избивали в переходах или на улице, и никто не приходил к ним на помощь — из боязни быть вовлеченным.

Рекс произнес лениво:

— Как это все связано с избеганием спорных вопросов?

— Связано, я думаю. Все это ступени эволюции такого бесхребетного чуда, как современный американец. Не раскачивайте лодку. Не говорите ничего такого, что может обидеть. Избегайте обсуждать политику и религию, как бы остро они ни нуждались в этом. Говорите о ничего не знающих вещах.

— Это облегчает жизнь, — пробормотал Рекс, отпив глоток кофе.

— А разве мы к этому должны стремиться, Рекс? Твой отец так не думает.

— Ну, это отец, — фыркнул Рекс.

Дядя продолжал:

— Но это еще не все. Избегание спорных вопросов. Повидимому, именно в эпоху холодной войны оно стало господствовать. Комитет антиамериканской деятельности, эпоха сенатора Маккарти. Все были настолько запуганы тем, что их могут назвать "красными", что боялись высказываться по любому спорному вопросу. Дошло даже до того, что если вы одевались немного необычно или носили бороду, на вас смотрели подозрительно.

— Бороду, — снова фыркнул Рекс. — О Великий Скотт!

Дядя взглянул на него.

— Именно такими нас создала природа, мой мальчик. Природа украсила мужчин бородой.

Рекс рассмеялся, как бы протестуя.

— В таком случае, хотя бы в этом мы усовершенствовали природу.

Уильям Моррис вернулся к своей теме.

— Но я думаю, что доконало нас появление миниатюрных подслушивающих устройств. Они, а также Национальные банки данных, где на каждого гражданина заведено было досье, куда заносился с помощью компьютера каждый бит информации о нем. Его жизненная статисти-

ка, в том числе криминальная, если таковая была, медицинские данные, сведения из Департамента государственных сборов, его кредитоспособность, его коэффициент интеллектуальности и другие сведения об образовании. Все, что принадлежало вам, начиная с колыбели и до могилы, все попадало в ваше досье. Все теперешние разговоры прослушиваются в нашем обнаженном обществе, и в любой момент Функциональный Ряд Безопасности имеет право установить подслушивающие устройства в любой комнате, автомобиле, любом общественном ресторане или других местах встречи. Они могут записать вашу беседу на расстоянии полукилометра от вас, даже если вы идете по улице. Неудивительно, что наши люди ни на минуту не забывают об этом и постоянно контролируют свои высказывания.

Рекс отставил свою чашку и снова зевнул.

— Но, дядя Билл, ты должен признать, что это ведет к стабильности общества.

— Да, это так, — сказал дядя, немножко прищурив глаза.

— И у меня нет возражений против этого, конечно.

— Конечно, нет, — неодобрительно фыркнул Рекс, — Если вся страна ничего лучшего никогда не имела, почему у нас, представителей касты Технологов, находящихся на вершине общественной пирамиды, должны быть какие-то жалобы? О Великий Скотт, их не имеют даже Исполнители — низы нашего общества.

Старший Моррис сказал слегка изменившимся голосом:

— Надеюсь, ты не будешь впредь вести подобных разговоров, мой мальчик.

Рекс Моррис приподнял брови.

— Дядя Билл! Ты думаешь, что я собираюсь подставлять свою голову, подобно моему отцу? Такого рода разговоры я не вел бы со своей женой, если бы она у меня была. Я могу только сказать, что у тебя и у моего отца какой-то особый род генов, которые трудно удержать в повиновении. — Он засмеялся и добавил: — Слава Богу, кажется я их не унаследовал. Или лучше сказать — слава моей матери. Она, кажется, своим воспитанием избавила меня от них.

Старший Моррис заворчал и сменил тему, чувствуя, очевидно, неловкость от того, что зашел в своем разговоре так далеко. Он сказал:

— Какие планы на сегодня, мой мальчик?

Рекс Моррис, бросил салфетку в мусоропровод, вмонтированный в стол, и встал.

— Я собираюсь немного прогуляться по городу, чтобы прочувствовать его. Ты водил меня с приема на прием с такой скоростью, что я не успел увидеть ничего, кроме апартаментов твоих друзей.

— Чем больше приемов ты посетишь, тем лучше для тебя, Рекс. Именно там завязываются контакты. Великий Вашингтон — это город приемов. Держу пари, большинство решений по вопросам национальной политики и производства, а также основных должностных повышений и понижений принято на таких сбирающих, а не в конторах.

— Судя по тому, как ты ведешь себя на приемах в этом городе в течение этой недели, я могу поверить в то, что это так, — сострил Рекс. — Больше всего меня забавляет то, что никто из касты Технологов не страдает хроническим похмельем.

— Это все благодаря прогрессу, мой мальчик. Новые пилиюли для отрезвления — величайшее изобретение со времен изобретения колеса.

ГЛАВА VI

Технат Северной Америки, образованный в конце двадцатого столетия, представлял собой объединение таких существовавших в прошлом стран, как Канада, Соединенные Штаты, Мексика, Карибские острова, а также государств Центральной Америки, включая Панаму. Это было самодостаточное коллективизированное общество, не нуждавшееся ни в иностранных сырьевых ресурсах, ни в дополнительных рынках сбыта.

Вторая индустриальная революция в науке, технике и практически во всех других областях позволила решить проблему достижения изобилия продукции. А правительство Техната решило проблему распределения. Каждый его гражданин, даже занимающий самое низкое положение, от колыбели и до могилы получал не только все необходимое

для жизни, но и многие предметы роскоши. Это было богатое общество, превзошедшее мечтания великих утопистов.

Само правительство представляло собой самоуправляющую иерархию. Рекомендации снизу, а назначения сверху были основным правилом.

Во главе стоял Высший Технолог, глава Конгресса Первых Технологов, обладающий правом наложения вето на его решения. Пост Высшего Технолога был пожизненным и после его кончины Первые Технологи выбирали из своего числа нового главу правительства.

Эти выборы были единственным примером демократического процесса в технатовском обществе, так как именно в силу полного отказа от демократического принципа Технат пришел к власти. Демократия, как было решено, оказалась неэффективной в современном мире. Она привела к взяткам, коррупции и неизбежно — к власти бездарных политиков, чьи усилия направлены были на приобретение поста ради самого поста. Политические партии превратились в позорище к середине 20-го столетия, выборы — в фарс; в следующем поколении они превратились в опасный фарс.

Итак, глава правительства Техната — Высший Технолог — избирался Конгрессом Первых Технологов из двадцати пяти его членов. После кончины или ухода на пенсию одного из членов этого Конгресса, назначался новый член из рядов следующего эшелона — Технологов того Функционального Ряда, который возглавлялся ушедшим Первым Технологом.

Каждый Первый Технолог возглавлял один из Функциональных Рядов Техната, например, Транспорта, Связи, Образования, Медицины, Развлечений, Строительства или Безопасности. Работа Конгресса Первых Технологов заключалась в планировании производства и распределения в Техната, и в координации усилий двадцати пяти различных Функциональных Рядов. Это был скорее орган планирования, а не законодательный или судебный орган.

В подчинении каждого Первого Технолога было различное число Технологов, в зависимости от характера соответствующего Функционального Ряда. Разумеется, Фун-

кциональные Ряды отличались друг от друга, в соответствии с решаемыми ими задачами. Технолог отвечал за всю деятельность в данном регионе. Например, один Технолог мог быть представителем ФР Развлечений на Западном побережье, другой — на Среднем западе или в бывшей Мексике.

Основное правило гласило: рекомендация снизу, а назначение — сверху. Когда Первый Технолог умирал или уходил на пенсию, находившиеся в его подчинении Технологи рекомендовали из своих рядов кандидата на пост. Конгресс либо назначал этого кандидата, либо отвергал его кандидатуру и ожидал другой рекомендации. И так далее по иерархии. Ниже Технологов находились Старшие Инженеры, ниже их — Младшие Инженеры. Затем был большой скачок вниз — до Старшего исполнителя, Младшего исполнителя и Исполнителей, которые находились на самом низу пирамиды.

Рекомендация снизу, назначение сверху.

Против семейственности и протекционизма было следующее правило. Когда человек имеет право назначать других на должности, он не может назначить ни своих детей, ни родных, ни друзей.

Появилась новая аристократия, новый класс в обществе, которое, предположительно, было бесклассовым — были и раньше общества, которые называли себя бесклассовыми. Технаторская система, вероятно, отличалась от разделенного на классы общества в прошлом, когда высшие классы отличались от низших припадающей на них долей материальных продуктов. Класс Технологов был высшим классом, класс Инженеров средним, а класс Исполнителей низшим. Еда, одежда, жилище, медицина, образование и развлечения — все это было в изобилии для всех. Но не хлебом единным жив человек.

Общество, правление которого основано на семейственности и протекционизме, превращается в застывшее общество. Кому монарший пурпур достается по наследству, а не благодаря особым усилиям, тот мало приспособлен к деятельности. Зачем стараться, если цель достигается без каких-либо усилий.

Такое общество постепенно становится консервативным, так как самая легкая корона — незаслуженная.

Тенденция к конформизму возникла еще до появления Техната. При нем она усилилась.

Пока в конце концов...

ГЛАВА VII

Рекс Моррис вышел из квартиры своего дяди на террасе 185-го этажа и направился к лифтам. Экран лифта, к которому он подошел, распознал его, и дверь открылась.

В кабине никого не было. Рекс вошел и произнес:

— 175-й этаж, пожалуйста.

— Выполнено, Технол Моррис, — отвечал голос роба.

Дверь плавно закрылась, и кабина начала спускаться.

Рекс не переставал изумляться продуманности высотного жилого здания, в котором поселился его дядя. Когда он только приехал со своего Запада, дядя представил его автоматизированному приемному устройству в вестибюле, и с тех пор экраны компьютера на входе, в лифтах, возле двери дядиной квартиры распознавали его и пропускали. Он знал, однако, что для него существуют ограничения на передвижение, как и для любого человека в этом 200-этажном небоскребе, содержащем в целом, с учетом трех башен, свыше десяти тысяч квартир.

Ради эксперимента он однажды заказал в лифте 65-й этаж. Через несколько секунд голос произнес:

— Технолог Рекс Моррис, ваше место пребывания на 185-м этаже. Какова цель вашей остановки на 65-м этаже? Если вы идете к кому-нибудь на этом этаже, пожалуйста, назовите его имя, чтобы мы могли выяснить, ожидают ли вас.

Рекс подумал: “Будь я проклят, я бы не хотел совершить попытку кражи со взломом в этом здании.”

Но вслух он сказал:

— Ах, да, извините меня. Я задумался о чем-то другом. 185-й этаж, пожалуйста.

— Выполнено, — произнес голос роба.

На 175-м этаже он вышел из лифта, пересек коридор, подошел к экспресс-лифтам и сел в один из них. Снова в кабине никого, кроме него, не было.

— Первый этаж, — сказал он и немного присел, чтобы приоровиться к скоростному спуску. Он все еще не приyыв к сумасшедшей скорости этих лифтов.

Иногда он задумывался о жизни в сегодняшних городах, напоминавших муравейник. В этом здании проживает около сорока тысяч жильцов, и мало кто из них имеет такие просторные апартаменты, как дядя. На низших уровнях, конечно, квартиры, принадлежащие касте Исполнителей, были очень маленькими. Особенно у одиночек или семей без детей. Их называли мини-квартиры, и хотя Рекса восхищала их продуманность и компактность, его передергивало при мысли о проживании в одной из них. Сейчас он с тоской вспомнил об одноэтажном доме отца из саманного кирпича в той части Техната, которая раньше называлась Нью-Мехико.

На первом этаже он вышел из лифта в вестибюль, отведенный для жильцов касты Технологов в этой башне небоскреба, и впервые со времени выхода из квартиры Уильяма Морриса натолкнулся на парней-Технологов. Одеты они были одинаково — в сером, как и все Технологи, и со значком своего класса, который сразу же позволял отличить их от Инженеров и Исполнителей. Многие из них казались чем-то озабоченными и спешили, видимо, в офицы, лаборатории, школы и т.п.

Рекс не завидовал им. Он подозревал, что ни один из пяти не работал на той работе, которая ему действительно нравилась. В Технате член класса Технологов получал назначение в той области, где он имел контакты и связи, и не обязательно в том Функциональном Ряду, где ему хотелось бы работать. Рекс иногда подумывал, не был ли счастливее в своей работе какой-нибудь Исполнитель, чье положение в значительной мере обусловливалось его способностями. Он прошел через роскошный мраморный выход и приостановился на ступеньках в нерешительности. Рекс решил прогуляться по центру города, где размещались, главным образом, правительственные здания и памятники прошлого. Старый Вашингтон был сохранен почти в целости — настоящий музей. Поэтому Белый Дом был все еще официальной резиденцией Высшего Технолога, хотя, по слухам, он проводил там очень мало времени.

Рекс взглянул в направлении памятника Вашингтону и подумал, что это слишком далеко, чтобы идти пешком. Он решил было спуститься на эскалаторе и подъехать на каком-нибудь двадцатиместном быстроходе на воздушной подушке, но передумал. Он не так уж торопился и, в действительности, испытывал некоторый страх перед автоматизированными подземными дорогами, которые, правда, полностью решили проблему транспорта, которая прежде доставляла много хлопот.

Он направился к ближайшему блоку Функционального Ряда транспорта и вызвал наземное одноместное авто.

Когда это авто плавно подкатило к обочине, он вошел в него и пробормотал:

— Памятник Вашингтону.

Как члену касты Технологов ему не нужно было пользоваться своей универсальной кредитной карточкой. Уже давно было решено властями, что выгоднее обеспечить бесплатный транспорт для всех Технологов с тем, чтобы они не отвлекались на такие мирские заботы.

Голос роба произнес:

— Выполнено, — и маленький автомобиль на воздушной подушке вписался в движение и поехал через парк — вокруг жилого здания в направлении памятника-обелиска первому президенту бывших Соединенных Штатов.

Весь тяжелый и весь скоростной транспорт был, естественно, на нижнем уровне, и поэтому здесь, наверху, было очень мало машин, особенно в такое время дня. Позже здесь будет больше детей на игровых площадках; пешеходов, которые вышли подышать воздухом; молодых парочек, прогуливающихся рука в руке, подобно молодым людям во все времена, с тех пор, как Ог, пещерный человек, зажег искру в своей, понравившейся ему подруге.

Рекс Моррис не спешил. Но быстрее он и не мог бы ехать. Уличный транспорт передвигался максимум со скоростью 25 км в час, за исключением официальных и полицейских машин. Автомобильные аварии отошли в прошлое.

Рекс заметил только один автомобиль за собой, в тот момент, когда его машина вынырнула из парка, окружавшего дядин дом, и въехала в парк возле следующего не-

боскреба. Этот другой автомобиль, тоже одноместный, был серого цвета, так характерного для Технологов.

Возле памятника он решил не выходить из машины и дал указание объехать вокруг памятника. Он вдруг с улыбкой подумал о том, что этот памятник Отцу его страны был неплохо задуман. Он в точности напоминал египетский фаллический символ.

Рекс дал указание объехать вокруг Белого Дома и подобно миллионам туристов взирал с изумлением на этот символ американской истории. Однако что-то в глубине души мучило его. Он даже не мог понять, что именно.

Он дожал плечами и направил свой автомобиль к театру Форда, где много лет назад Линкольн сыграл свою трагедию с Бутом. Сейчас это был музей, и он вышел из машины, чтобы посетить его. И вдруг он заметил, что не подалеку от него подъехал к обочине другой автомобиль — одноместный и серого цвета.

Возможно, это было совпадение. Но Рекс вдруг понял, что другой маленький автомобиль следовал за ним с тех пор, как он вышел из дядиного дома. Он нахмурился. Конечно, возможно, что этот другой просто осматривал достопримечательности, подобно Рексу Моррису, и есть вероятность, что те же самые, что и он. Однако с трудом верилось в то, что они могли посещать эти памятные места в одном и том же порядке.

Рекс Моррис прошелся взглянуть на доску для афиш, где были те же самые афиши, которые были на фасаде театра в тот трагический вечер. Он постоял возле них, задрав голову, но краешком глаза поглядывая на другой автомобиль. Из машины никто не выходил. Если бы его пассажир был туристом, интересующимся театром Форда, можно было бы ожидать, что он подъедет ближе и выйдет на тротуар.

Рекс сел обратно в машину и направился в Смитсоновский институт. Он нашел предлог посмотреть незаметно назад. Не оставалось никаких сомнений. Его сознательно преследовали. Почему? Он не мог ничего понять.

Он остановил автомобиль у автобара для касты Исполнителей.

Выходя из автомобиля, он бросил:

— Машина мне больше не понадобится.

— Выполнено, — произнес голос роба, и автомобиль снова вписался в движение, которое стало более тяжелым к этому часу и в этой части города.

Рекс Моррис приблизился к двери бара. Дверной экран распознал его, и двери раздвинулись. Он вошел и огляделся. Он редко посещал места для класса Исполнителей. Это было не принято. Теоретически считалось, что присутствие посетителя из класса Технологов стесняет обычных завсегдатаев — как если бы, например, адмирал вошел в заведение, посещаемое обычно простыми моряками.

Исполнители и Инженеры иногда смешивались между собой, бывали случаи, когда смешивались Инженеры, особенно Старшие Инженеры и Технологи, но Технологи и Исполнители имели между собой настолько мало общего, что не смешивались никогда.

Место это было типичным. Чистое, стерильное, большие стерео-экраны на стене, настолько большие, что актеры были в натуральную величину. Расставлено было по меньшей мере пятьдесят столиков. В это время дня здесь было не более полутора десятка желающих выпить.

Рекс Моррис направился в глубь комнаты и занял столик напротив двери. Он взглянул на меню напитков, опустил свою универсальную кредитную карточку в отверстие в столе и заказал себе по коду стакан пива, которого ему, в действительности, и не хотелось. Центр стола опустился и почти тотчас же вынырнул с высоким на 10 унций стаканом с коричневатым содержимым.

Входная дверь открылась, и вошел новый посетитель. Это был здоровый тип с ничего не выражавшим лицом, который с успехом мог бы сыграть негодяя в любом стерео-шоу. Одет он был неброско, в стандартной одежде класса Исполнителей. Он не взглянул в сторону Рекса Морриса, а занял столик возле двери и внимательно стал изучать меню напитков, затем принял наконец решение и сделал заказ.

Рекс пока что ничего не понял.

Дверь с тыльной стороны бара открылась, и невысокий беспокойный мужчина в форме Младшего Исполнителя, потирая на ходу руками, устремился к столику Рекса Морриса и предстал перед ним.

— Да, сэр, — сказал он.

Рекс взглянул на него и ощутил в себе задатки надменного аристократа, прошедшие через века: римского патриция, прусского юнкера, русского боярина, британского лорда. Нос кверху, презрительный вид.

— Что ... да?

Тот неуклюже присел с извиняющимся видом и сделал легкий жест в направлении серого костюма Рекса Морриса, серого костюма класса Технологов.

— Да, сэр. Я подумал, что вы наверное ошиблись. Ведь это заведение для класса Исполнителей.

— Я знаю, что это бар для класса Исполнителей, парень, — сказал утомленным голосом Рекс. — Ты что, принимаешь меня за идиота? Но я устал, ты понимаешь? И я просто не могу двинутся дальше, пока немного не передохну.

— Да, сэр, конечно, — нерешительно сказал тот. — Сэр, в полутора кварталах отсюда есть бар для Технологов, очень хороший, я слышал. Очень шикарный, как я понимаю, сэр.

— Вполне возможно. Послушай, парень, как я понимаю, ты хочешь, чтобы я ушел?

Тот был в замешательстве.

— О, нет, сэр. Конечно, нет. Просто парни, которые заходят сюда в основном Младшие Исполнители и Исполнители, и я думаю, они будут чувствовать себя неловко в вашем присутствии.

— Ну и пусть уходят.

Рекс Моррис высокомерно окинул глазами комнату.

— Я не вижу особых проблем. О Великий Скотт, кому может помешать то, что я сижу здесь, даю отдых ногам и пью это ужасное пиво.

— Да, сэр.

Тот снова неуклюже присел и удалился в служебное помещение или еще куда, откуда он появился.

Рекс сердито фыркнул, отпил глоток пива и посмотрел на часы. Он встал и направился туда, где по всей видимости должен был быть мужской туалет. Он чувствовал, что вслед ему смотрят.

Внутри туалетной комнаты он занял 'выжидательную позицию у двери. Потянулись долгие минуты.

Дважды входили. И оба раза Рекс Моррис делал вид, что занимается привычным для любителя выпить делом,

пока он не оставался один. Тогда он возвращался на свою позицию у двери. Если он не ошибался в своих предположениях, тот другой должен был обеспокоиться его долгим отсутствием и попытаться найти тот запасной выход, через который Рекс мог уйти.

В правом кармане он держал в руке тяжелый складной нож, который он носил при себе с детства. Он сжимал его в своей ладони, придав тем самым вес и объемность своему кулаку.

Спустя долгое время кто-то вошел. Это был тот здоровяк, который вошел в бар вслед за Рексом.

Его поведение выдавало его. Он уставился на Рекса, который стоял на своем посту у двери. Глаза его заморгали, и он сделал быстрое движение назад. Слишком поздно. Автоматическая дверь закрылась за ним... Он поднял руки, как бы защищаясь. Снова слишком поздно. Рекс ударил его в челюсть, и тот, изумленный, пошатнулся назад. Рекс стукнул его снова. Мужчина подался вперед, упал на колени, тряхнув головой. Он озверел и не собирался уходить. Из горла его вырвалось какое-то бульканье.

Рекс Моррис вложил всего себя в следующий удар. Каждую унцию своего веса. Мужчина упал ничком.

Рекс бросил взгляд на дверь, быстро наклонился и стал обшаривать незнакомца. Наткнулся на бумажник, быстро открыл его и вынул его универсальную кредитную карточку.. Она была из толстого белого пластика, как у всех Старших Исполнителей, и свидетельствовала о том, что незнакомец имеет отношение к Безопасности.

Рекс, поморщась, засунул карточку назад в бумажник и положил его в карман лежащего мужчины.

Он поднялся на ноги и уставился на мужчину, быстро обдумывая ситуацию. О Великий Скотт, этого только ему не доставало. Надо же было ему, ослу, набрасываться на мужчину. После утреннего разговора с Инженером Фредриксом он мог бы и догадаться, что преследовавший его — из Безопасности. Но ему нужно было знать наверняка. На этом этапе игры неизвестность его не устраивала.

Ему пришло в голову неожиданное решение. Он проверил состояние мужчины. Прикинулся, что еще в течение минимум пяти минут он не сможет выйти отсюда. Рекс качнулся на каблуках и вышел.

Он прошагал с возмущенным видом к двери, из которой ранее появился администратор заведения, постоял там перед дверным экраном и выпалил:

— Я требую минутку внимания!

Один или два сидящих поблизости посетителей посмотрели на него, но он не обращал на них внимания, по-прежнему изображая сильное возмущение. Дверь открылась, и показалось застенчивое создание, незамедлительно начавшее приседать.

Рекс уставился на него.

— Что это за заведение у вас?

— Да, сэр. О, да, сэр. Что произошло? Пиво? Я не хочу показаться противоречивым, но иногда пиво не...

— Пиво, говоришь?

Гнев Рекса Морриса возрос.

— Ты представляешь, что сейчас произошло со мной в вашем мерзком заведении?

Тот уставился на него в полном изумлении. Кадык его пришел в движение.

— Нет, сэр... Что?

— На меня напал какой-то извращенец, или грабитель, или Бог знает кто.

— Напал?

Маленький человечек вытаращил глаза.

— Совершенно точно! Благодаря небесам я был в состоянии защитить себя. Я требую, чтобы вы немедленно сообщили об этом Функциональному Ряду Безопасности. Пусть они арестуют негодяя и отадут его под суд.

Рекс Моррис развернулся на своих каблуках и прошел к выходу.

ГЛАВА VIII

Рекс Моррис впервые осознал, что его отец сильно отличается от большинства других отцов, уже в первые годы учебы в школе. Они жили в маленькой деревушке Арио Секо, в четырнадцати километрах от города Таоса. Это уже само по себе было проявлением нонконформизма, так как Арио Секо была одной из последних маленьких де-

ревушек в Техната Америки. С появлением жилых небоскребов и предоставляемых ими удобств, кому бы пришло в голову жить в отдельном доме?

Конечно, Леонард Моррис, выдающийся биохимик своего времени, мог себе позволить немного отличаться от других. Но это могло иметь последствия, даже если он был Героем Техната.

Рекс уже и не помнит, с какого возраста он приобрел не характерный для подростка интерес к разговорам взрослых. Они нравились ему до безумия. Не было приятнее занятия, чем сидеть тихо и слушать взрослые разговоры между отцом и матерью, обсуждавших темы, зачастую далекие от его понимания.

Когда он подрос, он начал понимать, что его присутствие иногда удерживает их от обсуждения волнующих воображение тем, и даже обнаружил, что они могли разговаривать при нем, используя какие-то условные слова, которые он не понимал. Это раздражало пытливого мальчика.

Но юность не так уж непредусмотрительна. Рядом с жилой комнатой и библиотекой в доме Моррисов была маленькая комнатка, которую отвели Рексу с единственным условием, что он будет содержать ее в чистоте. Взрослые там не бывали, но раз в месяц мать заглядывала, чтобы проверить, чисто ли там, и всегда находила комнату в безупречном порядке. Рекс не сбирался терять свое убежище по небрежности. Комната изобиловала, конечно, стерео-фотографиями популярных героев спорта и развлечений, были там луки и стрелы, булеранги, воздушные пистолеты, спортивное снаряжение, всевозможные коллекции — от различного вида индейских наконечников для стрел до бабочек. Был там еще маленький столик для работы, два складных стула и старого образца армейская походная кровать.

Когда Рексу было еще около десяти лет, он обнаружил, что когда он ложился на своей кровати у двери, вытянувшись и делая вид, что читает, и оставляя дверь приоткрытой, он мог уловить большую часть разговора, который велся в большой гостиной. И на протяжении нескольких лет у него была положительная склонность к подслушиванию. Совесть его при этом совсем не мучила. Надо при-

знать, в раннем возрасте у человека нет особых этических принципов, они появляются позже — если вообще появляются.

Нельзя сказать, что он мог понять большую часть из того, что говорил отец, в частности, когда он разговаривал с коллегами на научные темы или когда обсуждал с друзьями политику и экономику или текущие события. После смерти матери, молодой Рекс Моррис не раз убеждался в том, что большинство из того, что говорил его отец, по-прежнему выше его понимания. Это его раздражало. Взрослые разговоры были так притягательны.

Однако молодой Рекс развил удивительную образную память на слова отца, почти фотографическую. Это проявилось в том, что позднее он мог без особых усилий воспроизводить целые предложения из рассуждений старшего Морриса, аргументы и доводы. Обсуждения, которые в детстве были выше его понимания, стали через несколько лет более понятными.

Однажды он был у себя в комнате с закрытой дверью и работал над моделью космического спутника, настолько увлеченно, что не заметил, что у отца посетитель. Наконец, он отбросил свои инструменты, вскочил на ноги и бросился к двери с намерением пойти в автокухню и заказать себе бутерброд.

Уже в дверях он остановился. Он услышал, что отец в соседней комнате о чем-то жарко спорит. Ничего так не волновало Рекса в возрасте десяти лет, как диспуты взрослых.

Он оставил дверь приоткрытой, взял схему конструкции своей модели, вытянулся на кровати и с невинным видом стал изучать ее, навострив уши.

Леонард Моррис говорил:

— Конечно, это была революция. Это была одна из самых фундаментальных социальных революций, которые видел мир.

Другой голос — Рекс узнал, что это был голос Майка Уитона, друга отца из Таоса — возражал:

— Революция — это несколько спорное слово. Авторитеты предпочитают рассматривать учреждение Техната как эволюцию, а не революцию.

Ученый презрительно фыркнул на это.

— Спорные слова, спорные слова! Ради Бога, как слово может быть спорным? Идеи могут быть спорными, но слова — это просто средство для выражения идей. Как могла появиться эта дурацкая тенденция, я не знаю. Она, кажется, зародилась в середине 20-го столетия. Совершенно неожиданно такие слова, как социалист, левый, коммунизм, пропаганда, марксизм, агитатор, революция и т.п. стали дрянными, на которые реагировали автоматически и совершенно бездумно. Невозможно было больше обсуждать такие проблемы, потому что мысленный железный занавес опускался, как только употреблялись эти слова — даже не сами понятия, а слова.

Голос Уитона, немного печальный, снова вступил в беседу.

— Пусть будет так, Леонард, установление Техната было достигнуто мирным путем и...

— Кто возражает!

— Ты же использовал термин “революция”.

— Революция не обязательно должна быть насилиственной.

Наступило молчание. Леонард Моррис заговорил снова:

— Революция просто означает коренные общественно-экономические изменения. Она может быть, но не обязательно, насилиственной. Например, какая общественно-экономическая система господствовала в Англии, скажем, в 16-ом столетии?

— Ну, феодализм, я думаю.

— А какую общественно-экономическую систему Англия имела в 19-м столетии?

— Ну, капитализм.

— Очень хорошо, в таком случае, когда же произошла революция? Революция в смысле Французской революции или большевистской революции в России? Или даже Американской революции 1776 года?

— Ну, я не знаю.

— Ее не было! — произнес торжествующее старший Моррис. — Революция происходит всегда на протяжении периода времени, шаг за шагом, и таким было установление Техната здесь, в Северной Америке. Ее можно было предсказать за полстолетия, если серьезно вникнуть в эту проблему.

— Задним умом судить всегда легче, — сухо сказал другой голос.

Молодой Рекс Моррис в соседней комнате прислушивался изо всех сил, но понял тогда не более половины. Его это раздражало, но он не двинулся со своего выгодного места. У него было чувство, что отец выигрывает спор, но тогда он не был беспристрастным слушателем.

Леонард Моррис снова углубился в предмет:

— Классический капитализм начал отмирать, когда стали уходить в прошлое занятия первого и второго рода, а занятия третьего и четвертого рода стали основными для большинства работающих.

— Поясни для непосвященных.

Ученый нетерпеливо сказал:

— Занятия первого рода — это горное дело, сельское хозяйство, лесное дело, охота, рыбная ловля. Занятия второго рода — это те, которые связаны с обработкой продуктов занятий первого рода, а занятия третьего рода связаны с обслуживанием занятий первых двух родов.

— Ну, а что же такое, о Великий Скотт, занятия четвертого рода?

— Это те, которые связаны с обслуживанием занятий третьего рода или самих себя. В действительности, это такой тип занятий, какой мы установили при Технате для касты Технологов. Занятия в различных правительственныех службах, некоммерческих группах, управление высокого уровня, высшее образование и т.п.

— И ты думаешь, что появление этого рода занятий представляло собой революционное изменение?

— Конечно же. В условиях классического капитализма предприниматель был хозяином своего предприятия. Он процветал или разорялся в зависимости от своих способностей. Это была социальная система по типу “человек человеку волк”, но тогда все они были такими. Были и более приятные слова для ее характеристики, такие как “частное предприятие” или “свободное предпринимательство”, но это была такая же безжалостная общественная система, каким был в свое время подорожный сбор или же наша теперешняя система.

— О, Леонард.

— Да, я так думаю.

— Ну, я надеюсь, твои слова не дойдут до Функционального Ряда Безопасности.

— Это одна из причин, почему я называю наше общество еще более безжалостным. По крайней мере, в большинстве Западных стран, включая нашу, существовала раньше свобода слова и печати. Мы могли сказать все, что заблагорассудится. Более уверенным чувствовали себя в своем доме.

— Ну, — с некоторым стеснением перебил его другой голос — давай вернемся к так называемой революции.

— Она началась, я думаю, после Второй мировой войны. Корпорации стали настолько крупными, что отдельные личности не могли больше управлять ими, как это делал Генри Форд, будучи абсолютным диктатором в своей индустрии, или же Джон Д. Рокфеллер. Ее называли управлеченческой революцией, а иногда новым индустриальным состоянием. В Англии один экономист назвал ее системой отбора по оценкам — меритократией. Иными словами, появилась новая группа людей, которые занимались управлением и контролем индустрии, но не владели ею. Старые магнаты, которые владели ею, невзирая на высокие налоги на наследство, доходы и корпорацию, через контрольные пакеты акций, не были более необходимым элементом в обществе и постепенно теряли силу.

Рекс Моррис, по-прежнему, весь — внимание, не понял этого, но он начал осознавать тот факт, что слова его отца не совпадают в точности с тем, что он уже изучал в школе. У него зародилось тревожное предчувствие. Леонарду Моррису не следовало бы высказываться так, даже в беседе со своим старым другом, таким, как Майк Уитон, которого Рекс в своем юношеском восприятии считал несколько напыщенным.

Ученый продолжал:

— Меритократия утверждалась по мере укрупнения корпораций. К середине 20-го столетия две сотни корпораций производили половину всех товаров и услуг из числа годового объема производства в Соединенных Штатах и имели две трети всех финансовых активов, приходящихся на производство. Пятьдесят крупнейших из них имели свыше трети этих всех активов. А три из них — “Стандарт Ойл” из Нью-Джерси, “Дженерал Моторс” и “Форд” —

имели более крупный доход, чем все фирмы страны вместе взятые. Годовые доходы только "Дженерал Моторс" в 8 раз превышали доходы штата Нью-Йорк и составляли немногим менее одной пятой доходов Федерального правительства.

И это было только началом. Каждый год приносил слияние этих крупных корпораций, и так до тех пор, пока, исходя из практических нужд, все производство и услуги оказались в руках горстки суперкорпораций, а они, в свою очередь в руках меритократии, если хотите ее так называть.

— Ты называешь это революцией? — улыбнулся Уитон.

— Да, или ... по крайней мере, она переросла в революцию. В то же самое время правительство как одна из разновидностей меритократии — я имею в виду настоящее правительство, профессиональных чиновников, а не избираемых, зачастую простофилей — взяло на себя руководство возрастающего количества направлений экономики. Образование, рельеф, контроль загрязнения сре-ды, расходование национальных ресурсов, медицина перешли в их ведение из рук местной администрации и предприятий. Через несколько десятилетий оказалось, что Федеральное правительство и гигантские корпорации осуществляют полный контроль экономики и сами находятся в руках нового класса — можете называть его, если хотите меритократией — который достиг своего положения власти благодаря своим способностям, а не по наследству или статусу. Это не замедлило привести к возникновению Техната.

Уитон не сдавался.

— Ладно, пусть будет революция, если ты так хочешь. Мне кажется, это вопрос терминологии. Однако прежде мне казалось, что ты находился в оппозиции к нашему современному образу жизни. Из только что услышанного же я могу заключить, что ты в восторге от него.

В голосе Леонарда Морриса чувствовалось удивление.

— О, нет никакого смысла находиться в оппозиции по отношению к истории. Слишком поздно изменять ее. Моя основная идея заключается в том, что сейчас наступило время для другой революции.

— Что? — изумленно воскликнул его друг. — Ты с ума сошел — говорить такие вещи.

Но это было в стиле Леонарда Морриса — говорить такие вещи, как все чаще убеждался молодой Рекс. А когда он стал старше, это все чаще стало расстраивать и беспокоить его. Из книг и от своих учителей он получал информацию о реальном состоянии вещей и о том, какие события в прошлом привели в конце концов к этому лучшему из миров.

В раннем возрасте он любил уединение. Настолько, что это вызывало удивление у его сверстников касты Технолов. Его никогда не привлекали спортивные зрелища, ему было скучно пассивно наблюдать, как другие часами упражняются, не любил он и сам гонять мяч по полю.

К счастью, для него, дом отца располагался по соседству с Национальным заповедником Таоса — Пуэбло — единственной оставшейся индейской резервацией, сохранившей образ жизни американских индейцев до прихода белого человека. По крайней мере, этот заповедник претендовал на это. Сотни тысяч зевак-туристов приезжали ежегодно, чтобы осмотреть деревню индейцев, Пуэбло, с ее пятиэтажными саманными постройками; поглязеть на священное церемониальное помещение, кива, куда им запрещалось входить; уставиться на stoические лица аборигенов Таоса, обрамленные длинными заплетенными волосами, на их шерстяные накидки, подобно тому, как на их предков смотрели мужчины Коронадо, появившиеся здесь спустя двадцать лет после того, как Кортес штурмовал Мехико-Тенохтилтан и завоевал ацтеков.

В действительности, у большинства аборигенов были свои квартиры в одном из двух высотных жилых зданий в городе Таос, в нескольких милях от Пуэбло. Они приезжали в деревню ежедневно, переодевались в псевдоиндейские костюмы и принимали участие в действиях "Краснокожий", включавшего выслеживание небольшого стада бизонов, а также церемониальные танцы и заклинания в кива. Рекс Моррис вскоре узнал, что индейцы Таоса тайно презирали все это шоу, но он, конечно, бывал здесь. Его отец был известен местным индейцам как победитель вирусных болезней и несравненный врач. Его сделали почетным членом племени. Невзирая на то, что ему были при-

суждены почти все международные научные почетные звания в его области, он прошел через эту примитивную церемонию с большим достоинством.

Таким образом, Рекс имел возможность скакать на полудиких мустангах, гулять и охотиться в горной области Тванинг, делать вылазки в Санди де Кристос, ловить рыбу в местах, обычно не доступных для белых. Для Техната Северной Америки это был образ жизни, канувший в далекое прошлое.

И напарниками его были чаще индейские парни его возраста из Пузбло, а не городские мальчики из касты Технологов. В действительности, индейцы не занимали никакого положения в технатаовском обществе в силу того, что они как бы находились под опекой правительства, однако уже в раннем возрасте Рекс понял, под влиянием учителей и своих белых сверстников, что если бы они были отнесены к какому-нибудь рангу, то только к рангу Исполнителей. Самое большее, на что могли рассчитывать некоторые из них, — это ранг Инженера, но, конечно, никто из них, даже их вожди, не попал бы в ранг Технологов.

Мчась верхом на мустанге по прериям, которые начинались сразу же за Пузбло, Рекс Моррис был поглощен только своими волнениями, связанными с преследованием крупного северо-американского зайца, которого он гнал, вооруженный примитивными луком и стрелами, воодушевляемый пронзительными возгласами своих полуодетых индейских друзей.

Но все это было до осознания им неортодоксальности своего отца.

Случилось так, что, несколько лет спустя после подслушанного им спора с Майком Уитоном, разговор на эту тему повторился. Ситуация была почти такой же.

Трое известных ученых, все занимающие почетное положение в классе Технологов, приехали с востока, чтобы проконсультироваться у отца Рекса. Его представили им, при этом он изнывал от традиционных банальностей, высказываемых взрослыми в адрес молодежи. Вскорости он удалился в свою берлогу, чтобы позаниматься. Он мог остаться, но по всей видимости предстоял один из тех разговоров, что были выше его понимания.

Он растянулся на своей кровати с биографией Говарда Скотта, пионера Техната, в руках, но не мог сосредоточиться из-за гула голосов, доносиившихся из соседней комнаты. Наконец, он с возмущением отложил книгу и приоткрыл свою дверь.

Его отец в ударе.

— Нет, вы поняли меня неправильно, Фред. Первоначальная идея была довольно хорошей. Очевидно, наиболее способные к управлению то ли индустрией, то ли правительством, должны управлять ими. Общественно-экономическая система, не обеспечивающая этого, не жизнеспособна. Ошибка Техната заключалась не в том, что он увековечил правило наиболее достойных, а в том, что он сохранил правило классов. Теоретически, каждый, рожденный Исполнителем, может дослужиться даже до ранга Высшего Технолога, но в действительности, переход в высшую касту почти не возможен. Дети Технологов становятся Технологами следующего поколения.

Профessor Темпль произнес самодовольно:

— Каков отец, таков и сын.

Рекс Моррис мог представить себе, что отец в этот момент тряхнул головой.

— Нет, вы ошибаетесь, профессор. Генетика не срабатывает так, как людям бы хотелось. Принцип "каков отец, таков и сын" я бы переформулировал так: "какова родословная статистика отца, такова и родословная статистика сына"; и нет никаких гарантий относительно индивидуума. Никто не может гарантировать, что дети гения будут яркими личностями, так же, как и нельзя утверждать, что кухаркины дети не достигнут высоких результатов в следующем поколении. Возьмем к примеру Авраама Линкольна, в роду которого не было никаких знаменитостей. Сам он гений, а отец его, как и другие его предки, по сути дела никто. Да, генетика, это своего рода вероятностная игра в кости.

Другой голос прервал его:

— Если бы Линкольн не женился на этой слабоумной Мэри Todd, его дети были более талантливы.

А другой голос добавил:

— Александр Великий был сыном Филиппа Македонского, и оба они были гениальными полководцами.

Леонард Моррис сказал нетерпеливо:

— Я не утверждаю, что это невозможно, я просто говорю, что нет никакой гарантии. Наполеон был величайшим генералом всех времен, а его сын, принц Рима, был настолько несведущим, что не мог справиться с командованием отрядом.

— Скажите мне, пожалуйста, джентльмены, как много вы можете назвать великих художников, писателей, ученых, государственных деятелей, чьи дети стали столь же известными?

— Можно назвать таких, — сказал чей-то голос. — Дюма-отец и Дюма-сын, оба французские писатели.

— Совсем немного, — настаивал Леонард Моррис.

Снова раздался голос профессора Темпля:

— Послушайте, Леонард, вы что, нападаете на правительство?

— Разумеется. По моим оценкам, четверо из пяти человек в ранге Старшего Инженера и выше некомпетентны. А ситуация сейчас такова, что даже те, кого можно считать компетентными, обычно работают в той области, которую они не знают или которая их мало интересует, и их способности пропадают впустую.

— Это опасные настроения, Моррис, — сказал какой-то голос несколько запальчиво.

— Если мы не будем обсуждать этого, кто же тогда будет? — спросил отец Рекса.

— Что же вы предлагаете в качестве альтернативы? Впервые в истории мы имеем общество, в котором покончено с бедностью. Люди счастливы. У нас нет более угрозы войны, депрессий или других бедствий, от которых мы страдали прежде.

А профессор Темпль с насмешкой в голосе сказал:

— Ну и что же вы, посадите в правительстве Исполнителей, этих подонков общества?

В голосе старшего Морриса чувствовалась некоторая бесшабашность.

— В некотором роде, да, я бы так сделал. Посадил бы в правительстве Исполнителей и Инженеров.

Трое его собеседников рассмеялись. Один из них сказал:

— Вы, конечно, шутите.

— Нет, я не шучу. Мы должны выйти из этой колеи. Мы стали неподвижными в результате боязни раскачать

лодку. Мы не заинтересованы в хороших людях на постах, где приходится принимать решения. Мы боимся, что они предпримут шаги, которые могут изменить положение вещей. Мы не хотим нововведений. В результате — человечество оказывается в состоянии застоя. А любая жизненная форма не может находиться в состоянии застоя, она может либо прогрессировать, либо регрессировать. Точно так же и общество.

Один из его собеседников перебил его.

— Что это даст, если Исполнители и Инженеры будут в правительстве? Это бессмысленно и, кроме того, носит подрывной характер.

— Я не имею в виду, что Исполнители должны немедленно подняться до положения, которое сейчас занимают Технологи. Я просто считаю, что наша система назначения на должности сверху вниз является неправильной, и следует назначать снизу вверх.

— Чепуха, — перебил его профессор. — Никто не может сделать лучше назначение на какую-то должность, чем человек, находящийся на ступеньку выше.

— Это зависит от того, кто именно находится на ступеньку выше. Если это какой-нибудь олух, который обязан своей работой родственнику или другу, стоящему выше него, то он скорее всего неспособен сделать назначение для своих подчиненных.

Затем наступила минутная тишина, но она казалась зловещей.

Леонард Моррис нарушил ее:

— Наилучшим образом сделать назначение человека на должность могли бы те люди, которые работают рядом с ним, его коллеги. Никто лучше них не знает его способностей. Нам необходимо вернуться к демократическим принципам, господа.

Профессор Темпль сердито фыркнул:

— Я отказываюсь слушать подобную чушь, Моррис. Давайте вернемся к области, в которой вы являетесь признанным авторитетом. По-видимому, вы ничего не понимаете в социальной экономике.

В своем убежище молодой Рекс мягко прикрыл дверь и уставился на нее невидящим взглядом. Его лицо выражало беспокойство.

Недели две спустя, когда Рекс возвращался с верховой прогулки по землям Пуэбло, он заметил служебный лимузин на воздушной подушке перед домом Моррисов. Подойдя ближе, он увидел сбоку машины отличительный знак. В окрестностях Таоса не часто можно было увидеть хороший служебный автомобиль. Отличительный знак был значком Функционального Ряда Безопасности.

На переднем сиденье у ручного управления сидел шофер. Он зевал, очевидно, занудившись, и, очевидно, ожидая кого-то. Он был в униформе Старшего Исполнителя, но у него был такой глуповатый вид, что Рекс удивился тому, как это ему удалось пробиться на такую должность.

Рекс Моррис принял внезапное решение и обогнул угол дома, а не вошел через центральный вход. Он подошел к окну своей берлоги и быстро огляделся вокруг. Никого поблизости не было. Действуя по возможности быстро, он осторожно распахнул окно, снова огляделся по сторонам и закинул ногу через подоконник. Влез в свою комнату и быстро закрыл за собой окно.

Дверь в гостиную была закрыта. Он подошел к ней с большой осторожностью и приложил ухо к панельной обшивке. До него доносился только шум голосов, слов он не мог разобрать.

Очень осторожно он приоткрыл дверь и оставил маленькую щелочку.

Холодный, очень официальный голос произнес:

— Технолого Мак-Корд в прошлом месяце умер, и вы таким образом остались единственным человеком, удостоенным звания Героя. Однако, Леонард Моррис, вы не являетесь неприкосновенным. Слышали ли вы когда-нибудь об Эрвине Роммеле?

Голос отца в замешательстве произнес:

— Маршал Роммель, немецкий генерал Второй мировой войны?

— Фельдмаршал, и к моменту своей смерти второй из величайших героев немецкого народа.

— А кто был первым?

— Гитлер. Откровенно говоря, я часто задумывался над тем, что бы произошло, если бы фюрер не был разбит Красной ордой. Так или иначе, тысячелетний Рейх не мог влиться в Технат.

Леонард Моррис сказал сухо:

— Насколько я помню, товарищ Гитлер был разбит не только Красной ордой. Были и другие силы в то время, которые не были в восторге от него.

— Великая трагедия, наверное. Но мы начали говорить о фельдмаршале Роммеле, втором из популярнейших людей Германии. Несмотря на это, когда он совершил ошибку, поставив себя в оппозицию к командующему, ему предоставили возможность выбрать одно из двух. Он мог либо покончить с собой, либо предстать перед судом и быть пощепленным. Он не был неприкосновенным. Немецкому народу объявили, что он умер от ран, полученных в бою, после того, как он принял яд.

В голосе мужчины постарше чувствовалось потрясение.

— Вы угрожаете мне, Технолог?

— Разумеется. Я являюсь Технологом Функционального Ряда Безопасности этого региона, и я получил множество сообщений о ваших нонконформистских, недовольных утверждений, сделанных вами в присутствии кого придется. Этому должен быть положен конец. Я предупреждаю вас, Леонард Моррис. Герой Техната вы или нет, вам не позволено высказывать каких-либо утверждений подрывного характера в этом регионе.

Рене Моррис не мог слышать тяжелого дыхания своего отца, но уже через некоторое мгновение тот обрел спокойствие.

Полицейский чиновник нанес еще удар.

— Вы также не имеете права покидать Таос, не уведомив нас об этом.

— Вы хотите сказать, что я под домашним арестом?

— Называйте это, как вам угодно. До средств массовой информации эта новость не дойдет. Это вызвало бы слишком много волнений, если бы было обнаружено, что наш единственный в живых Герой Техната находится под наблюдением.

На следующий день Рекс Моррис был у наставника класса из Функционального Ряда Образования в Таосе. Этот человек, хотя и выполнял обязанности Технолога, имел всего лишь ранг Младшего Инженера, и было ясно, что он был бы счастлив получить лучшее назначение. У него просто не было связей даже в Функциональном Ряду

Образования, чтобы подняться на более высокие ступеньки служебной лестницы. У него всегда был несколько печальный вид.

Рекс Моррис не был одним из тех студентов, которых он видел часто. Мальчик выполнял практически все задания дома, пользуясь переговорным экраном.

Однако он сказал, напустив на себя вид, который по его мнению должен был выражать интеллектуальность и солидность:

— Это ты, Рекс — если мне позволительно будет называть по имени сына самого нашего знаменитого гражданина.

“О Великий Скотт, — подумал Рекс, — начинается.” А вслух произнес:

— Технол Блэддинг, я полагаю, что мне уже пора вступить в патруль молодых технологов Таоса, как вы предлагали мне около года назад.

Наставник класса очень удивился.

— Ты кажется тогда решительным образом отказался.

— Да, сэр. Однако я сейчас изучаю труды ранних отцов Техната, Говарда Скотта и других, и как мне кажется, достиг уже того возраста, когда должен начать, ну, думать в терминах того, чтобы приложить свою руку к рулевому колесу. Я уже выучил клятву молодых технологов, прочитать?

— Нет-нет, — поспешил сказать тот. — Это не обязательно. Я слышал ее много раз. Я не хотел бы, чтобы меня неправильно поняли, но я подумал о твоем отце. Уверен ли ты, что ему это понравится?

— Отцу? Конечно. Он всегда хотел, чтобы я присоединился к другим ребятам в патруле.

— Хотел? Судя по некоторым слухам, он никогда не был особым сторонником таких организаций, как патруль молодых Технологов и молодежный клуб Технологов. Фактически, был даже намек на то, что его дом не является подходящей атмосферой для воспитания такого молодого парня, как ты.

— Мало ли какие ходят слухи. Отец очень хотел, чтобы я вступил в патруль.

— Прекрасно, Рекс. В таком случае мы будем ожидать тебя на следующем собрании патруля.

В тот вечер за ужином старший Моррис был немного озадачен.

— Патруль молодых Технологов? Мне никогда бы не пришло в голову, что у тебя может возникнуть желание вступить в эту чванливую организацию, мой мальчик.

Леонард Моррис был уже далеко не молодым человеком, но его умственные способности были в расцвете и в голосе его чувствовалась энергия.

Рекс сказал несмело.

— Ну, большинство ребят класса технологов состоят в ней, отец. Я не хотел бы сильно отличаться от них.

— А почему бы и нет?

— Ну, мне кажется, я и так всегда отличался от других. Это вряд ли правильный путь.

— Ясно. В голосе отца появились грустные нотки. — Я не стану тебе мешать, конечно. Однако ты должен осознавать, что членство в такой аристократической организации может помешать твоей дружбе с твоими друзьями-индейцами. А что касается твоих занятий, то у тебя будет меньше времени оставаться на них.

— Может быть, но к этому идет. Рано или поздно мне необходимо будет задуматься о моих контактах, друзьях, которые смогут подать мне руку помощи, когда я окончу школу.

Отец вздохнул. Через шесть месяцев Рекс Моррис стал Главным Технологом Патруля молодых Технологов Таоса. Когда ему исполнилось восемнадцать, он вступил в молодежный клуб Технологов, и к двадцати годам он был президентом этого аристократического общества молодых людей.

ГЛАВА IX

В своей комнате в доме дяди Билла Рекс Моррис лежал на кровати, заложив руки за голову и уставившись в потолок. Его мучило то, что Паула Клейн, доверившись ему, повела его в разговорню. Вне всякого сомнения это послужило причиной того, что мужчина из Функционального Ряда преследовал его. Ему только этого и недоставало,

чтобы человек из ФРБ выслеживал его. Теперь его планы вынужденно могли поменяться, а ему как раз и не хотелось их менять.

Он с шумом выдохнул и сел. Поправил свой галстук фирмы "Великолепный Бруммель" и вызвал голосом переговорный экран.

Экран был вмонтирован на противоположной стене комнаты и был примерно размером в квадратный ярд. Он зажегся.

Рекс Моррис сказал:

— Я хотел бы узнать номер квартиры Технолы Надин Симс, здесь, в Великом Вашингтоне.

Голос роба произнес:

— Выполнено.

Рекс Моррис направился к экрану и стал перед ним в ожидании. Появилось поразительное лицо Надин Симс. Она была в мерцающем ореоле, что отнюдь не умаляло ее обаяния. Как и на приеме у Лиззи Мим, каждый волосок ее был на месте, в данном случае, каждая пора.

Она подняла брови и улыбнулась своей быстрой улыбкой.

— Не ожидала. Это тот серьезный молодой человек с дикого Запада, который ищет работу в большом городе.

— Умей дело делать — умей и позабавиться, или как там говорят, — Рекс улыбнулся ей в ответ. — Как вы насчет того, чтобы выполнить свое обещание?

— Обещание? — переспросила она, слегка нахмурившись. — Насколько я припоминаю, я была прилично выпивши к концу приема у Лиззи Мим. Как обычно на приемах у нее. А может быть и больше, потому что я забыла свое обещание. Боюсь, Технол Моррис, вам придется пролить некоторый свет.

Рекс сказал, делая вид, что упал духом:

— Вы спросили меня, приехал ли я в город навечно, и я ответил, что меня скорее интересует, что может предложить ваш город в плане сиюминутного и злого, и вы предложили свои услуги. И я запомнил это обещание. А давши слово, держись.

Она вспомнила и рассмеялась.

— Виновата, — сказала она. — А я всегда выполняла свои обещания. В этом отношении я хорошая девушка.

— Замечательно. В единственном отношении, я надеюсь. Будете ли вы сегодня свободны вечером для игр и развлечений?

— Свободна как птица.

— Гм, — сказал он, как бы обдумывая сказанное ею. — Давай не будем обсуждать спорные вопросы. Дома у меня четыре длиннохвостых попугая и все они сидят в клетках.

— Глупыш, — она засмеялась. — Около восьми? Мы встретимся с парочкой тел Джон Брауна, и я представлю тебе вкратце, что предлагает в эти дни Функциональный Ряд Развлечений в плане игр и развлечений, как ты это называешь, и мы прогуляемся.

— Тело Джона Брауна? — переспросил Рекс. Новое имя для меня. А кто он тебе такой, этот Джон Браун?

— По утрам, — сказала Надин, — ты чувствуешь себя так, как будто бы превращаешься в прах в своем гробу. Итак, в восемь?

— Я не заставлю себя ждать.

Ее лицо исчезло. Он отвернулся от экрана и подошел к стенному шкафу. Открыл его и осмотрел свой обширный гардероб. Дядя Билл настоял на том, чтобы он основательно экипировался. По-видимому, одежда была более важна для приобретения подходящего назначения, чем голова.

Он аккуратно надел свой серый костюм Технолога без назначения. Принимая во внимание тот факт, что он не мог знать заранее, где ему доведется быть сегодня вечером, и никогда не знаешь, где именно пригодится тебе престиж твоего ранга. Галстук “Великолепный Бруммель” он оставил. Ему показалось, что это все подходит молодому человеку для прогулки по городу.

Одевшись, он задумался о том, что будет еще при нем. Быстро принял решение и провел ногтем вдоль длинного шва сумки. Она открылась, внутри был небольшой потайной карман. Рекс вынул несколько пачек и разместил их равномерно по своим карманам, убедившись при этом, что они не выпирают. Затем он сжал сумку по шву, и он плотно сомкнулся. Он поставил сумку обратно в шкаф.

Рекс Моррис заглянул в гостиную, но дяди там не оказалось. Рекс решил, что он снова где-то в городе. Он не представлял себе, как дядя это выдерживает. У него вооб-

ще не укладывалось в голове, как все представители класса Технологов выдерживают здесь, в Великом Вашингтоне эту бесконечную вереницу приемов с усиленными возлияниями.

Он вышел из квартиры и проделал обычный путь для спуска лифтом на 175-й этаж, где мог получить экспресс на уличном уровне. И опять он подумал о том, как много времени у людей уходит на эти поездки в лифтах в этих домах-небоскребах.

Напротив здания он заказал одноместное авто в блоке ФР Транспорта и стоял в ожидании на обочине, слегка посвистывая. Очевидно, время приближалось к часу пик, так как ожидал он свой одноместник на воздушной подушке по крайней мере пять минут. Но он не очень спешил.

Солнце уже садилось, и в городе стемнело, за исключением тех мест, где зажглись огни. Рекс Моррис решил, что закаты солнца в городе совсем ни к чему — в любом городе.

Одноместный автомобиль плавно подкатил к обочине, и дверь автоматически открылась перед ним. Рекс сел в машину и произнес в переговорный экран:

— Координаты неизвестны. Доставьте меня к дому Технолы Надин Симс.

Голос произнес:

— Выполнено, — и маленькое авто влилось в уличный транспорт.

Рекс откинулся назад и расслабился, рассматривая улицы, по которым он проезжал, пешеходов, эту глупую карусель городской жизни. Он провел практически всю свою жизнь в местности, ранее известной как Нью-Мехико. По крайней мере, там было сравнительно больше пространства и легче дышалось. Однако были и другие точки зрения, и в его возрасте, в тридцать лет, с законченным образованием, мужчина должен занять свое место в обществе, найти свою дорогу и приготовиться проработать десять лет до выхода на пенсию. Он вздохнул. Не очень приятная перспектива открывалась перед ним на ближайшие годы.

Машина остановилась перед умеренно большим ультрасовременным зданием, очевидно, совсем недавно построенным. Дом выходил окнами на реку Потомак.

Из переговорного экрана донеслось:

— Технола Надин Симс живет в террасной квартире 3-Б на 63-ем этаже. Выполнено.

Рекс Моррис ступил на обочину, взглянул на здание и тихонько присвистнул. Этот жилой дом был таким же роскошным, как и дом дяди Билла, который был в ранге Технолога, хотя и на пенсии.

В вестибюле была дюжина лифтов, но только на одном из них значился в качестве места назначения 63-й этаж. Он вошел в него и произнес:

— Технол Рекс Моррис в гости к Техноле Надин Симс.

Очевидно, она уже сообщила о нем в систему защиты здания, так как из переговорного экрана лифта донеслось: "Выполнено", и Рекс Моррис начал подниматься вверх с медленным ускорением, достиг пика скорости, а затем начал медленно замедлять движение.

Квартира 3-Б была сразу же напротив лифта. Он стал перед дверным экраном и произнес:

— Рекс Моррис. Как раз в условленное время.

Дверь открылась, и она вышла ему навстречу, опять в сари, но на этот раз оно было более яркого цвета. Ему показалось, что это натуральный шелк. В руках она держала по высокому бокалу, в одном из которых содержимое доходило до половины. Полный она подала ему.

— Тело Джона Брауна, — сказала она. — Пей до дна. Кто любит такое, того не назовешь маменькиным сыном.

— Вот это? Я думал, что "Гремучая змея", которую мы пили дома, это конец света.

Он взял бокал, тихонько произнес тост в ее честь и отпил глоток. Он закатил глаза и сделал вид, что закашлялся.

— Я прямо-таки чувствую, что отдаю концы, — сказал он. — Что сюда входит?

Она провела его в жилую комнату, по-видимому, осознавая, что его взгляд в этот момент прикован к ее фигуре. Из комнаты открывался потрясающий вид на реку, и одна из стен была полностью прозрачной.

— Абсент, сливовая водка и немного вишневой водки, — пояснила она. — Желательно дать настояться этой смеси с недельку.

Он фыркнул.

— К этому времени, я думаю, эта горючая смесь за-
кипит. Или же разъест стекло.

Она подошла к кушетке, прилегла на нее и посмотрела на него поверх своего бокала.

— А как обстоят дела с поиском места работы? Ты уже получил назначение? — спросила она и затем насмешливо добавила:

— Или ты проводишь все свое время в разговорнях?
Он уставился на нее.

— Откуда ты знаешь об этом?

Надин Симс рассмеялась.

— Есть тут один гадкий общественный комментатор, и я просто не могу устоять, чтобы его не слушать. Они, кажется, становятся развязнее с каждой неделей. Нужно быть в курсе всех новостей, чтобы правильно понимать все его инсинуации, но он подкинул идею, что сын Леонарда Морриса идет, очевидно, по стопам своего отца.

Рекс отставил свой бокал с чувством некоторого отвращения.

— О Великий Скотт, — сокрушался он. — Эта привычка старика высказываться, наверное, будет преследовать меня до конца моих дней. И почему я не родился из обычных, нормальных родителей?

Надин Симс мягко улыбнулась.

— Я так понимаю, ты не одобряешь, скажем, нетрадиционных убеждений твоего отца?

Он проворчал все еще возмущенно:

— Как по мне, то мне кажется, что он может думать, как ему заблагорассудится, но я бы хотел, чтобы он оставил эти мысли при себе.

Он снова взял свой бокал и на одном дыхании допил до половины его содержимого.

— Я борюсь против дискриминации всю свою жизнь. Мне всегда хотелось одного: хорошо провести время, подобно каждому. А что я получаю? Ха! Я знакомлюсь с самой обычной, на первый взгляд, девушки и через пятнадцать минут она ведет меня в разговорню. Почему? Только потому, что я сын Леонарда Морриса.

Надин улыбнулась ему.

— Ну, а преимущества разве это не дает? Должно же быть что-то в том, что ты являешься сыном единственного

из оставшихся в живых Героя Техната. Соответствующие школы. Нужные контакты. Гм, мне пришла в голову идея.

Надин встала и подошла к автобару, где она заказала еще пару бокалов. Она вернулась с ними и села на кушетку уже рядом с ним.

Он спросил:

— Что за идея пришла тебе в голову? Выпить еще по бокалу? Такие идеи мне приходят постоянно.

— Дурачок, — сказала она. — Я подумала вот о чем. Учитывая то, что твой отец Герой Техната, а твой дядя Технолог на пенсии, мы могли бы попробовать попасть в Ночлежку или Техно-казино.

— Великолепная идея, я, кажется, слышал о Ночлежке, но, по-моему, не был там, хотя мне казалось, дядя Билл затащивал меня в каждое ночное заведение города.

Она сказала:

— О, Ночлежка — это место для избранных. Не ниже ранга Старшего Инженера, и не многие из них там бывают. Натуральное мясо. Даже игра из заповедника. Восхитительно.

— Одним словом, не разговорня, — сказал Рекс. Он посмотрел на часы и подвинулся к ней поближе. Незаметно опустил руку в свой правый карман, а затем положил руку ей на плечо.

Брови ее поползли вверх, и она лукаво посмотрела на него, но не двинулась с места.

— Я хочу спросить тебя, — сказал он приглушенным голосом, — но не для того, чтобы сменить тему разговора, — многие ли тебе говорили, что ты похожа на Нефертити?

— Нефертити? — переспросила она.

— Ее бюст установлен сейчас в Лувре, в Объединенном Европейском Технатае, — сказал он. — Египтянка. Самая красивая женщина всех времен и народов.

Пальцами той руки, которую он опускал в карман, он прикоснулся к мочке ее правого уха.

Надин Симс вздрогнула.

— Каждый день узнаю что-то новое, — сказала она. — Теперь я знаю, кто такая Нефертити. Это так действуют на Западе? Почему ты думаешь, что я похожа на Нефертити?

Он сказал с легкой насмешкой:

— Я думаю, что из-за шеи и линии подбородка. Гм. Вне сомнения, так. У тебя такой же подбородок и такие же прекрасные уши.

— И вот это тридцатилетний...

Ее глаза сделались стеклянными, сама она застыла на месте, с полуоткрытым ртом и крепко зажатым бокалом в правой руке.

ГЛАВА X

Рекс Моррис вскочил на ноги. Быстро стряхнул остатки коричневого порошка с онемевших кончиков пальцев правой руки, затем взглянул на нее, глаза его прищурились.

Он провел рукой по ее лицу, но она оставалась без движения. Он положил руку ей слева на грудь, но не обнаружил даже биения сердца. Кончиком указательного пальца он коснулся ее глазного яблока. Никакой реакции.

Без дальнейших колебаний он направился в глубь ее квартиры, бросив при этом быстрый взгляд на свои ручные часы. Он обнаружил кухню и вышел через черный ход. Теперь наступал критический момент. Если служебный лифт не имел ручного управления, все пропало. Он не мог допустить, чтобы тот факт, что он воспользовался служебным лифтом, попал в компьютерный банк данных здания.

Лифт управлялся вручную. Он спустился в подвал. Никого вокруг не было.

Вместо того, чтобы вызвать автомобиль на воздушной подушке в этом месте, он тихонько на цыпочках спустился по скату. Перед ним был темный проход, но он на минуту замешкался перед тем, как покинуть жилое здание. Из внутреннего кармана он вынул что-то вроде защитных очков, надел их, а затем из другого кармана вынул какой-то предмет размером с пачку сигарет. Он осветил инфракрасной вспышкой служебный проход между башнями небоскреба и заметил фигуру в дверях напротив него. Ему перехватило дыхание. Ему не пришло в голову, что его мо-

гут преследовать сегодня вечером. По крайней мере, он не подумал, что может стоять человек и перед зданием, и по-зади его. Он отошел в тень и вынул из набедренного кармана небольшое ручное оружие. Стал на колени, принял устойчивую позу, чтобы зафиксировать свою руку, и нажал на спуск, один раз, второй раз. Оружие сработало, и тот, что стоял в дверях напротив, согнулся, опустился на колени и затем упал ничком.

Рекс Моррис засунул пистолет в боковой карман куртки и подбежал к агенту Безопасности. Он затащил его обратно в дверной проем, где он стоял, и придал ему такую позу, как будто бы он находился в состоянии сильного опьянения, на тот случай, что кто-то другой будет проходить мимо и заметит парня. С той же поспешностью он продолжил свой путь по проходу и вышел на улицу, влившись в движение пешеходов.

Он прошел пешком еще целый квартал, перед тем, как вызвать автомобиль, и затем проехал на нем, используя ручное управление, и остановился в двух кварталах от места своего назначения. Он отпустил такси в этом месте и быстрыми шагами преодолел остаток пути. Когда он входил в старое здание, он взглянул еще раз на часы и прошептал молитву неведомым богам, словно благодаря их за то, что все идет по плану.

В этом доме, который был как бы из старой эпохи, лифта не было. Он взбежал по лестнице на третий этаж, открыл ключом дверь и очутился в квартире с низким коэффициентом полезного действия. Никого в ней не было. Эта квартира вообще имела такой вид, что ею давно уже никто не пользовался.

Он подошел к единственному окну и вручную открыл его. Рекс избегал оставлять свой голос на регистрирующем устройстве роба. Выглянул из окна, не подходя близко к нему, чтобы никто не мог заметить его.

На улице в трехстах ярдах перед служебным зданием остановился лимузин.

Он еще раз взглянул на часы, кинулся в угол комнаты и вытащил из сумки с опознавательным знаком клуба для игры в гольф спортивное ружье с телескопическим прицелом. Вернувшись к окну, он оттянул затвор, проверил патрон и загнал его в казенник. Скоростное, бронебойное.

Возле окна он сел на небольшую табуретку, оперся одним локтем на колено и установил ствол ружья на подоконник. И стал ждать.

Из лимузина вышли пассажиры.

Мужчина, которого он ожидал, вышел и на минуту замешкался, пожимая руку другому пассажиру. Затем он приготовился войти в здание.

Он был как раз на кресте окуляра его ружья.

Рекс Моррис глубоко вздохнул, затем задержал дыхание и спустил курок. Раздался выстрел, и струя пыли осела на гранитной стене позади цели. Мужчина быстро поднял голову и с беспокойством огляделся.

Рекс Моррис пробормотал что-то, снова передернул затвор и приготовился к следующему выстрелу.

Его цель теперь устремилась к входу в здание. Дюжина мужчин из Безопасности, неизвестно откуда возникших с оружием в руках, была уже на ногах. Пятеро или шестеро из них окружили своего начальника.

Второй выстрел угодил в металлическую дверь на несколько дюймов выше голов бегущих мужчин. Все они из чувства самосохранения пригнули голову.

Рекс Моррис что-то недовольно пробормотал, бросил ружье и поспешил к двери квартиры. Сбежал вниз по лестнице, ведущей на улицу, и замедлил шаг при выходе из здания. Он прикинул, что им понадобится от пятнадцати минут до часа, чтобы определить из какого окна стреляли. Тем временем Рекс незаметно вился в движение пешеходов.

Он прошел пешком два квартала. Разбил линзы своих инфракрасных очков, перед тем, как незаметно опустить их в уличный мусоросборник. Далее, проходя мимо стройки, он бросил свой фонарь-вспышку на булыжник, когда вокруг никого не было. Снял перчатки и бросил вместе с дротиковым пистолетом в другой мусоросборник.

Он проверил свой хронометр, вызвал автомобиль из блока ФР Транспорта, что на углу, и опять, используя ручное управление, вернулся к дому Надин Симс. Побежал по проходу, проверил агента Безопасности и нашел его еще под воздействием двух дротиков, которые Рекс Моррис всадил в него раньше.

Он подошел к служебному лифту и подъехал на этаж ниже, чем тот, где располагалась квартира Надин Симс, и поднялся по лестнице. Через минуту он был в кухне Симс.

Еще пару минут у него ушло на то, чтобы обмыть под холодной водой руки, умыться, освежить одежду и отдохнуться. Затем он подошел к кушетке, где Надин Симс по-прежнему сидела, уставившись прямо перед собой. Он провел рукой у нее перед глазами, снова без какой-либо реакции с ее стороны.

Рекс сел рядом с ней на то же самое место, где он сидел перед тем, и посмотрел на свои часы в последний раз. Он взял свой бокал с коктейльного столика, куда он поставил его раньше, и держал его в немногого опущенном положении, поглядывая на ее лицо.

Через пять минут ее глаза открылись и она продолжила, как ни в чем ни бывало, начатую ею ранее фразу:

— ...холостяк прежде всего замечает в женщине в наши дни?

Рекс пожал плечами и сделал долгий глоток.

— Это я такой. Яитаю особую слабость к шее. Хорошая фигура это прекрасно, наверное, но у всех женщин в наше время хорошие фигуры, по крайней мере, у всех женщин класса Технологов. А шеи...! — он глубоко вдохнул и замер с выражением легкой иронии на лице.

— Дурачок, — сказала она.

— Кстати о вечере, — Рекс поменял тему, — А что будет после Ночлежки?

Она поджала губы.

— Посмотрим. Что предлагает сегодня ФР развлечений на уровне Технологов? Я думаю, тебе неинтересно проводить время среди Исполнителей.

— Ты у нас гид, — сказал он. — Однако, могу по своему опыту сказать, что Исполнители немного нудноваты. Их развлечения мрачноваты.

Она взглянула на свои изящные часы с драгоценными камнями, которые были у нее на руке.

— Уже позже, чем я думала. Давай поторопимся, мы сможем продолжить обсуждение программы на вечер в Ночлежке. В действительности, никогда не знаешь заранее, что там произойдет. Обычно попадаешь на своего рода

прием, который развивается спонтанно и может во что-нибудь вылиться.

Рекс пробормотал недовольно:

— Только не представляй меня по фамилии. Моя фамилия имеет тенденцию охлаждать атмосферу. По крайней мере, имя моего отца, и всегда это сказывается на мне.

Она взглянула на него вопросительно.

— Ты в самом деле не испытываешь благоговения перед предками.

Она отпила глоток из своего бокала и встала, нахмурила брови, глядя в свой бокал.

— Удивительно, что он так нагрелся за такое короткое время. Лед совсем растаял.

Рекс допил свой бокал одним глотком.

— А мой нормальный, — сказал он. — Пойдем.

— Я только одену пальто, — сказала она, все еще рассеянно поглядывая на свой бокал.

ГЛАВА XI

При входе в Ночлежку, которая была на первом этаже небоскреба в одной из лучших частей города, Рекс Моррис поразился. Встречающий прибывающих гостей служащий в форме открыл дверцу их машины, пробормотал вежливое приветствие и пошел впереди, указывая путь к двери ресторана, которую он собственоручно открыл.

Сразу же внутри, когда они отдали легкое пальто Надин яркой молодой особе в мини-юбке, Рекс сказал своей спутнице:

— Как шикарно. Я не знал, что все еще есть члены Функционального Ряда Обслуживания. Мне казалось, что он был упразднен много лет тому назад.

Надин Симс сказала:

— Если я не ошибаюсь, все слуги здесь являются членами Функционального Ряда Безопасности.

— О-о? — выразил удивление Рекс. — Я думал, что даже Исполнители считут это ниже своего достоинства.

— Вряд ли они из класса Исполнителей, — сухо сказала Надин. — И основная их работа, насколько я понимаю,

маю, состоит не в том, чтобы просто открывать двери, принимать пальто и шляпы или подносить ужин. Но не кажется ли тебе, что это несколько, как бы это сказать, скользкая тема.

Рекс Моррис сразу же переключился на какую-то бanalность об обстановке, которая, в действительности, как ему казалось, страдала излишествами. Но он, правда, привык к простоте Таоса.

Какой-то тип с лоснящимся лицом подошел к ним и сказал с некоторым оттенком снисходительности:

— Извините, но это заведение только для...

Надин Симс высокомерно сказала:

— Вы, наверное, ошиблись. Это — Технол...

Тот покачал головой и печально добавил:

— Ранга Технола не достаточно, я боюсь. Ночлежка предназначена для...

Надин перебила его:

— ...Рекс Моррис, сын Героя Техната Леонарда Морриса.

Тот давал уже обратный ход:

— Конечно, как глупо с моей стороны, Технол Моррис. Ваш дядя сегодня у нас, может быть вы хотите за его столик?

— Насколько я знаю твоего дядю, Рекс, — сказала Надин, — мы оба упьемся к концу вечера, а мы бы не хотели так провести этот вечер, не так ли?

— Ясно, как божий день, — подтвердил Рекс и обратился к метрдотелю: — Отдельный столик для нас, пожалуйста.

Им дали симпатичный столик возле танцевальной площадки.

— Слава Веблену, — прошептала Надин. — Ты должен признать, что имя твоего отца имеет свои преимущества, когда нужно произвести впечатление на лакеев, открывавших дверь.

— Наверное, — сказал утомленно он.

Рекс Моррис оглядел комнату.

Из дальнего угла танцевальной площадки дядя Билл весело помахал ему рукой.

Старший Моррис сидел за столиком с полудюжиной других, трое или четверо из них были, как определил

Рекс, в ранге Технологов, в том числе Маррисон, текстильный магнат.

Они все, кажется, были уже навеселе.

Надин Симс поправила сари, заказала подскочившему к их столику официанту двойную "Плакучую иву" и принялась рассматривать комнату, без сомнения, по-женски выясняя, кто в чем одет.

Она улыбнулась полдюжине разных компаний, кивая в знак приветствия налево и направо.

Видно было по ее лицу, что она наслаждалась роскошью, а это заведение, наверное, было одним из самых роскошных в Великом Вашингтоне, а значит и во всем мире.

Она сказала сухо:

— Ты, кажется, не пользуешься сегодня большой популярностью у Технолы Паулы Клейн.

— Что ты имеешь в виду?

— Паула Клейн сидит вон там с Технологом Маттом Эджевортом. Мне показалось, она бросила на тебя злобный взгляд.

Рекс Моррис отыскал глазами Паулу, но она в это время разговаривала оживленно с грузным Технологом из ФРБ, сидящим напротив нее.

Полицейский чиновник, казалось, был немного не в своей тарелке в этом сверх шикарном ресторане для класса Технологов. Из всех присутствующих он один не обладал аристократической аурой, которая развивается на протяжении многих поколений.

Грубые черты лица, волосы нечесаные, манеры — не такие обходительные, как у других Технологов и Первых Технологов за соседними столиками.

Рекс Моррис скривил верхнюю губу, изображая отвращение.

— Как ты назвала того Исполнителя в одежде Технолога?

Глаза Надин Симс сузились и сделались как щелочки. Она сказала ровным голосом:

— Это Матт Эджеворт. Разве ты его не помнишь? Ты должен был видеть его на приеме у Лиззи Мим. Между прочим, ты прав. Он хорошо продвинулся по службе. Сделал хорошую карьеру.

Она добавила лениво:

— И, как я понимаю, он еще не достиг своего потолка. Уоррен Клейн, как тебе известно, Первый Технолог Функционального Ряда Безопасности, уже пенсионного возраста и, кроме того, нездоров, по слухам.

Рекс Моррис фыркнул неодобрительно.

— Ни один Исполнитель никогда не сможет стать членом Конгресса Первых Технологов. Даже если бы он был назначен главами других ФР, Высший Технолог, вне всякого сомнения, наложил бы вето на этот фарс.

Принесли напитки, и Надин Симс лениво помешала свой предназначенный для этого палочкой.

— Ни законом, ни традицией это не возбраняется, — сказала она.

— А продвижение по службе в Функциональном Ряду Безопасности значительно проще, чем в некоторых других. Разные требования, конечно. Не каждый обладает качествами, необходимыми для того, чтобы быть полицейским чиновником высокого ранга.

Рекс презрительно фыркнул.

— Можешь ли ты мне назвать хотя бы один случай в прошлом столетии, когда Исполнитель от рождения попал бы в Конгресс Первых Технологов?

— Он уже достиг ранга Технолога, — сказала она. — Остался один только шаг.

Рекс с отвращением пожал своими аристократическими плечами и даже не потрудился ответить ей.

Она мягко сказала:

— Как мне кажется, он о тебе тоже не высокого мнения.

— Что ты хочешь этим сказать, о Великий Скотт?

Она отложила палочку для помешивания напитка, поднесла бокал к губам и посмотрела ему в лицо.

— Система распространения сплетен передает, что он совсем не прочь подловить тебя на какой-нибудь промашке, такой, которая позволит ему отдать тебя под суд.

Рекс Моррис был ошеломлен.

— Но, почему, о Великий Скотт? Я едва знаком с этой деревенщиной.

— Ты, по-моему, слишком эмоционально высказываясь о человеке, с которым у тебя не было никаких кон-

тактов, — сказала она. — Откуда ты знаешь, что ты не найдешь его вполне совместимым, когда познакомишься с ним?

Он уставился через всю комнату на Технолого Безопасности.

— Маловероятно.

— Это потому, что он с красивой и обаятельной Паулой Клейн? — спросила она.

— Конечно, нет. Кроме того, ты сама же сказала, я, очевидно, у Технолы Клейн в черном списке.

Она допила свой напиток и постучала по тонкой ножке бокала палочкой. Официант подошел к столику с еще двумя бокалами того же напитка.

— Ты думаешь, — лениво произнесла Надин, — что в таком большом городе, как наш, масса подходящих молодых людей для девушки, но это отнюдь не так, принимая во внимание ранг Паулы.

Он хмуро взглянул на нее, выразив непонимание на своем лице, что не украшало его аристократическую внешность.

— Брат Паулы, — продолжила Надин, — и отец оба были Первыми Технологами. Но более того, Высший Технолог — это ее кузен. Выше уже некуда.

— Кузина Высшего Технолога? — повторил Рекс. — Я этого не знал.

Надин помешала свой новый напиток.

— Немного под подходящих молодых людей на такой высоте. Конечно, сын Героя Техната ...

Рекс с возмущением отмел эту идею.

— Дурная репутация моего отца превосходит его престиж.

— Сомневаюсь. Когда ты достигнешь высот Паулы, многое простится. Например, один из ее дедушек выступал против Темпля. Нонконформизм высшей степени.

Рекс Моррис нетерпеливо сказал:

— При чем же здесь тогда этот неотесанный чурбан, пытающийся меня достать?

Надин Симс улыбнулась ему очаровательной улыбкой.

— Как ты сам заметил, требуется более одного столетия для того, чтобы кто-нибудь, рожденный Исполните-

лем, достиг Конгресса Первых Технологов. У такого человека хватит амбиций, чтобы жениться на Пауле Клейн.

Рекс поджал губы и тихо присвистнул.

— О-го-го, — сказал он. — Я полагаю, мне лучше поставить всех в известность, что меня не интересует эта молодая леди. В противном случае я кончу тем, что он арестует меня за подрывные разговоры, как только я открою рот, чтобы зевнуть.

— Так ты не очарован Технолой Клейн? — спросила Надин.

Он протянул руку через стол, чтобы дотронуться до ее руки.

— Моя дорогая Нефертити Вторая, — сказал он. — Ты помнишь? Я же мужчина, питающий слабость к шейкам. А ты сравни свою и ее ...

Она рассмеялась, но бросила быстрый взгляд через всю комнату на Паулу.

— В действительности, непривлекательной ее не назовешь. Она хороша, скажем, в серьезном стиле.

— Это, что называется, похвала, которая хуже хулы, — усмехнулся Рекс.

Возле входа возникло какое-то легкое волнение, и через минуту Технолог Матт Эджеворт быстро вскочил на ноги, даже забыв принести извинения Пауле Клейн, и поспешил туда, откуда доносился шум, и проходя между столиками, вращал своими бедрами, подобно тому, как бежит футболист по разбитому полю.

Этот крупный мужчина, оказывается, мог довольно быстро передвигаться в случае необходимости.

В дальнем конце комнаты возникла оживленная дискуссия, которая не могла более оставаться незамеченной всеми присутствующими в этом заведении.

Наконец, Матт Эджеворт проделал обратно свой путь между столиками и вышел в центр танцевальной площадки.

Он поднял руки над головой, как бы прося внимания, лицо его ничего не выражало.

Рекс спросил у Надин:

— Что в конце концов происходит? Чего хочет этот толстый клоун?

Она сказала в растерянности:

— Не знаю. Очевидно, случилось что-то важное.

Мэтт Эджеворт говорил:

— Могу я просить вашего внимания?

Он замолчал, ожидая, пока стихнет волна удивления.

— Дело огромной важности, и так как основная часть чиновников высокого ранга присутствует здесь ... Вы все знаете Первого Технолога ФР Безопасности, Уоррена Клейна...

Какой-то мужчина лет на десять старше Эджеворта, который следовал за ним, в этот момент вышел на середину танцевальной площадки, тогда как его подчиненный сделал несколько шагов назад.

Рекс Моррис смог уловить фамильное сходство между Паулой Клейн и этим мужчиной.

На Уоррене Клейне был серый костюм, на плечах — серого цвета шинель плащевого покроя, как подобает Первому Технологу. Это был красивый мужчина, но некоторая бледность в его лице выдавала его слабое здоровье.

Он посмотрел на присутствующих с искаженным выражением лица.

— Примерно час тому назад на меня было совершено покушение, когда я вышел из машины и направился к месту моей работы.

Он ожидал, пока уляжется шум, вызванный его словами. Это продолжалось несколько минут.

Он снова поднял руку, прося тишины.

— Это единственная попытка покушения на члена Конгресса Первых Технологов на нашей памяти. Вначале я подумал, что это дело рук какого-то сумасшедшего-одиночки, возможно, из чувства личной зависти. Однако...

Он вытащил из внутреннего кармана конверт.

— ...один из моих подчиненных принес мне вот это. Это письмо пришло на прошлой неделе, но мне не доложили о нем, так как его расценили как бред сумасшедшего. Такие случаи уже бывали. Однако после сегодняшних событий...

Он начал читать письмо вслух.

— Первый Технолог Уоррен Клейн! Вы неспособны управлять вверенной вам службой. Следовательно, если вы не объявите о своей отставке в ближайшем будущем, вы поплатитесь жизнью. Человечество находится в состоянии

застоя в результате узурпации власти некомпетентными людьми.

Уоррен Клейн оторвал глаза от бумаги и обвел всю Ночлежку внимательным взглядом, переводя его с одного столика на другой.

Он сказал:

— Это письмо подписано: Нигилисты.

Уоррен Клейн снова поднял руку, чтобы успокоить присутствующих, так как шум снова прокатился по комнатае, перерастая в гул.

Он сказал:

— Для тех, кто незнаком с этим термином, могу пояснить, что нигилизм — это революционное движение, возникшее в 19-ом веке, которое призывало к свержению существующих экономических и общественных институтов для установления предположительно лучшего строя. Среди методов, которые использовались нигилистами, были такие прямые действия, как поджоги и покушения на членов существующего правительства. Этим террористам удалось убить некоторых высокопоставленных особ того времени, в том числе царя Александра Второго в России. Они иногда взрывали целые составы, только для того, чтобы убить одного человека. Короче говоря, их нельзя было недооценивать, несмотря на то, что это были фанатики.

Некоторые из присутствующих были на ногах, их лица выражали различные чувства: от полного недоверия до истерического потрясения.

На какой-то момент голос Первого Технолога Функционального Ряда Безопасности потонул в шуме их голосов.

Сила голоса Уоррена Клейна возросла.

— Предварительное обследование показало, что совершенная сегодня вечером попытка покушения была тщательно подготовлена. Мне удалось остаться в живых только благодаря случайности и действиям преданных мне людей. Но это не самое главное.

Он на минуту умолк, как бы подчеркивая важность последующих за этим слов.

— Дело в том, что сегодня утром Высший Технолог тоже получил подобное письмо, почти дословно повторяющее то, что я сейчас зачитал.

Из зала донесся голос:

— Я тоже получил подобное письмо. Я... Я подумал, что это какая-то бессмыслица.

Говорившим был Технолог Маррисон, сразу от испуга пропрозвевший.

— И я, — прокричал кто-то еще. — Я тоже получил. Оно пришло по почте только вчера.

Первый Технолог Уоррен Клейн снова обвел глазами присутствующих.

— Мы должны смотреть правде в глаза. Впервые за последние несколько поколений Технат столкнулся с революционным движением. Функциональный Ряд Безопасности ожидает от каждого члена касты Технологов сотрудничества с максимальной отдачей сил. Мои люди оповестили всех, кого необходимо, в городе. Дальнейшую информацию и указания вы получите через соответствующие Функциональные Ряды.

— В случае появления новых посланий или чего-нибудь другого, связанного с нигилистами, прошу сообщать об этом моему помощнику Технологу Матту Эджеворту.

ГЛАВА XII

Первый Технолог Безопасности, заметно уставший после выступления перед такой большой аудиторией без громкоговорителя, умолк и обернулся к Матту Эджеворту. Все еще не двигаясь с места, они разговаривали озабоченно между собой, но голоса их не доносились до того места, где сидели Рекс Моррис и Надин Симс.

Надин прикусила нижнюю губу и посмотрела в их направлении. Казалось, она приняла какое-то решение. Она встала и как бы извиняясь сказала Рексу:

— Я просто вспомнила о договоренности. Сиди. Придется перенести этот милый вечер на другой раз.

Рекс встал, несмотря на ее протест, но она уже ушла — в направлении этих двух важных шишек из Безопасности.

Рекс проворчал:

— Я сомневаюсь, что ты просто вспомнила о договоренности.

Он взял свой недопитый наполовину бокал и направился к столику, где сидел его дядя с компанией. В это время практически все в комнате были на ногах. По крайней мере, мужчины. Женщины — члены касты Технологов — оставались на своих местах за столиками. Лица их выражали скорее подавленность, чем обеспокоенность.

Технолог Маррисон выпалил:

— ... перестрелять их всех. Я так считаю. Перестрелять как собак. Они и есть бешеные собаки.

Но дядя Билл, который, казалось, не был до такой степени навеселе, как большинство из них, криво усмехаясь, сказал:

— Нам нужно для этого сначала поймать их, Фред. Технолог текстильной промышленности накинулся на него, что выглядело немного дико, так как ничего особенного в высказанном утверждении не было.

— Я мог ожидать некоторого несогласия с твоей стороны, Уильям Моррис, учитывая известные взгляды твоего брата.

— О Великий Говард, — вырвалось у кого-то. — Неужели мы станем спорить друг с другом? Откуда мы знаем, может быть какой-нибудь снайпер подстрелит нас, когда мы будем выходить отсюда.

— Правильно, — сказал кто-то другой в полуистерике. — Нам нужно держаться вместе, представителям касты Технологов, иначе мы погибнем поодиночке. Но Фред прав, мы должны быть беспощадными по отношению к ним. Пусть отадут приказ расстреливать их на месте.

Рекс Моррис смотрел на это все, как бы со стороны. Он взглянул на своего дядю. А этот достойный человек продолжал по-прежнему с возмущением, несмотря на упреки Маррисона.

— Как мы можем расстрелять их на месте, если мы их и в глаза еще не видели?

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — ответил тот ему.

Рекс подумал, что ничего уместного не было пока сказано в этом собрании на данном этапе игры. Они вели себя как кучка старых женщин. Он прошелся по комнате, отыскивая взглядом Надин Симс, но не обнаружил ее. Он направился в прихожую. Люди расходились и толпились в

дверях. Рекс проскользнул между болтающими и воскликющими завсегдатаями этого места из класса Технологов и свернул на боковую дорожку. Там тоже были болтающие, кружасшие от волнения группки; доносились бессмысленные споры; некоторые ожидали заказанных автомашин.

Рекс решил, что при такой толпе понадобится целая вечность, чтобы дождаться такси, и он свернул направо и пошел по улице, засунув беззаботно руки в карманы. Он прошел несколько кварталов и пришел к выводу, что вероятность его преследования нёвелика. Если его преследовали на пути к Ночлежке, то сейчас они, без сомнения, потеряли его след. Он решил идти пешком до дядиного дома. Свежий воздух ему не повредит, и он хотел иметь возможность кое-что обдумать. Все ставки были сделаны, и отступать назад было некуда.

Глубоко погруженный в свои мысли, он завернул за угол и чуть было не налетел на какую-то прохожую. Она выпустила из рук сумку и упала бы сама, если бы он не поддержал ее обеими руками.

— Нужно смотреть, куда идешь..., — начала она, но сразу умолкла, как только заметила его серый костюм капитаны Технологов.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Я был так неуклюж.

— О, ничего. Все нормально... сэр.

Она торопливо добавила:

— Я сама виновата.

Они оба нагнулись, чтобы поднять ее сумку, и столкнулись головами. Затем выпрямились, и Рекс сказал:

— О Великий Скотт, так и убить друг друга можно. Он поднял руку, как бы останавливая ее.

— Давайте я теперь сам подниму ее.

Он нагнулся, поднял ее сумку и передал ей. Она была в одежде Младшего Инженера Функционального Ряда Статистики, иными словами она служила в Национальном банке данных этого компьютеризированного общества. Она была, наверное, примерно того же возраста, что и Рекс, в противном случае она не получила бы назначения, но выглядела не старше двадцати пяти и отличалась, по-видимому, веселым нравом. На первый взгляд она была очень миленькой.

Женщина сказала:

— Спасибо... сэр.

— Прямо-таки — сэр, — передразнил ее Рекс. — Ты заставляешь меня чувствовать себя пожилым мужчиной. Кроме того, я тебя хорошенечко стукнул, наверное, и у тебя есть основание для возмущения.

Он испытующе посмотрел на нее.

— Не хочу показаться “тепленьким”, но мне бы хотелось пригласить тебя выпить.

Она вдруг захихикала.

— “Тепленьким”, — сказала она. — Могу поспорить, ты часто употребляешь это слово. Я только один раз слышала это слово в историческом стерео-шоу. Ты не из Большого Вашингтона. Откуда ты родом, чужестранец?

— О-о, — вздохнул Рекс. — Только не говори, что у меня сильный акцент. Это секрет, но ты права, я приехал сюда недавно. Я прогуливаюсь по городу, чтобы прочувствовать его. Так как насчет того, чтобы выпить?

Она слегка нахмурилась и снова взглянула на его серый костюм Технолога.

— Существует множество ограничений в этом районе. Я сомневаюсь, что меня пустят в бар для Технологов. Старших Инженеров пускают, а я всего лишь Младший.

— Ну, хорошо, давай пойдем в какое-нибудь место для Инженеров в таком случае. А то я умру от жажды через минуту.

— А ты не против?

— Почему я должен быть против?

Он взял ее под руку, и они пошли в том направлении, откуда она только что пришла. Она поглядела на него искося.

— Меня зовут Адель, — сказала она.

— Отлично, Адель, а я Рекс.

Место, куда она вела его, находилось в полуквартале, на уличном уровне. Оно было почти на сто процентов автоматизировано, но у входа их встретил служащий Функционального Ряда Развлечений. Его брови поползли вверх, когда он увидел костюм Рекса Морриса.

— Э, сэр, — начал он. — Это...

— Я сам знаю. Разве я похож на идиота? — отрезал Рекс. — Пожалуйста, дайте нам столик.

Тот покраснел.

— Да, сэр. Конечно. Я имел в виду..., нет, сэр. Сюда, пожалуйста.

У других посетителей тоже поползли брови вверх, когда они проходили мимо них к уютному столику в симпатичной нише. Однако, если Технологу хочется посещать трущобы, нет причины, чтобы его удерживать. Старшие и Младшие Инженеры ведь тоже участвуют, когда им хочется, в развлечениях для класса Исполнителей.

Усевшись, Рекс с одобрением осмотрел это заведение. Сидело здесь несколько сотен человек, и все места были заняты. Оно не могло похвастаться роскошью Ночлежки, но было что-то такое в атмосфере его, что отсутствовало в расточительных заведениях для касты Технологов. Здесь, наверное, пьют, а не попиваю, подумал Рекс.

Девушка посмотрела на Рекса Морриса более внимательным взглядом и очевидно одобрила увиденное. То же можно сказать и о Рексе. Она была довольно миловидной.

Он посмотрел в меню, что лежало на автостоле.

— Что закажем? — спросил он.

— Что хочешь.

— Я пью "Плакучую иву", — сказал Рекс, — но я не вижу ее в меню.

Она сказала сухо:

— Если я не ошибаюсь, она делается на основе французского шампанского. Это слишком экзотично для Инженера.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— О, я не знал этого. Я думал, в заведении для Инженеров есть все то, что и везде.

Она сказала без какой-либо озлобленности в голосе:

— Нет, не все. Такие дорогие импортные вещи предназначены только для заведений ранга Технологов. Это все связано с торговым балансом между нами и Объединенным Европейским Технатом. Как я понимаю, теоретически Технат является самодостаточным государством, но есть некоторые вещи, например, предметы роскоши, которые производятся только в определенных регионах мира и которые нужно импортировать. Чтобы импортировать, нужно экспортировать, а таких вещей, которые мы производим и

в которых нуждалась бы Объединенная Европа, не очень много.

Он не выдержал, чтобы не засмеяться.

— Ты, без сомнения, из службы статистики. Ну, предлагаю тогда ты.

— Как ты относишься к прохладительному напитку с текиловым ликером?

Рекс Моррис не особенно любил мексиканский спирт, но он заказал два таких напитка, опустив предварительно в щелочку для оплаты свою универсальную кредитную карточку. Пока они ожидали выполнения заказа, она сказала, склонив голову набок:

— Ты знаешь, я, наверное, впервые выпиваю в компании Технолога.

— О, мы не придерживаемся таких формальностей в Таосе. Мне кажется, столица Техната более склонна к пуританству, чем наши дебри.

Центр стола погрузился и незамедлительно вернулся на свое место с двумя высокими бокалами с охлажденным напитком. Они взяли их и символически чокнулись.

— Конечно, я не выступаю с критикой здешних порядков, — сказал он.

— Конечно же, нет, — автоматически произнесла она и глаза ее расширились. Она сказала приглушенным голосом:

— Рекс, ты новичок в городе и ты из Таоса. Тогда ты, должно быть...

Он молча смотрел на нее.

Она метнула взгляд на часы.

— О Великий Говард, я совсем забыла. Мне нужно идти.

— В самом деле? — спросил он, не пытаясь скрыть своего разочарования.

— Боюсь, что да.

Она быстро отпила глоток из своего почти нетронутого бокала и вскочила на ноги.

Рекс пожал плечами, тоже встал и пошел вслед за ней на выход.

На улице он было протянул ей руку, чтобы попрощаться, но она сказала:

— Послушай, Рекс Моррис, если ты все еще не прочь выпить, мы можем сделать это у меня дома.

Он сердито посмотрел на нее.

— А почему не здесь?

— Это место прослушивается.

— Прослушивается?

— Электронные мини-микрофоны установлены в каждом столе. Все разговоры контролируются с помощью компьютеров.

— О Великий Скотт, почему?

— Кто я такая, чтобы задавать вопросы правительству? — сказала она в шутку.

— Но какая им разница? Почему это должно их волновать?

Она странно посмотрела на него.

— Ты сын Леонарда Морриса и задаешь такие вопросы?

— Конечно.

— Я в новостях услышала, что ты в городе. Из их намеков можно было понять, что ты начал уже посещать разговорни.

— Меня случайно затащили в одну из них, — сказал Рекс.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Ты не обязан оправдываться передо мной. Я сама бывала один или два раза. Во всяком случае, как только я поняла, кто ты, я подумала, что нам лучше выйти. Уже то, что ты сказал о пуританстве в Великом Вашингтоне, можно расценить как спорное высказывание, с элементами критики. Я подумала, что нам лучше уйти, пока монитор не начал нас проверять более внимательно.

Он подошел к ней, и вместе они пошли дальше.

Он сказал, все еще находясь под впечатлением от сказанного ею:

— Я не знал, что это зашло так далеко. А откуда ты узнала об этом?

— Я работаю в отделении, которое имеет к этому отношение. Я являюсь Младшим Инженером и имею в подчинении несколько банков данных для мониторов.

— Но, Великий Скотт, для осуществления этого потребуются в буквальном смысле тысячи, десятки тысяч людей. Понадобится задействовать половину рабочей силы города, чтобы обеспечить мониторинг его населения.

Она тряхнула головой.

— Нет, с этим всем справляются компьютеры. Они контролируют каждый разговор. Если встречается некоторое ключевое слово, которое указывает на то, что обсуждается какой-то спорный вопрос, они записывают его полностью и направляют его одному из нас, Младших Инженеров.

Она добавила кисло:

— Ты не представляешь, как много разговоров приходится мне прослушивать и какие скучные большинство из них.

— Ну, и что происходит, когда ты наталкиваешься на то, что кто-нибудь говорит о смене правительства или о других подобных вещах.

Она состроила гримасу.

— Разве это не ясно и так? Мы ставим в известность Безопасность, и они принимают меры.

У Рекса Морриса вырвалось:

— О Великий Веблен!

Она снова склонила голову набок в присущей ей бойкой манере и сказала иронично:

— А ты, Технол Моррис, не высказываешь критических замечаний в адрес нашего правительства?

— Нет, конечно, нет, — поспешил сказать он. — Я просто был удивлен, узнав о таком институте.

— Вот мы и пришли, — сказала она, подходя к жилому зданию, которое хотя и было огромным, не было таким роскошным, как те, где жили Уильям Моррис, Лиззи Мим и Надин Симс. Он без сомнения был предназначен для жильцов касты Инженеров, хотя Рекс знал, что часто в таких зданиях Технологам предоставляли наиболее удобные квартиры, например, особняки на крыше или террасные квартиры на верхних этажах. Часто даже в наиболее шикарных высотных жилых зданиях жили Исполнители в небольших квартирах на низких этажах и в подвале.

Он вошел за ней, и они воспользовались лифтом, причем ему не пришлось идентифицировать себя с помощью универсальной кредитной карточки для того, чтобы получить разрешение. Очевидно, безопасность не считалась такой обязательной в зданиях, предназначенных главным образом для Инженеров, как в зданиях, где преобладали Технологи.

У нее была средних размеров квартира на 18-м этаже, и когда они подошли к двери, экран идентификации распознал ее, и дверь открылась перед ними.

Она прошла в гостиную, бросила свою сумку на стол, изобразила жест гостеприимства и сказала:

— Добро пожаловать в мой замок. Чувствуя себя, как дома, чужестранец. Я закажу снова текиловый ликер.

Она подошла к автобару, который стоял в углу.

В действительности, Рексу не хотелось пить, но ему хотелось еще поговорить с ней. Почти все его контакты здесь в Великом Вашингтоне были с представителями класса Технологов, а ему было интересно поговорить с людьми других классов. Кроме того, девушка обладала интригующим обаянием, а Рекс Моррис был далек от того, чтобы не поддаваться воздействию женского обаяния.

Он сел на стул, скрестил ноги и огляделся по сторонам. Квартира была довольно уютной и, очевидно, ее хозяйка обладала даром обставлять квартиру и чувством вкуса. Ему пришло в голову, что он был во многих квартирах, где проживали Технологи, и они производили менее выигрышное впечатление, несмотря на значительно большее пространство и дополнительные ресурсы. Высокий жизненный уровень был характерной особенностью жизни Технологов, и ему было интересно узнать жизненный уровень Инженеров, относящихся к более низкому классу.

Адель принесла напитки, подала ему один и села напротив него на кушетку, поправив мини-юбку. Она подняла свой бокал для тоста.

— Ну, еще раз, за твое здоровье, Рекс Моррис.

Он символически ответил ей на тост и сказал:

— Ну, хорошо, ты знаешь мое полное имя и даже немного обо мне, хотя, очевидно, ничего хорошего. А теперь расскажи мне о себе.

Она сделала легкое движение и пожала плечами.

— Не о чем особенно рассказывать. Очень средняя молодая женщина. Адель Бриартон. Мне тридцать один год, и я постоянно это ощущаю. Сирота. Закончила школу при MIT. Получала высокие награды. Специализировалась в компьютерной технологии. После окончания школы быстро была привлечена к сотрудничеству Функциональным Рядом Статистики. Сразу же получила назначение в банке

данных в секторе, связанном с Безопасностью — не по своему выбору. Младший Инженер. Очень сообразительная девушка. Коэффициент интеллектуальности 142.

— Ну, — сказал Рекс, находясь под впечатлением. — Имея такую базу, ты можешь далеко продвинуться по службе. Когда-нибудь я прочту о том, что Адель Бриартон получила звание Технолога.

Она странно посмотрела на него.

— Наоборот, я уже достигла своего потолка. Я счастлива тем, что мне удалось достичь. Обычно начинают, даже с моей подготовкой, в должности Старшего Исполнителя.

— Коэффициент интеллектуальности 142, высокие награды от MIT? Это лучшая техническая школа в Технате, не так ли?

Она сказала с некоторым оттенком горечи в голосе:

— Да, это так. Кстати, а где ты учился, Технол Моррис?

— Рекс, — сказал он просто, принимая присущий ему томный вид. — О, везде. Я не специализировался в какой-нибудь одной области. Скорее, знакомился со многими областями. Я потерял интерес к чему бы то ни было и менял школы или по крайней мере предметы. Я даже не знаю, как мне удалось закончить мое образование.

— Ясно. А я думала, что ты, как и твой отец, весь в науке.

— О, нет. У меня нет склонности к науке, я не честолюбив и не имею не малейшего желания идти по стопам отца.

Он снова переключился на нее.

— А в чем дело, почему ты не хочешь продвигаться по службе дальше. Разве ты не любишь свою работу, Адель?

— Я люблю ее. Я потратила последние десять лет на обучение работе на компьютере. Причина в тебе.

Он приготовился отпить еще один глоток, но отвел свой бокал от рта.

— Что ты имеешь в виду?

— Я сказала, что причина того, что я никогда не поднимусь выше ранга Младшего Инженера, находится в тебе. Во всяком случае, это маловероятно. Я могу получить максимум Старшего Инженера перед выходом на пенсию.

— Ну, и что же. А причем же здесь я. Ведь мы никогда ранее не встречались перед тем, как столкнулись на улице.

Он был озадачен ее словами.

Адель усмехнулась.

— Ну, может быть, не именно ты. Но ты приехал сюда в Великий Вашингтон за назначением, не так ли? Могу спорить, что твой коэффициент категории равен, по крайней мере, двум или даже единице.

Она насмешливо немного искоса посмотрела на него.

— Я почерпнула эти сведения из системы распространения сплетен.

— Да, за назначением, но я по-прежнему не понимаю, о чем речь.

Она вздохнула и отставила свой бокал.

— Если кто-нибудь предложит тебе работу в качестве Старшего Инженера в Функциональном Ряду Статистики, который является самым крупным в Великом Вашингтоне, ты примешь его?

— Ну, ... я думаю, да. У меня нет особого выбора.

— А что ты знаешь о компьютерах, банках данных, записях, статистике, электронике и так далее и тому подобное?

— Ну, я не знаю. Мне понадобилась бы некоторая тренировка перед работой.

Ему было неловко.

Она тряхнула головой.

— Ну, это не очень много и слишком поверхностно. Тебе бы лучше проводить время за коктейлями: перед ленчом — с друзьями Технологами, потом еще несколько между ленчом и ужином, а потом вечером финансовые маникюри за столиком в ночном клубе. А помнишь, я сказала тебе, что я потратила десять лет на подготовку в этой области?

Она добавила криво:

— С коэффициентом интеллектуальности 142 в МИТ. Я не спрашиваю, каков твой коэффициент интеллектуальности, Технол Моррис.

Он ничего не ответил.

Она продолжала:

— Твоего дядю, Технолога, зовут, кажется, Уильям Моррис? Насколько я понимаю, у него в городе репутация

этакого повесы. Во всяком случае, если он пожимает руку Технолога, руководящего моим Функциональным Рядом, или даже руку Первого Технолога, возможно, за ранее оказанные услуги, то вполне возможно, что ты сразу сможешь получить назначение, которое будет выше моего. Тогда ты будешь моим Старшим Инженером. Через пять лет, возможно, если ты пустишь в ход все свои связи, а я думаю, ты это сделаешь, тебя сделают Технологом — когда дядин дружок пойдет на пенсию. А еще через пять лет, особенно если твой отец подсуетится и возобновит свои прежние тесные связи с Конгрессом Первых Технологов и Высшим Технологом, ты сможешь даже попасть на пост Первого Технолога Функционального Ряда Статистики. Можно продолжить. Когда Высший Технолог умрет или добровольно уйдет на пенсию, тебя могут выбрать на эту должность. Но ты, Рекс Моррис, по-прежнему не будешь знать, как включить простейший компьютер, на котором я работаю.

— Я почувствовал горечь в твоих словах, — сказал Рекс спокойно, отпив еще глоток, хотя ему вовсе и не хотелось этого.

Она устало покачала головой.

— Нет. Думаю, что нет. Это просто наш механизм назначений. Его не переделать. На самом деле, ни один человек из трех в Технате не нужен. И это приложимо к обоим концам рабочей силы.

— Не кажется ли вам, мисс Бриартон, что вы высказываете спорные утверждения? — Рекс Моррис почувствовал, что самое время сказать что-нибудь в этом духе.

— Когда я беседую с сыном Леонарда Морриса?

Он ничего на это не ответил. Он хотел только услышать, что она скажет. Ему никогда не приходилось слышать высказывания Инженеров на эту тему, и ему было любопытно.

Она сказала:

— Многие Исполнители являются лишними. Уже давно разнорабочий стал неходким товаром на рынке труда. Автоматизация отобрала у него работу. Но незанятый человек является потенциально опасным человеком, поэтому в Технате мы даем ему работу ради процесса работы. Некоторые из них нужны, конечно, и всегда будут нужны, не-

зависимо от степени автоматизации, но многие из них лишние. Они делают очень мало, эта самая обширная составная часть нашей индустриальной системы, что не мог бы сделать, и несомненно лучше, один Младший или Старший Инженер, снабженный последними технологическими новшествами.

— Ты сказала “к обоим концам рабочей силы”?

— Да, конечно. Каста Технологов так же в значительной мере избыточна, как и каста Исполнителей. В них более нет необходимости. Подобно тому, как стал избыточным класс феодалов, а позднее класс капиталистов, так и в наше время класс Технологов избыточен.

— Но кто бы осуществлял стратегическое планирование, если бы не было Конгресса Первых Технологов и Технологов, исполняющих их приказания.

Она вздохнула.

— Я думаю, те же, что и сейчас. Их помощники. Их персонал. Некоторые Старшие Инженеры, но главным образом Младшие Инженеры и Старшие Исполнители, работающие, конечно, на компьютерах и использующие новейшую технологию. Ты не настолько глуп, я полагаю, чтобы думать, что вы, потомственные Технологи, в самом деле выполняете какую-нибудь работу, не так ли, Технол Моррис?

Он сказал спокойно:

— Мне показалось, что ты являешься поклонницей моего отца. Ты утверждаешь, что он не работает? Сейчас он, конечно, на пенсии.

Она пожала плечами.

— Есть исключения. Некоторые являются очень выдающимися. Но они составляют исключение. Класс Технологов как класс является паразитическим.

— И что ты предлагаешь делать, Адель?

Младший Инженер тряхнула головой.

— Ничего.

Она указала на квартиру, мебель, картины на стенах, автобар, книги.

— Разве я могу жаловаться? Мои родители оба были Младшими Исполнителями. А я достигла такого положения. Я люблю свою работу. Мне хорошо платят. Через десять лет я смогу уйти на пенсию, если захочу, а я вряд

ли захочу. Дело в том, что я имею почти все, чего бы я хотела.

— За исключением высшего статуса, — сказал он резко.

— Не хлебом единственным жив человек, — сказала она ему так же резко. — Я заслуживаю более высокого статуса. А какого статуса заслуживаешь ты, Технол Моррис?

Рекс отставил свой бокал и встал с выражением извинения на лице.

— Боюсь, что я отнял у тебя слишком много времени, Адель. Я должен бежать.

Немного поколебавшись, он добавил:

— Я не знаю, чем я заслужил все это.

Адель тоже встала. Ее вид выражал усталость.

— Ничего, — сказала она. Ты хороший парень. Я просто увлеклась и разболталаась. Особенно после того, как ты сказал о своей учебе и об отсутствии честолюбия.

Она снова сделала недовольную гримасу.

— Я полагаю, ты сообщишь обо всем этом в Безопасность.

Рекс неожиданно улыбнулся.

— Почему? Я у тебя в долгу. Помнишь? Я так и не угостил тебя.

Адель посмотрела на него.

— Я, кажется, сегодня склонна бросать обвинения своим друзьям. Я принимаю твое приглашение выпить какнибудь в другой раз.

ГЛАВА XIII

На следующий день, к вечеру, Рекс Моррис вошел в гостиную дядиной квартиры. Старший Моррис появился на переговорном экране, и вид у него был слегка сердитый.

— О, прошу прощения, — сказал Рекс, — я не знал, что ты занят. Мне уйти?

— Нет-нет, мой мальчик, — сказал дядя. — Я ни с кем не беседовал. Я просматривал книгу в библиотечном банке данных.

— Занимаешься исследованиями? — спросил Рекс, опускаясь на кушетку.

— А я представлял тебя этаким повесой в летах, дядя Билл. Вино, женщины и посвистывание, а не чтение книг.

— Без дерзостей, юноша. На самом деле я хотел почитать о нигилистах. Захватывающая тема. Я не знаю, в какой мере эта современная банды схожа с первоначальной, но нигилисты 19-го века представляли собой организованную группу. В большей мере, чем кто другой, они были анархистами, но они были преданы своему делу. Когда они решали убрать какую-нибудь жертву, они выполняли это во что бы то ни стало. Они до тех пор предпринимали попытки, пока не убивали этого человека — с помощью пистолета, бомбы или ножа. Рано или поздно его ликвидировали. Я не думаю, что они действовали когда-нибудь здесь, в Америке. Они были в основном в Восточной Европе, главным образом, в России. Они прикончили многих Великих Князей, особенно из числа тех, кто входил в правительство.

Рекс произнес довольно натянуто:

— Я должен сказать, что это явно спорная тема, не так ли.

— Прекрати, мой мальчик. Мы в изоляции моего дома. И, конечно, будучи сыном Леонарда, ты должен был в свое время слышать подобные разговоры.

Он выключил переговорный экран, чтобы удобнее было разговаривать.

Рекс Моррис встал со своего места, подошел к автобару и заказал себе напиток, потом снова сел на кушетку.

— В этом-то и дело, — сказал он вялым голосом. — Маятник раскачался в противоположную сторону. Что касается меня, то если бы я никогда в жизни не слышал некоторых спорных обсуждений, то я был бы более счастливым. К чему это приведет?

Дядя посмотрел на него оценивающим взглядом.

— Не знаю, можно ли верить тому, что ты говоришь. Во всяком случае, в твое отсутствие к тебе приходили посетители.

— Посетители? Это очень плохо. Кто же мог приходить ко мне?

— Матт Эджеворт с одним из своих людей. Вряд ли они были здесь по социальным причинам.

— Эджеворт? — сказал Рекс в замешательстве. О, ты имеешь в виду человека из Безопасности. Того Исполнителя, который на брюхе прополз до своего ответственного положения. Думаю, это могло произойти только в Функциональном Ряду Безопасности. Грубое животное.

— Не стоит недооценивать Матта Эджеворта, мой мальчик. Он, способный и честолюбивый, и к тому же в том возрасте, когда многие из нас и не задумывались о карьере. Напористый человек может пробить себе дорогу в любом обществе.

— Ну, ладно, что он хотел? По-видимому, письменной гарантии, что я не буду ухаживать за Паулой Клейн. Технола Симс сказала мне, что он преследует каждого, кто осмелился подойти к сестре Уоррена Клейна настолько близко, чтобы заговорить.

Дядя покачал головой.

— ФР Безопасности пытается напасть на след нигилистов. Часть их программы включает проверку всех недавно прибывших в столицу. Все гостиницы, все недавно занятые квартиры — все проверяется. Вся их обычная работа отошла на задний план из-за этого.

— И Эджеворт пришел повидать меня? — сказал Рекс. — Технолог, выполняющий поручения?

— Это меня тоже удивило, — сказал Уильям Моррис. — Однако, Эджеворт пояснил, что учитывая высокое положение твоего отца, он решил, что тебя должен проверять кто-нибудь более высокого ранга.

Рекс фыркнул.

— Это, по-видимому, не относится к тому случаю, когда он прислал этого глупого Инженера задержать меня за посещение разговорни.

Старший Моррис медленно спросил:

— Что это у тебя за потайное отделение в твоей сумке, Рекс?

Не дожидаясь ответа, он продолжал:

— Технолог Эджеворт попросил разрешения осмотреть твои вещи. Так полагается, сказал он. Я подумал, что лучшей политикой является открытость и прямота, и сказал, что ты не будешь возражать.

— Потайное отделение? — переспросил Рекс. — О, в сумке из крокодиловой кожи. Я сделал его несколько лет назад как раз перед туристической поездкой в Австралийский Технат. Думал, что я смогу положить туда что-нибудь, что захочу перевести через их таможню или нашу. Романтическая глупость, да? Я никогда не воспользовался им. А что сказал Эджеворт?

— Ничего. Там ничего не было, конечно.

— Ну, а что они делают с террористами? Как там ты их называешь?

— Нигилисты. Заварилась каша. Я думаю, что вначале ФР Безопасности хотел подавить распространение информации об этом. Но она расползлась через разговорни, подобно тому, как разлетаются осы из потревоженного гнезда, а затем некоторые комментаторы сплетен передали эту новость по широкому вещанию. Все это граничит с нон-конформизмом. Им пришлось припугнуть нескольких выживших из ума мужчин и женщин.

— Я так и думал, — сказал Рекс.

Он отпил глоток напитка.

— Эти комментаторы сплетен — настоящее осиное кубло. Меня удивляет, что ФРБ терпит их. Припоминается мне, что ты как-то намекнул, что Надин Симс ... как это ты сказал?

Дядя смутился.

— Она красивая женщина, но она оппортунистка, мой мальчик. Я имел возможность проверить ее как-то. Члены ее семьи преимущественно Младшие Исполнители, но ей удалось получить работу в технологических кругах. Думаю, что многие люди, с которыми она общается, думают, что она сама из касты Технологов. Она наверное кончит тем, что станет женой или любовницей какого-нибудь Технолога или даже Первого Технолога.

— Но ... почему? — спросил удивленно Рекс. — Зачем ей это все?

— Не спрашивай меня об этом. Для престижа, я думаю. Из желания быть наверху. Ради того, чтобы быть вхожей в Ночлежку и крутиться возле навозных жуков технатовской верхушки.

Рекс Моррис осушил свой стакан. Теперь он вытянулся во всю длину на кушетке и расслабился.

— Многие люди в этом городе сами создают себе проблемы. В частности, мне кажется, что честолюбие мешает нормальной хорошей жизни.

Дядя сказал раздраженно:

— Молодой человек, парни твоего типа способствуют появлению нигилистов.

— Моего типа? Мой тип ничему не способствует, — улыбнулся Рекс. — Нет никакого воодушевления.

— Это, очевидно, их точка зрения. Они полагают, что Технат виновен в том, что подавляет инициативу. Что некомпетентные люди правят страной и что, следовательно, прогресс тормозится.

Рекс зевнул и сказал:

— Не кажется ли тебе, дядя Билл, что это спорные вопросы?

Дядя сердито фыркнул.

— Когда люди начинают стрелять в членов нашей семьи, я думаю, самое время выяснить, почему, Рекс. Даже дураки защищают свою жизнь. И между прочим, я думаю, что они правы.

— О Великий Скотт.

— Приходило ли тебе в голову, Рекс, что в Технате только один из ныне здравствующих Героев? А когда я был подростком, их было, наверное, с дюжину. Твой отец был последним, кто получил это звание, и это было более трех десятилетий тому назад. С тех пор в Технате не было выполнено ни одной работы, которая бы заслуживала награды. Никто не болеет душой ни за что.

Рекс подавил другой зевок.

— Я думаю, что все важные открытия уже сделаны.

Дядя презрительно рассмеялся.

— Не смеши меня, все никогда не будет открыто. Каждый раз находится что-то новое, что в свою очередь про-кладывает путь для новых открытий.

Рекс спросил с некоторым интересом:

— А как это все связано с некомпетентностью? Разве эти кровожадные недовольные в самом деле полагают, что даже Высший Технолог некомпетентен?

— Они, по-видимому, думают так обо всей касте Технологов. Ни один из нас не заслуживает свой хлеб.

Рекс снова улыбнулся и приподнялся на локте.

— Ну, дядя Билл, я могу, кажется, вступить в спор с тобой, не зависимо от того, удастся ли мне его выстоять. Итак, отвечай только правду. Что ты знаешь об учебном процессе, образовании и школе?

Дядя прищуренно взглянул на него.

— Не будь смешон. Я скажу тебе, что я был хорошим человеком до выхода на пенсию. Если бы я остался в Функциональном Ряду Образования год-другой, я, без сомнения, был бы назначен Первым Технологом.

Рекс по-прежнему улыбался.

— Ты не ответил мне. Насколько хорошим учителем ты был?

Уильям Моррис возмутился.

— Я поступил на службу в ФРО в качестве Старшего Инженера, что соответствовало моему рангу. Я не имел дела с учебным процессом. Каждый в таком ранге или выше занимается вопросами общей политики, планированием на более высоком уровне, с...

Рекс рассмеялся и снова улегся.

— Так я и думал.

Старший Моррис был возмущен.

— Послушай, мой мальчик, образование это не только учителя и студенты. Один из последних президентов старых Соединенных Штатов, Эйзенхаэр, перед тем, как его выбрали на этот пост, получил назначение на должность президента Колумбийского университета, одного из самых крупных в стране. Когда репортеры брали у него интервью в связи с новым назначением, один из них спросил его о том, есть ли у него опыт подобной работы. На что он ответил, что никогда ранее не был связан с образованием и ему понадобится войти в курс дела.

— Ну, — сказал Рекс, явно утомленный разговором. — Я думаю, именно на это жалуются эти самые нигилисты. Возьмем, к примеру, меня. Когда-нибудь кто-то назначит меня Старшим Инженером в области текстильной промышленности, развлечений, медицины и тому подобное. Я имею одинаковую квалификацию в каждой из них.

Дядя самодовольно сказал:

— У тебя будут в подчинении соответствующие Инженеры и Исполнители для выполнения рутинной работы.

— Пусть будет так, и это меня устраивает. Как насчет сегодняшнего вечера, дядя Билл? Есть ли у нас в планах какой-нибудь прием или что-нибудь еще? Хочется напиться до чертиков.

Дядя взглянул на часы.

— Без меня. Меня все больше занимает проблема этих нигилистов. Я думаю пойти и проконсультироваться с кое-кем из моих друзей. Выясню, что говорят об этом на высших уровнях. К этому времени, я думаю, появились новые сведения.

Рекс зевнул.

— Хорошо, я пойду с тобой, если ты не возражаешь. Я думаю, мне следует проводить больше времени с твоими друзьями. Рано или поздно один из них может почувствовать необходимость в молодом, подающем надежды Старшем Инженере, и вот тут-то окажусь под рукой я, с ясным и сияющим лицом.

ГЛАВА XIV

Внизу у их жилого дома Рекс заказал двуместный автомобиль на воздушной подушке, и они ожидали его прибытия, стоя на обочине. Когда он плавно подкатил к обочине, дядя Билл сел возле ручного управления и, к удивлению Рекса Морриса, сам повел машину, как будто бы они были на неавтоматизированной дороге где-нибудь на окраине страны.

— Это небезопасно, дядя Билл, — мягко запротестовал он. — В этой части города и в это вечернее время довольно много транспорта.

Дядя пробормотал что-то невнятное о том, что ФР Безопасности сильно обеспокоен нигилистами, и Рекс, не уловив связи, умолк.

Они пересекли город мимо распределительных и развлекательных центров и очутились в жилом районе. Уильям Моррис подъехал к обочине, отпустил машину, затем они прошли около двух кварталов пешком, что Рекса сильно удивило. Они вошли в жилое здание среднего размера и поднялись лифтом на верхний этаж. Очевидно, перего-

ворный экран лифта распознал старшего Морриса, так как их не просили представиться.

Лифт открылся. Они вошли в небольшую приемную и, пройдя вперед, остановились перед экраном.

— Добро пожаловать, Технолог Моррис, — произнес голос роба. — А кто с вами?

— Мой племянник, Технол Рекс Моррис, — сказал нетерпеливо дядя. — Я поручаюсь за него, конечно.

Рекс спросил удивленно:

— Что это за частный клуб? Ты не приводил меня сюда раньше.

— Не будь наивным, — сказал дядя. — Проходи.

Дверь перед ними открылась, и они вошли в просторную комнату, где вечеринка, по-видимому, была в разгаре. По крайней мере, значительное число людей стояли или сидели тут и там с напитками в руках, как на обычном коктейль-приеме. Некоторые из них окликнули Уильяма Морриса, когда они направлялись к ближайшему автобару.

Вокруг бара столпилась небольшая группка людей, и Уильяму Моррису пришлось выказать в шутливой форме некоторое неудовольствие, пока они не пропустили их, чтобы заказать два напитка. Он представил Рексу эту группу. Двое из них были Старшими Инженерами, один официальный Технолог и двое других, подобно самому Рексу, Технологами без назначения. Шестой был монах Темпля.

Технолог сказал Уильяму Моррису:

— Может ты тоже хочешь высказать свое мнение? Мы обсуждаем мотивы этих так называемых нигилистов.

— Да, — сказал серьезно монах.

Это был полный мужчина, с цветущим лицом и маленькими словно надутыми губами.

— Человечество никогда не было так счастливо, как сейчас при Технатае. Чего они ожидают? Чего же они хотят?

Уильям Моррис покачал свой стакан и произнес для затравки:

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что человечество счастливо?

— А разве это не очевидно? — сказал монах. — Например, прошлые общественные системы всегда имели не-

привилегированное меньшинство или большинство. Даже в середине 20-го столетия довольно большая часть населения в Соединенных Штатах и Канаде имела плохое жилье и одежду, недоедала и испытывала недостаток в медицинском обслуживании и в образовании. Сегодня таких людей нет. Каждый имеет все необходимое для счастливого существования.

Дядя Билл глубокомысленно отпил напиток и сказал:

— Все необходимое для существования, возможно, даже здоровье, существует. Но что такое счастье? Действительно ли мы стали счастливее, чем были раньше?

Рекс посмотрел на монаха.

Этот достопочтенный человек недовольно смотрел на дядю Билла.

— Я, кажется, не понимаю вас. Как может кто-нибудь быть счастливым, если он испытывает нужду в самом необходимом? А сегодня никто не испытывает такой нужды.

— Если применить ваше определение счастья, то получается, что в прежние времена среди бедняков счастливых вообще не было, тогда как богачи должны были проводить время, радостно взирая один на другого. А миллионы, конечно, должны были с трудом сдерживаться, чтобы не прыгать в непрерывном ликовании.

Один из Старших Инженеров, который попивал виски с содой и льдом во время этой дискуссии, вдруг сказал:

— Подождите минуточку. Не хотите же вы преподнести старую басню о том, как негры счастливо бренчат на банджо на набережных, а хозяева плантаций с мятным крепленным напитком в руках в печали живут в своих роскошных особняках на холмах?

Один из Технологов без назначения также вступил в бой.

— Да, а что же вы понимаете под счастьем, Технолог Моррис?

Уильям Моррис улыбнулся.

— Это сложный вопрос. В действительности, я думаю, что его вообще не существует.

Он кивнул головой в сторону монаха.

— Огромная ошибка религии в том, что она обещает либо небеса, либо ад — вечное счастье или вечную печаль и страдание. Ни одно из них само по себе не возможно и

не имеет смысла, это противоположности, и нельзя иметь одно без другого.

— Минуточку, — запротестовал Старший Инженер. — Вы хотите сказать, что счастье вообще не возможно? Это смешно. Каждый из нас...

— Нет, вы выслушайте, — перебил его дядя Билл. — Я не утверждаю, что удовольствие, удовлетворенность и даже экстаз не достижимы на сравнительно короткие периоды времени. Но длительное счастье не дано судьбой. Слово это бессмысленно, и употребляется оно произвольно, как и слово "любовь". Что такое любовь? Вы любите свою мать, жену, свою страну, и вы любите яблочный пирог. Вы любите даже парад, но я сомневаюсь, что кто-нибудь захочет спать с ним. Смешно! Слово это не обозначает ничего так же, как и слово "счастье", разве что в аспекте мимолетности.

— Если не существует такого понятия, как счастье, — сухо сказал представитель Темпля, — получается, что человечество уже на протяжении длительного времени ищет чего-то неуловимого.

Старший Инженер высказался еще более резко.

— Вы либо чего-то не договариваете, либо вы вообще не понимаете, что вы говорите.

Рекс снова перевел взгляд на дядю. Старик сегодня в прекрасном настроении, решил он.

— Первоначальный вопрос, — сказал дядя, — состоял в том, стало ли наше общество счастливее сейчас, когда мы достигли все самого необходимого для каждого. Для иллюстрации моей точки зрения давайте заглянем назад в историю — до 1776 года, когда американские революционеры обещали жизнь, свободу и достижение счастья своим нерешительным парням — подчиненным короля Георга. Как отмечалось ранее, такие мыслители, как Джефферсон и Мэдисон не совершили ошибки и не обещали счастья, а только возможность его достижения. У меня почему-то не объяснимое подозрение, что сами они не находились в заблуждении относительно реализации этой возможности. Два столетия спустя произошла вторая американская революция, и снова обещано было счастье; в то же время для каждого было достигнуто изобилие от колыбели до могилы. Очень хорошо. А теперь я спрашиваю, счастливы ли мы?

— Мы сейчас ближе к нему, чем были когда-либо раньше. А что якобы могут предложить эти так называемые нигилисты для улучшения положения вещей? — спросил один из Технологов без назначения.

Дядя Билл пожал плечами.

— Мне никогда не приходилось разговаривать ни с одним из них. Возможно, интеллектуальные поощрения. Возможно, они устали от пьянок, которым мы посвящаем большую часть своего времени. Все наши некогда гениальные изобретатели, кажется, переключились сегодня на со-ставление самых экзотических алкогольных смесей.

Старший Инженер пришел в еще большее раздражение.

— Что вы хотите этим сказать?

По тону дяди Билла можно было судить о том, что он также был на грани раздражения.

— Я не утверждаю, что прежний полуголодный фермер на четверти акра земли в Индии или на нескольких акрах — в Индиане жил так, как он хотел. То же можно сказать и о рабочем текстильной фабрики в 19-ом веке в Англии. До того, как человек сможет реализовать себя, само собой разумеется, он нуждается в предметах первой необходимости. Я пытаюсь всего лишь показать, что суть не в счастье. Человек преимущественно ведет монотонный образ жизни, день за днем. Иногда его дни освещаются временным удовольствием, даже экстазом, иногда же они окрашиваются трагедией, страданием, печалью. Эти вещи случаются как с богатым, так и с бедным.

Важно то, что человек, имеющий в изобилии все предметы первой необходимости, может вести более полную жизнь. Его здоровье в более полном порядке, у него есть досуг для хобби, или учебы, или физических удовольствий. Он имеет больший престиж в обществе, заслуживает он того или нет. У него больше возможностей, чтобы приспособиться к миру так, как он хочет. Конечно, жизнь становится лучше, когда обеспечиваются все эти вещи. Но они не гарантируют такой неуловимой вещи, как счастье.

Дядя Билл допил второй свой бокал и перешел к вы-водам.

— Однако, насколько я мог составить мнение об этих нигилистах на основании их угрожающих писем, их вооб-ще не волнует счастье. Они, наверное, считают, что наша

культура находится в состоянии застоя из-за иерархической общественной системы, и они хотят снова привести ее в движение путем каких-то фундаментальных изменений.

— Какие изменения? — надутыми губами спросил монах.

— Понятия не имею, — пожал плечами дядя Билл.

Он повернулся, чтобы что-то сказать племяннику, но не обнаружил его возле себя.

Молодой Моррис с бокалом в руке уже был в другом конце комнаты и принимал участие в разговоре за столом. Спор здесь был даже более жарким, чем тот, в который был вовлечен дядя. Рекс Моррис был слегка удивлен — настоящий клуб.

Худой Инженер произнес отрывисто:

— Что вы имеете в виду, говоря об упадке демократии? Мы вообще никогда не заботились о ней. Уже начиная с примитивного общества, когда правление основывалось на клане и реализовывался примитивный тип коммунизма. С тех пор мы периодически поддерживаем демократию на словах, и это все. Демократия в Афинах во время так называемого Золотого века? Чепуха! Конечно, граждане Афин имели ее, но на каждого гражданина приходилась группа рабов, которые вообще не имели слова в правительстве. Соединенные Штаты? Ха, та же картина. Наши предки много говорили о демократии, но это были только разговоры. В первый период государственности в 18-ом и 19-ом веках большинство населения было лишено гражданских прав по причине собственности и образовательного ценза. По правде говоря, до конца Первой мировой войны женщины вообще не имели избирательного права. Я не говорю уже о дискриминации против негров и других меньшинств, которая продолжилась вплоть до возникновения Техната. Но, кроме того, реальная демократия невозможна, пока существует экономическая автократия. Как может человек свободно осуществить свое избирательное право, если он экономически зависим от кого-то?

— Я не понимаю этого, — сказал кто-то.

— Куда уж очевиднее? Если вы зависите от кого-то в отношении еды, одежды и крова, вы не свободны. Ребенок, зависящий от своих родителей, не свободен. Семья — это

диктатура, добровольная, но все же диктатура. Не является свободным и человек, который продает свое время другому, равно как и в том случае, когда основные его жизненные потребности зависят от этой продажи. Итак, я снова задаю вопрос. Как мы можем иметь политическую демократию, когда у нас экономическая автократия? Когда средствами производства владеет и распоряжается в своих интересах меньшинство. Мы никогда не даем шанса реальной демократии, а с тех пор, как мы установили Технат, мы наносим по нашим демократическим институтам смертельный удар.

Рекс Моррис легонько присвистнул. Окинул взглядом присутствующих. Здесь было, наверное, семьдесят пять человек в ранге не ниже Старшего Инженера.

Он увидел знакомое лицо, подошел и сказал:

— Как я понимаю, между нами непримиримая вражда?

Паула Клейн, на которой был сегодня серый костюм Технолога, строгость которого только подчеркивала красоту этой брюнетки, сказала холодно:

— Вам знакомо такое слово, как “осведомитель”, Технол Моррис?

В глазах ее сквозило презрение.

— Наверное, нет, — сказал Рекс спокойным тоном. — Не очень благозвучное.

Она сказала язвительно:

— Мой брат не оценил тот факт, что вы сообщили о том, что я повела вас в разговорю для Исполнителей помимо вашей воли.

— Послушай, — попытался он объяснить. — Ты же сказала мне, что Инженер из Функционального Ряда Безопасности, который стоял там напротив, узнал тебя. О Великий Скотт, он даже поприветствовал тебя. И, кроме того, тот факт, что меня преследовал какой-то шпик, говорит о том, что за каждым, кто был там, установлено наблюдение. У меня не было возможности защитить тебя.

Она хмуро посмотрела на него.

Он продолжал:

— Если бы меня отправили в суд, дело бы получило огласку. Как иначе я мог действовать? И в результате, мы оба избежали неприятностей.

Она окинула его долгим, внимательным взглядом.

— Ладно, — вздохнула она. — Я не могу полностью согласиться с вашими доводами, Технол Моррис, но вы пролили некоторый свет на ситуацию.

Он улыбнулся ей.

— Давай начнем сначала. Как насчет того, чтобы выпить?

— Ты забыл, что я одна из миллиона, кто не пьет ни глотка в наше время. Какими судьбами ты оказался здесь, Рекс?

— О, дядя Билл привел меня. Он пытается представить меня всем своим друзьям. Я не рвусь на работу, но по моим представлениям, чем раньше я начну отрабатывать свои десять лет, тем скорее я смогу выйти на пенсию и жить по своему усмотрению.

— Интересно узнать, как это. У тебя есть какое-то хобби или интересующая тебя область знания?

— Гм, да, у меня есть хобби. Вино, женщины и путешествия в свое удовольствие. Не обязательно в этом порядке. Знаешь, что мне пришло в голову, когда я увидел тебя в Ночлежке позавчера вечером? Что ты посещаешь не только разговорни. И, кажется, у тебя нет более достойного эскорта, чем этот олух Матт Эджеворт. Как насчет того, чтобы сжалиться над чужеземцем и посвятить ему вечер, чтобы познакомить с городом?

Выражение ее лица снова стало холодным. Она сказала ровным голосом:

— Боюсь, что времяпрепровождение с вами, Технол Моррис, своего рода риск. Думаю, что один из людей из Безопасности, присутствующих здесь, сообщит сегодня о нашем присутствии. И я боюсь, что учитывая ваше безумное стремление обеспечить себе алиби, я могу оказаться...

— Люди из Безопасности? — перебил ее Рекс. — Почему здесь должен быть кто-то из Безопасности. А если бы и был, что из того?

Она сказала горько:

— Ты что, думаешь, они контролируют только разговорни для Исполнителей? Поверь мне, это относится и к классу Инженеров, и к классу Технологов. Я сомневаюсь, что есть в городе разговорня, о которой бы Матт Эджеворт не знал.

Он сказал беспомощно:

— Ты хочешь сказать, что это разговорня, и что здесь есть люди из ФР Безопасности?

Она посмотрела на него, как на сумасшедшего.

— А где же, о Великий Говард, по твоим представлениям ты находишься? Куда, ты думаешь, привел тебя твой дядя? Ты думал, что только Исполнители ходят в разговорни?

— О Великий Скотт, — вырвалось у Рекса Морриса. — Я думал, что это своего рода клуб. Дядя Билл ввел меня в полдюжину клубов здесь, в Великом Вашингтоне. Мне казалось, они говорили довольно свободно, но я же из захолустья, а это столица. Но разговорня!

Она кивнула головой в его сторону.

— И это говорит сын Леонарда Морриса?

Он набросился на нее.

— Прекрати называть меня так. Я устал быть чьим-то сыном.

— Интересно, что он думает о тебе, — сказала она презрительно.

Паула Клейн развернулась на каблуках и отошла от него.

Рекс Моррис долго смотрел ей вслед и печально вздохнул. О Великий Скотт, она была одной из самых привлекательных женщин, которых он когда-либо встречал, и между ними было столько общего, что он и не предполагал. Ему было уже тридцать, а он так и не встретил до сих пор своей женщины. Паула Клейн могла стать его женщиной. Но было уже поздно.

Он повернулся и, невольно избегая встречи с дядей, направился через заполненную людьми комнату в прихожую, в которой они оказались с дядей, когда входили. Продвигаясь к выходу, улавливал обрывки разговоров и споров то тут, то там. Большинство групп обсуждали нигилистов и их угрозу.

В прихожей он без труда вызвал лифт и спустился на уровень улицы.

Он прошелся по улице до ближайшего общественного переговорного экрана. Стал перед ним и сказал:

— Технолог Мэтт Эджеворт из Функционального Ряда Безопасности.

Голос роба произнес:

— Выполнено.

Наступила пауза.

На экране появился Инженер в униформе ФР Безопасности и произнес:

— По какому вопросу вы хотите говорить с Технологом? Я один из его помощников.

Рекс Моррис сказал резким голосом:

— Я хочу сообщить об открыто действующей разговорне.

— О, — сказал тот, не очень, видимо, ошеломленный услышанным.

— Я могу принять информацию.

Рекс Моррис резко ответил:

— Я хотел сообщить об этом Технологу Эджеворту лично.

— Почему? Боюсь, что Технолог Эджеворт занят. Как вы понимаете, у него много обязанностей.

— Ну, занят он или нет, скажите ему, что с ним хочет поговорить Технол Рекс Моррис.

Он добавил с горечью:

— Сын Героя Техната Леонарда Морриса.

Глаза чиновника Безопасности расширились.

— Простите, Технол Моррис. Я не знал, кто вы. Будет выполнено незамедлительно.

Его лицо исчезло, и вскорости на смену ему появилось хмурое лицо Матта Эджеворта.

— Да, — сказал он. — Чем могу служить, Технол Моррис?

Рекс сказал:

— Меня продолжают затягивать в эти чертовы разговорни. На этот раз я решил сам вам об этом сообщить.

— Вот как, — произнес неуклюжий начальник Безопасности.

— Куда вас водили и кто?

Рекс указал ему адрес и номер этажа, где размещалась эта огромная квартира, превращенная в разговорню. На того, казалось, это не произвело особого впечатления.

— А кто привел вас туда?

— Я бы... я бы предпочел не говорить.

Матт Эджеворт посмотрел на него.

Рекс Моррис прокашлялся и сказал печально:

— Дело в том, что это был мой дядя, Уильям Моррис.

— Ясно, — сказал Эджеворт. — Очень хорошо, мы разберемся с этим. Технол Моррис.

Экран погас.

Рекс Моррис постоял некоторое время, уставившись на него в задумчивости, затем сдвинул плечи и снова пошел по улице.

На углу был блок ФР Транспорта, и он заказал одноместное такси на воздушной подушке.

Следующую четверть часа он провел, разъезжая взад-вперед наугад по главным улицам Великого Вашингтона. Ему стало ясно, в конце концов, что его не преследовали, а если кто и преследовал, то делал это настолько искусно, что остался незамеченным.

Он направился в другую часть города, в жилой район, предназначенный главным образом для класса Исполнителей. Он отпустил машину в полумиле от места своего назначения и дальше пошел пешком. Его серый костюм касты Технологов делал его немного подозрительным в этих краях, но опасностью это не грозило. Перед тем, как войти в нужное ему здание, он оглянулся по сторонам.

В здании был лифт, но он пошел по лестнице на третий этаж, где вошел в небольшую квартиру класса Исполнителей. Пошел в спальню и начал снимать одежду. Взглянул на автобар и захотел было заказать себе чего-нибудь выпить, но потом тряхнул головой. Он выпил два стакана в дядиной разговорне и, учитывая обстоятельства, этого было достаточно. Темпы потребления спиртного, которые он вынужден был принять, чтобы соответствовать образу прожигающего жизнь повесы в этом суетном городе, значительно превышал привычные ему, и в сложившейся ситуации он их не одобрял.

В спальне, стоя в нижнем белье, он повесил свой костюм в стенной шкаф и вынул джемпер и брюки, надел их и вернулся в гостиную.

Подошел к шкафу в стене, вынув из кармана старомодный ключ. Отпер его, открыл дверь и, отодвинув в сторону различные предметы туалета, обнаружил небольшой вытянутый сундук. Понадобился еще один ключ. Он отпер сундук и присел на корточках, уставившись на его содержимое.

Там были два ручных пулемета, обрез, старого образца карабин с телескопическим прицелом и три ручных гранаты. Он взял один из ручных пулеметов, отделил магазин от приклада и обследовал его. Вынул по одному патрону и проверил силу пружины магазина. Если оставляешь полным на длительное время магазин автомата, пружина может ослабеть настолько, что последние два или три патрона не попадут в ствол. Однако, эта пружина казалась достаточно сильной. Он вставил патроны обратно в магазин, втиснул его в приклад пулемета и затем перевел первый патрон в рабочее положение. Снял предохранитель.

Однако, он некоторое время подумал и, наконец, потихоньку засунул оружие себе за пояс; потом поднял одну из гранат и взвесил ее на руке. В ней был какой-то новый элемент, и она напоминала скорее бомбу. Было что-то более драматичное в бомбе. Нигилистов и анархистов всегда связывали с бомбами. Почему, он не знал. Но Эрцгерцога Фердинанда тоже ведь убили с помощью бомбы, что послужило началом Первой мировой войны.

Он положил эту смертоносную вещь в боковой карман, замкнул сундук, поднялся на ноги и замкнул дверь стенного шкафа. Рекс пробормотал что-то, недовольный сам собой. Все эти замки и ключи были наверное глупостью. Если это его убежище будет обнаружено, пара замков вряд ли кого-нибудь остановит.

Тем не менее, он уходя, осторожно замкнул дверь квартиры. По крайней мере, он должен предохранить себя от подростков и бродяг, которые случайно могут наткнуться на его тайник с оружием. Опустился по лестнице до уличного уровня, снова избегая пользоваться лифтом.

Он прошел пешком несколько кварталов перед тем, как вызвать такси в блоке ФР Транспорта, но затем, уже входя в такси, опомнился. Черт возьми, он совсем забыл. У него была универсальная кредитная карточка Технолога, а одежда касты Исполнителей. Технол ездил бесплатно, а Исполнитель должен был пользоваться своей кредитной карточкой. Если бы он сел в эту машину, ее экран распознал бы его одежду и ожидал бы оплаты. Если бы он протянул свою карточку Технола, на компьютерах, несомненно, была бы зарегистрирована противоречивость информации. Люди ранга Технологов не имели обыкновения раз-

гуливать в одежде Исполнителей. Это не было запрещено, но так просто никто не делал.

Черт возьми. Пришлось отказаться от такси.

В такой ситуации Рекс Моррис пошел к ближайшему входу в метро и спустился на транспортный уровень. Он нашел на стенной карте ближайшую к месту его назначения станцию и сел в двадцатиместный автоматизированный вагон, опустив предварительно свою универсальную кредитную карточку в соответствующую щель. Он знал, что это безопасно, так как здесь не было переговорного экрана. Ни одного эрга не снимут с его счета, так как он был Технол, но необходимо было идентифицировать себя, чтобы пройти через турникет.

Понадобилось всего лишь несколько минут, чтобы этот двадцатиместник доставил его на нужную станцию.

Он вышел из метро, осмотрелся и скромно пошел по боковой дороге. В тайне от дяди и от всех других, кто мог бы теперь узнать его, Рекс Моррис проводил много времени в Великом Вашингтоне, изучая все входы и выходы в городе и проводя другую подготовительную работу, необходимую для теперешней деятельности.

Он дошел до Центрального храма Темпля и посмотрел на его устремленные ввысь башни, продолжая идти. Уже стемнело. Он обошел вокруг этого грандиозного здания и вошел в обширный парк, находящийся за ним. В это время там было всего лишь несколько прохожих.

Он пошел вдоль парка по дорожке, параллельной высокой ограде-частоколу, пока не дошел до небольших металлических ворот. Огляделся по сторонам. Место это было довольно уединенное, насколько он мог судить по своим прошлым обследованиям. Никого поблизости не было. Рекс Моррис полез в карман и вынул какой-то компактный инструмент. Открыл его и вставил в замок в воротах. Резко повернулся. Безрезультатно. Он тихо выругался и снова огляделся по сторонам. Слава Богу, по-прежнему было пустынно.

Он повернулся инструмент в другую сторону и скорее почувствовал, чем услышал щелчок. Открыл ворота. Быстро вошел, закрыл за собой дверь и скрылся в кустарниковой аллее на противоположной стороне.

Теперь он был в руках божьих. Он внимательно изучил все, что ему удалось найти о распорядке для своей жертвы,

но он осознавал, что между тем, что появляется в средствах массовой информации о выдающейся персоне и его реальной жизнью существует большая разница.

Он пробрался через кустарники аллеи и садик, прилегающий к официальной резиденции, остановился в тени дерева и стал ждать более или менее спокойно. Если он не ошибся, ему придется ждать не более получаса. В противном случае ему просто придется прийти сюда в другой раз, а это осложняется тем, что он поломал простой замок на воротах, и рано или поздно, а вероятнее всего, рано, какой-нибудь садовник может обнаружить это.

На самом деле, подумал он сейчас, если ему не удастся выполнить свою миссию сегодня вечером, ему лучше сюда не возвращаться. Охотясь за нигилистами, они расставят людей из Функционального Ряда Безопасности по всему городу.

Было ужасно стоять здесь в бездействии. Он обдумывал невесело, что может случиться, если сотрудник ФР Безопасности пройдет через парк и заметит, что дверь не заперта. Но затем он двинул плечами, недовольный собой. Смешно. Если даже кто-нибудь пройдет мимо, у него не будет никаких причин подозревать, что замок взломан. Ворота были прикрыты, как обычно. Очень маловероятно, что их кто-то тронет.

В комнате, за которой он наблюдал, возникло какое-то движение. Рекс застыл в ожидании. Включили свет.

Он вынул из кармана гранату. Это была ударного типа граната большой взрывной силы. Рекс приобрел ее несколько лет назад в туристической поездке по Египту. В Египте можно купить все, что угодно при наличии достаточного международного кредита. Граната имела избирательное устройство, позволяющее устанавливать детонатор на 3 секунды, 10 секунд или на 5 минут после оттягивания кольца. Он установил детонатор на пять минут и пополз на четвереньках к окну.

Было лето. Лето в Великом Вашингтоне влажное и жаркое, как коридоры ада. Если правда то, о чем он читал, его жертва не любит кондиционеры. Окно должно быть приоткрыто.

Так и было.

Внутри шли какие-то приготовления. Двое в простых церковных одеяниях, устанавливали стол для вечерней

трапезы. Рекс фыркнул, увидев графин с вином. Предполагалось, что его жертва был трезвенником — одним из десяти, приглашенных для выступления против алкоголя.

Он выжидал с гранатой в руке. Он вынужден был зависеть сейчас от догадки и не имел права ошибаться. Губы его двигались в величайшем напряжении. Слишком многое поставлено на карту. Он просто не мог позволить себе допустить ошибку. Он бы никогда себе этого не простила.

Двое покинули комнату, очевидно не надолго.

Он оттянул кольцо гранаты, приоткрыл больше окно, бросил маленькую бомбу под стол, затем прикрыл окно, как и было перед этим. Повернулся и поспешил назад в тень кустарника.

Он стал вглядываться в темноту, прищурив глаза, и тихо выругался, увидев молодую парочку. Молодые люди держали друг друга за талию и медленно прогуливались.

Они шли медленно, настолько медленно, что можно было ожидать, что они вот-вот остановятся.

Так оно и случилось. Они остановились, прийдя, очевидно, к обоюдному согласию.

Трудно было ожидать, что это будет краткий поцелуй. Это было очевидно.

Рекс Моррис вздохнул и посмотрел на резиденцию. Он подготовился рискнуть. Не глядя по сторонам, он быстро пошел к воротам. Открыл их и вышел. Закрыл их за собой и быстро прошел мимо двух влюбленных.

Они даже не заметили его.

Он удерживал себя, чтобы не побежать или даже идти так быстро, что могло бы привлечь внимание. Он был уже на краю парка, когда раздался взрыв. Не обращая на него внимания, он пересек улицу и направился к станции метро, идя по-прежнему быстро, но не так уж сильно.

ГЛАВА XV

Рекс Моррис вернулся поздно и опоздал утром к завтраку, но дядя ждал его. И он не был в хорошем расположении духа.

Старший Моррис сказал тихим, не обещающим ничего хорошего голосом:

— Ты даже не потрудился попрощаться со мной вчера вечером.

— Да, это так, — сказал Рекс скорее вызывающим, чем извиняющимся голосом. — Я хотел поговорить с тобой об этом.

— Я тоже хочу, — сказал дядя. — Давай поговорим.

— Ну, откровенно говоря ... ну, о Великий Скотт, дядя Билл, ты считаешь, что тебе следует посещать подобные места? Не говоря о том, чтобы брать меня с собой. У меня нет даже назначения. И я никогда не смогу получить достойного назначения, если пойдут слухи о том, что я иду по стопам нонконформиста-отца. Ты сам знаешь это, дядя Билл.

— Оставь своего отца в покое, — резко сказал дядя. — Я не согласен с некоторыми из его крайних взглядов, но Леонард всегда был человеком.

— Мне не нравится твой тон. Я имею право на свое собственное мнение, и одно из них заключается в том, что Технат не должен допускать эти клоаки неконтролируемых споров. Вчера там был даже монах Темпль. Как можно удержать в равновесии Технат, если каждый наш институт там подвергается нападкам?

Дядя сказал ворчливо:

— Меня начинает удивлять, что мы находимся в равновесии чертовски долго. Но сейчас я хотел сказать не об этом, Рекс Моррис. Дело в том, что после того, как я повел тебя в этот клуб...

— В эту разговорню!

— ...вчера, ты ушел оттуда и сообщил об этом в ФР Безопасности.

— А ты ожидал от меня другого? — выпалил Рекс. — Я преданный Технол.

Уильям Моррис окинул его долгим взглядом. Он тряхнул головой.

— Итак, ты не отрицаешь это, да? Следующее поколение. Сын Леонарда Морриса, нонконформиста.

Рекс Моррис сказал горячо:

— Я говорил тебе о своих взглядах. Я не заинтересован в том, чтобы быть сыном Леонарда Морриса. Все, чего я

хочу, — это занять достойное место в Технате. Получить хорошее назначение, отработать десять лет и затем выйти на пенсию, и посвятить себя наслаждению жизнью. Это все, что я хочу.

Дядя сказал решительно:

— Ты уже достаточно взрослый, чтобы принимать собственные решения, и я не собираюсь подталкивать тебя к нонконформизму. Я зашел в разговорню один раз, под настроение, чтобы развеяться и просто посмотреть, что там происходит. Тем не менее, я не потерплю никого в моем доме, кто сообщает обо мне в ФР Безопасности по причине панического страха за свою репутацию, которая может быть опорочена связью с таким, как я. Нет уж, спасибо.

Рекс покраснел.

— Означает ли это...

— Да, именно. Объясни это, как тебе будет угодно, твоему отцу, но оставаться здесь ты больше не можешь, Рекс Моррис.

— Я соберу свои вещи и сразу же покину твой дом, — сказал Рекс.

— Как тебе будет удобно, Рекс.

В своей комнате перед тем, как упаковать вещи, Рекс Моррис подошел к переговорному экрану и произнес:

— Функциональный Ряд Жилища, пожалуйста.

Голос роба произнес:

— Выполнено, — и экран зажегся.

На экране появился стол, за которым сидела Младший Исполнитель. Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Да, сэр.

Рекс сказал:

— Я Рекс Моррис, Технол без назначения. Серия Один-224А-1326, ожидаю назначения в этом городе. Я хотел бы подходящую квартиру на одного человека.

Он добавил:

— В той части города, которая соответствует моему рангу, конечно.

— Конечно, — сказала она. — Серия один, вы сказали. Повторите, пожалуйста, остаток кода.

Он назвал, и она запросила полный код идентификации на каком-то устройстве у себя на столе, и на маленьком экране перед ней появилась карта.

Пораженная, она сказала:

— Технол Моррис, могу я предложить вам остановиться в одном из лучших отелей, пока мы найдем подходящий квартал? Мы сразу же выделим Исполнителя в ваше распоряжение. Он посвятит все свое время вам и постарается хорошо вас устроить.

Рекс сказал нетерпеливо:

— Я не настолько привередлив. Я бы хотел получить квартиру сразу же. Из того, что имеется на сегодняшнее утро. Если она мне не понравится, я свяжусь с вами позже, но я думаю, что это не случится.

— Очень хорошо, Технол Моррис, — сказала она спешно. — Я поищу немедленно. Она сделала множество других действий, сделала два быстрых звонка, потом снова вернулась к нему с приятной улыбкой на губах.

— Я кажется нашла комнату для вас.

Она дала ему адрес и номер дома.

Он упаковал свои вещи в три сумки, поставил их в служебный отсек комнаты, снова подошел к переговорному экрану и произнес:

— Доставьте вещи по этому адресу.

Он посмотрел на бумажку, на которой он записал номер своей новой квартиры и зачитал его.

Рекс ушел, даже не попрощавшись с дядей. Он подозревал, что чем меньше старику будет видеть его в ближайшем будущем, тем больше это будет устраивать его. Он покидал эту квартиру с печальной улыбкой на губах. Среди всех людей дядю он любил, пожалуй, больше всего.

ГЛАВА XVI

Новая квартира была довольно уютной, как он и думал. Не такая продуманная, как квартира дяди Билла, но достаточно просторная для молодого холостяка. Он распаковал вещи, немного выпил и обдумал свое положение. До сих пор его операция шла по плану и в соответствии с расписанием, но он не мог позволить себе пустить дела на самотек, отдать себя во власть случая.

После обеда он пошел на квартиру к Надин Симс, не предупредив об этом заранее и, конечно же, не запрашивая ее квартиру у роба в лифте. Однако, когда он вошел в ее приемную, она ожидала его, с испытующей улыбкой на лице и двумя бокалами в руках.

— Это сюрприз, сюрприз, — сказала она. — Я не ожидала его.

Она предложила ему один из бокалов.

— Если это “Тело Джона Брауна”, то спасибо, не нужно, — сказал ей Рекс. — Хватит того, что я попался на эту удочку прошлый раз. Я упился задолго до окончания вечера.

— В самом деле? О Великий Говард, вся эта шумиха вокруг нигилистовпротрезвила меня. Но это — “Гремучая змея”. Ты говорил, что пристрастился к ней в своих краях. Я приношу извинения, что так получилось в прошлый раз, тем более, что с твоей стороны было очень по-рыцарски повести меня в Ночлежку.

Рекс взял бокал.

— “Гремучая змея”, — сказал он, — я не выпил ни одной с тех пор, как уехал из Таоса. Что за память у этой девушки.

Он последовал за ней в гостиную.

— Чтобы быстрее опутать тебя своей паутиной, — сказала Надин Симс, приподняв одну свою красиво очерченную бровь с насмешливым и зловещим выражением.

— Ах, вот в чем дело. Я принимаю твое угождение, поэтому можешь делать со мной все, что можешь, несмотря на мою молодость.

Она устроила его поудобнее в глубоком кресле, в котором выгодно размещались встроенный автобар и трубка-кальян. Сама села напротив него и внимательным взглядом посмотрела на него. Мягко сказала:

— Ты даешь повод для массы сплетен в последние дни, мой друг с дикого Запада.

Он вздохнул и отпил напиток.

— О, именно этого мне и не хотелось бы, это мне ни к чему. Я простой деревенский парень, но я постоянно оказываюсь вовлеченным в какие-то дела вами, изощренными людьми большого города.

Она улыбнулась ему и с недоверием покачала головой.

— Если бы ты хотел избежать сплетен, то не выкидал бы таких штучек, как сообщение в ФР Безопасности о разговоре, в которой твой дядя и половина его друзей проводят массу времени в спорах на наиболее противоречивые темы.

Рекс уставился на нее.

— О Великий Скотт, откуда тебе это стало известно и так скоро.

Она хихикнула и снова покачала головой.

— Рекс, мой дорогой, ты себе не представляешь, с какой скоростью распространяются сплетни в столице. Новость витала в воздухе меньше, чем через полчаса после случившегося, искусно спрятанная, конечно, за намеками и инсинациями, но каждый осведомленный мог понять, в чем дело.

Он заворчал и сделал большой глоток.

— Ну, а упомянул ли какой-нибудь комментатор о том, что дядя Билл вежливо вышвырнул меня сегодня из своего дома?

Она вдруг прищурила глаза, ее лицо посеребрело.

— О, нет. Не навсегда, я надеюсь. Твой дядя один из наиболее популярных людей в городе. Ты никогда не попадешь в такие места, как Техно-казино и Ночлежка, если ты повздоришь с ним.

Он допил свой напиток, заказал другой в автобаре кресла и произнес.

— Ну, и пусть повздорю. Мне на это наплевать. Я хочу, черт возьми, чтобы люди перестали втягивать меня в ситуации, в которых я не заинтересован.

Он добавил криво:

— Ну и что, я — единственный объект городских сплетен в последние дни. О чем еще говорят?

Она отпила напиток в задумчивости.

— Ты попадаешь в раздел легких новостей, — сказала она, более холодным голосом. — Из крупных новостей основной является дальнейшие бесчинства банды нигилистов. Очевидно, они представляют большую опасность, чем думалось раньше. Прошлой ночью они предприняли попытку покушения на Высшего Священника Темпля.

— На Высшего Священника, — вырвалось у Рекса.

Его глаза расширились, словно он не мог в это поверить.

— Бомба, — сказала она. — Брошена была в трапезную. Его светлость не пострадал, но в одного его слуг, одного из монахов, попали разлетевшиеся осколки.

— Он убит? — быстро спросил Рекс.

— Ну, нет, слегка ранен.

Рекс тряхнул головой.

— А люди находят странным, что я так возмущен разговорнями. Неудивительно, что подобные нигилистам организации воздействуют на половину людей города, навязывая самые спорные вещи. Обсуждение подобных вещей рано или поздно приводит к тому, что их начинают воплощать в жизнь — вот что я хочу сказать.

— Вот так, — Надин Симс зевнула. — Итак, почему я обязана этим твоим приятным визитом, Технол Моррис?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня планы на этот вечер, — сказала она. — Или может быть что-то срочное привело тебя ко мне.

Она посмотрела на часы.

Он неожиданно вскочил на ноги и засмеялся.

— Я принимаю их.

Она встала, поставила напиток на столик и шагнула ему навстречу, с широко открытыми от изумления глазами.

— Не глупи, Рекс. У меня просто договоренность.

Он сказал насмешливо:

— Ну, конечно. С кем-то, кто, я полагаю, поведет тебя в “Комнату для сосунков”, Казино или Ночлежку или в другое престижное собрание, куда делающие карьеру Исполнители обычно не допускаются.

Она подняла руку и отвесила ему сильную пощечину. Подняла было и другую руку для следующей, но он грубо перехватил ее. Кисло улыбнулся ей, глядя прямо в глаза.

— Правда режет очи, ты, дешевая приспособленка, — процедил он.

— Ты, придурковатый и мягкотелый сноб, — огрызнулась она, — отпусти руку.

— Можешь продолжать в том же духе, — сказал он, отпуская ее руку.

Он развернулся и направился к двери.

— Постарайся не возвращаться, — крикнула она ему вслед.

Он улыбнулся и бросил ей через плечо:

— Такими, как ты, море кишит, милашка.

ГЛАВА XVII

На обочине перед ее домом он скривил губы в глубокой задумчивости. Не слишком ли он форсировал события? Впервые за время своего приезда в столицу ему хотелось поделиться с кем-нибудь своими мыслями. Совершаемые им поступки ложились на него тяжелым грузом. Но лучше забыть об этом. Это была роскошь, которую он не мог себе позволить — доверенное лицо.

Он пошел в направлении центра города, сворачивая на улицы с небольшим движением, автомобильным или пешеходным. Через некоторое время он убедился в том, что его не преследовали.

Он заказал автомобиль на воздушной подушке, перевел его на ручное управление и направился в тот район города, где он был накануне. Снова отпустил машину в полу-миле от места своего назначения и прошел остаток пути пешком. Безопасность, как давно понял Рекс Моррис, складывается из бесчисленных страданий.

Он дошел до небольшой квартиры касты Исполнителей, вошел внутрь и погрузился в мягкое кресло. Заказал себе слабое ирландское виски с водой и, попивая его мелкими глотками, обдумывал свою следующую операцию.

Напиток был отвратительный. Он пошел в ванную и вылил остаток его в унитаз, затем вернулся в гостиную и остановился в центре ее, пытаясь прийти к какому-то решению.

Ну что же, не все ли равно когда, и ему хотелось поддерживать дело в состоянии белого кипения. С твердой решимостью он шагнул к стенному шкафу, отодвинул нетерпеливо одежду в одну сторону, достал ключ из кармана и открыл спрятанный сундук.

Он открыл его и стал внимательно рассматривать свой арсенал.

Насмешливый голос за его спиной произнес:

— А, наш нигилист осматривает свое оружие.

Рука Рекса Морриса быстро потянулась к сундуку и вытянула короткоствольный парабеллум. Он развернулся, с пистолетом наготове и стиснутыми зубами.

В дверях стоял Мэтт Эджеворт, засунув большие пальцы в уголки карманов пиджака униформы. В выражении его грубого лица было что-то циничное. Он не обращал внимания на пистолет, установленный на него. Закрыл за собой дверь, прошел на середину комнаты и опустил свое грузное тело в кресло рядом с автобаром. Он наклонился вперед и заказал себе напиток. Пока Рекс смотрел на него, все еще не веря своим глазам, бар выдал высокий стакан с темным сваренным напитком.

— Крепкий портер, — сказал Мэтт Эджеворт ему. — Очень пролетарский напиток, э-э? Иногда мне кажется, что я последний из пролетариев.

Он захихикал и взглянул на знаки отличия ранга Технолога на своей униформе ФР Безопасности.

Рекс Моррис отступил назад и стал напротив него с пистолетом наготове. Сурово произнес:

— Твои люди, наверное, наводнили это место?

— Наоборот, — сказал Эджеворт. — Я пришел один. Зачем мне делить с кем-то престиж захвата известного нигилиста? Особенно, если это отчаянный преступник, о котором так много говорят, к тому же сын очень известного Героя Техната.

— Не впутывай сюда моего отца. Ответственность за все, что я сделал, лежит на мне. Забудь о Леонарде Моррисе.

— Договорились, — сказал Эджеворт лениво, отпивая маленькими глотками свое темное пиво. — Мне-таки всегда казалось, что его переоценивали. Пара лет работы в лаборатории, и он уже оловянный герой до конца своих дней.

Парабеллум у него висел на пояске.

Рекс сказал сурово:

— Ты кажется проявляешь большое доверие к тому, кого накрыл. Для этого есть какие-то особые причины?

Мэтт Эджеворт сказал кислым голосом:

— Как долго, по-твоему, ты должен был упускать свои потенциальные жертвы, чтобы кто-то смог догадаться, что

убийцы этого поколения не способны вообще никого убить?

Рекс Моррис сцепил зубы, а палец его на курке пистолета побелел от напряжения.

Мэтт Эджеворт встал на ноги. С поразительной для его комплекции быстротой он вскинул правую руку и обхватил ею запястье Рекса. Пистолет упал на пол. Эджеворт не обратил на него никакого внимания и снова сел.

Он спросил спокойным тоном:

— Он был заряжен? Присаживайся, стариk, и давай поговорим немного о нигилистах. Выпьешь?

Рекс пристально посмотрел на него, заказал себе еще одно ирландское виски и сел в кресло напротив своего неожиданного гостя.

— Как ты нашел меня? — проворчал он.

Эджеворт пожал своими массивными плечами.

— Ты знаешь, — сказал он просто, — есть распространенное представление, которое, по-видимому, прошло через века. Ошибочное представление о том, что в полиции все дураки. Поверь мне, Технол Моррис, это не так.

Он начал перечислять по пальцам.

— Первое, ты сын полемиста Леонарда Морриса, поэтому мы установили за тобой наблюдение. Второе, письма нигилистов стали появляться после твоего приезда. Третье, ты черезсчур уж старался избегать каких-либо спорных тем. Четвертое, ты избил человека из Безопасности, следившего за тобой. Пятое, в тот вечер, когда была совершена так называемая попытка покушения, что-то случилось с одним из агентов, следивших за тобой; он был одурманен наркотиками на посту. У тебя есть алиби на это время — это то, чего я не могу никак понять, но это не объясняет случившегося с этим агентом. Шестое, слишком уж негодяй ты выглядел, когда выдавал Паулу Клейн и своего дядю, сообщая о их довольно безобидном посещении разговорни. Седьмое ... стоит ли продолжать? Если на то пошло, мы имеем и восемь, девять, десять.

Рекс Моррис почувствовал презрение к самому себе.

— Любитель, взявшийся за работу профессионала, — сказал он горько. — Ну, что, пойдем? Я, наверное, под арестом?

— О, пока нет, — сказал просто Технолог Безопасности. Давай еще поговорим. Где ты взял свое оружие? Ружье, эти пистолеты, гранаты?

— Главным образом, из частных коллекций оружия в Таосе. — сказал Рекс. — На протяжении ряда лет. Гранаты я купил за границей, в Египте.

Я делал вид, что коллекционирую их.

— Сообщников у тебя нет?

— Ни одного.

— Ладно, выясним это позже, — сказал Эджеворт, кивая головой и делая еще один глоток. — Например, меня интересует, как ты получил возможность использовать две квартиры касты Исполнителей, вот эту и ту, из которой ты стрелял в Уоррена Клейна. Хотя я могу предположить, что особых проблем это не составляло, ты, наверное, просто нанял их под вымышленными именами. Но скажи мне, какова цель всего этого фарса?

— Сначала ты расскажи мне что-нибудь, — пробормотал Рекс. — Как ты нашел меня здесь? Я не заметил, чтобы ты шел за мной. Ни ты, ни кто-либо другой.

Эджеворт презрительно ухмыльнулся.

— Опусти свою руку в карман своего пиджака. Правый или может быть левый.

Заинтригованный, Рекс сунул руки в карманы. В одном из них он обнаружил какой-то объект, размером с кнопку, который он ранее никогда не видел.

— Передатчик, — пояснил Эджеворт. — Зачем преследовать тебя по улицам, если можно подложить тебе маленькую симпатичную вещательную станцию, которая может сообщить мне, где ты находишься в любое время дня и ночи. Мораль этой истории такова, что не следует вступать в слишком близкий контакт с девушкой.

Рекс взглянул на маленькое электронное устройство, затем перевел непонимающий взгляд на человека из Безопасности, но вдруг сообразил и произнес:

— Надин Симс.

Тот поднял свои тяжелые брови.

— Простите. Вы имеете в виду Старшего Инженера ФР Безопасности Надин Симс. Давайте скорректируем ранги, Технол Моррис.

Эджеворт повернулся к автобару и заказал себе свежий напиток, выбросив первый свой стакан в угол.

— Итак, еще раз, почему? Иными словами, ради чего ты затевал весь этот глупый маскарад и к чему эта дутая героика?

— Свержение Техната! — выпалил Рекс.

Технолог Эджеворт уставился на него на минуту, затем откинулся голову и начал смеяться.

— Все своими силами, и это ты, ничтожная личность? Свержение Техната! Как, во имя Веблена? Просто перестреляв несколько Технологов высшего ранга?

Рекс Моррис глубоко вздохнул и уставился в пол.

— Любитель ... — повторил он.

Он посмотрел на своего собеседника.

— Нет, — сказал он. — Я не собирался совершить это своими силами. Я надеялся всего лишь заставить людей снова думать. Дать им толчок, умственную встряску. Осознание того, что стоит рассмотреть и альтернативы.

— Что-то я не понимаю тебя. Пока не увидел в твоих словах особого смысла.

Рекс пожал плечами в отчаянии.

— На протяжении нескольких поколений мы находимся в какой-то одной колее. Что произошло с нашими устремлениями к завоеванию космоса, совершенствованию человечества с помощью управляемой генетики, ко-нечному постижению... божественности? Вначале казалось, что Технат опережает других, но теперь он очутился в колее, подобно тому как были в ней на протяжении тысячелетий египтяне. Я надеялся возбудить полемику, заставить людей думать, вызвать у них страх, расшевелить их.

— И ты хочешь сказать, что твой отец не имеет к этому никакого отношения? — спросил Эджеворт. — Ничего не знает об этом сумасбродном плане?

— Абсолютно ничего, — серьезно сказал Рекс.

Мэтт Эджеворт обдумывал услышанное. Он сказал медленно:

— Возможно, было бы лучше, если бы он был в курсе. Рекс в недоумении уставился на него.

— Но я же сказал тебе, что он ничего не знает об этом. Мэтт Эджеворт сказал задумчиво:

— Я думаю, угроза нигилистов была бы даже более впечатляющей, если бы мы обнаружили, что в этом замешан Герой Техната. Кто знает. Возможно, мы бы выявили, что некоторые другие знаменитости — твой дядя, например — также были вовлечены в это.

Рекс презрительно сказал:

— Тебе было бы сложно доказать это в технатовском суде. Как только я бы там появился, я рассказал бы всю эту историю и смог бы доказать каждое ее событие. Я все совершил сам.

— У-гу, — сказал его собеседник в задумчивости. — И такой суд дал бы тебе превосходную возможность выступить с маленькой речью. Чтобы сделать из себя мученика. Такой себе маленький герой. В сущности, ничего другого тебе и не нужно, кроме этого суда, ведь так, Технол Моррис?

Рекс ничего не сказал.

Эджеворт сстроил свойственную ему гримасу.

— Так вот, можешь сильно не рассчитывать на этот суд.

Рекс быстро взглянул на него.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, — ответил тот холодно, — что у тебя очень маленький шанс попасть туда когда-нибудь, Технол Моррис. Боюсь, что мы будем вынуждены, э-э, ликвидировать тебя, возможно, во время третьей твоей попытки покушения. Следует обдумать это; возможно, уже после этой попытки. Кто знает, может быть на этот раз твое второе покушение на Уоррена Клейна окажется успешным.

Рекс тряхнул головой, не веря своим ушам.

— Я не понимаю, каковы твои мотивы.

Март Эджеворт выхватил пистолет из кобуры под рукой и направил его на Рекса. Он сказал:

— Кое-что из того, о чем ты говоришь, правильно. Изменения требуются. Рано или поздно они будут сделаны, я полагаю. Но только после меня, если я смогу что-нибудь сделать. Ты играешь в революцию, Технол Моррис. А ты хотя бы знаешь, к чему это может привести? Тебе приходилось когда-нибудь видеть картины из истории прошлых лет, когда предыдущих правителей,

полицейских агентов, даже чиновников более низкого уровня вешали за ноги на фонарных столбах? Знаешь ли ты, какие вулканы могут быть разбужены общественными силами, выпущенными на волю? Нет, благодарю. После меня хоть потоп, но я приложу все силы, чтобы это было только после меня.

Он все больше воодушевлялся.

— Сейчас Технат является расхлябаным, частично потому, что вы, наследственные Технологи слишком бесхребетны и мягкотелы. Нам необходим более сильный Функциональный Ряд Безопасности. Я могу обеспечить это. С этим первом в шляпе, сокрушающий нигилистов, я попаду в кандидаты в Конгресс Первых Технологов. А там — кто знает? Первый Технолог ФР Безопасности — роль немалая. У нас никогда не было Высшего Технолога из этого Функционального Ряда, но почему не установить прецедент?

— Ты? — Рекс рассмеялся ему в глаза. — Ты станешь Высшим Технологом? Ты честолюбив, Эджеворт.

Эджеворт посмотрел потухшим взглядом.

— К вершине власти и раньше приходили честолюбивые мужчины, Технол Моррис, и иерархия — это идеальная управленческая форма для упрощения ведения дел. Если я родился Исполнителем, то ты думаешь, что мне недостает образования, но поверь мне, я сведущ в этом вопросе. Ты когда-нибудь слышал об Атагуалпе?

Рекс хмуро взглянул на него.

— Последний из инков?

— Правильно. Помнишь, что случилось с инками в Перу? Их общество было примитивным эквивалентом нашего Техната, с той разницей, что у них на самом верху был Инок, а у нас Высший Технолог. Когда Франциско Пизарро высадился, единственное, что ему потребовалось сделать, это похитить, а потом и убить Атагуалпу, и после этого весь государственный аппарат был у него в руках. Несколько десятков сильных, честолюбивых мужчин захватили четверть всей Южной Америки.

Он выразил на своем лице презрение.

— Ты думаешь, хлипкие молокососы типа Уоррена Клейна и наследственных Технологов могут стать на пути таких настоящих мужчин, как я?

В его голосе появились нотки фанатизма, которых раньше Рекс Моррис не замечал.

Рекс сказал:

— Ты в самом деле ненавидишь нас, Технологов от рождения, Эджеворт?

— Я пришел к своему положению тяжелым путем, — сказал тот. — Тем путем, который и предполагался изначально в Технате.

Рекс Моррис сказал:

— И если предположить, что ты попадешь наверх — я полагаю, что у тебя есть банда, на которую ты можешь положиться — можно ли считать, что старая система семейственности и протекционизма исчезнет, а? И твой сын никогда не поднимется выше ранга Исполнителей, если этого не будет заслуживать?

— Мы подумаем об этом позже, когда придет время, — отрезал Эджеворт.

Он стоял с пистолетом, не двигаясь.

— Теперь пойдем. У меня много дел.

Рекс тоже стоял и начал поворачиваться, как будто бы направляясь к двери, потом сделал глубокий вдох, развернулся и бросился на сотрудника Безопасности.

Из массивного тела Матта Эджеворта вырвался какой-то звук, когда руки более щуплого мужчины обхватили его талию. Пистолет с грохотом упал на пол и оба они навалились на него, на минуту прижавшись друг к другу руками и ногами.

В взглясе Эджеворта было больше презрения, чем гнева.

— Эй ты, ничтожество!

Он нанес удар под ребро Рекса Морриса и начал наносить сокрушительные удары по его спине.

Губы Морриса сложились в тихой молитве неведомым богам, когда ему удалось просунуть правую руку в карман своего пиджака. Он быстро начал терять самоконтроль под тяжелыми ударами более крупного противника, но затем тряхнул головой для того, чтобы прийти в себя. Сделал невероятное усилие, отчаянно вцепился в противника и потер указательным и большим пальцами по обнаженной руке Матта Эджеворта.

Он застонал и произнес:

— Все в порядке, я победил.

Эджеворт поднялся и нанес Рексу в бешенстве удар под ребро.

— Глупая выходка, — рявкнул он. — У меня перевес в 50 фунтов и к тому же подготовка Исполнителя Безопасности. Еще пару минут и ты будешь иметь удовольствие считать поломанные кости, Технол...

Зычный голос чиновника Безопасности неожиданно застых, глаза остекленели. Он застыл в вертикальном положении. Рекс Моррис встал, позволил себе издать еще один короткий стон, учитывая тяжесть принятых ударов. Он взглянул на застывшего Эджеворта и пробормотал:

— Благодарение отцу, хотя я сомневаюсь, чтобы он мог представить себе, что открытое им средство мгновенной анестезии можно использовать в таких целях.

Он поспешил в ванную и быстро обмыл руки. На это ушло время, но была опасность, что это парализующее средство могло проникнуть через кожу.

Он быстро вернулся в гостиную. Взял ручное оружие Матта Эджеворта и засунул его за пояс. Повалил его и вытянул бумажник. Внутри была карточка идентификации Технолога ФР Безопасности. Рекс Моррис некоторое время поколебался, а затем положил ее себе в карман.

У него было около 30 минут на то, чтобы уйти, пока Эджеворт выйдет из состояния комы. Долгим взглядом уставился он на сотрудника Безопасности и даже вытащил обратно пистолет и снял предохранитель.

Но нет, отмерить жизненный отрезок времени не так-то просто. Он засунул пистолет обратно за пояс и поспешил вышел из комнаты.

Через полчаса его начнут разыскивать. Ему нужно было бежать.

В полностью интегрированном обществе очень мало таких мест, куда можно убежать.

ГЛАВА XVIII

В словах Эджеворта было что-то. Не зажигают искру саму по себе, она должна смешаться с горючим материалом. Возможно, у Рекса есть еще время проверить это. Но чем это может закончиться, он не знал.

Выйдя из жилого дома, где было его ненадежное убежище, он зашагал к ближайшему блоку вызова ФР Транспорта и заказал автомобиль на воздушной подушке. Он не стал использовать ручное управление, так как оно было более медленным, чем автоматизированное управление машины. Он заказал развлекательный район города, куда его возвела Паула Клейн несколько дней тому назад. ~

У него не будет возможности пользоваться машинами на воздушной подушке ФР Транспорта, когда начнется погоня. Служба безопасности может отслеживать любого в городе, но пока он чувствовал себя в безопасности. Он отпустил машину, не доехав половины блока до места своего назначения, и пошел пешком до разговорни класса Исполнителей.

Попасть туда оказалось еще легче, чем он ожидал. Он просто стал перед переговорным экраном, а какой-то голос произнес:

— Мы узнали вас, Технол Моррис. Можете войти.

Он прошел в комнаты разговорни, и несколько человек повернули голову в его сторону, когда он входил. Усилием воли он постарался не спешить слишком и направился к столику, где велась оживленная дискуссия. Он заставил себя прислушаться к ней в течение нескольких минут и изобразил на своем лице интерес к ней, хотя внутри он был напряжен как пружина.

Рекс узнал одного или двух спорщиков, которых он видел в прошлый свой приход. Один из них был грузный Младший Исполнитель, нападавший на материнство прошлый раз. Сейчас он говорил:

— Этот институт — пережиток прошлого. Он соответствовал условиям, которые имели место тысячу лет тому назад, может быть даже пару столетий назад, но сейчас он продолжает свое существование исключительно в силу инерции.

Краешком рта Рекс спросил у стоявшего рядом с ним мужчины:

— Что они обсуждают?

— Брак, — ответил тот и снова повернулся к участникам дебатов.

— Подытожим, — сказал выступающий. — Вспомним старый стишок:

*Моногамна женщина, гим-гам,
Полигамен мужчина, гом-гам.*

— Вот так обстоят дела в природе. В мужчине заложен инстинкт оплодотворения по возможности максимального числа женщин. Это обеспечивает продолжение рода. В женщине же заложен инстинкт обеспечения себя и своего ребенка защитником и добытчиком еды на период своей беспомощности. Это также поддерживает продолжение рода. Очень хорошо. В примитивном клановом обществе все было хорошо продумано. Община в целом брала на себя заботу о своих членах, а общество представляло собой матриархат, при котором женщины устанавливали правила и предписания. Однако с появлением металлических инструментов и оружия — которые женщины не способны были использовать так же ловко, как мужчины — а также получаемой в частное владение собственности матриархат уступает дорогу патриархату и женщины отходят на задний план. Мужчина, теперь глава своей собственной индивидуальной семьи, хочет быть уверенным в том, что его собственность унаследуют его сыновья. И что же он изобретает, чтобы обеспечить это? Девственность и прелюбодеяние. Вступая в брак, женщины должны иметь первое и избегать второго. И это является основой брака, как мы знаем, и по сей день.

— Ну и что плохого в этом? — спросил кто-то.

— Это не соответствует современной действительности, — произнес безоговорочным тоном выступающий.

— Ни женщина, ни ребенок сейчас не зависят от отца как от добытчика еды. Общество берет эту заботу на себя. Точно так же наследование собственности играет сейчас роль скорее фамильного подарка на память. Институт брака устарел, а вместе с ним и такие связанные с ним понятия, как девственность и прелюбодеяние.

— Ну и что же вы предлагаете взамен? — скептически спросил сосед Рекса.

— Полный промискуитет, — сказал тот голосом, не оставляющим сомнения в очевидности своего ответа. — Пусть двое — или больше, если на то пошло — людей живут вместе, пока они счастливы. Затем они могут разойтись, если один или оба перестают быть счастливыми.

— Хорошо, — сказал кто-то другой, — но как вести учет детям? Как узнать, кто кому принадлежит? Кто твой отец, а кто родственник?

— Нужно вернуться к матриархальной системе. Брать фамилию своей матери, а не фамилию отца, — уверенно сказал Младший Исполнитель. — Всегда говорили, что только умный знает, кто его отец. Но зато каждый знает, кто его мать.

— О Великий Скотт, — пробормотал Рекс Моррис себе под нос.

Его перестал интересовать кто бы то ни был в этой комнате, и он прохаживался, пытаясь вспомнить дорогу, которой вела его Паула Клейн в день облавы.

Это не составило большой проблемы, так как одна комната переходила в другую, и в конце концов он очутился в коридоре, который вел в маленький кабинет Старшего Исполнителя по имени Майк. Он не потрудился представиться при входе, а пошел прямиком в комнату.

Розовощекий Исполнитель оторвал свой взгляд от стола, на мгновение нахмурился, словно силясь узнать вошедшего. Затем он сказал:

— Рекс Моррис, друг Паулы Клейн. Как вы тогда выбрались?

Рекс увидел стул возле стола и сел на него.

— А меня интересует, — сказал он холодно, — как вы выпутались тогда. Как вам удалось вернуться к этому делу так быстро?

Майк снова нахмурился, озадаченный тоном Рекса.

— О, меня освободили после обычной процедуры.

— Вот об этом я и спрашиваю, — сказал Рекс. — О какой обычной процедуре идет речь?

Тот уставился на него долгим взглядом. И наконец спросил:

— Что вам нужно Технол Моррис?

Рекс Моррис вынул из кармана оранжевую идентификационно-кредитную карточку, которую он взял из бумажника Матта Эджеворта. Он поднял ее в расчете на то, что на расстоянии ни фамилию, ни фотографию нельзя было разглядеть.

— Я Технол Моррис, — сказал он, — и хотя я получил назначение в западной части Техната, мой ранг

имеет силу и здесь. Мы не миримся с разговорнями в моем регионе, и эта вся атмосфера раздражает меня. Я арестовываю вас и забираю с собой. И на этот раз, Майк, вас не отпустят после обычной процедуры.

Выражение удивления на лице Майка сменилось выражением презрения.

— Послушай, — сказал он, — почему бы тебе не подумать немного, перед тем как вмешиваться в то, в чем ты ничего не смыслишь? Я тебе могу сказать, что ты не продержишь меня в штабе и десяти минут. Ты что, думаешь, что подобные места могли бы хотя бы день просуществовать без связей и без защиты?

На лице Рекса Морриса появилось выражение недоверия, а затем и подозрения. Он сказал:

— Ты лжешь. Ты хочешь сказать, что тузы защищают этот рассадник нонконформизма и полемики?

Майк смотрел на него в полном удивлении.

— И это сын Леонарда Морриса? Парень, который получил эту фамилию, чтобы трубить отбой. Как времена меняются. Он подался вперед и голос его зазвучал более жестко.

— Послушай, Технолог. Может быть на Западе у вас все по-другому, но здесь в столице мы имеем защиту. Достаточную. Знаешь, к кому я иду, когда кто-нибудь твоего ранга начинает заводить со мной пустые разговоры?

Рекс спросил тихо:

— Ну, к кому?

Майк ответил ему.

Рекс уставился на него долгим взглядом, не веря своим ушам. Потом он сказал:

— Тогда почему была в тот день облава? Где же была твоя защита?

Майк развел руками.

— Для атмосферы. Кто захотел бы ходить в разговорни, если бы они не были запрещены, нелегальны, подпольны? Для того, чтобы сделать их более романтичными, я думаю.

Переговорный экран на стене зажегся, и в нем появилось мрачное лицо Мэтта Эджеворта. На минуту сбитый с толку, Рекс Моррис вначале подумал, что это персональный вызов, а не общегородское вещание.

Эджеворт резким голосом произнес:

— ФР Безопасности напал на след одного из нигилистов, совершившего акты насилия, в том числе покушения. Этот опасный преступник еще на свободе, так как ему удалось выпутаться из западни. Он вооружен и находится в состоянии отчаяния. Все сотрудники Безопасности получили приказ открывать огонь первыми и стрелять на месте. Склад ума нигилиста таков, что он может попытаться покончить с собой при угрозе захвата его в плен, подорвав себя вместе с захватившими его в плен людьми. Известно, что у него есть бомба. Я повторяю, стрелять первыми и на месте. Все граждане, относящиеся к другим функциональным рядам, при виде этого человека должны немедленно сообщить об этом ближайшему сотруднику Безопасности. Сейчас будут показаны фотографии этого преступника, Рекса Морриса.

На экране начали появляться движущиеся снимки Рекса, сделанные под разными углами и с различного расстояния. Рекс даже удивился, как это Эджеворту удалось откопать их так быстро.

Даже при показе фотографий голос Эджеворта настойчиво продолжал:

— Граждане-патриоты должны оказать твердое сопротивление этой угрозе. Есть подозрения, что в тайном сговоре с нигилистом находятся некоторые высокопоставленные особы. Ни одна жизнь не находится в безопасности, пока этот заговор не будет раскрыт полностью.

Итак, сделанного не воротишь. Когда сообщение закончилось, Рекс вздохнул, вытащил пистолет из кармана и направил его на Майка, который нервно наблюдал за ним.

— Встань, — скомандовал Рекс, поднимаясь на ноги.

Майк встал с поднятыми руками:

— Ну, послушай ... — начал он.

— Спокойно, — сказал Рекс, — и может быть я тебя не убью.

Майк побледнел.

— Послушай, у меня жена и...

— Я буду иметь это в виду, — сказал Рекс. — А теперь повернись ко мне спиной.

— Но ты не собираешься...

— Повернись, — отрезал Рекс.

Когда тот выполнил его команду, он стукнул его прикладом по затылку. Старший Исполнитель рухнул на пол.

Рекс Моррис поднял глаза к небу с очередной краткой молитвой — тому богу, к которому обращаются агностики в стрессовых ситуациях — на этот раз о том, чтобы этот человек не сильно пострадал от его удара. У него не было времени проверить это.

Он открыл дверь стенного шкафа, нащупал дверь, через которую они с Паулой Клейн уходили в день облавы. Прошел через нее, попал в узкий коридор и проделал знакомый путь. Через несколько минут он был уже на улице перед гостиницей.

Быстро заказал автомобиль на воздушной подушке, прикладом разбил в нем переговорный экран, перевел машину в ручное управление и поехал через весь город.

Он не верил в особые способности ФР Безопасности. Он знал, что у них в последние годы было мало возможности и необходимости, чтобы упражняться в использовании чрезвычайных средств, которые есть, по-видимому, в их распоряжении. Преступление, политическое или какое-либо другое, давно уже не является частым фактом. Он надеялся, что арсеналы ФРБ заржавели. Что тот своего рода невод, который у них есть, потребует много времени для его задействования, и чем больше, тем лучше. Однако он был поражен тем, как быстро Эджеворт пришел в себя.

Пребывая в состоянии величайшего напряжения, Рекс чувствовал, что голова у него идет кругом. Он не мог составить события последних нескольких часов со своим жизненным опытом и представлениями. Все это не укладывалось в его голове.

Рекс остановился на просторном бульваре у реки, оставил машину и дальше пошел пешком. Разбитый переговорный экран, по-видимому, автоматически посыпал сигналы в ФР Транспорта и, возможно, служба безопасности уже отслеживала все автомобили. Ему необходимо было выбраться отсюда, как можно быстрее, не привлекая к себе внимания.

Он понимал, что в данный момент сравнительно мало кто из прохожих могли видеть выступление Мэтта Эджеворта. Рекс не сомневался, что его уже повторили несколько раз и будут еще повторять десятки раз в ближайшие

несколько часов, пока каждый житель в городе не станет представлять потенциальную опасность для него, но это будет несколько позже.

Он нашел жилой дом, который искал, и поднялся лифтом на верхний этаж. В дверях резиденции Лиззи Мим он надавил на черную кнопку, как делал его дядя, когда они с ним были здесь на коктейль-приеме. Он печально подумал, что это было одно из немногих мест в городе, которые он осмеливается посетить. Он появляется здесь как ни в чем ни бывало, и если Лиззи Мим видела это выступление, а она должна была...

Дверь открылась и тяжеловесная невысокого роста Лиззи взглянула на него с милой улыбкой.

— А... Рекс. Дорогой-предорогой племянник Уильяма.

Когда дверь открылась, Рекс Моррис выставил вперед правую ногу, чтобы помешать ей захлопнуться, но судя по всему, Лиззи Мим не видела выступления Матта Эддеворта. Он удивлялся, почему Технолог Безопасности имел возможность появиться на всех переговорных экранах этого региона, независимо от того, были они включены или нет и использовались ли они в это время в других целях. Но когда везет, не вопрошают судьбу, почему.

— Входи же, — сказала Лиззи.

Она оперлась на него пухлой рукой в перстнях, когда вела его в одну из своих гостиных. Лиззи игриво хихикнула.

— Мне кажется, я тебе еще не говорила, что твой отец был одним из моих лучших друзей, до того, как я встретила Фредди.

— Фредди? — безучастно повторил Рекс.

— Моего мужа. Боюсь, что твой отец был слишком ... Ну, большим спорщиком для меня. Боже, какую репутацию он себе нажил.

Они были в гостиной. Лиззи Мим суетилась вокруг него, как курица, подставляя ему подушку под спину, когда он усаживался в, и без того, мягкое кресло. Суетилась она и возле бара и подала ему какой-то неизвестный напиток в высоком стакане.

Наконец, она остановилась напротив него с лучезарной улыбкой.

— Ну, так что случилось Рекс? Можешь называть меня Элизабет. Молодой человек приходит к женщине, ну, практически средних лет только по важному делу. Ведь так?

Мысленно он поблагодарил ее за то, что ему не пришлось переходить к делу с неприличной поспешностью.

— Технола Мим...

— Элизабет!

— Ну, да ... Элизабет. Дядя Билл сказал мне как-то, и это всплыло недавно в моей памяти, что иногда у вас бывает здесь Высший Технолог.

— Джек? Ну, конечно, мой дорогой-предорогой мальчик. Джек был... — она хихикнула, — ну, Джек был одним из моих... очень близких друзей. До того, как я встретила Фредди, конечно.

Она приложила палец к губам и на мгновение задумалась.

— Джек был как раз перед тем, как я встретила твоего милого, милого отца.

Рекс поморщился. Ему не приходилось слышать более неподходящей характеристики отца.

— У-у... Элизабет, мне необходимо поговорить с Высшим Технологом.

Она взглянула на него.

— О, дорогой. В самом деле?

Лиззи посмотрела на часы.

— Ты хочешь сказать, сегодня?

— И как можно скорее.

Он постарался произнести это очень серьезным голосом, и это ему не составило особого труда.

Она приложила свою массивную руку ко рту и прошептала:

— Тс, тс, тс.

Он настойчиво добавил:

— Это очень важно, Элизабет.

— Конечно, мой дорогой мальчик, я верю. Ты выглядишь совсем как твой отец в состоянии крайнего напряжения. Дай мне подумать. Мне кажется, это возможно. Мы застанем его за ужином. Он никогда не бывает на службе в это время дня.

Он уставился на нее.

— Вы хотите сказать, что знаете Джона Мак-Фарлейна настолько хорошо, чтобы вторгнуться... то есть нанести ему визит в любое время?

Он мог мечтать только о разговоре через переговорный экран, в лучшем случае.

Она замахала на него руками.

— Рекс, позоволь мне открыть тебе маленький секрет. Мужчины ранга Джека не так уж заняты, как каждый представляет себе. Я знаю, ты будешь думать, что это просто ужасно с моей стороны и очень спорно, но в наши дни такие посты большей частью являются номинальными. А иногда мне кажется, что это имело место — теперь уж ты точно подумаешь, что это ужасно с моей стороны — практически на протяжении всей истории. Когда пост становится настолько высоким, что этот один человек просто перестает справляться с ним. Неважно, кто это, Король, Президент или Высший Технолог.

Он не был уверен в том, что слушал ее внимательно.

— Ну, тогда... — начал он.

— Погоди, я хочу еще сказать что-то более приятное. Видишь ли, Рекси...

Рекс Моррис внутренне снова поморщился.

— ...Джек по-прежнему остался одним из самых близких друзей. После смерти Фредди, конечно.

Она вышла из комнаты, играво улыбнувшись ему через плечо.

— О Великий Скотт, — тихо пробормотал Рекс.

Лиззи Мим была, очевидно, одной из немногих людей в городе, которые обременяли себя собственным лимузином.

Она суматошно объяснила ему, когда они садились в него в служебном помещении подвала здания, что она просто очень нервничала, когда ей приходилось обращаться в гараж ФР Транспорта и просить прислать ей машину, когда ей хотелось куда-нибудь поехать.

— Я всегда так спешу, — прощебетала она.

Рекс пробормотал что-то и сел рядом с ней.

Это была удача для него. По крайней мере, за этой машиной не будут следить.

Конечно, подобных машин осталось немного. Он подозревал, что это была старая электромодель, хотя ему никогда ранее не приходилось видеть ее.

Он полагал, что у Лиззи Мим должна была быть такая старинная вещь.

Она набрала по коду Белый Дом и снова принялась болтать, пока автомобиль вписался в движение. У нее, должно быть, были свои личные координаты, решил Рекс, когда машина прошла через охраняемый вход без остановки.

Четверо часовых застыли, отдавая честь при приближении этой старинной машины.

Лиззи Мим хихикнула.

— Они все знают мою машину, — радостно сказала она. — Это еще одно преимущество владения своей собственной, совсем собственной машиной.

Рекс мысленно скрестил пальцы. Все складывалось невообразимо удачно. Невероятно, невообразимо хорошо.

Они промчались через центральный портик, такой знакомый по новостям, и подъехали к тыльному входу в здание.

Лиззи выпорхнула из машины и помчалась вперед, на ходу объясняя некоторые особенности Белого Дома и почти не оборачиваясь на Рекса.

— Это все так надоедает, ты знаешь, — сказала она. — Бедный Джек. Я подозреваю, что охотно проводил бы свое время, все свое время за рыбной ловлей где-нибудь в Юкатане или Канаде. А это все надоедает. Он должен пожимать кому-то руку или выносить какое-то решение. Ты никогда не поверишь мне, но он работает полный четырехчасовой день четыре дня в неделю, как и все остальные.

Что, кажется, опровергает высказанное ею ранее утверждение о том, что Джон Мак-Фарлейн является только номинальной фигурой, решил Рекс.

Она устремилась вверх по лестнице заднего входа, пронзительно бодрое приветствие вооруженному Инженеру Безопасности и влетела во внутрь.

Сотрудник ФРБ, очевидно, особенно не присматривался к Рексу.

Лиззи Мим была здесь как дома, как она ранее и намекала и, по-видимому, это автоматически относилось к каждому, кто был с ней.

Непрерывно болтая, она провела его по небольшому проходу к двери, которая тоже охранялась, на этот раз двумя сотрудниками Безопасности ранга Инженера.

Лиззи улыбнулась им и сказала:

— Привет, Мортон. А как ты поживаешь, Эрнст? Твоей дорогой жене хоть немного лучше?

Эрнст пробормотал что-то в ответ, открывая перед ней дверь.

Лиззи Мим устремилась во внутрь, Рекс следовал за ней.

Он ожидал увидеть личные апартаменты Высшего Технолога Джона Мак-Фарлейна, но они оказались в небольшом зале заседаний.

Большинство присутствующих, а было их около тридцати пяти-сорока мужчин и женщин, сидели за столом из красного дерева.

Троих или четырех из них Рексу доводилось видеть раньше благодаря отцу или дяде.

Большинство других он узнавал по новостям, рекламным фотографиям, статьям в популярных изданиях. Наступило молчание, когда они вошли.

Лиззи Мим произнесла пронзительным голосом:

— Позвольте представить Рекса Морриса, нашего известнейшего на данный момент гражданина Техната.

Высокий худой мужчина, стоявший со стаканом в руке возле автобара был первым, чей голос выделился из общего гула беседы. Это был Джон Мак-Фарлейн, Высший Технолог Техната Северной Америки.

Он поднял свой стакан в знак приветствия Рексу Моррису.

— Мы как раз думали, как вас разыскать, — сказал он. — Добро пожаловать в нашу основную разговорю.

ГЛАВА XIX

— Разговорю? — повторил Рекс.

Он обвел глазами комнату, ничего не понимая.

Стоя на полпути к столу, Уоррен Клейн, одетый в свою серую форму Первого Технолога ФР Безопасности, сказал:

— И даже здесь, как вы видите, у нас полиция. Благодарю за то, что вы промахнулись той ночью, стреляя в меня, Моррис, но следующий раз, пожалуйста, не цельтесь так близко.

Рекс Моррис перевел глаза с шефа Безопасности на Высшего Технолога, а потом на Лиззи Мим. Она выглядела как-то иначе, суетливых движений как не было.

Высший Технолог Мак-Фарлейн сжался над ним.

— Садитесь, Рекс, — сказал он. — Мы собрались здесь, чтобы встретить вас, после того, как получили от Элизабет сообщение, что вы едете к нам. Персональные знакомства мы отложим на потом. Сейчас я только скажу, что за одним или двумя исключениями, по уважительным причинам, здесь присутствует Конгресс Первых Технологов и дюжина или более пенсионеров того же ранга. Плюс... — он склонил в этот момент голову перед Элизабет Мим, — другие почетные члены этой разговорни.

Какой-то незнакомец в форме Первого Технолога легкой неторопливой походкой подошел к Рексу и подал ему напиток из автобара, пригласив сесть на один из пустых стульев.

В комнате наступило молчание. Большинство присутствующих уставились на новоприбывшего с нескрываемым, но дружественным любопытством. Многие из них приблизились к столу заседаний и заняли свои места.

— Прежде всего, позвольте поблагодарить вас за ваши старания.

— Мои старания? — недоуменно переспросил Рекс.

— Да. Видите ли, они направлены на достижение самой достойной цели, к которой и мы сами стремимся.

Он прокашлялся.

— Хотя ваши методы были в несколько большей мере полны энтузиазма, скажем так.

Рекс Моррис овладел собой в достаточной мере, чтобы возмущенно выпалить:

— Мои усилия были нацелены на свержение Техната.

— Угу, — кивнул головой Джон Мак-Фарлейн, — наши тоже.

Рекс Моррис уставился на него. Он ничего не мог понять.

— Давайте обратимся к предыстории, — сказал какой-то грузный пожилой мужчина в мантии, сидевший за столом напротив.

Рекс вдруг понял, что это Высший Епископ Темпля.

— Да, разумеется, — кивнул Мак-Фарлейн.

Он снова повернулся к Рексу.

— Я не знаю, в каком объеме вы изучали историю революции на протяжении всех веков. Даже сравнительно беглое исследование этого предмета обнаруживает, что современный революционер находится в уникальном положении. Вы ведь считаете себя революционером?

— Я думаю, что да, — вызывающе ответил Рекс.

Он не отрывал глаз от лица своего собеседника.

— В прошлом, — продолжал Высший Технолог, — революции совершились неудовлетворенными обезумевшими массами, вопреки бытующему представлению о том, что это делается маленькими группками недовольных.

Он поджал губы.

— Тому есть множество примеров. Джейферсон, Мэдисон, Франклин, Вашингтон и другие так называемые прапорты-революционеры выпущены были действовать достаточно быстро, для того, чтобы выстоять против восставших колонистов. Робеспьер, Дантон и Марат были ввергнуты толпой в их феодальное разрушительное состояние. Затем еще пример — Россия. Ленин и Зиновьев были в Швейцарии, когда начали формироваться Советы. Троцкий был в Нью-Йорке, а Сталин, третье лицо в то время, был в ссылке в Сибири. Они должны были быстро возвращаться в Петроград, чтобы принять брошенные им бразды правления.

Он пожал плечами.

— Я думаю, что для вступления этого достаточно. Если перейти теперь к нашему времени, то мы обнаруживаем другую, уникальную ситуацию. Дело в том, что сейчас отсутствуют угнетенные массы недовольных рабов, крепостных или пролетариев. Назрела необходимость фундаментального изменения нашего общества, это историческая необходимость, но подавляющее большинство нашего населения в настоящее время довольна существующими институтами.

— Это не имеет значения, — сказал горько Рекс Моррис. — Если вы сами находитесь в оппозиции такой форме

правления, почему не отказаться от нее? При Технате на-ша культура находится в состоянии застоя, как никогда ранее в современной истории.

— Правильно. Но отказаться во имя чего? Разве наш отказ от власти отменит Технат? Очевидно, нет. Найдется тысяча, миллион, желающих занять наши места.

Он скривил рот.

— Мэтт Эджеворт тому пример.

Рекс Моррис снова погрузился в кресло. Он чувствовал, что ему требуется время для обдумывания. Он сбит с толку.

— Есть и другой момент, — задумчиво сказал Мак-Фарлейн, — который вы, по-видимому, никогда не принимали во внимание. Когда осуществляются фундаментальные изменения в социальной системе, те, кто их начинает, не всегда добиваются максимальных результатов. На примере России мы видим, что есть элементы, которые изначально принимали участие в перевороте против царя. Я имею в виду Керенского, который представлял либеральных социал-демократов, чьей целью была отмена феодализма и установление правительства западного образца. Но революция вышла из-под управления, как только она начала распространяться, и Керенский вынужден был бежать, а его правительство было низложено подобно тому, как было свергнуто правительство царя.

— Я не понимаю, что вы этим хотите сказать, — произнес Рекс, хотя, кажется, он уже начал понимать.

Мак-Фарлейн сказал сухо:

— Управляя правительственной системой, не всегда легко сохранять ее в безопасности, даже если хочешь этого. Когда мы, Конгресс Первых Технологов, подписываемся под решением о том, что Технат должен прекратить свое существование, мы не боимся принести себя в жертву, физически, при этом. Ваши собственные псевдо-нигилистические средства, в действительности, были предназначены только для того, чтобы привести в движение наш народ, но другой революционер, который может появиться позже, может иметь более честолюбивые намерения.

Рекс обдумывал сказанное.

Первый технолог ФР Развлечений, сидевший на другом конце длинного стола, сказал:

— И пока это все не кончилось, вы сами, Рекс Моррис и, возможно, члены вашей семьи ощущали, что натыкаетесь на искусственную стену.

Рекс на минуту задумался.

Потом неожиданно у него вырвалось:

— Все эти годы вы ведь преследовали моего отца? И после этого вы утверждаете, что думаете во многом так же, как и он.

— Именно так, — подтвердил Высший Епископ.

Джон Мак-Фарлейн сказал:

— Кто же лучше Леонарда Морриса мог бросить вызов нашим условностям, насмехаться над нашей боязнью спорных вопросов, над нашим конформизмом, нашим ужасом перед самой только идеей внесения каких-либо изменений в существующее положение? Будучи нашим единственным Героем Техната, он был почти неприкосновенной личностью. Леонард был той искрой, благодаря которой появились тысячи разговорен, он дал пищу для ума миллиону нонконформистов. Это, по крайней мере, шаг.

Дверь, через которую пятнадцать минут тому назад входили Рекс Моррис и Элизабет Мим, открылась. Рекс взглянул в этом направлении, и глаза его расширились.

— Привет, сынок, — сказал новоприбывший.

— Отец!

Старший Моррис улыбнулся.

— Мне бы хотелось, чтобы ты немного обсудил со мной свой проект перед тем, как приниматься за его выполнение. По срочному вызову я только что прилетел с Таоса на ракете.

Рекс Моррис вскочил на ноги.

— Я ... я думаю, что ты достаточно настрадался. Я хотел, чтобы все последствия легли на меня одного.

Отец усмехнулся.

— Ну, по крайней мере, теперь известна твоя позиция. Я никогда до конца не осознавал причину, по которой я не рассказывал тебе о существовании этой ... разговорни, клуба...

Он снова хихикнул и окинул взглядом присутствующих.

— Или как ее лучше назвать — подпольная ячейка?

Все засмеялись. Леонард Моррис имел свойство повышать настроение. Первый Технолог, сидевший рядом с Рек-

ксом, уступил свое кресло известному ученому и нашел себе другое.

Джон Мак-Фарлейн обошел стол, чтобы пожать руку старшему Моррису и обменяться с ним дюжиной слов, а потом вернулся на свое место.

— Продолжим, — сказал он. — Подытожим. Наш импульсивный молодой друг Рекс Моррис полагает, что под Технатом человек загнивает. Мы согласны. Товарищ Рекс по своей собственной инициативе пришел к выводу о том, что нужно зажечь искру, чтобы вывести среднего гражданина — Технолога, Инженера или Исполнителя — из его ментальной колеи и помочь ему осознать, что теперешняя иерархическая форма правления не должна существовать вечно. Мы согласны. До сих пор мы были немного нерешительны в наших усилиях. Мы проявляли терпимость, а тайно даже поощряли разговоры, где каждый мог высказывать спорные мнения и где развивались многие смелые идеи. Мы поощряли увеличение количества так называемых комментаторов новостей и сплетен, которые под видом шуток и забав делали выпады против наших институтов. Очевидно, однако, что этого не достаточно. Мы должны увеличить наши усилия и привлечь молодых, горячих людей.

Он окинул взглядом сидящих за столом.

— Может будут какие-нибудь предложения?

Встал Первый Технолог Уоррен Клейн.

— У меня есть предложение, чтобы после моей отставки Технол Моррис был назначен Первым Технологом Функционального Ряда Безопасности.

Слабая улыбка скользнула по его бледным губам.

— И раз я уже встал, я могу сразу подать прошение о моей отставке, о которой я уже давно мечтал, как по причине возраста, так и по причине моего здоровья.

Рекс тоже вскочил.

— О Великий Скотт, — вырвалось у него.

Элизабет Мим взглянула на него с удивлением. Даже при таком беспорядочном состоянии мыслей, как у него сейчас, он успел подумать, как это он раньше недооценивал ее хладнокровный, рациональный и расчетливый ум.

Она сказала:

— Но Рекс, дорогой мальчик, ты приехал в наш город за назначением. Ты достиг возраста, когда ты должен включиться в работу на благо Техната. Десять лет своей жизни ты должен посвятить обществу.

Он уставился на нее.

— Первым Технологом! Но я же абсолютно ничего не знаю о Функциональном Ряде Безопасности.

Он окинул всех свирепым взглядом.

— Вы что, все с ума посходили?

Джон Мак-Фарлейн сказал серьезно:

— У нас есть Исполнители и Инженеры, которые лучше разбираются в деталях. Нам же, Рекс Моррис, нужен человек принципов и идеалов, который бы сидел с нами на верхнем уровне и планировал, как нам покончить с нашей общественно-экономической системой и перейти к чему-нибудь лучшему. Ты удовлетворяешь этим требованиям. Другим обязанностям этой должности можно обучиться.

— И я буду управлять такими сотрудниками Безопасности, как Мэтт Эджеворт?

Уоррен Клейн сказал неторопливо:

— Не следует недооценивать значения наших Мэттов Эджевортов. По крайней мере, у таких мужчин есть честолюбие, устремления, смелость и даже мечты. Возможно, в новом обществе будут люди именно такого типа.

— В каком новом обществе? — в отчаянии спросил Рекс. — Вы забрасываете меня идеями с такой скоростью, что я не успеваю их переварить. Какие у вас планы на будущее? Что будет представлять собой правительство?

Его отец как-то странно посмотрел на него.

— Мы — правящий класс, сынок. Радикальные изменения, осуществляемые мирным путем или нет, не должны идти сверху. Независимо от того, какие умудренные они там наверху. Изменения должны идти снизу.

— Вы хотите сказать, что вы не знаете?

Высший Епископ мягко сказал:

— В рамках той группы, которая собралась здесь, мы имеем полдюжины теорий. Без сомнения, в разговорнях и в других местах, где люди обмениваются идеями, будут предложены новые. Остается выяснить, к чему больше всего склоняется наш народ.

Рекс Моррис снова сел в кресло. Он произнес, как бы сам себе:

— Я пришел сюда, чтобы выступить против Высшего Технолога. Сказать еще, что правительство прогнило. Предупредить его о Матте Эджеворте. Предупредить его о том, что сам Уоррен Клейн попустительствует разговорням и защищает их. Бросить ему обвинение в том, что Технат прогнил насквозь и потребовать изменений. Эти и другие вещи я приготовился высказать ему. И к чему же я пришел?..

Джон Мак-Фарлейн обратился к собравшемуся Конгрессу Первых Технологов:

— Если нет возражений, предложение Уоррена Клейна проходит, и Рекс Моррис назначается Первым Технологом Безопасности.

Собравшиеся разбились на маленькие группки и по очереди подходили, чтобы пожать руку новому члену Конгресса. Каждый произносил несколько слов и просил принять его поздравления.

Все еще со спутанными мыслями, Рекс постарался поскорее отвести в сторону Уоррена Клейна. Прежний глава безопасности, видя замешательство молодого человека, посмеиваясь, сказал:

— Не волнуйтесь. Я буду первое время при вас и полностью введу вас в курс дела. У вас не будет проблем.

Рекс сказал:

— Видите ли, есть еще одна вещь, которая имеет для меня особую важность. Я хочу разыскать вашу сестру, Паулу, и принести ей извинения за свое поведение. Оно диктовалось, конечно, соображениями конспирации. Я хотел, чтобы все думали, что я самый законопослушный из всех молодых людей.

Уоррен Клейн улыбнулся.

— Я думаю, что вам не следует переживать по этому поводу. Вопреки внешним реакциям, у меня сложилось впечатление, что моя импульсивная Паула бросает на вас милые взгляды.

Рекс сказал:

— Хорошо. Но есть еще более безотлагательные проблемы. Приказ Матта Эджеворта для каждого сотрудника ФР Безопасности стрелять в меня на месте.

Клейн поджал губы и кивнул.

— Это так. Я на минутку забыл об этом. Я не взял это в свои руки.

Я позвоню по телефону и все уложу.

Рекс сказал озабоченно:

— Он передал свое сообщение по всем экранам в этой части страны и сформулировал это таким образом, что каждый, у кого есть оружие, откроет огонь немедленно. И еще одно. Нет никого более честолюбивого, чем Мэтт Эджеворт, а он вряд ли положительно воспримет свою подчиненность мне, особенно принимая во внимание тот факт, что он высказывал мне свои оппортунистические взгляды.

— Я понимаю. Гм, да. Мэтт всегда был импульсивной натурой.

Уоррен Клейн немного поколебался, а потом позвал Высшего Технолога, который стоял неподалеку и разговаривал с Элизабет Мим на веселых тонах.

Джон Мак-Фарлейн принес извинения и подошел.

Уоррен Клейн объяснил ситуацию, и Мак-Фарлейн кивнул и сказал просто:

— Нет проблем. Мы поедем в здание ФР Безопасности и вы, Уоррен, предоставите мне слово по общетехнатаускому вещанию. Я скажу несколько слов, объявлю, что была допущена большая ошибка. Возложим ответственность за это на плечи нашего амбициозного Технолога, снимем его с занимаемой им должности и приведем дело к быстрой развязке.

— Очевидно, так и нужно сделать, — согласился Уоррен Клейн. — Я вызову вашу машину, сэр.

Они проделали тот же путь, каким Элизабет Мим привела Рекса в Белый Дом немногим более часа тому назад, сели в управляемый шофером лимузин Джона Мак-Фарлейна возле черного хода и затем проехали до центрального портика и оттуда выехали на улицу. Они втроем сидели на заднем сиденье, и для спутанных мыслей Рекса их беседа казалась по-идиотски легкомысленной, учитывая важность ситуации. Жизнь просто двигалась недостаточно быстро для него. Он горел желанием покончить с этим дурацким вопросом и заняться действительно глубокими, важными беседами со всеми, начиная от отца и кончая Высшим Епископом Темпля.

Они выехали за ворота и направились к небоскребу, где размещалась служба ФР Безопасности.

Машина резко остановилась, и на несколько ураганом пронесшихся несвязных моментов жизнь превратилась для Рекса Морриса в последовательность кратких обрывков впечатлений... Мэтт Эджеворт с каким-то странным крупнокалиберным оружием в руках, стоящий на улице, широко расставив ноги ... за ним отряд Младших и Старших Инженеров Безопасности хорошо вооруженных — длинные, грубые типы... шофер, выскакивающий из машины и выхватывающий пистолет из кобуры под рукой и затем падающий, разрезанный почти пополам ... что-то черное, брошенное в машину, уже когда Рекс и Уоррен Клейн пытались выбраться из нее через ту дверь, которая была по дальше от Эджеворта и его людей, но им мешало окровавленное неподвижное тело Высшего Технолога...

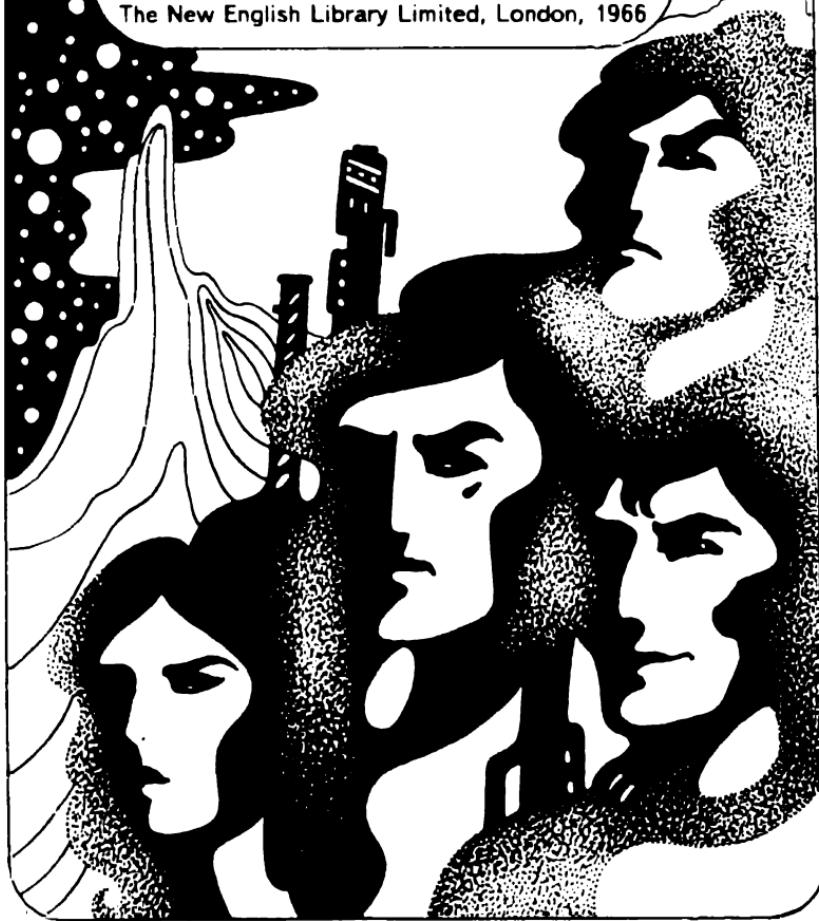
А затем мощное световое излучение желтого и оранжевого пламени и особая, непереносимая, всеохватывающая боль...

А потом все кончилось, и можно было другим представить возможность совершить революцию, мирную или нет, против Техната Северной Америки. Рекса Морриса это уже не волновало.

Пионер космоса

SPACE PIONEER

The New English Library Limited, London, 1966

ГЛАВА I

Он стоял, пристально глядя на огромную сигару, упирающуюся в нависшие над землей облака, подобно секвойе. При этом он испытывал благоговение и почтение. Мечта посетить далекие звезды была непреодолима, как инстинкт у леммингов в Арктике при миграции. Героями детства у него были конкистадоры, пилигримы, отважные парни 49-го, буры, совершившие длительные рейды в Трансваале. Нынешними героями — те, кто продолжал открывать новые миры в просторах космоса.

До него долетел голос:

— Эй, парень, отойди.

Он перевел взгляд на охранника.

— Что?

— Я сказал — отойди! Ты закрываешь вход.

— Я никому не мешаю.

— Давай, давай, — проворчал он. — Если каждый будет тут болтаться без дела, пассажиры не смогут занять свои места.

Он пристально посмотрел на охранника. Тот стоял у ворот, утверждая свои права на этот единственный островорот, где его авторитет был непререкаем.

— Понимаете, я хочу найти одного человека на борту “Титова”. Это здесь, не так ли?

— Да, это здесь, — устало сказал охранник. — Член экипажа или пассажир?

— Я... точно не знаю.

Охранник ухмыльнулся.

— Ты похож на зеваку, который хочет любой ценой побывать на космическом корабле для того, чтобы прославиться среди других — таких же зевак.

И охранник одарил его немигающим взглядом.

В этом взгляде чувствовался тренированный убийца. От него веяло прохладной пустотой, сознанием силы, способной отобрать жизнь или повременить, в зависимости от сиюминутного желания. Прохладная пустота.

На вид охраннику было лет двадцать пять. Среднего сложения, крепкий, с правильными чертами лица. Голос у него был тихий, а одежда отнюдь не идеальна. Но первое, что бросалось в глаза — это холод его черных глаз.

Охранник недовольно пожал плечами и нехотя буркнул:

— Может, ты хочешь проехать без билета. Откуда мне знать?

— Вам и не нужно этого знать. Я просил лишь помочь мне найти одного человека на борту "Титова".

Кивком головы охранник показал куда-то вниз.

— Там, в вестибюле этого здания есть комната "Титова". Спроси там. А теперь не мешай.

Он нашел две комнаты управления полетом "Титова". Здесь царила полная неразбериха, связанная с последними приготовлениями рассеянных пассажиров.

Он чертыхнулся. Кто он, собственно, такой, чтобы иметь к ним претензии? Они воплощали свою мечту в жизнь. Им предстояло большое путешествие в глубины космоса. Судя по размерам, корабль был рассчитан на большое количество пассажиров и многочисленный экипаж — на сотни людей. Одного из них звали Пешкопи. Это была фамилия, имени он не знал.

Профессионально вежливый голос сказал:

— Сын мой, могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Ты один из пассажиров?

Его глаза пробежали по коричневой мантии, пухлому, розовому и гладко выбритому лицу, короткому округлому телу собеседника. Короче говоря, монах Объединенного Храма, а может быть раввин или что-то еще в этом роде. Он не принадлежал к какой-либо конфессии. Длительное время в его семье процветала только ненависть.

Он сказал:

— Я ищу одного человека, он должен быть на борту.

Старик усмехнулся.

— Боюсь, что тогда я не смогу тебе помочь. Я сам только что приехал. Тебе лучше обратиться к одному из офицеров корабля, стоящих вон там.

— Благодарю Вас, патер, — сказал он. — Они, кажется, очень заняты. Лучше я приду попозже.

Монах снова усмехнулся и похлопал по своему круглому животику.

— Думаю, что позже они будут заняты еще больше. Старт назначен на завтра, на семь часов утра.

— Да, спасибо, патер.

Он отошел. Ему не нравилась идея просто подойти к офицеру и расспросить о том, кого он ищет. Могли быть опасные последствия.

Он подошел к двум членам экипажа в униформе. Один из них, с румяным лицом и тремя полосами на рукаве, проворчал:

— Я иду выпить дурацкий кофе. Уже несколько часов подряд я слушал самую проклятую чушь, которая может свалиться на голову человеку. Эта последняя дура желала знать, водятся ли на Новой Аризоне змеи. Надо же! Они что, думают, что там Сады Эдема?

Его приятель, на рукаве которого была лишь одна полоса, сказал:

— Шкипер сказал, никаких вольностей, Джейф. Скоро старт...

— Я прекрасно знаю, когда мы стартуем, — рявкнул тот. — И я не нуждаюсь в твоих советах, парень. Я ничего не говорил о вольностях. Я сказал, что хочу кофе!

Он повернулся и пошел прочь, быстро перебирая коготками ногами.

Молодой офицер открыл рот от изумления. Ходил было позвать, но потом передумал.

Он подошел сзади и посмотрел вслед первому офицеру.

— Это был Джейф...?

Его вопрос повис в воздухе.

Офицер, продолжая хмуриться, посмотрел на него.

— Это был Джейфферсон Фергюсон, — сказал он. — Первый инженер.

— О да, — пробормотал он в ответ. — Мне кто-то уже говорил об этом.

Он отошел с рассеянным видом. Младший офицер поклонился и вернулся к своим обязанностям.

Когда младший офицер оставил его в покое, он мысленно последовал за Джейфом Фергюсоном. Очевидно он имел в виду более основательный напиток, чем кофе. Он прошел в маленький автобар, в четверти мили от административного корпуса космодрома.

Там было полно народу, одетого в форму космонавтов и в цивильном. Некоторые уже набрались до неприличия. Инженер стоял, подбоченясь, и с отвращением вглядывался в дымное пространство в поисках свободного столика.

Он подошел к нему сзади и сказал:

— Прошу прощения, сэр. Это вы — главный инженер “Титова”?

Фергюсон остановил на нем свой взгляд.

— Нет, черт возьми. Я не главный инженер “Титова”, черт возьми. Я... А кто ты такой, во имя дзен?

Он улыбнулся, выказывая свое смущение.

— Я... Я один из пассажиров, сэр. Может, вы не откажетесь выпить со мной. Так сказать, на посошок.

— А почему я должен пить с тобой, парень?

Однако тон его стал значительно мягче.

Ответная улыбка была еще шире прежней.

— Понимаете, сэр, у меня остались обменные чеки. Зачем они мне в Новой Аризоне? Я думал, что мы могли бы их...

— Ты, наверное, один из слабонервных придурков, у кого хватило денег купить билет до середины дурацкой галактики и теперь боятся вступить на борт корабля, а?

Он беспомощно посмотрел на него.

— О нет, сэр.

Да, кажется, это была глупая затея с инженером. Не надо было этого делать.

Фергюсон проворчал с презрением:

— Сукины дети. Ладно, я выпью с тобой, парень. Пойдем. — Он провел к столику четырех космонавтов в любой форме из джинсовой ткани с нашивками “Титов” на боковых карманах.

Первый инженер бросил на них колючий взгляд.

— А что, во имя дзен, здесь делают четыре космических крысы, когда корабль уже готов к старту?

Они с трудом поднялись на ноги. Двое подпирали третьего, серьезно завалившегося на правый борт. Четвертый бормотал что-то бессвязное. Покачиваясь, они без оглядки двинулись к выходу.

— Сукины дети, — проворчал Фергюсон. Он опустился в одно из покинутых кресел, приглашая своего благодетеля.

— Итак, парень, что мы имеем? Ты прав. До Новой Аризоны далеко, и твои чеки там не пригодятся. Что будем пить? В этих вокзальных барах есть все, что душе угодно, — он громко рассмеялся. — Кроме минеральной водички, конечно.

— Лозовака, — сказал он, просматривая обширное меню ликеров, вмонтированное в столе.

— Чего? — заинтересовался инженер.

— Это традиционный напиток у меня на родине.

Он не был асом, но знал одну их хитрость. Подобно тому, как в картах надо играть свою игру, для того, чтобы загнать собутыльника под стол, нельзя пить его привычный напиток. Шотландец может пить шотландский виски ночь напролет, также как мексиканец свою текилу. Но если поменять их местами, то они будут готовенькими еще до полуночи.

Джефф Фергюсон помрачнел и с досадой посмотрел на невозмутимое лицо собеседника. К его удивлению, тот уже обнаружил в меню крепкий Монтерин и Албанский ликер и бросил чеки в монетоприемник, указав на табло двойные дозы.

Пьющий человек будет пить напитки любой страны, а Фергюсон был именно таким человеком. Он поднял стакан.

— Счастливого старта и мягкой посадки!

Поморщившись, он выпил до дна огненное балканское бренди. Его примеру последовал хозяин стола. На его лице было невинное выражение, как будто эта зверская доза была привычно-ежедневной.

Дыхание Фергюсона стало тяжелым. Его глаза заблестели, но уже по-другому.

— Как ты назвал это?

Он ответил и снова набрал номер напитка.

— Хороший, не правда ли? У меня на родине виски считается детским напитком.

— Они чертовски знают в этом толк, не правда ли?

Он придвинул новый стакан к инженеру.

— А что это ты говорил по поводу покупки билетов и опоздания на старт?

Фергюсон показал на переполненный, дымный автобар.

— Половина из этих лопухов годами собирали деньги на билет. Продавали семейные состояния. И все такое проще. Из больших амбиций переселиться на одну из новых планет. Мечтали разбогатеть там. Большие мечты. И что же? Они здесь пытаются убить свой страх с помощью спиртного. Большая половина из них опаздывает к завтрашнему старту.

Его компаньон с интересом посмотрел на них. Он сам всегда мечтал об этом. Казалось невероятным, чтобы люди, настолько близкие к осуществлению мечты...

— Космическая болезнь, — продолжал ворчать Фергюсон. Он поставил недопитый стакан, чтобы сказать: — Парень, я должен выразить уважение твоему национальному напитку, — затем продолжил: — Космическая болезнь. Они лишь читали о ней. Что-то вроде морской болезни прошлого. Девять десятых этой проклятой болезни — следствие воспаленного воображения. Но это ничуть не уменьшает ее реальности. Ты видел когда-нибудь человека, страдающего от нее?

— Нет.

Он хотел пойти по новому кругу, но не решался нажать кнопку, боясь вызвать подозрение инженера. У него не было четкого плана дальнейших действий.

— Ничего, — проворчал Фергюсон, — это даже хорошо, парень. Это очень заразная вещь. Может охватить весь дурацкий корабль, как пожар. Сначала поражает новичков. Невесомость, инстинктивный страх перед космосом, монотонность и скука космического путешествия — не думай, что это не скучно. Заболевает какой-нибудь проклятый салага, и начинается...

Его прервал шум драки, разразившейся за задним столиком. Инженер не потрудился повернуться. Он лишь за-

крыл глаза, словно от боли. Когда шум затих, он сказал своему собеседнику:

— Это первая стадия болезни. Чертовы салаги.

Новый друг пошел по следующему кругу. На инженере уже сказалось сверхкрепкое бренди, а он незаметно выбрал себе сухое вино, напоминавшее по цвету напиток инженера. Он хотел сохранить контроль над собой, пока не будет выполнена его миссия.

Он сказал:

— Между прочим, не знаешь ли ты парня по имени, как его, гм, ... Пешкопи?

Джефф Фергюсон посмотрел на него, прищурив один глаз.

— На "Титове"? — Он покачал головой. — Может быть кто-то из новичков. У нас в экипаже около шестидесяти человек. Среди офицеров такого нет.

— Может быть один из пассажиров.

— Откуда, во имя дзен, мне знать пассажиров? — Справедливо проворчал Фергюсон. — Это не мое дело. Да, как ты говоришь, тебя зовут?

Собеседник ответил:

— О, ... Смит.

Фергюсон невнятно пробормотал:

— Мне лучше вернуться на корабль. Служба.

Его компаньон посмотрел на него с удивлением.

— Ты ведь не сделал ответного шага, — пожаловался он. — Я думал ты угостишь меня своим национальным напитком.

— Конечно, — сказал Фергюсон. Его самолюбие было задето. — Шотландского. Виски с содовой, идет?

— Мне двойной.

Они вернулись к кораблю поздно ночью.

Административный корпус был пуст, за исключением двух-трех клерков, занятых бумагами. У ворот стояли два члена экипажа "Титова". Они озабоченно посмотрели на первого инженера.

— Дзен, — пробормотал один из них. — Вы же знаете приказ капитана, сэр.

— Шкипер, — бормотал в оправдание Джейферсон Фергюсон, — как вы, Самюэльсон, чертовски хорошо знаете — новичок. Чертовски хорошо знаете.

— Да, сэр, — ответил обеспокоенный Самюэльсон.

Как видно, Джейф Фергюсон был популярным офицером. Несмотря на то, что пока корабль стоял в порту, его пьянство беспокоило его коллег.

Теперь он облокотился на своего приятеля, готовясь тут же уснуть.

Самюэльсон сказал, нахмурившись.

— Кто вы? Где ваш пропуск?

Фергюсон открыл один глаз и искоса посмотрел на охранника.

— Самюэльсон, разве ты не видишь своими дурацкими глазами, что это чертов пассажир? И мой друг. Астронавт. Мы все астронавты. До самой Новой Аризоны.

— Да, сэр, — уклонялся Самюэльсон. Это был маленький человек с торчащими ушами, придающими ему престодушный вид. Он снова посмотрел на корабль. — Шкипер сказал...

— Шкипер, — перебил его Фергюсон, — мешок с дерьмом. Он махнул рукой вперед. — Пойдем, дружище, пойдем. Ох, это твое проклятое пойло!..

Он очнулся от беспокойного сна и с недоумением посмотрел в металлический потолок над головой.

Он еще не отошел от сна. Он был в большой компании мужчин, женщин и детей. Все было божественным в их внешности. Их лица озаряла святость. Все они были готовы принять участие в грандиозном предприятии. Все, кроме одного. Он был исключением. Предприятием этим было завоевание космоса, и все готовились взойти на борт корабля для дальнего путешествия.

Он пытался обезличить себя, оставаться незаметным, но все же присоединиться к ним, быть в их числе. Но куда бы он ни пошел, его преследовали их презрительные взгляды. Он не принадлежал к их благородному собранию и сознавал это. Всякий раз какой-то внутренний голос говорил ему, что он будет отвергнут. Что как бы он не хитрил, ему не позволят участвовать в этом грандиозном предприятии.

Так как они были героями, а он — скрывающимся убийцей. Он наконец пришел в себя, посмотрел вверх и почувствовал во рту вкус похмелья. Уже одно это было

странным. Когда-то он напился, правда не по своей вине. Его воспитывали в старых традициях, поэтому он привык к вину и пиву, особенно за обедом, с раннего детства. Но его родные никогда этим не злоупотребляли.

Откуда-то доносились жужжание и легкое подрагивание. Вдруг он почувствовал рядом с собой тепло тела. Кто-то лежал в постели рядом с ним.

Он вздрогнул, когда услышал чей-то официальный голос:

— Роджер Бок приглашается на общее собрание экипажа, которое состоится в гостиной офицерского отделения.

Прежде чем закончилось предложение, он понял, что оно исходило от динамика внутренней телефонной связи, расположенного над маленькой конторкой в дальнем углу спартанской каюты, в которой он находился.

Только когда он повернулся, чтобы увидеть, кто лежал рядом с ним, память стала возвращаться к нему. Прошлой ночью.

Да, это был Фергюсон. Полнотью одетый, как и он. Из края рта протянулась полоска слюны. Его храп был резким и неприятным.

Они поднялись на борт “Титова”. Он очевидно поддерживал пьяного инженера, пока они проходили через ворота, затем по трапу мимо охраны корабля. Лучшего способа нельзя было и придумать. Очевидно экипаж и младшие офицеры привыкли покрывать кутежи Фергюсона. Он как видно был популярным человеком на корабле. Наблюдая за его пьянкой, тяжело было понять это.

Судя по вибрации, они уже находились в пути. Он резко поднялся.

Уже в пути! Он думал проникнуть на борт “Титова” и выполнить свою миссию прошлой ночью. Но усердно уговаривая инженера, он и сам набрался.

Космос их связал! Назад не было возврата. Корабль не повернет назад из-за одного безбилетчика.

Как они поступают с безбилетчиками? Этого он не знал. Он чувствовал, что ему следует убраться отсюда. Может быть где-то спрятаться. Куда он мог спрятаться на “Титове”? Ему не хотелось присутствовать, когда проснеться Джейф Фергюсон. Он подозревал, что инженер поймет, что это не было несчастным случаем.

Он выбрался из кровати так осторожно, как только мог. Крепко сбитый инженер только проворчал что-то в своем тяжелом сне.

Он посмотрел на себя в зеркало, вмонтированное над умывальником и бритвенным прибором. Он чувствовал себя еще хуже, чем выглядел. Он посмотрел на свою одежду. Зрелище было ужасное. Она не приняла безропотно то, что в ней спали.

Динамик внутренней связи снова сказал:

— Роджер Бок, будьте любезны явиться на собрание экипажа в гостиной.

Он ополоснул лицо водой. Не настолько, чтобы освежиться и выбежал в коридор. Почему там ему было безопасней, он не понимал.

Он не растерялся в новой обстановке. Хотя ему не приходилось раньше бывать на космическом корабле, но это было его детской мечтой. Он, как зачарованный, смотрел все программы Tri-D, главной темой которых были космические путешествия. Он делал модели космических кораблей. Просиживал над иллюстрациями, фотографиями, чертежами космических кораблей, начиная от первого спутника и кончая последними лайнерами для дальних полетов, с помощью которых люди исследовали неизведанные уголки галактики.

Он не был в отчаянии, но чувствовал себя не в своей тарелке.

Он медленно шел по коридору. В его голове проносились мысли. Очевидно, он был в офицерском отделении, в каюте первого инженера. Шкипер, главный инженер, первый офицер и первый инженер занимали самые удобные апартаменты на "Титове", также как пассажиры первого класса и представители компаний, владевшей кораблем. Мимо кто-то пробежал. Судя по опрятной униформе, это был стюард. Он лишь остановился, чтобы спросить:

— Вы — гражданин Бок, сэр? Гражданин Роджер Бок?

Прежде чем получить ответ, он пробежал глазами по его одежде и, слегка нахмурившись, побежал дальше, решив, что он не мог быть гражданином Боком.

Коридор слегка поворачивал налево. Он надеялся, что ему удастся покинуть эту часть корабля. Здесь он был слишком заметен. Лучше всего было держаться поближе к

общей спальне. Это что-то вроде третьего класса, где колонисты запакованы, как сардины в банке, выражаясь по-старинке. Выражение это было сейчас даже уместней, чем во времена Tri-Ds, когда его впервые употребили. Никогда еще условия жизни человека на корабле так не приближались к условиям, в которых хранились консервированные сардины.

Что-то блеснуло у него перед глазами. Маленькая табличка на дверях.

РОДЖЕР БОК

Это его вызывали через динамик. Его же искал стюард. К нему пришла смутная идея.

Те, кто в последний момент оказались трусами, боялись либо стартовать в неизвестность, либо опасались космической болезни. Тогда, в автобаре их было человек двадцать. Они были потенциальными трусами. Некоторые из них смогли с помощью алкоголя пересилить свой страх. Но некоторым это не удалось. По словам Фергюсона их было, по крайней мере, дюжина в каждой поездке.

Это был шанс. Был ли Роджер Бок одним из тех, который в последний момент не смог покинуть родную планету и пуститься в рискованное путешествие?

Он попытался открыть дверь. Она поддалась. Он толкнул ее, приготовив дежурное извинение на случай ошибки. Каюта оказалась почти такой же в своей монастырской простоте, что и каюта Джейффа Фергюсона. Кровать была застелена. Багаж стоял нетронутым.

По-видимому, Роджера Бока не было на борту. Он опустился на маленький стул, переводя дыхание. Пока что он был в безопасности.

Он недовольно хрюкнул. Момент был подходящий. Как только он выйдет к завтраку, он сразу же будет обнаружен.

Но потом он вспомнил, что накануне буквально сотни людей поднялись на борт "Титова". Несомненно, они большей частью были незнакомы друг другу.

Торопливо, дрожащими руками он бросил одну из сумок на койку и начал расстегивать ее замки. Ему не пришлось ломать что-либо, все было открыто. Он открыл ее и начал перебирать содержимое.

Очевидно, молодой человек любит ярко одеваться, больше, чем следует. Что-то вроде денди. Похоже запросы превышают возможности. Он примерил цветастый жакет и обнаружил, что тот был ему впору.

В сумке лежала тяжелая папка с бумагами. Он быстро перелистал их и не поверил своим глазам. Владелец бумаг должно быть покинул свою каюту, чтобы выпить пару рюмок для поддержания духа, а затем вернуться, чтобы продолжить работу в космосе. Бок оставил почти все в каюте.

Его надежды пошатнулись. Теперь он понял, что знали эти вызовы по внутренней связи. Роджер Бок был представителем компании, которая по-видимому владела этой экспедицией колонистов. А если так, то другие члены правления должны были знать его в лицо. Здесь ему не удастся затеряться, как одинокому молодому человеку в сутолоке общей спальни. Нет. Роджер Бок был одним из самых влиятельных людей на корабле.

Он замер в нерешительности. В конце концов можно привести себя в порядок. Умыться и сменить одежду. Боку она уже не пригодится. Затем он попробует добраться до третьего класса и раствориться в безвестности общего стада. Он считал, что принадлежит ему.

Он не ожидал, что ему помешают, и обстоятельно занимался своим туалетом. Примерка нарядов исчезнувшего Бока и отбор подходящих занимала время. Он посмотрел на свои вещи, затем сгреб их и спустил в мусорный бачок. Оставь он их здесь, у стюарда могли появиться подозрения: зачем гражданину Боку понадобилась эта нищенская одежда.

Он перепаковал сумки, которые уже просмотрел, выбрал из них по две-три нужные вещи, сложил их в углу и как раз хотел выйти, когда услышал стук в дверь. Он замер, вспомнив, что как и положено новичку, он забыл закрыть за собой дверь. Она оставалась открытой все это время.

Дверь медленно и тихо открылась, и через минуту на него уставилась чья-то физиономия. Она лениво улыбалась.

— Вы Роджер Бок?

Не дожидаясь ответа, дверь отворилась шире, и в комнату вошел человек.

Пришелец бросил беглый взгляд на комнату.

— Все эти чертовы какоты одинаковы, — пожаловался он. — Мы — муравьи. Нет, пчелы. Пчелы, устремившиеся к звездам. — Он принял юмористический тон. — Мы — ад. Отвергнуты человечеством. Неудачники, не сумевшие сделать карьеру дома и пытающие счастья где-то на стороне.

Он смотрел на гостя. На вид он был моложавым человеком средних лет. Одежда его была опрятной и дорогой. Его черты лица были интересными. Он был бы похож на профессионального манекенщика, если бы не тяжелая челясть. А также растущий живот. Гость наверное и не подозревал, что когда он кривит рот, у него вид типичного циника-нигилиста.

Он прокашлялся и сказал:

— Я думаю мы не встречались раньше. Не по моей вине, — продолжал гость, вяло протягивая руку. — Вы не присутствовали на общем собрании. Где вы были?

— Просыпался с перепоя.

Они пожали друг другу руки.

— Вы ничего не потеряли. Просто общее знакомство. Правление, капитан и старшие офицеры. Все, кроме первого инженера. Монах Храма, — гость скривил рот, — благословил экспедицию.

Он облизал пересохшим языком верхнюю губу.

— Общее собрание? Кто-нибудь знает друг друга?

Гость посмотрел на него.

— Некоторые знают. Шкипер, например, знает своих офицеров. А наш представитель Объединенного Храма знает одного члена правления, который родом из Южной Америки. Как же его зовут? Зорилла, или что-то в этом роде. Вылитый бандит. Он может завладеть колонией еще до конца этого десятилетия. Конечно, если это старое корыто долетит туда. Кстати, меня зовут Дарлин. Лесли Дарлин.

Он присел на край своей койки. Надо было поддержать разговор. Он сказал:

— Что значит, “корыто”? Разве “Титов” не соответствует условиям контракта?

Лесли Дарлин засмеялся, как будто это была шутка.

— Ах ты, плут! Мне нравится, как ты это преподнес. Комедиант не сказал бы лучше тебя. Почему же мы за-

страховали весь корабль, до последнего винтика? — Он скривил рот в усмешке. — И почему же правление выделило баснословную сумму на два первоклассных маленьких судна для офицерского состава?

ГЛАВА II

Новоиспеченный Роджер Бок, скованный ожиданием разоблачения, сидел в корабельной гостиной в обществе Лесли Дарлина, первого офицера Бена Тен Эйка, Ричарда Фодора, который был членом правления компании Новая Аризона и одного офицера связи, чье имя Бок не запомнил. Другие от недостатка воображения называли его Спаркском.

Роджер Бок, представленный Лесли Дарлином, чувствуя необходимость сказать что-то, извинился:

— Прошу прощения за неявку на предыдущее собрание. Мне кажется я перебрал прошлой ночью. Мы с первым инженером...

— Этот пропойца снова набрался? — проскрежетал Бен Тен Эйк. — Я боялся, что он опоздает на старт.

Бен был высоким выцветшим блондином. На его смуглом лице лежала печать юношеской раздражительности.

Лесли Дарлин закудахтал:

— Роди, Роди, не стоит выносить мусор из дома.

Ричард Фодор, выглядевший как обычный бизнесмен, сказал суворово:

— Я думал, что вообще никто не придет.

Тэн Эйк холодно посмотрел на него. Фодор ответил ему вызывающим взглядом.

— “Титов” не вполне соответствует условиям контракта, подписанного во времена, когда я стал членом правления компании Новая Аризона, — сказал он резко.

Род Бок, не совсем понимая о чем идет речь, поспешил загладить наметившийся конфликт.

— Я имел в виду только то, что сожалею о своей оплошности. Должно быть собрание было вдохновляющим.

Лесли захихикал.

Род, чувствуя себя в дурацком положении, сказал:

— Раз уж здесь все собрались, я хотел бы напомнить, что мы отправились в величайшее путешествие. Мы — основатели новой колонии. "Титов", конечно, вернется, чтобы доставить других колонистов к новым мирам. А что касается нас? Возможно, что никто из нас больше не увидит Землю.

Спаркс сказал раздраженным голосом:

— Хорошо, если мы когда-нибудь увидим Новую Аризону, не говоря уже о других колонистах и новых мирах.

Первый офицер мрачно посмотрел на него.

— Хватит, Спаркс. Есть инструкции, запрещающие беспокоить пассажиров в космосе. Ты что, заболеваешь?

Спаркс рассудительно ответил:

— Никто из сидящих за этим столом не болен. Мы все отвечаем за свои слова.

Род Бок кажется заварил кашу, хотя и неумышленно. Он сказал в оправдание:

— Я имел в виду, что это большое путешествие, и я сожалею, что не присутствовал на первом собрании правления.

Фодор кисло проворчал:

— Вы ничего не пропустили. Мы лишь представились и подтвердили предыдущие письменные соглашения. Его лицо стало суровым. — Думаю, что Мэтью Ханта нет на борту?

До сих пор Род Бок никогда не слышал о Мэтью Ханте. Он навострил уши.

Лесли продолжал в насмешливом тоне:

— Вот кем теперь можно восхищаться. У нас всего два выхода. А у него целых три.

Бен Тен Эйк прозудел:

— Что вы имеете в виду?

Лесли пожал плечами и улыбнулся.

— Зачем делать невинный вид, коллега? Вы конечно знаете, что бумаги "Титова" состряпаны не без хитрости. А также то, что корабль и вся компания Новая Аризона полностью застрахованы. Если только что-нибудь случится, в распоряжении офицеров и пассажиров первого класса останется два просторных спасательных корабля. Если же спасательные суда не пригодятся — это скандал. Если нам все же удастся достичь Новой Аризоны, правление все рав-

но будет не в проигрыше. Контракты, подписанные с колонистами, находящимися в недрах корабля, настолько ущемляют их права, что земные законы не смогут их защищить.

— Рабочий скот подписал контракт, не так ли? — грубо спросил Ричард Фодор.

Лесли повернулся к нему и лениво засмеялся.

— Фактически они подписали его дважды. Первый официальный документ мы можем отправить в Вашингтон хоть сейчас. Зато второй контракт мы оставили при себе. При условии, что мы достигнем Новой Аризоны, наше правление становится единственной законной властью, “Государство — это мы”. Поклон Людовику Четырнадцатому. Мы владеем в Новой Аризоне всем, вплоть до последнего гвоздя. Наши колонисты обрекли себя на положение рабов...

— Они подписали, не так ли? Это не принудительное рабство, — сказал Фодор. — Что вам не нравится, Дарлин?

Лесли изумленно посмотрел на него.

— Ничего, просто констатирую факт. Члены правления не проиграют. Если корабль потерпит аварию, мы получим колоссальную страховку. Если он долетит, мы получим права на целый мир. — Он закинул голову и засмеялся. — Но старый лис Мэтью Хант, организовавший все это предприятие, застраховался еще больше. Он даже не полетел! Если “Титов” потерпит кораблекрушение, он получит свою долю этой огромной страховки. Если же мы долетим и сможем выгодно эксплуатировать Новую Аризону, он спокойно появится, чтобы собрать плоды наших трудов. О, наш супер-антрепренер не может проиграть.

— Ты несешь чепуху, — зудел Тен Эйк. — Оставьте нас, Спаркс. Нам надо кое-что выяснить. Он повернулся и, явно обидевшись, вышел. Офицеры связи пожали плечами и последовали за ним.

Фальшивый Род Бок задумчиво смотрел на них. Он уже дважды чуть было не вляпался. Поэтому старался держать язык за зубами. Молчаливый по натуре, он решил во что бы то ни стало перемолчать их всех.

Однако это становилось все трудней. Двери гостиной отворились, и Род Бок впервые увидел женщину на корабле. Она была создана, как будто по его заказу.

Сам он был невысокого роста, но она была на целых два дюйма ниже его. Она напоминала горных красавиц Южной Словении, Монтенегро и Албании: высокий лоб, пышные черные волосы, очень хорошие зубы и полные широкие губы.

За ней вошел Монах Храма, с которым Род имел краткую беседу накануне вылета. Он выглядел таким же свежим, розовощеким, как и всегда. Животик приятно округлял его формы.

Лесли Дарлин замурлыкал:

— Патер Билл и наша замкнутая гражданка Бергман.

Род Бок открыл было рот, но потом резко остановился. Он чуть было не задал вопрос, на который должен был знать ответ. Вместо этого он вскочил на ноги. Дарлин и Фодор последовали за ним, более непринужденно.

Она была скорее девушкой, чем женщиной. Род решил подойти к ним. Гостиная "Титова", имевшая пассажирское и офицерское отделения, не была достаточно большой, чтобы разделить их, даже при желании.

Дарлин сказал:

— Гражданка Бергман, патер Уильям, разрешите вам представить пропавшего члена правления Роджера Бока. В будущем мы станем ближайшими коллегами. Могу ли я называть вас Катей, патером Биллом и Родом?

И девушка, и Монах Храма не были в восторге от этих имен.

— Ты насмехаешься над Объединенным Храмом, сын мой? — с тяжеловесным достоинством спросил патер Уильям.

Дарлин отпрянул.

— Нет, во имя дзен! — воскликнул он. — Я не хочу, чтобы меня поразило ударом молнии. — Его ротискривился, и он оглянулся по сторонам. — Думаю, что меня поразит нечто другое, не правда ли? В космосе нет молний.

Девушка кивнула Роду Боку без тени улыбки, общепринятой при знакомстве.

— Мое имя Катерина Бергман, — сказала она.

Род что-то промычал. Внешность девушки выбила его из колеи. Он не был готов к этому.

Чтобы поддержать разговор, Лесли сказал лениво:

— Наш Род никак не успокоится, что пропустил первое собрание правления. Знаете ли, вдохновение новых открытий и все такое. Я подозреваю, что наш юный коллега по преступлению родился поэтом, а не колонистом.

Патер сказал:

— По преступлению, гражданин Дарлин?

Лесли усмехнулся.

— Это шутка, патер Билл. Мне следовало сказать: "нашим партнером в великом, славном и святом деле открытия Новой Аризоны для человечества".

Катерина Бергман молча смотрела на Лесли.

— Едва ли вы считаете нашу экспедицию Крестовым Походом... Лесли, — сказала она, подумав, прежде чем назвать его по имени.

Он засмеялся с пренебрежением.

— Крестовый Поход? Это последнее слово, которым бы я ее назвал. Этот груз отбросов: авантюристов, оппортунистов и просто беглецов трудно назвать крестоносцами.

— Сын мой, — сказал патер Уильям елейным голосом, — славные пассажиры "Титова" такие же люди, как те, которые когда-то на борту "Мэйфлауэра" переплыли океан, пересекли в своих повозках великие пустыни, которые...

Лесли смеялся все громче.

— Вы правы! — воскликнул он. — Я полностью согласен.

Род нахмурился. Лесли безусловно обладал привлекательностью, но убедить его в чем-либо казалось невозможным. Любое безобидное замечание встречало его насмешливый отпор.

Род сказал тихо:

— Ты, кажется, невысокого мнения о пионерах и первоходцах, Лесли.

Тот поймал его на слове.

— Род, старина, и вы, Катерина, и даже вы, патер Билл — вы все, похоже, заняты лишь промыванием своих мозгов шовинистической чепухой. Не будем наивными. Любое сколько-нибудь серьезное исследование показывает,

что пионеры — далеко не герои с нимбами над головой. Более того, они всегда — изгои общества. Отбросы, преступные элементы и фанатики. Все те, которые не смогли вернуться на родину, стали пионерами. — Он сухо искрил рот. — Часто отважными колонистами становились преступники, от которых избавлялись, высылая за пределы страны. Примерами могут быть Джорджия и Австралия. Многие из наших первопроходцев были всего-навсего стрелками, то защищавшими закон, то нарушавшими его. В зависимости от обстоятельств. Въят Эрп, Док Хэлидэй, Уайлд Билл Хикок были игроками, хитрыми политиканами, создавшими свои собственные законы в городах, которыми они правили. Билли Кид был маньяком, прожившим слишком длинную жизнь. А Дэви Крокет, Джим Бови, Сэм Гастон? Оппортунисты, не добившиеся карьеры в Соединенных Штатах и начавшие завоевания новых земель, похожие лишь на “освобождение” Мексики и Перу конкистадорами.

Монах Храма был ошеломлен.

— И ты, мой сын, равняешь меня с Билли Кидом или Уайлдом Биллом Хикоком?

Улыбка Лесли стала злобной.

— Едва ли, патер Билл. Оба они умерли либо от пули, либо от голода. Сомневаюсь, что вас ждет такая судьба. Вы выживете, патер Билл.

Священник встал на дыбы, красный от гнева.

— Вы не уважаете мой сан!

Лесли с удивлением принял этот вызов. Он сказал:

— Я думал, что Монахи Храма дали клятву бедности, — сказал он. — И это не помешало вам стать партнером компании Новая Аризона, патер Билл?

Голос монаха задрожал.

— Объединенный Храм, сын мой, должен распространять слово веры повсюду, где есть люди, включая и новые миры. Мы должны открывать храмы, школы, госпитали, а все эти проекты зависят от наших средств. Не понимаю, почему большинство компаний включают в состав правления лишь одного представителя Объединенного Храма. — Он повернулся и, переваливаясь, пошел в дальний угол комнаты, выудил из-под рясы книгу в черном переплете и стал читать.

Род похолодел от волнения. Он не хотел скандала, особенно с острым на язык Лесли Дарлином, но тот упрямо наступал на чувства окружающих.

Девушка все время молчала, хотя и следила за ходом конфликта, также как и стоявший рядом Фодор.

Затем она тихо сказала.

— Вы упрощаете, Лесли. Наверное, многие из первоходцев — порочные люди. Но не все. Например, как вы расцениваете себя?

Он запрокинул голову и счастливо засмеялся. Наверное, он обожал спорить. Он наклонился вперед.

— Кати, дорогая. Я — типичный случай. Вы слыхали об английских пасынках? Для них не находилось места в Англии, поэтому их доставляли в Америку, Южную Африку, Индию, Австралию. Если им удавалось там сколотить состояния, их принимали на родине. Так вот, дорогая моя, это я. Семья устала от непутевого Лесли и его цинизма. Поэтому отец и два брата, услыхав о новой компании Мэтью Ханта, купили мне место в правлении. И вот я здесь. Если все пойдет хорошо, тогда я вернусь и буду принят в объятия моего клана. Но посмотрите на меня. Что я смогу делать в Новой Аризоне, кроме как собирать плоды чужих трудов? — Он обратился к Роду. — А что скажете вы, мой поэт, мечтающий о новых мирах? Что двигало вами, и как вам удалось собрать средства, чтобы вступить в долю с Хантом?

Род Бок чувствовал себя зыбко. Он понятия не имел о прошлом своего двойника. Возможно, если бы он имел время внимательно полистать бумаги, находившиеся в каюте, он выглядел бы выразительней.

Он неловко пожал плечами.

— Почти то же самое. Семья имела деньги. Я смог купить членство компании.

Катерина Бергман непонятно почему неодобрительно посмотрела на него. Неожиданно для себя он спросил:

— А как насчет вас, гражданка?

— Туже! — захихикал Лесли.

Ее глаза путешествовали от одного к другому. Она слегка покраснела. На какое-то мгновение ее лицо стало неподвижным, но затем она вскинула голову и сказала:

— Возможно я здесь, потому что среди первопроходцев есть такие пасынки как Дэви Крокет и Джим Бови. Выскочки или, образно говоря, старатели наподобие вас, Лесли Дарлин. Необходимо защитить от них простых колонистов.

Лесли был озадачен. Он нахмурился и сказал:

— В этом нет особого смысла, Кати. Вы сами член правления.

Она тихо сказала:

— Там, в трюмах, немало колонистов, которые вовсе не такие придурки, которыми вы их считаете. Некоторые из них вполне осознают степень эксплуатации, которая угрожает им на новой планете, вдали от земных законов.

— А вы-то здесь причем? — спросил Ричард Фодор, следивший за ходом разговора в суровом молчании.

Она замолчала на какое-то мгновение, будто сожалея о том, что беседа приняла такой оборот. Однако затем она вздохнула и тихо сказала:

— Никто из пассажиров третьего класса не смог купить членство в компании. Билет на проезд — вот максимум, который они могли себе позволить. Их более двух тысяч, и все они полностью зависят от членов правления.

— О, я бы так не сказал, — засмеялся Лесли. — Все мы благородные пионеры, открывающие новые миры.

Ее глаза заметно сузились, и она сказала:

— Поэтому они сделали единственный возможный шаг — собрали все свои сбережения и купили одно место в правлении.

— Что! — вскрикнул Фодор.

Кати мило сказала:

— И избрали меня своим представителем.

— Вы шутите, — рассмеялся Лесли.

Она покачала головой.

— Вы не похожи на этих вонючих, глупых простаков, рабочий скот, обреченный на пожизненную каторгу в новой колонии.

— Ну что вы, гражданин Дарлин, — скромно сказала она. — Я не знала, что я так много значу для вас. — Ее голос стал спокойным. — Там, в нижних отсеках у меня есть тетка и племянник. И они не глупее меня. В чем вы, наверное, скоро убедитесь.

Апломб Ричарда Фодора пошатнулся.

— Но это смешно. Членство компании Новая Аризона строго регламентировано.

Женщина подняла брови.

— На каком основании, гражданин? Будем реалистами. Единственным условием членства, установленным Мэтью Хантом, была величина вступительного взноса.

Он огрызнулся:

— По этому поводу необходимо провести совещание. Я должен поговорить с капитаном.

Она мило улыбнулась ему.

— Позаботьтесь только, чтобы я присутствовала на всех подобных совещаниях.

Он фыркнул и отошел.

Лесли, посмеиваясь, последовал за ним.

— Я хочу это слышать.

Катерина Бергман взглянула на Рода Бока, молчавшего все это время. Ее лицо исказила гримаса отвращения.

— Какая я дура, — пожаловалась она. — Я должна была держать это в секрете.

Род неволко пробормотал:

— Ничего, все уладится. Судя по тому, что говорят об общих спальнях, путешествовать в офицерском отделении гораздо удобней.

Она холодно посмотрела на него.

— У меня были другие мотивы, гражданин Бок.

Он прокашлялся.

— Называйте меня Род. Я ... я надеюсь мы будем часто видеться.

Она оставалась хмурой. Потом сказала, несколько озадаченная:

— Знаете ли вы, что на Земле есть самозванец, выдающий себя за вас?

Он попытался сделать невозмутимое лицо.

— Меня? — сказал он просто.

На ее лбу появилась привлекательная складка, и она продолжала:

— Я встретила его вечером накануне старта в клубе Далекие Границы. Он был немного выпившим и, как я поняла, взволнованным по поводу путешествия. Но называл себя Роджером Боком и говорил о "Титове" так, как будто все знал и о нем, и о Новой Аризоне.

Род Бок глотнул воздух.

— Все это так таинственно, — сказал он. — Не знаю, что ему пришло в голову. Вы уверены, что он называл себя Роджером Боком?

Подставной Роджер Бок встретился со старшими офицерами и пассажирами первого класса за обедом в двенадцать часов по земному времени.

Он уже провел несколько часов в каюте, отчаянно пытаясь вникнуть в дела компании. Весь багаж состоял из двух больших сумок. Он просмотрел каждую бумагу, имевшуюся в нем. Как он догадывался, у Роджера Бока было гораздо больше вещей, но они хранились где-то в другом месте. В сумках были лишь предметы первой необходимости. Очевидно, молодой Бок не очень надеялся на развлечения, доступные на борту "Титова". Среди вещей было два литра прекрасного коньяка, две колоды карт и даже пара игральных костей.

Когда новоявленный Род Бок обнаружил кости, он взял и подбросил их над конторкой. Выпала семерка. Он удивился. По крайней мере это было хорошим предзнаменованием. Он снова метнул и, получив такой же результат, повторил это снова и снова. Похоже, что семерка выпадала всегда.

Он не был опытным игроком в кости и поэтому стал с удивлением их рассматривать. Семерка выпала десять раз кряду, но ничего необычного в конструкции кубиков он не заметил. У него не было времени для этого развлечения. С нетерпением он бросил их еще раз и получил девятку на шестерке и тройке.

Он поднял кости и нахмурился, ничего не понимая. Не будучи математиком, он все же понимал, что по законам вероятности получить семерку десять раз подряд удается крайне редко. Но теперь ему не удавалось получить ее даже один раз.

Он покрутил их с нетерпением и снова отбросил, чтобы заняться чем-либо другим. Через несколько минут они снова попались ему на глаза, и он увидел, что выпали семерки.

Ему понадобилось целых пятнадцать минут, чтобы разобраться в принципах этой древней азартной игры. Все

зависело от того, как держать кости перед броском. Он мог получать семерку сколько угодно, либо вовсе не получать. Удовлетворенный, он заворчал и отложил их в сторону.

Бумаги, которые он обнаружил, прояснили его дела с компанией Новая Аризона, но ничего не рассказали о личности Бока. Более детальные подробности о нем наверное были в других документах.

И все же новый Род Бок нашел рукописи своего двойника и мог потренироваться в подделке его подписи. По этому поводу можно было не волноваться. Вряд ли в распоряжении капитана, или архивах новой компании было что-либо, кроме подписи, удостоверяющей личность Бока.

Он внимательно прочитал свой контракт. Конечно же, незнание его содержания не пойдет ему на пользу, ввиду той огромной суммы, которую заплатил Бок за членство в компании. Он не был бизнесменом и не был знаком с земными законами о колонизации новых планет. Однако понимал, что фактически он приобщился к монопольному владению только что открытой Новой Аризоной. Она упоминалась как планета на девять десятых подобная Земле. Это ничего не значило для него. Он не представлял, стоит ли ее атмосфера из метан-аммония-гидрогена, как это часто бывает на молодых планетах, окружающих яркие суперзвезды, или ее условия настолько близки к земным, чтобы ее можно было заселять без скафандров и жилых камер.

Все это вскоре прояснится, думал он. Все, что от него требовалось — это сохранять спокойствие. Рано или поздно разговоры в гостиной ликвидируют все пробелы.

Все складывалось на удивление благоприятно для него. Другое дело будущее. Где-то на Земле настоящий Роджер Бок отходил от похмелья. И, возможно, пытался найти уважительные причины, оправдывающие его опоздание к старту "Титова". Вполне вероятно, что его место в правительстве было куплено с той же целью, что и для Лесли Дарлина.

Рано или поздно подлинный Роджер Бок свяжется с "Титовым" или с новой колонией на Новой Аризоне, если она будет основана. Вот тогда держись!

Он гнал от себя эти мысли. К этому времени его миссия наверное будет выполнена. Возможно, если все будет

хорошо, ему удастся завоевать расположение могущественных членов правления и ему позволят вступить в колонию.

Как всегда, когда ненавистное имя приходило ему в голову и он вспоминал о своей миссии, его глаза загорались и во рту появлялась горечь. Пешкопи! Где на огромном корабле скрывался этот человек?

ГЛАВА III

Динамик над конторкой объявили полуденный обед. Он сложил документы, над которыми работал в ящик, и тщательно опустил в мусорный бачок обрывки бумаги, на которой тренировался в подделке подписи Бока.

В офицерском отделении "Титова" не было роскошных апартаментов. При необходимости гостиная и столовая могли вместить не более двадцати человек. В настоящее время в столовой находилось двенадцать человек, включая капитана, пяти старших офицеров и шести пассажиров первого класса, среди которых был Курро Зорилла. Род Бок видел его впервые.

Латиноамериканец был чем-то взволнован, и Род начал было подозревать, что он уже разоблачен. Но это было не так. Во всяком случае, Зорилла не предпринял никаких шагов к раскрытию самозванца. Если бы ему повязать голову красным платком, вставить в ухо серьгу, а к поясу прицепить кинжал, то Курро Зорилла сошел бы за пирата из шестнадцатого столетия. Он был очень смуглым. Возможно, в его жилах текла кровь Америндлов или Муров. Его лицо напоминало бездушную маску, на которой невозможно было заметить какого-либо проявления чувств. У него были очень широкие плечи. Казалось, что он носил одежду с большими подплечниками. В огромных руках с грубыми пальцами чувствовалась сила. Пальцы были постоянно полусогнуты, как у шимпанзе или гориллы.

Когда они пожимали руки, он посмотрел Роду Боку в лицо и проворчал что-то похожее на приветствие. Его глаза сузились, но Роду не удалось понять смысла этого жеста. Зорилла повернулся и сел, хотя вошедшая в столовую Катерина Бергман еще не заняла своего места. Он потя-

нулся своей лапой, схватил со стола кусок хлеба и стал его задумчиво жевать.

Затем вошел капитан Бруно Глюк. Теперь Род Бок должен был быть представленным ему, двум старшим бортовым офицерам и двум старшим инженерам. Конечно, он уже встречался с Беном Тен Эйком и Джейфом Фергюсоном, первым офицером и первым инженером. Офицеров оказалось слишком много, чтобы составить о них какое-то впечатление, но капитан "Титова" оказался неприятным исключением.

Это была грубая скотина в мундире, словно сошедшая с театральной сцены, киноленты или телепрограммы Тгi-D. Это был тип, которого люди научились ненавидеть раньше, чем Вана Строгейма. С каменным лицом, прямой спиной, резким голосом, всепоглощающей жестокостью и железной дисциплиной. Род Бок был рад, что оказался пассажиром на борту "Титова", а не одним из его офицеров.

При знакомстве капитан не пожимал руки, ответив еле заметным кивком. Он стоял рядом со своим стулом в торце первого стола, пока Катерина Бергман не заняла своего места. Затем он, как по хорошо отработанной команде, упал на свое место.

Он выкрикнул:

— Прошу садиться, джентльмены. Его серые глаза мрачно остановились на Джейфе Фергюсоне, очевидно уже выздоровевшем после пьянки. — И вы также, мистер Фергюсон.

К этому времени Курро Зорилла и Лесли уже сидели. Первый, по-видимому, игнорировал этикет, а второй — из безразличия.

Род опередил патера Билла и придвинул стул Катерины, получив ее сухую благодарность.

Капитан окинул взглядом сидящих за своим и соседним столами. Затем резко сказал:

— Пока стюард обслужит нас, я хотел бы обсудить некоторые вопросы, вызывающие недоразумения.

Род Бок недоумевал, что означали его слова. Потом он понял, что Ричард Фодор очевидно рассказал капитану о разоблачении Катерины. Какое капитану было до этого дело. Род не мог понять.

Капитан Глюк воскликнул:

— Этот проект колонизации необычен. Компания Новая Аризона в некоторых отношениях уникальна. — Его искрометные глаза остановились на Катерине Бергман. — Достаточно уникальна без дополнительных осложнений, граждanka.

Кати сжала губы, не ответив ему. Она старалась смотреть ему в глаза.

Капитан сказал:

— Как вы знаете, около трех лет назад гражданин Мэтью Хант, путешествуя в своей яхте, сбился с пути и натолкнулся на нечто, что оказалось планетой девятнадцатой категории сходства с Землей, отсутствовавшей на космических картах. Если бы такая планета была обнаружена Космическими Вооруженными силами, то без сомнения, она бы развивалась по иному проекту.

Он сделал паузу, прежде чем перейти к сути своей речи.

— Как вы знаете, гражданин Хант в соответствии с земными законами сохранял права на Новую Аризону, если в течение пяти лет ему удастся основать там колонию с населением не менее двух тысяч человек, адекватно оснащенную для существования в новом мире. Гражданин Хант не сталкивался прежде с проектами таких масштабов. Его ресурсов было недостаточно. Вы все знаете это. Он основал компанию Новая Аризона, разделив капитал на десять частей, две из которых он оставил за собой. Чтобы получить необходимые средства, он продал шесть частей капитала.

Шесть? Род Бок задумался. Куда же делись остальные две части? Ответ следовал дальше.

— Однако, основные проблемы были впереди. Они были связаны с транспортом и подбором двух тысяч колонистов. Первую он решил, подписав контракт со мной и моими офицерами, являвшимися совладельцами транспортного корабля "Титов"...

— Которому пришел срок лежать на свалке, — лениво сказал Лесли Дарлин.

Капитан свирепо посмотрел на него.

— Вы являетесь членом компании Новая Аризона, гражданин Дарлин, но я требую уважения к себе, как к хозяину космического корабля.

Брови Лесли поднялись в насмешливой гримасе.

— А что я такого сказал? Я только напомнил, что "Титов" — устаревшая груда металломолома, которую подлатали и оснастили командой.

Капитан Бруно Глюк прежде чем продолжить, вновь бросил на него взгляд, полный ярости.

— За использование "Титова" нам были отданы оставшиеся две части. Одна мне, а другая поровну разделена между моими пятью старшими офицерами. Осталась проблема набора двух тысяч добровольцев, желающих стать колонистами на новой планете. Так как времени было в обрез, проблема была решена фантастически низкой стоимостью билетов.

Он снова сделал паузу, как будто ожидая, чтобы его перебыют.

— Ввиду такой филантропии, гражданин Хант решил, что будет справедливо, если колонисты согласятся на определенные условия, которые неприменимы в других земных колониях.

Ричард Фодор заворчал.

Патер Уильям сказал елейным голосом:

— Однако надо помнить, что Новая Аризона не является земной колонией в обычном смысле и является полной собственностью компании.

— Вот именно, — воскликнул капитан. Его глаза остановились на Катерине Бергман, хранившей пока что молчание. На ее лице появилась тень, которой Род Бок раньше не замечал.

Хозяин корабля сказал:

— Я хочу сказать, что у нас нет предрассудков по отношению к простакам. Я не знаю по каким причинам они занимают такое положение в обществе. То ли Провидение поставило их на это место, как говорит патер Уильям, то ли это была их лень или неспособность. Но я называю веши своими именами. Простаки останутся простаками, и ничего тут не поделаешь.

Голос Катерины Бергман подрагивал от накипевшей злости.

— Но даже те, которых вы называете йоками, имеют свои права.

— Совершенно верно, гражданска, и они их получат. Свои права и ничего больше. Никакой заговор, никакие

интриги не изменят Устава компании Новая Аризона. Большинство из сидящих здесь вложили все свои средства в развитие планеты, которая сегодня так же богата, как Земля Неандертальского периода. Нетронутая, девственная, неисследованная. Мы имеем возможность так разбогатеть, как не снилось и царю Мидасу.

Лесли нежно проворковал Роду:

— В лице капитана ты можешь найти коллегу-поэта.

В голосе Кати не было и тени самоуверенности превосходящего самца, направившего против нее свою агрессивную речь. Она сказала:

— Я и колонисты, которых я представляю, хорошо осведомлены об Уставе компании, капитан. Некоторые из его положений так запутаны, что могут вызвать беспокойство, но время покажет, кто из нас был прав.

Наверное, капитан подал знак, так как в этот момент Зогбаум, главный стюарт, принес первые блюда. Когда положение Кати Бергман на "Титове" прояснилось, Род Бок почувствовал, что с ним что-то произошло. После первых блюд, которые были съедены в напряженной обстановке, он взял свой кофе и подошел к девушке, сидевшей в одиночестве.

Она посмотрела на него с негодованием, когда он опустился на стул рядом с ней.

Род отрицательно покачал головой.

— Я не пришел спорить, — сказал он. — Я только хотел вас спросить, имеете ли вы полный список пассажиров третьего класса?

— У меня есть полный список пассажиров, — ответила она. — Не знаю почему их называют третьим классом. Второго класса ведь не существует. Есть только мы, обитатели относительного комфорtnого офицерского отделения, и колонисты, закрытые в камерах, непригодных даже для преступников. "Титов" не приспособлен для перевозки даже половины своих пассажиров.

Ему не было дела, но он спросил:

— Зачем же они записались добровольцами, если он так плох.

Она резко посмотрела на него, как будто в его словах было персональное оскорблениe.

— Потому что даже такие простаки, как их называет капитан, могут мечтать. Возможно, что большинство из нас хочет покинуть саму атмосферу, в которой на нас вешают ярлыки йоков.

У него не было никакого желания спорить с ней. Хотя такого слова не было в его словаре, он считал, что подходит под категорию йоков. Слово как видно происходило от йокелов — простаков, неловких стеснительных людей.

Она спросила с обидой в голосе:

— Зачем вам нужен список колонистов? Разве у Глюка нет такого списка? Очевидно, Мэтью Хант, оставшийся на Земле, позабылся о том, чтобы выборов нового председателя правления не состоялось.

— Мне не хотелось бы его тревожить, — сказал Род. На самом деле, он хотел держать в секрете свои поиски на корабле.

Он сказал с сомнением в голосе:

— Вы же знаете, как тесен мир. Возможно я знаю кого-нибудь из пассажиров. Как мне кажется вы бы одобрили дружбу между членом правления и колонистом.

Его аргументы оказались убедительными. Она подумала немного и сказала:

— Почему бы и нет, — сказала она. — Пройдемте в мою каюту.

Когда они выходили, Лесли Дарлин цинично покосился на Рода Бока, но тот не подал вида.

Каюта Кати Бергман была как две капли воды похожа на комнату Бока и располагалась на три двери дальше от него. На борту "Титова" не очень заботились о жилых комнатах. Почему они вообще там были? Корабль был грузовым. Обычное число пассажиров не превышало дюжины. Там, где теперь находились колонисты, раньше были грузовые отсеки.

Она открыла верхний ящик конторки, повернулась и протянула ему пачку бумаг. Он взял ее. В момент прикосновения пальцев их взгляды встретились. Его снова поразило, как была красива Кати Бергман — в традициях Албании и Монтенегро. Это была...

Он одернул себя.

Он попал на борт "Титова" вовсе не для того, чтобы жениться.

В пачке было около десяти листов бумаги. Он сделал вид, что внимательно пролистывает список, упорядоченный в алфавитном порядке. Дойдя до буквы "П", он замешкался. Фамилии Пешкопи там не было.

На какое-то мгновение он растерялся. Но она должна была там быть! Он был уверен, что найдет ее в списке пассажиров третьего класса. Ему и в голову не пришло, что может быть иначе. Какие-то доли секунды он размышлял над достоверностью информации, которой он располагал. Что, если его одурачили, послав на другую планету. Тогда все было потеряно. Его шансы на возвращение с Новой Аризона были незначительны. Если ему и удастся вернуться, то лишь глубоким стариком.

Но затем он вспомнил слова Джейффа Фергюсона. Команда "Титова" насчитывала около шестидесяти человек. В каждой поездке они теряли часть личного состава и поэтому брали пополнение. Возможно скрытный Пешкопи был рядовым членом экипажа, так как Фергюсон знал имена всех своих офицеров.

По-видимому Пешкопи был в числе вновь поступивших на службу космонавтов.

Он сделал вид, что досматривает список пассажиров до конца, затем мотнул головой и вернул ей бумаги.

— Нет. Никого из моих знакомых. Фамилии Бергман я также не заметил, хотя вы говорили, что среди колонистов у вас есть родственники.

— У них другие фамилии, — сказала она коротко. Ее тон не был враждебным, но чувствовалась некоторая неловкость в общении. Он понял почему. Фактически она была одной из колонисток. Он же в ее глазах был отрыском какой-то могущественной семьи, купившей ему место в правлении компании. Они принадлежали к разным слоям общества.

Род сказал:

— Ну что ж, спасибо. Увидимся позже, гражданка... гм, Катерина. В гостиной, наверное.

— О, называйте меня Кати, — сказала она устало. — Как вы можете поддерживать видимость приличий в отношениях с Лесли Дарлином?

— Увидимся позже, Кати, — сказал он и вышел.

Задумавшись, он пошел к своей каюте. Его задачей было стать скорее исключительным членом команды, чем одним из двух тысяч колонистов. Жребий убийцы был не-простым, — размышлял он мрачно.

Охваченный этими мыслями он открыл дверь своих апартаментов и вошел. Он уже был в каюте, когда вдруг заметил, что свет выключен, хотя он оставлял его включенным.

Его рука потянулась к выключателю. Возможно, младший стюарт убирал комнату и...

На него обрушился удар.

Хотя он имел подготовку для ведения рукопашного боя, от неожиданности он упал. Позади него был свет коридора. Нападающий видел его хорошо, тогда как Род, как слепой, смотрел в темноту.

Он попытался занять оборонительную позицию Зен-кутсу-даки, но был сбит с ног ударом другого нападаю-щего. Тяжелый боковой удар по голове опрокинул его на пол.

Голова разрывалась от боли. Он вскочил на ноги и тут же получил обезоруживающий пинок ногой в живот.

Ему нужна была минута передышки, чтобы собраться, перевести дыхание — и он не мог найти ее.

Чья-то рука схватила его за волосы, оттянула назад его голову, после чего последовал удар в челюсть, и он покатился на кровать. Он стал размахивать руками, чтобы предотвратить следующие удары.

Но их не последовало. Он услышал движение в комна-те, затем была молниеносная вспышка света из коридора и, наконец, он остался один. Все это длилось несколько секунд.

Ослепленный, с дрожащей головой, он стал пробирать-ся в направлении выключателя. Взмахнув рукой, он вклю-чил свет. Закрыв дверь он, шатаясь, подошел к умываль-нику и вырвал. Он посмотрел в зеркало. К его удивлению, никаких следов драки на лице, кроме покраснений в мес-тах ударов, он не заметил. Он плеснул воды в лицо и по-вернулся, чтобы осмотреть свои вещи.

Вся комната была перерыта. Они даже не пытались скрыть это.

Сначала он попробовал продолжить мысль, над которой он думал перед нападением. Пешкопи. Он должно быть узнал, что кто-то шел по его следу и атаковал своего предшественника.

Он вдруг остановился. Чепуха! Откуда этот Пешкопи мог узнать о его существовании. Это был довод, опровергающий его предположения. Сопоставление их должно было дать ему ответ на вопрос: почему его жизнь оказалась под угрозой. Хотя жертва может и не подозревать о причинах покушения.

Но если это был не Пешкопи, то что означает обыск его каюты?

Он осмотрел ящики своей каютки, а также сумки, которые он унаследовал от настоящего Роджера Бока. У него не было времени как следует их распаковать. Не будучи достаточно хорошо знакомым со своими новыми вещами, он не имел понятия, что у него могли взять. Возможно, обыск был делом рук стюарда или другого члена команды. Как он понял из разговоров, некоторая часть экипажа была нечиста на руку, как для космонавтов. Среди них вполне мог оказаться подлый вор.

Однако, это было неправдоподобно. Вор мог быть легко обнаружен. Рядовые члены экипажа и пассажиры третьего класса не имели доступа к офицерскому отделению. Вор должен был быть либо стюардом, либо одним из офицеров. Выяснить, кто из них вор не составило бы труда.

Он дважды пересмотрел вещи и не обнаружил никакой пропажи. Очевидно злоумышленник не ожидал прихода Рода, бросил поиски, выключил свет и атаковал свою жертву.

Он провел бессонную ночь в размышлениях и сделал необходимые выводы. Как бы то ни было, ему следовало вести себя в том же духе. Одно было очевидно. Он должен был нанести свой удар прежде, чем корабль достигнет Новой Аризоны. Если этот Пешкопи был членом команды, это означало, что после посадки на новой планете добраться до него будет почти невозможно. Хотя разгрузка корабля займет некоторое время, "Титов" снова стартует, оставив Рода Бока торчать среди прочих колонистов.

Проблема состояла в том, что он не мог просто подойти и спросить капитана, есть ли в экипаже космонавт по имени Пешкопи. Если бы он поступил так, и через несколько дней Пешкопи был бы найден мертвым, ни у кого не возникло бы сомнений, кто это сделал. Ему следовало быть осмотрительным.

Поэтому когда Кати Бергман во время завтрака заявила о многочисленных жалобах колонистов к капитану и правлению компании, Род Бок поддержал ее, вызвавшись быть представителем правления на переговорах с комитетом колонистов.

Создалось неловкое положение, когда капитан Глюк не решался снизойти до того, чтобы встречаться с комитетом колонистов.

Он посмотрел на Катю огненным взглядом.

— Гражданка Бергман, мы сделали все возможное, чтобы улучшить условия для пассажиров третьего класса. Больше ничего сделать нельзя.

Патер Уильям сказал:

— Возможно мое присутствие, несколько слов облегчат их лишения, которые несравнимы с душевными муками.

Лесли засмеялся.

— Вы когда-нибудь слышали о древнем искусстве иносказания? — спросил он.

Фодор сказал суроно:

— Они подписали контракт. Они знали на что шли. И вот спустя два дня начались требования. Лишить их завтрака на пару дней. Надо проучить их.

Катя, с трудом переводя дыхание, обрушилась на него.

— Это одна из жалоб, гражданин Фодор. Им вообще не дают завтрака. Их кормят один раз в сутки.

Курро Зорилла прогромыхал:

— В свое время я прожил много недель, питаясь один раз в день и даже реже.

Она с негодованием посмотрела на него.

— Вы — взрослый человек. Некоторые из двух тысяч колонистов — грудные дети!

Лесли Дарлин откинулся на спинку стула и насмешливо посмотрел на присутствующих.

— Уважаемые члены правления, — процедил он, — возможно нам не следует забывать такой аналогии. Вспом-

ните времена, когда священники-ханжи из Англии и Америки сопровождали корабли, груженые неграми, которые пересекали Атлантику, направляясь к рынкам работоторговли. Наступил момент, когда стало не хватать еды, но возврата назад уже не было. Я имею ввиду деньги. Можно было, конечно, отправиться в путь с тысячей негров, когда корабль рассчитан не более, чем на пятьсот человек, но при этом был шанс привезти в Новый Орлеан гору мертвцевов.

Капитан Глюк перебил его:

— Я думаю, вы правы, гражданин Дарлин.

— Я думаю, это очевидно, — сухово сказал Фодор. — В данном случае он совершенно прав, хотим мы этого или нет. Мы не можем себе позволить обращаться с колонистами так, чтобы часть из них умерла по пути в Новую Аризону.

Патер Уильям вставил:

— Мы также не должны забывать земные законы о колонизации. Если первооткрыватель планеты не сможет в течение пяти лет создать там колонию из двух тысяч человек, то планета переходит под контроль государства.

— Что я имел в виду, как вы думаете? — мрачно сказал Фодор.

Первый офицер Бен Тен Эйк сказал:

— Количество колонистов в трюмах корабля едва превышает две тысячи. Если пару сотен из них умрет, то их будет уже недостаточно.

— Никто из них не должен умереть. Черт возьми! — возмутился шкипер. — Что с вами происходит? Можно подумать, что это корабль прокаженных!

Тут Роду Боку пришла в голову идея завоевать репутацию активиста, интересующегося всеми аспектами путешествия и вникающим во все сферы жизни корабля не из простого любопытства. Позже это могло бы ему помочь проникнуть в отделение экипажа, где он мог продолжить свои поиски.

Он сказал:

— Я буду рад последовать за капитаном Глюком в качестве представителя правления на переговорах с делегацией колонистов.

Лесли Дарлин лениво засмеялся.

— Лучше ты, чем я, — прощедил он. — Не забудь заткнуть свой нос, когда попадешь в общую спальню.

Капитан, встав из-за стола, посмотрел на него негодующе:

— Что это значит, гражданин Дарлин?

Лесли усмехнулся.

— Это значит, что там слишком мало душевых для такого количества пассажиров.

Кати возмущенно сказала:

— Там их вообще нет. Вода строго рационирована и предназначена лишь для питья и приготовления пищи.

Разъяренный капитан направился к двери.

— Отлично, Фергюсон. Встретимся с этими недовольными!

Джефф Фергюсон поднялся со стула, бросил на стол свою салфетку и флегматично пошел за своим командром. Кати и Род последовали за ними.

Впервые с момента появления на борту "Титова" Род Бок покинул офицерское отделение. Переборки, отделяющие его от грузовых отсеков, были удивительно мощными. Казалось, они были специально сделаны, чтобы отразить атаку. Наверное так оно и было. Судно типа "Титова" в свое время могло быть использовано как для перевозок товаров, так и для транспортировки экзотических животных в зоопарки других планет. Оно также могло перевозить осужденных, преступников и ссыльных, хотя Бок не мог припомнить таких примеров. Действительно, "Титов" был старым бродягой, наподобие пароходов прошлого, перевозивших что угодно и куда угодно, если это было выгодно.

Выйдя из офицерского отделения, они заняли свои места на транспортере и поехали вдоль бесконечных коридоров, мимо больших и малых отсеков для грузов и оборудования, необходимого для жизнеобеспечения корабля в открытом космосе.

Род Бок увидел, что рядом сидит Джек Фергюсон и сказал, завязывая беседу:

— Почему именно ты?

— Чего, парень? — спросил сонный инженер.

— Почему шкипер хотел, чтобы ты пошел, Джек?

Фергюсон нахмурился.

— А, припоминаю. Ты тот самый парень, с которым я напился в ночь перед стартом. Как назывался этот адский напиток?

Род ухмыльнулся.

— Мы, кажется, выпили их по целой дюжине. Ты еще решил, что я трус, и в последний момент побоюсь подняться на борт.

Фергюсон, все еще хмурясь, проворчал:

— Я бы не стал тебя обвинять, зная об этой дырявой калоше. Кажется ты говорил, что тебя зовут ... Смит.

— Нет, — сказал Род. — Бок. Роджер Бок. Ты не ответил на мой вопрос.

— Почему шкипер захотел взять меня с собой? Хорошо, я, черт возьми, скажу тебе, парень. Если возникнет какой-то вопрос, касающийся оборудования, он должен иметь кого-нибудь под рукой, кто знал бы ответ.

Род посмотрел на него.

— Разве он не капитан? Он должен знать свой корабль.

— Парень, — вздохнул инженер, — капитаны и палубные офицеры знают, как управлять кораблем. Они разбираются в коммерции. Знают космические законы. Знают, как загружать отсеки судна. Но они не имеют понятия об оборудовании корабля. В случае аварии они не смогут добыть стакана воды или пинты масла. Это забота инженера.

Род все еще был удивлен.

— Но почему же тогда ты, а не Тор Кайвокату, который занимает должность главного инженера?

Фергюсон недовольно проворчал:

— Ты — член правления этой проклятой компании и, кажется, не очень представляешь, что происходит. Среди офицеров только шкипер, Спаркс и я раньше летали на "Титове". Среди команды картина немного другая. Мы взяли двенадцать новичков. Все они попали в машинное отделение. Это приятели капитана, с которыми он уже давно знаком.

У Рода чесался язык, но он не мог спросить. Возможно, ему полагалось это знать. Но он сказал:

— Ты хочешь сказать, что все новички находятся в твоем отделении?

— Именно так, парень, — резко ответил Фергюсон. — И все они — дьявольское отродье, как можно было ожидать. Каждый уважающий себя механик должен быть выше рядового члена экипажа. — Он недовольно заворчал и сам ответил на вопрос Бока, который тот хотел задать.

— Мы должны были заплатить офицерам достаточную сумму и обеспечить их гарантийными письмами. Единственным способом завербовать их были обещания. Пятым старшим офицерам обещана десятая часть Новой Аризоны. Поэтому мы взяли Бена Тен Эйка и Роу Макдональда, второго офицера, никогда раньше не летавших на транспортных кораблях. Тор Кайвокату, главный инженер, также не видел раньше ничего, кроме яхты для солнечной системы. Вторым инженером взяли Мануэля Санчеса, который как Тен Эйк и Макдональд уволен из Космических Сил за нарушения, но чудом сохранил свои документы.

Род открыл рот от изумления, но транспортер остановился, и Кати с капитаном вышли.

Капитан мрачно посмотрел на Фергюсона.

— О чём это вы треплетесь? — спросил он.

Цветущий инженер не был покорной овечкой очевидно и до их знакомства.

— Мы треплемся о чертовских несоответствиях дурацких офицеров и команды этого проклятого «Титова».

Капитан сверкнул глазами и повернувшись на каблуках махнул рукой членам команды, стоявшим рядом. Видимо, это была охрана, стоявшая у опускающейся металлической двери.

Теперь Род Бок понял, что экипаж корабля нес также и военную службу. Со слов Джеффа следовало, что среди офицерского и рядового состава было немало людей сомнительной репутацией.

ГЛАВА IV

Дверь открылась, и они во главе с Катериной вошли внутрь. Роджер Бок тут же понял, что имел в виду Лесли, когда советовал прикрывать нос в отделении третьего класса. Не успели они пройти нескольких футов, как их охва-

тил смрад переполненного помещения. Прошло каких-нибудь сорок восемь часов, а запах пота, мочи и других животных испарений уже заглушал все остальное.

Капитан остановился и, как истинный пруссак, стал сурово ждать. Очевидно настало время инициативы Кати и ее родственников.

Будущие колонисты сидели или лежали на своих койках, стоявших в шесть ярусов. Нижняя койка отстояла от палубы всего на один дюйм, а верхняя не доставала до потолка нескольких дюймов. Когда пассажир лежал на верхней койке, его лицо отстояло от потолка всего на два — три дюйма. Узкие проходы между койками были завалены багажом, грязной одеждой. Неопрятные дети шумели, пытаясь затеять игру, матери пытались переодеть и успокоить грудных детей.

Род Бок смотрел на них в испуге. Неужели и пассажиры "Мэйфлауэра" когда-то пересекли Атлантику в таких же условиях? Он напряг живот. Как будут реагировать на них больные клаустрофобией. Несомненно, думал он, каждый колонист перед стартом прошел тщательный медосмотр.

Прошло лишь сорок восемь часов, но в этих отсеках уже чувствовалось отчаяние. Род недоумевал, как их корят, как работают туалеты, что делали с больными.

А больше всего он недоумевал, какая будет вонь через неделю. Две недели. Сколько времени займет путешествие до Новой Аризоны? Он не имел никакого представления. Он сомневался, что даже самый непрятязательный человек сможет выжить месяц в таких условиях.

К ним подошли три человека: двое мужчин и одна женщина. Это был комитет. Как видно в него входил цвет интеллигенции, чистоты и здоровья колонистов. В них не было и тени раболепия перед капитаном и членами правления Новой Аризоны. Скорее наоборот. Была открыта враждебность.

Катя как судья стала сбоку и представила гостей:

— Капитан Глюк, гражданин Роджер Бок и первый инженер...

— Фергюсон, — вставил Джефф.

— Разрешите представить доктора Флоренс Джеймс, доктора Хуго Милтиадеса и доктора Фрэнсиса Кэлли, чле-

нов комитета, избранного для взаимодействия с командованием корабля и правлением компании Новая Аризона.

— Доктор? — воскликнул капитан. — Доктора медицины?

Хьюго Милтиадес, которому на вид не было и сорока, был старшим из них. Он кивнул головой.

— Думаю, что вы будете довольны видеть нас на борту, капитан Глюк. Ходят слухи, что бортовой врач отказался сопровождать “Титов” и выполнять свои обязанности.

— Паникер, — проворчал Фергюсон.

Милтиадес холодно посмотрел на него.

— Нет, не трус, гражданин Фергюсон, скорее разумный человек. Его глаза снова остановились на капитане. — Наши проблемы, капитан, в основном медицинские — или скоро станут таковыми.

Хозяин корабля, широко раздвигая ноздрями и ощущая человеческие испарения, не подавал вида. Он ответил:

— Гражданка Бергман сообщила мне, что среди вас есть недовольные.

Флоренс Джеймс была сухопарой женщиной фанатичного вида. Она резко сказала:

— Недовольные на борту “Титова”, капитан, числом в две тысячи двести шестьдесят три. Если нет кого-нибудь еще в офицерском отделении.

Капитан проигнорировал ее. Он воскликнул:

— Надеюсь, у вас есть представитель, ведущий переговоры. Я не могу тратить время на беспорядочную болтовню.

Доктор Милтиадес сказал:

— Пища плохого качества, но с этим еще можно мириться. Беда в том, что ее не хватает. Наши дети уже голодают.

Капитан вскрикнул:

— Перед тем, как вступить на борт “Титова”, вы знали, что он будет полностью загружен не только пассажирами, но и оборудованием, необходимым для основания новой колонии. Рацион был рассчитан опытными пищевиками. На борту достаточно пищи для того, чтобы доставить пассажиров корабля в Новую Аризону. Однако, у нас не было места для того, чтобы брать с собой дополнительные

деликатесы, к которым вы, конечно, привыкли. Все должны чем-то пожертвовать. У нас просто нет возможности обеспечить вас завтраками, полдниками, обедами и ужинами.

— Такими как в офицерском отделении, — прошептала Кати.

— Кроме того, — дипломатично сказал Хьюго Милтиадес, протягивая список, — необходимо немедленно предоставить нам средства дезинфекции и медикаменты, а также место для бортового госпиталя, включая комнату под изолятор.

— Изолятор! — вскрикнул изумленный капитан. — Черт возьми! Вы думаете это пассажирский лайнер с тысячами кубических футов помещений? Бортовой госпиталь! Разве вы...

Глаза Джейффа Фергюсона путешествовали по отсеку. Теперь уже он прервал капитана своим бормотанием:

— Болезнь.

— Что? — вспылил капитан.

— Вы уже слышали, — буркнул Фергюсон. — В этом проклятом месте она и появится.

Доктор Френсис Кэлли, до сих пор хранивший молчание, сказал:

— Я согласен с вашим инженером, капитан. Если космическая болезнь возникнет в этом ограниченном пространстве, она распространится по всему кораблю быстрее чумы. Так или иначе, она должна появиться у нас. Лучшее, что мы можем сделать — это изолировать пациентов с появлением первых симптомов болезни.

Флоренс Джеймс заметила:

— Это не просьба, капитан. Это — ультиматум. Больше еды, бортовой госпиталь и изолятор. Возможно, в дальнейшем будут новые требования.

Тот парировал:

— Еды больше нет.

Фергюсон задумчиво проворчал:

— Мы могли бы переоборудовать третий отсек под госпиталь, переместив оборудование в семнадцатый.

Капитан воскликнул:

— В третьем хранится не только твое оборудование, но и запасы провизии для Новой Аризоны.

— Мы могли бы переместить их в подсобку камбуза третьего класса, сэр, сказал Джейф Фергюсон.

— А что мы будем делать, сукин сын, когда мы доберемся до Новой Аризоны? Умрем от голода?

Фергюсона задел такой тон. Он сказал:

— Мы решим эту проблему на месте. Если это планета девятнадцатой категории, то там будет достаточно местной еды, пригодной для нас. Животные, рыба, фрукты... пополният наши запасы.

Капитан в замешательстве посмотрел вокруг.

Доктор Френсис Кэлли сказал бесстрастно:

— Космическая болезнь.

Капитан вскрикнул:

— Я должен обсудить это с правлением. О нашем решении вам сообщит гражданка Бергман. Видит дзен, я постараюсь больше не общаться с рабочим скотом лично.

Он повернулся и со злостью зашагал к выходу.

Род Бок уже повернулся, чтобы идти, как вдруг раздался крик. Это было резкое, пронзительное, истерическое улюлюканье ненависти и смерти. В считанные мгновения этот вопль превратился в рев льва-убийцы или в боевой крик каратиста. Он парализовал всех, кто находился рядом.

Краем глаза Род Бок заметил источник этого безумного вопля. Огромное дикое существо в лохмотьях выкатилось со второго яруса коек, схватив по дороге что-то похожее на кусок трубы.

Продолжая кричать, он растолкал соседей и направился к капитану. Его глаза были неподвижны, волосы взъерошены, а тело — он был голым до пояса — мокрое от пота.

Позади себя Род услышал взволнованное дыхание Джейф Фергюсона и начало крика Кати. А может это была доктор Джеймс, которая вроде не была похожа на истеричку?

Труба приблизилась на расстояние бокового удара, животное уже почти достигло своей цели. Род Бок почувствовал запах ненависти, появляющийся во время драки, или опасности для жизни, или во время приступа безумия.

Без слов он шагнул вперед левой ногой, правая оставалась полусогнутой. Когда тот приблизился в стремитель-

ном рывке, Бок схватил его правое плечо своей правой рукой и молниеносным ударом локтя поразил его подбородок. Одновременно правой ногой он шагнул за спину противника. Размахнувшись ею, он ударили его по ноге, выдвинутой назад и повалил на пол. Затем он схватил запястье правой руки, державшей трубу и уже не отпускал ее. Левым каблуком Род надавил ему солнечное сплетение и прижал к полу.

От момента, когда Род шагнул вперед и до агонии умирающего человека, прошло не более двух секунд.

Все еще полусогнутый Род Бок отступил назад. Его лицо светилось азартом убийцы. Но поняв, что дальнейшей атаки не последует, он опустил руки.

Двое из докторов тут же опустились на колени перед павшим обезумевшим колонистом.

Фергюсон быстро подошел и схватил руку Рода Бока. Он проворчал теперь уже бессмысленные слова:

— С тобой все в порядке?

Род молча отстранил его.

Капитан крикнул докторам:

— Что с этим человеком? Это был такой же бессмысленный вопрос, как и вопрос Фергюсона.

Флоренс Джеймс посмотрела на них и сказала отрешенно:

— Он мертв.

Капитан посмотрел на нападавшего, Рода Бока, а затем на Фергюсона и Кати Бергман. Он резко сказал членам комитета:

— Позаботьтесь о нем. — Потом, обратившись к своей делегации: — Пойдем.

Кати сказала голосом, которого Род не слышал раньше:

— Я останусь здесь на некоторое время!

Род шагнул к ней, протянул руку и сказал:

— Я не...

Капитан крикнул:

— Достаточно, гражданин Бок. Нам сообщают о дальнейших событиях.

Род услышал обозленный гул, пронесшийся по отсеку. Он снова посмотрел на Кати, еще раз посмотрел на покойника, покачал головой и последовал за хозяином корабля и Фергюсоном, державшим дверь отсека.

Доктор Кэлли, молчавший до сих пор, бросил капитану вслед:

— Теперь вы поймете, что изолятор необходим. Надеюсь, вы узнали симптомы болезни этого несчастного.

В коридоре капитан резко обратился к стоявшим там космонавтам.

— Собаку к этой двери. Я пришлю вам подкрепление. Без моего разрешения никому не входить.

— Гражданка Бергман, — сухо сказал Род.

Капитан замолчал на минуту. Затем сказал:

— Кроме гражданки Бергман, конечно.

Он повернулся и пошел к транспортеру.

Фергюсон посмотрел на Рода Бока. В его глазах кроме уважения было еще что-то.

— Что там произошло? — спросил он. — Я не успел ничего сообразить, был как в тумане.

Род Бок сухо сказал:

— Это был несчастный случай. Он повернулся, чтобы идти за капитаном.

Джефф Фергюсон проворчал:

— В том-то и дело, что нет, приятель.

Род сказал тихо.

— Между прочим, Джек. Я заметил, что в корабельной гостион недостаточно освежающих напитков.

Фергюсон заворчал от отвращения.

— По такому поводу можно было бы напиться, но в космосе не положено и капли спиртного. Даже для пассажиров первого класса. Об этом знают все.

Род прокашлялся и продолжал тихим голосом.

— Я нечаянно захватил с вещами бутылку древнего коньяка.

Глаза Джека загорелись.

— Приятель, — сказал он, — я зайду к тебе после дежурства. Нам кажется есть что вспомнить и обсудить.

Капитан Бруно Глюк, несгибаемый как всегда, повернулся к ним, прежде чем садиться в свое кресло. Его стеклянные глаза были холодны, как и раньше, но слова с трудом слетали с его губ.

— Я оставлю свои комплименты для более подходящего случая, гражданин Бок. Однако, хочу сказать, что недооценил вас. Ваше присутствие на Новой Аризоне поможет

осуществлению моих планов в большей степени, чем я думал.

На это нечего было сказать. Род Бок промолчал.

Позже, в своей каюте, прежде чем направить тему разговора в нужное русло, Род ответил Джиффу Фергюсону на вопросы относительно схватки в спальне.

Фактически, дожидаясь, пока инженер освободится, он прокрутил все события в деталях. Насколько он понимал, другой альтернативы не было. Нападавший был сумасшедшим, убийственно безумным и вооруженным. Теоретически было возможно, чтобы Глюк, Фергюсон и Бок втроем справились с ним, не причинив ему большого вреда. В действительности, обезумевший маньяк покушался лишь на одну жизнь, жизнь капитана.

Ненавистный колонистам и, возможно, даже собственной команде, он оставался единственным человеком на борту, способным привести "Титов" к Новой Аризоне. Другие офицеры были недостаточно знакомы с таким типом корабля.

Нет, капитан был незаменим. Род Бок сделал единственно возможную вещь. Он как можно быстрее обезвредил нападавшего. К несчастью, тот стал жертвой. В пылу драки не всегда удается рассчитать удары.

Итак, это была космическая болезнь.

Она могла поразить так сильно и так быстро.

Когда Джифф Фергюсон постучал в дверь, Род уже приготовил стаканы и поставил бутылку в нижний ящик конторки.

Он разлил по рюмкам коньяк и некоторое время терпел комментарии инженера по поводу схватки, делая вид, что его способности в ведении рукопашного боя — такая же неожиданность для него самого. Он понимал, что инженер не верил, но это была единственная возможная позиция для него. Не мог же он рассказать, что провел большую часть сознательной жизни, обучаясь убивать. Что тренировки включали монгольскую Хоппа Кен и индийскую Нанпа Кен, которые теперь доступны лишь студентам, изучающим древние боевые искусства.

Как и в автобаре, несколько земных дней назад, Род выпил по первой рюмке с Джиффом Фергюсоном. Затем,

воспользовавшись тем, что другой расчувствовался, начал уклоняться, разбавляя свои порции водой, а то и выливая их украдкой. Он хотел напоить его, а затем выудить у него интересующую информацию.

Наконец, когда было исчерпано большинство общих тем, он сказал вяло.

— Много новичков взяли в этот раз?

— До черта! — проворчал Джейф, прикладываясь к стакану. — Двенадцать проклятых лопухов. Никто другой не согласился бы лететь на "Титове".

Рода Бока интересовало нечто другое. Он снова наполнил стаканы и сказал:

— Ты не замечал, что люди одной национальности стремятся служить в своих областях. Например, люди шотландского происхождения становятся инженерами, а вот англичане скорее становятся палубными офицерами. Большинство стюардов — французы и итальянцы.

— Я бы не сказал, парень. Шотландцы — такие же хорошие шкиперы, как эти...

— О, я не имею ничего против шотландцев, — перебил его Род, симулируя опьянение. — Я просто говорю о тенденциях. Например, эти двенадцать новичков. Как их зовут?

Опьяневшему Джейфу Фергюсону понадобилось целых пять минут, чтобы вспомнить их всех. И когда он закончил, Род Бок уставился на него.

У него пересохло во рту.

— Ты уверен?

Джейф допил свою рюмку и с надеждой посмотрел на две-три унции, оставшиеся в бутылке.

— Уверен в чем, парень?

— Это все члены команды, подписавшие контракт при наборе экипажа "Титова"?

— Конечно, я уверен в этом, черт возьми. И ни одного проклятого шотландца среди них, черт возьми.

В отчаянии Род вылил ему остатки коньяка.

— Больше не могу, — объяснил он. — С меня хватит.

— Когда я набираюсь, не могу отказать себе в лишней рюмочке, — лукаво сказал Джейф. Он тут же опрокинул ее, как будто Род мог передумать и потребовать свою половину.

Род решил незаметно продолжить разговор.

— Ты хочешь сказать, что в экипаже нет никого, скажем, с фамилией Пешкопи?

Фергюсон посмотрел на него, как в тумане.

— Фешкопти? Что это за имя?

— Пешкопи, — сказал Род. — Думаю, что это албанское имя, или что-то в этом роде.

— Никогда не слышал о нем, — сказал пьяный инженер, поднимаясь на ноги и покачиваясь.

Выпивка закончилась, и он хотел уже идти.

— Никогда не слышал такого имени. Конечно... на "Титове" таких нет.

Род Бок долго еще смотрел на двери, после прощальных слов благодарности.

Он повернулся к кабинке, нашел сообщение, которое он получил... когда? Не раньше недели назад. Вообще говоря, он должен был уничтожить его, когда принял имя Роджера Бока. Почему-то он так и не сделал этого.

Он прочел телеграмму еще раз.

ПОСЛЕДНИЙ УЦЕЛЕВШИЙ ПЕШКОПИ
САДИТСЯ НА БОРТ К/К ТИТОВ ДЛЯ ПОЛЕТА
НА НОВУЮ АРИЗОНУ ПОМЕШАТЬ СТАРТУ
НОВЫЙ АЛЬБУКЕРК ЧЕТВЕРГ

Но как он окончательно убедился сегодня ночью на борту "Титова" Пешкопи не было. Просто не было. На минуту им завладела мысль, которая успокоила его. Может один из трусов, там в автобаре, который в последнюю минуту испугался вступить на борт корабля и столкнуться с опасностями космоса.

Мог ли Пешкопи быть среди этих людей?

Нет, законы вероятности были против.

Потом другая мысль осенила его. В поспешном сообщении не указывался пол жертвы. Пешкопи на борту "Титова" мог быть женщиной. В случае, если она была замужней, фамилия могла быть другой.

В этот момент в дверь снова постучали.

Это был Курро Зорилла, латиноамериканец, член правления компании Новая Аризона. Мощные плечи, толстый живот, короткие ноги и длинные руки были по мнению Рода Бокаrudиментами.

Ничего не выражавший взгляд его охватил пустую бутылку и два стакана.

— А я-то думал, где эта пьянь опять нализалась, — прогремел он. — Ты пытался что-нибудь выпытать у него?

Род Бок посмотрел на гостя. Он также выпил изрядное количество коньяка и должен был следить за своими словами, когда начнется разговор. Приход Зориллы был загадкой. Бок ничего не ответил.

Зорилла сел на стул, который только что освободил Фергюсон. Из бокового кармана он достал длинную сигару, откусил конец своими красивыми белыми зубами и выплюнул его на пол — скорее бессознательно, чем с умыслом.

Наконец Род спросил:

— Чем могу быть полезен, гражданин?

Зорилла выдыхал дым и созерцал своего хозяина.

— Я слышал, что вы убили этого свихнувшегося колониста в спальне. Вначале я не заметил, что вы способны на это, но теперь вижу, что вы можете ... Бок.

— Это был несчастный случай, — тихо сказал Род.

Зорилла снова затянулся, следя за тем, чтобы не погасла сигара.

— Может быть, — прогремел он. — Итак, восемь голосов из десяти имеются на борту "Титова"... Бок. Мэтью Хант находится на Земле. Эти восемь голосов контролируют экспедицию.

Это ничего не означало. Пока. Род Бок присел на край койки, скрестил ноги и стал осторожно ждать.

Зорилла продолжал:

— Из этих восьми капитан Глюк полностью контролирует один голос, свой, и рассчитывает взять под контроль второй. Тот, который делят его пять старших офицеров. Остальные из нас: я, Дарлин, Фодор, Патер Вильям контролируют по одному голосу.

Род сказал просто так:

— Еще Катерина Бергман. Она имеет один голос.

Латиноамериканец вынул сигару изо рта и покачал головой.

— Две тысячи колонистов контролируют ее голос. Они будут колебаться в зависимости от того, что им будет выгодно.

— Поэтому? — сказал Род.

— Поэтому, когда мы приземлимся и надо будет принимать важные решения, такие, как заключение соглашений по нефти или минералам, я хотел бы располагать большим количеством голосов.

Все прояснилось. Начали появляться группировки. Род думал, к кому примкнет Лесли Дарлин. Если кому-либо удастся получить пять голосов, другие будут вытеснены.

— Итак, — сказал Род, кивая, — вы хотите получить возможность пользоваться моим голосом.

Зорилла бессмысленно посмотрел на конец сигары и отрицательно покачал головой:

— Я хочу пользоваться голосом Роджера Бока, — прогремел он.

Род посмотрел на него, как будто не понимая о чем речь.

Зорилла полез в карман и достал бумажник. Он порылся в нем тупыми пальцами и, наконец, выудил то, что хотел. Он поднял его так, чтобы хозяин мог увидеть его, но не схватить.

— Насколько я знаю, — прогремел Зорилла, — существует лишь одно фото Роджера Бока на борту "ТИТСА".

Теперь Род узнал его. Оно было в большом конверте с бумагами среди багажа Бока в первый день полета. Это фото было очевидно необходимо для свидетельства о прохождении карантина. Он проклинал себя за то, что не выбросил его в мусорный бачок.

— Так это вы обыскивали мою комнату?

Зорилла с трудом кивнул и положил бумажник в карман.

— Видите ли, я встретился с молодым Боком, сентиментальным сопляком, в баре клуба Далекие Горизонты накануне старта. Он хотел сыграть в карты со смехотворно большой ставкой. Во всяком случае я знал, что вы не настоящий Бок, когда вы были представлены в гостиной. Но мне были нужны доказательства. — Он похлопал себя по карману. — Это доказательство.

— И, — сказал Род безучастно.

— И с этого момента вы будете голосовать так же, как и я. Мне наплевать, почему вы выдаете себя за Бока и, что вы будете с этого иметь. Но пока вы носите это имя, вы — мой человек. Ясно?

ГЛАВА V

Следующие сорок восемь часов Род Бок оставался знаменитостью в офицерском отделении. По природе своей застенчивый, до этого события он не мог оказывать влияние на своих компаний: болтливого Лесли Дарлина, привлекательную Кати Бергман, зловещего Курро Зориллу и господствующего капитана Бруно Глюка.

Теперь же главный инженер Тор Кайвокату, второй офицер Рой Макдональд и второй инженер Мануэль Санчес пожелали познакомиться с ним. Казалось, у них такой же характер, что и у капитана. Высокомерие и превосходство над штатским составом экипажа корабля преобладали. Это подтверждало слова Фергюсона о том, что никто из них не служил раньше в торговом флоте.

Как только он остался наедине с Лесли Дарлином, этот любитель “жареного” уныло посмотрел на него и сказал с пренебрежением:

— Итак, мы имеем героя среди нас.

Род запротестовал:

— Едва ли. Этого беднягу нельзя было пускать на борт корабля. Переговоры были напряженными. Вдруг он не выдержал и бросился к капитану. В пылу драки я, наверное, нанес ему смертельный удар. Мне жаль, конечно. Никакой я не герой.

Лесли пренебрежительно сказал:

— Мой дорогой Род, поиски героев — это примитивное занятие, даже если ты герой. Тебя не оставят в покое. Люди любят находить их. Они служат их целям. Не спрашивай каким.

Род пожал плечами и, желая уйти от этой темы, поспутил:

— Ты так и хочешь сбросить их с пьедестала. Почему бы просто не подшутить над ними?

Как фатоватый гедонист он закрыл рукой лицо, словно испугавшись невежества собеседника.

— За этим может последовать трагедия, — настаивал он. — Ты когда-нибудь слышал о писателе Хемингуэйе?

Род ответил:

— Начало двадцатого столетия. Писал о быках, не правда ли?

— Иногда, — сухо сказал Лесли. — Однако, я имел в виду время, когда он писал о генералах. Человек, видевший войну своими глазами, он был невысокого мнения о трех героях второй мировой войны: генералах Пэтэне, Монтгомери и Эйзенхауэре. Он считал их посредственными военачальниками и писал об этом. Но таких вещей просто нельзя говорить, поэтому эта книга стала вершиной его карьеры. В действительности же она настолько отравила ему жизнь, что больше он никогда не писал так искренне. Потом он был удостоен высшей литературной награды за вещь, примечательную тем, что он никому не наступил на любимый мозоль.

Род почти не слышал речитатива Лесли. Он продолжал думать о человеке, которого убил. Он не мог забыть его.

— Пионер космоса, открывавший неизведанное. Он мог оказаться одним из великих первооткрывателей Новой Аризоны. Он мог стать новым Фремонтом, новым Кастером или просто Буффало Биллом. Но вместо этого он мертв.

Лесли задумчиво посмотрел на него и потом, видимо, решил смягчиться. Он сказал:

— Дорогой Род, ты выбираешь неудачные примеры. Тебе просто надо оставить романтические идеи о пионерах и первопроходцах. Немногие из первопроходцев Америки остаются великими при ближайшем рассмотрении. Наверное это справедливо и для других пионеров. Фремонт, открывший Великий Путь через Скалистые Горы к Западному побережью, воспользовался услугами старого горца Кита Карсона, знавшего о нем уже много лет назад. Буффало Билл Коди был на одну десятую первооткрывателем, а на девять десятых проводником и вымыслом корреспондента. Кастер, великий воин-индеец? Его великая победа была просто коварным нападением на мирное селение Чайенну среди зимы, когда превосходящие числом воины сожгли хижины, убили женщин и детей, а затем отступили в го-

ры. Чем он знаменит, так это самым ослиным поражением в истории.

Это был любимый конек Лесли Дарлина и сейчас он развернулся вовсю.

— Фарс воинов-индейцев достиг своего апогея в самом конце, когда Иероним со своими апачами отправился в рейд на юго-восток в конце девятнадцатого столетия. Его отряд полуголых дикарей, вооруженных винтовками, насчитывал сотню или около того, включая нескольких женщин-работниц. Остальные апачи сидели в резервациях, где еда была получше. Ему противостояли тысячи, а может десятки тысяч солдат-профессионалов, в основном кавалеристов, вооруженных по последнему слову техники, включая пулеметы Гатлинга.

Но как об этой кампании рассказывает наша программа Tri-D? Тысячи индейцев на лошадях свирепо нападают на кучку стойких кавалеристов, а те сшибают их, как глиняных голубей. Кажется, что у них не шесть винтовок, а шестьдесят.

Между прочим, вы помните эту блестящую мысль Tri-D, когда смелые пионеры делают круг из своих по-возок и отбивают атаку краснокожих, которые все носятся вокруг, удобно подставляя спины для стрельбы? Так вот, оказалось невозможным доказать подлинность хотя бы одного такого инцидента. Очевидно, индейцы были партизанами, не желавшими умереть в своих рейдах. У них была другая тактика борьбы. А именно: проразить и убежать. Они стали объединяться в отряды много лет спустя. Благодаря "героизму" первооткрывателей, наводнивших их земли.

Раздался чей-то голос:

— Я не помешаю?

Род Бок вскочил на ноги.

Лесли сказал сухо:

— Садись, Кати. Я как раз расправлялся с героями. Может быть это несправедливо ввиду того, что Род кажется спас всех нас, придя на помощь единственному компетентному офицеру на корабле.

Кати села за маленьким столиком. Она посмотрела на Рода и кивнула.

— Бывают обстоятельства, когда необходимо... убить человека ради общего блага. У колонистов нет злобы на вас.

Он был смущен.

— Хорошо, я рад, — сказал он. Он сел, чувствуя, что ответ получился неудачным, но не нашел других слов.

Она посмотрела на него задумчиво и наконец сказала:

— Вы совсем другой, чем казались на первый взгляд.

Лесли сказал легкомысленно:

— Я полагаю, дорогая Кати, что вы остались с колонистами, чтобы облегчить страдания нашего Рода.

Она посмотрела на него своими большими черными глазами.

— Нет, — сказала она. — Вы ошибаетесь. Я пришла поговорить о колонистах. Мы — колонисты.

Лесли лениво улыбнулся ей.

— Мы — это значит, и я, и Роджер, или только вы и ваши избиратели?

— Это я и хотела выяснить.

— Тогда давайте послушаем ваши предложения, дорогая. Признаться, я озадачен.

Кати смотрела то на одного из них, то на другого. На ее высоком лбу появились легкие морщинки.

— Вопрос в том, считаете ли вы себя колонистами, открывающими новую планету, или же ваша цель — побыстрее выкачать из нее все, что можно?

Лесли спросил насмешливо:

— Разве одно исключает другое?

Кати уклонилась от прямого ответа. Она сказала:

— Более двух тысяч серьезных, честолюбивых, здоровых и работающих ...

— Я сомневаюсь в этом, — промурлыкал Лесли.

— ... мужчин и женщин отправились в экспедицию, так как им пообещали, что новый мир будет принадлежать им. В будущем они видят себя преуспевающими фермерами, рантье, возможно шахтерами, некоторые коммерсантами и, в конечном итоге, промышленниками, профессионалами, некоторые, я думаю, артистами.

Лицо Лесли исказилось от напускного цинизма. Род нахмурился, не понимая, чего она хочет.

Она продолжала, оставаясь серьезной.

— Всем им был обещан шанс вырасти вместе с этим новым миром.

— Хорошо... — нетерпеливо сказал Род.

В ее глазах была мольба.

— У них есть мечта. Мечта о новых неосвоенных землях, которая сделала человека тем, чем он есть.

— Дзен! — засмеялся Лесли. — “Титов” просто переполнен поэтами!

— Это не смешно, Лесли! Если планы капитана будут воплощены в жизнь, это будет означать крушение их надежд.

— Итак, кое-что проясняется. О каких планах вы говорите?

— Вы сами прекрасно знаете!

— Если он знает, то я — нет, — сказал ей Род.

Она, кажется, не поверила.

— Я думала, что меня одну держат в неведении. У меня сложилось впечатление, что все это было задумано Мэтью Хантом и правлением, не считая меня, еще задолго до старта “Титова”.

Лесли искривил рот.

— Давайте послушаем вашу версию, Кати.

— Хорошо. Я думала над этим несколько последних дней. Мэтью Ханту были нужны по крайней мере две тысячи колонистов, чтобы узаконить свое владение Новой Аризоной. При этом ему потребовалось небольшое количество техников, инженеров и так далее. Это говорит о том, что в действительности он задумал лет за десять выкачать ресурсы Новой Аризоны. Он планирует продать концессии крупнейшим корпорациям на Земле и других Соединенных Планетах. При такой эксплуатации нефтяных ресурсов, например, их можно выкачать всего за несколько лет. Золото, радиоактивные металлы, серебро, олово, все ценные минералы могут быть разведаны и добыты за больший отрезок времени. Чудовищные целлюлозные заводы-автоматы могут лишить планету ее лесов.

Лесли сказал:

— Красивая получается картина. Планета девятнадцатой категории содержит сырья на многие миллионы основной валюты. Кто-то может стать чудовищно богатым, дорогая Кати. Почему не мы?

— Теперь моя очередь спрашивать. Кто это “мы”?

Его улыбка стала циничной.

— Ну, мы, члены компании Новая Аризона. Мы, кто владеет Новой Аризоной.

Она помрачнела.

— Я одна из колонисток, гражданин Дарлин.

— Дорогая Кати. Меня не интересует, как вы попали на борт корабля, но факт остается фактом: именно вы — член правления, а не две тысячи юков из общей спальни. Они — просто бревнышки и обращаться с ними следует как с дровами. Присоединяйтесь к капитану и правлению, и вы получите одно из самых больших состояний Соединенных Планет.

— А что случится с колонистами, которые доверились мне, гражданин Дарлин?

— Думаю, что они останутся жить на Новой Аризоне, насколько позволят их способности.

Род посмотрел на него.

— На планете, лишенной минеральных ресурсов. Во времена колоний сырье всегда в изобилии. Это потом начинают использовать оборудование и технику для разработки истощенных месторождений, а вначале...

Лесли поднял руки.

— Но это не наши проблемы, не так ли, приятель?

Кати сказала холодно:

— Значит, вы — в лагере капитана?

— На самом деле я и сам не знаю, где я, дорогая. Почему вы так решили?

— Я слышала, как капитан и Фодор беседовали с патером Уильямом. Складывается впечатление, что все было согласовано между капитаном, офицерами и Мэтью Хантом еще на Земле. Капитан Глюк хотел заручиться поддержкой патера Уильяма, когда дело дойдет до голосования.

Лесли сказал неуверенно:

— За кого же он еще может голосовать?

— Точно не знаю. За меня, например. И вероятно за Курро Зориллу. В ее голосе стала слышна мольба. — Если мы все проголосуем против этого, а также Курро Зорилла, тогда нам удастся сорвать эти планы, и Новая Аризона

станет раем, как и полагается планете девятнадцатой категории.

— Снова поэзия, — презрительно сказал Лесли.

— Послушайте, что вы говорите? — спросила она.

Он покачал головой.

— Мне надо подумать над вашим предложением. А вот мои побуждения, дорогая Кати. Я вступил в компанию, чтобы сделать состояние. Если мне удастся за несколько лет сорвать крупный куш, это будет означать, что я смогу вернуться на Землю, расплатиться с долгами и вести тот образ жизни, к которому привык. Это мне нравится больше, нежели торчать в новой колонии.

Она сказала с отвращением:

— И ради этого вы готовы пожертвовать надеждами двух тысяч колонистов?

— Я очень сомневаюсь, что они идеалисты высокого полета, дорогая. Мне кажется, что каждый из них — оппортунист своего масштаба. Каждый из этих полуобразованных рабочих скотов, находящихся там, внизу — такой же хищник как Курро Зорилла, Ричард Фодор... или Лесли Дарлин. Дело лишь в том, что он не смог реализовать своих амбиций. Я настаиваю на том, что пионеры — это не лучшие элементы общества. Он искривил рот. — Это сброд.

В ее глазах было отчаяние, но она теперь повернулась к Роду.

— А вы, гражданин Бок?

В первое мгновение он хотел броситься, взять ее руку и сказать, что он разделяет ее мечту. Но затем вспомнил о Курро Зорилле. Если он поддерживал Катиных колонистов, тогда и он *ipso facto* поддерживал их. Однако, Род Бок не понимал, зачем Зорилле это может понадобиться. По-видимому, он был главным оппортунистом. Если Кати мечтала о новом мире как о настоящем рае, то Курро Зорилла вряд ли.

Он сказал, неуверенно:

— Мне надо подумать над этим, подождать и сориентироваться.

Ее глаза излучали презрение.

— Еще один артист-нувориш, мечтающий вернуться на Землю и сладко прожить остаток дней?

Он молча смотрел на нее и в который раз осознавал, что в ней были те качества, которые он искал в женщинах. Искал, но до сих пор не находил.

Он сказал, старательно подбирая слова:

— Но возьмем прибыль, которую хотят получить капитан и Мэтью Хант. Определенная доля достанется и колонистам. Хватит на всех. Речь идет о миллиардах, многих миллиардах.

Кати посмотрела с презрением.

— Такая же доля как у них? Сомневаюсь в этом. Она посмотрела на Лесли. — Вы всегда говорите о том, что первооткрыватели, исследователи и колонисты — не герои. Вспомните Кортеса и Писарро. Когда они завоевали ацтеков и инков, поделились ли они своей добычей с простыми солдатами, принесшими им эту победу? Конечно, нет. Они сами обогатились и оставили своих соратников, таких, как Берналь Диас, жить в относительной бедности. Или возьмите Астора и его Американскую Меховую Компанию. С помощью своих проводников, егерей, торговцев, агентов в фортах он обосновался на всем протяжении Скалистых Гор, сделав одно из самых больших состояний в стране. Получили что-нибудь эти люди от его огромной пушной индустрии? Ха!

Лесли Дарлин сказал мягко:

— Я твердо верю в выживание умнейшего, дорогая. Астор, по-видимому, был действительно умен так же, как и Кортес и Писарро.

Она сказала с отвращением, немного неуместным для заглаживания разговора:

— Но кто знает, что выжившие были умнейшими? Законы общества, правила поведения и привычки не всегда согласуются с законами природы. Выжившие всегда могут объявить себя умнейшими. Кто сможет им возразить?

Лесли мягко сказал, теперь уже раздражая ее:

— Но Кати, дорогая, сам факт, что они выжили, доказывает их превосходство.

Она вскинулась.

— Да? Пусть, например, две планеты враждуют друг с другом. Случайно одна из них использует новое оружие и разрушает другую, которая достигла больших высот в ис-

кусстве, точных и гуманитарных науках. Тогда по-вашему выжившая планета превосходит другую, но так ли это?

Он посмотрел на нее насмешливо.

— Да.

Род, пытаясь прекратить их спор, сказал:

— Но, Кати, ваши объединенные колонисты обладают одним голосом — вашим голосом. Если даже эксплуатация Новой Аризоны принесет одному голосу прибыль в один миллиард в основной валюте, это будет означать, что каждый колонист, будь то мужчина, женщина или ребенок получит, — он быстро вычислит сумму — полмиллиона в основной валюте. С такой суммой, каждый может делать, что угодно. Уйти в отставку, заняться бизнесом на Земле или где-нибудь еще, или стать колонистом на какой-то другой планете.

Он говорил с Катей очень серьезно, но смеялся над ним Лесли.

— Дорогой мой Род, — протестовал он. — Ты немного забывчив. Помнишь? Наш рабочий скот подписал два контракта, когда им были предоставлены фантастически дешевые билеты до новой планеты. Один из них, следя законам Земли, твердо оградил их от их добровольной продажи в неограниченное рабство. Но другой из них содержит положение, говорящее о дальновидности Мэтью Ханта. Согласно ему им гарантируется зарплата в течение пятнадцати лет. Однако, любая прибыль сверх установленных окладов принадлежит Компании Новая Аризона. — Он снова искривил рот. — По этой причине я предлагаю вам забыть о своих колонистах и извлекать личную выгоду из прибыли компаний. Нет возможных путей передать дивиденды компании людям, которых представляет Кати. Поэтому почему бы не воспользоваться ситуацией?

Род не ожидал, что страсти на борту “Титова” накаляются до такой степени. Смерть обезумевшего колониста два дня назад так повлияла на капитана Глюка, что реформы, против которых он был заведомо настроен, были осуществлены с легкостью. Угроза космической эпидемии всегда висела бы над кораблем, если бы не три врача, постоянно напоминавших ему об этом.

Было введено двухразовое питание. Третий отсек, ранее использовавшийся для хранения продовольствия для

Новой Аризоны, был очищен и превращен в госпиталь. Другой отсек поменьше был также очищен для использования под изолятор.

Джефф Фергюсон, проникшись проблемой и переместив грузы и даже топливо, умудрился освободить еще один отсек. Он был отдан женщинам и детям. Койки были расположены так, что расстояние до потолка было втрое больше, чем в общей спальне.

Запасы медикаментов, имеющихся на корабле, были предоставлены докторам Джеймс, Милтиадесу и Кэлли. Они с помощью шести медсестер из числа колонистов, работали по скользящему графику круглые сутки, проводя бесконечные медицинские проверки. Когда длинный список будущих пионеров, проходящих проверку, заканчивался, возвращались к началу списка, и все повторялось сначала. Таким образом, пациенты с симптомами зарождающейся космической болезни заблаговременно изолировались. Некоторые из таких пациентов через неделю-другую тщательных обследований возвращались в общую спальню.

За все путешествие было всего две смерти среди колонистов. Обе оказались неизбежными. Это был триумф докторов, обследовавших каждого из пассажиров перед стартом, и самоотверженных усилий медицинского комитета.

Как бы то ни было, в тесно напакованных отсеках третьего класса оказалось меньше проблем, чем в отделении экипажа и особенно в офицерском отделении. Возможно борьба за жизнь колонистов, не оставляла им времени для интриг и ссор.

Через несколько земных дней после нападения безумного колониста на капитана Глюка, Род Бок был приглашен в его каюту. После разговоров с Катей и Курро Зорриллой он ожидал этого и обдумывал варианты своего поведения. Он, наконец, бросил свои поиски и решил принять судьбу такой, как она есть.

Апартаменты капитана, как оказалось, были роскошными по меркам "Титова". Роду пришла в голову заметка, которую он когда-то прочел о Колумбе. На "Санта Марие" комнаты адмирала были больше, чем общая жилая площадь всех остальных офицеров и матросов, находящихся на борту. Капитан Бруно Глюк не зашел так далеко, но

его трехкомнатная каюта, конечно, затмевала норку, которую Род называл своей каютой.

Капитан сидел за металлической конторкой. С одной стороны восседал патер Уильям, а с другой — его главный офицер Бен Тен Эйк. Он чинно поприветствовал молодого члена правления, пригласил его сесть, делая преувеличенные жесты, подразумеваемые как шутка. Он даже подошел к комоду и достал бутылки и стаканы.

Род сказал мягко:

— Я думал, алкоголь запрещен в космосе.

Капитан даже переменился в лице, но потом подмигнул ему.

— Наш уровень дает нам привилегии, а, Бок? Не пробовали ром пополам с портвейном? Это привычка тянется еще со времен, когда я плавал на морских судах. С Гамбурга, самого бандитского порта в Европе.

Род внутренне содрогнулся. Опять-таки, он не был асом, но имел здравый смысл к выпивке.

— Пожалуй, немного вина, — сказал он. — Спасибо.

Патер Уильям милостиво ухмыльнулся.

— Немного портвейна будет мне достаточно.

Бен Тен Эйк прокашлялся и сказал:

— Мне виски.

Капитан свирепо посмотрел на первого офицера.

— Вам скоро на дежурство, мистер Тен Эйк. Он налил рюмки двум членам правления и что-то себе. Тем временем Тен Эйк потемнел от раздражения.

Держа рюмки в руках, они уселись друг против друга. Следующий шаг был за капитаном. Он посмотрел на Рода, убедившись в его присутствии, и сделал пару глотков, прежде чем заговорил снова уже в дружественном тоне. Он выглядел уже не так угрожающе, как вначале.

Капитан восхликал:

— Гражданин Бок, очевидно вы заметили, что на борту моего корабля появилась некоторая разница во взглядах.

Судя по его тону, он негодовал, что это произошло на борту именно его корабля. Род Бок сохранял спокойствие. Ввиду шантажа Зориллы он представлял себе, что капитан не обрадуется, когда узнает о позиции, которую он будет вынужден занять.

Капитан продолжал:

— Вы знаете на чем основан проект. Причина, по которой вы и остальные члены правления смогли так дешево купить места, кроется в большом риске предприятия. Мы либо станем сказочно богаты, либо потерпим крах.

— Давайте не думать о последнем, — шутливо заметил патер Уильям. Он явно наслаждался вином. Род Бок заподозрил, что монах Храма уже несколько раз причащался в каюте капитана.

Капитан потряс пальцем и кажется забыл о дружелюбном тоне.

— Надо признать, что Мэтью Хант не был идеальным человеком, для открытия Новой Аризоны, имеющим достаточно ресурсов для ее освоения. — Подобие улыбки возникло на лице капитана. — Но в этом наше счастье. Средств, которых ему удалось собрать продажей мест в правлении, оказалось недостаточно для оборудования и припасов, необходимых для разработки законной колонии. Это должна быть законная колония, либо вмешается Земля. Короче говоря, Ханту пришлось взять под залог большое количество оборудования. Поэтому ему и пришлось остаться на Земле. Сейчас он отчаянно старается спасти финансы Компании Новая Аризона...

— Одалживая у Питера, чтобы заплатить Полю, — вставил патер Уильям.

— ...до тех пор, пока мы не приземлимся на новой планете и не продадим какую-нибудь концессию, что даст нам достаточно оборотного капитала, чтобы справиться с долгами.

Все прояснялось. Род сказал осторожно:

— О чём вы хотели меня просить?

Капитан указал на него пальцем и рассвирепел.

— Гражданин, на корабле заговор. Для нас очевидно, что как только мы приземлимся и выполним условия контракта, мы тут же продадим одну из самых дорогих концессий. У нас уже есть предложение одного из нефтяных комплексов.

Род заморгал глазами.

— Продавать, не видя товара?

Бен Тен Эйк нетерпеливо процедил:

— Новая Аризона — планета девятнадцатой категории. На ней обязательно есть нефть.

Патер Уильям допил свой портвейн. Он оценивающе похлопал свой живот и сказал:

— Однако, пока нефть не найдена, нам предложена часть конечной суммы.

Капитан прервал его:

— Дайте закончить, черт возьми! Он повернулся к Боку. — Конечно, нас ограбят. Однако, мы не можем позволить себе отказаться от подобного контракта. Возможно, это будет именно это предложение. Нам нужны деньги немедленно. Хант должен достать их, или же компанию съедят кредиторы.

Род покрутился на своем стуле.

— Вы сказали о секретности.

— Конечно! Несомненно, мы должны продать какую-то концессию, но для этого нам необходимо иметь большинство голосов правления. Нам нужно иметь пять голосов.

— Вы имеете в виду шесть, не правда ли?

Монах Храма сказал сердитым голосом:

— Сын мой, вы не потрудились внимательно прочесть Устав Компании. Только члены правления, присутствующие на собрании, имеют право голоса. Мэтью Хант имеет две доли капитала, но он отсутствует.

Итак, если Род, Катя, Лесли и Зорилла проголосуют против продажи нефтяной концессии, проект будет провален.

— Понимаю, — сказал Род задумчиво.

Капитан был настойчив.

— Мы не можем совершить сделку, пока не приземлимся и формально не откроем колонию. Однако, мы немедленно проведем собрание. С вашим голосом мы можем справиться с задачей.

Капитан сменил пластинку.

— Я не забыл о ваших действиях в общей спальне, гражданин. Вам будут рады мои ближайшие компании. Если законы о колонизации будут соблюдены, то Новая Аризона станет суверенной. Мне не надо вам объяснять, что это значит в терминах богатства и власти. Я больше бы хотел видеть вас в рядах своей... гм, фракции, нежели считать вас своим оппонентом.

— Хорошо, спасибо, — сказал Род. Он встал на ноги.

— Еще рюмку, гражданин? — заискивал капитан.

— Нет. Спасибо. Не сейчас. Я должен подумать над вашим предложением.

— Абсолютно, сын мой, — сказал патер Уильям елейным голосом. — Никто из нас не должен принимать опрометчивых решений без тщательных размышлений и молитв о благословении.

— О чём здесь думать? — процедил Тен Эйк. — И так все ясно. Этот плут Зорилла что-то замышляет. Девчонка нянчится со своим рабочим скотом. Дарлин — повеса; скорее всего примкнет к нам, когда припечет. На большее неспособен.

— Я услышал много нового для себя, — извинился Род. — Мне надо все это обдумать.

Шкипер задумчиво посмотрел на него, но больше ничего не сказал.

Не прошло и получаса, как Курро Зорилла постучал в дверь его каюты.

Род был озадачен манерой его появления, вспомнив их встречу в прошлый раз. Вскоре это прошло. Латиноамериканец был старым интриганом.

Род не хотел включать электронную сигнализацию, боясь подключения устройств слежения, которые могли сигнализировать тому же капитану о приходе посетителя. Возможно, что электронная защита также определяла его личность.

Поэтому первыми словами Рода Бока были:

— Откуда вы знаете, что эта каюта не... прослушивается?

Зорилла был невозмутим, как всегда. Однако, он достал из кармана маленькую плоскую коробочку, в половину меньше сигаретной.

— Знаете, что это?

— Нет.

— Это называется шваброй. Она пищит, если в двадцати футах от нее есть микрофон или передатчик.

Род моргнул и сел на койку, предоставив стул непрошенному гостю.

Зорилла опустился на него и пристально посмотрел на Рода. Наконец, он громко хрюкнул и сказал:

— Не хотите ли вы рассказать мне, кто вы и что делаете на корабле, скрываясь под именем Рода Бока?

Род покачал головой.

— Правительство?

Род покачал головой.

Зорилла, погруженный в свои мысли, сделал несколько машинальных жестов руками. Наконец, он снова хрюкнул и прогремел:

— Хорошо. Отложим этот разговор. Все равно вы у меня на крючке. Вы будете голосовать, как я, в противном случае я выдам вас. Дело не в том, что я беспокоюсь о настоящем Боке. Привлечь его на свою сторону у меня нет возможности, и я хочу, чтобы он по крайней мере был не против меня. А теперь расскажите, что вы слышали от капитана?

Род не видел причин скрывать информацию. Он передал ему весь разговор в деталях.

Зорилла долго смотрел вниз на конторку. Невозможно было прочитать что-либо на его испано-индейском лице.

— Наш капитан не вспомнил о том, что когда Мэтью Хант решился на аферу там, на Земле, чтобы добыть оборудование для экспедиции, он действовал как частное лицо, а не от имени компании Новая Аризона. Он и, возможно, капитан с офицерами корабля. Они сделали параллельные взносы в компанию. Наши взносы: мой, Бока, Дарлина, Фодора и Катерины Бергман не имеют к ним отношения. Если кредиторы на Земле лишат их права владения, то этим самым Мэтью Хант и капитан потеряют свои доли планеты. Остальные члены компании — нет.

Он презрительно хрюкнул.

— Не удивительно, что он так хочет продать бесценные концессии и наскастри доста точно средств, чтобы закрыть им рот.

Род сказал:

— Да, похоже, патер Уильям участвует в игре. По-моему, он поддерживает капитана.

Зорилла хрюкнул.

— Я ничуть не удивлен. Мэтью Хант и капитан, по-моему, представляют власть.

Он вытянул сигару из бокового кармана, откусил кусок больший, чем обычно и выплюнул его на конторку.

Бок не был заинтересован в скандалах, по крайней мере до завершения своей миссии. Он не мог допустить, чтобы его раскрыли раньше срока. Это могло бы закончиться его изоляцией или заключением на борту "Титова".

Это было бы сарднической насмешкой судьбы: он в заключении, а Пешкопи свободно разгуливает по кораблю. Внутренне он был убежден в его присутствии.

Может быть он путешествовал под вымышленным именем, как и сам Род.

Он сказал миролюбиво:

— Почему бы не позволить им сделать это? При всем богатстве Новой Аризоны нефтяная концессия — это капля в море. Тем не менее, как говорит капитан, это дало бы компании наличный капитал.

Лицо Зориллы было холодным и пустым. Он даже не скривил губ.

— Ты не очень разбираешься в межпланетных финансовых операциях, не правда ли, Бок? Эти акулы, имеющие дело с Хантом на Земле, ничего не выпускают из рук. Их конечная цель — полностью завладеть Новой Аризоной, со всеми нами в придачу: членами правления и колонистами.

— Не понимаю, каким образом...

— Молчи и слушай. Мы продаем им все нефтяные богатства планеты. Прекрасно. Где мы будем брать нефть, когда начнем разработку других ресурсов? Нам придется покупать эту нефть у них, так как не сможем импортировать ее. Импорт огромного количества нефти через космическое пространство исключается. Мы будем вынуждены покупать у них нефть. Они повысят цену настолько, что мы будем вынуждены продать еще какую-нибудь концессию. Это напоминает цепную реакцию, которая приведет к тому, что мы не сможем развивать нашу собственную ядерную энергетику.

Он презрительно фыркнул.

— Я упрощаю, но это самая суть. Если не хватает капитала, то нельзя начать эксплуатацию ресурсов колонии. Невозможно прыгнуть выше себя. Рано или поздно тот, кто имеет наличные деньги, приберет ее к своим рукам.

Род сказал, явно заинтригованный:

— Но где же выход? Очевидно, у компании Новая Аризона нет капитала.

— Все предрешено, — прогромыхал Зорилла, вставая со стула. — Хант и капитан будут упрямиться, но недолго. Они не справятся со своей задачей. Скорее всего они погибнут в борьбе и потянут нас за собой, если мы будем сидеть сложа руки.

Род проводил его до двери. Тяжеловесный латиноамериканец повернулся к нему

— Я работаю с Бергман, Дарлином и даже с Фодором, — прорычал он. — Ты — у меня в кармане. Там ты и останешься!

Род ничего не ответил.

Зорилла, как всегда с пустым выражением лица сказал:

— Я не знаю: что ты сделал с Роджером Боком. Я знаю, что на днях ты голыми руками убил одного из колонистов. Хочу, чтобы у тебя не было иллюзий относительно твоей силы.

С этими словами совершенно неожиданным и молниеносным движением он схватил своей огромной лапой половину сорочки и жилетки Рода и дернул на себя.

В следующее мгновение с почти невероятной быстротой и силой другая лапа наотмашь ударила его по лицу и захала ему голову набок.

Удержание за одежду не давало Боку возможности организовать какую-то ни было защиту.

Даже если бы не было одного, двух, трех ударов почти отправивших его в нокаут.

В полусознательном состоянии он почувствовал, что его отпустили, и рухнул на пол.

Раньше ему приходилось иметь дело с борцами, боксерами и другими фанатами рукопашного боя, но никогда в жизни он не испытал на себе такой слепой силы и быстроты реакции.

ГЛАВА VI

Когда Роджер Бок увидел новую планету на экране в своей каюте, а затем в гостиной, он понял всю важность девятнадцатой категории ее сходства с Землей. Позже капитан должен был пригласить его на мостик, где телеско-

пы "Титова" позволяли в мельчайших деталях рассмотреть поверхность и выбрать подходящее место для посадки.

Новая Аризона была похожа на Землю больше, чем сама Земля. Роджер Бок осознал это с трепетом, как Лейф Эриксон, когда его лодка вошла в уютную бухту Нова Скотии. Это было зрелище, представшее перед испанцами, когда их медлительные каравеллы, осторожно продвигались к побережью Дарьяна. Это было то, что увидели подкошенные цингой моряки Кука, когда перед ними замаячили Сандвичевы острова.

Это была девственная Земля.

Нет, он ошибался. Викинги, конкистадоры, британские исследователи открывали земли, которые не были такими девственными, как эти. Вайнленд был населен краснокожими так же, как и Америка, расположенная южнее, так же, как Гавайи, населенные полинезийцами. На Новую Аризону никогда не ступала нога человека, если не считать Мэтью Ханта и его команды, когда его заблудившаяся космическая яхта была вынуждена приземлиться, чтобы заявить об открытии нового мира.

Новая Аризона. Исключение из казалось бы неопровергимого закона: не существует двух одинаковых планет. Эволюция жизни происходит совершенно разными путями, которые никогда не повторяются.

Он не был вполне уверен в значении термина "девятнадцатая категория" и не отваживался задать вопрос. Можно было ожидать, что Роджер Бок тщательно изучил возможности новой планеты, прежде чем вкладывать в нее деньги. Он должен был знать все о девятнадцатой категории.

Но теперь это стало очевидным. Планета девятнадцатой категории по всем параметрам практически повторяла Землю. Не по числу континентов или соотношению суши и моря — хотя даже это примерно совпадало. Но по внешности, по чувству, по существу! Еще задолго до посадки Род Бок был убежден, что ее воздух был замечательно пригоден для дыхания, ее вода — для питья, а фауна и флора — для пропитания.

Он стоял возле экрана в гостиной, забыв, что происходит вокруг. Остальные, как он думал, были на мостице или следили за событиями у экранов в своих каютах. Чле-

ны экипажа толпились у двух экранов, установленных в машинном отделении. Только в общей спальне не было дисплеев, с помощью которых можно было хоть мельком взглянуть на новый дом.

Он услышал голос за спиной:

— Вдохновляет, не правда ли, сын мой?

Род посмотрел на Монаха Храма. Он не нравился ему, но сейчас он ухмыльнулся.

— Я никогда не видел еще других планет, кроме Земли, — признался он.

Патер Уильям подобострастно улыбнулся и поклонился себе по коричневой рясе.

— Когда я был молод, я прослужил несколько земных лет на космическом крейсере в качестве капеллана.

— Значит, вы видели много миров.

— Много.

Род показал на экран. Все, кто был на мостике, фокусировали телескопы на поверхность планеты, покрытой лесом и пастбищами, в окрестности которой было несколько озер. Это была мечта охотника и рыболова. Сканнер каждую минуту удваивал изображение, и вскоре стали видны четвероногие пасущиеся животные, похожие на оленей.

Род спросил:

— Много было таких?

Монах Храма покачал головой. Его глаза были также распахнуты от удивления.

— Никогда. Я еще не видел девятнадцатой категории. Кажется, что скоро мы увидим людей, города или, по крайней мере, деревни и поселки.

— Может даже это! — сказал Род.

Патер Уильям снисходительно покачал головой.

— Едва ли, сын мой. За все время исследования этой части галактики, человек не встречал здесь разумной жизни. Выдвигались различные теории, объяснявшие это. Но какой бы ни была причина, высочайшему разуму было угодно, чтобы такая жизнь появилась здесь сразу.

— А животные там внизу...

Монах Храма пожал плечами.

— Звери, которые иногда встречаются, не более, чем звери. Насмешники, такие как Лесли Дарлин, заявляют, что человек — это случайность, которая больше не повтор-

рится. Но то, что Всевышний выбрал Землю и только Землю для появления своего образа и подобия — не случайность.

Глаза Рода Бока снова вернулись на экран. Охота, рыбная ловля уже давно стали экзотическими видами спорта на Земле, но человеческие инстинкты еще не изменились. У него возникло чувство неловкости от того, что он не мог сосредоточиться. Его захлестнуло отчаянное желание пойти в этот девственный лес, на берега этих девственных озер, оставить свои следы на земле, на которую еще не ступала нога человека.

Вошел Фергюсон. Он бросил взгляд на экран. Он скривился и заметил угрюмо:

— Ни одного вшивого бара на десятки тысяч миль вокруг.

Патер Уильям спросил:

— Капитан уже решил, где мы будем садиться, Джейф, сын мой?

Фергюсон проворчал:

— Над этим сейчас работает Тен Эйк. Он должен возглавить разведывательную экспедицию. Скорей бы высадиться. Это потребует дополнительных затрат топлива, которое и так уже на исходе.

Род смотрел на него, уже стал открывать рот для вопроса. Однако, снова закрыл его. Патер Уильям и первый инженер кажется ничего не говорили о том, что на "Титове" недостаточно топлива. Возможно он, Роджер Бок, также должен был об этом знать.

Но что значит "топливо на исходе"? Как тогда корабль мог снова стартовать и вернуться на Землю?

Фергюсон прошел через гостиную и проворчал из дальнего угла:

— Я буду нужен в машинном отделении. Этот поганец, который называется главным инженером...

Они приземлились в лесной зоне, но до ближайшего леса было несколько миль. Может у офицера Бена Тена Эйка и были недостатки, но то, что опыт исследователя подсказал ему приземлиться в живописном месте не вызвал удивления. Рядом были маленькие озера и ручьи. В двух, трех милях от этого места было озеро побольше. В

том месте, где, испустив вздох, замер "Титов", грунт был твердым и покрыт травой, как площадка для гольфа.

Роду казалось, что это были декорации программы Tri-D.

Как пассажиры, они занимались побочной работой, тогда как специалисты-офицеры и экипаж был занят техническими деталями, более чем непонятными гражданским лицам. Выбирались какие-то образцы, что-то тестировалось. Это длилось часами, хотя, по всей вероятности, большинство из этих опытов было проделано на яхте Мэтью Ханта много месяцев назад.

И вот они, наконец, смогли посмотреть на свои новые владения без механической перегородки. Род стоял с Кати и Лесли Дарлином.

Лесли скривил лицо, хотя по-видимому был так же впечатлен, как и остальные.

— Первое, что мы должны сделать, — сказал он прямиком, — так это основать сельский клуб. Он хитро посмотрел на Кати. — С ограниченным доступом, конечно. Мы не допустим туда простолюдинов и даже нуворишей.

— Что такое сельский клуб? — взъерошив перышки, спросила Кати. Она уже почувствовала колкость в его замечании.

— О, это место, где богатые люди могут наслаждаться досугом, развлекаться в комфорте, тогда как бедные на за-дних полусогнутых будут сидеть в трущобах.

Кати сказала резко:

— А что, на Новой Аризоне будут трущобы?

Лесли сильно пожал плечами, его деланная хмурая ми-на пропала.

— Придется сразу же построить их. Иначе, как мы сможем отличить члена правления от колониста?

Несмотря на требования о немедленной высадке со стороны оставшихся трезвомыслящих колонистов из общей спальни, прошло целых тридцать часов, полный день на Новой Аризоне, прежде чем им позволили начать спускаться по коротким трапам, вмонтированным в пневматические посадочные лапы корабля. Из тесноты "Титова" на свежий воздух, чище которого никто не вдыхал на планете, где они родились.

Род стоял рядом с Лесли Дарлином и Курро Зориллой, когда увидел, как беременная женщина и мужчина, очевидно ее муж, остановились на мгновение на трапе и захмурились от нового солнца. Одежда мужчины была грязной от длительного пребывания в космосе, его лицо было худым и изнуренным. Его глаза застыли в изумлении.

Он проворчал:

— Дзен! Странно пахнет.

Его жена была коренастой. Она очевидно потеряла много веса за время путешествия, так как ее кожа была обвислой, но все же она оставалась коренастой. Она прощала что-то в ответ. Сзади послышалось чье-то рычание, и он повел ее вниз по трапу.

Лесли Дарлин угрюмо улыбнулся.

— Рабочий скот! — сказал он. — Никуда от них не деться. Свежий воздух для него пахнет странно.

Зорилла, не глядя на него, прогремел:

— Тебе он также показался бы странным, если бы ты столько времени провел в этих отсеках. Наше счастье, что они живы.

Тон Лесли оставался доброжелательным.

— Только чтобы подтвердить подлинность колонизации, дорогой Курро. В других отношениях, нам должно быть стыдно иметь их на нашем иждивении.

— Иждивении? — спросил Род. — Да что бы мы делали без них?

Дородный гедонист фыркнул.

— Что мы будем делать с ними, кроме как кормить их, одевать и давать им жилье? Надеюсь, у вас нет иллюзий, что эти типы способны на интеллектуальную деятельность? Как вы думаете, почему они покинули Землю?

Зорилла посмотрел на него пустым взглядом.

— В новом мире всегда происходит одно и то же, гражданин Дарлин. Некомпетентные люди быстро погибают. Новые земли — это такие места, где человек находит много новых возможностей умереть. Здесь нет границ безопасности, так как некому вас поддерживать. Скоро мы узнаем, есть ли жлобы среди нас.

Лесли осекся от силы, таящейся в его словах. Он сказал:

— Курро, старина, не слишком ли вы драматизируете? Мы привезли этих лжней только для того, чтобы соблю-

сти законы Земли. Теперь мы должны некоторое время кормить, одевать их, заботиться об их жилье. К счастью, мы привезли большую часть оборудования, необходимого для этого. Остальное вскоре будет доставлено. Когда эти проблемы будут решены, сюда, как мухи на мед, начнут слетаться коммерсанты, живущие в радиусе нескольких сотен световых лет.

— Я вижу, — прогремел Зорилла, — у вас нет достаточного опыта жизни в новых мирах, Дарлин. Новой Аризоне предстоит проделать большой путь, прежде чем на нее обратят внимание. Он повернулся и неуклюже отошел.

Лесли посмотрел ему вслед и усмехнулся. Юмора, правда, у него поубавилось.

— Наш дикарь из пампасов, кажется, настроен пессимистично, — сказал он сухо.

Род также посмотрел на латиноамериканца.

— Он ведет себя так, будто знает нечто неведомое нам, — задумчиво сказал он.

Работы начали разгрузку оборудования первой необходимости еще во время высадки пассажиров. Род Бок ходил как зачарованный, любуясь этим зреющим.

В действительности, порядка было больше, чем можно было ожидать. Особенно после того хаоса, который он видел в общей спальне во время путешествия.

Еще во время путешествия у колонистов сформировалась какая-то организация. Под спальни было выделено четыре отсека. Очевидно, они разделились по этому принципу для решения вопросов организации питания и распределения оборудования. В каждой группе насчитывалось приблизительно пятьсот человек: мужчин, женщин и детей. Пока "Титов" разгружался, они собирались неподалеку в свои группы.

Задолго до этого за стюартами были закреплены полевые кухни и, независимо от организации колонистов, были назначены помощники стюартов для равномерного распределения пищи. По мнению Рода, дело было поставлено хорошо. Офицеры корабля, покрываясь потом от непривычного полуденного солнца, сновали туда и сюда, организовывая и контролируя выполнение работ. Род с удивлением

заметил, что они были вооружены кортиками, кастетами и пистолетами в открытых кобурах.

Какое-то время пассажирам первого класса не оставалось ничего другого, кроме как держаться в стороне, чтобы не мешать. Бен Тен Эйк сообщил им, что пока не будет выбрано место для постройки жилья, они будут оставаться в своих каютах и питаться в гостиной, как и прежде. Это было более, чем неприятно, но альтернативы не было.

Фодор действительно не торопился высадиться в первые же часы после приземления. Он как будто сурово осуждал всю эту затею, что казалось смешным для Рода, ликовавшего от исполнения его юношеских мечтаний.

Патер Уильям дружелюбно поживал то там, то тут, поглаживая по головке малыша, высказывая слова осуждения пытавшемуся пролезть без очереди за едой, или же слова одобрения группе, выполнявшей тяжелую работу. Род Бок увидел вспотевшего Джейффа Фергюсона, который разворачивал портативную электростанцию. Он мрачно посмотрел на Монаха Храма и вполголоса проворчал какое-то богохульство.

Кати Бергман, как только ступила на землю, присоединилась к лидерам колонистов, которые должны были организовать нечто вроде командного пункта в ста ярдах от "Титова". Здесь собрался комитет в окружении дюжины молодых колонистов, которые должны были использоваться в качестве посыльных и помощников.

Капитан, вооруженный так же, как и его офицеры, смотрел на эти приготовления гибельным взглядом. Казалось, он был на грани какой-то превентивной акции, когда Питер Зогбаум, главный стюарт, заключил, что под руководством этой спонтанной организации подготовительные работы по подготовке к обеду были закончены раньше срока и колонисты удалились в свои временные хижины.

Даже по этому было видно, что среди двух тысяч колонистов и пионеров космоса, которые прилетели на "Титове", нет железной дисциплины. В каждом из четырех подразделений были люди, не подчиняющиеся избранному комитету и не выполняющие работ, обязательных для всех. В основном, это были одинокие мужчины и женщины, хотя встречались и целые семьи, отдыхавшие в сторонке, как на пикнике.

Род заметил, что некоторые, объединившись в небольшие группы, пошли в сторону леса и озера. Некоторые от избытка чувств, переполнивших и самого Рода, принялись играть и веселиться. Действительно, это было смехотворно: корабль еще разгружался, ставились тенты, полевые кухни начали издавать запахи пищи, поспешно, до наступления темноты, делались сотни других дел, и в это же время полным ходом шла игра в мяч.

Род Бок некоторое время смотрел на это со стороны. Не менее шестидесяти человек участвовали в игре, напоминавшей футбол. Другие сто пятьдесят стояли по сторонам, пассивно наблюдая.

Подошел Лесли Дарлин, одетый в нарядный спортивный костюм, и улыбнулся, заметив удивленное выражение на лице Рода.

— Что ты ожидал от них, если они уже рубят лес?

Род нахмурился и сказал неловко:

— Еще так много надо сделать. Надо успеть соорудить тенты, хотя бы для женщин и детей. Чего они ждут?

Прежде чем отойти, он кисло улыбнулся.

— Они ждут, когда их накормят. А после этого они будут ждать, пока им поставят палатки, чтобы они могли отдохнуть.

Род попытался принять участие в общем деле. Но вскоре к нему подошел Рой Макдональд и отвел его в сторону.

Макдональд, смуглый, выдавший виды офицер старой закалки, сказал извиняющимся тоном:

— Гражданин Бок, капитан посыпает вам свои комплименты и хочет предупредить, что участие членов правительства в физическом труде может повредить дисциплине в колонии.

— О, — сказал Род. Работу пришлось оставить.

Улыбка обнажила кривые зубы Макдональда.

— Сейчас она, кажется, не имеет значения, но рано или поздно возникнут проблемы с дисциплиной. Мы не должны рисковать даже долей нашего престижа. Мы можем завладеть Новой Аризоной, но обязательно ее потеряем, если не научим этих йоков: кто наверху и кто внизу. Он многозначительно похлопал по своему пистолету.

Род, все еще охваченный мечтами, сказал угрюмо:

— Мы прибыли сюда, чтобы осваивать планету, а не убивать друг друга.

Офицер сделала отчаянную попытку скрыть его презрение к такой точке зрения. Прежде чем отдать честь и уйти, он сказал:

— Их две тысячи, а нас всего семьдесят пять, граждан.

Род посмотрел ему вслед. Кто были эти семьдесят пять? Он думал о давлении, которое ему предстоит выдержать и о котором он еще не знал. Он считал, что давления и без того было достаточно. Простейшая задача основания колонии была в десятки раз сложнее, чем казалось на первый взгляд. Усилия людей направлены на решение проблем, казалось бы далеких от необходимых. Сплошные интриги. Что у них было общего с созданием нового мира!

Вскоре Род понял, кого имел в виду офицер. На расстоянии он увидел Бена Тена Эйка в сопровождении тридцати или сорока офицеров и сержантов. Они были вооружены бластерными винтовками и несли снаряжение военного характера. Тен Эйк разделил их на четыре подразделения, назначил в каждом из них начальника и куда-то отоспал их.

Возможно, решил Род, чтобы обследовать близлежащие леса и поля.

Это была очевидная мера безопасности, хотя было бы логичней набрать добровольцев из числа колонистов, которые рано или поздно должны будут взять на себя такую ответственность для того, чтобы выжить. Род на первых порах не понимал, зачем на Новой Аризоне нужны вооруженные силы. Возможно, понадобилась бы защита от хищных животных — из отчета Мэтью Ханта следовало, что крупных хищников здесь не было — но не вооруженные силы.

Он вдруг вспомнил, что в течение первого часа после приземления он не видел Курро Зориллу и начал смотреть по сторонам в поисках латиноамериканца. Он еще не сформировал свое мнения о нем, несмотря на то, что этот крупный пожилой человек дважды избил его до бессознательного состояния. Как долго продлится их антагонизм он не знал, одно было определенным — день расплаты все равно настанет. Как бы то ни было, пока будет

необходимо сохранять облик Рода Бока, ему придется подчиняться.

Так было и раньше. Он мог сам раскрыть свою тайну и обратиться с просьбой о зачислении в колонию. Однако, по мере того, как участь этой группы становилась все очевидней, желание разделить их судьбу становилось все меньше. Какие бы картины колонизации им не рисовали на Земле, реальность оказалась совсем другой.

Он вдруг вспомнил, что все это его не касалось. Он был здесь для того, чтобы свести счеты с Пешкопи. Пусть колонисты сами решают свои проблемы с компанией Новая Аризона — у него были свои. Ему вдруг захотелось, чтобы его задача была проще и конкретней. Если бы, например, выяснилось, что Курро Зорилла был Пешкопи и ему удалось встретиться с ним с глазу на глаз. Конечно же, если он вообще участвовал в экспедиции.

Наконец, в сторонке он увидел Зориллу в окружении дюжины мужчин-колонистов. Латиноамериканец сидел на корточках, тогда как другие стояли и смотрели, как он что-то рисовал палкой на земле. Очевидно, в этом случае Рою Макдональду не удалось изолировать членов правительства от колонистов. Зорилла, кажется, был в своей стихии. Все были очарованы тем, что он говорил.

В первый день сооружение временного лагеря началось примерно так, как и ожидалось. Приблизительно половина колонистов участвовала в установке временных жилищ, временного пищеблока и даже временного госпиталя. Род Бок был поражен количеством тех, кто действительно не мог ничем помочь, чья помощь была скорее обременительна, чем полезна.

Лесли Дарлин залился смехом за обедом в гостиной, когда Род выразил искреннее недоумение по этому поводу.

Что же они собирались делать на новой планете, если не были способны принять участие в установке палатки? Как же они надеялись обрабатывать землю, приручать местных животных, ловить рыбу, охотиться, копать шахты?

— А что себе думали пилигримы, когда высадились у Плимут Рок? — спрашивал Лесли во весь голос. — К весне большая половина из них были мертвы. Они не знали, что делать с зерном, которое им привнесли индейцы.

Капитан, занятый дюжиной своих мыслей, лишь фыркнул:

— Рабочий скот.

Собрание колонии было назначено на следующее утро. За исключением трех или четырех членов экипажа, которые должны были оставаться на "Титове", присутствовали члены правления компании Новая Аризона, офицеры корабля, экипаж и все колонисты, за исключением немногих людей, госпитализированных во временной больнице, а также медсестер, ухаживающих за ними.

Для правления были поставлены удобные кресла, и Ричард Фодор, Курро Зорилла, Роджер Бок, Лесли Дарлин и Катерина Бергман расположились рядом лицом к колонистам. Перед ними стоял небольшой стол с освежающими напитками, включая вина. Столик обслуживали два стюарта.

Немного правее стоял стол, за которым сидел капитан в окружении Бена Тен Эйка и Тора Кайвокату. Патер Уильям также сидел здесь, хотя у него было кресло, как у остальных членов правления.

Остальные офицеры сидели за другим столом, стоявшим еще правее. Рядом с ними, как в боевом строю, сидели члены экипажа: машинное и палубное отделения, отделение стюартов. Спаркс представлял отделение связи.

Перед ними сидели или стояли четыре подразделения колонистов, по числу спален на корабле. Их комитет пополнился новыми делегатами. Род не совсем понимал, кого они представляли.

Патер Уильям открыл собрание милостиво коротким благословением, в котором он напомнил о священном долге, вытекающем из их положения и призвал сделать все от них зависящее, чтобы планы, тщательно продуманные руководством компании и проводимые в жизнь офицерами корабля, принесли свои плоды.

Лесли Дарлин, сидевший между Родом и Кати саркастично промычал:

— Аминь.

Затем выступил капитан со скомканной декларацией об образовании новой суверенной планеты на основании выполнения всех требований законов Земли о колониях. После этого он предоставил слово главному офицеру для чтения Устава компании Новая Аризона. Следующие полчаса

Бен Тен Эйк что-то бубнил на эту тему. Род Бок не слушал. Прошлую неделю он только и делал, что изучал этот документ в деталях. Отчасти из-за того, чтобы убить время. Кроме того он понимал, что должен знать его в совершенстве, чтобы не предстать в неприглядном свете.

Он лишь отметил нежелательные изменения, уловки и подтекст некоторых положений, касающихся взаимоотношений колонистов и компании. Но это не вызвало голосов протеста, по крайней мере на этой стадии. Род Бок спрашивал себя, кто из двух тысяч колонистов прочел хотя бы сокращенный вариант этого документа, когда подписывал контракт на путешествие в новый рай.

После чтения капитан встал и, повернувшись к членам правления, карикатурно поклонился им. Затем он снова обратился к колонистам. Его голос стал напоминать воинственный лай.

— В силу тяжелых условий полета дисциплина сильно ослабла. Как спикер компании я намерен принять меры, чтобы исправить положение.

Краем глаза Род видел, как Курро Зорилла заерзal в кресле. Его лицо приняло бессмысленное выражение, что было высшим проявлением эмоций латиноамериканца.

Капитан продолжал:

— Большая часть команды "Титова" состояли на военной службе. Я предлагаю, чтобы в будущем они действовали в качестве полиции.

Зорилла привстал со стула. Но первое возражение капитан получил не от него и не от перешептывающихся колонистов.

С первого ряда поднялся маленький человек с беспокойным лицом и смешными большими ушами. Голоса сзади подбадривали его. Род с трудом вспомнил Самюэльсона, стоявшего на трапе накануне старта, когда он с Джейфом завалились на корабль. Еще тогда он показался ему упрямым и вздорным типом. Очевидно, как рядовой член команды, он был неплохим оратором. Он вызывающе вскинул голову.

— Эй, минутку, шкипер!

Тен Эйк проскрежетал:

— Как вы обращаетесь к старшему офицеру, Самюэльсон! Но маленький человек не смущился.

— Конечно, я знаю, как обращаться к офицеру на борту корабля. Но мы не на корабле. Мы на земле. И здесь я ничем не куже вас.

Лесли Дарлин промурлыкал:

— Космический адвокат. Вездесущий защитник прав. Роду стало неловко, но он ничего не сказал.

— Хорошо, Самюэльсон! — сухо сказал капитан.

— Капитан, вы говорите так, будто все здесь, в том числе и я, собираются пробыть на этой планете длительное время. Но это совсем не то, на что мы рассчитывали. У некоторых из нас остались семьи на Земле. Мы рассчитывали долететь до этой колонии и как можно быстрее вернуться. Получить свое вознаграждение и все, что полагается, и тут же лететь обратно. Такие были наши планы. Если вам нужна полиция для йоков, поищите ее в другом месте.

Маленький дерзкий человек закончил, но остался стоять в ожидании ответа.

Капитан рявкнул:

— Мистер Фергюсон!

Джефф Фергюсон встал со стула. Он избегал взглядов Самюэльсона и других членов команды. Он был неприятно смущен.

— Космический корабль “Титов” не имеет достаточно количества топлива, чтобы выйти в открытый космос. Даже если бы топлива было достаточно, корабль не выдержит путешествия.

Разгневанный Самюэльсон начал было возмущаться:

— Что это...

Глаза приземистого первого инженера убийственно посмотрели на него.

— Правда состоит в том, что каждый космонавт стоит того, что ему платят. Вам следовало бы знать, что “Титов” не был в состоянии совершить и этого путешествия. Только шайка безумцев могла стартовать на нем, за вознаграждение или без него.

Ремонтируйте его, если хотите, но присутствующие здесь инженеры отказываются подняться на борт корабля.

Заправщик с перекошенным лицом поспешил Самюэльсону на помощь.

— На борту “Титова” имеется аварийное оборудование. Мы можем сами добыть топливо, необходимое для полета.

Главный инженер Кайвокату прошел сквозь трубку в зубах:

— Добыть топливо! Это затянется неизвестно на сколько. Ни один инженер компании не отважится снова старовать на этом корабле. Предлагаю разобрать его для нужд строительства колонии.

Самюэльсон завизжал:

— Как мы доберемся домой!

Капитан, как глыба гранита вмешался в разговор:

— Это личные проблемы тех, кто не хочет стать членом нашей колонии.

Самюэльсон продолжал визжать:

— Мы улетим на первом же корабле, который приземлится здесь!

Капитан мрачно кивнул.

— На первом заседании правления я поставлю на рассмотрение новый закон об иммиграции. Там будет положение, позволяющее гражданам других планет оставаться на Новой Аризоне без визы в течение трех месяцев. Не получившие визу по истечении этого срока будут преследоваться по закону.

Маленький человек нахмурился:

— Что это значит?

Бен Тен Эйк раздраженно заскрежетал:

— Это значит, что через три месяца ты либо станешь колонистом, либо покинешь планету, либо пойдешь в тюрьму. Могу уточнить: на каторжные работы.

— Но в такой срок покинуть планету невозможно!

— Стыдно! — пробормотал Ричард Фодор.

Два члена команды в смущении вернулись на свои места, чтобы посоветоваться со своими товарищами.

Лесли Дарлин посмеивался, затаив дыхание. Затем прошептал Роду:

— Такой распродажи команды не знали еще с времен королей британской прессы.

Курро Зорилла, похожий на медведя, встал со стула. Раздался его громовой голос:

— Я считаю, что полиция должна набираться из числа наших колонистов. Уверен, что среди них есть люди, имеющие подобный опыт.

Кати Бергман сказала отчетливо:

— Я подтверждаю это!

Ричард Фодор поднялся со стула. Его голова дрожала.

— Если члены команды захотят вступить в нашу колонию, они смогут сделать это без контракта, как свободные люди. Они не будут приравниваться к колонистам, прибывшим сюда по контракту. Очевидно, это будет привилегия гм... полиции.

Самюэльсон выкрикнул:

— Я не хочу никуда вступать.

Капитан прервал его.

— Мы проголосуем за это. Члены правления, согласные с тем, чтобы полицейские набирались преимущественно из числа бывшего экипажа корабля, пусть подтвердят это.

Руки Фодора, патера Уильяма, капитана и старших офицеров, за исключением Джейффа Фергюсона, поднялись вверх. Дарлин, осмотревшись, лениво пожал плечами и также поднял руку. Кати и Зорилла проголосовали против. Род Бок, подчиняясь латиноамериканцу, был солидарен с ними. Капитан, прежде чем повернуться к аудитории, удивленно посмотрел на него. Однако, в этот момент сопротивление было прервано.

Спаркс был одним из немногих, кто пропустил часть собрания. Во время чтения Устава он незаметно покинул зал, так как наступил момент, благоприятный для космической связи. Он хотел попытаться связаться с ближайшей базой Космических Сил, а через нее с Землей и другими населенными мирами Лиги Соединенных Планет, затерянными в пространстве.

Он поспешил сбежать по трапу и в крайнем возбуждении подбежал к столу, за которым председательствовал капитан.

Капитан свирепо посмотрел на него:

— Что? — спросил он.

— Радиостанция! — выпалил Спаркс. — Она... уничтожена. Она разбита на куски!

ГЛАВА VII

Они стояли в коридоре около радиорубки и смотрели на обломки радиостанции. Фактически, лишь двое или трое из них имели какое-то представление об аппаратуре.

И конечно же, Род Бок не был в их числе. Ему лишь казалось, что какой-то сумасшедший прошелся молотом по приборам Спаркса. Тот был на грани истерики. Он пытался объяснить степень повреждений.

— Все было бы не так страшно, — повторил он дважды.

— Я бы смог починить радиостанцию...

— Если бы что, черт возьми? — рявкнул капитан.

— Если бы у меня были некоторые запчасти и немногого материала, который мы должны были взять с собой.

Безжизненный голос Зориллы перебил его.

— Какой материал мы должны были взять с собой?

Капитан начал что-то говорить, но затем прикусил язык.

Спаркс продолжал:

— Аппаратуру связи для колонии. Очень дорогую. Поэтому, когда было решено, что "Титов" не вернется, сочли возможным использовать бортовую аппаратуру.

Кати Бергман, стоявшая в коридоре, выкрикнула:

— Так это было решено заранее. Тогда не удивительно, что экипаж состоял из опустившихся людей, бывших военных и верзил. Предполагалось их использовать, чтобы держать колонистов под железной пятой.

Капитан с трудом подавил ярость.

— Охранять, гражданка, безопасность членов правительства, таких же как и вы. В новой колонии нет ничего важнее строгой дисциплины.

— Особенно, — пробормотал Лесли, — когда рабочий скот будет угнетен до такой степени, какой еще не знала Земля.

Взгляд капитана был убийственным.

— Вы оспариваете мое руководство, гражданин Дарлин?

— Нет, пока, — легко сказал Лесли. — Помните? Я за быстрый оборот капитала. Я лишь хочу, чтобы обращался мой капитал, а не я.

Бесцветный Фодор сказал задумчиво:

— Кто бы это ни сделал, он добился своего. Мы не сможем теперь продать никакой концессии, нефтяной или какой-то другой до тех пор, пока не вступим в контакт с внешним миром. Никто, кажется, сюда не собирался, и у нас нет возможности послать сообщение.

Патер Уильям, охваченный ужасом, сказал:

— Кто же мог совершить такой ужасный поступок?

Каменный взгляд капитана коснулся Монаха Храма.

— Очевидно тот, кто хотел блокировать продажу концессий? Так как радиорубка находится в офицерском отделении, это должно быть один из нас.

Он посмотрел на Зориллу, а затем на Кати. Род задумчиво покачал головой.

— Нет, сэр. Последние два дня могло произойти что угодно. Была такая суматоха. Сюда могли проникнуть не только члены экипажа, но и пассажиры.

Спаркс, очнувшись к этому времени от истерики, заметил:

— Кто бы это ни был, он знал, что делает. Он сломал ключевые детали аппаратуры. Это не был простой лопух из общих спален.

Капитан резко повернулся и зашагал прочь. Лесли посмотрел ему вслед.

— Теперь, — сказал он нараспев, — добра не жди. Как бы то ни было, шкипер должен был ускорить операции компании до того, как кредиторы на Земле разорят его и Ханта.

За следующую неделю Род узнал о компании и о колониях вообще больше, чем за всю свою прошлую жизнь, включая недели пребывания на "Титове".

В частности, в действиях компании было больше компетентности, чем он думал. Для нужд компании было отобрано определенное число специалистов: техников, механиков.

Даже некоторые члены правления удивили его. Ричард Фодор оказался горным инженером. Род Бок начал подозревать, что место в правлении принадлежало не ему, а его корпорации на Земле. Зорилла, как выяснилось, обладал большими познаниями в сельском хозяйстве и фермерстве. Он сразу же возглавил это направление деятельности колонии. Даже Лесли Дарлин оказался опытным бухгалтером, в прошлом занимавшийся электронными системами контроля кредитных карточек.

Кати Бергман в прошлом, очевидно, была квалифицированным секретарем какого-нибудь босса. Хотя большую

часть времени она проводила среди колонистов, работая в их комитете, ее таланты также очень пригодились на соревнованиях правления, проходивших каждый день.

На каждого колониста имелось досье, где перечислялись все его достижения, не говоря о его личных качествах. За короткое время Лесли с помощью Рода и нескольких клерков загрузил их дела в компьютер и выбрал специалистов, необходимых для решения текущих задач, в первую очередь строителей.

Начали расти сборные домики, увеличившие жилплощадь Палаточного Городка. На близлежащих холмах были выбраны места и начаты работы по сооружению жилья для членов правления. Только теперь Род заметил, что для членов правления была привезена дорогая мебель и домашняя утварь. Лишения переселенцев не должны были коснуться высшего руководства компании Новая Аризона.

Тогда же он узнал, что к нему прикомандированы секретарь и слуга. Ему также дали понять, что когда его дом будет меблирован, в его распоряжении будут служанки и повар. Кати с возмущением отослали своих слуг, необходимых по ее мнению для работ на общее благо. Род, не зная как ему поступить, дал им отсрочку до того времени, пока не будет закончено строительство постоянного жилья.

Оказалось, что в грузовых отсеках "Титова" было четыре флоатера: два одноместных, один среднего размера — для четверых пассажиров и одна шестиместная машина, способная с легкостью передвигаться по Новой Аризоне на большой скорости. Малые машины должны были патрулировать лагерь, нанося на карту близлежащую местность, тогда как большие могли использоваться для экспедиций при поисках руды и других полезных ископаемых. Ричард Фодор сразу же стал господствовать в этих экспедициях.

Даже охотники и рыбаки из числа колонистов стали использоватьсь для увеличения продовольственных запасов колонии. Группами по четыре-пять человек, оснащенные гравитационными санями или компактными платформами на воздушной подушке, они отправлялись с рассветом и возвращались после полудня со свежим мясом для кухни, включая и тех, кто раньше не употреблял мясную пищу. Некоторые колонисты действительно отказывались есть его

по этой причине. Второй причиной было понимание того, что эти запасы быстро таяли.

Курро Зорилла, порывшись в отсеках "Титова" в поисках оборудования, удобренй и семян для сельского хозяйства обнаружил, что из всех грузов эти были самого низкого качества. Разговор с капитаном Глюком был горячим и неистовым. Стало очевидным, что компания Новая Аризона не имела намерения оставаться на планете длительное время и развивать что-либо в сельском хозяйстве, кроме садоводства.

Несмотря на эти недостатки, ему все же удалось организовать значительную группу колонистов, чьи способности пока что не пригодились компании, и предоставить им поля для обработки и посева зерновых. Какказалось Роду Боку, для нужд двух тысяч человек полей было достаточно.

Именно Зорилла послал своих людей для поимки всевозможных экземпляров местной фауны. Большинство из пойманных животных были бесполезными для колонии, даже в качестве продуктов питания. Некоторые оказались личью, не поддающейся приручению. Но кроме этого было найдено плодовитое животное, похожее на свинку пекари, которое оказалось всеядным. Начали выяснять, возможно ли разведение этих свиней новоаризонской породы. Также было обнаружено животное средних размеров, похожее на антилопу. Оно легко приручалось и имело вымя, которое, похоже, можно было развить до размеров достаточных для получения молока. Они также выслеживали, правда, пока что безуспешно, проворную нелетающую птицу, несущую яйца, для разведения ее в домашних условиях.

Род к своему отвращению оказался таким же бесполезным, как и патер Уильям. Даже больше того. Этот достопочтенный отец проводил время, похаживая вокруг со своим дежурным приветствием, елейными словами утешения, проявляя уникальные способности к речам и благословениям.

А Род Бок? Кроме помощи, оказанной Лесли с его кипами бумаг, единственное, что он мог делать, это обучать подростков, но и это ему не было позволено. Его возможности позволяли ему обучать детей младшего возраста. Но как члену правления ему не полагалось участвовать в образовании на школьном уровне.

Он стал держаться поближе к капитану и его окружению. Именно здесь чувствовался пульс событий. Роду Боку нравилось наблюдать за рождением новых идей и начинаний. В каком-то смысле он был адъютантом капитана в его общении с другими членами правления, а иногда и комитетом колонистов. Он не посчитал неуместным то, что ему выдали ручной бластер, такой как у офицеров "Титова" и большинства членов команды. С пистолетами он имел дело всю жизнь. Поэтому он не чувствовал неловкости оттого, что носил его на боку.

Проходил день за днем. Процветающий город был полон очарования. Строились здания, обрабатывались поля, охотники возвращались домой с экзотической добычей, а рыбаки — с тоннами обитателей ручьев и озер Новой Аризоны. То и дело вездеходы привозили рассказы об океане, находившемся всего в пятидесяти милях на запад, о болотах на севере, радужных от нефти, об огромных лесах, расположенных в тысячах километров на юг, где росли деревья, рядом с которыми даже леса Редвуда на американском западном побережье показались бы карликовыми.

Дни проходили в улаживании споров, возникающих между колонистами из-за женщин, собственности, более престижном жилье или же против трудовой повинности. Вечерние часы были заняты игрой в шахматы или же спорами с Лесли Дарлином, находившем удовлетворение в обосновании событий, которые он предсказывал еще до того, как они произошли.

Так прошло не более месяца. Однажды ночью зашел Фергюсон, как видно еще не ложившийся спать, и предложил Роду совершить с ним небольшую экспедицию в палаточный городок. Молодой человек был не против. Он еще не видел колонистов вечером и хотел посмотреть, как они отдыхают.

Большое число из них, как оказалось, отдыхали также, как и их предки на Земле.

Огромная палатка, предназначенная для служения мессы, была приспособлена для более веселой деятельности. С одной стороны возвышалась сцена, на которой расположился оркестр из полдюжины инструментов, издававший звуки более фривольные, чем подобает благочестивой му-

зыке. Род едва узнал знакомые ритмы рок-н-свинга, популярные у него на родине.

Танцевало около двухсот человек. К его изумлению некоторые из них были в стельку пьяны. Как они умудрились? Несомненно, в отсеках "Титова" не было достаточно места для перевозки большого количества алкогольных напитков.

Джефф Фергюсон проворчал:

— Пойдем со мной, парень. Я должен тебе выставить пару рюмок.

Они вошли в импровизированный бар: несколько длинных планок, на которых стояли стаканы и бутылки разного размера. За стойкой стояли трое лоснящихся, сияющих колониста, опоясанных передниками. Они уже сами были на веселе.

Первый инженер бросил на стойку пластиковую коробку и взял два стакана, тщательно разглядывая их на свет. Один из барменов взял коробку и посмотрел внутрь.

— О'кей, — пробормотал он. — Пол-литра.

— Литр, — прорычал Джейф в ответ. — Думаешь эти проклятые штуки растут на деревьях?

Тот пожал плечами.

— О'кей, литр. Я смогу продать их еще кому-нибудь прикурку. — Он достал одну из больших бутылок и опрокинул ее над стаканами, которые подставил Фергюсон.

Красная жидкость оказалась крепче вина, но слабее виски. К удивлению Бока, она была недурна на вкус. Что-то вроде — он с трудом подбирал аналогию — вишневого ликера.

Джефф подмигнул ему.

— Не так уж плохо, а?

Музыка гремела так, что приходилось кричать.

— Что это? — спросил Род. — Откуда?

— Что значит откуда? — ухмыльнулся Фергюсон. — Как по-твоему? Из Новой Аризоны.

— За три недели? Очищенный ликер меньше, чем за месяц?

Род посмотрел на него и сделал еще один глоток. Напиток был очень похож на бренди из огромной черной вишни с побережья Далматии.

Джефф Фергюсон покончил со своим стаканом и, улыбаясь, налил себе еще.

— Я помог ребятам, — признался он. — В этих лесах полно такой ягоды. Мы поставили несколько женщин и детей собирать ее. Ребята, отказавшиеся служить в полиции Тен Эйка, — и я не осуждаю их — устроили маленькую возню и стащили детали для пресса. Один из стюардов до-стал немного дрожжей, и они начали гнать ликер.

— Да, но он уже дистиллирован!

— Не совсем, — усмехнулся Фергюсон. — Он был заморожен. Неделю назад несколько ребят достали из блока питания морозильную камеру и спрятали ее. Это легче, чем дистиллирование. Берешь баррель перебродившего со-ка из этих ягод и ставишь в морозильник. Когда он замер-зает, алкоголь собирается в центре, а вода и жмых пре-вращаются в лед. Через некоторое время достаешь баррель и просверливаешь дыру до его середины. Там собирается несколько галлонов этого напитка. Не плохо, правда?

— Даже очень, — сказал Род, находясь под впечат-лением некоторых аспектов всей операции. Была воору-женная полиция или нет, колонисты постепенно приби-рали к рукам оборудование, накодившееся в отсеках ко-рабля.

Он спросил, кивая на стремительный бизнес, который делал бар:

— Чем они платят? На планете еще не введена денеж-ная единица.

Фергюсон фыркнул:

— Они платят настоящими деньгами. Вещами, имею-щими реальную стоимость. Как ты думаешь, что было в коробке, которую я дал бармену? Крючки для рыбной лов-ли, вот что. Почти все имеет стоимость. Гвозди, инстру-менты, одежда, пустые бутылки и прочее. Знаешь, какая вещь сейчас ценится больше всего? Пистолет. Предложи бармену чертов бластер, и он будет поить тебя, пока ты не станешь алкоголиком.

Род уставился на него. Он выпил еще немного ликера.

— Бластер! Где они могут достать бластер?

Фергюсон усмехнулся.

— Некоторые были привезены контрабандой. Некото-рые были проданы членами экипажа, которые хотели вы-

пить. Им было наплевать, что скажет капитан, когда они доложат, что потеряли его. О, вокруг полно блестеров.

С другого конца стойки Род увидел Самюэльсона, маленького жилистого космонавта, поспорившего с капитаном на первом собрании колонии. Он уже был выпившим и обнимал за талию ветреную блондинку. Она как будто сошла с экрана Tri-D, изображающего падшую женщину из салуна Дикого Запада.

Инженер поймал его взгляд и последовал ему. Затем проворчал:

— Это не заняло много времени, не правда ли? Не прошло и полмесяца, как у нас появились бары и кошечки для развлечений.

Род вернулся к теме их разговора.

— Зачем барменам бластеры?

Фергюсон презрительно улыбнулся.

— А ты как думаешь? За него он сможет купить все, что угодно: одежду, драгоценности, ножи, инструменты. Вчера один кадр предложил ему автоплуг. За него он прошил ружье, рыболовные снасти и палаточное оборудование.

Род только успевал моргать глазами.

Фергюсон объяснил.

— Этот парень с женой и двумя детьми захотел отвалить на побережье.

— Автоплуг! Где он...

— А ты как думаешь? Он украл его. Где еще колонист может достать что-нибудь стоящее?

— Но кому он его может продать?

Фергюсон пожал плечами и проворчал:

— Можешь обыскать меня. Я не думаю, что он успел его толкнуть. Через неделю, месяц — другое дело. Автоплуг с блоком питания сейчас на вес золота. Как насчет еще одной бутылки? У тебя есть деньги?

Род изумленно посмотрел на него. Литровая бутылка, конечно, давала себя знать. Способности Джейфа по этой части были устрашающими.

— Настоящие деньги, — объяснил инженер. — Что-нибудь полезное.

Род пошарил по карманам и нашел нож.

— Этого хватит, — сказал Фергюсон, протягивая руку. Он бросил его на стойку. Его оценили, и перед ними появились следующие два литра ягодного ликера.

Род сказал:

— Если ты помогал организовать это дело, тебя должны были поить бесплатно.

Фергюсон снова наполнил стакан.

— Я был в доле, но потом потерял ее.

Род посмотрел на него.

— В одной из игорных палаток, — промычал Фергюсон. — Мне следовало быть осторожней.

— Какая еще игорная палатка? — не выдержал Род.

Джефф снова усмехнулся в ответ.

— Тебя всему надо учить, парень. Никогда не видел торгового города? Это танцевальный зал, есть еще пара игорных залов. Кости, карты, а один парень даже крутит рулетку. Несколько других парней говорят, что нашли дикий злак и пытаются сварить из него пиво. Они рассчитывают открыть еще один бар. Он задумчиво сказал: — Я думаю мне удастся принять участие в этом. Им необходимо некоторое оборудование из машинного отделения. Он подумал немного. — Иногда мне стыдно. Эти ребята, кажется, раскололи меня. Они разворуют корабль до последнего винтика.

Род перестал пить. То, что рассказывал Фергюсон, было намного интересней сладковатого ликера.

Он спросил:

— Джейф, ведь ты обладаешь пятой частью одного вклада компании Новая Аризона. Тебе не надо дурачиться этим скороспелым бизнесом и путаться с сомнительными колонистами.

Джефф поймал его взгляд.

— Ты уверен? Может быть, я делаю глупость. Но что бы ни случилось, Джейф Фергюсон выкрутится. Это наивное самая богатая планета этой системы. Мы сейчас находимся на первом этаже. И если нам не удастся разбогатеть, то винить нам будет некого.

— Твоя пятая часть вклада сделает тебя обладателем одного из крупнейших состояний в Соединенных Планетах.

— Состояния или лишней дырки в голове, парень.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— О том, что семьдесят пять членов экипажа: офицеры и команда, а также более двух тысяч колонистов считают, что они обмануты компанией Новая Аризона. Не забывай: не вся команда счастлива от того, что капитан принудил их стать полицейскими. Далеко не вся, черт возьми!

— Брось! — насмешливо сказал Род. — Законы на стороне компании. Ведь все здесь до последней нитки принадлежит компании Новая Аризона.

Пока он говорил, оркестр закончил играть, и его голос повис в наступившей тишине. Во всяком случае все услышали последнее предложение.

Узкоглазый колонист, стоявший рядом с ним, выпивавший и оживленно беседовавший с приятелем, налетел на него. Свирепым взглядом он смерил Рода с ног до головы. Он, конечно, был одет в кричащий костюм своего двойника.

— А кто нам запретит принять пару новых законов? — прорычал он.

Род посмотрел на него. В действительности, он глубоко сочувствовал бедственному положению этих сотен мечтателей, продавших все свои пожитки, ради будущего на новой планете. Однако, как член правления компании, он сознавал тщетность этих надежд.

Он тихо сказал:

— У вас кажется есть иллюзия, что Новая Аризона — демократическая страна. Не так ли? Этой планетой, а значит и вами, управляет компания Новая Аризона. Есть контракты, подтверждающие это.

Из-за его спины раздался голос. Он был мягче, чем у подвыпившего колониста.

— Правительства всегда уходили в отставку. В особенности репрессивные.

Род и Фергюсон обернулись.

Джефф пробормотал низким голосом:

— Нам лучше убраться отсюда, парень.

Род Бок буквально столкнулся с Хьюго Милтиадесом, старшим доктором низенького роста, проявлявшего активность во всякого рода комитетах и поэтому избранного в качестве представителя колонистов. Позади него было полдюжины компаний. Ни один из них не

был пьяным. Казалось, что они только что вышли с сорбания.

Род был вынужден поддерживать свой имидж. Он сказал:

— Так это вы предлагаете реформы, доктор? Бен Тен Эйк, как начальник службы безопасности, будет весьма заинтересован.

Доктор холодно ответил:

— Пока что я ничего не предлагал, гражданин Бок. Как вы знаете, у меня также контракт с компанией, и я со своими товарищами подчиняюсь ее решениям. Я просто хотел доказать то, что было понятно студентам, изучающим право еще во времена Макиавелли.

— А именно?

— Что правительство не может долго находиться у власти в условиях активной оппозиции народа. По этой причине народ всегда имеет правительство, находящееся в границах его толерантности. Так как Новая Аризона возникла как олигархия, то неизвестно, какая социально-экономическая система будет здесь, скажем, лет через десять: свободное предпринимательство, общество демократии, технократии, коммунизма, социализма, синдикализма или анархизма. Кто знает? А теперь до свидания, гражданин Бок.

Он повернулся и вышел в сопровождении своей группы. Род и Джейфф посмотрели ему вслед.

Джейфф Фергюсон допил свой стакан и сказал:

— Из-за этих вот ребят все беды на земле, парень. Лучше пойдем отсюда. Половина из этих олухов не поняли, о чем говорил доктор, но все равно они за него и если...

Неожиданно погас свет, и кто-то пронзительно закричал:

— Держи его! Держи гада! Сейчас я ему кишки выпущу.

Началась паника.

Крики, визги, треск мебели и дребезжание бутылок. Раздался звук трубы из оркестра — очевидно один из музыкантов вызывал к порядку. Но его призыв не был услышен даже его коллегами, которые, судя по звукам из этой

части зала, бежали наружу, спасая себя и инструменты. Была толкотня и избиение. Тот, кто выключил свет, очевидно, оказал кому-то добрую услугу...

Фергюсон скватил Рода за руку.

— Бежим, парень. Надо выбраться отсюда. Их слишком много, хотя я не прочь разбить несколько бутылок об их головы.

Вначале они двинулись к центральному входу, через который они вошли полчаса назад.

Однако инженер, шедший впереди, остановился в двадцати футах от двери. Там была цепь колонистов, которые взвявшись за руки вглядывались в темноту.

Фергюсон проворчал.

— Не сюда. Эта потасовка подстроена, парень. Я не ожидал этого. Большинство из этих скотов я считал своими друзьями.

— Они ищут меня, — пробормотал Род. — Идем сюда.

Он повел его назад через танцплощадку, протискиваясь между смущенных пар, которые не понимали, что происходит и ждали, когда включат свет и заиграет музыка.

Слышались звуки драки, возни. В основном, они доносились со стороны бара и центрального входа.

Увлекая за собой подвыпившего инженера, Род прыгнул на сцену и, спотыкаясь о брошенные стулья, нашел выход, через который убежали музыканты. Вырвавшись наружу, он прошептал Фергюсону:

— Теперь ты знаешь, как можно выбраться отсюда. Воспользуешься, когда понадобится.

Под влиянием ликера Фергюсон над чем-то посмеивался.

— О'кей, — сказал он. — Через эту дверь. Через этот черный ход.

Звезды светили достаточно ярко, и Род Бок разглядел, что у Джейфа за пазухой — несколько объемистых предметов.

— Что там у тебя? — спросил он. Инженер радостно засмеялся: — Добыча, — сказал он. — Будут знать, как выключать свет, когда Джейф Фергюсон находится в баре. Возьми две себе.

Род Бок сделал искусственную гримасу угрозений, но принял две литровые бутылки. Еще две бутылки Фергюсон

оставил себе. Невероятно, как он умудрился не разбить им в дерущейся толпе. Сзади послышались крики, и они привели ходу.

Фергюсон неожиданно протрезвел и прорычал:

— Они действительно гоняются за нами. Не думал, что дело примет такой оборот.

— Это из-за меня, — озабоченно сказал Род. — Не думаю, чтобы они простили мне смерть этого бедняги. У меня не было выбора, но это ничего не меняет.

Фергюсон резко остановился.

— Послушай, — проворчал он. — Я знаю этот городок как свои пять пальцев. Я руководил установкой палаток. Беги вдоль этой улицы. Я поведу их по другому маршруту, пока ты убежишь.

— Нам лучше держаться вместе, — начал было Род, но инженер уже так мелькал пятками, будто он и не нюхал такого количества ягодного ликера. Ничего не оставалось, как последовать его совету. Род бросил бутылки и побежал.

Палаточный Город, как его называли, вместил более двух тысяч человек и состоял не только из спальных палаток, но и строений для купания, туалетов, блоков питания, залов для месс, прачечных, яслей, клиники и дюжины других учреждений, необходимых для жизненных нужд цивилизованных людей. Короче говоря, Палаточный Город отнюдь не был маленьким.

Не удивительно, что звуки погони в сочетании с его незнанием города сбило его с пути. Он заблудился.

Лишь годы тренировок в искусстве убивать удержало Рода от паники. Сейчас он был добычей, тогда как все время тренировал себя в качестве охотника. Он все же не растерялся, стараясь держаться в тени, прячась за углами, пробегая по темным местам.

Звуки погони усилились, и он понял, что число преследователей значительно выросло. Очевидно, их оповестили. Ненависть к компании оказалась намного сильней, чем они думали. Он осознавал, что им нужна была его жизнь. Они прилагали все усилия, чтобы Тен Эйк и его служба безопасности не узнала о преследовании одного из членов бесценного правления.

Дважды он вступал в бой.

В обоих случаях это были маленькие группы, разыскивавшие его в стороне от большой толпы — или толп? — которая рыскала по главным улицам с электрическими фонариками.

Дважды они натыкались на него, но оба раза случайно. Ему удавалось воспользоваться фактором неожиданности. Очевидно его средний рост, застенчивый вид не производили впечатление убийцы и сбивали их с толку. Может быть они думали, что он с трудом уносит ноги и неспособен защитить себя.

По крайней мере, некоторым из их толпы пришлось разочароваться в этом.

Когда он остановился, чтобы сориентироваться и перевести дыхание, группа бегущих наткнулась на него. Он отреагировал молниеносно, схватив лидера на доли секунды раньше, чем тот успел опомниться. Род схватил другого за ворот, слегка повернулся и бросил его через бедро в двух других преследователей. Все трое упали, визжа от испуга. Он побежал дальше.

Во второй раз группа была побольше и, очевидно, состояла из тех, кто находился в танцевальном зале. В воздухе стоял густой запах перегара. Их реакция была вялой.

Род рванулся вперед, продвигаясь, как волнорез в воде. Руки его были приподняты, пальцы плотно сжаты. Он действовал ими, как копьем. Двигаясь вперед, он наносил удары в живот, солнечное сплетение, горло и в пах. Он оставляя за собой опустошение и нежелание продолжать преследование.

Но главная охота была впереди.

Неожиданно он остановился. Навстречу двигалась толпа, другая с криком догоняла его. На размышления времени не было, и он нырнул в боковую аллею, проклиная бесчисленные крепежные веревки, на которые то и дело натыкался. Впереди послышались крики. Уже совсем близко.

Наверное полгорода участвовало в погоне. Возгласы мужчин перемежались с ненавистными воплями женщин и визгами подростков. По обрывкам их яростных криков Род еще раз осознал, что они выбрали его в качестве громоотвода для своей ненависти, накопившейся за время путешествия. Двойной контракт, поработивший их. Неудовлетво-

рительные условия жизни. Отсутствие должного питания и медицинского обслуживания. Раскрытие факта, что компания запланировала не настоящую колонизацию, а выживание ресурсов планеты до ее полного опустошения. Все это выплеснулось наружу.

Они были бессильны что-либо сделать, но зато перед ними была жертва, на которой можно было выместить зло. Символ всего, что они так ненавидели. Он уже знал, что их не удовлетворит ничего, кроме его смерти. Не избиение. Только смерть.

Он резко повернулся, так как впереди был тупик. Он хотел найти место, где можно было бы лечь на землю. Уже целых полчаса он бежал изо всех сил, уклоняясь и избегая столкновений. Ему надо было перевести дыхание. Он проклинал себя за то, что оставил дома пистолет. Казалось, незачем было его брать на вечеринку. Он также проклинал себя, что позволил Фергюсону продать свой карманный нож. Все же это было оружие.

Со всех сторон доносились звуки толпы. Как могли не слышать этого на "Титове"? О чем думал Бен Тен Эйк и его люди? Род ругал себя. Думали они о своих шкурах, конечно. У них не было намерения спускаться в темноту ночных городов, с оружием или без него. Их была горстка против двух тысяч разъяренных колонистов. Будет лучше узнать о причинах волнений позже, тем более, что на борту корабля было безопасней.

Пригнувшись, Род стал рыскать по сторонам. Спрятаться было практически негде. Через какое-то мгновение его схватят. Они знали, что он в ловушке.

Вдруг чей-то голос прошептал:

— Род, скорее. Сюда!

ГЛАВА VIII

Кто-то откинул полог маленькой спальной палатки и приглашал его войти.

Медлить было бессмысленно. Ему некуда идти. Если это была ловушка, а скорее всего так оно и было, то так тому и быть. Он нагнулся и пролез внутрь.

Внутри казалось совсем темно, особенно, когда полог опустился. Он открыл рот, чтобы спросить, но голос определил его:

— Шшшш...

Рука дотронулась до его плеча и пригнула к полу, покрытому какой-то циновкой. Нет, это был спальный мешок — один или несколько.

— Влезай, — прошептала она. Теперь он понял, что это был женский голос. — В этот.

Ничего не оставалось, как повиноваться. Здесь командовала она. Одежду долой, ботинки долой. Он залез в один из мешков.

— Взъероши волосы и повернись спиной к выходу.

Он считал, что его волосы уже достаточно взъерошены, но еще раз пробежал по ним руками, натянул мешок на шею и повернулся к задней стенке. Она назвала его по имени, но он думал, что каждый колонист на корабле знал, как его зовут, и что большинство из них называли его уменьшительно: Род.

Сплетни распространялись на Новой Аризоне с такой скоростью, что казалось этим занимается еще одна группа колонистов. Обо всех знали буквально все.

Что бы там ни было, он кажется забылся сном. Сочетание незнакомого напитка с избытком физических упражнений и полным расслаблением — все это привело к снятию напряжения и дремоте.

Возможно, это и спасло его. Он смутно вспоминал свет электрического фонаря, жалобный шепот своей спасительницы и, затем, чей-то голос снаружи:

— Кто бы это ни был, он хранил как бревно. Оставим их в покое.

Затем другой голос иронически добавил:

— Извините за беспокойство, гражданка Бергман.

Эти слова полностью разбудили его. Теперь он сказал:

— Они ушли.

— С моей репутацией, — горько сказала Кати.

— Я сожалею.

Она вздохнула.

— Не беспокойтесь. Я думаю, они хотели убить вас. Почему?

Род задумался. Он заложил руки за голову, продолжая лежать в мешке. Сон окончательно покинул его.

— Думаю не меня, а компании Новая Аризона. Каждый бы захотел этого. Дарлин, Фодор, Зорилла. Любой член правления, кроме Вас и может быть патера Вильяма. Просто они приняли меня за символ компании.

— Да, — сказала она. Она выдержала длинную паузу, прежде чем сказала невзначай:

— Это была бы ирония судьбы, если бы они выместили свое зло на вас.

— Что вы хотите этим сказать?

— Какое ваше настоящее имя, Род?

— О! — Он подумал, прежде чем ответить. — Энгер, — сказал он наконец. — Энгер Кастроита.

Она так долго молчала, что ему показалось, что она уснула. Затем она тихо сказала.

— Что случилось с настоящим Родом Боком?

— Я не знаю. Я попал на его место по счастливой случайности. Откуда вы узнали?

В ее голосе чувствовалось сомнение.

— Точно не знаю. По многим приметам плюс женская интуиция. Помните, я ведь встречала Бока перед стартом, или человека выдающего себя за Бока. Это был распущенный молодой человек, очень неприятный. Я бы забыла его, если бы не досадные несоответствия. Вы, вероятно, не являетесь наследником богатых родителей ... Энгер. Вы плохо играете эту роль. Я имею в виду обращение со слугами и все такое. И потом, вы совершенно не разбираетесь в делах компании Новая Аризона. Очевидно, вы не были в курсе переписки и устных разговоров Мэтью Ханта с правлением компании. Хотя вам, конечно, везло. Думаю, что Хант — единственный человек, который знал всех членов правления в лицо. Если бы он полетел с нами, вы были бы раскрыты.

— Да, — сказал Род презрительно. — Я считал, что мне везло.

Во мраке палатки он мог разглядеть, как она, облокотившись на локоть в своем спальном мешке, смотрела в его сторону.

— Но что же вы здесь делаете, Род ... я имела ввиду Энгер? Я уже запуталась.

— Можете продолжать называть меня Роджер Бок, —
казал он криво. — Кажется я занимаюсь глупостями.
Глупостями, протянувшимися на несколько сотен световых
лет.

Ее голос был мягким, будто понимающим, хотя она
еще толком не знала, что ей понимать.

Наконец, он сказал:

— Я думаю, мне нет смысла скрывать. Я и так уже
почти все рассказал. Даже не знаю, как это получилось.

Она ждала, когда он начнет говорить.

Он спросил:

— Вы слыхали когда-нибудь о гъяке?

— Нет.

— Почти никто не знает о нем в наше время. Никто,
кроме этимологов или историков южных Балкан, когда-то
называемых Албанией или Монтенегро. В нее также вхо-
дила часть Сербии и Македония, но в основном это Алба-
ния.

Он глубоко вздохнул.

— Это было многое поколений назад, больше, чем
вы можете себе представить. Холодной горной ночью
был похищен и вывезен в Грецию грудной ребенок,
оказавшийся единственным уцелевшим мужчиной из
клана Кастириота. Они пересекли границу в районе Ко-
ниспола и прибыли в портовый город Игуменица. От-
туда маленькая лодка доставила беглецов на Корфу.
На следующий день три старых девы, проводивших
всю операцию по спасению шестимесячного Кастириота,
отправились на пароме в Бриндиси, городок в Италии,
где было относительно спокойно. Двумя годами позже
они переехали в страну, известную тогда как Соеди-
ненные Штаты Америки. Тогда и начались его трени-
ровки. Как видите, женщины из клана Кастириота были
такими же неустранимыми, как и мужчины при ис-
полнении гъяка.

Он посмотрел вверх, в темноту палатки.

— Итак, традиции клана были переданы единствен-
но наследнику. — Род глубоко вздохнул.

— У него были дети, но лишь один ребенок был маль-
чиком. Кастириота никогда не процветали. Я имею ввиду
количество. Но всегда был хотя бы один наследник. Каж-

дое поколение с волнением ожидало появления на свет мальчика. Тогда собирались поредевшие ряды старшего поколения и совещались по поводу изменений текстов заветов и клятв. Решался вопрос об обучении наследника искусствам, уже забытым не только в Америке, но и в Албании: профессиональному владению ружьем, ножом и пистолетом. По каждому из искусств мальчик должен был получить аттестат зрелости. Затем, он посвящался в традиции мужества, доблести и гъяк. Каждый мальчик знал, что клан Пешкопи еще жив, что его корни затерялись где-то в верховьях Дрина там, где встречаются черные горы Албании и Монтенегро.

Она с ужасом сказала:

— Но... ведь вы говорите о давно ушедших поколениях.

— Да.

— Ненавидеть людей, которых ты никогда не видел...

Он сказал отрешенным голосом:

— Ненависть можно передать от отца к сыну также легко, как другие семьи передают наследство. — Он презрительно фыркнул. — Учтите, нас воспитывали для этого. Мальчики рождались для исполнения гъяка. Их содержали, как могли, они наследовали все богатства семьи. Он снова фыркнул.

— Закон выживания? Тогда это выживание того, кто сильнее ненавидит.

Она сказала:

— До тех пор пока...

— До тех пор, пока не совершится последний акт возмездия, который откладывался по разным причинам в течение такого длительного времени. На протяжении целых поколений мы то и дело сталкивались с выжившими Пешкопи без их ведома. В конце концов стало очевидным, что гъяк должен быть совершен. В противном случае наши мечты о возмездии останутся бесплодными. Последний Пешкопи направлялся к новым мирам, где он, несомненно, должен был затеряться. По крайней мере для Кастиюта.

— Вы хотите сказать, — сказала Кати, задыхаясь, — что последний из ... ваших кровных врагов находится на Новой Аризоне?

Он устало ответил:

— Нет. Но меня убедили в этом, и я полетел “зайцем”, чтобы найти его. Вчера я окончательно оставил эту затею, просмотрев по другому поводу картотеку Дарлина. Среди колонистов и экипажа нет Пешкопи.

Ее голос стал ледяным.

— Из ваших слов следует, что в то время, когда ваши коллеги, мужчины и женщины, пытаются построить новый мир, жертвуя собой ради будущего, ради своих детей, вы скрываетесь в поисках своей жертвы.

Он недовольно фыркнул.

— Ладно. Я не надеялся, что вы меня поймете. Запомните, я — продукт нескольких поколений, воспитанных на ненависти. Однако все это позади. Я, последний из Кастриота, теперь на далекой планете без средств к существованию. Мои шансы вернуться в молодом возрасте, чтобы продолжить эту охоту незначительны. Более того, я думаю, когда наш славный капитан узнает, что я самозванец, меня приговорят к пожизненной каторге.

Она холодно продолжала:

— Значит вы очень сожалеете, что не совершили акт возмездия.

— Я не знаю, — сказал он тихо. — Скорее сожалею о жизни, проведенной в напрасных тренировках. Он горько усмехнулся. — Иногда мне кажется, что это было причиной того, что мой отец, дед и все предки сохранили такую ненависть и передали ее новым поколениям.

Кати Бергман сказала:

— Вам, наверное, будет приятно услышать, что вы равно успокоились?

Он сел и резко повернулся к ней.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею ввиду детей, не достигших десятилетнего возраста. Они не считаются колонистами и, следовательно, не вносятся в списки. Я лично знаю нескольких детей, которые зарегистрированы под другими именами.

Воздух со свистом вырвался из его легких.

Она сказала с презрением:

— Хотя вам не удалось найти вашего кровного врага среди мужчин, у вас есть шанс найти его среди этих невинных детей. Ведь ради этого убийства вы пересекли галактику, Энгер Кастриота.

Не следовало открываться Кати Бергман. Это была совершенная глупость с его стороны. Теперь о нем знали двое — Зорилла и Кати. Его раскрытие теперь было лишь делом времени. А дальше — неизвестность. Глядя правде в глаза, он не мог рассчитывать на чью-либо дружбу на Новой Аризоне. Может быть за исключением алкоголика Джейффа Фергюсона. Да и тот бросил его в лабиринте Палаточного Города, когда толпа наступала им на пятки.

Но нет, не совсем так. Она уже знала, что он самозванец. Он допустил ошибку лишь теперь, раскрыв себя и цель своего путешествия на борту "Титова".

Обдумав свои слова, он осознал всю их жестокость. Она понятия не имела о гъяке, об историях, оочных погромах, передаваемых из поколения в поколение. Как Пешкопи окружали их дома в горах, поджигали их, а жильцов расстреливали, включая стариков, женщин и детей, когда те пытались бежать. О пытках и засадах, о сожженных полях, угнанном скоте. Об уменьшении численности клана, некогда насчитывавшего сотни людей.

Нет, она ничего не знала об историях, на которых он был воспитан. Истории, которые даже сейчас вызывали у него ярость. Она не знала и никогда не узнает о гъяке, переданном по наследству.

Он провел остаток ночи в ее палатке, погрузившись в беспокойный сон. Звуки толпы, бегающей вдоль улиц, постепенно затихли, когда подвыпившие колонисты поняли, что упустили свою жертву.

Они больше не говорили. Она лишь объясняла, как ей удалось спасти его. Тент, который она занимала, был выделен ей комитетом колонистов на случай, если она допоздна задержится в городке. Она услышала звуки толпы и, не понимая смысла происходящего, выглянула на улицу. Она дважды видела, как он пробегал мимо, преследуемый толпой. На третий раз она узнала его, поняла в чем дело и позвала. Остальное было очевидно.

Когда наступило утро, он открыто вышел из тента и пошел назад к кораблю.

Те колонисты, которые попадались ему по дороге, отводили глаза в сторону. Вчера в горячке погони они жаждали его крови. Сейчас, средь бела дня было совсем другое дело.

— Трусы! — подумал он. Лесли Дарлин оказался прав. Жлобы. Подонки, неудачники и бездарности, не сумевшие ничего добиться у себя дома и отправившиеся на другую планету в поисках легкой жизни.

Пионеры! Первооткрыватели!

Ха!

На полпути он встретил Джейффа Фергюсона, Бена Тен Эйка с отрядом из двадцати человек.

Даже на расстоянии он заметил, что первый инженер негодовал. Подойдя поближе, он понял почему.

Его глаза по-прежнему были красивыми. Род подозревал, что он расправился с остатком украденного ликера и, очевидно, еще не ложился в постель. Бен Тен Эйк имел жалкий вид, хотя по его выражению было видно, что никакой вины за собой он не чувствовал.

Когда Род приблизился, главный офицер выкрикнул команду и его люди резко остановились, опустив на землю свои ружья. Род с удивлением отметил, что все они не были членами экипажа корабля. Очевидно, Бен Тен Эйк набирал своих головорезов из числа колонистов.

Тен Эйк прощедил:

— С вами все в порядке, гражданин Бок?

Джейфф сказал, пожимая ему руку:

— Я ждал тебя всю ночь, Род. Когда я понял, что ты заблудился, то побежал к кораблю. А этот сукин сын даже не пошевелился до утра, трус!

Бен Тен Эйк холодно сказал:

— Не забывайте, мистер Фергюсон, что я выше вас по званию.

— Ты дермо! — взорвался Джейфф, обдавая огнем высокого Эйка. — Мы больше не офицеры "Титова", Тен Эйк. А что касается Новой Аризоны, то ты владеешь пятой частью доли, так же как и я. С чего ты взял, что выше меня по рангу?

Тен Эйк, очевидно кипевший внутри, обратился к Роду Боку.

— Наше появление в городке посреди ночи могло вызвать бунт. Теперь же мы можем призвать к порядку нескольких наиболее недисциплинированных колонистов. К тому же мы не знали где вы. Возможно, вас там и не было

— Где же ему еще быть? — агрессивно прорычал Джефф.

Тен Эйк игнорировал его.

Род, скорее уставший после этой ночи, чем отдохнувший, кивнул головой и пошел к “Титову.” По дороге он слышал, как Тен Эйк выкрикивал команды. Джефф догнал своего вчерашнего собутыльника и засмеялся:

— Как тебе удалось бежать, парень?

Род сказал:

— Одна женщина-колонистка затащила меня в свою палатку. Я провел там ночь.

Инженер посмотрел на него с явным восхищением.

— Что ты говоришь? Во имя дзен, парень, есть ли у нее друзья?

Род мрачно сказал:

— Если даже так, то я не вхожу в их число.

Пока они шли к кораблю, Фергюсон пытался понять смысл его слов. Во всяком случае они молчали.

Род Бок хотел хорошенько освежиться и сменить одежду, но когда он проходил мимо гостиной, раздался возглас.

— Гражданин Бок! Будьте любезны. И вы также Тен Эйк и Фергюсон.-

Он вошел и осмотрелся. Здесь проходило какое-то собрание. У стола стоял капитан Глюк. Его глаза, как всегда, светились. В комнате сидели Лесли Дарлин, Зорилла, патер Вильям и два старших офицера корабля: Макдональд и Кайвокату.

Лесли насмешливо посмотрел на него.

— Милости просим к нашему шалашу! — замурлыкал он.

Капитан пробубнил:

— Гражданин Бок, я должен спросить вас. Где вы были?

Фергюсон и Тен Эйк вошли вслед за ним. Тен Эйк сказал:

— Он был в палаточном городке.

Зорилла смотрел вниз на свои огромные руки, сжимая и разжимая их.

Рой Макдональд медленно сказал.

— А кто может это подтвердить?

Фергюсон с негодованием посмотрел на него.

— Я могу. Мы были там вместе прошлой ночью. Он перевел негодующий взгляд на Тена Эйка. — Очевидно полиция на этой планете работает только днем. Мы едва успели унести ноги. Роду пришлось прятаться всю ночь.

Капитан пыхтел как паровоз.

— Вернемся к этому позже. Его сверкающие глаза остановились на Роде Боке. — Снова совершен акт саботажа. Этого не могли сделать колонисты. У них нет доступа на корабль. Даже бывшим членам команды запрещено входить на "Титов", за исключением тех, кто пользуется моим доверием.

— Саботаж? — спросил Род, явно недоумевая.

Разъяренный капитан выпалил:

— Сейчас крайне необходимо послать на Землю сообщение с предложениями о концессиях. Либо нам удастся получить капитал для освоения всей планеты, либо вылеслим в трубу.

Зорилла беззвучно изучал свои черные ногти.

Капитан продолжал в горячке:

— Только одна сила на Новой Аризоне противостоит этому: эти чертовы йоки, которых мы были вынуждены взять в качестве колонистов.

— Какой саботаж? — спросил Род, не понимая о чем идет речь.

— Гражданин Фодор нашел месторождения нефти, золота, олова. Достаточно было лишь послать спасательный корабль на ближайшую базу Космических Сил. Оттуда мы могли бы связаться с Землей и заключить контракты. Сюда бы прилетели новые корабли, которые бы привезли новый персонал, новое оборудование. Начался бы бум.

— Другими словами, обдиранье Новой Аризоны, — мягко сказал Лесли.

Капитан посмотрел в его сторону.

— Разве это не то, что нам нужно? Быстрый оборот капитала, молниеносные состояния и возвращение на Землю.

— Естественно, — протяжно сказал Лесли. — Я не спорю, старина.

Фергюсон спросил:

— Но что же произошло? Какой саботаж?

Главный инженер Кайвокату, не спеша вытянул изо рта трубку, и мрачно сказал:

— Спасательные корабли. Кто-то основательно вывел их из строя. Понадобятся месяцы, чтобы отремонтировать их. Если это вообще возможно.

Джефф проворчал:

— Уберите ваши лапы от кораблей. Я позабочусь об их ремонте.

Капитан ударил кулаком по столу.

— Прекратите болтовню, черт возьми! Сначала радио, теперь спасательные корабли. Напрашивается лишь один ответ. Кто противостоит продаже концессий? Джентльмены, здесь находится подавляющее большинство членов правления. Есть предложение лишить гражданку Бергман ее привилегий.

Патер Вильям мрачно сказал:

— Джентльмены, мы должны умерить свой праведный гнев...

Его прервал Род Бок.

— Это случилось сегодня ночью?

Рой Макдональд сказал:

— Насколько мы понимаем, около полуночи. Это мог сделать лишь член правления. Фодор и второй инженер Мануэль Санчес находятся в поисковой экспедиции.

Род покачал головой.

— Кати также нет.

— Она не может присутствовать, — огрызнулся Тен Эйк. — Она — одна из руководителей колонистов.

Род колебался какое-то мгновение, а затем покачал головой.

— Я провел ночь в одной палатке с гражданкой Бергман, — сказал он. Он начал объяснять обстоятельства, но услышал за спиной холодный голос:

— Спасибо, Роджер Бок. Она вошла в тот момент, когда он говорил последнюю фразу.

Все повернулись, чтобы посмотреть на нее. Рол начал было объяснять, но она яростно прервала его:

— Или мне следует сказать, Энгер Кастио?

Курро Зорилла заерзal в своем кресле и пожал плечами, тогда как другие продолжали смотреть на девушку. Наконец он сказал:

— Нам придется пережить и это, тем более, что все само всплыло на поверхность. Роджер Бок остался на Земле. В последний момент он...

— Оказался трусом? — не выдержал Джефф Фергюсон. Он уставился на Энгера Кастиюта. — Мне следовало бы догадаться. Ночь перед стартом в автобаре. Я тогда говорил о трусах. Ты сказал, что тебя зовут Смит или что-то в этом роде. Я провел тебя на корабль без пропуска. У тебя его не было.

Лесли тихо посмеивался от удивления. Он посмотрел на Кати.

— Ах, дорогая моя. Вы действительно решили уничтожить бедного Рода... то есть Энгера? Вы слишком поздно вошли. Видите ли, шкипер как раз хотел бросить вас на съедение волкам, так как вы были наиболее вероятным исполнителем акта саботажа, приведшего к нашей изоляции. Но смелый пионер Род, он же Энгер, пришел вам на помощь. Конечно, алиби довольно неприятное..., но достаточное убедительное.

Ее лицо побледнело. Она повернулась к Энгеру Кастиюту.

— Я... я.

Капитан, сдерживающийся до последней минуты, зарыдал:

— Что же тут происходит, черт возьми! Что происходит!

Удивительным было не то, то его раскрыли, а то, что этот маскарад длился так долго. И закончился по его вине.

Фактически к нему не было никаких претензий. Он все еще контролировал ситуацию.

Собрание правления превратилось в сумасшедший дом. В этой обстановке он с ужасом ожидал своей участии. Но вышло по-другому. Кати, Лесли и даже Зорилла говорили снисходительности. Джефф Фергюсон, размахивая одной пятой голоса, особенно разбушевался. Именно он бросил капитану, что Энгер Кастиюта спас ему жизнь. Патер Вильям в своей заключительной речи призвал всех к милосердию, тогда как Эйк и Макдональд проголосовали за обвинительный приговор.

В конце концов ему позволили взять два чемодана с одеждой и обувью Рода Бока. Документы Бока и вещи личного характера капитан взял, чтобы передать их владельцу, если он их потребует.

Энгер Кастиоут был ни рыба ни мясо. Ему даже не предложили контракта или положения, занимаемого членами команды. Он стал свободным гражданином Новой Аризоны. На самом деле он чувствовал неопределенность своего положения. Также как и все остальные, включая капитана Глюка.

Взяв два чемодана, он спустился по трапу и, так как идти было некуда, направился к Палаточному Городку.

Прошлой ночью он был добычей недовольных колонистов, бегавших за ним по улицам их города. Теперь он шел искать у них убежища.

Так как идти было некуда, он направился к административному центру общины, как они его называли. Он был здесь раньше по поручению руководства. Временная клиника была сделана основательно, даже при том недостатке материалов, который испытывали три доктора учреждения.

Он стоял у входа в растерянности, и доктор Флоренс Джеймс первой заметила его. Она склонилась над ребенком, распластанным на походной кроватке.

Она выпрямилась, надула губы и резко сказала:

— Что, снова аспирин? Скорее всего это похмелье. Я слышала кошачий концерт, затеянный вами и этим пьяным инженером сегодня ночью.

Ее обвинения в довершение всего, что ему пришлось пережить за последние двенадцать часов, были для него убийственными. Он сел на один из чемоданов и стал смеяться, а потом хохотать. Кажется, никогда в своей жизни он так не смеялся. Из его глаз потекли слезы.

Она дала ему пощечину, чтобы вернуть к реальности.

Она смотрела на него, то и дело поглядывая на его сумки.

— Что ты делаешь с этим багажом?

Он покачал головой и, выйдя из истерического состояния, сказал наконец:

— Очевидно, я теперь *persona non grata* на “Титове”. Вот ищу приюта.

— Приюта! — манерно повторила она. — Вы — член правления! Один из сытых...

Он усмехнулся и встал на ноги, вытирая глаза тыльной стороной ладони.

— Это была инсценировка! — объяснял он. — Фальшивка. Я — никто. Похоже, даже не колонист.

Френсис Кэлли, самый молчаливый из них, подошел к доктору Джеймс. Он смотрел то на Кастиюта, то на свою коллегу.

Не объясняя мотивов своих действий, Энгер рассказал им свою историю. Он был безбилетчиком. Воспользовавшись счастливым случаем, он представился членом правления. Сегодня утром был разоблачен. У него не было ни убежища, ни еды, ни права посещать столовую.

Кэлли казался безучастным к его судьбе. Он мягко сказал:

— Если у вас хватило смекалки попасть на “Титов”, то вы не пропадете. В палаточном городке много работы, — фыркнул он. — На Новой Аризоне многое предстоит сделать. Чем вы занимались раньше, каким бизнесом?

— Никаким. Я был студентом, — ответил Энгер.

— В вашем-то возрасте? — издевательски спросила Флоренс Джеймс.

Он посмотрел на нее.

— Я учился на степень доктора.

— Каких наук? — заинтересовался Кэлли.

— Исторических. Специализировался на примитивном обществе. В конечном счете я готовился стать преподавателем.

Женщина фыркнула:

— Примитивное общество. Почему не химия, медицина или сельское хозяйство. Нет, это не то, что нам нужно.

Кэлли мягко сказал:

— В конечном счете новому обществу нужны будут историки. Ваши знания пригодятся. Он вынул отрывной блокнот для рецептов из кармана своего белого пиджака и что-то написал на обороте. — Передайте это Шеклтону. Он работает в шестой столовой. Скажите, что комитет приказывает ему ... нет, рекомендует предоставить вам место в общежитии и питание в столовой.

— Комитет? — едко переспросила его коллега. — С каких это пор ты стал комитетом, Фрэнк Келли?

Он устало посмотрел на нее.

— Неужели ты хочешь собирать комитет по такому поводу, Фло?

— Нет, конечно, — огрызнулась она и снова занялась ребенком. — Нет. Пусть он повиснет у нас на шее.

Тихий Келли вручил Энгеру записку. Он кивнул в сторону Френсис Джеймс и сказал вполне серьезно:

— Я бы хотел сказать, что за этой оболочкой равнодушия бьется добре сердце, но не могу этого сделать. Всего доброго... гм, как вы сказали, вас зовут?

— Энгер Кастириота.

— Да, да. Итак, добро пожаловать в палаточный городок.

Энгер поблагодарил его, взял чемоданы и направился к шестой столовой. Проводники были не нужны. Кто-то очень предусмотрительно поставил на каждом перекрестке указатели. Жаль, что он не смог разглядеть их прошлой ночью. Они бы помогли ему выбраться из города без помощи Кати Бергман. Тогда он по-прежнему занимал бы удобные апартаменты на "Титове" и положение в колонии.

Но нет, это не могло продолжаться долго. Это бы лишь отсрочило его разоблачение. На самом деле он отделался легким испугом.

В шестой столовой была пересменка. Завтрак был закончен. Накрывали столы к обеду.

Энгер подошел к подростку, раскладывающему приборы, и спросил, где можно найти Шеклтона. Тот ответил кивком головы.

Шеклтон с большим карандашом в руках согнулся над списком, что-то бормоча и проверяя. Энгер подошел к нему сзади и прокашлялся. Тот повернулся, и его узкие свирепые глаза раскрылись от удивления. Лицо его стало внимательным, а затем агрессивным.

Сначала Энгер Кастириота не понял почему, но затем догадался. Шеклтон оказался тем самым колонистом, который прошлой ночью стоял рядом с ним и Фергюсоном в баре. Тем самым, который начал дискуссию, приведшую в

конечном счете к драке и погоне. Шеклтон, конечно, считал Энгера членом правления, представляющим власть на Новой Аризоне.

Положение становилось неловким.

Энгер сказал:

— Я только что от доктора Кэлли. Он передал вам записку. Я стал... Думаю, что я стал колонистом. Он попросил вас позаботиться, чтобы мне предоставили место в обеденном зале и питание в столовой. Я ...

— Колонист! — взвыл Шеклтон. — Ты — колонист?

— Именно, — терпеливо сказал Энгер.

— Хорошо, я ...

Энгер ничего не сказал. Глаза его собеседника снова сузились.

— А ты не сумасшедший?

— Нет, — покорно сказал Энгер. — Рассудок мой ясен!

— Чего? Избавь меня от своих хитроумных словечек, хлюпик. Здесь командую я, понял?

Пока они говорили, Энгер Кастириота поставил чемоданы на пол. Его руки осторожно, но с ослепительной быстротой рванулись к нему. Обхватив его голову, он захлопал руками по его ушам. Удары были асинхронными с интервалами в доли секунды — он не хотел причинить вред этому человеку.

Лицо Шеклтона стало серым и на мгновение утратило смысл. Он хрюкнул и отшатнулся назад. Взявшись руками за голову, он начал мотать ею из стороны в сторону. Его глаза приняли идиотское выражение. Он споткнулся и осел на скамью. Растигнувшись на ней, он застынал.

Энгер бесстрастно наблюдал за ним.

— Извините, — сказал он наконец. — Меня раздражает, когда меня называют разными именами. Это плохая привычка.

Через какое-то время тот уставился на него. Его взгляд был осуждающим, но к удивлению, в нем не было враждебности.

— Что это ты сделал со мной?

— Когда-нибудь покажу.

Шеклтон снова покачал головой и поднялся на ноги. Он долго смотрел на Кастириота.

— Как тебе удалось бежать прошлой ночью? — спросил он.

— Не знаю, — сказал рассудительный Энгер. — Просто бегал туда-сюда, пока не нашел места, чтобы переждать до утра.

Тот недоверчиво проворчал что-то в ответ.

— А ты можешь работать?

Энгер не понял.

Шеклтон начал нетерпеливо объяснять:

— В колонии более двух тысяч человек. Большая часть из них считает, что они что-то могут. Но на самом деле нет, понял? Они дилетанты. Думают лишь о том, как бы ничего не делать. Пройдет еще десяток лет, а они останутся такими же. К тому времени только те, кто действительно работает, смогут чего-нибудь добиться. Немного подумав, он добавил:

— Не знаю, сможем ли мы когда-нибудь избавиться от опеки компании.

Энгер сказал:

— Я работаю. Не знаю, что я буду делать, но работать буду.

Хозяин столовой насмешливо посмотрел на него.

— Теперь я вижу, что можешь, — признался он. — Как насчет того, чтобы помочь мне в столовой?

Энгер Кастириота засомневался. Он понимал, что работающие на кухне питаются лучше других. Но он знал и другое. Как следовало из ревизии интендантских запасов, проведенной Лесли Дарлином, в ближайшем будущем вопрос питания станет главным. Охотники и рыболовы не были в состоянии компенсировать и малой доли припасов, привезенных "Титовым".

Он сказал:

— Мне надо подумать. Как ваше имя?

— Тэд. Еще раз, как вас зовут?

— Энгер Кастириота. Дайте мне время, Тэд. Мне надо собраться и немного осмотреться.

— О'кей. Как хотите. Это неплохая работа для того, кто хочет работать. В личное время, после работы, мы с ребятами немного стряпаем в одном ночном клубе. Там будет лучшая кухня и выпивка в Новой Аризоне.

Энгер с недоверием посмотрел на него.

Тэд Шеклтон сказал:

— Через пару месяцев, когда начнут плодоносить наши сады и мы получим больше дичи и рыбы.

Пока он говорил, над их головами промелькнула тень, а затем раздался оглушительный треск, сопровождавший ураганный поток воздуха.

Шеклтон пригнулся и побежал к центральному входу. Там он посмотрел вверх и крикнул Энгеру:

— Это большой вездеход. Какого чёрта они так низко летают над городом? Когда-нибудь они сдуют наши тенты, сукины дети!

Энгер Кастириота посмотрел вверх и вдруг ощутил что-то на рукаве. В замешательстве он увидел крупную красную каплю.

— Кровь! — вскрикнул он. — Скорее!

Он побежал к временной взлетной площадке, находившейся на полпути к «Титову». Рокот двигателей то нарастал, то убывал, как будто они были повреждены.

С грохотом вездеход рухнул на площадку. Для более легкого аппарата такой удар был бы фатальным. К этому времени колонисты и команда, члены правления и офицеры корабля бежали к вездеходу. Все кричали: одни приказывали, другие спрашивали.

Тихоходный вспомогательный вездеход отправился в экспедицию позавчера. На борту находились горный инженер Ричард Фодор, второй инженер Мануэль Санчес и два члена экипажа.

Энгер и Тэд подошли поближе, чтобы что-то разглядеть сквозь толпу, окружившую аппарат. Энгеру удалось различить лишь одну фигуру в салоне вездехода. Это не был Фодор или Санчес.

Капитан, в окружении полдюжины телохранителей под командой Тен Эйка, протискивался вперед, покрикивая на толпу. Другой отряд под командованием Флоренс Джеймс бежал с носилками со стороны госпиталя. Ее пронзительный голосок оказался более действенным, чем рев капитана.

Один из вооруженных членов экипажа распахнул дверцу и, заглянув в середину, побледнел от ужаса.

— Пропустите же меня, черти! — выкрикивала доктор. Ей безропотно повиновались. Над собравшимися колони-

стами и их правителями воцарилась тишина. Все чувствовали, что случившаяся трагедия затронет их судьбы.

Энгер видел, как на носилках вынесли Ричарда Фодора. Его лицо было вспухшим до неузнаваемости, а тело оцепеневшим. Как у мертвеца. А может он был мертв? За ним вынесли Мануэля Санчеса. Инженер, кажется, был жив, но взгляд его был неподвижен, как от шока или приступа безумия. Следующий член экипажа был несомненно мертв. Его лицо было вспухшим, как у Фодора, но его смерть не вызывала сомнений.

Энгер и Шеклтон пытались прорваться поближе. Второй член экипажа, доставивший вездеход домой, был на грани истерики.

Капитан делал свое дело, пытаясь расспросить его обо всем.

— Их сотни... тысячи. Маленьких обезьяноподобных людей. Со своими духовыми трубками и ... дротиками. Они налетели на нас. Их были сотни. Как из засады...

Капитан положил руку на его плечо.

— Что значит обезьяноподобные люди? Соберитесь, Вебстер! Мы должны это знать.

Вебстер покачал головой и попытался говорить ровным голосом.

— Обезьяноподобные люди. Не больше шимпанзе. Высотой около пяти футов. Почти голые, сэр. У них в руках были флаги и духовые трубы, и что-то еще для метания дротиков. Они, должно быть, отправлены.

К вездеходу пробрались Лесли Дарлин и Зорилла.

— Но в галактике нет другой разумной жизни, кроме человека.

Лесли горько усмехнулся:

— Это было в старые добрые времена.

ГЛАВА IX

Они провели общее собрание, несколько отличающееся от первого, проведенного меньше месяца назад.

Два маленьких флоатера теперь постоянно жужжали над головами. Они летали на большой высоте, исследуя

близлежащие леса с помощью сканнеров. Это была нелегкая задача. Леса были очень густыми. Под защитой деревьев, папоротников и кустов можно было перемещаться незамеченными с воздуха.

Отряды Тен Эйка заняли стратегически важные точки вокруг городка. Кое-где они окапывались, а в каменистых местах использовали скалы в качестве естественных укреплений.

В трех местах началось сооружение дотов, но работы были приостановлены до проведения этого собрания.

Состав правления изменился.

Член правления Ричард Фодор и второй инженер, владелец пятой части вклада Мануэль Санчес, умерли от ран. Роджер Бок также отсутствовал в своем удобном кресле, которое он занимал на прошлом собрании. Теперь его место было где-то сзади, среди колонистов. История Энгера получила огласку и вызвала не осуждение, а улыбки восхищения. Очевидно, девять из десяти колонистов воспользовались бы такой возможностью.

Кати Бергман также не было рядом с Дарлином и Зориллой. Возмущенная обвинениями капитана, теперь она занимала место среди членов комитета колонистов. Фактически, она покинула "Титов" и жила теперь в Палаточном Городке.

Собственно говоря правление состояло из Лесли, Зориллы и патера Уильяма. Капитан Глюк со своими офицерами по-прежнему контролировали два голоса и сидели в стороне. Большинство членов команды, полиции и сил безопасности не занятые на дежурстве, сидели рядами с правой стороны.

Перед ними стояли, сидели на корточках или принесенных стульях колонисты и бывшие члены команды, отказавшиеся служить в жандармерии Тен Эйка. Их комитет уже разбух до дюжины человек. Однако, три доктора по-прежнему занимали лидирующее положение. Они сидели перед своими избирателями.

Как и раньше, патер Уильям открыл собрание. На этот раз он подробней остановился на необходимости сотрудничества, покорности тем, кого Пророчество поставило во главе, жертвенности для общего блага и в итоге зависимости всего сущего от молитв, возносимых богу в Объединенном Храме.

Энгер Кастиюта заметил двух новообращенных монахов в коричневых одеяниях, стоявших рядом с патером Уильямом. Он уже слышал, что на окраине городка строился каменный храм. Невольно он думал о том, как последние события могут повлиять на его сооружение.

Капитан с нетерпением ожидал, когда монах закончит речь. Он резко встал, как только духовник закончил речь. Послышались жидкие аплодисменты. То ли от недостатка понимания, то ли от страха перед капитаном — Энгер не понял. Его серые глаза горели.

— За всю историю освоения этой части галактики, — привнул он, — не было обнаружено признаков разумной жизни. Ее появление здесь осложняет наше положение.

Доктор Хьюго Милтиадес молча встал со стула.

— Разрешите поправить вас, капитан Глюк. Это осложняет ваше положение. Ваше и компании Новая Аризона. На колонистов это повлияет несколько по-иному.

Капитан резко сказал:

— Пожалуйста, объясните это, доктор!

— Земные законы подробно оговаривают возможность существования разумной жизни в других мирах. Суть этих законов в том, что при обнаружении цивилизации необходимо воздерживаться от каких-либо контактов с ней до прибытия специалистов с Земли. Все исследователи и колонисты должны быть ограничены в передвижениях, по крайней мере, до заключения договоров с этими формами жизни.

Капитан чуть не испустил дух. Мышцы лица задергались, пока он, наконец, не нашел слов.

— Однако, доктор, компания не может руководствоваться этими законами в силу того, что у нас нет возможности связаться с Землей. И радиостанция, и спасательные корабли были саботированы. Так как мы подверглись нападению, мы должны защищаться.

Его холодные глаза покинули члена комитета и устремились на членов правления.

— Эта экспедиция не намеревалась проводить военные операции. Ввиду нехватки места, взят минимум вооружений. Тем не менее это означает порядка сотни единиц огнестрельного оружия различных типов и боеприпасы к

ним. Волонтерам гарантируется освобождение от контракта с компанией и премии по окончании чрезвычайного положения.

Маленький Самюэльсон, бывший член экипажа, теперь сидел в рядах колонистов. Он вскочил и враждебно крикнул:

— Откуда средства для премий, шкипер? По всей вероятности компания стала банкротом. Почему вы не хотите признать этого? Вся тяжесть борьбы ляжет на наши плечи. Ваши люди ни в коей мере не смогут противостоять опасности. Дайте нам оружие и необходимое снаряжение. Мы возьмемся за работу и сделаем больше оружия. Мы сумеем отбиться от этих обезьян до подхода подкреплений.

Капитан огрызнулся:

— Довольно, Самюэльсон! Еще одно слово, и вас посадят в карцер на хлеб и воду.

— Я бы съел немного хлебца, — пронзительно крикнул Самюэльсон. — У нас заканчивается мука. Чем вы будете кормить нас, если охотники и рыболовы перестанутходить в лес?

Бен Тен Эйк поднялся, положив руку на бластер.

Самюэльсон скрылся в толпе.

Капитан снова окинул взглядом собравшихся.

— Волонтеры должны немедленно связаться с мистером Тен Эйком.

Зорилла взгромоздился на ноги.

— Несмотря на то, что имеется сто единиц оружия, я предлагаю вооружить остальных копьями и, возможно, какими-то ножами. В конце концов, судя по словам Вебстера, мы имеем дело с противником, находящимся на уровне животных.

Лесли Дарлин мягко заметил:

— Дикие звери не производят духовых пистолетов, старина Курро. Перед нами индейцы, и мы не можем позволить, чтобы наши ковбои были вооружены одними копьями.

Зорилла повернулся к нему.

— Предоставьте это дело воинам, Лесли. В нашей колонии имеется, по крайней мере, тысяча мужчин и женщин, способных нести оружие. Было бы хорошо, если бы

все они были вооружены автоматами, ружьями, ядерными бомбами и всякой всячиной, но мы приехали налегке. И нам придется сражаться тем, что у нас есть, и что мы сможем сделать.

Лесли сказал протяжно:

— Мой дорогой Курро, вы можете воевать, чем хотите и сколько угодно. Но вы ни за что не заманите меня в эти леса с пикой для свиней. Я останусь на "Титове" с некоторыми вооруженными людьми. Зорилла начал было возражать, но капитан остановил их полемику.

— Граждане, некоторые детали этого дела будут обсуждены на рабочем заседании.

Кати Бергман, сидевшая тихо, подала голос:

— Позаботьтесь о том, чтобы я была уведомлена о таких заседаниях, капитан Глюк.

Он с ненавистью посмотрел на нее.

Шеклтон, сидевший рядом с Энгером Кастириота, прорвичал:

— Что происходит? Не понимаю и половины того, что они говорят.

Энгер задумчиво сказал:

— Капитан — на краю пропасти. Из слов доктора Милтиадеса следует, что теперь, когда найдена разумная жизнь, компания должна покинуть планету. В общем-то, это устраивает колонистов. Из доклада Вебстера следует, что местная цивилизация примитивна и колония землян будет принята доброжелательно. Мы покажем им технику, дадим новые растения и животных. Первоначальные планы продажи всех ресурсов планеты провалились.

Один из сидящих впереди колонистов оглянулся и спросил:

— Я считал, что компания Новая Аризона была суворенной, так как выполнила все требования законов. А шкипер и правление имели неограниченную власть.

Энгер кивнул.

— Так бы оно и было. Но старик Хант, открывший планету, не сообщил, что она заселена. Это все меняет.

Тэд Шеклтон сказал:

— Думаешь, старый Хант знал и специально не сообщил об этом? Судя по другим делам, он мог...

Энгер задумчиво сказал:

— Не знаю. Прежде чем объявлять об открытии планеты, он должен был сделать ряд предварительных наблюдений и составить карту планеты. Я читал его отчеты. В них упоминается о наличии некоторых форм жизни, включая некоторые виды животных. Не представляю, как он мог не заметить признаков разумной жизни. Если у них есть духовые ружья и дротики, значит у них должен быть огонь. Как можно спрятать огонь?

Вместе с другими он встал на ноги. Собрание было сорвано. Энгер побрел в направлении атакованного флоатера.

Он охранялся, и зевак не подпускали близко к аппарату. Курро Зорилла, проводивший его осмотр с дежурной сигарой в зубах, кивнул подошедшему Энгеру. Этого было достаточно, чтобы охрана пропустила бывшего члена правительства. Зорилла прогремел, не вынимая сигары изо рта:

— Некоторые вещи просто не укладываются в голове. — Он вручил Энгеру очень короткий, похожий на стрелу, дротик. — Чтобы это могло быть?

Энгер Кастроита удивился непринужденности его обращения. Как будто ничего не изменилось в их отношениях. Разве что появилось больше уважения.

Энгер покосился на предмет. Дротик был тяжелым, очевидно с бронзовым наконечником и красивым оперением. Он сказал с уверенностью:

— Он не мог быть выпущен из духового пистолета. Мне показалось, что Вебстер говорил о духовых пистолетах.

Зорилла сказал громовым голосом:

— Мы расспрашивали о подробностях, когда доктор Милтиадес немного успокоил его. Очевидно, они приземлились на маленькой полянке всего в сорока милях на север. Они хотели подойти к ближайшему утесу. Туда, где по показаниям приборов Фодора были богатые залежи железной руды. Едва они приблизились к краю полянки, как были атакованы когами.

— Кем атакованы?

Зорилла заворчал. Его глаза продолжали обследовать корабль, даже когда он говорил. Он воткнул один из своих толстых пальцев в дыру, пробитую в борту.

— Не знаю, кто придумал эту кличку, но она уже ходит вокруг.

— Уничтожайте врага с помощью презрительных кличек, — продолжал Энгер.

Зорилла посмотрел на него.

Энгер продолжал:

— Так повелось с давних времен. Греки имели привычку называть всех людей негреческого происхождения варварами, включая представителей развитых цивилизаций.

Энгер Кастиюта был удивлен тем, что Зорилла имел представление о древних греках, но дискутировать на эту тему было неловко.

Зорилла грохотал, оглядывая аппарат со всех сторон:

— Фодор был ранен первым. Дротиком в шею. Вначале они подумали, что это было какое-то насекомое или щепка какого-то растения из семейства бамбуковых. Их нерешительность почти что погубила их. К тому времени, когда они поняли, что на них напали... коги с воинственными криками бросились на них.

— Воинственными криками?

— Так их назвал Вебстер, — ответил Зорилла. — Очевидно, у них было что-то наподобие ножей, духовые трубы и то, что мы называем тотемами или штандартами.

— Штандартами! — Энгер нахмурился.

Зорилла сказал:

— Все это со слов Вебстера. Другие не успели ничего сказать перед смертью. Он сказал, что на некоторых были металлические эмблемы, похожие на свастику. Но в основном они несли оружие.

Молодой человек разглядывал дротик.

— Слишком мал для обычного лука, — сказал он. — И слишком тяжел и короток для метания. Что бы это означало, Зорилла?

Смуглый латиноамериканец посмотрел на него.

— Это арбалет. Вебстер мог назвать их обезьянами, но они уже достигли довольно высокого уровня развития техники.

Зорилла посмотрел в ту сторону, где лес подходил ближе всего к Палаточному Городку.

— Всего в сорока милях на север, — прорычал он. — Нам придется выслать одноместные вездеходы и убедить всех отшельников вернуться в лагерь.

— Отшельников? — спросил Энгер.

Зорилла проворчал с горьким юмором:

— Для некоторых и в Палаточном Городке будущее как в тумане. Слэнг быстро распространяется в колонии. Отшельниками назвали тех колонистов, которые сбежали в леса со своими женами и детьми и живут сами по себе. Некоторые покинули городок уже через неделю после приземления “Титова”. С тех пор не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не покинул городок. Иногда две или три семьи объединялись в группы. Большинство из них попытались продать свои пожитки для покупки пистолетов, инструментов, рыболовных снастей и сельскохозяйственных запасов таких, как семена.

— Но у них контракт, — сказал Энгер.

На бесстрастном лице Зориллы обозначилась едва уловимая улыбка.

— А как вы думаете удержать их? Это один из проколов Мэтью Ханта. Допустим, Тен Эйк со своими боевиками отправится за ними. Если их словят, то что с ними делать? Расстрелять, вызвав открытый бунт остальных колонистов? Посадить в тюрьму, когда она будет построена? В тюрьме надо будет их кормить, а у нас и так запасы на исходе. А так они сами добывают себе пропитание.

Энгер медленно сказал:

— Теперь я вспоминаю один разговор в баре прошлой ночью. Какой-то колонист приобрел автоплуг и хотел продать его за бластер и другое оборудование, чтобы стать... отшельником.

— Автоплуг! — взорвался Зорилла. — Я думал его не было на борту. Где вы слыхали такое, Кастроита? Он с отвращением выплюнул свою сигару.

Энгер осуждающе засмеялся.

— Это все, что я знаю. Очевидно, он не нашел покупателя.

— Во имя дзен, эту колонию расташат, прежде чем мы успеем опомниться, — прорычал грузный латиноамериканец.

Несмотря на полеты одноместных флоатеров, покрывших расстояния в сотни квадратных миль, вернулась лишь часть отшельников. Часть решила, что история о когах — плод фантазии для их возвращения под юрисдикцию компании. Были и такие, которые недооценивали опасностьaborигенов, если их можно было так назвать, особенно те, у кого было огнестрельное оружие. Но другие, живущие мелкими общинами, оплакивали свои новые дома, бросали посевенный урожай и покидали плоды своих тяжких трудов. Были и такие, которые ограждали свои дома маскировкой в надежде на то, что коги не заметят их или же испугаются превосходства колонистов.

Но некоторые все же возвращались и, понурав головы, занимали свои брошенные жилища в Палаточном Городке.

Через неделю после первой атаки на флоатер Фодора начали возвращаться одиночки с рассказами о нападениях когов на отдельных отшельников.

Это была неделя серьезных перемен в Палаточном Городке. Как это ни странно, но угрожающая опасность скорей усилила недостатки города, чем укрепила его. Люди, которые и раньше были бесполезны в общественном труде, теперь притворялись больными, не особенно заботясь о диагнозе. Танцевальный зал с баром, удививший Энгера своим появлением в такой срок, был подкреплен полдюжины новых, разных размеров и обслуживания.

Как-то в конце недели Энгер Кастриста был приглашен в комитет колонистов. Он заседал в актовом зале, построенным из досок, полученных в первой лесопилке и сушильной печи. Техническое оснащение было получено, благодаря усилиям Джейфа Фергюсона. Он теперь работал в новой механической мастерской с несколькими предприимчивыми жителями Палаточного Городка, имевшими подобный опыт.

Присутствовали три доктора и Кати Бергман. Последняя выглядела совсем не той холеной леди, какой она была во время путешествия. Скорее она выглядела уставшей колонисткой, выполняющей работу других неравивых людей.

Там также присутствовали восемь других колонистов: четверо мужчин и четверо женщин. Энгер не знал из каких подразделений их выбрали, но они, кажется, представ-

ляли основные области деятельности колонии. Тед Шеклтон, очевидно, выступал в качестве интенданта.

Он не представлял, зачем его вызвала эта комиссия, фактически не имевшая реальной власти в Новой Аризоне и не признанной компанией. Насколько он понимал, это была комиссия, имевшая голос, но лишенная полномочий решить даже пустяковый вопрос.

Хуго Милтиадес, чей преклонный возраст вызывал уважение, был спикером. Как и у других, у него был уставший голос. Те, кто выполнял ежедневную работу по поддержанию жизнеспособности городка, взяли на себя обязанности своих товарищев, поневоле ставших паразитами. Другого выхода не было. Эту работу кому-то надо было делать, иначе все пошло бы прахом.

Милтиадес сказал:

— Обойдемся без вступлений. Гражданин Кастиоута, мы бы хотели, чтобы вы заняли пост городского полицейского. У вас будет два ассистента.

Энгер, явно удивленный предложением, ответил:

— Полицейским! А как же Тен Эйк и его люди? У него по крайней мере сотня вооруженных полицейских.

Кто-то презрительно фыркнул, а Милтиадес покачал головой.

— Полиция полиции рознь, гражданин. Находясь под командованием бывшего главного офицера “Титова”, она является инструментом компании Новая Аризона и заинтересована в сохранении прерогатив этой организации.

Ответ Энгера был на его взгляд справедлив:

— Они также защищают нас от котов.

Кати возразила:

— Не кажется ли вам, что они не могут защитить себя, не защитив заодно и нас? Компания доставила сюда две тысячи колонистов не от большой любви к ним, а по необходимости. Если бы она могла избавиться от нас, то сделала бы это.

Милтиадес сказал:

— Давайте подведем итоги. Люди Тен Эйка не защищают палаточный городок. На прошлой неделе у нас было четыре убийства, различные кражи, несколько случаев драк с телесными повреждениями. Нам нужна полиция. У

вас нет контракта с компанией, и, следовательно, вы не обязаны участвовать в трудовой повинности.

Один из членов комитета ухмыльнулся без тени юмора:

— Даже если бы вы были пойманы карательным отрядом.

Доктор продолжал.

— Ваши физические способности стали всем известны. Мы считаем, что никто лучше вас не справится с этой задачей.

Энгер колебался. Он знал о ночных драках, поножовщине и стрельбе в процветающих барах городка.

Кати тихо сказала:

— Кому-то это надо делать. Это работа, достойная мужчины.

Он размышлял вслух:

— Надеюсь, моим людям и мне будет выдано огнестрельное оружие?

Милтиадес покачал головой.

— Компания издала приказ об изъятии такого оружия, за исключением того, что находится у людей Тен Эйка. С введением чрезвычайного положения хранение такого оружия запрещено.

Тед Шеклтон сказал ему, ухмыляясь:

— Такому гусю, как ты, не нужен пистолет, Энгер. Похлопаешь их по ушам и все дела.

Энгер Кастириота что-то проворчал и посмотрел на Кати. Она наблюдала за ним. Ее губы были слегка раскрыты.

— Ладно, — сказал он. — Согласен. И затем добавил нечто ничего не значащее для всех, кроме девушки. — Это единственное, в чем я разбираюсь. Я обязан отдать свой долг.

Он понимал, какую ношу взвалил на себя. С возникновением опасности нападения на городок преступные элементы подняли головы. Приостановились работы по нескольким серьезным проектам. Если раньше чувствовалось хоть какое-то руководство со стороны офицеров "Титова" и членов правления, то теперь все это прекратилось. Палаточный Город и его обитатели были предоставлены сами себе. Никто из членов правления не появлялся в колонии,

за исключением Курро Зориллы, кровно заинтересованного в развитии сельского хозяйства.

Каждый был занят лишь собой, а правда всегда оказывалась на стороне сильного. Запасы продовольствия были на исходе. Встал вопрос о введении рационирования продуктов питания. Колония в большей степени стала зависеть от охотников и рыболовов, ежедневно уходивших в поисках добычи.

В этом Самюэльсон ошибся. Угроза нападения котов не помешала снабжению городка мясом и рыбой. Наоборот, она даже стимулировала их усилия.

Охота стала выгодным бизнесом. Поставка мяса перестала быть общественной нагрузкой. Подвергая себя опасности, уходящие в лес заботились теперь о личной выгоде. Добычу можно было обменять на другие деликатесы, одежду, инструменты, ликер и... женщин легкого поведения, слоняющихся возле танцевальных залов.

Многие из вернувшихся отшельников стали охотниками, имея преимущество перед другими в знании окрестных лесов. Энгер знал, что среди них были неуправляемые верзилы, с которыми ему придется сражаться.

Первая ночь должна была стать решающей. Либо ему удастся завоевать уважение и авторитет, либо придется распрощаться с идеей городской полиции. Здесь появились преступники, чьи далеко идущие планы не принимали во внимание никакой полиции. Это были парни вроде тех, что обнаружили в округе сорняки, в сухом виде напоминавшие "Каннабис" больше, чем табак. Их прибыли уже были астрономическими. В качестве валюты использовалось обменное имущество, циркулировавшее в городе.

Оба его помощника, братья, были дюжими молодцами в расцвете своих двадцати лет. Они были ошеломлены тем, что Энгер отверг их идею о патрулировании города втроем, хотя бы в первую ночь, держась вместе до конца.

Энгер покачал головой.

— Мы попросим комитет выделить нам маленький тент под тюрьму. Вы вдвоем, Джимми и Эд, будете охранять ее. Я буду патрулировать город один. Эти парни хотят доказать, что я — трус. Мы лишь отсрочим их попытки, если не позволим им испытать меня сегодня же.

Он вооружился дубинкой длиною в три фута, высеченной из железного дерева. Так его называли городские лесорубы за прочность, сравнимую с прочностью металла. Она была чуть толще его большого пальца. С одной стороны у нее был набалдашник. Она выглядела вполне безобидно, как стек для ходьбы.

Наиболее популярным ночным притоном городка оставался танцевальный зал, куда Фергюсон привел его в ту памятную ночь, когда толпа пыталась атаковать его. Теперь он назывался "Первый Шанс". Заведение возникло первым и имело преимущество перед конкурентами. Он выбрал его в качестве отправной точки.

Там было так же много народу, как и в его первый визит. Правда, произошли некоторые изменения. Бар, например, стал намного изящней. Появился и ассортимент напитков. Оркестр стал меньше и состоял всего из четырех человек. Энгер подозревал, что конкуренты переманили остальных музыкантов в другие заведения.

Кажется была и новая система оплаты. В конце бара была будка, в которой сидел один из владельцев и выдавал кредитные листки на предметы, участвующие в бартерной сделке. Листки выдавались на сумму от одной до десяти рюмок. Очевидно стоимость всех напитков была одинаковой: один листок. Бармен выдавал листки в качестве сдачи, когда предложенная для бартера вещь стоила больше одной рюмки.

Энгер проворчал что-то от изумления: первые деньги появились благодаря алкоголю. Бартерная будка была переполнена разнообразными предметами, принесенными в обмен на спиртное. Различные инструменты, консервы, фотоаппарат, какие-то книги, картина, написанная уже на Новой Аризоне, кульки, очевидно со свежим мясом, по-крайней мере двадцать пустых бутылок и так далее. Мало что выбрасывалось на Новой Аризоне. Все имело цену, даже пустые консервные банки. И рано или поздно, все это должно было пройти через бартерную будку "Первого Шанса".

Энгер Кастириота не имел намерения закладывать что-либо из своего скучного имущества, ради нескольких глотков гадости, проходившей здесь как ликер. Да в этом и не было необходимости.

Когда он вошел в шумный зал, там воцарилась тишина. Уже пролетел слушок о городской полиции, состоявшей из трех человек.

Пока Энгер оглядывался по сторонам, возбуждая озабоченность посетителей, зал наполнился приглушенным журжжанием голосов.

Кто-то сзади выкрикнул что-то предназначавшееся ему. Другие нервно захихикали в поддержку этого выпада. Танцы не прекращались, а крики, смех и болтовня вскоре достигли прежнего уровня.

Слегка размахивая дубинкой, он двинулся в сторону бара.

Он не заметил Лесли Дарлина, пока тот не крикнул ему сардонически:

— Привет, шериф! Поймал уже кого-нибудь?

Энгер подошел к нему. Было желание улыбнуться и ответить в том же духе, но это был его первый выход на публику. Он не мог ронять свое достоинство. При его приближении какой-то колонист, грязный и оборванный, с ворчанием отошел в сторону, освобождая место у стойки.

Лесли, одетый не так шикарно как обычно, стоял, беззаботно облокотившись на стойку и потягивал из элегантного стакана, очевидно принесенного с собой.

Энгер Кастиота сказал:

— Вам придется быть начеку, гражданин Дарлин. Прошлой ночью меня пыталась затереть толпа, думая, что я — член правления.

Лесли насмешливо улыбнулся ему.

— Наверное, у нас разный подход, дорогой Энгер. Во-первых, периодически я угощаю всю компанию. А во-вторых, — он похлопал по кобуре, висевшей сбоку, — у меня есть последний аргумент для любого спора. У меня есть пистолет, а у них нет. — И в-третьих, они понимают, что если кто-то тронет меня, то именно он и пострадает. Если же я по какой-либо причине, причиню кому-либо вред, то высший суд на Новой Аризоне у меня в кармане. Я член правления, которое управляет планетой.

Он достал из кармана бартерный листок.

— Выпьешь, шериф? Чего хочешь?

Энгер пожал плечами.

— Немного ягодного ликера, пожалуй. В твоих рассуждениях одна ошибка, Лесли. Теперь, когда найдена разумная жизнь на планете, Мэтью Хант и его компания больше не владеют Новой Аризоной и по законам Земли не могут управлять ею.

Лесли ухмыльнулся.

— Дорогой мой Энгер, ты недооцениваешь нашего дьявольски умного капитана. У тебя слишком интеллигентный подход к этому вопросу. Капитан, пользуясь отсутствием специалистов по этому вопросу, взял на себя решение вопроса об интеллекте когов. Они — хищные звери, от которых необходимо защитить компанию.

Это был неожиданный поворот, и Энгер Кастириота нахмурился, обдумывая возможные последствия. Подошел бармен со стаканом и отодвинул предложенный ему кредитный листок.

— Закон гостеприимства, гражданин Кастириота, — засиял он в улыбке. — Меня зовут Лефти. Я один из трех совладельцев. Вам всегда здесь будут рады, гражданин.

Энгер покачал головой.

— Благодарю вас, Лефти. Никаких льгот. Он улыбнулся, чтобы загладить остроту своих слов. — Это поставит меня в неловкое положение, когда я замечу что-то незаконное в вашем бизнесе.

Лефти, уязвленный его словами, сказал:

— Во имя дзен, мы бы не хотели ссориться с уполномоченным комитета. Все, что нам нужно — это получить хорошую прибыль.

Энгер сочувственно кивнул ему.

— Тогда мне придется принять какие-то меры против курения травки в помещении, Лефти. Этот запах здесь повсюду. Доктор Милтиадес и комитет не одобряют этого. Они собираются издать что-то вроде декрета на этот счет, как только у них дойдут руки.

Лесли снова подвинул кредитный листок к Лефти.

— Очень разумная позиция, — сказал он протяжно. — Никаких угощений, никаких обязательств. Но так вы никогда не разбогатеете, шериф.

Бармен налил красноватый напиток и не спеша отошел, недоумевая, что ему делать с наркотиками. Энгер не знал.

Новоиспеченный полицейский сказал:

— Сейчас разбогатеть на Новой Аризоне не проблема. Труднее оставаться в живых.

— Одно не исключает другое, — сказал Лесли, надувая губы. — Я прибыл сюда, чтобы сделать состояние, старина Энгер. Как, наверное, и все пассажиры “Титова”. Он искося посмотрел на своего молодого компаньона. Разве что за исключением тебя. Не могу понять, зачем ты прилетел сюда. У тебя нет амбиций. И ты вовсе не похож на предпринимателя. Настоящий старомодный марксист.

— Что такое марксист? — спросил Энгер.

— Разве ты никогда не слышал о человеке по имени Карл Маркс?

— Нет.

— Одно время полмира считало его величайшим гением человечества. Другая же часть считала его величайшим злодеем.

— И кто же оказался прав?

— Никто, конечно, — мудрствовал Лесли. — Он был политэкономом девятнадцатого века, занимавшимся анализом социально-экономической системы. Он пришел к выводу, что она может процветать, пока у нее есть возможность расширяться. Ему не везло. В 1848 году он написал свою брошюру “Манифест коммунистической партии”, предсказывавшую крах системы. Однако, в следующем году в Калифорнии было найдено золото, давшее толчок развитию мировой экономики. Тогда он пересмотрел свои взгляды, но по-прежнему считал, что крах уже не за горами и произойдет, как только капитализм утратит возможность расширяться. Но и на этот раз все затянулось. Грязнула первая мировая война, и пол-Европы было разнесено в щепки. Понадобилось двадцать лет, чтобы залечить раны, и вот начинается вторая мировая война, мобилизовавшая все производительные силы. После ее завершения началась большая гонка вооружений между теми, кто не считался ни со стариком, ни с его критиками. Это также способствовало развитию производства. Когда дальнейшее расширение социально-экономической системы стало невозможным, мы вырвались в космос. Теперь у нас больше пространства для расширения, чем когда-либо.

Лесли горько усмехнулся.

— Значит, предсказания Маркса о том, что наступит день, когда капитализм не сможет расширяться и начнет атрофироваться, не сбылись. Свободное предпринимательство по-прежнему идет полным ходом. По-крайней мере, на Земле и Соединенных Планетах. Есть лишь несколько исключений.

Род скептически посмотрел на него:

— А был ли на самом деле человек по имени Маркс?

Лесли пожал плечами:

— Не знаю. Когда-то я читал заметку о нем. Если и был, то его учение затерялось во времени. Его переводы и искажения начались задолго до того, как он сошел в могилу. У меня есть мнение, что так называемые последователи религиозных и социально-экономических лидеров исказывают учения своих пророков в большей степени, чем их враги. Хотел бы я узнать, чему действительно учил Будда или Иисус, прежде чем сотни враждующих сект присвоили право на распространение их учений.

Новоиспеченный полицейский снова окинул взглядом зал. За исключением курения, ничего больше не требовало его вмешательства. Теперь он мог посетить и другие заведения.

Он поспешил с выводами. Не успел он допить свою рюмку, поблагодарить Лесли Дарлина и пожелать ему приятного вечера, как перед ними возник какой-то бородач. Одежда его была ободрана. Очевидно, он не потрудился переодеться после охоты. Покачиваясь, он шел к ним с самокруткой в левой руке.

— Ох, ох, — сказал мягко Лесли. К удивлению Энгера, опрятный гедонист не сделал движения убраться отсюда.

Кем бы он ни был: отшельником, охотником или кем-то еще, на его поясе болтался бластер. Пока что он не трогал его.

Энгер Кастроита поудобней сжал дубинку. Почти незаметно. Он почувствовал, как вспотела его ладонь.

Все находящиеся в зале притихли, даже шумный оркестр умолк, остановив танцующих.

Они молча смотрели друг на друга. Энгер левой рукой облокотился на стойку. Правая рука небрежно сжимала палку, похожую на трость. Это была безобидная на первый

взгляд палка. Ему вдруг пришло в голову, что из всех боевых искусств, которые он изучал в юности, бой с дубинкой казался ему самым бесполезным. Но его дядя по материнской линии настаивал, так как это было его хобби. Дядя Иосиф много рассказывал о британской коннице и своей дубинке, о монахах-буддистах, носивших такое же оружие в своих странствиях в Азии, о заградительных отрядах полиции двадцатого века, не обходившихся без них.

Его глаза бегали из стороны в сторону, окидывая взглядом стоявших рядом соседей. Его рот жевал. Как понимал Энгер, он готовился к рывку. Какие у него были мотивы? Кто знает? Под влиянием травки и выпитого спиртного мотивы были не нужны.

Лесли сказал лениво:

— Шериф, скажи этому скоту, что ему лучше унести ноги, пока...

Охотник пригнулся, и его рука потянулась к поясу...

Энгер двинулся навстречу. Его правая нога была полусогнута, а правая рука, сжимающая палку, была вытянута вперед. Он был похож на фехтовальщика. Он не пытался выбить у него пистолет или ударить его по запястью или руке. Вместо этого он наугад ударил его по кисти.

Теперь Энгер двигался быстро, не обращая внимания на то, был ли его соперник разоружен. Охотник был как минимум на пятьдесят фунтов тяжелее, хотя не казался жирным. Неподвижность на "Титове" и даже здесь, в палаточном городке, сильно ослабила Энгера Кастиюта. Следующие доли секунды должны были стать решающими.

Левой ногой он сделал шаг вперед, несмотря на то, что охотник наклонился вперед, чтобы поднять пистолет. Из-за спины он услышал голос Лесли, взволнованный на этот раз, но не разобрал слов из-за рева толпы, ожидавшей действия.

Он шагнул вперед правой ногой, быстро схватил охотника за правое плечо и дернул его влево на себя. Размахнувшись дубинкой, он изо всех сил ударил его по большой мышце икры.

Он услышал рев охотника и внутренне содрогнулся от его агонии. Дядя Иосиф редко ошибался в своих наставлениях. Энгер знал, что такой удар немедленно приводит к сокрушающей судороге.

Он быстро отступил назад, чтобы оценить обстановку. Его противник был повержен, но в толпе у него могли быть друзья. Кроме того, он не видел, куда упал пистолет.

Он обнаружил его в нескольких футах от лежащего охотника и подобрал. Алчность могла заставить его засткнуть пистолет за пояс. Это была самая дорогая вещь на Новой Аризоне. Она успешно участвовала в бартерных сделках, несмотря на запреты Тен Эйка.

Но благородное диктовало совсем иное. Он щелкнул затвором, вынул патроны и, вставив пустой магазин на место, швырнул оружие побежденному.

Он повернулся к стойке и сказал, пытаясь сохранить спокойный голос:

— Я выпью эту рюмку, Лефти!

Лефти засуетился.

— Да, сэр, шериф...

Маленький бармен подхватил насмешливое прозвище, данное Энгеру Лесли Дарлином.

Пока готовилась рюмка, Лесли мягко сказал:

— Не будет ли у тебя неприятностей с нашим Беном, если ты не конфискуешь у него оружие?

Энгер тихо сказал:

— Если Бен Тен Эйк хочет конфисковать бластеры, это его заботы. Моя задача обеспечить порядок в Палаточном Городе. Этому человеку очевидно нужен бластер для охоты, а хорошие охотники нам нужны, видит дзен.

— Да будет так, шериф, — сказал ему Лефти. — Этот Барни — один из лучших охотников. Плохо только, что он любит баловаться травкой.

Энгер допил рюмку и тихо сказал:

— Он не сможет ходить насколько часов. Пусть его друзья отнесут его домой. Утром он будет в порядке.

Он повернулся и, готовясь уходить, сказал стонущему охотнику:

— Барни, чтоб я больше не видел, что ты куришь травку, понятно?

Лесли сказал:

— Если ты не возражаешь, шериф, я пойду с тобой. Как видно, сегодня ночью все события будут разворачиваться вокруг тебя.

— Не называй меня шерифом, — проворчал Энгер в ответ. У него появились первые последствия инцидента. Он не хотел, чтобы Лефти и его покупатели заметили, как у него дрожат руки. Иначе он бы показал свое волнение, испытанное во время схватки.

ГЛАВА X

С тем же успехом он мог добровольно принять кличку, которой наградил его Лесли Дарлин, потому что она прислала мгновенно. В Палаточном Городе мало было таких, кто не смотрел историческую романтику, в том числе и вестерны, по Тг-Д. Должность исчезла много лет назад, но термин “шериф” остался в языке, и Энгер Кастириота ничего не мог поделать — ему оставалось только принять звание и с честью нести его. Если бы у них нашлась звезда шерифа, они бы, возможно, настаивали, чтобы он приколол ее к куртке.

Вечер прошел гораздо легче, чем он предполагал. Может быть, его успех в самом начале задал тон. Его успех и тот образ действий, которого он с самого начала стал придерживаться.

Ему очень повезло, что он не стал забирать оружие у охотника Барни. Это, как ничто другое, послужило свидетельством того, что он на стороне колонистов, обитателей Палаточного Города, а не орудие Компании. Каждый блестер, сохранившийся у колонистов, стоил больше, чем его собственный вес в самых дорогих драгоценностях. Не только в качестве средства защиты, но и как средство поддержания жизни. Уже начали ходить слухи, что члены правительства и экипаж ограничивают запасы продовольствия для Палаточного Города как качественно, так и количественно. Те, кто базировались на “Титове” или рядом, по-прежнему питались нормально. Палаточный Город получал строго ограниченные рационы, и без помощи охотников, рыбаков и собирателей лесных фруктов и ягод оказался бы в отчаянном положении.

Необходим был каждый ствол оружия, и так называемый шериф заработал множество очков в свою пользу, ос-

тавив Барни его оружие, несмотря на то, что охотник напал на него.

Как видно, слухи опережали Энгера Кастиюта в его обходе баров, танцзалов и игорных палаток, потому что, когда Энгер и Лесли заходили по очереди в каждое следующее заведение, они встречали теплый прием. Только один раз Энгеру снова пришлось применять силу, чтобы защититься и укрепить свое положение.

Пьяный, который уже собирался было покидать заведение, решил сцепиться с новой полицейской властью. Энгер подумал, не отвести ли этого типа в импровизированную тюрьму, которую охраняли его помощники, Джимми и Эд Браннер. Но затем решил, что этого делать не стоит. В его пользу будет зачтено, если он сумеет в эту первую ночь своей новой службы обойтись без единого ареста. Это, по крайней мере, скажет о том, что он не какой-нибудь додривавшийся до власти тупица, который упивается иллюзией собственного величия по поводу нового назначения.

Он нашел компромисс, больно ткнув пьяного дубинкой в живот, так что тот согнулся пополам, лицо его позеленело, и ему быстренько потребовалась помощь приятеля, чтобы выбраться из бара и опорожнить свой взбунтовавшийся желудок тут же, на задворках бара.

В этом заведении ему тоже предложили выпить за счет владельца.

— Пей или не пей, как хочешь, — уныло произнес Лесли. — На твой страх и риск.

Лесли Дарлин явно был крупным знатоком ночной жизни Палаточного Города.

Энгер из чистого любопытства сделал большой глоток. Мгновение он колебался, раздумывая, позволительно ли с точки зрения вежливости выплюнуть это обратно. Все-таки он проглотил то, что у него было во рту, и укоризненно посмотрел на бармена. Бар, в котором они находились, был самый новый и маленький, без музыки и танцев. В отличие от других подобных мест, здесь не было женщин.

Энгер с отвращением глянул на свой стакан.

— Из чего, во имя дзен, вы это делаете? И зачем это пьют, если это вообще кто-нибудь пьет?

— Конечно, есть люди, которые продают все свои по-житки, чтобы расплатиться за то, что можно взять в "Пер-

вом Шансе", — сказал бармен в свое оправдание. — Но мое заведение — самое дешевое в городе.

Небольшая группа посетителей со смехом поддержала нового шерифа в его возражении по поводу качества выпивки.

— Из чего это делается? — повторил Энгер свой вопрос.

Бармен упрямо сжал рот.

— Вот каково оно на вкус, из того и делается, — сухо хихикнул Лесли Дарлин.

— Я знаю одну составную часть, — сказал один посетитель, — потому что он выменял ее у меня. Замороженный грейпфрутовый сок.

— И виноград, — сказал другой. — В общем, практически что угодно, лишь бы оно бродило.

— В истории этот напиток известен, — вмешался Лесли, — как сок джунглей. Гарантированно дает по мозгам, особенно наутро.

— И гарантированно использует припасы колонии, — холодно сказал Энгер.

— Ну, я пользуюсь только никому не нужными продуктами, — заюлил бармен. — Кто станет пить грейпфрутовый сок?

— Дети, — холодно ответил Энгер. — Дети, которым нужны витамины, а мы еще не нашли, где их взять на этой планете. Послушай-ка, меня назначили поддерживать порядок, а не цепляться к новому предпринимательству. И все-таки, советую тебе завтра подыскать что-нибудь другое, чтобы гнать из него этот сок джунглей. Что-нибудь из местных растений, из растений Новой Аризоны. Если ты этого не сделаешь, я уж поддержу до фига и больше порядка вокруг твоей палатки, понял?

— Больше ничего использовать, — упрямо сказал бармен.

— “Первый Шанс” додумался, как использовать местные ягоды, — сказал Энгер.

— Верно, ягоды. Но у меня никого нет на “Титове”, чтобы спер морозильную камеру, как этот тип Фергюсон.

— Можешь не рассказывать мне про свои проблемы, — твердо заявил Энгер. — У меня своих хватает.

Когда они покинули палатку, Лесли Дарлин посмотрел на него с удовольствием.

— Шериф, ты был рожден для этой работы. Ты просто скрывал от нас свой талант!

Энгер хмыкнул, повернулся к своему спутнику и посмотрел на него.

— Послушай, во всей этой колонии найдется кто-нибудь, кто отстаивает интересы нашего сообщества в целом, не считая Кати и врачей?

— А, не заблуждайся насчет врачей, — ответил Лесли, кривя рот. — Зачем, по-твоему, они прибыли на Новую Аризону? Вполне приличная колония, а они держат ее в руках до такой степени, которая и не снилась легендарным братьям Майо. К тому времени, как здесь появятся какие-нибудь другие врачи, — если они, конечно, появятся вообще, — Милтиадес, Кэлли и Фло Джеймс будут иметь такую монополию, что они станут принимать новоприбывших интернами в свои частные больницы.

Энгер хмуро посмотрел на Лесли. Они направлялись к палатке, где он оставил двух своих помощников.

— Что ты этим хочешь сказать, “если появятся вообще”? Конечно, прибудут еще врачи.

Тон Лесли Дарлина утратил некоторую часть своей велосности.

— Не будь простофилем, шериф. Шансы на то, что Новая Аризона спустя пять лет от настоящего момента будет чем-то иным, нежели необитаемой пустыней, крайне невелики. В первоначальные планы правления, очевидно, входила продажа нескольких концессий — достаточно, чтобы финансировать тщательное исследование оставшихся природных ресурсов планеты, которые могут быть использованы, — а затем продажа этих остальных выборочно. Такое тщательное исследование, надо полагать, потребует времени, а также большого числа инженеров и технического персонала. Но судя по тому, как развиваются события, шкипер настроен развязаться с этим всем побыстрее. Я думаю, что, как только он найдет способ связаться с Землей, он пустит с молотка всю планету одним махом. Полученная сумма будет жалкой частью ее действительной стоимости, но это все равно составит колоссальную прибыль для нас, членов правления.

— Колонисты этого не поддержат, — возразил Энгер. Лесли язвительно хихикнул.

— Ну и что они могут с этим поделать? Послать своего нового шерифа, чтобы он попортил нервы шкиперу? Задумайся о своем собственном положении, Энгер. Правление контролирует корабль и все припасы на Новой Аризоне; правление контролирует практически все оружие; и, кроме всего прочего, правлению подчиняется небольшая армия в сотню человек, состоящая из бывшей команды и всяких крутых ребят, набранных из самих же колонистов. Этой армии был обещан кусок пирога. Может, и небольшой кусок, но все равно он сделает каждого из них богаче, чем тот когда-либо мечтал. Ты тоже можешь присоединиться к этой шайке-лейке. Уверен, что Бен Тен Эйк найдет тебе работенку в чине офицера.

— У меня уже есть работа, — пробормотал Энгер Кастириота.

Лесли Дарлин рассмеялся.

— Тебе больше нравятся колонисты, а? Какой монетой она тебе платит?

— Ты о чем?

— Ну как же, о нашей темноволосой красотке, о Кати. Впрочем, я полагаю, что как джентльмен я должен оставить при себе сплетни, которые я слышал.

Энгер остановился, нахмурился и обернулся к Лесли.

— Да о чем ты говоришь?

Лесли лукаво хихикнул.

— Не будь таким застенчивым, мой дорогой Энгер. Всем известно, что вы иногда ночуете в одной палатке.

Не раздумывая, Энгер Кастириота размахнулся и чувствительно съездил спутнику по физиономии.

Набег произошел через несколько дней, и его ярость была такова, что он сметал все на своем пути.

Был полдень. Энгер Кастириота вышел на первое патрулирование в этот день. Кати Бергман, у которой выдалось несколько свободных часов, шагала рядом с ним.

Большая часть его обязанностей приходилась наочные часы, но он вместе с братьями Браннер старались показываться на глаза и днем тоже. Количество мелких краж и, несомненно, более серьезных грабежей, резко уменьшилось. До того, как они получили назначения в качестве

полицейских, преступлений было так много, что единственным законом был закон джунглей. Сильные отбирали у слабых, что хотели, и не было никого, кто сказал бы "нет".

С установлением на Новой Аризоне настоящего правопорядка приходилось подождать, пока не появятся такие институции, как суд и судьи, а также тюрьма, стены которой будут несколько прочнее, чем стены полотняной палатки. Тем временем Энгер и его помощники импровизировали. Поскольку тюремное заключение в таких условиях было бессмысленным, наказание приняло форму немедленной физической расправы. Это выбило почву из-под ног обычных мелких преступников, поскольку здешний преступный мир не был организованным. Энгер, Джимми и Эд работали поодиночке или вместе и разбирались с преступниками на месте при помощи силовых методов. Если их превосходили числом, они призывали на помощь ближайших колонистов.

Такой порядок, как быстро понял Энгер Кастро, немногим отличался от суда Линча. Вооруженные дубинками полицейские представляли собой судей, присяжных и карательные органы в одном лице. Это его беспокоило. Он успокаивал себя тем, что это передний край, фронт, на котором он всегда мечтал быть. При этом Энгер несколько кривил душой. Он говорил себе, что самая близкая к демократическому правительству организация здесь — это комитет, и комитет назначил его и братьев Браннеров поддерживать порядок.

А затем, глубоко внутри, рассудок подсказывал ему, что комитет не имеет реального веса нигде в Новой Аризоне. Что закон здесь воплощает в себе Компания Новая Аризона, а Компания ему никаких полномочий не давала. В тот момент, когда он разбивает своей дубинкой челюсть какому-нибудь несчастному пьяному драчуну, никакой реальной власти за ним не стоит.

Каждый раз, когда он искал оправданий своему положению, эти мысли по очереди проходили в его мозгу заданным порядком. Но при этом он продолжал выполнять свою работу, и если есть доля правды в высказывании, что цель оправдывает средства, то хотя бы одно оправдание у него было: мелкие кражи практически исчезли.

Кати показывала на то, что появилось нового. На этой стадии игры Палаточный Городок менял свое лицо чуть ли не ежедневно, невзирая на конфликты между колонистами и Компанией, и между людьми и здешними обезьянолюдьми. Даже его имя скоро нужно будет менять. Дерево постепенно заменяло ткань в качестве строительного материала, и даже камень начал появляться — Фодор перед смертью нашел доступные отложения пород известнякового типа. За пределами первоначального поселения стали расстиль несколько десятков домов, ферм, единоличных и общественных. С тех пор, как появилась опасность нападения, строительство замедлилось, но никак не прекратилось.

Кати показала на новую постройку, на которую Энгер Кастиота раньше не обращал внимания, и тихо рассмеялась.

— Джейф Фергюсон неисправим. Я иногда думаю, что половиной своего прогресса наша колония обязана его страсти к выпивке.

Энгер не мог не засмеяться в ответ.

— Что ты подразумеваешь на этот раз?

— Вот этот дом. Это будет ветряная мельница. Ты замечал, что здесь постоянно дует ветер с юга? Джейф намерен его использовать.

— Какое это имеет отношение к тому, что он любит выпить?

— Аккумуляторы, на которых работает морозильник, делающий его любимый напиток, почти исчерпались. Капитан не станет больше снабжать колонию энергией, поэтому наш гражданин Фергюсон налаживает генератор в городской мастерской. К счастью для нас, колонистов, Фергюсон — единственный стоящий инженер на борту, он один по-настоящему хорошо знает "Титов" и все оборудование корабля. Он может воспользоваться всем, и попросту тащит с корабля все, что ему нужно.

— Вроде бы третий инженер, Эд Мурано, неплохой человек, — сказал Энгер.

— Но он полностью связан с силами безопасности Бена Тен Эйка, — кивнула Кати. — Он совершенно не интересуется Палаточным Городом и здешними начинаниями.

Они остановились на краю городской территории и посмотрели на окружающие поля.

Энгер очень сильно ощущал ее близкое присутствие и полностью осознавал, что их никто не может услышать, тогда как во время прогулки по городу кто-нибудь мог подслушать их беседу.

Он откашлялся и начал говорить одно, но получилось совсем другое. У Энгера Кастироты не было большого опыта общения с женщинами.

— Что это там за деревянные дома? — спросил он и тут же понял, что знает ответ, и ей об этом известно, потому что они с ней только вчера обсуждали проект Курро Зориллы.

Она глянула на него, и левый уголок ее губ дрогнул.

— Так ведь это загоны для животных Курро. Одна из его свиноматок — если ее так можно назвать — сегодня утром опоросилась. Дзен! Привела шестнадцать штук. У настоящих свиней столько не бывает, да?

— Не знаю, — сказал Энгер. — Как его молочные козы?

Кати понимала, что он отчаянно пытается поддерживать разговор, и эта мысль, похоже, доставляла ей странное удовольствие.

— Эти маленькие животные, похожие на коз? Курро говорит, что понадобится немало поколений только для того, чтобы выяснить, будет ли вообще из этого толк. Он стоит за то, чтобы ввезти земных коров.

Энгер задумчиво произнес:

— Непохоже, чтобы он работал, исходя из того, что через пять лет Новая Аризона будет пустыней.

Кати посмотрела на него.

— Курро? Никогда. Курро прибыл сюда, чтобы основать семью и дом для последующих поколений.

Энгеру пришла на ум ужасная мысль, и голос его зазвучал глухо:

— Курро? — переспросил он. — Вы с ним вдруг задались большими друзьями.

— О, вовсе не вдруг, Энгер. У нас с самого начала были общие идеи. Он — единственный в правлении, кто практически все время голосует так же, как и я.

Энгер глотнул и постарался сохранить ровный тон, но слова получились резкими:

— И ты говоришь, что он ищет... ну, надо полагать, жену, если он намерен основать здесь семью.

Кати устремила взор в поля и мило улыбнулась.

— О нет, он не ищет жену. Собственно говоря, он ее уже нашел.

Она не стала продолжать. Энгер посмотрел на нее, пытаясь понять значение ее слов. Кати, сжалившись над ним, добавила безразличным тоном:

— Я буду подружкой невесты на их свадьбе, как только будет закончена постройка храма патера Уильяма.

Сбросив эту бомбу облегчения, она нахмурилась и произнесла:

— Что там происходит? Вон там, в лесу?

Энгеру пришлось перевести взгляд с нее туда, куда она указывала.

Из леса выбежали полдюжины мужчин. На расстоянии он не мог судить наверняка, но похоже было, что это охотники и лесные поселенцы. У двоих были бластеры, еще один нес лук и колчан со стрелами. Последнее время некоторые мужчины, у которых не было огнестрельного оружия, экспериментировали с луками, но до сих пор никто не добился больших успехов.

На бегу они время от времени оборачивались бросить взгляд назад. Затем, один остановился, повернулся, направил свой бластер, выстрелил в лес, развернулся обратно и продолжил бег.

Из леса появились еще трое. Двое несли третьего. Милий левее из-за деревьев выбежали еще два человека и, низко пригибаясь, бросились бежать в направлении Палаточного Города.

Энгер Кастиота развернулся лицом к городу, приложил рупором ладони ко рту и закричал что было сил:

— Набег! Набег! Коги!

Он повернулся к Кати.

— Беги к пожарной сирене на Административном Здании. Быстро! — бросил он. — Может статься, никто другой об этом не подумает. Нам следовало обдумать все это заранее, уже давно!

Из леса выбегали новые охотники. Некоторые из них явно отстреливались: останавливались, поворачивались, стреляли туда, откуда они бежали. Некоторые хромали, очевидно, они были ранены. Некоторые, как появившаяся

ранее троица, помогали другим. Среди них было несколько женщин, одна наполовину тащила за собой, наполовину несла ребенка лет шести. Один безоружный мужчина выбежал из-под прикрытия деревьев, пробежал двадцать-тридцать футов, споткнулся, упал лицом вниз и больше не двигался.

Энгер Кастиоута рванулся в сторону начиナющейся сражения.

— Куда ты? — крикнула ему вслед Кати.

— Не знаю, — крикнул он, не оборачиваясь. — Беги к сирене.

На бегу он сосчитал, что из леса в общей сложности выбрались всего двадцать охотников. Они продолжали быстро отступать, но оказавшись за пределами леса, они стали согласовывать свои действия, так что отступление стало более упорядоченным. Раненые и те, кто поддерживал раненых товарищем, продолжали двигаться к Палаточному Городу. Дюжина или около того оставшихся разделились пополам. Одна половина отбегала на сотню футов, поворачивалась, падала на землю и открывала огонь по лесу. Под прикрытием их огня вторая половина поднималась на ноги, отбегала, поворачивалась и в свою очередь открывала огонь.

На бегу Энгер краем глаза заметил, что за ним следуют другие. Дюжина ребят из службы безопасности Бена Тен Эйка бежали зигзагами. Другая группа, вооруженная орудиями фермеров — вилами, топорами, мотыгами и тому подобным, — выскочила из деревянных построек, которые служили загонами для животных и устремились к месту начиナющейся схватки. Энгер различил во главе их Курро Зориллу с чем-то вроде спортивного ружья в руках.

Энгер Кастиоута добежал до группы; двое мужчин несли третьего на руках.

— Что случилось? — потребовал ответа он.

Раненый был охотником, которого знали под именем Барни. Это был тот чернобородый тип, у которого Энгер не стал отбирать бластер в ту ночь, когда охотник сцепился с ним в «Первом Шансе».

— Коги напали на нас, — ответил один из двоих других. — Их были сотни.

— Тысячи, — буркнул Барни, кривя лицо от боли. Из его ноги все еще торчала стрела. — Они сожгли все дома лесных поселенцев дальше двадцати миль от города. Пе-ребили всех до единого.

Энгер посмотрел в сторону леса. Еще четверо или пя-теро колонистов появились из-за деревьев. Они бежали, что есть сил, не пытаясь остановиться и отстреливаться. В этот миг показались первые коги. Бегущие, орущие низко-рослые фигуры, на которых было лишь жалкое подобие одежды. Они были вооружены преимущественно шестифу-товыми духовыми ружьями, но он различал также и арба-леты. Коги появились из леса несколькими группами, в каждой из них было примерно по сотне особей, и никакой дисциплины.

— Оставьте Барни здесь, — рявкнул Энгер. — Вы двое, вернитесь на линию огня. Дай мне твой бластер, Барни, и заряды, которые у тебя остались.

— Барни никому не отдаст свой бластер, — буркнул один из двоих. — Бластер на этой планете значит...

Другой в этот момент говорил:

— Мы несем Барни в больницу. Он спас мне жизнь.

Энгер рявкнул, перекрывая их протесты:

— Нужен каждый ствол оружия и каждый человек, способный стрелять. Оставьте Барни здесь. Скоро здесь будут невооруженные люди, они о нем позаботятся.

Барни выкрикнул, борясь с болью:

— Дайте ему бластер. Он его вернет. — Он скривился и пробормотал. — Он его уже возвращал однажды.

Энгер схватил ручной бластер и, не глядя, следуют ли за ним остальные, бросился к месту схватки. Он скользнул взглядом по ближайшему закрытому огневому сооружению в двух милях отсюда в сторону озера. Оно было далеко от места действия, и вдобавок до сих пор не достроено. Тем временем еще два-три сотенных отряда когов выскочили из леса напротив этого укрепления и направились к нему.

Значит, поддержки со стороны находящихся там людей Тен Эйка ждать нечего.

Энгер слышал позади топот лесных поселенцев, которые несли Барни. Они добрались до каменного колодца, выкопанного кем-то из фермеров Зориллы. Энгер остано-

вился, хотя они еще находились в полумиле от передней линии стычек, и сказал:

— Вы двое останетесь здесь. Окопайтесь.

— Но схватка идет вон там! — проворчал тот, который все время ввяzzывался в спор.

— Она будет здесь прежде, чем вы опомнитесь, — рявкнул Энгер, поворачиваясь бежать. — Вы устали. Восстановите дыхание, чтобы стрелять метко. Окопайтесь, и это будет опорная точка, когда схватка докатится сюда. У вас есть винтовки, и вы можете стрелять на большом расстоянии. Мой ручной бластер годен только для ближнего боя.

Снова, не дожидаясь, пока его приказ будет выполнен, он бросился бежать.

Из леса выбежали еще несколько отрядов, в каждом по сотне этих карикатурных подобий человека. Но отступление колонистов было не столь стремительным. В Палаточном Городе завыла сирена, и отряд полиции безопасности Тен Эйка быстро приближался справа, где они размещались поблизости от резиденций, строящихся для членов правления и офицеров с "Титова".

Звуки стрельбы и вопли котов теперь были явственно различимы. Обезьяноподобные существа, которые явно уважали огнестрельное оружие, хоть и не сильно боялись его, замедлили бег. Лучники вырвались вперед, так как могли стрелять с большего расстояния, чем их соплеменники с духовыми ружьями.

Когда Энгер подбежал ближе, он стал различать то, что Вебстер, пилот флоатера, в котором были убиты Фодор и Макдональд, назвал тотемами котов. Каждая группа несла по крайней мере один. Преимущественно это были знаки свастики или монад, вычеканенные с виду то ли на золоте, то ли на сильно полированной меди.

Позади передовых отрядов, недалеко от леса, четыре маленьких фигуры несли платформу, на которой возвышалось нечто вроде фаллического символа. При виде его на лице Энгера Кастиоты отразилось изумление. Он теперь бежал перебежками, петляя, как люди бегут, когда боятся, что в них попадет снаряд, чем бы этот снаряд ни был — ракетой, стрелой, пулей, шрапнелью. Энгер приблизился к оборванным колонистам и членам экипажа, рассыпавшим-

ся по полю. Они продолжали отступать, но начинали выстраиваться в более дисциплинированный порядок.

Он упал на землю рядом с Курро Зориллой, укрывшись за небольшим возвышением почвы. На лице латиноамериканца наконец-то что-то отражалось. Оно выражало ярость.

Зорилла быстро обернулся выяснить, кто рядом. Он узнал Энгера и заметил у него в руках бластер.

— Они топчут маис! — яростно проревел он.

Энгер испытал бы желание засмеяться, если бы в то же самое время не видел, как орды темнокожих когов захлестнули маленькую группу раненых колонистов, которые остановились в отчаянии, чтобы встретить врага лицом к лицу, так как раны не давали им идти дальше. Последовали взмахи ножей-мечей, похожих на мачете, вопли триумфа. Затем коги снова бросились вперед.

Зорилла бросил взгляд на бластер Энгера.

— Ты умеешь этим пользоваться?

— Да.

— Если нет, отдай кому-нибудь другому. Каждый ствол на счету.

— Я был чемпионом по стрельбе в университете, — сказал Энгер, не глядя на него. — Там был клуб, в котором было такое хобби — стрельба из всех видов оружия, которое использовал человек за всю свою историю.

Зорилла хмыкнул, словно бы презрительно, но произнес:

— Давай подберемся к ним поближе. Это мое спортивное ружье стреляет не дальше твоего ручного бластера. Парни с винтовками могут позволить себе держаться по-дальше.

Он вскочил на ноги и, петляя из стороны в сторону, как Кастириота несколько минут назад, бросился бегом туда, где кипела самая жаркая схватка. Энгер последовал за ним. У него перехватило горло. Они бежали туда, где было не меньше тысячи когов, а новые продолжали выныривать из леса.

Против аборигенов к этому времени было около сотни колонистов и членов команды, и еще бежали люди со стороны Палаточного Города — по одному, по двое, трое или

четверо. Не было никаких попыток дисциплины или согласованности действий, пока они не добегали до поля сражения. Даже тогда никто не отдавал приказов, учитывая общее положение. Командиров не было. Если не считать сравнительно хорошо организованных людей из службы безопасности, которые сражались под командой офицеров с "Титова", каждый дрался сам за себя.

И все же они инстинктивно согласовывали свои действия. Их линия обороны была совершенно прямой, и крики тренированных офицеров Космических Сил, чтобы они рассредоточились и не представляли собой скученной цели, встречали удивительно хорошее повиновение.

Когда Энгер и Зорилла пересекли линию обороны, чтобы пустить в ход свое оружие близкого радиуса действия, Энгер понял, почему колонисты и команды инстинктивно так хорошо сражаются. Должно быть, им было совершенно ясно, что они влипли. Положение критическое. Соотношение не в их пользу. Коги намного преисходили их числом, а земляне не захватили из родного мира ничего, кроме спортивного оружия. Им не выдержать жестокого боя.

Полдюжины современных боевых орудий, пусть даже из самых простых, и тренированные ветераны Космических Сил очистили бы поле битвы полностью. Но у них не было полдюжины современных боевых орудий, не было даже одного. Бластеры, которые у них были, предназначались для дичи размерами не больше оленя, и они не были скорострельными. Охотники не переводят ни добычу, ни заряды, стреляя из автоматического оружия.

Курро Зорилла внезапно сел и опер локти о колени, чтобы спортивное ружье не прыгало в руках. Энгер упал на землю рядом с ним, принял такое же положение и взял бластер двумя руками. Он никогда раньше не стрелял именно из такой разновидности бластера, но было вполне очевидно, как он действует. Энгер небрежно прицелился в группу врагов, которые держались близко друг к другу, и нажимал на курок, пока не опустела обойма.

Он забрал у раненого Барни две запасных обоймы. Теперь он выдернул из оружия пустую обойму, бросил на землю и защелкнул одну из свежих на ее место. Рядом с ним Зорилла перезаряжал свое спортивное ружье.

— Охота на птичек, — пожаловался он, не в силах этого вынести. — У меня на “Титове” лежит один из лучших боевых бластеров, которые когда-либо были сделаны, а я здесь с ружьем, которое вынул только вчера, собираясь поохотиться на местную разновидность чего-то вроде уток.

Завывающая толпа маленьких темнокожих когов была теперь на расстоянии пятидесяти футов. Воздух перед ними свистел от арбалетных стрел и шипел от дротиков, запускаемых из духовых ружей.

— Давай выбираться отсюда, — хрипло сказал Энгер.

Они вскочили на ноги и побежали назад, снова перебежками. Энгер почувствовал, как у него порвалась кожаная куртка, когда арбалетная стрела прошла в миллиметре от его плоти. Они отбежали на пятьдесят футов назад и снова бросились на землю. Мгновение они медлили открыть огонь, чтобы восстановить дыхание и позволить когам подобраться ближе.

Зорилла, не поворачивая головы, прорычал:

— Слушай, Кастириота, вряд ли кто-то из нас выберется отсюда живым. Я только хотел сказать, что неправильно оценил тебя на “Титове”. Я думал, что ты преступник, который натворил разных дел, в том числе убил настоящего Роджера Бока. Ну, в общем, извини, что я те два раза был с тобой груб.

Это был не слишком подходящий момент, чтобы обмениваться светскими любезностями, но все же Энгер прорвачал в ответ:

— Я тоже неверно думал о тебе, Курро. Прости.

Когда они бежали, Энгер заметил, что из Палаточного Города выбежало еще некоторое количество колонистов. Те, у кого не было огнестрельного оружия, выстроились в цепь футах в пятидесяти перед первыми палатками. У них были фермерские орудия, топоры, куски труб, дубинки и другое импровизированное оружие. Их цепь не продержалась бы и пяти минут под натиском когов, превосходящих их числом и оружием, и все же они были здесь.

Еще из города бежали дюжина человек с носилками, под руководством сиделок из больницы Палаточного Города. Надо полагать, Франк Кэлли развернул полевой госпиталь на краю города и занимается там легкоранеными. Тех, у кого более серьезные повреждения, нужно было от-

нести в город, в больницу, где работали врачи Джеймс и Милтиадес.

В отдалении Энгер видел приближающихся капитана Глюка и членов отделения бортпроводников команды "Титова". У Глюка, по крайней мере, была винтовка.

Снова уравновесив свое оружие при помощи обеих рук, Энгер разрядил обойму в первые ряды бегущих когов, снова вскочил на ноги и отбежал назад, на бегу защелкивая в бластер последнюю обойму.

Он чуть не споткнулся о тело маленького Лефти, бармена из "Первого Шанса". Из его спины картишно торчали три арбалетных стрелы. Рядом с ним валялся револьвер такого типа, который давным-давно называли "оружием из ящика письменного стола" — неэффективное, неточное оружие маленького калибра, предназначеннное для домашнего хранения.

Не было времени на такие мысли, но Энгеру Кастиюте пришло в голову, что в Палаточном Городе, вероятно, намного больше оружия, чем представлял себе капитан Глюк. Скорее всего, большинство пассажиров "Титова" протащило на борт такое оружие, вроде этого пистолета Лефти. Пистолеты, стреляющие пулями, которые никто не думал использовать в серьезном сражении, но которые есть у сотен тысяч частных лиц на всей Земле.

Но хотя, возможно, сотни колонистов прибыли в свой новый мир столь романтически вооруженные, Энгер Кастиюта сомневался, что кто-нибудь из них позаботился о том, чтобы взять достаточное количество патронов, необходимых для оружия. Наверняка, у большинства было не больше патронов, чем можно сразу зарядить в обойму, то есть шесть патронов — ну десять, в лучшем случае, для автоматических пистолетов.

Теперь они были менее чем в четверти мили от Палаточного Города. Хотя продвижение когов замедлилось, так как они несли много потерь под огнем людей, из леса продолжали выбегать их сотенные отряды. По самым скромным оценкам, обреченно подумал Энгер, их уже не меньше пяти тысяч, и прибывают еще.

Он решил позаботиться о том, чтобы не остаться совершенно безоружным, когда кончатся заряды в бластере. Он

стал поглядывать, нет ли рядом с кем-то из павших товарищей заряженного оружия. Но он оказался в этом не одинок. Примерно четверть колонистов, исчерпав свои боеприпасы, бежали обратно к Палаточному Городу. Их лица выражали мучение, но без боеприпасов оружие их было бесполезным, и они ничего не могли поделать.

Зорилла исчез где-то в районе линии обороны. Возможно, его убили. Энгер не знал, и у него не было времени выяснить. Сражение происходило вдоль линии протяженностью примерно полмили, и он не мог уследить за развитием событий повсюду, а только на том участке, где сам непосредственно находился — и даже на это у него не было времени.

Он видел, как падали колонисты и члены команды, которых он знал по имени, их набралось десятка два. Если кто-то падал, у него уже не оставалось надежд на спасение, потому что коги немедленно добивали раненых, как только оказывались рядом с ними.

Самюэльсон, драчливый парень из экипажа корабля, который отказался вступить в полицейские силы безопасности Тен Эйка, погиб как герой. Не имея огнестрельного оружия, с одним только топором в руках, он бросился на ряды приплясывающих и завывающих когов. Немногим выше низкорослых врагов, он пробил себе дорогу к их отряду и в самую его середину, рубя налево и направо в безумной ярости, пока не прикончил в самом центре безоружного кога с вытаращенными от ужаса глазами, который нес эмблему свастики.

Вопль, который перешел в стон, вырвался из глоток остальных когов, и они прыгнули на врага, больше не обращая внимания на топор, от которого только что шаракались в ужасе. Самюэльсона затоптали в свалке, и он уже не поднялся. И все же он добился большего, чем мог бы сделать при помощи бластера, потому что эта группа когов была явно деморализована. Трудно сказать, чем именно: нападением одного человека или гибелью своего соплеменника со свастикой. Но факт тот, что они рассыпались и, практически, не участвовали в схватке.

Когда Энгер Кастиоат в очередной раз делал перебежку, он вспомнил, что у него в кармане куртки лежат заряды, которые он отобрал у Барни в ту ночь, когда обе-

заружил охотника. Единственная оставшаяся обойма была в бластере. Он повернулся, разрядил оставшиеся заряды в ближайшую толпу когов, повернулся обратно и снова бросился бежать. Нужно было вытащить из кармана заряды, вынуть обойму из бластера и перезарядить ее.

Он не мог перезаряжать обойму на бегу, с риском потерять несколько драгоценных зарядов. Пришлось остановиться и тщательно, по одному, вложить заряды в обойму.

Оглядевшись, Энгер Кастиоут понял, что находится уже почти на окраине Палаточного Города. Импровизированный госпиталь Франка Кэлли снимался с места и начинал эвакуироваться дальше в тыл. Через несколько минут коги будут здесь.

Энгер оглянулся туда, откуда они пришли. Не меньше сотни колонистов корчились на земле или лежали бездыханными. Огонь оставшихся стал значительно слабее, причиной чего в основном были потери среди колонистов, но нехватка боеприпасов тоже сыграла свою роль. Лишь немногие могли похвастаться большим количеством боеприпасов, чем у Энгера, а у него сейчас оставалось их на полдюжины выстрелов.

А коги продолжали наступать, завывая от ненависти, приплясывая на бегу. Ну, по крайней мере, из леса не выбегали новые. Правда, больше уже и не требовалось.

Энгер Кастиоут бросил быстрый взгляд направо, затем налево. Цепь колонистов разваливалась. Через несколько минут враги будут среди палаток. Не было никакой возможности узнать, бежали ли не сражавшиеся колонисты из своего временного городка или нет. Если вообще были колонисты, которые не сражались. Насколько он мог судить, вся община встала на защиту города, кроме детей младше десяти лет.

Энгер услышал хриплый голос Бена Тен Эйка, перекрывающий рев сражения:

— Все на корабль! Бегите на "Титов"! Полиция безопасности и те, кто вооружен, будут прикрывать огнем. Всем остальным отступать! Оставляем поселок!

Ого! Обратно на "Титов". Больше отступать было некуда. Но что их ждет на "Титове"? Там будет еды и воды только на несколько дней и недостаточно горючего. Медикаментов для раненых окажется слишком мало, потому

что медикаменты и оборудование будет преимущественно брошено в покинутом поселении. Почти все, что нужно колонии, будет брошено там.

Энгер, к своему удивлению, заметил рядом капитана Глюка, который как всегда уставился на кого-то с видом негодования. Но на этот раз, в виде исключения, не на собрата-землянина. У ног капитана распростерся главный стюард Питер Зогбаум с дротиком в горле и двумя арбалетными стрелами в груди. В качестве оружия у него не было ничего, кроме колотушки для мяса.

Капитан явно не собирался отступать дальше, какие бы приказы ни выкрикивал Бен Тен Эйк. Он спокойно стрелял в ряды кривляющихся и угрожающих аборигенов из старомодной высокоскоростной спортивной винтовки с телескопическим прицелом. На глазах Энгера он уложил, по меньшей мере, двух врагов.

Энгер Кастиота неожиданно рявкнул:

— Вы умеете особенно хорошо управляться именно с этим оружием?

Капитан ни на миг не прекратил стрельбы. Он буркнул:

— Это ни к чему, когда они идут так плотно.

Энгер облизал пересохшие в горячке боя губы.

— Отдайте его мне! — приказал он.

Капитан был так удивлен, что перестал стрелять и уставился на него.

— Ты рехнулся?

У него не оказалось возможности завязать спор. Энгер выхватил свой бластер и приставил его к животу капитана.

— Отдайте, или я заберу его сам. Можете забрать взамен вот это.

Серые глаза капитана выпучились. Он посмотрел вниз, на тяжелый ручной бластер, которым ему угрожали, и поиском взглядом, кто бы мог ему помочь против этого явного сумасшедшего, но на помочь надеяться было нечего.

Энгер резко протянул руку и схватил винтовку, так внезапно, что капитан не удержал ее. Он перебросил Глюку бластер и развернулся, отводя затвор винтовки и пристраиваясь правым глазом к телескопическому прицелу.

Капитан потерянно стоял рядом с бластером Барни в руках. Какое-то время он выглядел так, словно собирался использовать оружие против своего собрата-землянина, который, казалось, сошел с ума.

Энгер отчаянно искал и наконец нашел цель. Примерно в двух сотнях футов правее группа аборигенов, в середине которой находилась платформа с фаллическим символом, приближалась к Палаточному Городу. Они были уже на расстоянии выстрела из арбалета.

Перекрестье прицела нашло цель. Энгер нежно нажал на курок, быстро переключил и снова нажал.

Платформа, внезапно лишенная поддержки на двух углах, медленно опрокинулась, и шести футовый фаллический символ, который возвышался на ней, повалился на землю и разлетелся на куски.

ГЛАВА XI

На собрании, которое позже провели в комнате отдыха офицерских помещений на "Титове", присутствовали не только члены правления и офицеры корабля, но и комитет колонистов из Палаточного Города в полном составе. По какой-то неясной для него самого причине пригласили участвовать и Энгера Кастириоту. Наверное, решил он, из-за его должности городского полицейского.

Комната отдыха не была рассчитана на такое количество человек, и некоторым пришлось стоять. Для капитана и его людей были стулья, для членов правления тоже — хотя Кати, как обычно, предпочла занять место среди колонистов.

Капитан, проигнорировав на этот раз патера Уильяма, открыл собрание с необычной для него слащавостью и предложил проголосовать за вынесение гражданину Энгеру Кастириоте благодарности за его действия, которые привели к поражению набега котов. Его поддержали aplodismentами. Даже Лесли Дарлин, без обычного выражения цинизма на лице, присоединился к ним, очевидно решив забыть про пощечину. Энгер покраснел. Для этого ему хватило бы одного только выражения лица Кати.

Капитан насмешливо глянул на него.

— Я так до сих пор и не понял. Откуда ты знал, что нужно делать?

Энгер пожал плечами. Он подозревал, что еще задолго до окончания собрания полетят пух и перья, а нынешняя дружелюбная атмосфера будет дольше прошлогоднего снега.

— Мне стало очевидно, что они сражаются кланами, — сказал он, — и каждый клан несет свой... думаю, вполне можно использовать слово "тотем". Но всех их объединял один высший тотем, тотем всего племени, который они несли на большой платформе. Это явно была их святая святых. Когда Самюэльсон ворвался в одну из групп с топором и свалил их эмблему свастики, этот клан был деморализован и выбыл из сражения. Мне бы уже тогда следовало сообразить, но в разгаре боя некогда было думать. Когда я позже увидел в руках у капитана винтовку с телескопическим прицелом, меня вдруг осенило. Тогда я, — Энгер закашлялся, — поменялся с ним оружием и свалил их верховный тотем, подстрелив двоих когов из тех, что несли платформу. Тотем разбился. Эффект оказался даже лучше, чем я надеялся.

По комнате прошел глубокий вздох.

Бен Тен Эйк, лицо которого было частично закрыто повязкой, обеспокоенно произнес:

— Это не значит, что они больше не вернутся. А к половине оружия, которое у нас есть, нет боеприпасов.

— Можно взять еще со складов корабля, — громыхнул Курро Зорилла. У него одна рука была в повязке, сквозь которую простила кровь.

Тен Эйк покачал головой.

— Я не это хочу сказать. Половина оружия — старые, нестандартные модели, нестандартных калибров. Большинство ручного оружия и даже спортивное оружие в Палаточном Городе — это реликвии прошлого, привезенные отдельными колонистами. У нас еще есть заряды для моих людей, вооруженных стандартными бластерами, но для этого старья боеприпасов осталось едва ли на один раз.

Поднял голос капитан, странно оптимистичный, если учесть то, что только что было сказано:

— Это переводит нас к сути вопроса. Как вам известно, мы захватили в плен трех когов — двух раненых, одного оглушенного.

— Я за то, чтобы перерезать им глотки, — пробурчал Тед Шеклтон из комитета колонистов.

— Сын мой, — укоризненно произнес патер Уильям, — они тоже дети Великой Силы, как ты и я. И, должен заметить, даже с виду человекоподобны.

— Действительно, человекоподобны, — сказал капитан. — Настолько, что наш врач Френсис Кэлли сообщил мне, что по его мнению коги могут быть подвержены разным земным болезням.

Упало молчание.

— Есть еще один аспект нынешней ситуации, — сказал капитан. — Возможно, вы обратили внимание, что с момента обнаружения когов Ричардом Фодором наши два больших флоатера практически все время находились в разведке.

Энгер обратил на это внимание. В особенности на то, что самый большой и быстрый флоатер исчезал на несколько дней кряду.

Капитан Глюк добился самого пристального и безраздельного внимания собравшихся, которого явно и добивался. Он произнес:

— Разведчики обнаружили, что коги, как видно, эволюционировали только на этом континенте. Или, скорее, на этом острове, потому что он недостаточно велик, чтобы заслужить название континента.

Тотчас последовал взволнованный шум со стороны всех, кроме офицеров корабля, которые, надо полагать, уже были знакомы с этой информацией.

— Невозможно! — взорвался Лесли Дарлин. Из всех присутствующих он один очевидно не участвовал в событиях дня, по крайней мере, так можно было судить по состоянию его щегольской одежды.

Капитан повернулся к нему.

— И тем не менее правда. Разведка была в высшей степени тщательной. Ни на одном из остальных континентов и больших островов Новой Аризона коги не обнаружены.

— Это не так невозможно, как может показаться на первый взгляд, — задумчиво вставил Хьюго Милтиадес. —

Эволюция может в одном месте пойти по одному пути, в другом по другому. Вспомните о таких животных, как кенгуру в Австралии. Австралия была отрезана от других частей суши так долго, что эволюция на ней пошла своим путем.

Капитан кивнул.

— Возможно, здесь на Новой Аризоне был меньший дрейф континентов, чем на нашей собственной планете, и этот остров был отрезан от остального мира достаточно долго, чтобы коги успели развиться из низших форм животных. Но они еще не успели пройти по пути эволюции настолько, чтобы построить лодки и перебраться на ближайшие части суши.

— Это только один из вариантов объяснения, — тихо сказал Энгер.

Кати, стоявшая рядом с ним, озадаченно нахмурилась, но он больше ничего не сказал.

Капитан легонько похлопал ладонью по столу, как будто напоминая, что по этим вопросам было сказано достаточно. Он обвел собравшихся мрачным взглядом.

— Переходим к делу. Френсис Кэлли полагает, что при минимуме работы в лаборатории он сможет привить трем нашим пленникам-когам такие земные болезни, как корь и оспа.

— История повторяется, — пробормотал Лесли Дарлин. — Исследователи, первопроходцы и миссионеры, несущие блага цивилизации аборигенам.

— Параллель не вполне корректна, гражданин, — злобно проскрежетал Тен Эйк. — Речь идет о жизни и смерти. Либо они, либо мы.

Энгер задумчиво посмотрел на него, но ничего не сказал.

Капитан, раздраженный тем, что его прервали, продолжал:

— Были разговоры о том, что коги разумны, хотя я придерживаюсь мнения, что их очень трудно назвать таковыми. Они не намного разумнее человекообразных обезьян на Земле — если вообще разумнее.

Лесли Дарлин поднял брови. Лицо Энгера Кастроны посусоревало.

— Однако, — угрюмо произнес Глюк, — не исключено, что враги Компании могут сообщить об этом факте на

Землю и даже получить некоторую поддержку, особенно среди тех властей имущих, которые предпочтут превратить Новую Аризону в земную колонию, чем оставить ее в собственности Компании.

— Если коги разумны, капитан, — сказал Милтиадес, — Компании Новая Аризона придется свернуться.

Капитан кивнул.

— Да. И, возможно, всем нам придется вернуться на Землю, а земные власти установят связь с когами. С этими недочеловеками, животными, которые без всякого повода с нашей стороны напали на нас и зверски уничтожили сотни две наших самых храбрых колонистов.

— Значит, вы предлагаете...

— Компромисс между Компанией и колонистами, о котором никто кроме нас, собравшихся здесь, не будет знать, и за который мы все будем нести равную ответственность. Если доктор Кэлли подготовит свое бактериологическое оружие, правление аннулирует вторые контракты, подписанные каждым колонистом. Это позволит каждому из них участвовать в доходах Компании, так как они имеют одну долю в Компании Новая Аризона через гражданку Бергман. Мы начали ремонт одного из спасательных катеров. Когда ремонт будет окончен, мы отправим катер к ближайшей базе Космических Сил, чтобы восстановить связь с Землей и продать часть концессий. К этому времени когов не останется, они будут уничтожены таинственной вспышкой заболеваний. Вопрос их разумности просто не будет поднят, поскольку будет неактуальным.

— Собственно говоря, — сказала Кати, — вы обещаете нам то, что нам и без того принадлежит: одно место в правлении и доходы от него.

Капитан смотрел немигающим взором.

— Я также предлагаю вам способ спасти наши жизни и не быть вынужденными покинуть эту планету без гроша в кармане.

Патер Уильям задумчиво произнес:

— Как бы то ни было, они не более, чем животные.

— Если станет известно, что мы намеренно распространяли болезни среди когов, мы покроем позором свои имена, — громовым голосом сказал Зорилла.

Вмешался Бен Тен Эйк, повысив голос почти до крика, но тут же снизив его до нормального тона:

— Никто не узнает. Об этом будем знать только мы, здесь присутствующие. — Он, похоже, быстро начал выходить из себя. — О чём мы спорим? Ведь речь идет о наших жизнях!

— И вдобавок, — холодно заметил Кастириота, — в деле замешана большая прибыль. В том случае, если мы все-таки уничтожим их. И никакой прибыли в противном случае.

— Какая альтернатива, шериф? — грубо спросил Джейф Фергюсон.

— Альтернатив нет! Нам остается только уничтожить их! — почти крикнул Тен Эйк.

Энгер глянул на него с любопытством.

— Я прямо сейчас вижу, по крайней мере, две альтернативы. Мы можем вернуться на корабль, возобновив наши припасы, пока присутствующий здесь Джейф вместе с другими инженерами и механиками сделают для нас более эффективное оружие. У нас есть соответствующие ноу-хау; через неделю-другую мы сможем адекватно защищаться и снова выйдем из корабля. Но есть и лучшая альтернатива. Капитан говорит, что на материках нет котов. Отлично. Мы можем перебраться на материк на флоатерах.

— Мы не можем перевезти тяжелое оборудование на дурацких машинах, парень, — проворчал Фергюсон. — Они недостаточно велики.

— Может, нам удастся построить баржи и лодки, достаточно большие, чтобы все перевезти, — задумчиво произнес Зорилла.

— Это займет слишком много времени, — неприятным тоном сказал капитан. — Есть только один ответ: уничтожить этих животных, раз и навсегда. И Новая Аризона будет нашей!

Энгер Кастириота вскочил на ноги и обвел всех взглядом.

— Капитан продолжает упускать один существенный момент. Животные не добывают руды, не производят бронзу и не делают арбалеты. Они не имеют языка. И не имеют религии.

Энгер вышел первым. Его слова вызвали такую бурю споров, что не было никакого смысла в них участвовать до тех пор, пока страсти не улягутся и все участники споров не обдумают все хорошенько. В любом случае, он не видел конца этим спорам.

Даже Кати, похоже, не имела четкого мнения. Но почему он думал об этом такими словами: "даже Кати"? План капитана давал ей ответ на проблемы, которые она до того не могла решить. Ее колонисты разбогатеют, пусть даже у них окажется только одна доля в компании Новая Аризона на всех.

Он вернулся с "Титова" в Палаточный Город, в палатку, которая служила одновременно тюрьмой и квартирой его и братьев Браннеров. Он вошел, наполовину ожидая увидеть двух своих помощников, и только потом вспомнил, что Джимми пал под мачете котов, а Эд лежит в передвижном госпитале с ампутированной ногой. Дротики, которые коги пускали из духовых ружей, были покрыты сильнодействующим ядом.

Он растянулся на армейской раскладушке, которая служила ему кроватью, и не меньше часа лежал, уставившись в потолок палатки. События развивались быстро. Тен Эйк был прав. Коги вернутся. В них было что-то такое, что толкало их к нападению — пусть даже нападать было неразумно.

Но, разумеется, они не могут напасть немедленно. Они понесли тяжелые потери, им пришлось с позором отступать после того, как их высший тотем был уничтожен.

Сколько времени потребуется оспе или кори, чтобы поразить расу, которая прежде не сталкивалась с этими болезнями? Энгер почти ничего не знал по данному вопросу, но ему вроде бы помнилось, что это время может быть очень коротким. Есть и другие заразные болезни — холера, чума. Правда, Кэлли, похоже, не склонен распространять такие.

Энгер задумался над тем, почему все-таки он не высказал свой главный аргумент против Глюка и тех, кто поддерживал капитана. Через некоторое время он пожал плечами. У него не было доказательств.

У входа в палатку кто-то кашлянул.

Энгер спустил ноги с кровати и сел.

— Войдите.

Это оказался патер Уильям, с беспокойством, написанным на круглом лице. Он похлопывал свой животик сквозь коричневую рясу монаха.

— Я пришел как посланец, сын мой.

— Да? — Энгер глянул на него. — Садитесь, патер Уильям. Посланец от кого?

Монах Храма пожевал губу и произнес:

— Возможно, мне следует уточнить: первый из двух посланцев. Если моя миссия не увенчается успехом, то, насколько я могу судить, следом за мной придет Бен Тен Эйк с отрядом своих людей.

Энгер мрачно хмыкнул.

— Угрозы не вяжутся с вашим саном, а, патер Уильям?

Монах откашлялся, укоризненно глядя на Энгера.

— Сын мой, капитан Глюк переменил то неприятное решение, которое ему однажды пришлось принять. Он пришел к выводу, что действовал тогда поспешно и необдуманно. Теперь, в особенности после твоих отважных действий сегодня днем, он хочет исправить ошибку.

Энгер непонимающе посмотрел на него.

Патер Уильям кивнул.

— Капитан осознал, что ты на самом деле Роджер Бок, член правления Компании, владеющий, соответственно, одной десятой всех доходов.

Энгер Кастиюта уставился на него, не веря своим ушам.

Монах Храма похлопал себя по животику на сей раз двумя руками и некоторое время ничего не говорил.

— Потрясающе, — смог наконец пробормотать Энгер. — Но что если я вернусь в свою каюту на “Титове” и вновь приму на себя... мм... обязанности члена правления, а после этого появится кто-то другой, утверждающий, что это он Роджер Бок, и захочет получить свое место?

Патер Уильям кивнул и продолжил речь.

— Капитан хочет, чтобы вы ясно поняли: какие бы шаги не были предприняты в будущем, чтобы посягнуть на принадлежащее вам по праву место в правлении, это место вам гарантировано. Фактически, — при этих словах Монах Храма просиял, — этот вопрос был поставлен на голосование, и большинство членов правления проголосовало “за”.

Энгер Кастиюта спросил без тени тайлоты:

— Вы хотите сказать, что правление проголосовало за то, чтобы предоставить мне долю в Компании вне зависимости от того, являюсь я Роджером Боком или нет?

— Ну, можно изложить это и так.

— Голосовали анонимно?

— Ну, не совсем. Первому инженеру Джейферсону Фергюсону и гражданину Зорилле эта идея не понравилась. Но нас, остальных, было большинство.

— Понятно, — сказал Энгер.

Некоторое время они молчали. Энгер обдумывал услышанное. Такое развитие событий было для него совершен-но неожиданным. Наконец, он поднял глаза и произнес:

— Вы говорили, что вы — первый из посланцев. Какое... мм... сообщение доставит Бен Тен Эйк?

— Если моя миссия потерпит поражение, он должен взять тебя под арест и вернуться на борт “Титова”, чтобы ты не мог распространить зловредные слухи среди населения колонии.

— Понятно. И даже... гражданска Бергман и комитет колонистов согласились со всем этим?

— Мне неизвестно, как голосовала сама Катерина, сын мой. Комитет удалился на совещание в отдельную комнату, они пришли к соглашению внутри себя, а когда вернулись, Катерина проголосовала “за”.

Энгер Кастиюта горько хмыкнул и встал.

— Как скоро он появится? Я имею в виду Бена.

— Он со своими людьми ждет в нескольких ярдах от палатки, и... Роджер, сын мой... — его голос был, как всегда, мягким. — Он будет сопровождать нас на “Титов” вне зависимости от того, какое решение ты примешь.

Значит, они не намерены были оставлять ему возможности болтать языком:

— Я понял, патер, — сказал Энгер. — Я собираюсь выйти отсюда. Вы на некоторое время останетесь.

Монах Храма озабоченно нахмурился.

— Но, сын мой, Бен Тен Эйк и его люди ждут перед палаткой. Если они увидят, как ты выходишь, они предположат, что ты намереваешься... ну...

— Распространить зловредные слухи?

— Ну... возможно...

— Отлично. Тогда я поступлю так: выберусь из-под задней стенки палатки, и они меня не заметят. Верно? — Энгер Кастириота взял свою дубинку.

— Но, сын мой... мм... Роджер. Я...

Именно в этот миг что-то щелкнуло в мозгу Энгера Кастириоты. Он произнес, растягивая слова:

— Мне пришло в голову, патер Уильям, что это единственное имя, которым я вас всегда называл. Как ваша фамилия?

— Ну, как тебе известно... Роджер, Монах Храма лишается фамилии, когда принимает обет безбрачия.

— Но какой она была?

— Пешкопи. Очень старый албанский род, насколько мне известно.

Энгер Кастириота очень долго смотрел на своего собеседника. Наконец, он устало произнес:

— Моя собственная фамилия тоже албанская. Вы никогда раньше ее не слышали?

— Бок?

— Кастириота.

Монах Храма покачал головой, отчего затряслись его толстые щеки.

— Нет, по-моему, не слышал. Я никогда не был на родине предков.

Энгер еще некоторое время смотрел на него, затем тоже тряхнул головой, словно в нетерпении. Он полез под кровать и вытащил оттуда один из чемоданов Роджера Бока. Став на колени, он открыл его и, порывшись, нашел то, что ему было нужно.

Он поднялся, вежливо сказал “До встречи” и направился к задней стенке палатки.

Его целью была большая палатка, расположенная недалеко от Административного Здания. Там горел свет, к облегчению Энгера.

Он вошел, не спрашивая разрешения, и увидел Джейф-фа Фергюсона склонившимся над столом, заваленным инструментами.

— Я думал, вы все еще спорите на “Титове”, — сказал Энгер.

Джейфф Фергюсон даже не глянул на него.

— Везде разбросано полно всякой всячины, — пробормотал он.

Энгер кивнул на приспособление, над которым тот трудился.

— Что ты делаешь, излучатель смерти для котов?

— Что-то вроде, — угрюмо пробурчал Фергюсон. —

Бластера-то у меня нет.

— И это будет работать?

— Нет, — буркнул тот. — Кто я по-твоему, чокнутый профессор из фантастики?

— Послушай, — сказал Энгер, — я тут скоропостижно пришел к выводу, что ты, пожалуй, один из двух-трех человек, которые совпадают со мной во мнении по поводу этой колонии. Ты хочешь что-нибудь предпринять по этому поводу?

— Что именно? — подозрительно проворчал Фергюсон.

Энгер рассказал. Это заняло у него целых десять минут, включая возражения Фергюсона, которые нужно было опровергать.

Джефф сстроил недовольную рожу.

— Ничего не выйдет. У меня даже оружия нет.

— Об этом я позабочусь. Ты можешь достать миниатюрный передатчик?

— Он у меня уже есть. Зорилле как-то нужно было несколько штук. У него была идея поймать несколько дурацких животных, прицепить на каждого "клопа", так что можно будет проследить за их передвижением, выяснить, где у них водопой. Мы со Спарксом ему помогали, выслеживали "клопов" искателем.

— Хорошо. Где они держат котов?

— В Административном Здании.

— Встречаемся там через полчаса, Джек.

Энгер Кастиота покинул палатку инженера и осторожно пробрался к большей из игорных палаток. Он исходил из предположения, что Тен Эйк уже разыскивает его, и не хотел, чтобы на этой стадии развития событий его беспокоили преследованием.

От того, как пойдет дело сейчас, зависело все дальнейшее. Если после сегодняшнего страшного сражения в городе никто не играет в азартные игры и не пьет, то будет непонятно, что делать.

Но того, чего он опасался, не произошло. Наоборот, похоже было, что сражение подействовало как стимулятор. Когда Энгер с трудом проталкивался в импровизированный игорный зал, ему показалось, что сегодня здесь собрался весь город. Он направился прямиком к столам, где играли в креп.

Крупье с перевязанной головой поднял глаза.

— Привет, шериф. Ну и стрелянина была сегодня!

Энгера приветствовали с одобрением. Большинство в точности не знало, что он сделал, но все слышали, что шериф — герой дня.

Энгер взял кости.

— Сегодня мой счастливый день, — объявил он. Он бросил на стол бластер, с которым сражался против котов. — Я не хочу ставить оружие против денег. Пусть кто-нибудь поставит против меня другую пушку.

Крупье нахмурился. На этом заведение не получит процентов. Потом он пожал плечами. Шериф есть шериф, а сегодня он вдобавок герой Палаточного Города.

Кто-то тихо сказал:

— Это бластер Барни.

Энгер Кастиота перевел ледяной взгляд на говорившего. Это был один из лесных жителей, которые помогали раненому Барни добраться до безопасного места. Энгер произнес тоном хладнокровного убийцы:

— Это мой бластер, и я оставлю мокре место от того, кто скажет, что это не так.

Кто-то другой сказал:

— Мне плевать, чей он. Он стоит в десять раз больше собственного веса золотом. Вот, — он вынул свое собственное оружие и бросил на стол.

Все взгляды устремились на оружие, большинство взглядов сверкало жадным блеском. В Палаточном Городе осталось мало оружия, укомплектованного боеприпасами, как и говорил Бен Тен Эйк на собрании.

Пока внимание собравшихся было отвлечено, Энгер Кастиота подменил кости заведения на те, которые он вынул из чемодана Роджера Бока. Он случайно отметил несколько дней назад, что они одинаковы по цвету и стандарту игорных домов.

Он быстро встряхнул их и выбросил на стол.

Семь.

— Ставлю оба пистолета против винтовки, — сказал он.

— Принимаю.

На стол легла бластерная винтовка.

На этот раз он немного наклонил руку, как научился делать на "Титове", когда впервые нашел эти кости. Как давно это было! Выпало девять. Он продолжал перекатывать кости таким образом, чтобы они упали так, как ему было нужно. Выпала еще одна девятка.

— Ставлю винтовку против винтовки, — отрывисто сказал он, забирая оба пистолета.

На стол легла вторая винтовка. Энгер встяжнул кости. Семерка.

Он заткнул за пояс пистолеты и сгреб обе винтовки.

— Дай-ка мне взглянуть на эти кости... шериф, — ходнико сказал крупье.

Пистолет, который он выиграл, был старинным револьвером. Энгер Кастиота, глядя прямо в глаза банкомету, повернул барабан, как будто затем, чтобы проверить, заряжено ли оружие. Револьвер был заряжен, и все это четко понимали. Взгляд Энгера был бесконечно ледяным. Из его глаз веяло пустотой смерти.

— Мне не нравится, на что ты намекаешь, парень.

Глаза крупье метнулись вправо, затем влево. Позади него стояли два мускулистых охранника, которые должны были прийти на помощь по первому сигналу. Они не шевельнулись.

Энгер что-то пробурчал и опустил кости в карман. Затем повернулся и без единого слова вышел из палатки, не торопясь.

Оказавшись снаружи, он прибавил шагу. На лбу его выступили бисеринки холодного пота. Теперь надо было действовать быстро. Крупье молчать не станет. В своем бизнесе он наверняка не единожды видел такие кости. Может быть, только шок от того, что они оказались в руках популярного Энгера Кастиоты, удержал его, чтобы не заговорить сразу.

Энгер шел боковыми дорогами, на случай, если его уже преследуют, или его разыскивает Тен Эйк. Он встретился с нервничающим Фергюсоном почти точно через полчаса, которые назначил.

— Где ты пропадаешь? — воскликнул встревоженный инженер. И затем:

— Дзен! Где ты набрал такой чертов арсенал?

— Потом расскажу. Мини-передатчик с тобой?

— Спрашиваешь! Я же сказал, что он у меня есть.

Джефф, как всегда, готов сцепиться. Ну, не исключено, что им как раз понадобится такое качество.

— Пойдем, — сказал Энгер. — Добудем кога.

Эта часть плана оказалась легкой. Они просто вошли в Административное Здание, вооруженные до зубов, и Энгер сказал одному из четырех охранников, стерегущих трех маленьких темнокожих человечков:

— Мы пришли забрать того, который не ранен.

Охранник пожал плечами.

— Пожалуйста, шериф. Только присматривайте за ним хорошенько. Эти маленькие обезьяны горазды на всякие штучки, за ними нужен глаз да глаз.

Когда темнокожего человечка подтолкнули к ним поближе, Энгеру Кастиюте стало окончательно ясно, что называть когов животными просто нелепо. В коге было даже что-то симпатичное.

Руки кога были связаны веревкой у него за спиной. Охранники проверили узлы, а Энгер и Джейф тем временем изнывали от нетерпения. Однако, они не могли показать, что спешат, чтобы не вызвать подозрений. С чего бы им торопиться?

Они покинули Административное Здание и направились прямиком к посадочному полю.

— Ты уверен, что управишься с четырехместным? — спросил Энгер.

— Я управлюсь с любым, парень, — с негодованием ответил Джейф. — В них есть защита от дурака. Любой может управиться с дурацким флоатером.

— Ладно, ладно, — сказал Энгер. — Давай быстрее. Если Бен Тен Эйк нас заметит, мы влипли.

В этот самый момент сзади раздался выстрел.

— Бери его и быстро вперед! — рявкнул Энгер. — Я прикрою. Быстро во флоатер!

Джефф исчез в темноте, подталкивая перед собой маленького темнокожего человечка и яростно ругаясь на бегу.

Энгер вытащил бластер, направил его туда, откуда стреляли, но вверх, и выстрелил три коротких очереди. Затем он перепрыгнул вправо, насколько мог далеко, и быстро скользнул еще на несколько шагов в сторону.

И едва успел. Ему ответил залп огня не меньше, чем из четырех ружей, которые залили огнем то место, откуда он стрелял несколькими секундами ранее.

Энгер повернулся и побежал в том направлении, где скрылся Джейфф с их пленником. Через пятьдесят футов он повернулся и, выхватив винтовку, которая висела у него за плечом, выпустил четыре-пять выстрелов настолько быстро, насколько успевал нажимать на курок. Затем он бросился на землю и отчаянно откатился в сторону, стремясь уйти из-под ответного огня.

Преследователи продолжали идти за ними, но уже не так торопились.

Энгер снова вскочил на ноги и на предельной скорости помчался к посадочному полю. По крайней мере, преследователи не догадались, куда он бежит. Пока не догадались.

Однако, до них быстро дошло, в чем дело, когда рев прогревающихся двигателей прорезал ночной воздух. Послышались стрельба и топот ног.

Энгер Кастиюта по-волчьи улыбнулся и со всех ног бросился к флоатеру.

Джейфф держал для него дверцу открытой. Энгер забрался в машину, но не закрыл дверцу. Он высунулся наружу и стрелял из бластера, пока не опустошил обойму. Стрелять он продолжал в воздух, но враги-то этого не знали.

Флоатер подпрыгнул вперед, вверх, на мгновение замер, словно лошадь, которая замирает и чуть подается назад перед тем, как сорваться в бешеный галоп. Потом машина устремилась в ночь и исчезла из поля зрения тех, кто стоял внизу, бесполезно потрясая кулаками и оружием.

— Тен Эйк, — проворчал Энгер. — Он взял след и хочет пострелять.

— Не могу его обвинять, — буркнул Фергюсон. — Как там наш дурацкий пленник?

Энгер Кастиюта сидел на одном из передних сидений, рядом с инженером. Ког находился сзади. Энгер обернулся

проверить маленького темнокожего человечка, и как раз вовремя. Тот собирался напасть на них, его худые скрюченные руки казались когтями.

— Дзен! — возмутился Энгер, усмиряя пленника тыльной стороной правой руки. — Охранник был прав. Они горазды на всякие штучки.

— Где ты хочешь спустить его?

— По-моему, стоит это сделать в направлении поляны, где они впервые напали на Фодора. На полдороги туда. Гарантии у нас нет, но это будет ближе, чем если мы выбросим его здесь, а время дорого. Я надеялся, что у нас хватит времени испортить остальные машины.

Джефф грубо воркнул:

— У нас едва хватило времени смотаться в этой машине. Счастье, что нас всех троих не поджарили.

— Ты успел закрепить на нем этот мини-передатчик?

— Нет.

— Лучше сделай это сейчас.

— Держи управление, парень.

— Я не знаю, как летать на этих штуках.

— Она летит сама. Не будь чертовым сопляком.

Энгер Кастиоут вздохнул и осторожно взял рычаги управления флоатера.

Примерно через полчаса они увидели внизу поляну и опустились на нее.

Энгер выпрыгнул наружу и подтолкнул кога, руки которого были опять связаны. Маленький темнокожий тип был определенно напуган их шумным продвижением по воздуху, но не до полного ужаса. Он неуклюже выбрался из флоатера и вызывающе уставился на белых людей, которые возвышались над ним.

Энгер хотел бы, чтобы у них был какой-то способ поговорить друг с другом, но его явно не было. Впоследствии какой-нибудь жест дружбы мог принести свои плоды. Он покачал головой, развернулся кога и развязал его.

Энгер показал на деревья.

Ког удивленно взорвался на него. Он наверняка ждал, что его убьют. Он быстро повернулся и затрусили прочь. Ни разу не оглянувшись, он исчез среди деревьев. Его путь лежал на северо-восток.

— Что теперь? — проворчал Джейф.

— Ничего, я думаю. Пока, по крайней мере. Ночью в этих лесах он вряд ли делает три мили в час. Ты его различаешь на своем искателе?

— Чертовски хорошо. Я прицепил к нему двух "клопов", на всякий случай.

Их накрыла темная тень, меньше чем в пятидесяти футах над ними, и из ее брюха открыли огонь.

— Давай убираться отсюда! — заорал Фергюсон. — Это урод Тен Эйк!

ГЛАВА XII

Огонь нападающих не накрыл маленькую поляну, на которой высадились Энгер и Джейф, чтобы отпустить пленника. Преследователи промахнулись, но по барабанному шуму было понятно, что они возвращаются на второй заход.

Джейф не выключал двигатели флоатера. Он ударили по рычагам управления, и машина взмыла вверх. Энгер склонился над панелью управления, отключая даже самое слабое освещение.

— Их машина быстрее нашей, — мрачно пожаловался Джейф.

— А ночью?.. — спросил Энгер.

Инженер озадаченно нахмурился, продолжая манипулировать приборами. Флоатер набирал высоту, не давая возможности преследователю снова занять положение, из которого он мог бы открыть по ним огонь.

— Ну конечно же, во имя дзен! Как они вообще нас нашли, черт его дери?

— Прошло только несколько минут, как мы сели, а они уже появились!

Джейф Фергюсон зажал себе рот рукой.

— Ну что я за чертовский идиот! Я же сам установил эту дурацкую штукку. Ну-ка подержи управление.

— Я тебе говорил, что не умею летать на...

— Заткнись, парень. Ты все можешь.

Инженер опустился на пол и принялся возиться под панелью управления.

— В чем дело? — возмутился Энгер. — Возьми управление! Этот их пилот может летать вокруг меня кругами.

— Вот оно, — с отвращением пробурчал Джейф, не обращая на него внимания. Он выбрался наверх с маленькой схемой, к которой были подсоединенны несколько проводов. Он выбросил передатчик в окно, и он полетел вниз, к лесу. Энгер увидел, как почти сразу же темный силуэт второй машины ушел вниз быстрым нырком.

— Пока мы собирались выслеживать искателем нашего кога, — пробурчал Джейф, — Тен Эйк и его ребята уже выслеживали нас. Каждый из этих летательных аппаратов имеет встроенный передатчик, чтобы его можно было найти в случае катастрофы.

Энгер с облегчением покачал головой.

— Значит, теперь мы можем в темноте обмануть их, верно? Давай снова сядем и посмотрим, где наш приятель.

— Знаешь, парень, в твоей идее может оказаться одна дыра, — проворчал Джейф.

— Как это?

Джейф Фергюсон спокойно продолжал полет, не глядя на сидящего рядом.

— Парни, которые обследовали дурацкий остров всю неделю на этих флоатерах, больше десятка раз видели когов. Но все они были небольшими группами. Иногда чертобы охотничьи отряды, иногда рыбаки в чем-то, типа выдолбленных каноэ, иногда небольшие поселения из дурацких домов на сваях, сделанные из чего-то вроде бамбука. Но ни одного большого города.

Энгер облизал пересохшие губы.

— Это совпадает с тем, как они сражаются. Они живут кланами, не больше нескольких сотен человек вместе, включая женщин и детей.

— Ну да. Что я хочу сказать, нет никакого большого города, к которому может привести наш парнишка. — Джейф принял смотреть вниз, чтобы найти поляну, подходящую для посадки. — Он всего лишь отправится домой. И что это нам даст, парень? Он приведет нас к какой-нибудь дурацкой бамбуковой хижине.

— Мы рискуем, — обеспокоенно признал Энгер. — Но я заметил во вчерашнем сражении кое-что, чего больше никто вроде бы не заметил. Я думаю, у них есть центр,

штаб-квартира, ну, храм, что ли, часовня, называй, как хочешь. И я надеюсь, что наш ког отправится туда с докладом.

Джефф проворчал что-то скептически и перевел глаза на стрелку искателя.

— Он направляется вон туда. Сейчас я где-нибудь сяду, и, может, нам удастся чуток вздремнуть, пока парнишка вышагивает свои дурацкие мили. Мы стряхнули с хвоста старину Тен Эйка.

Погоня сквозь ночь продолжалась. Время от времени они поднимались в воздух, пролетали несколько миль, снова садились. Они не хотели подбираться слишком близко к когу из страха, что он догадается, что его преследуют, и, чтобы не навести их на след, изберет другое направление.

Он двигался быстрее, чем ожидал Энгер Кастиота. Очевидно, путешествие по ночным тропам не пугало кога и не несло в себе больших препятствий.

Однажды они заметили на расстоянии флоатер Бена Тен Эйка, который явно продолжал их разыскивать, хотя микропередатчика у них на борту давно уже не было. Они укрылись на крошечной поляне. Шансы Тен Эйка снова обнаружить их были крайне малы.

С рассветом они продолжили погоню за своей добычей, держась как можно ближе к верхушкам деревьев — не только для того, чтобы не быть замеченными бегущим когом, но чтобы еще снизить и без того составляющие один на тысячу шансы Бена Тен Эйка заметить их. Если бы он увидел их при дневном свете, им бы пришлось бросить дело, которое они затеяли, чтобы бежать.

Приближался полдень, когда Джейф вывел Энгера из дремоты, проворчав:

— Он остановился.

— Что?

Энгер потряс головой, чтобы мысли прояснились, и мутным взором уставился на стрелку искателя.

— Он остановился. Может, прилег поспать. Дзен! Представляю, как ему это нужно.

Энгер, полностью проснувшись, качал головой, на этот раз в знак отрицания.

— Нет. Если бы он собирался спать, он бы сделал это ночью. Он рассчитал, что находится достаточно близко к

тому месту, куда собирался направиться, чтобы добраться туда без остановок. Замедли ход, Джейф, и продолжай приближаться к нему.

— Не боишься, что он нас заметит?

— Теперь это неважно. Но лучше набери высоту. На этой высоте до нас может долететь стрела из арбалета.

Джейф всматривался в лес под ними, обескураженно качая головой.

— Внизу ничего нет. А мы уже почти над ним, где бы он ни... Эй!

Энгер Кастиота раскрыл глаза так же широко, как инженер.

— Это здесь, — выдохнул он.

Джейф, наконец, оторвал взгляд от руин под ними и посмотрел на своего товарища обвиняющим взглядом.

— Ты чертовски хорошо знал, что здесь будет.

— Помнишь платформу, которую несли четыре коги, на которой была их святыня? — проворчал Энгер.

— Фаллический символ?

— Вот именно. Никто к нему внимательно не присматривался. А присмотреться стоило. Наверное, все были чеснок взволнованы. Потом же коги унесли обломки. В общем, как бы то ни было, это не был фаллический символ. Это была копия космического корабля. А там внизу — оригинал.

Джейф смотрел вниз, выпучив глаза, и медленно проникался пониманием.

— Его почти поглотили эти чертовы джунгли. Но... Дзен, так это ведь значит...

Губы Энгера дрогнули.

— Это значит, что коги не человекоподобны. Коги — люди. Джейф, спуспись ниже. Неподожди на то, чтобы внизу было поселение. Это должно быть что-то вроде... ну, часовни.

— Я могу сесть на самый верх, — пробурчал Джейф, — рядом с люком. Похоже, он открылся при падении.

— Не волнуйся так.

Энгер вытащил бластер и осмотрел его. Оружие Барни было не заряжено. Энгер что-то сердито пробурчал, сообщив, что ему следовало выиграть или купить в игорной

палатке дополнительных боеприпасов к их оружию. Он бросил бластер на заднее сиденье.

Остальное оружие он тщательно осмотрел. Они понятия не имели, что ждет их внизу.

— Там сбоку висят дурацкие веревочные лестницы, — сказал Джейф. — Они, наверное, пользуются этим люком, как входом. Карабкаются по лестницам наверх и спускаются вниз, в джунгли.

— Отступать нет смысла, — сказал Энгер. — Мы должны вернуться назад с убедительным доказательством. Если они не выбросили все из корабля, а я в этом сомневаюсь, мы можем найти корабельный журнал или что-то в этом роде.

Они осторожно опустились на упавший космический корабль, лежащий на боку и протянувшийся на тысячи футов.

— Это старый Кондор, — буркнул Джейф. — Они давно уже не используются.

— Он лежит здесь очень долго, — пробормотал Энгер. — Прикрой меня, Джейф. Я хочу подобраться поближе к люку.

— Сам себя прикрывай, — мрачно ответил Джейф. — Я тоже иду. Я этого не пропущу даже за десять пивоваренных заводов. Отдай мне обратно винтовку.

Они покинули прикрытие флоатера и направились ко входу в изломанные останки старого космического корабля.

Как только они показались на виду, из входа появились четверо темнокожих человечков в долгополых одеяниях, словно осуществляя некую церемонию. Они напевали что-то, лишенное смысла для новоприбывших. Их одеяния были ярко-оранжевыми, а головы начисто выбриты.

Четверо, продолжая песнопения и время от времени качая головами в унисон, выстроились в прямую линию. Затем, словно не было ничего более очевидного, вытащили из-под своих одеяний четыре бластера и прицелились.

— Эй! — завопил Джейф и потянулся за своим собственным оружием.

— Не смей! — хрюкло сказал Энгер, хватая грубянина-инженера за руку. — Нас поймали. Они могут нас разнести на куски. Постарайся выглядеть дружелюбно.

— Выглядеть дружелюбно! — простонал Джейф.

Песнопение окончилось. Медленно, словно продолжая церемонию, четверо прицелились еще тщательнее. Их пальцы сжали оружие.

Значит, это все, обреченно подумал Энгер. Нужно было позволить Джейфу сыграть свою игру. Тогда бы у них оставался еще какой-то, пусть крошечный, шанс.

Четыре фигуры в оранжевых одеяниях, с торжественным выражением на лицах, пропели в унисон:

— Банг, бант, банг!

Затем опустили оружие и уставились, не веря своим глазам, на двух белых людей — как будто они искренне верили, что те должны исчезнуть.

Энгер Кастиоа прикрыл глаза в облегчении.

— Во имя Дзен! — не выдержал Джейф. — Чертовы штуки не заряжены!

— И судя по тому, как они выглядят, не заряжены уже век или даже больше, — заметил Энгер.

Еще одна фигура, заметно старше первых четырех, появилась из люка, моргая в свете полуденного солнца. Этот человек был бритоголов, как и остальные, но имел полоску седой бороды и был согбен от возраста. В остальном он был в точности таким же, как остальные, только на его шее висела копия космического корабля, сделанная, как решил Энгер, из золота. Теперь он заметил, что у четырех тоже были такие символы, только поменьше и, похоже, из бронзы.

Энгер и Джейф уставились на него.

Старик одарил их ответным взглядом. Наконец, он просопел:

— Но ведь вы говорите на священном языке.

Энгер покачал головой и сказал:

— Мы говорим на земной бейсике. Мы с Земли.

— Но воины доложили, что вы — белые дьяволы, не пускающие нас на Небесный Корабль, который наконец прибыл, как гласит пророчество.

У Энгера хватило присутствия разума отрицательно покачать головой.

— Мы не дьяволы, мы ваши братья — земляне. Мы пришли помочь вам — либо вернуться на Землю, либо остаться здесь на Новой Аризоне и воспользоваться плодами

нашей технологии... ээ... магическими устройствами, которые облегчают жизнь.

— Новая Аризона? — с сомнением повторил старик. И затем понимающе кивнул. — О да, но мы назвали этот мир Новым Бали. Не знаю почему именно так, причина потеряна в прошлом — вместе со многим другим.

Четыре человека помоложе в одеяниях взирали на все это, не в силах поверить. Один из них произнес, менее уверенно пользуясь языком, чем старик:

— Но... значит... крестовый поход... это все была огромная ошибка!

Джефф горько пробормотал:

— Ошибка, которая убила две или три сотни людей, парень. Не считая твоих собственных ребят.

Их встретил эскорт в добрых десяти милях от Палаточного Города. Эскорт, состоящий из двух одноместных флоатеров. Их сопроводили к посадочному полю, держа под прицелом бластеров быстрых одноместных машин.

Разведчики, должно быть, сообщили о прибытии, потому что к тому времени, как они появились над летным полем, там уже собралась значительная толпа, и с каждой минутой прибывали новые и новые зрители, как со стороны Палаточного Города, так и со стороны "Титова".

Энгер мимолетно задумался, что за историю распространили капитан и Тен Эйк. Тот факт, что они с Фергюсоном забрали четыре драгоценных оружия и один из флоатеров колонии, должен был сделать историю более убедительной.

Флоатер, которым воспользовался Тен Эйк прошлой ночью, уже был на поле. Когда они устремились на посадку, Энгер Кастиота увидел главного офицера, который торопился со стороны "Титова", на ходу застегивая ремень кобуры. С ним был отряд из четырех людей его службы безопасности.

Джефф, разумеется, пожелал сесть именно там, где толпа была гуще всего. Машина остановилась, они открыли дверцу и появились наружу — сначала Энгер, затем Джейфф, последним — Высший Жрец.

— Вы оба арестованы... — рявкнул было Тен Эйк, но тут его глаза выкатились при виде собственного старого че-

ловечка с полоской седой бороды, с золотым символом космического корабля на шее и в ярко-оранжевом одеянии.

— Чьей властью мы арестованы? — рявкнул в ответ Энгер. Он различал капитана, Зориллу, патера Уильяма, Кати, которые торопились к месту происшествия. Да, а вон и Лесли Дарлин. Скоро тут будет вся колония.

— Властью правления Компании Новая Аризона! — выкрикнул Тен Эйк, отводя глаза от Высшего Жреца и обращая взгляд обратно на Энгера. — Руки вверх, пока мы заберем ваше оружие.

— Компании Новая Аризона не существует, — громко, чтобы все слышали, произнес Энгер.

— Чертовски верно, — проворчал Джейфф. — Нет даже планеты Новая Аризона. Это дурацкое место называется Новый Бали.

Энгер проигнорировал беснующегося Тен Эйка и повернулся к капитану, который наконец прибыл на место действия.

— Сэр, позвольте представить вам Гадия Мада, Главного Жреца бали. Они называют себя бали, а не коги.

Капитан шевелил губами, как полудохлый карп. Его взгляд отчаянно перебегал с Тен Эйка и его вооруженных людей на Энгера, а затем на Гадия Мада.

— Что это значит? Схватить...

С безграничным спокойным достоинством темнокожий человечек произнес:

— Огромное удовольствие для меня, капитан. Значит, это вы командуете Небесным Кораблем?

Все присутствующие уставились на Жреца, не в силах вымолвить ни слова. Капитан Глюк был среди онемевших первым.

— Предлагаю, — сухо сказал Энгер, — созвать еще одно собрание всех колонистов.

Хотя отношения изменились, в основном собрание расположилось в том же порядке, который принимало в прошлые разы. Капитан и члены правления сидели за столом, лицом ко всем колонистам. С одной стороны, на этот раз, сидели двенадцать членов комитета колонистов, и с ними Кати. С другой стороны стояла бывшая команда, и те из

колонистов, кого Бен Тен Эйк привлек в свою полицию безопасности.

Насколько это было возможно, присутствовали все колонисты. Даже лесные поселенцы и пилоты флоатеров, которые в прошлый раз стояли на страже на случай неожиданного нападения. Даже те из пациентов госпиталя, которые могли ходить, или чьи кровати можно было перенести, не причиняя им вреда.

В общем, насколько это было возможно, присутствовали все.

И все взгляды были устремлены на Энгера Кастиоту и темнокожего человечка рядом с ним.

Энгер первый раз в своей жизни должен был произнести речь перед большой аудиторией. Но он знал, что от его слов зависит, что произойдет теперь на Новой Аризоне — или Новом Бали, если угодно, — и будет ли дальнейшее кровопролитие.

Он перевел взгляд на Кати Бергман и обрел силы. А, затем, как будто притягиваемый магнитом, на патера Уильяма Пешкопи, и нашел нечто, чему не знал названия.

— Ну, гражданин, — рявкнул капитан. — Рассказывайте нам вашу чушь.

Энгер перевел взгляд на него и обратился будто к нему, но громко, чтобы расслышали все.

— Пару лет назад Мэтью Хант открыл эту планету и согласно земным законам колонизации заявил требования на нее. Чтобы усилить капитал, он организовал Компанию Новая Аризона, но даже после этого капитала было недостаточно.

— Мы это наверстаем сразу же, как только продадим несколько концессий на минералы, — рявкнул капитан, окончательно перейдя на резкий тон.

Энгер покачал головой.

— Вы уже прекрасно понимаете, что этого не будет. Я только что употребил неверное слово. Хант не открыл Новую Аризону. Планета уже была открыта в результате несчастного случая, который произошел с космическим кораблем “Годдард”, который разбился при посадке. Как и у нас, их электронное оборудование было настолько повреждено, что они не смогли связаться с Космическими Силами или кем-нибудь еще, кто мог бы их спасти.

Энгер поднял руку, предупреждая возражение капитана, и теперь обратился уже прямо к колонистам.

— Нам до сих пор еще неизвестны все факты. Мы даже не знаем в точности, как давно это случилось. Вероятно, мы найдем ответы на эти вопросы, когда у нас будет время пересмотреть оставшиеся бумаги на космическом корабле "Годдард", который лежит в пятидесяти милях к северо-западу отсюда.

Тем не менее, можно предполагать, что "Годдард" перевозил либо колонистов, либо рабочих на какую-то планету из Соединенных Планет, на которой высокая температура и джунглевая растительность. Возможно, небольшой рост на той планете тоже послужил бы преимуществом. Не знаю. Как бы то ни было, что-то случилось, и пришлось совершать посадку здесь. Может быть, капитан "Годдарда" облетел несколько раз вокруг планеты, чтобы найти самое подходящее место для посадки. Если так, то он пришел к тому же выводу, что и наши собственные офицеры, и попытался посадить "Годдард" на этом острове. Корабль разбился.

Энгер набрал побольше воздуха и посмотрел на Гадия Мада, который сидел на полу на корточках, привычных для жителей южных стран уже тысячелетия.

— Надо полагать, у них все очень быстро развалилось. Я думаю, что офицеры и команда корабля принадлежали преимущественно к другой расе, не были малайцами. Вероятно, большинство их были кавказцами, и это объясняет нынешние легенды о белых дьяволах. Можно предположить, что офицеры и команда "Годдарда", или по крайней мере большинство из них, старались оставить себе припасы и оборудование корабля. Можно предположить, что между ними был конфликт, и в конце концов победили малайцы.

Молчание теперь было полным. Никаких протестов, никаких возгласов недоверия. Все было слишком очевидно.

— Когда первоначальные запасы истощились, когда оборудование развалилось на части, колонисты с "Годдарда" вернулись назад к природе. Их память о родной планете постепенно тускнела, пока не стала религией. Религия учила, что однажды прибудет Небесный Корабль, который вернет их в... землю обетованную, так надо ее назвать, вероятно.

На борту "Годдарда" были и мужчины, и женщины, а эта планета гостеприимна. Изгои процветали. Они расселились по всему острову, а обломки "Годдарда" стали святым местом, центром религии, монастырем для неофитов. И, наконец, Небесный Корабль прибыл, как и было предсказано — космический корабль "Титов". Но к изумлению Гадия Мада и его народа, на нем прибыло большое количество тех, кого можно было принять только за белых дьяволов из легенды. Среди вождей велись споры, и было решено, что ничего не остается, кроме, как напасть и вызволить Небесный Корабль из рук святогатцев.

Энгер Кастиюта пожал плечами. Он вдруг устал говорить.

— По-моему, суть этой истории я сообщил. Остальное вы можете представить сами.

Тен Эйк быстрее всех понял все значение сказанного.

С рукой на кобуре он быстро оббежал глазами свой вооруженный отряд, затем снова вернулся взглядом к столу в центре, к капитану и должностным лицам Компании.

— Значит, наш прекраснодушный Энгер Кастиюта признает, что на нас напали без провокации с нашей стороны. Что колония Новая Аризона действовала в рамках самозащиты, согласно закону и морали. И теперь в ее права входит продолжение этой защиты, вплоть до полного уничтожения врага-агрессора.

Курро Зорилла неуклюже взгромоздился на ноги, качая тяжелой головой.

— Номер не пройдет, Бен. Я тебя насквозь вижу. Номер не пройдет. Невозможно скрыть тот факт, что эти бали, как они себя называют, открыли эту планету задолго до того, как Мэтью Хант вообще появился на сцене. Он, сам того не зная, не имел никаких прав требовать суворенности. Должно быть его разведчики садились в других областях планеты. Он не знал о существовании бали. У Компании Новая Аризона нет никаких прав на существование. Фактически, как сказал Энгер, она просто не существует. Планета теперь является земной колонией, и, вне всякого сомнения, власти в Величайшем Вашингтоне направят сюда обычное собрание чиновников, ученых и техников сотни категорий, чтобы они осуществляли колонизацию должным образом.

Он резко сел.

Тен Эйк горячо начал:

— Но...

— Заткнись, Бен, — рявкнул капитан.

Тед Шеклтон из комитета колонистов неожиданно прыснул.

— Ах, черт, значит любой на этой планете имеет столько же прав, как и остальные. Никто не лучше другого. У меня столько же прав на то, что я могу здесь делать, как и у каждого. Это настоящая колония! Каждый за себя, и черт побери последних!

Лесли Дарлин заговорил в первый раз за все время, хотя на протяжении речи Энгера его лицо сменило дюжину выражений. Теперь он, похоже, обрел уверенность.

— Верно, старина, — мягко сказал он. — Только знаешь ли, не торопись так сильно.

Он посмотрел на капитана, патера Уильяма и офицеров корабля, включая Тен Эйка.

— А вы, ребята, погодите сворачиваться. Давайте признаем, что требование Мэтью Ханта о суверенитете было неправомочным. Но Компания Новая Аризона по-прежнему существует. Только теперь Новая Аризона ей не принадлежит.

К нему обратились хмурые взоры, хмурые и озадаченные.

— Ей, тем не менее, принадлежит практически все, что есть ценного на планете. “Титов” и его механические мастерские, большинство оружия, даже палатки, в которых сейчас все вы, колонисты, живете, — все это собственность Компании. Я должен еще добавить, что все вы связаны с Компанией контрактами, хотя должен признать, что подписанные вами вторые контракты вряд ли соответствуют земным законам. И все же, первые контракты остаются в силе.

Он победоносно поглядел на капитана и членовправления.

— С практической точки зрения эта планета по-прежнему наша.

Доктор Хьюго Милтиадес тоже встал. Его лицо побагровело от гнева.

— Вы хотите сказать, что намерены продолжать эксплуатировать этот новый мир ради исключительной выгоды вашей маленькой клики?

Лесли Дарлин бросил на него насмешливый взгляд, не потрудившись ответить.

Капитан пожевал губы.

— Нам следует собрать исполнительное заседание для обсуждения новых аспектов, — задумчиво произнес он. — Действительно, пройдет много времени, прежде чем прибудут даже представители с Земли. У нас нет средств коммуникации. — Он кивнул, так же задумчиво. — К тому времени, когда они будут здесь, порядки уже давно будут установлены.

Вмешался Фергюсон:

— Не так много времени, как вам кажется, шкипер. Я изъял из герметично запечатанных аварийных запасников “Годдарда” достаточно деталей оборудования, чтобы отремонтировать наше радио. Через неделю оно у нас со Спарксом заработает.

— И пусть никто не думает саботировать этот проект, — резко сказал Спаркс. — Я буду спать в радиорубке, пока работа не будет закончена.

Капитан сердито уставился на своего бывшего первого инженера.

— Кажется, вы забыли, мистер Фергюсон, что вы владеете частью Компании и всей ее собственности, и что ваши интересы совпадают с нашими.

— Ну да, а, кроме того, я дурацкий гражданин этой дурацкой планеты и чертовски хочу быть в ладах с моими согражданами, парень. Я могу и самостоятельно прожить. Мне не нужна возможность заставлять людей работать на меня под угрозой, что иначе они умрут от голода. Я могу сам делать свою работу.

— Легче, легче, — протянул Лесли. — Никто не говорит о том, чтобы заставлять кого-то умирать от голода, мой дорогой Джейфф. Это всего лишь вопрос выживания наиболее приспособленных. Мы, владельцы механизмов корабля, его орудий, библиотеки, оружия, похоже, самые приспособленные. Следовательно, мы извлечем немного больше выгоды из нашего нового дома, чем те, кто не владеет такими вещами.

Курро Зорилла, более похожий на быка, чем когда-либо, взгромоздился на ноги. Он посмотрел на Лесли Дарлина без всякого выражения и медленно произнес:

— Когда я учился в школе, я читал о британских предпринимателях, в первые дни Австралии, которые решили там основать новую промышленную колонию. Они рассчитали, что это даст им экономию за счет дешевой рабочей силы и дешевого сырья. Они снарядили большой корабль, со всеми необходимыми машинами и припасами, и взяли большое количество тех, кого считали за рабочий скот, подписавших контракты, и отвезли это все в Австралию. Но они совершили одну ошибку. Они перевезли все, кроме условий, которые действовали в Англии. Видите ли, оказавшись в Австралии, эти люди вовсе не должны были непременно работать на компанию. Земли хватало на всех. При первой же возможности эти люди завели свои собственные фермы, или ранчо, или что-нибудь еще. Ценные машины компании стояли без дела и покрывались ржавчиной.

— На чьей ты стороне, Зорилла? — рявкнул Бен Тен Эйк. — У тебя же полноправное место в правлении. Ты в высшей степени заинтересован в оборудовании, на которое у нас монополия.

Зорилла пожал могучими плечами.

— Я на той же стороне, что и Джейф Фергюсон. Я не возражаю, чтобы нашим оборудованием пользовались все. Конечно, я рад, что оно у нас есть. Но я не настолько глуп, чтобы пытаться использовать его таким образом, что моя жена — а она колонистка, джентльмены, — бросит меня из-за того, как я поступил с ее друзьями и родственниками. Или чтобы меня подстрелили темной ночью, или чтобы мой дом сжег кто-то, у кого на меня зуб.

— Все это следует отложить для обсуждения на исполнительном заседании правления, — проворчал капитан.

— Не забудьте, что я член правления, когда будете собирать заседание, капитан Глюк, — нежно сказала Кати.

Энгер Кастио, временно забытый в горячке спора, не заметно просочился назад и обошел вокруг, к тому месту, где стояла Кати, крайняя в группе комитета колонистов.

— Пойдем отсюда, — шепнул он ей. — Это может продолжаться бесконечно, и никто ничего не решит. Потом найдется дюжина людей, которые будут рады нам пересказать все, что говорилось.

Она прошла вместе с ним несколько шагов, так что их голоса уже не были слышны толпе, и озабоченно произнесла:

— Но мой долг — быть там.

Он взял ее за руку и потащил прочь, причем она сопротивлялась на удивление слабо. Он привел ее на небольшой холмик, возвышающийся над уровнем равнины, откуда можно было смотреть во всех направлениях: на возвышающуюся громаду "Титова", на Палаточный Город, на собрание колонистов, на расстилающиеся недавно обработанные поля и сцену вчерашнего сражения; на общие могилы его жертв.

Они стояли и смотрели на все это, и его настроение передалось ей.

— Знаешь, — медленно сказал Энгер, — на самом деле большинство из тех, кто сейчас спорит, в конце концов придут к одному и тому же. Даже Лесли. Он умен и образован, и у него есть воля к жизни. Он отлично покажет себя в этом нашем новом мире, неважно к какой социоэкономической системе мы в результате придем. То же самое — капитан и Бен Тен Эйк, если его, конечно, не подожгут в результате его слишком быстрого стремления достичь положения, которое он, по его мнению, заслуживает. И Зорилла, и Джейф, и офицеры. Все они счастливо умрут здесь на Новом ...Бали, окруженные процветающими отраслями хозяйства и выводками детей.

— Ты так уверен? — спросила она.

— Угумм. Лесли ошибался. Пионеры — это не средние идиоты и не неудачники. Они действительно не в ладах с обществом, они недовольны им — что означает как раз, что они не в силах выдержать нелепые ограничения и излишества напыщенного общества статус-кво, откуда они происходят. Это в основном люди с высокой степенью компетентности: те, кто не таков, быстро опускаются на дно и не попадают даже в кандидаты в пионеры. Среди нас, конечно, есть несколько средних идиотов, но их быстро убивают в пьяных драках, или их добивает сок джунглей,

который они пьют, бесконечно ноя, что хотят обратно домой. В то время, как настоящие пионеры селятся в лесах или работают, не покладая рук, как Зорилла со своими животными, или Фергюсон и Спаркс с их новыми идеями, о том, как адаптироваться к новому окружению.

Он на мгновение задумался, затем сказал:

— Зорилла, должно быть, понял это очень давно. Что суть вопроса заключается не в том, чтобы уничтожить Новую Аризону варварской эксплуатацией, а в том, чтобы развить ее и вместе с ней всех колонистов. Я подозреваю, что это он испортил радио и спасательный катер.

— Да, — тихо сказала Кати. — Он сказал мне, после той сцены, когда капитан обвинил меня и хотел лишить меня места в правлении, что он бы признался — но ты первым засвидетельствовал мое алиби. Как ты думаешь, а патер Уильям справится?

Энгер сухо рассмеялся.

— Как сказал бы Лесли, патер Уильям всегда будет с нами. Да, я думаю, он справится. Совсем не так, как первоначально предполагал он и его организация, но он будет строить храмы, а затем школы и больницы, и привлечет неофитов, чтобы переложить на них свои обязанности, когда он уйдет на покой.

— Твой тон говорит, что ты не придерживаешься ни одной из Объединенных Религий, — сказала она. — Я думала, что поэтому ты должен быть против его деятельности.

Энгер покачал головой.

— Я не очень уверен насчет моего собственного отношения к религии. Высшим религиозным верованием человека было стремление к совершенству, которого, быть может, не существует в самом человеке — по крайней мере пока. Однако, сам факт, что он способен к этому стремиться, свидетельствует о его неизбежном росте. Что касается Храма, религию нельзя реформировать, уничтожая ее священнослужителей, посланников, капелланов, мулл, гуру и так далее. Религия существует в умах людей. Если они достаточно поумнеют, чтобы отвергнуть организованную религию с ее недостатками, они отвергнут ее. Не раньше.

— Женская интуиция подсказывает мне, что ты выяснил фамилию патера Уильяма.

Энгер продолжал смотреть вдаль.

— Ты и это знала?

— Да. Но как это согласуется с твоей... твоей миссией?

Энгер медленно произнес, по-прежнему не глядя на нее:

— Патер Уильям сделал две вещи, когда принял обет Монаха Храма. Он отказался от фамилии и поклялся в безбрачии. У него никогда не будет потомков. Когда-нибудь, Кати, мы и наши дети будем присутствовать на похоронах последнего из Пешкопи, который умрет, довольный жизнью.

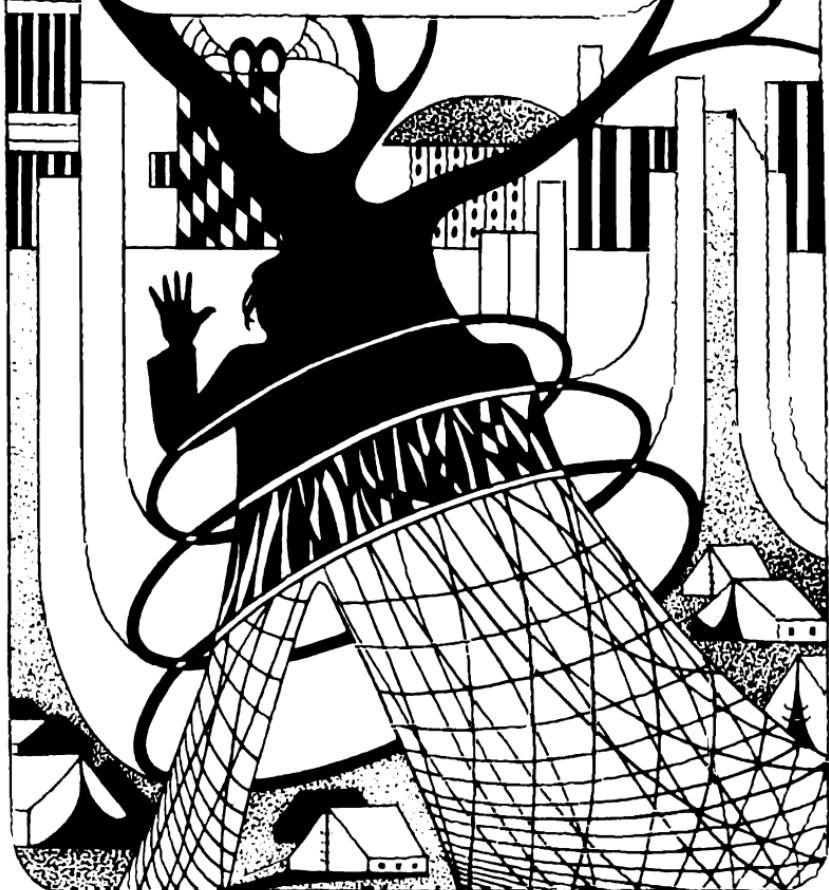
Кати протестующе фыркнула.

— Должна сказать, это самое неподобающее предложение руки и сердца, о котором я когда-либо слышала.

Божественная
сила

EARTH UNAWARE

A Belmont book, New York, 1966

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*“Свободна воля,
Душа мудра, могуча и прекрасна
Начатки Силы богоявленной дремлют в нас
Мы боги, мы творцы, святые мы,
герои — коль захотим”.*

Мэтью Арнольд

ГЛАВА I

Джерри в контрольной будке размахивал руками. Эд Уандер бросил взгляд на большие часы студии. Передача затягивалась.

Он обратился к гостю:

— Давайте немного вернемся назад. Вы употребили парочку терминов, с которыми большинство из нас не слишком знакомы. — Он заглянул в блокнот, где на протяжении передачи делал заметки. — Палин... палин... что-то в этом роде.

— Палингенез, — сказал Рейнхольд Миллер с едва заметной ноткой снисходительности.

— Вот именно. И метемпсихоз. Я правильно произнес?

— Правильно. Метемпсихоз. Переход души из одного тела в другое. Слово пришло из латыни, куда в свою очередь попало из греческого. Я рискую показаться нескромным, но должен заявить, что во всем мире нет большего авторитета по палингенезу и метемпсихозу, чем я.

— Вы дали нам определение метемпсихоза, — сказал Эд Уандер. — Ну, а что такое палингенез?

— “Палингенез” означает повторное рождение. Доктрина переселения душ.

— Так чем он отличается от метемпсихоза?

— Боюсь, что недостаток времени лишает меня возможности углубиться в подробности, без которых вопрос прояснить никак нельзя.

— Очень жаль. Ладно, я хотел вас спросить еще кое о чем. Вы говорите, что повторно рождались трижды. Первый раз вы родились как Александр Македонский, победитель империи персов. Вы описали свою смерть от горячеки после большой попойки в Вавилоне, после чего ваша... ээ...

душа переселилась в новорожденное тело карфагенянина Ганнибала, который впоследствии почти победил Рим, хоть и не окончательно. После того, как Ганнибал совершил самоубийство, приняв яд, вы снова увидели свет в теле маршала Нея, правой руки Наполеона.

— Все верно.

— Меня интересует, где ваша... ээ... душа находилась в промежутках. Если я еще не окончательно забыл древнюю историю, Александр жил примерно за четыре столетия до Рождества Христова. Ганнибал повел своих слонов через Альпы лет эдак на полтораста позже. Не падайте в обморок, ребята, я был лучшим учеником на все старшие классы, когда речь заходила о древней истории. Теперь прикинем... ага, маршал Ней должен был родиться в восемнадцатом веке, раз он сражался вместе с Наполеоном. Между вашим вторым и третьим рождением приличная дыра!

— В смерти не существует времени, — высокомерно сказал Рейнхольд Миллер.

— Это еще как?

— Промежуток между прежней и новой жизнью неощутим. Когда я был казнен как Мишель Ней, то почувствовал внезапный всплеск света и боли, а затем без всякого перехода ощутил себя кричащим ребенком, только что рожденным на свет.

Эд Уандер задумчиво потрогал кончик носа указательным пальцем, спохватился и отвел руку. Определенно, эту привычку надо истребить, если он намерен когда-нибудь вывести свою передачу на телевидение. Дурацкий жест.

— Еще вопрос, мистер Миллер, — сказал он. — Не кажется ли вам странным совпадением то, что во всех трех ваших предыдущих... ээ... инкарнациях вы были одним из величайших военных гениев мира?

— Возможно, таково предназначение моей души.

— Чем, вы сказали, занимаетесь в настоящее время, мистер Миллер?

— Я бухгалтер.

Эд Уандер заглянул в блокнот.

— Да-да. Вот у меня записано. Помощник счетовода на складе городского управления города Брисбен, штат Пен-

сильвания. Я думал, что в наши дни Процветающего Государства вся бухгалтерская деятельность автоматизирована. Брисби, должно быть, слегка отстал в этом отношении. Но вы не удивлены, что ваша последняя инкарнация — это не Дуглас Мак-Артур, не Эйзенхауэр, или не виконт Монтгомери? Ради, так сказать, сохранения логики событий.

— Не мне вопрошать. Пути вечного духа скрыты тайной.

— Понимаете ли, мы уже пару раз приглашали принять участие в нашей передаче людей, которые прошли через несколько инкарнаций. И что меня больше всего удивляет в людях, которые... ээ... утверждают, что рождались несколько раз, это то, что они никогда не воплощались в садовника, следившего за расписанием рабочих смен на бахче Тамерлана, но всегда в Тамерлана собственной персоной. Никогда не были трубочистом в Москве 1175 года, а только Екатериной Великой. И как это получается, что вы, ребята, которые рождаетесь повторно, всегда в прошлых жизнях были большими шишками?

Миллер отреагировал на эти слова, как и на все остальное, со спокойным достоинством и подкупющей искренностью, которые, решил Эд, наверняка покажутся придуркам, слушающим передачу, признаками сумасшествия.

— Я должен сослаться на казус Бриди Мэрфи.

— Тише, — дружелюбно сказал Эд. — Тут вы меня поймали. Ребята, вы должны помнить — году в пятьдесят шестом или около того вся страна говорила о леди из Колорадо, которая впадала в гипнотический транс и вспоминала свою предыдущую жизнь, в которой она была простой ирландской девушкой в конце восемнадцатого века.

Звякнул телефон, и Эд поднял трубку.

— Звонит профессор Ди, Крошка Эд, — сказала Долли. — Он хочет задать гостю пару вопросов.

Эд Уандер положил трубку и подал знак Джерри в контрольной будке.

— Ребята, нам только что позвонил профессор Вэрли Ди, — сказал Эд. — Вы наверняка помните профессора, он преподает антропологию в нашем университете. Он несколько раз вел у нас проблемные дискуссии. Профессор —

один из величайших скептиков всех времен. Да уж, ребята, его не проведешь, он никому на слово не верит! Профессор Ди хочет задать нашему уважаемому гостю, мистеру Рейнхолду Миллеру, несколько вопросов. Если мистер Миллер не станет возражать, мы просто переключим телефон так, чтобы вы, наши слушатели, слышали обе говорящие стороны. Вы не против, мистер Миллер?

— Я готов отвечать на любые вопросы, заданные любым образом.

— Отлично. Итак, профессор?

Раздался скрипучий голос Вэри Ди:

— Вы говорите, что были Александром Великим. Если это правда, вы должны хорошо помнить битву при Иссе, одну из самых знаменитых побед Александра.

— Я помню ее так ясно, словно она была вчера.

— Не сомневаюсь, — саркастически отозвался Ди. — Ну так скажите, где был во время битвы Птолемей?

— Кто?

— Птолемей. Птолемей, который впоследствии основал македонскую династию в Египте и был предком Клеопатры.

— А, Птолемей, — Рейнхолд Миллер прокашлялся. — У вас неверное произношение. Он...

— Я изучал древнегреческий в течение восьми лет, — язвительно произнес профессор Ди.

— Он сражался на левом фланге.

— Неверно! — сказал Ди. — Он был одним из гетайров и сражался плечо к плечу с Александром, Черным Клеем и остальными...

— Чушь, — сердито сказал Миллер. — Вы это вычищали в какой-то дурацкой книжке по истории. Уж я-то знаю, где он сражался. Кому лучше знать? Это я был там, не кто-нибудь.

Джерри в контрольной будке делал круговые движения рукой, показывая Эду Уандеру, что пора закругляться.

Эд собрался отключить профессора, но тот как раз заговорил:

— Ну ладно, я не буду спорить. Пусть его там не было. Хотя некоторые историки, о которых вы столь презрительно отзовались — в их числе, между прочим, сам Птоле-

мей, — присутствовали при этой битве, и их свидетельства — свидетельства очевидцев. Но ответьте мне еще на один вопрос касательно Птолемея. Как его фамилия?

Миллер задумался.

— Ну же, ну, — настаивал профессор. — Он был одним из ближайших друзей Александра.

Эд помимо своего желания пришел Миллеру на помощь.

— Джентльмены, — сказал он. — Наше время истекло. Прошу меня извинить. Быть может, нам удастся собраться вместе еще как-нибудь. Благодарю вас...

— Его фамилия была Сотер, — каркнул профессор Ди. — Как Александру должно быть... — но на этом месте Джерри прервал трансляцию.

— ...Благодарю вас, профессор Ди. И особенно благодарю вас, мистер Рейнхолд Миллер, за то, что вы сегодня посетили нас и рассказали нам про свои реинкарнации. Говорит радиостанция WAN, Голос Гудзон Вэлли из Кингсбурга, штат Нью-Йорк. Вы слушали передачу Эда Уандера «Час необычного».

Эд обратился к технику:

— Запусти музыку по кругу, Джерри!

Погасла красная лампочка, свидетельствуя, что студия больше не связана с эфиром. Эд Уандер откинулся на спинку стула и расправил плечи, потягиваясь. Он уставал от работы с микрофоном, особенно в этих длинных передачах, где ему приходилось большую часть диалога брать на себя.

— Вы сказали, что я смогу еще выступить в вашей передаче, — произнес Рейнхолд Миллер. — Я был бы приятелен...

— Еще бы, — заметил Эд Уандер, демонстративно зевая.

— Простите?

Папка для бумаг Эда Уандера лежала рядом на столике, оббитом тканью. Столы в студии были оббиты тканью, чтобы гости-непрофессионалы не нашумели на весь эфир, скребя по столу ногтями или постукивая карандашом. Эд вынул из папки бумаги и чековую книжку.

— Ну-ка, посмотрим, — сказал он. — Вам обещали пятьдесят зеленых плюс расходы, верно?

— Таково было соглашение. Послушайте...

Эд Уандер вынул ручку.

— Нет, это вы послушайте, Миллер. В нашей передаче принимали участие много разных странных типов. Люди, которые видели маленьких зелененьких человечков, выходящих из летающей тарелки. Люди, которые утверждают, что они ясновидящие, медиумы, предсказатели судеб, черные маги, ведьмы. Как-то раз был даже парень, который рассказывал, как он был оборотнем. — Эд быстро писал, продолжая говорить. — Но знаете что? Большинство их верили в то, что говорили. Насколько я могу судить, не исключено, что некоторые действительно говорили правду. Мы здесь, в этой передаче, не ретрограды.

— Я... я не понимаю, о чем вы, мистер Уандер.

— А я думаю, что понимаете. Когда я предлагал оплатить вам расходы и добавить еще пятьдесят долларов, то полагал, что вы человек, который искренне считает, будто прожил несколько жизней, — неважно, ошибается он, или нет. — Эд Уандер неодобрительно хмыкнул. — Любой может прочесть кое-что об исторических личностях вроде Александра, Ганнибала и Нея.

Миллер плотно сжал побелевшие губы.

— Вы не имеете права так говорить со мной. Я пришел сюда, потому что доверял вам.

— И чтобы получить пятьдесят зеленых. Вы не смогли ответить на вопросы профессора Ди, Миллер. Он историк, и читал об Александре и его людях больше, чем вы.

— Но послушайте, мистер Уандер, я не отрицаю, что много читал о людях, в телах которых я ранее существовал. Я признаю также, что забыл некоторые детали жизни моих предыдущих инкарнаций. Это может случиться с кем угодно. Я уверен, что в вашей собственной жизни есть детали, которых вы не помните. Это еще не...

Эд зевнул, помахивая в воздухе чеком, чтобы просушить его.

— Это ваши дорожные расходы. Теперь я выпишу вам отдельный чек за ваше мошенничество.

Лицо Рейнхолда Миллера вспыхнуло от гнева.

— Я возьму деньги за дорогу, потому что они мне нужны. Но если вы считаете, что я жулик, мистер Уандер, вы можете оставить себе эти пятьдесят долларов.

— Это как вы пожелаете. Пожалуйста, распишитесь здесь, что вы получили полную компенсацию.

Рейнхолд Миллер схватил ручку, поставил подпись, взял чек на меньшую сумму, развернулся на каблуках и вышел через оббитую мягкой тканью дверь. Эд Уандер некоторое время оценивающе глядел ему вслед, затем сложил бумаги обратно в папку.

Джерри махал ему из контрольной будки. Эд поднялся, закурил сигарету и направился в будку.

— Джерри, где ты, черт бы тебя побрал, берешь эти тряпки? — поинтересовался он, входя. — В Армии Спасения? Ты позоришь нашу передачу. И что ты куришь в этой доисторической трубке, каминный уголь?

Техник фыркнул, выпустив клуб дыма из обсуждаемой трубки, и ответил:

— Здесь не телевидение. А если бы и было телевидение, я все равно не в кадре. Ну как, выдурил ты у него деньги, Крошка Эд?

— У кого?

— У этого Александра Великого.

— Он жулик.

— Знаешь, что я тебе скажу? Он, может, и попал пару раз пальцем в небо, но парень верил в то, что говорил. Он не пытался никого надуть.

— Мне так не кажется. У передачи ограниченный бюджет, Джерри.

— Ага. И если в конце месяца что-то остается, оно попадает к тебе в карман. Кругленькая сумма может получиться.

— Тебе-то что?

— Ничего. Мне нравится смотреть, как ты действуешь. Они могут выкинуть с работы девять человек из десяти, заменив их автоматами. Но вечный мошенник по-прежнему здесь.

Эд Уандер покраснел.

— Лучше не суй нос в мои дела, если не хочешь нажить неприятностей!

Джерри вынул изо рта трубку и насмешливо хмыкнул.

— Неприятностей! Это от тебя-то, Крошка Эд? Какие неприятности ты способен причинить кому бы то ни

было, — он осмотрел свой правый кулак, — которых нельзя избежать, врезав тебе разок-другой по смазливой физиономии?

Эд быстро сделал шаг назад. Затем собрался с духом и недружелюбно произнес:

— И это все, зачем ты меня сюда звал?

— Пока ты вел передачу, пришел Толстяк. Он хочет тебя видеть.

— Маллигэн? Что он здесь делает так поздно?

Эд Уандер повернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Звуконепроницаемая дверь контрольной будки открывалась в небольшой холл. Оттуда две такие же двери вели: одна — в Студию Три, которой Эд Уандер пользовался для своейочной передачи, другая — в коридор.

Эд направился по коридору в офис. Прежде чем оставить папку в своем столе, он подошел к столу Долли и сделал вид, что вздрогнул от ужаса.

— Боже правый, что ты сотворила с волосами?

Долли провела рукой по волосам.

— Тебе нравится, Крошка Эд? Это последний крик итальянской моды. Стиль “Фантазия”.

Эд покачал головой, горестно закрыв глаза.

— Неужто настоящие женские прически никогда не вернутся? — он оставил шутливый тон.

Эд подошел к своему столу, положил папку в ящик и запер его. Поправляя галстук, он направился к двери в кабинет Мэтью Маллигэна. Перед дверью он на мгновение остановился, затем осторожно постучал два раза.

Глава телерадиостанции сидел за столом, слушая рок-н-свинг, завершающий передачу Эда. У него был такой вид, словно это занятие не способствует его пищеварению.

— Вы хотели меня видеть, мистер Маллигэн?

Маллигэн глянул Эду прямо в глаза и с нажимом произнес:

— Моя страна, да будет она всегда права... — и замолчал.

Эд Уандер моргнул. От него явно ждали продолжения цитаты. Он лихорадочно пытался сообразить, и наконец сказал:

— Ээ... но это моя страна, правая она или левая.

— ...но это моя страна, правая она или НЕПРАВАЯ, — сказал Маллигэн обвиняющим тоном. — Я вижу, ты не состоишь в обществе.

До Эда Уандера дошло. Общество Стивена Дикейтюра, организация, с точки зрения которой даже бёрчеры слишком левые. До него доходили слухи, что Маллигэн является ее членом.

— Нет, сэр, — искренне сказал Эд. — Я думал о том, чтобы узнать побольше об этом обществе и, может быть, вступить в него, но я был ужасно занят передачей. Вы думали о том, чтобы перевести ее на телевидение, мистер Маллигэн?

— Нет, не думал, — буркнул Маллигэн. — Сядь. Ты мне действуешь на нервы, когда висишь над душой. Я не собирался говорить о твоей передаче, Крошка Эд, но раз уж о ней зашла речь, должен сказать, что это не совсем то, что я себе представлял, когда ты расписывал мне идею. Ты находишь типа, который говорит, что он летал на Луну на летающей тарелке. Прекрасно! Но почему ты ни разу не нашел никого, кто бы показал нам кусок Луны, захваченный оттуда, или что-нибудь в этом роде? Или эти предсказатели будущего. Что действительно нужно твоей передаче, так это кто-нибудь, кто предскажет, что Персону Номер Один в Москве пристукнут в следующий вторник — и трах-бах, так оно и происходит! Что-нибудь эдакое, и дюжина спонсоров будут наперебой предлагать финансировать твою передачу.

Эд Уандер мечтал о том, чтобы у него хватило храбрости закрыть уставшие глаза. Вместо этого он торопливо спросил:

— Так зачем вы меня вызывали, мистер Маллигэн?

— А? Ах, да. Что ты делаешь завтра вечером, Крошка Эд?

— У меня свидание. Завтра — один из моих выходных, мистер Маллигэн.

— Ну так захватишь свою подружку с собой. Ты что-нибудь слышал про типа по имени Иезекиль Джошуа Таббер?

— Вроде нет. Я бы запомнил такое имя. И я не думаю, что смогу отменить свидание.

Шеф телерадиостанции не обратил внимания на его слова.

— Он — религиозный маньяк или что-то вроде. Дело в том, что общество получило несколько жалоб на него в письмах и по телефону, понимаешь? Жалобщики утверждают, что он ведет подрывную деятельность.

— Вы, кажется, сказали, что он помешан на религии.

— Да, но кроме того он еще и подрывной элемент. Многие красные прикрываются религией. Этот архиепископ в Англии, как бишь его. И еврейские рабби, которые вечно подписывают петиции против сегрегации. Как бы то ни было, на последнем собрании нашего филиала было решено выяснить, кто такой этот Таббер. Дело поручили мне.

Эд Уандер уже понял, к чему клонит шеф.

— Свидание... — начал он с робкой надеждой.

— Я в религиозных психах не разбираюсь, а вот ты со своей передачей — спец по всяким чокнутым. Завтра вечером пойдешь на его выступление. Вот адрес. Пустырь на Хаустон-стрит. С отчетом можешь выступить на следующем собрании нашего филиала.

— Послушайте, мистер Маллигэн, я бы не узнал подрывной элемент, даже если бы обнаружил его у себя под кроватью. — Эд выложил козырь. — Это свидание у меня с Элен.

— Элен?

— Элен Фонтейн. Дочь Дженсена Фонтейна.

— Элен Фонтейн! Что девушка из высшего общества, такая как мисс Фонтейн, нашла в... — Маллигэн оборвал фразу на полуслове, рыгнул и пожевал толстые губы. — Скажи-ка, — спросил он наконец, — ты когда-нибудь разговаривал с мистером Фонтейном о своей передаче с тех пор, как она вышла в эфир?

— Он от нее без ума, — быстро сказал Эд. — Он говорил мне об этом как раз вчера вечером. Мы с ним вместе пропустили пару стаканчиков, пока я ожидал, когда Элен оденется к выходу.

— О-да, в самом деле? — шеф студии подвигал щеками, как будто жевал. — Ладно, послушай меня. Мистер Фонтейн — член нашего филиала, и Элен, кстати сказать,

тоже, хотя она и не часто появляется на собраниях. Почему бы вам вдвоем не заглянуть на этот палаточный митинг на полчасика? Этого хватит с лихвой

— Палаточный митинг! — воскликнула она, словно не в силах поверить. — Когда ты собрался на эту конвенцию гадальщиков на чайных листьях, я думала, что это последний раз, но...

— Общество Провидцев, — несчастным тоном сказал Эд. — Они в основном разглядывали хрустальные шары, а не чайные листья.

— ...теперь ты опять принялся за старое. С чего ты взял, что я вместо свидания соглашусь отправиться на митинг возрождения религии, Крошка Эд Уандер?

Эд принялся торопливо объяснять. Он сказал, что отправил бы вместо себя Маллигэна, если бы это не было поручение Общества Стивена Дикейтюра. Он сказал, что подумал, что Элен будет в восторге от возможности выполнить свой долг перед Обществом. Он сказал, что они смогут уйти тотчас же, как только она пожелает. Он сказал, что распознает подрывной элемент с первых слов его речи. Он сказал, что всю жизнь только тем и занимался, что разоблачал красных. Он сказал, что распознал в двух своих одноклассниках скрытых коммунистов еще в третьем классе.

Последнее ее доконало, и она сстроила ему недовольную гримасу.

— Ну ладно, умник. Следи только, чтобы папа не услышал, как ты валяешь дурака. Он к этому обществу относится серьезно.

Позже, когда они уже сидели в фольксховере, Элен спросила:

— Когда ты уже избавишься от работы в это кошмарное время, Крошка Эд? Мне казалось, идея была дать твоей передаче окрепнуть, а потом перевести ее на телевидение и пустить по воскресеньям утром.

— А-ну, — сказал Эд, — я предполагал именно так. Но старина Толстяк Маллигэн почему-то не соглашается. Он просто не понимает, сколько народу интересуется этой ерундой. Чуть ли не каждый человек в нашей стране верит в те или другие сверхъестественные штуки. Именно такие

ребята готовы просидеть половину своей жизни перед ящи-ком для идиотов. — Эд откашлялся. — Послушай, если бы ты попросила отца намекнуть...

— А, папу не очень заботит телерадиостанция, — сказала Элен без интереса. — То, что она ему принадле-жит, — еще не причина. Ему много чего принадлежит. Вот общество его интересует по-настоящему.

Они добрались до пустыря на окраине города. Почти точно в центре пустыря располагалась средней величины палатка. Только подобравшись ближе, они разглядели, что за ней прячется еще одна.

— О, матерь божья! — протестующе воскликнула Элен. — Неужели там кто-то живет внутри — как цы-гане?

В месте, предназначенному для парковки, машин было немного. Эд опустил машину рядом с остальными и пога-сил фары.

— Похоже, они уже начали, — сказал он.

— Когда у тебя будет настоящая машина, Крошка Эд? — сказала Элен. — Я себя чувствую тараканом, когда выкарабкиваюсь из этой штуки или забираюсь в нее.

Протискиваясь к дверце из-под руля, Эд беззвучно про-бормотал:

— Когда я разбогатею, милая. Когда разбогатею.

Он взял ее под руку и направился туда, где, похоже, был вход в больший из полотняных шатров.

Элен сказала:

— Не забывай, что мы собирались зайти туда и выйти обратно так быстро, что они увидят вместо нас туманное пятно.

На входе был приемный комитет, две особы среднего возраста и девушка. Нельзя сказать, что они преграждали путь в буквальном смысле слова, но все же проще было задержаться.

Одна из особ скрчила гримасу, которая, вероятно, оз-начала улыбку и спросила:

— Кто вы, добрые души? Пилигримы на пути в Эли-зиум?

Эд мгновение подумал, прежде чем ответить:

— Вряд ли.

— Могу точно сказать, что я — нет, — ответила Элен. Избавление пришло с неожиданной стороны. Девушка из приемного комитета мягко рассмеялась и сказала:

— Да, боюсь, что вы не пилигримы — пока, по крайней мере. — Она протянула руку. — Я Нефертити Таббер. Сегодняшний оратор, Говорящий Слово, — мой отец.

— Не только сегодняшний, — вмешалась одна из особ. — Иезекиль Джошуа Таббер — единственный Говорящий Слово. Наставник пути в Элизиум.

— Любой может нести учение людям, Марта, — мягко сказала Нефертити.

— Я перестала понимать, о чем речь, — сказала Элен. — Давай войдем и посмотрим представление.

Эд Уандер пожал протянутую девушкой руку. Она оказалась одновременно твердой и мягкой, и это его смутило. Девушка улыбнулась им вслед. Эд последовал за Элен в палатку. Она направилась к переднему ряду стульев. Уандер подумал, что Элен собралась хулиганить. Он сам сел бы сзади.

Митинг уже начался. Некоторое время вновь прибывшие не слушали оратора. Помогая Элен снять пальто и устроиться на шатком складном стуле, Уандер всей душой желал, чтобы ничего не случилось. Два десятка человек, которые составляли аудиторию, не производили впечатления фанатиков, готовых сжечь живьем каждого, кто не разделяет их убеждений. И все же митинг возрождения религии был последним местом, где Эду хотелось затевать беспорядки.

Элен сказала громким театральным шепотом:

— С этим бобровым мехом он похож больше на Авраама Линкольна, чем на проповедника.

— Шшш, — сказал Эд. — Давай послушаем, что он говорит.

Кто-то позади тоже шикнул, и Элен повернулась посмотреть, кто это.

Собственно говоря, решил Эд, Элен права насчет его внешности. В старице, стоящем на возвышении, действительно было нечто линкольновское — высшая красота, простирающая сквозь некрасивость черт. И безграничная печаль.

Он говорил:

— ...неважно, каким образом организована система представления или делегирования правительственной функции, в любом случае происходит отчуждение части свобод и средств граждан...

Элен сказала Эду, не поворачивая головы:

— Что это на нем надето? Костюм из джутового мешка?

Эд сделал вид, что не слышит.

— ...все партии без исключения, поскольку они стремятся к власти, представляют собой разновидности абсолютизма.

Элен выхватила эту фразу и громко спросила:

— Даже коммунистическая партия?

Таббер — Эд Уандер решил, что это и есть Иезекиль Джошуа Таббер — прервал изложение и мягко глянул на нее.

— Особенno коммунисты, добрая душа. Коммунизм не в состоянии признать, что человек, хотя и является общественным существом и стремится к равенству, в то же время любит независимость. Собственность, по существу, проходит из желания человека освободиться от коммунистического рабства, которое представляет собой самую прimitивную форму общества. Но собственность в своем развитии также доходит до крайности и начинает нарушать равенство и поддерживать переход власти к привилегированному меньшинству.

Удовлетворил ответ Элен Фонтейн, или нет, Эд не знал, но он начал удивляться, какое все это имеет отношение к религии. Он шепнул Элен:

— Кем бы он ни был, он не красный. Пойдем.

— Нет, подожди. Я хочу послушать, что еще скажет старый козел. Как вообще эта скелетина заимела такую пухленькую милашку-дочь? Он выглядит так, будто ему на днях стукнет восемьдесят.

Позади кто-то снова зашикал, а кто-то другой сказал:

— Потише, добрая душа. Мы не слышим Говорящего Слово.

На этот раз Элен не потрудилась обернуться, но на некоторое время утомонилась, к облегчению Эда. Он уже видел воочию, как их натуральным образом вышвыривают из палатки. А если Эд Уандер что-то по-настоящему не-

навидел, так это насилие, особенно когда таковому подвергалась его собственная персона. Он снова сосредоточился на Таббере, который, похоже, перешел к сути рассматриваемого вопроса.

— Итак, мы утверждаем, что настало время избрать путь в Элизиум. Наша жажда обладания, наша безумная, отчаянная драка за блага, за собственность, за материальные предметы возросли так сильно, что мы превратили эту благословенную землю, данную нашим предкам Всеобщей Матерью, в настоящую пустыню. Нация потеряла уже треть плодородного верхнего слоя почвы, который был на этой земле, когда пилигримы высадились. Потребление нефти со времени окончания Второй мировой войны возросло втрое, и, хотя мы владеем всего одной седьмой частью известных на планете ресурсов, в нашем безумии мы потребляем более половины мировой добычи нефти. Когда-то мы были ведущим в мире экспортером меди, а теперь мы — ведущий импортер. Наши некогда огромные запасы свинца и цинка настолько уменьшились, что их скоро будет невыгодно разрабатывать.

Но безумная гонка не прекращается. Мы желаем потреблять еще и еще. Потребляйте! Потребляйте! — требуют от нас. Ищите счастья вожделении к вещам. Потребляйте! Потребляйте! — говорят нам, и бесчисленные миллионы тратятся на извращенцев с Мэдисон Авеню, чтобы наш народ продолжал требовать, требовать все больше вещей, которые им не нужны. О добрые души, знаете ли вы, что в своем безумном стремлении вовлечь нас во все возрастающее потребление те, кто наживается на этом, тратят в год пятьсот долларов на каждую семью нашей нации только на упаковку вещей. Пятьсот долларов в год только на то, что выбрасывается! Тогда как наши братья в таких странах как Индия имеют доход на душу населения всего тридцать шесть долларов в год.

Теперь, решил Эд Уандер, оратор разошелся по-настоящему. Но это по-прежнему имело мало общего с религией. Если не считать упоминания Всеобщей Матери, кем бы она ни была, и привычки Таббера обращаться к аудитории “добрые души”, это больше напоминало нападки на общество изобилия, чем на поиски спасения души.

Эд краем глаза посмотрел на Элен. Ему показалось, что общие места утомили ее озорную натуру, и ей скоро надоест этот палаточный митинг. Ему также показалось, что, невзирая на ее насупленно-сосредоточенный вид, она воспринимает только каждую вторую фразу из обличительной речи Таббера.

— ...бездумное потребление. Мы больше тратим на поздравительные открытки, чем на медицинские исследования. Больше тратим на курение, азартные игры и выпивку, чем на образование. Больше тратим на зрелица и украшения, чем на фундаментальные научные исследования или на книги...

Эд начал шепотом:

— Послушай, этот тип — не подрывной элемент. Просто хронический недовольный. Пойдем отсюда, как ты думаешь?

Но Элен не поддалась на его уловку. Раздался ее ясный и громкий голос:

— О чем ты стонешь, папаша? В Америке самые высокие мировые жизненные стандарты. Никто еще не жил так хорошо.

Упало молчание.

Даже те, кто все время шикал сзади, не нарушили его.

Непостижимым образом немолодой человек с мягким печальным лицом, который, несмотря на суть своих нападок, говорил тихим проникновенным голосом, вырос на несколько дюймов и увеличился в размерах. На мгновение Эд невольно задался вопросом, выдержит ли шаткая кафедра добавочный вес.

Он шепнул Элен:

— Ты сказала, Эйб Линкольн? Он больше похож на Джона Брауна, готового освободить рабов в Харперз Ферри.

Элен начала что-то говорить, но ее голос потонул в громовом реве Иезекиля Джошуа Таббера.

— Жизненные стандарты, глаголешь ты! Есть ли то жизненный стандарт, что мы должны иметь новую машину каждые два-три года, выбрасывая старую за ненадобностью? Есть ли то жизненный стандарт, что женщина должна нуждаться в полдюжины купальных костюмов, а иначе считает себя униженной? Есть ли то жизненный стандарт,

что все устройства сконструированы так — они называют это запланированным устареванием — что почти немыслимо доставить их домой из магазина раньше, чем они придут в негодность? Воистину мы в Соединенных Штатах использовали больше мировых ресурсов, чем все население Земли за всю писаную историю человечества до 1914 года, в этой ложной погоне за жизненными стандартами. Добрая душа, это безумие! Мы должны стать на путь, ведущий в Элизиум!

Эд Уандер тряс Элен за руку, но остановить ее было невозможно.

— Прекрати называть меня “добрая душа”, папаша. Если тебе приходится жить в палатке и носить джутовую дерюгу, это еще не значит, что остальные хотят последовать твоему примеру.

Иезекиль Джошуа Таббер вырос еще на шесть дюймов.

— Ты не сумела услышать слово, о суэтная женщина. Разве не говорил я, что дары Всеобщей Матери бездумно расточаются во имя суэтных и мнимых благ, о коих глаголешь? Обрати взор свой на себя. На платье свое, которое наденешь лишь несколько раз, прежде чем выбросить ради нового фасона, новой моды. На туфли свои, столь непрочные, что нуждаются во внимании сапожника, будучи всего несколько раз надеты. На лицо свое, раскрашенное дорогостоящими красками в ущерб дарам Всеобщей Матери. Не говорил ли я, что мы почти исчерпали наши запасы меди? И все же каждый год женщины выбрасывают сотни миллионов латунных футляров из-под губной помады, а латунь делается преимущественно из меди. Ступи на путь в Элизиум, о суэтная женщина!

— Слушай, Элен... — Эд Уандер с несчастным видом тормошил ее.

Но Элен разошлась не на шутку. Она вскочила на ноги и рассмеялась в лицо разгневанному пророку.

— Может быть, твоя дочь, там, снаружи, с удовольствием отправилась бы на свидание, вместо того, чтобы слоняться вокруг палатки — если бы она немного занялась своей внешностью, папаша. Ты можешь трепаться хоть до утра про этот путь к Всеобщей Матери, но не уговоришь ни меня, ни кого другого, если у него есть хоть капля

здравого смысла, отказаться от жизненных удобств. Число людей, которым небезразличны комфорт и стиль, растет, и ты с этим ничего не поделаешь.

— Слушай, пойдем отсюда, — взмолился Эд. Он тоже встал с места и тащил Элен к проходу между рядами, ведущему к выходу. Он еще раз невольно поразился, как шаткий деревянный помост, на котором стоял Иезекиль Джошуа Таббер, выдерживает бурю ярости этого человека. Даже занятый тем, что тянул Элен к выходу, Эд отметил потрясение, застывшее на лицах немногочисленных слушателей.

Таббер только на миг задержал дыхание, затем раздался его голос — рев такой силы, что он перекрыл бы даже трубный глас.

— НЫНЕ ВОИСТИНУ ПРОКЛИНАЮ СУЕТНУЮ ГОРДОСТЬ ЖЕНЩИН! ИСТИННО ГОВОРЮ, ЖЕНЩИНА, ЧТО БОЛЕЕ НИКОГДА НЕ НАЙДЕШЬ ТЫ НАСЛАЖДЕНИЯ В СУЕТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ. ВОИСТИНУ БОЛЕЕ НИКОГДА НЕ НАЙДЕШЬ ТЫ НАСЛАЖДЕНИЯ В КРАСКЕ ИЛИ ПЕСТРЫХ ОДЕЖДАХ!

Впервые за последние пять минут раздался тишайший звук со стороны группы верных последователей, которые, похоже, потеряли дар речи от безрассудной смелости Элен. Кто-то в благоговейном ужасе выдохнул:

— ...Сила...

ГЛАВА II

— Ну пойдем же, — понукал Эд сквозь стиснутые зубы. — Ты что, не понимаешь, что эти чокнутые могут тебя линчевать?

Он потащил ее по проходу между рядами, стараясь придать их уходу вид искреннего извинения и сохраняя при этом такой вид, будто все случившееся — лишь небольшое недоразумение. Он сомневался, что это у него получается. Элен тихо хихикала. Ему хотелось ее придушить.

Наплевательское поведение Элен переходило всякие границы. Эд всерьез задумался над тем, какие еще усилия

потребуются от него для того, чтобы вступить в удачный с деловой точки зрения брак.

Перед самым выходом он бросил беглый взгляд через плечо. Слушатели сидели, как громом пораженные. Старики Таббер на возвышении, похоже, вернул себе самообладание. Он уменьшился до своих первоначальных размеров. У него снова был вид вежливого Линкольна, а лицо выражало печаль высокого сострадания.

Когда они выбрались наружу, Элен выдернула руку.

— Пошли, — хихикнула она. — Мне удалось заставить его вскипятиться, верно?

— Да уж, ты заставила его вскипятиться, возразить трудно. Давай выбираться отсюда, пока он не передумал и не решил отправить своих верных последователей за нами в погоню.

Однако Эд говорил эти слова, не веря, что от старика и горстки его последователей может исходить физическая угроза.

Со стороны маленькой палатки подбежала девушка, которая раньше представилась им как Нефертити Таббер.

— Что... Я слышала, как отец...

Элен сказала:

— Уймись, милашка. Ничего не случилось.

— Ты должна присматривать за стариком, — сказал Эд Уандер. — Он так может когда-нибудь того.

Эд окинул взглядом девушку с головы до ног. Она того стоила.

Девушка остановилась.

— Я... слышала, как он возвысил голос в гневе.

Элен зевнула.

— Ты изъясняешься почти так же цветисто, как и он, милашка. Он просто малость разозлился, только и всего.

— Но, мисс Фонтейн, отец никогда не должен терять самообладание. Ведь он — Говорящий Слово.

Элен нахмурилась.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Нефертити начала что-то говорить, но тотчас сжала губы, а ее шея порозовела.

— О, мать божья! — засмеялась Элен. — Эта девушка краснеет! Не думаю, что я за последние несколько лет видела, чтобы кто-то покраснел.

Эд сказал:

— А все-таки, откуда вы знаете имя Элен?

Девушка не сразу ответила:

— Я... Я видела вашу фотографию в газете, мисс Фон-тейн.

Они уставились на нее. Элен снова засмеялась.

— Ага, значит, пока папочка возглашает речи против косметики и моды, дочка читает светскую хронику в газетах и томится.

Краска залила щеки девушки.

— О нет... нет...

— О да, Красная Шапочка. Это уж как пить дать. — Элен повернулась к Эду Уандеру. — Пойдем отсюда, Крошка Эд.

И она направилась к машине.

Прежде чем последовать за ней, Эд посмотрел на девушку.

— Прошу прощения, что мы разволнивали старика, — сказал он. — Он хорошо говорит. По крайней мере, он искренне верит в то, что говорит. Мне по работе приходилось сталкиваться с разными людьми.

У него было такое чувство, что девушка не привыкла разговаривать с мужчинами. Во всяком случае, наедине. Она опустила взгляд и произнесла:

— Я думаю, это так и есть, Эдвард Уандер.

Затем быстро повернулась и ушла в палатку.

Эд посмотрел ей вслед. Что за черт, она знала и его имя. Что ж, самодовольно пожал он плечами, это не так удивительно, как то, что она знала имя Элен. Очевидно, его передача достигла такого уровня, когда его начинают узнавать. Проклятье, если бы ему только удалось протащить ее на телевидение, уж он бы развернулся. Эд поспешил вслед за Элен.

Когда они оказались в машине, по дороге назад, Эд и Элен поменялись ролями. Теперь, когда физическая опасность, которая могла им грозить, была позади, Эд Уандер находил смешные стороны в происшествии. Зато Элен прозрела, задумалась над подробностями и мрачным смыслом того, что случилось. В конце концов она сказала:

— Может быть, мне не следовало этого делать.

— Я не ослышался? Наша сорвиголова из высшего света, Элен Фонтейн собственной персоной, раскаивается в содеянном?

Элен попыталась хихикнуть.

— Старик в сущности приятный человек. Ты уловил этот ореол искренности?

Эд сказал нечто прямо противоположное тому, что он говорил Нефертити.

— Это обычный прием религиозных маньяков. Тебе бы стоило посмотреть кое на кого из тех, кто участвует в моей передаче. Один из них утверждал, будто видел, как совершила посадку летающая тарелка. Он подошел к ней, его взяли на борт и повезли на Юпитер. На Юпитере — надо полагать, он мог дышать тамошним воздухом, и гравитация была, как на Земле, — они научили его местной религии и велели ему отправляться на Землю и распространить учение. Они сказали, что уже несколько раз бывали на Земле и обучали человека, чтобы он распространял учение, но всякий раз посланцы иска- жали истину. Моисей, Иисус, Магомет и Будда были среди тех, кто перевратил истинную религию — откровение юпитерианцев.

— Заткнись, ладно? — сказала Элен. — Слушать тошно. Как ты не рассмеялся этому типу прямо в лицо?

Эд чуть сильнее надавил на педаль газа.

— Об этом я и говорю. Послушать парня, так он просто выворачивал свою душу. Искренность из него так и лезла. После этой передачи пришли сотни писем от людей, которые хотели узнать больше об этой его новоявленной религии. Он упомянул, что пишет книгу. Он ее назвал “Новая Библия”. Пришло по меньшей мере пятьдесят заказов, деньги прилагались. Говорю тебе, когда речь заходит о религии, люди готовы поверить, чему угодно. Чем страннее, тем больше это вызывает у них веры. Что бы ни скрывалось под названием “вера”.

— Крошка Эд Уандер, мне придется поговорить с папой, чтобы он попросил Маллигэна перевести тебя обратно на утренние мыльные оперы. А то твоя передача делает из тебя циника.

— Мне больше ничего и не нужно. Я много лет добивался собственной передачи.

Ее тон изменился.

— Кроме того, ты не должен так говорить о вере. В истинной вере нет ничего плохого.

Он посмотрел на нее краем глаза.

— Что такое истинная вера?

— А, не будь таким умником. Ты знаешь, о чем я. О настоящей религии. Куда мы едем? Давай остановимся где-нибудь выпить кофе. По-моему, спор со старой бородой меня расстроил.

— Поедем в Старый Кофейный Погребок. У них там настоящие официанты. Мне нравятся настоящие официанты.

Подлинная причина была в том, что у него был кредит в Погребке у Дейва Цейса. Нельзя завести кредит в кафе-автомате. Ухаживание за Элен Фонтейн влетало в копеечку. Приходилось одеваться на ее уровне, приходилось иметь возможность по первому требованию вести ее в такие места, как Свэнк Рум. Счастье еще, что она не так уж сильно возражала против его фольксховера. Она думала, что Эд просто привязан к этой машине. Ее собственный Дженерал Форд Циклон, разумеется, был автоматическим. Несмотря на то, что это была спортивная модель. Эд сомневался, что Элен сумеет вести машину, если ей придется управлять по-настоящему.

— По-моему, я там никогда не была, — лениво сказала Элен. — Чем тебе не нравятся кафе-автоматы?

— Просто мне по душе настоящие официанты.

— О, матерь божья, я чувствую себя отвратительно. Как далеко это твое кафе? С какой стати ты вообще продолжаешь ошиваться на радио, Крошка Эд? Почему ты не займешься бизнесом, как все, кого я знаю? Тебе что, деньги совсем безразличны?

Эд возвел глаза к небу, зная, что полумрак скроет выражение его лица.

— Не знаю. Мне нравится радио. Конечно, я бы предпочел передачу на телевидении. Ты точно не можешь поговорить об этом с отцом?

— Где это твое кафе? — В ее голосе зазвучало раздражение. Проклятье, что за испорченное отродье эта девица!

— Уже скоро.

Эд отпустил рычаг подъема и опустился на автостоянку Погребка. Место было достаточно далеко от центра города, чтобы автостоянка располагалась на поверхности земли. Проделывая необходимые для остановки Фольксховера действия, открывая перед Элен дверцу машины, сопровождая ее к ярко освещенному кафе, Эд продолжал внутренне бормотать: «Почему я не займусь бизнесом... Мне что, деньги совсем безразличны?» Ха! Почему я не развозжу моржей в аквариумах для золотых рыбок?

— Давай сядем у стойки, — сказала Элен. — Закажи мне кофе, а я пока приведу себя в порядок.

Она направилась к дамскому туалету. Эд сел на высокий табурет у стойки. Вошел Дейв Цейс, и они обменялись стандартными вежливостями. Эд запросил кредит, получил согласие и заказал кофе.

— Послушай, — сказал он. — Как насчет того, чтобы выключить этот экран и музыкальный автомат. Когда оба работают, собственный чих не расслышишь.

Дейв одобрительно хихикнул.

— Я этой шутки еще не слышал, мистер Уандер. Вы, парни с радио, всегда расскажете что-нибудь новенькое. Как так получилось, что вы там работаете, а музыки не любите?

— Именно по этой причине я музыки и не люблю, — проворчал Эд. — То, что трем четвертям страны больше нечего делать, кроме как сидеть и плятиться в свои ящики для идиотов, а моя работа — обеспечивать им, на что плятиться, или что слушать, еще не значит, что мне тоже должно нравиться это занятие.

Дейв покачал головой.

— Эх, мне правда жаль, мистер Уандер, но я не могу их выключить. У меня есть другие посетители. Вы ведь знаете, каков народ. Если будет слишком тихо, они поднимут шум. Если совсем не будет музыки, они пойдут в соседнее заведение.

— У меня серьезный разговор с леди.

— Говорю вам, мистер Уандер, я бы сделал, что вы просите, но в любом случае ничего хорошего из этого не выйдет. Если посетители не уйдут, они включат портативные приемники. Мало кто сейчас не носит с собой радио-приемник, а чаще телевизор.

Раздался новый голос:

— Крошка Эд Уандер! Представитель Горация Элджера на радио!

Эд оглянулся.

— Привет, Баззо. Как дела у нашего суперрепортера? Как, дьявол тебя побери, тебе удается удержаться на работе при том, что ты выглядишь, как бездельник?

— Очень редко, Крошка Эд, — ответил тот. — Очень редко, ах ты старая кляча.

Эд сказал, зажимая нос:

— Из чего они делают сигары, которые ты куришь? Сворачивают из армейских одеял?

Де Кемп вынул упомянутый предмет изо рта и любовно оглядел его.

— Эта сигара — не простая штука. Когда я был мальчишкой, я видел Тайрона Пауэра в роли азартного игрока на Миссисипи. Он курил такую вот тонкую дешевую сигару. Незабываемо. Во мне пропал великий азартный игрок на пароходах Миссисипи, Крошка Эд. Я был рожден для этого. Позор, что речные колесные корабли сошли со сцены.

Эд заметил, что Элен возвращается. Он повернулся на стуле, чтобы помочь ей сесть. Затем его глаза выпучились. Он открыл рот, не нашел ничего, что сказать, и закрыл его.

Базз Де Кемп, который сидел спиной к Элен и не видел, что она подошла, сказал:

— Крошка Эд, что это за сплетни я слышал, что ты заигрываешь с дамой из богатого общества? Кто-то сказал, что ты хочешь жениться на дочери босса. Надоело вкалывать, приятель? А дружка у нее нет?

Эд Уандер закрыл глаза в немой агонии.

Элен бросила на репортера презрительный аристократический взгляд.

— Что это такое? — спросила она Эда. “Что” а не “кто”.

Эд застонал.

— Мисс Фонтейн, позвольте представить — Базз Де Кемп из “Таймс-Трибьюн”. То есть, если его еще оттуда не выгнали. Базз, это Элен.

Базз покачал головой.

— Ну и ну. Вы не можете быть Элен Фонтейн. Девицей типа “море обаяния”. Сногшибательная прическа, макияж, на который нужно несколько часов. Я видел Элен на фотографиях...

Элен повернулась к Эду, почти в поисках защиты.

— Я умылась и причесала волосы, просто чтобы лучше себя чувствовать. В этой палатке, должно быть, было ужасно грязно. Я вся чесалась!

Она придвигнула к себе кофе и положила в чашку сахар. Эд таращился на нее и никак не мог отвести взгляд. Он сказал:

— Послушай, Элен, ты ведь не приняла всерьез разглагольствования старого лопуха?

— Не говори ерунды, — сказала она, наблюдая, как официант снова наполняет ее чашку. — Просто в палатке было грязно. Я так думаю.

— О чём вы все? — спросил Базз. — Какая палатка?

Эд сказал нетерпеливо:

— Мы с Элен были на митинге возрождения религии, или вроде того. Выступал какой-то псих по имени Иезекиль Джошуа Таббер.

— А, Таббер, — сказал Базз. — Я хотел сделать о нем пару статей, но городской редактор сказал, что никого не интересуют новые религиозные культуры.

Элен посмотрела на него с таким видом, как будто только что его заметила.

— Вы были на его выступлениях?

— Был. Я заработал фобию к чокнутым теориям из области политической экономии. Хроническую фобию.

Чтобы удержать разговор на этой теме, горячо надеясь, что Базз не вернется к интересующей его женитьбе Эда на дочери босса, Эд сказал:

— Политическая экономия? Он ведь вроде бы религиозный помешанный, а не экономист.

Базз сделал большой глоток кофе, прежде чем ответить. Он отставил чашку и ткнул в сторону Эда своей сигарой.

— Где кончается религия и начинается социоэкономика; это спорный вопрос, Крошка Эд. Если покопаться, то обнаружится, что большинство мировых религий имеют корни в экономических системах своего времени.

Возьми иудаизм. Когда Моисей изложил эти свои законы, приятель, они покрывали каждый аспект кочевой жизни иудеев. Отношения собственности, обращение с рабами, обращение со слугами и работниками, денежные вопросы. Работа. То же самое можно сказать о магометанстве.

— Это было очень давно, — сказал Эд.

Базз ухмыльнулся ему и сунул сигару обратно в рот.

— Хочешь более свежий пример? — спросил он с сигарой в зубах. — Возьми Божественного Отца. Слышал о его движении? Оно началось в годы большой депрессии и, поверь мне, если бы не началась Вторая мировая война, так называемая религия Божественного Отца могла захлестнуть страну. Почему? Потому что это было в основном социоэкономическое движение. Оно кормило людей в те времена, когда многие голодали. Это была разновидность примитивного коммунизма. Каждый бросал все, что у него было, в общий котел. Если у тебя ничего не было, чтобы бросить, неважно, тебя все равно принимали. И все вместе работали, ремонтировали старые заброшенные дома, которые они покупали, превращая их в то, что они называли небесными обителями. Те, кто могли, занимались на работу во внешнем мире в качестве прислуки, шоферов, кухарок и так далее. То, что они зарабатывали, тоже шло в общий котел. Когда какая-нибудь небесная обитель собирала достаточно денег и приходило достаточно новообращенных, они покупали еще один старый дом и устраивали следующую небесную обитель. Это приняло серьезный размах, но потом началась война, и все поспешили зарабатывать сотню долларов в неделю, занимаясь сваркой на верфях.

— То, что вы рассказали, — вмешалась Элен, — возможно, относится к Божественному Отцу и Магомету, но не все религии... мм... экономические.

Базз Де Кемп посмотрел на нее.

— Это не совсем то, о чем я говорил. Но хорошо, назовите хотя бы одну.

— Ну это же очевидно. Христианство.

Базз запрокинул голову и рассмеялся. Он вытащил изо рта сигару и произнес:

— Кто-то сказал, что если бы христианство не возникло в свое время, римлянам для своей выгоды следовало бы его выдумать. Может быть, они так и сделали.

— Послушайте, вы ненормальный. Римляне преследовали христиан. Все, кто хоть что-то читал по истории, это знают.

— Сначала преследовали. Но когда римляне сориентировались, что это превосходная религия для рабовладельческого общества, они сделали христианство государственной религией. Оно обещает кусок пирога в небесах умирающему. Страдай на земле и после смерти получишь причитающийся тебе десерт. Какая вера лучше пригодна, чтобы удерживать в спокойствии эксплуатируемое население?

— Отличный вечерок получается, — угрюмо произнес Эд. — Сидим здесь, рассуждаем о политике и религии. Что ты скажешь, если мы будем двигаться, Элен? У нас еще есть время пойти на какое-нибудь шоу. У меня есть два билета на...

— Вы говорите, как атеист! — возбужденно сказала Элен.

Репортер отвесил пародийный поклон.

— Агностик с атеистическими наклонностями, — он уныло хрюкнул. — Собственно говоря, я не претендую на интеллектуальное превосходство. Моя мать происходит из семьи с давними агностическими традициями. Мой отец был рожден адвентистом седьмого дня, но стал одним из этих атеистов с угла улицы. Знаете, которые горазды загнать в угол какого-нибудь бедного искреннего баптиста и спрашивать у него, если Адам и Ева были единственными людьми в мире, на ком женился Каин? Так что я рос в атмосфере, в которой не признавали никакой из общепризнанных религий. Я стал агностиком по той же причине, по которой вы стали методисткой или пресвитерианкой...

— Я принадлежу к епископалианам! — фыркнула Элен, ничуть не смягченная неуклюжим самообвинением репортера.

— Как и ваши родители? А если бы из-за прихоти судьбы вы родились в мусульманской семье? Или в синтоистской? Как вы думаете, кем бы вы были? Ничего вы не

думаете. Мисс Фонтейн — вы на самом деле Элен Фонтейн, а? — Боюсь, что нам обоим не хватает оригинальности.

— А вот ко мне, между прочим, все это не относится, — сказал Эд. — Мои родители оба были баптистами, а я перешел в епископалианство.

Базз Де Кемп хрюкнул.

— Знаешь, Крошка Эд, я подозреваю, что под внешностью подхалима, лезущего вверх по общественной лестнице, которую ты являешь миру, бьется сердце из чистой латуни. Давай смотреть в глаза жестокой действительности. Ты оппортунист. Чтобы быть епископалианином, больше ничего не требуется.

Эд Уандер очнулся от неглубокого сна — ему снился покой, — и простонал слова, которые нужно было сказать, чтобы отключить аудиобудильник. Это действие вернуло его к мыслям о необходимости разобраться с кредитным балансом. За Фольксховер еще не было заплачено, не говоря уж об этом ультрамодном ТВ-стерео-радио-фоно-магнитозаписывающем устройстве — будильнике, встроенным в стену комнаты.

Эд перебросил ноги с кровати и почесал клочок своих усов. С тихим стоном он поднялся на ноги и направился в ванную. В ванной он уставился в зеркало. Тридцать три года. Когда человек начинает становиться человеком средних лет? Возможно, в сорок. В сорок лет нельзя больше всерьез называть себя молодым. Он посмотрел на свое лицо в поисках морщин, и понял, что в последнее время делает это гораздо чаще. Морщин, кстати сказать, не было. А эти легкие мазки седины на висках — только к лучшему. Они придают ему достоинство. Одно из преимуществ круглого полноватого лица — морщины не так видны, как на узких худых лицах.

Он оттянул губы, чтобы видеть зубы. Это была одна из его нерешенных проблем — выпрямить ли немногое передние нижние зубы, чтобы лучше выглядеть по телевизору? Есть ведь еще такая штука, как слишком правильные зубы. Придурки-зрители решат, что они искусственные.

А что делать с усами? Сбрить их совсем или пусть вырастут гуще? Сейчас у него были усы в виде тонкой ни-

точки, популярные среди перспективной деловой молодежи. Неприятность заключалась в том, что с тонкими усами он выглядел как типичный парижский жиголо. Возможно, ему вообще не к лицу усы, мрачно решил Эд. Усы хороши на лице с большим расстоянием между носом и верхней губой.

Если он когда-нибудь получит передачу на телевидении и развязется с этими дурацкими поздними часами на радио, ему придется решить вопрос и с зубами, и с усами. Как только становишься личностью на телевидении, уже нельзя менять свою внешность. Зрители привыкают к твоему виду и хотят, чтобы ты продолжал так выглядеть. У них не хватает мозгов, чтобы работать переключателями. Их это раздражает.

Он открыл баночку с депилятором *NoShav* и начал расстирать его по правой щеке, основательно втирая в кожу. Довольно многие ребята на телевидении прибегли к устраниению бород насовсем. Своим публичным имиджем рисковать нельзя. Как там звали этого кандидата в президенты, который тогда, давно, проиграл выборы вроде бы потому, что на экране выглядел так, будто не побрился? При этой мысли Эд Уандер почувствовал себя неуютно. Устранение растительности с лица каждое утро было истинно мужским занятием. Заставляло ощутить себя мужчиной. И все же публичным имиджем рисковать нельзя. Нельзя позволить себе выглядеть, как хулиган, если получишь передачу на телевидении.

Снова выплыл вопрос его кредитного баланса. Попытки держаться наравне с Элен серьезно на нем сказывались. Эд хотел бы, чтобы у него хватило находчивости предложить Элен выйти за него замуж. У него было скверное подозрение, что эта идея ей не понравится. Но рано или поздно ему придется это сделать. Зять Дженсена Фонтейна. Боже правый.

Может быть, нужно было сделать ей предложение вчера вечером. Она была одновременно и весела, и подавлена. Он никогда ее прежде не видел с гладко причесанными волосами и без никакой косметики на лице. Оказалось, что в таком виде у Элен появляется особенная, какая-то печальная привлекательность. Эд внутренне рассмеялся. Этот старый лопух, как там его. Таббер. Иезекиль Джо-

шша Таббер. Что-то в нем определенно есть, с этой его способностью увеличиваться ростом и размерами. Он сумел одержать верх над Элен с этим его проклятием суетности, или что он там проклинал.

Эд потянулся за полотенцем, чтобы стереть с лица NoShav.

Эд Уандер припарковал свой маленький ховеркар на крыше Фонтейн Билдинг и направился к подъемникам. Кроме него в подъемнике оказался только один пассажир — старомодно одетая молодая женщина без макияжа. Она, очевидно, мало заботилась о своей внешности. Эд смутно заинтересовался, на кого она работает, и кто в роскошном Фонтейн Билдинг согласен держать такое серое пятно.

Ему до этого дела не было. Эд даже не позабылся подождать, пока она первая назовет свой этаж. Он сказал:

— Двадцатый.

Автомат повторил:

— Двадцатый, слушаюсь, сэр.

Девушка назвала свой этаж глубоким горловым голосом, который дышал теплотой.

Эд Уандер взглянул на нее с чуть большим интересом. С таким голосом она была здесь на своем месте. Онгляделся в ее черты. Таким лицом согласился бы заняться любой косметолог. Можно поклясться...

Эд замер в изумлении.

— Ох. Простите меня, — сказал он. — Я не узнал вас, мисс Мэлоун. Я даже не знал, что вы в Кингсбурге.

Она без интереса взглянула на него.

— Привет... ээ... Крошка Эд, верно?

— Да-да, — с энтузиазмом сказал он. — Я видел вашу передачу по сети в понедельник вечером. Это правда здорово.

— Спасибо, Крошка Эд. Я сюда приехала для специальной передачи. Чем ты теперь занят? По-моему, я тебя не видела с тех самых пор, как ты мне помог с рекламой в передаче... передаче...

— “Софистикейтед Эуре Шоу”, — напомнил Эд, виляя хвостом на радостях, что его узнали. — Теперь у меня своя передача.

Ее брови поползли вверх, и она постаралась проявить интерес.

— Правда? Как мило. Ну вот, боюсь, это мой этаж.

Когда она вышла, Эд нахмурился в замешательстве. Затем его лицо прояснилось. Она приехала инкогнито. Это был способ избегнуть поклонников. Еще бы, даже он ее не узнал. Когда у него будет такое же громкое имя, как у Мэри Мэлоун, ему, быть может, тоже придется искать способы избавиться от поклонников.

Эд направлялся по коридору к своему рабочему месту, сосредоточившись на предстоящей передаче. Пришло письмо от свами, или йога, или кто он там. Это могло оказаться гвоздем программы. У него давно уже не было в передаче ни одного индуса. Индийцы смотрятся хорошо. Они так достоверно говорят. Эд смутно отметил, что за столом Долли сидит кто-то другой. Наверное, она заболела. Это плохо. Долли была его почасовой помощницей, у программы не было средств на полную ставку секретаря. Она выполняла большую часть тяжелой, нудной работы, и работала с ним с тех самых пор, как он получил первое "добро" от Маллигэна на свое чокнутое шоу.

Эд Уандер остановился перед столом Долли, открыл рот спросить, кто она, эта новенькая, и захлопнул его с явственным щелчком. Он снова открыл его, чтобы произнести:

— Зачем, во имя Магомета,двигающего горы, ты так вырядилась?

— Что-нибудь не так? — защищаясь, спросила Долли.

— Ты выглядишь как деревенская дурочка.

Она покраснела.

— Не думаю, что должна терпеть от тебя такие слова, Крошка Эд Уандер. Я выгляжу чисто и опрятно. То, как я одеваюсь, не влияет на то, как я работаю.

— Ну да, но ты ведь мой фасад. Что, если кто-то войдет? Может быть, потенциальный спонсор. Возможно, потенциальный гость передачи. Что он подумает? Ты что, не видишь, что другие девушки...

Эд обвел глазами офис, словно указывая, и внезапно остановился.

Долли разглядывала его с видом превосходства.

— Что такое, черт побери, — изумленно произнес Эд, — стряслось со всеми вами, леди? Я только что видел Мэри Мэлоун в подъемнике. Она выглядела так, словно приготовилась сыграть Малышку Нелл на ферме.

— Мистер Маллигэн просил вас зайти к нему, как только вы приедете, — чопорно сказала Долли.

Все еще обводя глазами офис, переводя взгляд, исполненный крайнего недоверия, с одной на другую из дюжины секретарш и стенографисток, Эд направился в святилище своего непосредственного босса.

ГЛАВА III

Он ведь выполнил поручение побывать на митинге Таббера, не так ли? Толстяк Маллигэн должен быть благодарен. Он бы должен быть, ну, дружелюбен.

Вместо этого он сидел, как Будда из топленого свиного сала, и смотрел на Эда с отвращением.

Эд откашлялся и сказал:

— Вы хотели меня видеть, мистер Маллигэн?

Шеф полуприкрыл один глаз, что не слишком снизило пристальность его взгляда.

— Послушай, Уандер, что это была за убогая мысль повести мисс Фонтейн на этот идиотский митинг вчера вечером?

Эд Уандер посмотрел на него. Он открыл рот, потом закрыл его. Он знал, что ответить, но нужно было быть осмотрительным.

— Мисс Фонтейн — очень нервная молодая леди, — выкрикнул Маллигэн. — Очень подверженная внушению. Тонкая натура!

Элен Фонтейн была примерно такой же тонкой натурой, как точильный камень. Так что в ответ на это ему нечего было сказать.

— Ну, не стой здесь с заискивающим видом, как ребенок, которого отсылают спать, — прорычал телерадиобосс. — Что ты мне скажешь?

— Что такое случилось, мистер Маллигэн? — сказал Эд.

— Что случилось? Как я могу знать, что случилось? Мистер Фонтейн меня чуть со свету не сжил за последние десять минут. Девушка в истерике. Она говорит, что этот Таббер, которого ты ее потащил смотреть, загипнотизировал ее, или что-то такое.

Эд покачал головой и набрал воздуха в грудь.

— Она не загипнотизирована.

— Откуда ты знаешь, что нет? Она в истерике и все время кричит про этого Таббера.

Эд произнес умиротворяющее:

— У меня в передаче было несколько гипнотизеров. Мне пришлось поднапастись в этом вопросе. Я был вчера на митинге с Элен. Поверьте мне, Таббер никого не гипнотизировал.

Маллигэн подвигал ртом так, как будто ощупывал зубы языком. Эду Уандеру пришло в голову, что это очень хорошо, что его шеф никогда не появлялся перед камерой. Наконец Маллигэн сказал:

— Тебе лучше пойти туда и посмотреть, что ты можешь сделать. Мистеру Дженсену очень не нравится этот Таббер. У нас сегодня собрание филиала. Будь там с докладом обо всем, что произошло.

— Да, сэр. Я сейчас отправлюсь к Фонтейнам. Элен, наверное, просто нужно встряхнуться и забыть это все.

Дженсен Фонтейн лично встретил Эда Уандера у дверей особняка Фонтейнов. Он, надо полагать, наблюдал, как Фольксховер Эда взбирается по наклонной дороге, ведущей к грандиозному входу, который смутно напомнил Эду Белый Дом.

Вообще-то он раньше уже пару раз встречал отца Элен, но они только обменивались взглядами. Эд сомневался, что тот его помнит. Промышленный магнат, очевидно, давно уже оставил попытки направлять жизнь дочери. Во всяком случае, он не пытался контролировать ее ухажеров.

Теперь он хмуро разглядывал Эда Уандера, пока тот поднимался по лестнице к двойным дверям, одни из которых были открыты. Сегодня — день хмурых взглядов, мрачно решил Эд. Он долгое время пытался сблизиться с Дженсеном Фонтейном посредством контакта с его до-

черью. То, что происходило сейчас, было не совсем то, чего он добивался.

— Это вы тот самый Эд Уандер? — гаркнул Фонтейн.

— Да, сэр. У меня “Час необычного” от полуночи до часа ночи.

— У вас *что*?

— На вашей телерадиостанции, сэр, — несчастным тоном сказал Эд. — На WAN-TV. У меня передача на радио по пятницам с полуночи до часа ночи.

— Радио? — негодующе скрежетнул Фонтейн. — Вы хотите сказать, что Маллигэн до сих пор продолжает радиопередачи? Что ему не так в телевидении?

Больше всего Эду хотелось страдальчески закрыть глаза. Вместо этого он сказал:

— Да, сэр. В телевидении все так. Правду говоря, я бы очень хотел, чтобы мы могли перевести мою передачу на телевидение. Но есть люди, которые не могут смотреть телевизор.

— Не могут смотреть телевизор? Это еще почему? Телевидение стало американским образом жизни! Что это за люди, которые не могут наслаждаться телевидением? Быть может, этот вопрос следует рассмотреть подробнее, молодой человек!

— Да, сэр. Ну, например, слепые люди и...

Взгляд Дженсена Фонтейна стал еще холоднее.

— ...и, ну, люди, которые работают и не могут сесть и смотреть на экран. Люди, которые вручную ведут машины. Есть множество людей, которые продолжают слушать радио, когда не могут смотреть телевизор. Мою программу слушают многие водители. И официантки вочных ресторанах. И...

Промышленный магнат грубо прервал его:

— Не понимаю, тысяча проклятий, как мы ввязались в этот разговор. Это вы — молодой идиот, который повел мою дочь на этот дурацкий религиозный митинг вчера вечером?

— Да, сэр. Да, это был я. То есть, я хочу сказать, это я и есть. Возник вопрос, является ли Иезекиль Джошуа Таббер...

— *Кто?*

— Да, сэр. Иезекиль Джошуа Таббер.

— Не будьте идиотом. Никто в наши дни не носит таких имен. Это псевдоним, молодой человек. А тот, кто нуждается в псевдониме, что-то скрывает. Не исключено, что какую-нибудь подрывную деятельность.

— Да, сэр. Именно этот вопрос и возник на последнем собрании местного филиала Общества Стивена Дикейтюра: является ли этот Иезекиль Джошуа Таббер подрывным элементом. Поэтому Элен, то есть мисс Дженсен, и я отправились на этот митинг.

Некоторая часть холодности пропала. Дженсен прознес.

— Ммм, общество, ага. *Моя страна, да будет она всегда права...*

— *Но это моя страна, правая она или... ээ... неправая!* — выпалил Эд.

— Прекрасно, мой мальчик. Я не был на последнем заседании, Эд. Я буду называть тебя Эд. Был занят на конвенции в Калифорнии. Этот Таббер подрывной элемент, а? Что он наговорил моей дочери? Мы доберемся до сути вопроса, — он взял Эда под руку и завел в дом.

— Ну нет, сэр, — сказал Эд, отвечая на первый вопрос. — По крайней мере, мне показалось, что нет. Я должен сегодня докладывать на собрании филиала по этому поводу. Мистер Маллигэн это организовал.

— Хм. А мне кажется, он подрывной элемент! Что он сделал с Элен?

— Не знаю, сэр. Я пришел увидеться с ней. Мне кажется, она просто огорчена. Она вчера немного развлеклась. Не давала Табберу говорить репликами с места, он разозлился и проклял ее.

— Ты хочешь сказать, что этот шарлатан, этот, этот подрывной элемент с неизвестным именем на самом деле произнес ругательство в адрес моей дочери?! — Свирепый взгляд вернулся.

— Ну, нет, сэр. Я имел в виду, что он наложил на нее проклятие. Ну это, чары. Заклинание.

Дженсен отпустил руку Эда и оглядел его долгим оценивающим взглядом. Наконец Эд сказал:

— Да, сэр.

Больше сказать было нечего.

— Пойдемте со мной, молодой человек, — сказал Дженсен Фонтеин.

Он пошел впереди, указывая путь к лестнице, и поднялся по ней, не произнеся ни слова. Не произнеся ни слова, он прошел в зал. Завернув за угол, миновал полдюжины дверей — не произнеся ни слова. Открыл дверь и пропустил Эда Уандера внутрь.

Элен Дженсен была в кровати, волосы в беспорядке разметались по подушке, лицо бледное, глаза дикие. С ней были два типа медицинского вида и сиделка прусско-чопорного поведения.

— Вон! — рявкнул Дженсен Фонтеин.

Один из врачей вкрадчиво произнес:

— Я бы посоветовал, мистер Фонтеин, чтобы вашей дочери был предоставлен длительный отдых и полная перемена обстановки. Ее истерия является...

— Вон. Вы все! — гаркнул Фонтеин, вскidyвая голову.

Три пары бровей поползли вверх, но все присутствующие, видимо, уже сталкивались с личностью Фонтеина. Они собрали свои причиんだлы и ретировались.

— Привет, Крошка Эд, — сказала Элен.

Эд Уандер открыл рот, но прежде чем он произнес приветствие, рев Дженсена Фонтеина вынудил его к молчанию.

— Элен!

— Да, папа...

— Прочь из кровати! Что, если эта история попадет в газеты? Проклятие! Чары! Мою дочь лечат два наилучших диагностика и психиатра в Ультро-Нью-Йорке, потому что на нее наложили проклятие! Прочь из кровати. Что это сделает с моим именем? Что будет с нашим обществом, если станет известно, что его выдающиеся члены верят в ведьм?

Он бешено закружился, по непонятной причине бросил ледяной взгляд на Эда Уандера и выскочил из комнаты, как будто бежал штурмовать Литтл Раунд Топ.

Эд посмотрел ему вслед.

— Как может человек, который весит не больше сотни фунтов, натворить столько шума? — сказал он. Он посмотрел на Элен. — Что, черт побери, не в порядке?

— У меня зуд. Не прямо сейчас. Что-то вроде аллергии.

Он посмотрел на нее сверху вниз долгим взглядом, как если бы он опустил десять центов в игральный автомат, а ему ничего не выпало. Наконец он спросил:

— Когда у тебя начинается зуд?

— Если я накладываю косметику. Даже легкое касание губной помадой. Или если я делаю другую прическу, кроме как гладко причесываю волосы или заплетаю в косы. Или если я надеваю что-нибудь кроме самой простой одежды. Никакого шелка. Даже в нижнем белье. Я сразу начинаю чесаться. Это началось вчера вечером, но я тогда не поняла, что происходит. Крошка Эд, я боюсь. Это действительно. Проклятие старого козла действует на меня.

Эд уставился на нее сверху вниз.

— Не будь идиоткой.

Она ответила ему дерзким взглядом.

Он никогда до сих пор, если не считать предыдущего вечера, не видел Элен Фонтейн иначе, чем на недостижимой высоте, во всеоружии моды. Каждая черточка на месте. Ему пришло в голову, что в таком виде, как сейчас, она, пожалуй, выглядит лучше. Возможно, когда она будет в возрасте телевзвезды Мэри Мэлоун, ей понадобятся блага цивилизации, чтобы присоединить их к природным дарам. Но в ее двадцать с небольшим...

— Ты там был, — сказала Элен.

— Конечно был. Старый Таббер малость помахал руками, покраснел лицом и ляпнул на тебя проклятие. А ты поверила ему.

— Я ему поверила, потому что оно действует, — вспыхнула Элен.

— Не будь дурочкой, Элен! Проклятия не действуют, пока тот, на кого проклятие наложено, не верит, что оно сработает. Всем это известно.

— Прекрасно! Но в этом случае оно подействовало, хотя я не верила. Ты что, думаешь, я верю в проклятия?

— Да.

— Ну, сейчас, может, и верю. Но раньше не верила. И позволь мне сказать тебе кое-что еще, Крошка Эд Уандер. Эта его круглоголовая дочка и аудитория. Они тоже верят в Силу, как они это называют. Они уже видели, как

он это делает. Помнишь, как перепугалась его дочь, когда услышала, что он говорит в гневе?

— Банда идиотов.

— Конечно-конечно. Продолжай в том же духе. Убийтайся отсюда. Я встаю и одеваюсь. Но я надену самые простые вещи, что у меня есть, понятно?

— Увидимся позже, — сказал Эд. Ему плохо удалось устраниТЬ отвращение из тона.

— Чем позже, тем лучше, — фыркнула она ему вслед.

Эду уже пора было начинать готовить передачу, которая выйдет через одну пятницу. Проходя к своему столу мимо стола Долли, он сказал:

— Найди мне Джима Уэстбрука. И постайся, ладно?

— Кого? — переспросила Долли. Он все еще не мог привыкнуть к ее основательно отмытому лицу и простому платью, не говоря уж о ее прическе маленькой датской девочки.

— Джима Уэстбрука. Он несколько раз был у нас в передаче. Он есть в записной книжке как Джеймс С. Уэстбрук.

Он сел за стол и вставил ключ в замок верхнего ящика. Что-то ему не давало покоя по поводу фермерского вида Долли, но он не мог сообразить, в чем дело. Что-то совершенно очевидное, но до него не доходило. Он тряхнул головой, чтобы сменить тему, и вытащил письмо от свами. Он снова прочел его. Проклятье, это был как раз такой тип, который прекрасно смотрелся бы на телевидении. Его передача требовала выхода на ТВ. Половину чокнутых, которые приходили в качестве гостей передачи, нужно было видеть, чтобы оценить по-настоящему.

Зазвонил телефон, и Эд взял его.

— Крошка Эд? — раздался голос. — Это Джим Уэстбрук.

— Угу. Привет, Джим. У меня есть этот придурок-инду, который называет себя Свами Респа Раммал. Утверждает, что может ходить по горячим углям. Может быть так, что он не врет?

Джим Уэстбрук медленно произнес из телефона:

— С таким именем, приятель, он похож на фальшивку. Респа — это что-то вроде неофита — тибетского ламы, который выдерживает фантастический холод как часть тре-

нировок, чтобы стать настоящим ламой. А Раммал — это скорее мусульманское имя, чем индусское. В любом случае он не может называть себя свами. Это неправильное слово. Свами — это просто индусский религиозный учитель. Происходит от санскритского слова свамин, что значит господин.

— Ладно, ладно, — сказал Эд. — Фальшивое имя или нет, возможно ли, чтобы он ходил по горящим углям?

— Это делали до него, приятель.

Эд по-прежнему был настроен скептически.

— При 800 градусах Фаренгейта?

— Это немного меньше точки плавления стали, — сказал Джим, — но это делали.

— Когда и кто?

— Ну, я не могу тебе так сразу назвать имена и даты, но существует две разновидности этого хождения по огню. Первое — по углям и золе, второе — по горячим камням. Индусы делают это, и также это делают некоторые культы в южных морях. Кстати сказать, каждый год в северной Греции и южной Болгарии у них есть день, когда традиционно ходят по горячим углям. Представители Британского Общества Физических Исследований и Лондонского Совета Физических Расследований были тому свидетелями, а некоторые даже сами пробовали это проделать. Некоторым удалось...

— А... — понукнул Эд.

— А другие сожгли себе пятки к чертовой матери.

Эд поразмыслил над этим. Наконец он сказал:

— Послушай, Джим, ты знаешь кого-нибудь с хорошо звучащим научным образованием, кто с тобой не согласен? Допустим, мы сделаем из этого четырехстороннюю дискуссию. Я, свами, ты, который соглашаешься, что это можно проделать, и этот ученый, который утверждает, что нельзя. Может, нам удастся растянуть это на две передачи. В первой мы возьмем интервью у свами и все это обсудим. Затем на следующей неделе он нам это покажет, и мы в следующей передаче представим отчет об эксперименте.

— Вообще-то, — сказал Джим Уэстбрук, — у меня именно на эту тему был спор с Мэнни Леви год или два назад.

— С кем?

— С доктором Манфредом Леви из Ультро-Нью-Йорка. Он большая фигура в популяризации науки, написал несколько книг. В довершение всего у него немецкий акцент, от которого ты придешь в восторг. Он придает ему очень научное звучание.

— Как ты думаешь, ты сможешь уговорить его участвовать в обсуждении в моем шоу? — спросил Эд.

— Конечно, мы сможем его заполучить — только платить ему придется по высшей ставке.

— А бесплатно никак? Просто ради удовольствия? Мой бюджет в этом квартале почти исчерпан.

Джим Уэстбрук рассмеялся.

— Ты не знаешь Мэнни, приятель.

Эд вздохнул.

— Ладно, Джим. Свяжись с ним, договорились? Дай мне знать как можно раньше, что он скажет.

Он выключил телефон, включил диктофон и надиктовал письмо Свами Респа Раммалу. Получат они или нет доктора Леви на обсуждение, он решил использовать этого ходящего по огню. О да, ходящего по огню. Иногда Эд удивлялся, как он вообще занялся этим делом. Когда-то он хотел быть актером. Ему понадобилось десять лет, чтобы понять, что он не актер. Глубоко внутри Эд Уандер делил мир на две группы: те, кто пялятся и слушают, прикурки, и те, кто выступает перед ними. Он не мог не быть одним из выступающих.

Он встал и лениво подошел к автомату с кока-колой. На самом деле ему не хотелось пить. По дороге он остановился около телепринтера новостей и пробежал глазами последние несколько сообщений. Эль Хасан объединяет Северную Африку, вместо того, чтобы заняться собственным объединением. В Советском Комплексе снова внутренние неурядицы. Венгры медленно заменяют русских в высших партийных эшелонах.

Телепринтер заработал, и Эд взял последнее сообщение.

*Похоже, страну охватила новая мода...
Никакого макияжа, никакого жеманства... Ключ к новому стилю — простота... Роберт Хоуп Третий, телевизионный комик, уже окрестил новую моду “Домотканым стилем”.*

Эд Уандер хмыкнул. Так вот почему Долли и все остальные из штата конторы пришли на работу в таком виде, как поденщица, приготовившаяся доить корову. Вот так и распространяются эти придури. В старые времена это было достаточно скверно. Платья с оборками, платья без оборок. Волосы вверх, волосы вниз, конские хвосты, парики, короткие, длинные, и черт-те что еще. В этом сезоне грудь в моде, в этом — не в моде. Это и так было плохо, но теперь, в эпоху универсального телевидения, процветающего государства и общества изобилия, придури могла распространиться по всей стране за одну ночь. Доказательством могло послужить то, что эта придури, очевидно, так и сделала. Это объясняло также внешний вид Мэри Мэлоун в подъемнике. Уж поверьте, что Мэри Мэлоун всегда в числе первых.

И все-таки его продолжало мучить предчувствие. Он не мог в точности уловить что-то, что должен был бы помнить. Эд пожал плечами и продолжил путь к автомату с кока-колой.

Потягивая напиток из пластиковой чашки, Эд рассматривал автомат. Как далеко инженеры зайдут по пути усовершенствования эффективности? Напиток был бесплатный. Люди, которые занимаются временем и движениями, рассчитали, что дешевле обойдется поставлять холодные напитки бесплатно, чем если подручные службы офиса будут терять время, выходя чтобы принести заказ, или занимая десятицентовик каждый раз, когда хотят освежиться.

Маллигэн вышел вперевалку из своего кабинета, осмотрел комнату, заметил Эда и направился к нему.

Ирландское счастье! Ну почему он не мог сидеть за своим рабочим столом в разгаре тяжкой работы, когда Толстяк вышел на сцену?

Однако глава студии, похоже, не был в своем обычном критическом настроении. Он громыхнул почти приветливо:

— Ты все подготовил, Крошка Эд?

Эд тупо посмотрел на него.

— Собрание филиала, — сказал Маллигэн. — Твой доклад про этого подрывного религиозного придурука.

— Разумеется, мистер Маллигэн, — жизнерадостно сказал Эд, — все готово.

На самом деле он об этом ничуть не подумал. Надо было потратить какое-то время на это. Там будет старина Фонтейн и, возможно, половина местных больших шишек. Это шанс произвести впечатление. Завести связи.

Собрание местного филиала Общества Стивена Дикейтюра происходило в одной из конференц-комнат корпорации "Кой Парфум". Эд Уандер не знал, что Уоннамейкер Дулитл, президент "Кой", тоже член общества. Вот вам и связи, не отходя от кассы. "Кой Парфум" была одним из самых солидных спонсоров в Кингсбурге.

Снова ему "везло". Не будет короткого промежутка времени, в течение которого он мог бы поближе встретиться с большими шишками. Собрание уже началось. Они с Маллигэном вызвали только хмурые гримасы нескольких присутствующих, включая Дженсена Фонтейна, который восседал на дальнем конце стола, за которым собралось около тридцати членов общества.

Они заняли два свободных места, не соседствующих друг с другом.

Собрание вел сам Уоннамейкер Дулитл. Он размахивал газетой и что-то пересказывал тревожным тоном, насколько Эд мог сориентироваться.

— Послушайте это, — требовал глава "Кой". — Прослушайте этот подрыв Американских устоев! — он стал читать с обвинением в голосе:

— Запланированное устаревание вещей посредством смены моды представляет собой один из самых невероятных элементов нашей невероятной экономики. Прекрасным примером могут служить перемены два раза в год в автоховерах Детройта. В прошлом году автоховеры Дженирал Форд ездили по ночам всего с четырьмя фарами, две спереди, две сзади. В этом году на них четырнадцать внешних фар, на носу, на корме и по бокам. Дизайнеры автоховеров, как видно, не могут прийти к единому мнению, для чего нужно такое количество фар. На некоторых часть задних фар была пустышками, не подключенными к проводам. Подобный пример можно найти в последних марках кухонных печей. В попытке убедить покупательницу-домохозяйку, что та плита, которая у нее есть, устарела, последние модели так разукрашены панелями уп-

равления, что похожи больше на боевую рубку атомной субмарины. На них аж тридцать пять кнопок и циферблата. Разобрав одну из них, Союз Пользователей обнаружил, что многие циферблты ни к чему не подсоединенны. Они были пустышками.

Уоннамейкер Дулитл обвел глазами присутствующих с видом обвинителя. Он хлопнул по газете, которую держал в левой руке, тыльной стороной правой.

— Коммунистическая пропаганда! — заблеял он. — Коварная подпольная попытка подорвать наши устои!

— Верно, верно, — зааплодировал кто-то, стуча по столу. Раздался общий одобрительный гул голосов.

— Кто такой этот Базз Де Кемп? — потребовал ответа Дулитл. — Неужели наши газеты держат на работе всяких подрывных элементов, которые выдают себя за честных журналистов? Разве не существует проверок? Выяснения степени лояльности? — он снова хлопнул по газете. — Каждый редактор пропускает такие открытые нападки на два самых важных элемента нашей экономики, автоховеры и кухонные приборы? На последней неделе президент призвал народ покупать, покупать, покупать, чтобы наше процветание продолжалось. Как мы можем ожидать полного потребления наших продуктов, если женщины будут рабски прикованы к устаревшим плитам, а семьи будут ездить в грохочущих немодных автоховерах, устаревших на целый год?

Эд Уандер навострил уши при упоминании имени Базза Де Кемпа. Баззо, должно быть, сошел с рельс, писать такие вещи. Он что, хочет заработать репутацию ненормального?

Дженсен Фонтеин, который председательствовал на собрании, постучал по столу своим председательским молотком.

— Есть предложение рекомендовать издателю «Таймс-Трибьюн», чтобы этого злосчастного репортера... ээ... как его там...

— Базз Де Кемп, — сказал Эд, не подумав.

Все взгляды обратились на Эда Уандера, которому вдруг стал сильно давить галстук.

— Вы знакомы с этим несомненным коммунистом? — тоном выговора произнес Дженсен Фонтеин.

— О ну да, сэр. Я несколько раз с ним сталкивался. Он не коммунист. Если верить тому, что он о себе говорит, у него просто хобби такое — чокнутые политico-экономические теории. Видите ли... — его фраза заглохла, поскольку он заметил, что его слова не производят потрясающего впечатления.

Кто-то мрачно сказал:

— Нельзя играть с дегтем и не запачкать руки.

Фонтейн снова постучал по столу.

— Есть предложения?

Маллигэн быстро высунулся:

— У меня предложение, чтобы комитет, составленный из членов общества, которые помещают рекламу в "Таймс-Трибьюн", подписал письмо к издателю с жалобой на статьи красного толка, которые пишет этот тип Де Кемп.

Кто-то сказал:

— Поддерживаю.

Затем последовал длинный нудный доклад какого-то библиотечного комитета. Какие-то неприятности с детской секцией в городской библиотеке. Что-то насчет запрета на выдачу "Робин Гуда".

Эд Уандер внезапно встрепенулся. Дженсен Фонтейн назвал его имя.

— Во время моего отсутствия, — говорил отец Элен, — мы получили несколько писем касательно подрывных элементов на так называемых проповедях некоего... — он взглянул на лежащие перед ним бумаги и недоверчиво хмыкнул, — Иезекиля Джошуа Таббера. Член общества Элен Фонтейн, моя дочь и сотрудник WAN-TV посетили митинг возрождения религии, который проводил этот Таббер. В результате Элен на некоторое время прописан постельный режим. Мистер Эдвард Уандер представит вам полный отчет.

Эд встал. Ему все это не нравилось, и у него было неприятное подозрение, что он не завоюет чести и славы.

— Дело в том, — сказал Эд, — что я не авторитет в подпольных коммунистах. Я знаю, что это серьезная работа. Беречь страну от коммунистического переворота и все такое прочее. Но я ведь занят своим делом на WAN-TV. Возможно, кто-то из вас слушал передачу "Час необычного" по пятницам ночью...

Маллигэн угрожающе сказал:

— Доклад о Таббере, Крошка Эд, доклад о Таббере. Никакой рекламы.

Эд откашлялся.

— Да, сэр. Ну, честно говоря, судя по тому, что я слышал, Таббер скорее антикоммунист, чем коммунист. По крайней мере он так говорит. Он жалуется, что люди стали чересчур материалистами, сосредоточились на вещах, которыми они владеют, которые они потребляют, вместо духовных ценностей... По-моему так.

Кто-то произнес:

— Мой священник говорит то же самое на проповеди каждое воскресенье. В понедельник мы это забываем.

Кто-то другой сказал:

— Действительно ваш священник так говорит? Это кое-что, что я хотел вынести на обсуждение. Что не так в нашем обществе потребления? Что случилось бы с нашей экономикой, если бы мы слушали этих предполагаемых религиозных лидеров?

Дженсен Фонтейн постучал молотком.

— Продолжайте, — велел он Эду Уандеру. Он не казался довольным тем, как протекает доклад. Что в свою очередь мало радовало Эда.

— Ну, в общем, все, что я могу сказать, это что он говорил не как коммунист. Вообще-то Элен, мисс Фонтейн, даже задала ему прямой вопрос на эту тему, и он ясно высказался, что он не коммунист.

Женщина, которая выступала по поводу библиотеки, спросила тоном полнейшего непонимания:

— Но какое все это имеет отношение к тому, что Элен находится под наблюдением врачей? Что он с ней сделал?

Эд в мучении посмотрел на Дженсена Фонтейна, который начал что-то говорить, но тут же захлопнул рот и сжал губы в линию, так что, решил Эд, между ними лезвие ножа не прошло бы. О господи.

— Ну, — сказал Эд, — мисс Фонтейн вроде как мешала ему говорить, подавая реплики с места. Он рассердился и, ну, проклял ее.

Наступило молчание. Они, как и Фонтейн ранее, решили что речь идет о ругательстве. Эд прояснил вопрос.

— То есть, он наложил на нее заклятие.

- Заклятие? — переспросил Уоннамейкер Дулитл.
- Что-то вроде чар, — сказал Эд.
- Какое это имеет отношение к тому, что она лежит в постели?
- Она говорит, что у нее зуд, — несчастным тоном сказал Эд.
- Дженсен Фонтейн постучал молотком.
- Давайте сократим эту болтовню. Что именно сказал старый болван?

В свои бесплодные актерские годы Эд Уандер потратил немало времени, совершенствуя память. Запоминая диалоги. Теперь он обратился к памяти. Он сказал:

— Его слова звучали примерно так: *“Воистину проклинаю суетную гордость женщин! Истинно...”* — Когда Таббер волнуется, он начинает изъясняться этим цветистым старинным стилем — *“Истинно более никогда не найдешь ты наслаждения в суете. Правда, что более никогда не найдешь ты наслаждения в модах или косметике!”*

Эд с надеждой закончил:

— Это не точные его слова, но почти так. Так что, как видите, он наложил проклятие не совсем на Элен. То, как он выразился, в сущности относит его заклятие ко всем женщинам...

Он прервал фразу на полуслове, чувствуя, как холод коснулся основания его позвоночника и медленно пробирается по нему вверх.

ГЛАВА IV

К следующему утру у Эда уже почти не осталось сомнений. Он просматривал сообщения телепринтера. Это распространилось не только на всю нацию, но и на весь мир. Европейское Содружество, Советский Комплекс, и даже аборигены Галапагосских островов, все были затронуты.

Хобби встречались и раньше. Любой вида. Люди сейчас склонны к придуриям. Хула-хупы и помешательство на крокете предыдущего десятилетия — ничто по сравнению с нынешними коньками. Когда основным занятием средне-

го гражданина вместо работы стало смотреть телевизор, слабый протест против полного окостенения от сидения взаперти в четырех стенах был побежден новым трехмерным кинематографом, который по крайней мере заставлял вас дойти до ближайшего кинотеатра, и придумиями, придумиями, придумиями.

Придуми в еде, придуми в одежде, придуми в жаргоне, придуми во всем. Это один из методов, которыми действуют производители, заставляющие вещи устаревать морально, чтобы извлекать прибыль. Если конвертибли нынче в моде, то седаны безнадежно вышли из моды, и только полный придурак позволит, чтобы его увидели в седане. Если твид в моде, габардин вышел из моды, и вы вполне можете вышвырнуть вчерашний костюм на помойку. Если вошла в моду китайская кухня, то итальянская, турецкая, русская, шотландская, или по какой там сходили с ума в прошлом месяце, устарели. И тот ресторан, который оптимистично забил свои полки и холодильники продуктами для вчерашней придуми, может с тем же успехом выбросить их на свалку.

Да, придуми бывали и до сих пор, но такие — никогда.

В конечном счете каждая причуда, зародившаяся на Западе, распространится даже на Советский Комплекс. Когда коктейли “Усталость после битвы” стали криком моды в Величайшем Вашингтоне, через три месяца их поднимали за здоровье Персоны Номер Один в Кремле. Когда шорты-бермуды мадрасского типа стали модными в качестве официальной одежды в Ультро-Нью-Йорке, то через несколько недель они украшали худые бедра китайцев на улицах Пекина.

Но на это требовались хотя бы недели.

Насколько Эд мог судить, это новое помешательство на “Домотканом стиле” охватило весь мир одновременно. Данные, которые он мог собрать, говорили об этом недвусмысленно. Быть может, никто больше не осознавал этого, но Эд Уандер осознавал.

Мир был поражен этой придуми в субботу вечером в пять часов тридцать пять минут местного времени. Судя по тому, что Эд мог сложить вместе из кусков, судя по растерянным сообщениям о новостях, это случилось на один час по часам раньше в соседнем часовом поясе к за-

паду, подействовало четыре часа спустя в Англии и шесть часов спустя в Объединенной Европе. И так далее. Короче говоря, это явление распространялось не согласуясь с формально принятыми часовыми поясами. Оно поразило все человечество одновременно.

Некоторые комментаторы пытались утверждать обратное, несомненно веря в свои слова. Никто пока еще не наткнулся на истину в том виде, как ее подозревал Эд Уандер.

Он слушал одного жизнерадостного телекомментатора, который пытался проследить "Домотканый стиль" назад на несколько месяцев, утверждая, что он давно развивался, а теперь расцвел пышным цветом. Тот же самый аналитик предрекал, что эта причуда скоро пройдет. Она не продержится долго. Не может продержаться долго. Она противоречит основам женской природы. Это мода, которая просто не будет долго популярна у прекрасного пола. Он посмеивался и сказал, что "Домотканый стиль" уже оказался "благодением" для Мэдисон Авеню. Текстильная Ассоциация быстро вложила первые сто миллионов в то, чтобы пресечь его в корне при помощи гигантской теле-, радио- и скайжекторной кампании. Предполагается, что производители косметики тоже проводят закрытую сессию по борьбе с опасностью.

Чего не знали комментаторы, чего не знал никто, кроме Эда Уандера, самого Таббера и горстки приверженцев Таббера, это то, что в проклятии не было установлено временных ограничений. Оно было произнесено навечно. Предполагая, разумеется, что проклятия Таббера, как бы он их ни осуществлял, не теряли со временем своей начальной действенности.

Эд подумал, не сказать ли Маллигэну о своих подозрениях, и решил этого не делать. Если он начнет разглагольствовать о заклятиях, налагаемых странствующими религиозными психами, люди начнут думать, что он слишком долго вел передачу "Час необычного".

Он подошел к столу Долли. Как и вчера, она полностью соответствовала новому стилю. На ней было платье, которое она, вероятно, носила будучи подростком. Платье, в котором можно выехать за город, на пикник. Никакой

помады, никакого карандаша для бровей, никакой пудры. Никаких сережек в ушах. Вообще ничего.

— Как тебе нравится эта новая мода “Домотканый стиль”, Долли?

Большинство мужского состава штата сотрудников насмехалось над девушками по поводу их нового внешнего вида. Долли, очевидно, ожидала, что Эд Уандер возглавит список мучителей, но в его голосе этого не было.

— Ну, Крошка Эд, — сказала она, — это как всякая другая мода. Приходит, а потом очень быстро уходит. Я никак особенно к ней не отношусь, она мне ни нравится, ни не нравится.

Эд сказал, понизив голос:

— Послушай, ты вообще пробовала пользоваться косметикой последние два дня?

Она озадаченно пожала плечами.

— А ну да, пару раз.

— И что?

Долли некоторое время колебалась, наморщив задорный носик.

— О ну, как тебе сказать. Я чувствовала зуд. Знаешь, вроде того, если сильно обгореть на солнце и начинает облазить кожа.

Эд Уандер покачал головой.

— Послушай, Долли, найди мне Базза Де Кемпа из “Таймс-Трибьюн”, ладно? То есть, если он еще работает в “Таймс-Трибьюн”. Мне надо с кем-нибудь поговорить.

Она бросила на него странный взгляд, которого он заслуживал, и взялась за дело. Эд Уандер вернулся к своему столу и взял телефон.

— Привет, Баззо, — сказал он. — Я не знал, работаешь ты еще там, или нет.

Ему ответил веселый голос:

— Не только здесь, но купаюсь в лучах успеха, старый приятель Крошка Эд. Похоже, что какая-то компания при дурков правого крыла накапала редактору на одну из моих статей. Хотели, чтобы меня вышвырнули с работы. Старая Язва сказал, что если у нас будут печататься такие вещи, по которым будут достаточно противоречивые мнения, так что даже жалобы поступают, то это может заставить ото

рваться нескольких недоумков от телевизора и прочитать нашу газету. Так что меня повысили.

Эд закрыл глаза, скорбя о том, какими путями идут дела в мире.

— Хорошо, — сказал он. — Мне нужно с тобой увидеться. Давай в Старом Кофейном Погребке через четверть часа? Кофе с меня.

— Ты меня уговорил, — радостно сказал Де Кемп. — Это свидание. И я нахожу тебя красивым даже с этими подозрительными усиками.

Эд повесил трубку и направился к подъемнику.

Он всю дорогу торопился, но к тому времени, как пришел на место, газетчик уже сидел там. Кафе было практическим пустым. Эд предложил Баззу перебраться в кабинку.

Они заняли места друг напротив друга в самой дальней от телевизора и музыкального автомата кабинке, и Эд мрачно уставился на репортера. Наконец он сказал:

— Я видел эту твою статью по поводу перемен моды.

Базз Де Кемп вытащил из кармана пиджака восьмидюймовую сигару и зажег ее.

— Хорошая штучка, а? Собственно говоря...

— Нет, — сказал Эд.

Базз не обратил на него ни малейшего внимания.

— ...эта практика уходит корнями в шестидесятые годы, когда ховеры только появились. Знаешь, откуда я взял эти факты? Из речи того старикиана, о котором мы говорили в прошлый раз. У него море статистики по поводу того, как наша нынешняя экономическая система процветающего государства изобилия паразитирует на нации...

— Таббер! — сказал Эд.

— Именно. Некоторые из его данных довольно старые. Он собрал много фактов в прошлом десятилетии. Но теперь они имеют еще больший вес, чем тогда. Последний раз, когда я его слышал, он обвинял страну в том, что она тратит ресурсы на то, что придется выбрасывать. Мясо в сковородах, которые подлежат выбрасыванию. Сдобные булки и печенье в консервных банках для выпекания, которые подлежат выбрасыванию. Одноразовая алюминиевая мышеловка: вам не приходится возиться с мышью, вы ее да-

же не увидите. Просто выбрасываете мышеловку вместе с мышью. Пластиковые бритвы со встроенным лезвием: используете один раз и выбрасываете, — Базз рассмеялся и затянулся своей сигарой.

— Послушай, брось это все. Я слышал от него всякие вещи этого рода в тот вечер, когда мы с Элен были на его митинге. Но что я хотел узнать: ты когда-нибудь слышал, как он накладывает заклятие?

Репортер нахмурился.

— Делает что?

— Проклинает. Накладывает на кого-нибудь заклятие. Чары.

— Эй, стариk не сумасшедший. Он просто старый селезень, который бьет тревогу. Предупреждает, что грядет потоп. Он бы не стал верить в проклятие, а если бы верил, так не стал бы проклинать никого.

Эд допил кофе.

— Никого? Факт тот, что он проклял всех. По крайней мере половину всех. Женщин.

Базз Де Кемп вытащил сигару изо рта и указал ей на Эда.

— Крошка Эд, ты пьян или накурился. Кроме того, ты несешь чушь. Полную чушь.

Эд Уандер решил рассказать ему. Он должен был рассказать хоть кому-то и не мог найти никого лучшего.

— Ладно, — сказал он. — Послушай меня минуту.

Рассказ занял больше минуты. В течение рассказа Базз Де Кемп заказал еще кофе, но больше ничем не прерывал Эда.

Когда Эд Уандер наконец замолчал, оказалось, что сигара газетчика погасла. Он зажег ее снова. Он обдумывал услышанное, пока Эд пил свой кофе. В конце концов Базз сказал:

— Неплохая историйка. Мы с тобой извлечем из нее пользу.

Базз перегнулся через стол, радостно размахивая сигарой.

— Это опять история с Божественным Отцом. Помнишь, как я тогда вечером рассказывал про Божественного Отца?

— Какого черта это имеет отношение...

— Нет, ты послушай. В начале тридцатых Божественный Отец был всего лишь одним из проповедников, ведущих жалкое существование в Гарлеме. У него было не больше сотни последователей. Однажды была драка на ножах в его небесной обители, его арестовали, и судья вынес ему мягкий приговор. Однако пара репортеров слышала, как несколько приверженцев Божественного Отца говорили, что судья плюет в лицо урагану. Что Божественный Отец может поразить его смертью. Через день-другой судья умер от сердечного приступа. Репортеры, почувствовав в этом сенсацию, отправились брать интервью у проповедника в его камере. Он высказался прямо: "Мне было тяжело так поступить". Парень, поверь мне, когда Божественный Отец вышел из тюрьмы, его на улице ждал весь Гарлем.

— Какого черта... — снова нетерпеливо начал Эд. И внезапно замолчал.

— Вот-вот, — настойчиво сказал Базз. — Ты еще не понял? Старина Таббер проклинает суетность женщин. Налагает заклятие на косметику и вычурные моды в одежде. Все такое. И что происходит на следующий день? Разражается придури "Домотканый вид". Совпадение, разумеется, но какое совпадение!

Теперь это было очевидно.

— ...о ну да, — медленно сказал Эд. — Как, ты говоришь, мы можем это использовать?

Сигара снова служила указкой, как знак высочайшего энтузиазма.

— Не будь придуриком. Это шанс всей твоей жизни. До сих пор у тебя в этой чокнутой передаче участвовали только мошенники. Психи, которые утверждают, что летали в летающих тарелках, спиритуалисты, которые к несчастью не могут вызвать духов прямо сейчас на передаче, целители, которые не в состоянии вывести бородавку. Но на этот раз тебе повезло. Пойди и договорись со стариной Таббером, чтобы он выступил в следующей твоей передаче. Он наложил заклятие на суетность, и оно сработало. Понял? СРАБОТАЛО. Более того, тому есть свидетели. Ты был свидетелем, Элен Фонтейн была свидетелем. Там была дочь Таббера и группа его приверженцев. У него самые подлинные свидетели bona fide, что он проклял суетность

женщин, а на следующий день разразился "Домотканый стиль". Ты что, не видишь сенсацию, когда она сама идет тебе в руки?

— Боже правый, — в благоговейном ужасе произнес Эд.

— Я дам о тебе полный репортаж в "Таймс-Трибьюн". Сначала все о передаче, а потом кучу картинок. Может быть, в воскресном приложении.

— Картиночка?

— Фотографии, фотографии — Таббера, и его палаток, и его дочери. Таббер в позе, которую он принимает, когда накладывает заклятие. Это пойдет, и еще как!

Перспективы увлекли Эда Уандера. С такой передачей у него может набраться достаточно слушателей, чтобы заинтересовать спонсоров. Да ведь он даже может заполучить для нее место на телевидении!

— Но у меня на эту пятницу уже есть девушка-экстрасенс, — сказал он.

— Обмани ее. Отложи ее. Это надо делать, пока оно свежее, тебе надо использовать Таббера, пока "Домотканый стиль" — новинка. Через пару недель это будет все равно, что старая шляпа. Это такая мода, которой большие шишки не дадут продержаться долго. Они не могут такого позволить. Салоны мод, магазины, торгующие украшениями, производители косметики уже взвыли. Они хотят, чтобы Президент произнес одну из своих знаменитых речей "Все за кондиционеры воздуха!", убеждая женщин, что они уничтожают благосостояние страны.

— Правильно! — заявил Эд. — Мы так и сделаем. Мне надо начинать подготовку. Нужно найти людей, которые выступят с ним в дискуссии. Зададут ему вопросы, и так далее.

— Я! — сказал Базз. — Я буду участвовать в дискуссии. Я уже слышал его полдюжины раз. И приведи Элен Фонтейн, раз это она накликала проклятие. Может быть, нам удастся заставить ее умолять Таббера отменить проклятие.

— Ага, — подхватил Эд. — И его дочь, Нефертити. Шустрая, как пара запонок. И тоже хорошо говорит. Мы ее задействуем. Я так понял по ее словам, что Таббера

уже случалось раз-другой накладывать заклятие, когда он говорил в гневе, как она это назвала.

У Эда Уандера было легкое чувство неправильности по дороге к месту, где Иезекиль Джошуа Таббер расставил свои палатки. Что скажут Маллигэн и Общество Стивена Дикейтюра по поводу того, что он выпустит в эфир человека, которого они всего неделю назад расследовали по поводу подрывной деятельности? Эд решил, что он не станет ставить в известность главу телерадиостанции. Если ему удастся уговорить Элен Фонтейн участвовать в шоу, Маллигэну мало что останется сказать. И Баззо прав, это такая передача, которая непременно привлечет внимание. Наконец-то чаша весов склонилась на сторону Эда Уандера.

Они подъехали к месту парковки близ большого пустыря, который группа Таббера нашла подходящим для своего пребывания. Эд Уандер отпустил подъемный рычаг Фольксвагера, и машина опустилась на землю.

— Эй, что происходит? — сказал Базз. — Что происходит?

— Похоже на то, что они убираются отсюда, — сказал Эд. — Сворачивают большую палатку.

Они выкарабкались из маленького ховеркара и направились туда, где кипела деятельность.

Нефертити Таббер первая их увидела. Она выбралась из меньшей из двух палаток с кофейником и четырьмя чашками в руках.

Почему-то Эду Уандеру пришла на ум пара строк, которые он не вспоминал с тех пор, как закончил высшую школу.

*“Ровняет сено на лугу
Мод Миллер в летний день.”*

Он тихо сказал:

— Последние два дня я повсюду вижу этот “Домотка-ный стиль”. И первый раз могу сказать, что кому-то он к лицу.

— На ней он выглядит естественно, — ответил Базз. — Деревенская простота.

Девушка остановилась и ждала, пока они подойдут, с вопросительным выражением на лице.

— А... мм, мисс Таббер, — сказал Эд. — Вы с отцом что, уезжаете?

Она едва уловимо наклонила голову.

— Боюсь, что да. Вы знаете, мы здесь провели уже две недели, — она сделала паузу, прежде чем добавить, — Эдвард Уандер.

Она посмотрела на Базза.

— Здравствуйте, Базз Де Кемп. Я заметила, что вы использовали материал из проповедей моего отца в своих статьях.

— Ну да, правда.

— Не позабывши указать источник, или даже упомянуть, что отец здесь в городе.

Базз замялся.

— Честное слово, мисс Таббер, я хотел вставить кое-что о старом... ну то есть, о вашем отце. Но городской редактор их выбросил. Мне правда жаль. Никто не интересуется малыми религиозными культурами.

— Мы поэтому к вам и пришли, — поторопился встать Эд Уандер.

Она обратила на него свои неправдоподобно голубые глаза.

— Потому что никто не интересуется малыми религиозными культурами, Эдвард Уандер?

— Ну, отчасти да. Послушайте, называйте меня Эд. Мы подумали, что если ваш отец выступит в моей передаче, у него будет аудитория в сотни тысяч человек, прямо у них на дому.

Ее лицо на мгновение прояснилось, но затем она снова нахмурилась.

— Но в вашей передаче выступают сумасшедшие и жулики, Эдвард... то есть Эд. Мой отец...

Он торопливо сказал:

— Вовсе нет, Нефертити. Ты не понимаешь. Моя передача предназначена для того, чтобы дать возможность людям, которые никак иначе не получат большую аудиторию, представить свои убеждения, какими бы странными они ни были. Я признаю, что некоторые из них жулики, некоторые даже ненормальные, но это не значит, что сре-

ди них нет честных людей. Это для твоего отца шанс вы-
сказаться по-настоящему.

Она нерешительно произнесла:

— Отец никогда не выступал по радио... Эд. Я не думаю, что он вообще одобряет радио. Он считает, что люди получают больше удовольствия, когда сами исполняют музыку. Когда каждый член семьи играет на каком-нибудь инструменте или поет.

— Когда такое было, — сухо сказал Базз Де Кемп.

— В Элизиуме по-прежнему так, — девушка перевела взгляд на него.

Газетчик начал что-то говорить, но Эд Уандер снова поспешил вмешаться.

— Неважно, одобряет он радио или нет, и неважно, выступал ли он когда-нибудь по радио. Я привык работать с неопытными людьми. Почти все гости моей передачи не имеют опыта работы на радио. Это его большой шанс. И ты тоже будешь рядом. И Баззо. И, думаю, мисс Фонтейн.

Она на мгновение была обеспокоена этой мыслью, затем уютно пожала пухлыми плечами.

— Мы можем спросить его самого.

Она пошла впереди. Эд и Базз увидели пожилого проповедника, который вместе с несколькими другими людьми сворачивал большую палатку. Деревянные стулья уже были сложены и составлены снаружи, а теперь складывали лекторскую платформу, чтобы перенести ее.

Когда Таббер заметил их, он что-то сказал остальным, которые продолжали работу, и вышел к ним на встречу.

Старый Лесоруб, — снова подумал Эд. Эйб Линкольн в Иллинойсе. Этот тип — действительно незаурядная личность. Позор, что передача до сих пор не вышла на телевидение. Она бы действительно стала популярной, если бы аудитория увидела этого кадра.

Иезекиль Джошуа Таббер переводил взгляд с одного новоприбывшего на другого.

— Слушаю вас, добрые души, — сказал он.

Эд Уандер откашлялся.

— Меня зовут...

— Я знаю, как тебя зовут, добрая душа. Моя дочь сказала мне, кто ты такой, в тот вечер.

Эду вдруг пришло в голову, что он не заманит Таббера на шоу, пытаясь его соблазнить выгодами. Он инстинктивно чувствовал, что этого человека нельзя уговорить произнести заклятие на заказ. Когда он ехал сюда с Баззом Де Кемпом, Эд собирался пообещать проповеднику возможность выступить перед людьми таким образом, что по сравнению с ним такие великие деятели возрождения религии прошлого, как Билли Сандей и Билли Грэхем покажутся дешевкой. Теперь он решил, что будет лучше, если он пока вообще не станет упоминать о проклятии.

Эд сказал:

— Мистер Таббер, я...

Таббер мягко сказал:

— “Мистер” происходит от слова “мастер”, то есть “хозяин”, добрая душа. Я не хочу быть ничьим хозяином, не более, чем я хотел бы, чтобы кто-то был моим хозяином. Называй меня Иезекиль, Эдвард.

— Или Зеки, уменьшительно, — сказал Базз Де Кемп. Таббер посмотрел на газетчика.

— Да, — мягко сказал он. — Или Зеки, уменьшительно, если вам так больше нравится, добрые души. Это почетное имя, имя одного из наиболее прогрессивно мыслящих древнееврейских пророков, который написал двадцать шестую книгу Ветхого Завета.

— Полегче, Баззо, — тихо пробормотал Эд в сторону Де Кемпа. Затем обратился к Таббера:

— Что я хотел предложить, сэр...

— Термин “сэр”, вариант термина “сир”, пришел к нам из феодальной эпохи, добрая душа. Он отражает отношения между дворянином и крепостным. Мои усилия направлены против таких отношений, против любой власти одного человека над другим. Ибо я чувствую, что кто бы ни клал на меня свою руку, чтобы управлять мною, он узурпатор и тиран! Я объявляю его моим врагом!

Эд Уандер на мгновение закрыл глаза и помолчал. Затем снова открыл их и сказал:

— Послушай, Иезекиль, не хочешь ли ты выступить в моей радиопередаче в пятницу ночью?

— Очень хочу. Самое время, чтобы наши средства массовой информации были использованы для чего-то полезного, а не ерунды. — Бородатый старик устало посмотрел

на потрепанную палатку, которую разбирали. — Не по своему желанию я говорю слова перед такой горсткой людей. — Его взгляд вернулся к Эду Уандеру и Баззу Де Кемпу. — Благодарю вас за возможность принести слова миллионным массам, добрые души.

Заполучить Иезекиля Джошуа Таббера оказалось так просто.

Элен Фонтейн — совсем другое дело.

Элен с недоверием уставилась на них обоих.

— Оказаться снова достаточно близко к этому старому козлу, чтобы слышать его голос? О, мать божья! Неужели похоже, что я окончательно рехнулась?

Они находились в особняке Фонтейнов, в так называемой комнате для восстановления сил. Восстановление сил, с точки зрения Фонтейнов, надо полагать, заключалось преимущественно в выпивке, поскольку в комнате почти ничего не было, кроме замечательно оборудованного автобара. Эд устроился рядом с ним, добывая напитки на всех троих, а Базз вел решительные действия.

Элен была одета в простой хлопчатобумажный ситец. На ней были туфли без каблуков. Волосы заплетены в косы. Лицо выглядело так, как будто она тщательно умылась не позже, чем пять минут назад.

Базз Де Кемп задумчиво передвинул сигару из левого угла рта в правый.

— Нечего бояться старикина, — сказал он. — Вежливый старый простофия, такой же невинный, как...

— Как динамитная шашка, — резко перебила Элен. — Дай мне еще одно пиво, Крошка Эд.

— Я никогда до сих пор не видел, чтобы ты пила пиво, — сказал Эд.

— Я тоже, — фыркнула Элен. — Но я начинаю подозревать, что это антисуэтное проклятие Таббера включает в себя и великосветские напитки. Мне больше не по вкусу ничего, кроме пива и итальянского красного вина.

— Послушай, — сказал Базз, — ты что, на самом деле веришь, что Таббер наложил на тебя заклятие?

— Да. И я не собираюсь приближаться к нему, чтобы заработать еще одно, умник.

— Ладно, — сказал Базз. — Давай предположим, что он на самом деле, по-настоящему, наложил на тебя заклятие. Если он его наложил, то он может его и снять, верно?

Она нахмурилась на него над ободком стакана с пивом:

— Я... я не знаю. Думаю, что да.

— Конечно, да. Какие могут быть сомнения? — всунулся Эд с намерением помочь.

— Ну хорошо, — сказал Базз. — Ты признаешь, что он милый старый лопух, пока его не вывели из себя. Я никогда не видел его разъяренным, но верю на слово вам двоим, что вы его в тот раз вывели из себя своими замечаниями. Но как правило он милый старик. Ну хорошо. Так пойдем с нами, извинишься перед ним и попросишь его отменить заклинание.

Она задумалась над его предложением, потягивая пиво.

— Знаете что, — сказала она наконец. — Это звучит дико, но я даже не слишком возражаю против этой наведенной аллергии к косметике и модным тряпкам. По-моему я чувствую себя, ну, уютнее, что ли, чем когда-либо с тех пор, как была ребенком.

Базз гнул свою линию.

— Ну хорошо, ладно. А как все остальные женщины мира? Миллиарды женщин. Миллиарды. Ты молода и красива. Тебе к лицу любая мода. Даже “Домотканый стиль”. Но что с теми женщинами, у которых нет твоих преимуществ? А проклятие, которое навлекла ты, лежит и на них тоже.

Эд глянул на него.

— Мне казалось, ты в это не веришь?

— Заткнись, — сказал Базз. — Я просто веду спор.

Он обратился к Элен:

— Кроме того, это большой шанс Крошки Эда. Действительно сногшибательное шоу. Оно получит такую же огласку, как передача о нашествии с Марса Орсона Уэллса тогда в тридцатых. Но твое присутствие необходимо. Ты ключевой свидетель. Ты — та персона, которую он проклял, но неточно выразился и проклятие затронуло всех женщин в мире. Крошке Эду ты категорически необходима в передаче.

— Хорошо, — решительно сказала Элен. — Я это сделаю. Наверное, я ненормальная дура, но я это сделаю. Но

только, предупреждаю тебя прямо сейчас, умник, моя женская интуиция мне подсказывает, что все пойдет совсем не так, как вы задумали.

Базз вынул сигару изо рта и осмотрел незажженный кончик.

— Женская интуиция, — язвительно сказал он. — Сначала чары и заклятия, теперь женская интуиция. На следующей неделе я встречу кого-нибудь, кто верит в гномов и фей.

Передача с самого начала не пошла так, как Эд Уандер и Базз Де Кемп себе представляли. Правду сказать, она и отдаленно не соответствовала тому, что они задумали.

До той самой минуты, когда Джерри наверху в контрольной будке не просигналил, что микрофоны включены, и они в эфире, все шло как обычно. Эд Уандер занял Студию Три под пять персон: он сам и четверо гостей. У каждого был микрофон. У каждого были ручка и блокнот, чтобы каждый мог делать заметки, или рисовать рожи, или что угодно. Таббер и его дочь Нефертити прибыли на целый час раньше выхода передачи в эфир. Элен и Базз Де Кемп появились вместе на полчаса позже. Базз заехал за Элен домой, потому что боялся, что она может передумать в последнюю минуту.

За десять минут до начала Джерри, техник, проверил микрофоны, выставил уровень. Затем они ждали. Когда загорелась красная лампочка, показывающая, что студия подключена к эфиру, Эд приступил к обычной процедуре. Поскольку передача велась в прямом эфире, а не записывалась, она могла варьироваться. Иногда гость и другие, приглашенные Эдом, чтобы помочь расспрашивать гостя, без труда занимали целый час времени. А иногда приходили такие придурки, которые просто никак не вписывались, и Эду приходилось сворачивать интервью, запускать музыку и трепаться самому все оставшееся время.

Сегодня он был уверен, что музыку запускать не придется.

После обычных процедур — какая станция говорит, что за программа, — Эд сказал в микрофон:

— Ребята, сегодня у нас что-то особенное. Конечно, я каждую пятницу стараюсь найти для вас что-то особенное.

У нас уже были все: начиная с мужчины, который разговаривает с лошадьми, и заканчивая женщиной, которая летает. Может быть, кому-то это не покажется очень необычным. Но в нашей передаче вы встречаетесь с действительно потрясающими вещами. Наш гость не только разговаривал с лошадьми, что может делать любой ковбой или жокей, но они ему отвечали, потому что он на самом деле знал лошадинный язык. Наша гостья, которая летала, не заботилась о том, чтобы проделывать это в самолете. Она летала сама по себе. Левитация, как она это называла.

Краем глаза Эд видел, что гостю сегодняшнего вечера, Иезекилю Джошуа Табберу, вовсе не нравились его слова. Его дочь, которая сидела с ним рядом, проявляла признаки острого опасения.

Эд поспешил дальше:

— Но сегодня, ребята, у нас здесь человек, который действительно вас ошарашил. Религиозный пророк, и я сам свидетель тому, что он может налагать заклятия самым настоящим образом. Более того, мы вам это докажем. Поэтому что, ребята, этот человек у нас в студии ответственен за “Домотканый стиль”, эту якобы новую моду, которая охватила весь земной шар на прошлой неделе. Это не прихоть, ребята, ничего похожего на прихоть. Это самое что ни на есть настоящее заклятие, которое наш сегодняшний гость Иезекиль Джошуа Таббер наложил на всю женскую половину человечества. Еще здесь с нами Нефертити Таббер, дочь главного гостя; Элен Фонтейн, известная светская дама Кингсбурга; и Базз Де Кемп, колонку которого в “Таймс-Трибьюн” вы все хорошо знаете. Мистер Кемп, который напрочь не верит в чары, ребята, поможет расспрашивать странствующего проповедника Иезекиля Джошуа Таббера.

Теперь, прежде всего, мистер Таббер, скажите: раз вы носите такое имя, я полагаю, что в ваших митингах возрождения религии вы поддерживаете давнюю традицию хорошей христианской семьи.

По мере того, как Эд продолжал свою речь, линкольновское лицо теряло некоторую часть своей мягкой печали. Теперь Таббер сурово сказал:

— Значит, ты сделал неверное предположение, Эдвард. Во первых, собрания, которые я провожу, это не митинги

возрождения религии. Согласно моему учению христианство, наряду с иудаизмом, магометанством и всеми остальными нынешними организованными религиями, представляет собой мертвую, бесплодную религию, и я не намерен оживлять труп.

— О, — растерянно произнес Эд. — Н-ну, очевидно, у меня сложилось неверное впечатление, ребята. Скажите в таком случае, что именно вы провозглашали на ваших палаточных митингах на Хаустон-стрит, мистер Таббер?

— Новую религию, Эдвард. Религию, которая соответствует нашему времени. — Его голос вдохновенно зозвылся.

Базз Де Кемп сказал сухо:

— Человеческой расе новая религия так же нужна, как еще одна коллективная дырка в голове. У нас уже столько религий, что мы не в состоянии их рассортировать.

Таббер быстро повернулся к нему.

— Совсем наоборот. Этот беспорядок в религиях показывает, что за последние пятнадцать сотен лет на сцене не появилась ни одна великкая религия. И что за религия возникла последней? Магометанство. Религия, которая, как иудаизм и христианство, появилась в пустыне, чтобы выразить религиозные нужды полуварварских кочевых племен. Великие религии Востока, такие как индуизм и буддизм, еще старше. Говорю вам, добрые души, что в те далекие дни, возможно, эти верования наших предков оказывали положительное действие. Но мир изменился. Человек изменился. Сегодня мы нуждаемся в новой религии, которая соответствует нашим современным условиям. Религии, которая укажет путь к более полной жизни, а не будет просто перепевать слова людей прошлых столетий, которые ничего не знали о проблемах, с которыми столкнутся наши поколения. Доказательством того, что эти седые религии прошлого больше недействительны, служит поведение наших современников. Мы совершаем показные ритуалы в церквях, храмах, синагогах и мечетях, но жизнь, которую мы ведем, лишена этики.

— Вы думаете, вам под силу основать новую религию? — скептически поинтересовался Де Кемп.

— Один человек, добрая душа, не может основать религию. Религия произрастает из человеческих сердец, чтобы восполнить их нужду. Если бы Христос родился на две тысячи лет раньше, у него не оказалось бы слушателей — его время еще бы не пришло. Если бы пророк Магомет родился в наши дни, а не в шестом веке, он встретил бы глухие уши вместо того открытого приема, который он получил в свое время. Я просто оказался одним из первых, кто почувствовал всеобщую потребность в новой вере. Я ощущал это, и мой долг — распространить учение.

Эду Уандеру все это совсем не нравилось. Маллигэн неоднократно его предупреждал, чтобы он держался подальше от политики и тех, кто нападает на любую из официально признанных религий. Маллигэну на WAN не нужны были никакие подрывные элементы и атеисты.

— Да, ребята, это все очень интересно, — торопливо сказал Эд. — Наш почетный гость, похоже, считает, что мир созрел для новой религии. Это напоминает мне того парня, который, помните, был у нас несколько месяцев назад и рассказывал нам, как он летал на Юпитер и получил "Новую Библию", которую он собирается издать.

Лицо Таббера снова потемнело. Нефертити безрезуль-татно делала Эду знаки, которые очевидно означали, что-бы он переменил тему болтовни.

— Но давайте перейдем к вопросу о проклятии, сэр. Теперь...

— Минутку, Крошка Эд, — сказал Базз Де Кемп. — Эта новая религия. Из того, что вы сказали, и из ваших лекций у меня создалось впечатление, что у вас есть к ней сопутствующие социоэкономические теории. Не могли бы вы сказать нам вкратце, за что ратует новая религия?

— Да, разумеется, — Таббер, похоже, слегка успокоился. — Мы ищем путь к лучшей жизни. В Элизиум, где на смену нынешнему обществу придет другое, лучшее.

— Минутку, — перебил его Де Кемп. — Вы хотите сказать, что эта ваша новая религия планирует нарушить существующий общественный порядок?

— Именно так, — сказал Таббер.

— Свергнуть правительство?

— Конечно, — сказал Таббер, как будто не было ничего очевиднее.

— Вы планируете установить что-то вроде коммунизма?..

— Конечно нет. Коммунисты для меня недостаточно радикальны, добрая душа.

Эд Уандер закрыл глаза в мучениях. Он вообразил, как взвоятся от таких слов Маллигэн, Фонтейн, и все общество Стивена Дикейтюра.

— Давайте поговорим о проклятии, — торопливо сказал он.

— Каком проклятии? — раздраженно сказал Таббер. Видно было, что шоу в целом ничуть не походило на то, что он себе представлял. — Все время эти разговоры о заклятиях и чарах. Это серьезная программа или нет?

Нефертити положила руку ему на локоть и шепнула:

— Отец...

Он стряхнул эту мягкую преграду и уставился на Эда. Базз Де Кемп тихо хихикал.

Эд тупо посмотрел на предполагаемого религиозного лидера.

— Проклятие, — сказал он. — Заклятие, которое вы наложили на Мисс Элен Фонтейн, которая присутствует здесь, и на всех женщин.

Пришла очередь Таббера смотреть непонимающим взглядом.

— Ты сошел с ума? — спросил он.

Эд Уандер прикрыл глаза рукой и на мгновение тяжело оперся на стол.

Наконец в разговор вступила Элен. Она наклонилась вперед и произнесла настойчивым тоном:

— Крошка Эд попросил меня публично извиниться перед вами и попросить, чтобы вы сняли проклятие.

Иезекиль Джошуа Таббер начал выходить из себя. Его седая пестрая борода поднялась дыбом.

— Какое проклятие? — взревел он.

— В прошлую субботу, — нервно сказала Элен, — вы говорили о том, что национальные ресурсы тратятся впустую, и что женщины, постоянно меняя моду, помогают истощить запасы нации, не помню точно ваши слова. А я с вами спорила.

Нефертити сказала примиряющим тоном:

— Отец не помнит, что он сказал, когда говорил в гневе.

Иезекиль Джошуа Таббер зловеще громыхнул:

— Я начинаю питать подозрения, что вы заманили меня сюда, дабы насмеяться над путем в Элизиум.

Эд Уандер видел, как его супер-шоу тает с минуты на минуту.

— Послушайте, мистер Таббер...

— Я уже говорил тебе, что не терплю обращения “мистер”...

Религиозный лидер начал тяжело дышать, и второй раз Эд Уандер и Элен Фонтейн увидели, как он словно увеличивается в размерах.

— Хорошо, хорошо, — сказал Эд. Он сам был настроен не слишком благодушно. — Все, что я могу сказать, это что вы не очень-то благодарны за предоставленную вам возможность обратиться ко всем этим людям, которые включили свои приемники, чтобы немножко развлечься.

— Развлечься! — издал громовой рев Таббер. — Вот именно, развлечься! Вы привели меня сюда пред гогочущие толпы, дабы представить меня мошенником и безумцем. Я не подозревал, какова твоя программа, Эдвард Уандер! — он начал подниматься с места.

— О, нет! — простонала Нефертити так тихо, что никто не услышал.

Базз Де Кемп вынул сигару из кармана куртки, сунул в рот и радостно ухмыльнулся.

— Посмотри в лицо фактам, Зеки, старина, — сказал он. — Единственный шанс, который у тебя есть, чтобы распространить свое учение, это использовать радио и телевидение. Люди просто-напросто не интересуются тем, чтобы выбираться на прогулку и сидеть в палатках на деревянных стульях. Они хотят, чтобы развлечения поступали к ним прямо в дом. И, поверь мне, если ты хочешь распространить свое учение, тебе надо приукрасить его, вставить в речь пару анекдотов, например, — он рассмеялся.

К своему ужасу Эд Уандер увидел сквозь толстое стекло стены студии Дженсена Фонтейна, за которым по пятам следовал разъяренный Маллигэн. Они направлялись устраивать бурю в будке Джерри. Эд закрыл глаза в страдании.

Когда он открыл их, то обнаружил, что Иезекиль Джошуа Таббер возвышается на шесть с половиной футов, подняв над собой руку со стиснутым кулаком.

— *Радио!* — трубно проревел он. — *Ныне воистину я проклинаю радио, это изобретение зла, кое поистине отняло у людей индивидуальность. Которое воистину превратило их в бездумные колоды, ожидающие дурацких развлечений.*

— Ух ты, вот это да! — радостно сказал Базз.

— ...Сила... — простонала Нефертити.

Иезекиль Джошуа Таббер повернулся и ринулся штурмовать дверь студии. Нефертити побежала за ним.

Эд Уандер со стоном упал в свое кресло. Он видел в контрольной будке Маллигэна и Фонтейна. Звукоизоляция не позволяла слышать разъяренные приказы промышленного магната с побагровевшим лицом. Но не похоже было, чтобы Джерри обращал большое внимание на его крики. Радиотехник склонился над своими приборами, копаясь в рукоятках и циферблатах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА V

Чтобы спасти то, что еще можно было спасти от разгрома, Эд Уандер торопливо сказал в микрофон:

— Да, ребята, боюсь, что сегодня мы потерпели неудачу. Конечно, такое может случиться с самыми лучшими программами, когда все идет без заранее написанного сценария, и мы имеем дело с гостями — непрофессионалами. Так что давайте теперь немного послушаем музыку, а позже я, может быть, расскажу вам кое-что о том, как мы себе представляли сегодняшнюю передачу. Джерри, запусти музыку по кругу!

Красная лампочка погасла, свидетельствуя, что Студия Три больше не подключена к эфиру, и прогремел голос Маллигэна по интеркому из контрольной будки:

— Уандер! Немедленно ко мне в кабинет!

Эд Уандер страдальчески закрыл глаза.

Открывал он их осторожно и постепенно. Иезекиля Джошуа Таббера и его дочери Нефертити в студии не было. Элен Фонтейн и Базз Де Кемп все еще сидели за столом. Базз глупо хихикал. Он вытащил кухонную спичку, зажег ее об ноготь большого пальца и зажег сигару, которую жевал все это время.

— Вот это настоящее шоу! — провозгласил он. — Если бы все время передавали передачи с такими шуточками, я бы стал слушать радио.

— Мне очень жаль, Крошка Эд, — сказала Элен. — О, мать божья, какой кавардак!

Эд посмотрел на контрольную будку техника. Дженсен Фонтейн и Маллигэн уже покинули ее, очевидно направившись в кабинет Маллигэна, чтобы подготовить гильотину.

Эд подошел к звуконепроницаемой двери студии, открыл ее, переступил порог контрольной будки и вошел. Хмурый Джерри продолжал возиться со своими приборами.

— Что случилось? — спросил Эд.

Джерри взглянул на него снизу вверх и вытащил изо рта трубку, чтобы удобнее было говорить.

— Мы получаем одну восьмую вторичного эха, по силе равного оригиналу.

— Что это значит?

— Если ты хочешь быстро рехнуться, попробуй послушать что-нибудь с вторичным эхом от половины до одной десятой, — проворчал Джерри, сунул трубку обратно в рот и вернулся к своему занятию. — Я это сейчас исправлю.

— Какого черта... — пробормотал Эд. Он повернулся и вышел из будки. Элен и Базз как раз покидали Студию Три.

Элен сказала:

— Мы пойдем к отцу вместе с тобой. Это не ты виноват.

Базз сказал, не вынимая сигары:

— Может быть, газете нужен радио-ТВ редактор, и ты получишь работу у нас.

Эд уставился на него.

— Самое время насмехаться, ты, бездельник. Все это была твоя идея.

Базз хихикнул.

— Прости. Я не думал, что стариk настолько с приветом. Ты уловил его выражение, с которым он налагал проклятие на радио? Эх, ну и сенсация бы это была, если бы оно сработало. Если бы он действительно проклял радио. Ну и сенсация!

Эд направился к холлу, буркнув:

— Ну так можешь уже начинать писать статью.

Они вошли в офис. Базз озадаченно спросил:

— Эй, парень, что ты хотел этим сказать?

Эд задержался у стола Долли. Долли неистово отвечала на звонки.

— Да, да, мы в курсе. Помехи приема. Техники над этим работают. Очень скоро все будет в порядке. Спасибо, что вы позвонили.

И снова:

— Да... да, мы знаем, что передача не проходит. Техники...

Эд, Элен и Базз продолжали путь. Газетчик обернулся и посмотрел через плечо на конторскую девушку. Он обратился к Эду:

— Что происходит?

— Проклятие происходит, — сказал Эд. Он придержал дверь открытой для Элен, и они вошли в кабинет Маллигэна.

Дженсен Фонтейн стоял посреди комнаты, явно ведя обратный отсчет времени до взрыва. Когда Эд вошел, он взревел:

— Уандер, ты уволен!

— Я знаю, знаю, — сказал Эд. Он подошел к телевизору новостей, занимавшему значительную часть одной из стен, и включил его. Фонтейн, Маллигэн, Элен и Базз уставились на него. Это была не та реакция, которой они ожидали, зная Эда Уандера.

Эд подождал, пока экран очистится от помех. Этого так и не произошло. В конце концов Эд его выключил и произнес отсутствующим тоном:

— Телевидение — это тоже разновидность радио. Хотел бы я знать, действует ли радар?

Он повернулся к Дженсену Фонтейну и Маллигэну.

Фонтейн, очевидно, решил, что Эд его не понял. Он снова взревел:

— Ты, идиот, ты позволил этому подрывному атеисту выступать на МОЕЙ радиостанции! Повторяю, Уандер, ты уволен!

— Знаю, — буркнул Эд. — Точно так же, как все, кто работал на радио и телевидении. Спокойной ночи всем.

Эда Уандера разбудил голос будильника:

— Вас ждут у телефона.

Ворча, он стряхнул с себя сон. Ему снился Иезекиль Джошуа Таббер, который собирался наложить заклятие на еду. Эд Уандер и Нефертити, которая по какой-то неведомой причине была в бикини, неистово пытались отговорить старика. Эд почесал свои узенькие усики.

Его модный ТВ-стерео-радио-фоно-магнитозаписывающий будильник произнес снова, на этот раз громче:

— Вас ждут у телефона.

Эд зевнул:

— Ага, слышал, — и включил устройство. Появилось лицо Маллигэна.

— Крошка Эд! — вскричал Маллигэн. — Куда ты пропал?

Эд снова зевнул.

— Никуда. Вы забыли, что я уволен?

— Ну, послушай, мы что-нибудь придумаем с этим.

Видишь ли, Крошка Эд...

Пока Маллигэн говорил, Эд Уандер включил телевизор. Когда экран осветился, Эд вздрогнул. Он переключился на другой канал, затем на следующий. Одна восьмая вторичного эха продолжала паразитировать на радиоволнах. Эд выключил телевизор.

Маллигэн говорил:

— Мистер Фонтейн, возможно, поторопился.

— О, я бы не сказал, — заметил Эд.

— Ну, во всяком случае, похоже, что он поговорил с дочерью, и мисс Фонтейн на твоей стороне. Они хотят, чтобы ты заехал к ним. Эй, послушай, а ты вообще знаешь, что творится?

— Да, — сказал Эд.

Маллигэн не обратил внимания на его слова.

— Это пятна на Солнце, или что-то в этом роде. Ни одна станция в мире не работает на прием.

— Ага, — сказал Эд. Он только сейчас сообразил, что ни Маллигэн, ни Фонтейн не слышали, как Таббер произносил проклятие. Они были слишком заняты тем, что орали на Джерри в контрольной будке, чтобы он отключил передачу.

— Ну так что, Крошка Эд? Ты собираешься увидеться с мистером Фонтейном?

— Нет, — сказал Эд.

Он выключил телефон и уставился на него. Он понял, что осуществил свое заветное желание, о котором он и не знал, что оно у него есть. Он повесил трубку в разговоре с Толстяком.

Эд хмыкнул. Чего ни Маллигэн, ни Фонтейн не понимали, так это того, что нет смысла беспокоиться о том, чтобы вернуться на работу на радио — по крайней мере, до тех пор, пока не вернутся радио и телевидение.

Когда он побрился, принял душ и оделся, он решил, что завтрак в его собственной автоматической кухне его не привлекает, и что он спустится в аптеку на углу и закажет себе какую-нибудь колбасу и яйца. Ему было над чем подумать, но он не торопился начать обдумывание. Он последний раз оглядел себя в зеркале ванной комнаты. Тридцать три года. Десять лет потрачено на то, чтобы попасть в редеющие ряды шоу бизнеса. Почти пять лет терпеливо работать на телевидении и радио. И теперь в тридцать три безработный. Великолепно. Но почему-то он не чувствовал себя так скверно, как должен был бы чувствовать.

Он повернулся, чтобы идти, но затем снова развернулся к зеркалу и осмотрел свои узкие усы. Тоненькая полоска усов была на лице почти каждого агрессивного молодого сотрудника в возрастном промежутке от тридцати до сорока. Это было современно.

Эд Уандер взял баночку с NoShav и втер средство в полоску волос. Затем взял полотенце и стер волосы прочь. Эд снова глянул в зеркало и удовлетворенно кивнул.

В аптеке было порядочно народу, но Эду удалось занять место у фонтана. Большинство посетителей собралось вокруг стойки с журналами. Эд был знаком с управляющим этого места и увидел его, стоящего рядом.

— Что происходит? — спросил Эд.

— Сколько лет занимаюсь этим делом, никогда не видел такого интереса к комиксам, — ответил тот. Почти все уже распродал, а еще и полдня не прошло. Я заказал еще.

— Комиксы?

— Угу. Что-то стряслось с телевидением и даже с радио. Одна из газет пишет, что это саботаж Советского Комплекса. Какие-то научные штучки, которые они придумали у себя в Сибири. Как бы то ни было, пока они все не наладят, никто не сможет смотреть телевизор. Моя жена и дети, пожалуй, спятят, но пока это продолжается, я уверен, что будут раскупать комиксы.

— Никто ничего не наладит, — пусто сказал Эд. — Так все теперь и будет.

Управляющий посмотрел на него.

— Не будь психом, Крошка Эд. Как можно жить без телевизора?

У Эда не было никакого желания спорить. Он бросил еще один взгляд на взрослых с пустыми лицами, толпящихся у полок с комиксами, отвернулся и набрал себе завтрак и кофе. Он изо всех сил старался пока не засорять мысли тем вопросом, который все время пытался в них пробиться. Когда он задумывался об этом, то начинал бояться, что это будет нелегко.

Все же, закончив завтрак, он вернулся в гараж под домом и взял Фольксховер. Скорее всего, он нарывается на неприятности, на несомненные неприятности. Но он выехал на Хаустон-стрит, к пустырю, где стояли палатки Таббера и его дочери. Девушка сказала, что старик не помнит слов, которые произнес в гневе, и очевидно, что он изрекал проклятия, когда был в гневе. Нужно было обращаться с ним так, чтобы не разгневать его. Может быть, существовал способ вернуть все, как было. Если ему, Эду, удастся этого добиться, тогда у него будет время разобраться с тем, чтобы вернуть себе работу.

Пустырь, где стояли палатки, был пуст.

Эд тупо посмотрел на него. Он должен был помнить. Они сворачивались и собирались уезжать, когда он и Баззо уговаривали Таббера выступить в передаче.

Эд на некоторое время задумался. Наконец он снова поднял Фольксховер в воздух и направился к зданию "Таймс-Трибьюн". Недавно миновал полдень, но Баззо приходил на работу весьма произвольным образом, чтобы не сказать большего. Было столько же шансов обнаружить его на работе в обеденное время, как и в любой другой момент.

На улицах было необычно много людей, большинство которых бесцельно прогуливались. Перед кинотеатрами стояли длинные очереди.

Эду повезло. Базз Де Кемп был за своим столом в комнатах городских новостей. При приближении Эда он поднял глаза. Эд нашел стул, развернул его и сел на него верхом лицом к спинке. Они с Баззом посмотрели друг на друга.

— Ты раскрутил сенсацию? — наконец спросил Эд.

Базз пожал плечами и выудил сигару из коробки, которую достал из ящика стола.

— Я написал статью. Ее напечатали на восьмой странице утреннего выпуска. Какой-то умник-редактор решил,

что это отличная хохма, и отредактировал ее, — тон Базза стал неприятным. — Улучшил, как мог. Добавил разных шуточек.

— Значит тебе никто не поверил, а?

— Конечно нет. Я сдался. Посмотри на это с точки зрения городского редактора. Ты бы в это поверил?

— Нет, — сказал Эд. — Нет, не поверил бы.

Они снова некоторое время смотрели друг на друга.

Наконец Эд откашлялся и произнес:

— Я только что был на пустыре, где Таббер проводил свои выступления.

— Ну и..?

— Они уехали. Ни следа. Я думал, что смогу поговорить с ним и его дочерью. Она достаточно внятная.

Базз обдумал его слова.

— Пойдем в морг, — сказал он наконец, поднимаясь с места.

Эд Уандер последовал за ним из комнаты городских новостей по коридору в другую комнату. Там главенствовал древний тип, который неторопливо кромсал нечто, очевидно представляющее собой стопку вчерашнего выпуска "Таймс-Трибьюн", огромными ножницами. Он пробурчал что-то в адрес Базза, который пробурчал что-то в ответ, и больше они не обращали друг на друга внимания.

— Таббер, — пробормотал Базз Де Кемп и выволок кипу скоросшивателей. Он начался просматривать их.

— Таббер, Таббер, Иезекиль Джошуа. Есть.

Он вытащил папку с металлическими кольцами, отнес ее к солидному столу, сел и открыл ее. Там были три очень коротких вырезки, даты публикации которых были надписаны на каждой сверху карандашом. Базз быстро просмотрел их, передавая их затем по очереди Эду Уандеру.

Базз откинулся на спинку стула и покачал головой.

— Всего лишь объявления о его митингах, начиная на несколько лет назад. Место расположения палатки, время начала проповеди. Название его первой проповеди: "Нация обединяет себя?" Никакой информации о том, откуда он прибыл и куда может направиться.

Эд Уандер сказал мрачно:

— Дженсен Фонтейн считает, что Таббер — это псевдоним.

Базз покачал головой.

— Такое имя не может быть псевдонимом. Никто, кроме помешанных на Библии родителей, не повесит на ребенка такую кликуху. Никто сам себя так не назовет.

— Он сказал, что он не христианин.

— Может быть, и нет, но его родители были христианами. Возможно, проповедниками. Когда он впадает в гнев, то начинает изъясняться, как трясун или что-то вроде. Он, должно быть, нахватался этого еще в детстве. Попробуй, Крошка Эд, ты очень хочешь его найти? И зачем? И что случилось с твоими усами?

Эд почесал гладкую кожу там, где еще сегодня утром были пучки усов. Он пробормотал самообвинительно:

— Может быть теперь, когда я больше не способный молодой человек, делающий карьеру, я не должен выглядеть как таковой?

Базз Де Кемп посмотрел на него, по-птичий склонив голову, и зажег сигару, которую до сих пор просто мусолил во рту.

— Это непохоже на Крошку Эда Уандера, — сказал он.

— А что похоже на крошку Эда Уандера? — сердито спросил Эд.

Базз ухмыльнулся.

— Обычно он идет, куда ветер дует.

— Не понимаю, как тебе удается со мной ладить, — фыркнул Эд.

— Сам удивляюсь, — ухмыльнулся Базз. — Может быть потому, что я к тебе привык. Ты когда-нибудь замечал, как мы ладим с людьми, к которым привыкли? Почему-то очень не хочется расставаться с кем бы то ни было, кого хорошо знаешь.

— Значит, к тому времени, как ты узнал, что я из себя представляю, ты уже ко мне привык и не смог меня избегать, а?

— Примерно так. Слушай, как сильно ты хочешь найти старину Таббера?

Эду никогда не удавалось по-настоящему рассердиться на насмешки Базза Де Кемпа. Но если когда-нибудь он и злился, то никак не сейчас.

— Не знаю, — проворчал он. — Наверное, я дурак. Если он меня увидит, он, пожалуй, наложит такое заклятие, которого хватит раз и навсегда, как гемофилии. Но я ввязался в эту историю с самого начала, и теперь поздно отступать.

Базз Де Кемп внимательно разглядывал его.

— Какая тебе в этом польза? — Он выдохнул дым, не вынимая изо рта сигары. — Я имею в виду, кроме стремления к смерти.

— О, господи, — пробормотал Эд. — Развлечений я ищу. Да никакой мне в этом пользы. Какая вообще в этом может быть польза?

Газетчик покачал головой.

— Это и впрямь никак не похоже на Крошку Эда Уандера. Ну ладно. Я возьмусь за это. Может быть, найдется запись о рождении Нефертити, или запись о браке самого Таббера, и это даст намек на то, где они живут. Может быть, у АП-Рейтер что-то на него есть. Выметайся отсюда и свяжись со мной попозже. Я тоже чувствую что-то вроде того, что и ты. Что я встрял в эту историю с самого начала.

Эд Уандер спустился в автобар на углу с идеей закалять себе что-нибудь покрепче. Его мысли настолько были заняты Таббером и заклятиями, что он не замечал толпы, пока не оказался в сотне футов от входа в бар. Первым его впечатлением было, что здесь произошел несчастный случай, или, что более вероятно исходя из размеров толпы, какое-нибудь покушение. Стрельба или что-то в этом роде.

Это было не так.

Перед дверью в бар стоял полисмен, выстраивая толпу в очередь, которой можно было управлять. Внутри на полную громкость орал музыкальный автомат.

— Все в порядке, становитесь в очередь. Становитесь в очередь, все в порядке, — как заведенный, повторял полисмен. — Становитесь в очередь, или никто не попадет внутрь.

— Что случилось, офицер? — спросил Крошка Эд.

Коп устало ответил:

— Стань в очередь, парень, стань в очередь, если хочешь выпить. Все становитесь в очередь.

— Стать в очередь за *чем*? — уставился на него Эд.

— За выпивкой, за выпивкой. Каждый может зайти внутрь, чтобы взять две порции, или на полчаса — смотря что исчерпается раньше. Так что стань в очередь.

— Какого черта? — возмутился Эд. — Я не настолько хочу выпить.

Кто-то в очереди обиделся на это.

— Ага, как же, — грубо отозвался он. — Так что ты будешь делать, парень, весь день разгуливать по улицам туда-обратно? Телевизор не работает уже...

Кто-то еще присоединился к его протесту, и прежде чем первый закончил свою жалобу, чей-то более сильный голос перекрыл его.

Эд отправился прочь, пораженный до глубины души. А ведь все случилось только лишь прошлой ночью. Еще и двадцати четырех часов не прошло.

Когда он шел назад к стоянке, где припарковал Фольксховер, то заметил, что такое творится не только около баров. Рестораны, кафе-мороженые, аптеки, все были заполнены и переполнены, и перед ними стояли очереди. Везде, где были музыкальные автоматы, они были включены на полную громкость. Владельцы заведений быстро делали деньги, но Эд не мог понять, откуда эти деньги берутся. Даже при нынешнем уровне государственного благосостояния средний гражданин не имел средств, необходимых для беспрерывного посещения ресторанов и баров.

Эд сел в свой ховеркар и некоторое время сидел, размышляя. Наконец он включил машину и направился к месту назначения. Он хорошо помнил адрес, но никогда не был там. Найдя дом, он стал перед экраном идентификации и нажал на кнопку.

Раздался голос:

— Крошка Эд! Входи, я сейчас буду.

Эд открыл дверь, вошел и прошел несколько ярдов от входа к комнате, которая явно служила одновременно гостиной и библиотекой. Эд пришел в изумлении при виде обстановки. Комната выглядела как кинодекорация, изображающая интерьер позапрошлого года. Стены были украшены репродукциями, которые Эд смутно припоминал из прошлого, но они ничем не походили на школу возрож-

дения сюрреализма, которая сейчас была в моде. Можно было подумать, что владелец повесил картины потому... ну, не исключено, что они ему нравились. Поступая таким образом, можно в два счета заработать репутацию психа. В том же духе были стулья, столы, фурнитура. Пряником из лавки антиквариата, вышедшие из моды несколько десятков лет назад.

— Здравствуй, приятель, — раздался голос. — Пришел узнать насчет Мэнни Леви для этого шоу со свами?

Эд Уандер посмотрело на хозяина дома, с трудом восстанавливая порядок в мыслях, нарушенный странным интерьером комнаты.

— Свами? — непонимающе переспросил он.

— Ходящий по огню. Ты пару дней назад упоминал о ходящем по огню. Что с тобой, Крошка Эд? Ты помнишь меня? Я Джим Уэстбрук, несколько раз участвовал в твоей передаче "Час необычного", пятьдесят долларов за участие, плата наличными вперед.

Эд Уандер потряс головой.

— Слушай, — сказал он. — Где ты был последние двадцать четыре часа?

— Здесь.

— В этом доме?

— Ну да. Я был занят работой, требующей сосредоточенности.

— Ты включал телевизор?

— У меня нет телевизора.

Эд Уандер уставился на него так, словно инженер рехнулся.

— У тебя нет телевизора? У всех есть телевизоры! Но как же ты...

Джим Уэстбрук терпеливо сказал:

— Я думаю, если бы передавали что-нибудь интересное, что мне захотелось бы посмотреть, я бы мог пойти к соседям или друзьям. Но уже много лет, откровенно говоря, я не знаю таких передач.

Эд Уандер устало закрыл глаза. Затем открыл их и сказал:

— Сейчас нет времени разговаривать о таких вещах, но что ты делаешь в свободное время? Слушаешь радио, ходишь в кино?

— У меня нет свободного времени, — спокойно ответил Джим Уэстбрук. — Один или два раза в неделю я занимаюсь лозоходством. Затем, внизу в подвале у меня есть фотолаборатория, электронная мастерская, мастерская для деревообделочных работ, и еще я устраиваю небольшую машинную мастерскую. Кроме того...

— Понятно, — сказал Эд. — Хватит. Ты и так наговорил столько, что на троих хватит.

— Сядь и расслабься, — непринужденно сказал Джим.

Эд осмотрел комнату. Он сстроил гримасу, прежде чем опуститься в одно из доисторического вида кресел, сверх меры оснащенное всякими приспособлениями. К его удивлению оно оказалось удобным, несмотря на дурацкий с точки зрения моды вид. Оно, должно быть, относилось еще к пятидесятным годам.

— Послушай, Джим, ходящий по углам свами отменяется — по крайней мере, откладывается. Ты потом поймешь почему. Прямо сейчас мне некогда объяснять тебе подробности, которых ты наверняка потребуешь. Вот что я пришел спросить у тебя: чудеса возможны?

Джим Уэстбрук сел в кресло напротив гостя, лицо его стало крайне внимательным.

— Чудеса какого рода?

— Ну, нечто, затрагивающее всех. Скажем, универсальное проклятие.

Инженер пожевал губу.

— Понимаешь, разговор о таких вещах сразу упирается в трудности с терминологией. Стоит только использовать термин “чудо”, “магия”, “проклятие”, как интеллектуалы моментально приходят в ярость, как будто у них здесь кнопка. Но если не вдаваться в семантику, то ответ на твой вопрос будет “да”. Похоже, чудеса происходили, и не исключено, что они происходят и сейчас или могут происходить.

Эд поднял руку.

— Погоди минутку. Назови хотя бы одно.

— Хоть дюжину, если хочешь. Моисей, перед которым расступились воды. Иисус, накормивший множество людей несколькими рыбами и семью хлебами.

Эд разочарованно произнес:

— Но ведь даже неизвестно, жили ли они на самом деле.

Джим Уэстбрук пожал плечами.

— Мусульмане точно так же убеждены, что Магомет творил различные чудеса, а того, что он реально существовал, никто не отрицает. Или возьми для примера Святую Терезу из Авилы. Она, судя по всему, умела левитировать. Думаю, что это называли бы чудом или магией большинство ее современников, да и большинство наших. Я всего лишь настроен против использования этого термина. Я полагаю, что левитация — это, ну, нормальное свойство некоторых определенных личностей. То, что этого никто не понимает, еще не делает это чудом, когда кто-нибудь, например, Святой Дунстан, Архиепископ Кентерберийский осуществляет данное действие. Без подготовки я могу тебе назвать такие имена тех, кто умел левитировать: Святой Филипп Бенитас, Бернард Птолемей, Доминик, Френсис Ксавье и Альберт Сицилийский. Потом еще Савонарола, которого видели парящим в паре футов над полом его камеры в подземной тюрьме как раз перед тем, как его сожгли.

— Все это религиозные фанатики, — запротестовал Эд. — Я им не верю. Помешанный на религии может вообразить, будто видел все, что угодно, когда он завелся. Я старый скептик после этой моей передачи.

Хозяин дома скривил рот.

— Хорошо. Был еще Д. Д. Хоум. Свидетели его полета никоим образом не были религиозными фанатиками, а они видели, как он вылетел из одного окна и вернулся обратно через другое, и это происходило на десятом этаже. Еще? Миссис Гаппи и Реверенд Стейnton Мозес, совсем недавно и проверено выдающимися научными фигурами.

Эд Уандер чувствовал себя несчастным. Он потрогал кончик носа левым указательным пальцем. Ему хотелось почесать свои более не существующие усики.

Джим Уэстбрук смотрел на него, слегка подняв брови, ожидая следующего вопроса.

Просто чтобы что-то сказать, Эд обвел жестом комнату.

— Что ты пытаешься доказать этой ненормальной комнатой, Джим? — Поскольку инженер, похоже, не понял

вопроса, он добавил. — Вся эта вышедшая из моды мебель, никакого автобара, никакого телевизора, примитивные картины на стенах — если ты считаешь это картинами.

Джим Уэстбрук сухо сказал:

— Веласкес и Мурильо — это не совсем кроманьонские рисунки на стенах, Крошка Эд.

— Ну да, но что твои друзья говорят об этой дикой обстановке?

Уэстбрук внимательно оглядел его, слегка кривя рот в печальной усмешке.

— У меня не так-то много друзей, настоящих друзей, Крошка Эд. А те, которые есть, обычно согласны со мной. Они находят эту комнату уютной, что самое важное, и имеющей все необходимое, что по важности занимает второе место. Кроме того... — он засмеялся, — ... по меньшей мере некоторые из них предпочитают Веласкеса агониям в стиле возрождения сюрреализма, принадлежащим Джексону Сальвадору.

Внезапно Эд понял, что сообразительный инженер, сидящий напротив него, вовсе не питает особой симпатии к Эду Уандеру. Эта догадка была для Эда откровением, поскольку он был знаком с Уэстбруком уже несколько лет и всегда находил с ним общий язык. Он несколько раз выступал у Эда в передаче "Час необычного", так как увлекался нетрадиционными предметами и, похоже, был авторитетом во всем, начиная с парапсихологии, и заканчивая космическими путешествиями. Кроме того, у него была озорная страсть насмехаться над традиционным научным образом мыслей, и он был подлинным Чарльзом Фортом в том, чтобы найти материал, при помощи которого забить священную корову.

Эд всегда думал о Джиме Уэстбруке как о друге и только теперь сообразил, что тот никогда не проявлял взаимности. Эд не успел подумать, а у него с языка уже сорвалось:

— Джим, почему ты меня недолюбливаешь?

Его собеседник вновь поднял брови и некоторое время молчал. Наконец он медленно произнес:

— Люди редко задают такие вопросы, Крошка Эд. А когда задают, то редко на самом деле хотят получить ответ.

— Нет, ты ответь, — эти слова он тоже произнес помимо желания.

Джим Уэстбрук откинулся на спинку кресла.

— Ладно, приятель. Правда заключается в том, что я не недолюблю тебя. Я вообще к тебе никак не отношусь. Знаешь что? Ты — стереотип, как почти любой человек. Мы превратились в нацию стереотипов. Почему, во имя всего святого, все девушки хотят походить на последний секс-символ, Бриджитт Лоран? А они хотят. И коротышки, и толстушки, и высокие. А все молодые бизнесмены с амбициями тоже хотят выглядеть абсолютно одинаково в своих костюмах от Брукс Бразерс. Они хотят соответствовать образцу до той степени, где это соответствие становится смешным, нелепым. Что, черт побери, случилось с нашей цивилизацией? Ты помнишь, когда мы в последний раз вспоминали такое понятие, как индивидуальность? Индивидуальные особенности? Мы боимся выглядеть иначе, чем сосед, боимся, что наш дом будет хоть чем-то отличаться от его дома, боимся водить другую машину.

— Значит, ты считаешь, что я такой же стереотип, как другие.

— Да.

Он сам этого просил, но когда инженер выложил это все напрямик, Эд Уандер начал медленно закипать. Он ядовито сказал:

— А ты, разумеется, не такой.

Джим Уэстбрук криво усмехнулся.

— Боюсь, назвать человека стереотипом, это все равно, что сказать, что у него нет чувства юмора, или что он плохой водитель, или что он скверный любовник.

— Не считай, что я повторяю прописные истины, — фыркнул Эд, — но если ты такой умный, почему ты не богат?

Джим перестал улыбаться, и в его голосе прозвучало почти сочувствие, когда он ответил:

— Я богат. Почти так богат, как вообще может быть богат человек. Я делаю то, что хочу делать, и уже достиг или в состоянии достигнуть того, к чему стремлюсь. Или ты говоришь о деньгах? Если речь о деньгах, то у меня есть все, что мне нужно. Может быть, если бы я потратил

больше времени, в особенности, если бы я посвятил этому все свое время, я бы получил больше. Но мне и так не хватает времени, чтобы заниматься тем, чем мне хочется, так не будет ли это глупостью с моей стороны тратить больше времени, чем это необходимо, на зарабатывание денег?

— Я уже слышал такие разговоры, — сказал Эд. — Но я всегда замечал, что те, кто действительно соображает лучше других, выбираются наверх.

— Я не стану с тобой спорить, приятель, — мягко сказал Джим Уэстбрук. — Вопрос только в том, что считать верхом. Один парень по имени Ллайл Спенсер, который был президентом Ассоциации Научных Исследований, провел исследования коэффициентов интеллектуальности. Он выяснил, что верхушка ученых и инженеров имеет средний IQ примерно 135. Верхушка бизнесменов — 120. Спенсер указал, что большинство президентов корпораций менее сообразительны, чем их работники в исследовательских отделах. Фактически их средний показатель был ниже, чем у представителей таких обыденных профессий, как аптекари, учителя, студенты-медики, книготорговцы, инженеры-механики и бухгалтеры. Очевидно, интеллект — не самое необходимое, чтобы выбраться наверх, как ты это называешь.

— Ага, — ухмыльнулся Эд. — Стало быть, если бы кто-нибудь пришел и предложил тебе полмиллиона, ты бы сказал: “Нет, благодарю, я для этого слишком умен. Я лучше буду счастлив, играясь в своей фотолаборатории и электронной мастерской в подвале”.

Его собеседник рассмеялся.

— Я же не говорил, что отказался бы от денег, если бы появилась такая возможность, Крошка Эд. Я прекрасно осознаю преимущества денег. Просто я не хочу тратить свою жизнь на погоню за ними, отказавшись ради этого от того, что я по-настоящему ценю. — Он поднялся на ноги. — Пожалуй, мы сегодня толком не поговорим на эту тему. Что ты скажешь, приятель, если мы отложим этот разговор на другой раз?

Эда выставляли; достаточно вежливо, но недвусмысленно. Недовольный больше собой, чем собеседником, Эд встал и направился к двери. Джим Уэстбрук провожал его.

Инженер явно не был задет словами Эда. У двери Эд обернулся и сказал:

— Купи газету, или выйди и поговори с соседями, у которых есть телевизор или радио. Может быть, я свяжусь с тобой попозже.

— Хорошо, — вежливо согласился Уэстбрук.

Бары были набиты битком с прошлого вечера, а время, которое разрешалось провести внутри, строго ограничено. Эд Уандер отказался от мысли просидеть в каком-нибудь баре достаточно долго, чтобы оглушить себя спиртным, и слова Джима Уэстбрука перестали бы звучать у него в ушах. Не очень-то приятно было это слышать.

Битком были набиты не только бары, но и улицы. За всю свою жизнь Эд Уандер не помнил, чтобы на улицах были такие толпы прохожих. Похоже, у них не было никакой определенной цели, куда идти. Просто бесцельно прогуливаться туда-сюда. Очереди перед кинотеатрами были такими длинными, что теряли всякий смысл. Те, кто стояли последними, могли надеяться попасть в кино не раньше следующего дня.

Эд вернулся в свою квартиру и упал в кресло. Он проромтотал презрительную фразу в адрес древней мебели в квартире Уэстбрука. Удобно? Допустим, но до какого идиотизма так можно дойти?

Он — стереотип! Ну и ядовитый тип этот Уэстбрук. Эд Уандер тяжелым трудом пробился наверх. Школу он закончил почти на все "С", даже несколько "В" получил по таким предметам, как драматическое искусство и гимнастика. Достаточно хорошие оценки, чтобы легко попасть в колледж. Это было серьезным испытанием. Правительственной стипендии едва хватало на жизнь. Приходилось ездить в подержанной машине, питаться в университетском кафетерии, не менять одежду до тех пор, пока она еще чуть-чуть и начинала бы выглядеть поношенной. Да, Эд Уандер получил образование тяжким трудом. Четыре года таких сложных предметов, как драматическое искусство, искусство спора, танцы, техника секса и единство с коллективом.

Затем долгие годы борьбы на пути наверх. Эд Уандер не стал после школы тотчас пользоваться всеми благами

безработного. Нет, сэр. Он воспользовался временной компенсацией, а сам действительно искал работу. Десять лет он числился в списках театров, студий, стараясь получить роль. Какие могут быть сомнения, что временная компенсация — это лучше, чем прямая страховка по безработице? Временная компенсация означает, что человек действительно ищет работу, что уже достаточно говорит о том, что Эд Уандер — не стереотип. Кое-кто смотрел на него, как на придурка, уже только за то, что он искал работу.

Затем наконец он переключился на радио и телевидение. Удача, плюс немного подкупа, романчик с толстой женой ответственного работника студии, и Эд Уандер попал в шоу-бизнес эфира.

Стереотип, да? Тогда как ему удалось в конце концов добиться собственной передачи, передачи “Час необычного”?

Он им покажет, кто стереотип.

Стереотип!

Он даже усы сбрил. Ну, чья взяла?

Утром Эд Уандер отправился в свою автоматическую кухню и набрал завтрак. Он должен был бы чувствовать упадок духа после вчерашней неудачи, но не чувствовал. Неизвестно почему, но это было так. Факт тот, что он чувствовал себя накануне каких-то событий. Неизвестно каких, но чувствовал.

Позавтракав, он выбросил тарелки в мусорный люк и вернулся в гостиную.

Он позвонил в Бюро Безработных, зарегистрировался как временно безработный, в качестве своей профессии подал “директор передачи на ТВ или радио” и подал заявление, чтобы временная компенсация переводилась прямо на его счет.

Затем он позвонил в Универсальное Кредитное Управление и подал заявление на временную отмену коммунальных платежей. Когда он это делал, ему пришло в голову, что тот яйцеголовый экономист, который выдумал временную отмену платежей, заткнул одну из самых больших потенциальных дыр в функционировании общества изобилия. Когда падение спроса росло, как снежный ком, власти задумались над возможными последствиями даже

самого незначительного экономического спада. Если когда-нибудь лишения права пользования начнутся в большом масштабе, все это пойдет лавиной. Продукты заполнят рынки, и фабрики закроются, еще более усугубив экономический спад. Да, тот, кто выдумал кредитное приостановление платежей, избежал тем самым этой западни классического капитализма. Разумеется, пока ты пользуешься кредитным приостановлением платежей, ты не можешь завести новый кредит на коммунальные услуги, но даже в Процветающем Государстве нельзя иметь все.

Покончив с делами, Эд расслабился и задумался над своим положением. Его выгнали с работы. Если автоматика бюро по трудоустройству Процветающего Государства найдет для него потенциальное место, они его уведомят. Пока у него не было никакого занятия. Нет смысла лично обращаться на радиостанции или телестудии. Они решат, что он чокнутый, если он станет это делать сам.

Нужно как-то убить время. Эд потянулся и включил телевизор.

Каким-то образом он умудрился временно забыть об этом. Экран являл собой ужасную картину в духе абстракционизма. Эд быстро выключил его. Надо полагать, станции продолжают попытки, но волны просто не проходят.

Просто, чтобы размяться, он спустился и прошелся до угла за газетой. Ни одной газеты не было. К счастью, у управляющего нашелся его собственный экземпляр в подсобке, и он позволил Эду забрать его.

У стеллажей с журналами и книгами продолжали толпиться люди. Эд сказал управляющему:

— Комиксы по-прежнему идут нарасхват, а?

— Э нет, — покачал головой тот, сияя. — Мы уже распродали все комиксы. В городе больше ни одного не осталось. Агенты говорят, что типографии работают день и ночь, печатая дополнительные выпуски, но прямо сейчас торговать нечем. Теперь раскупают журналы и дешевые издания книг. Самые популярные журналы уже тоже успели раскупить. И среди книг не осталось ни детективов, ни вестернов, — он перестал улыбаться. — Из-за этой аварии дела, конечно, идут как никогда, но вот возвращаться вечером домой, к жене, это сущий кошмар. Нам совершен-

но нечем заняться, кроме как гавкаться друг с другом, а дети, которым нечего смотреть, просто на головах ходят.

Эд Уандер унес газету к себе домой, не открывая.

Газеты, очевидно, переживали вторую молодость и наслаждались ею. Ввиду отсутствия радио и теленовостей, вернулось время чтения.

Заголовки гласили:

“Помехи ТВ и радио во всем мире”

“Президент выступит на специальной пресс-конференции”

“Всеобщие выступления против лимитов на билеты в кино и на спортивные зорлища”

“Мать, не выдержав безделья, убивает детей и совершает самоубийство”

“Намеки Советского Комплекса на то, что Запад намеренно саботирует ТВ”

Эд только приступил к подробностям, как его прервал телефонный звонок.

Экран заполнило лицо Базза Де Кемпа с неизменной сигарой во рту.

— Привет, Крошка Эд. Я разгадал великую тайну.

Мгновение Эд думал, что... но нет.

— Какую тайну? — спросил он.

— Куда исчезли Зеки и Нефертити.

— Ну! — Эд наклонился вперед.

Базз растягивал удовольствие.

— Это было не так-то просто. Я задействовал все, кроме ФБР. Я проверил...

— Ладно, ладно, — нетерпеливо буркнул Эд. — Выкладывай.

— Они перебрались вверх по реке в следующий город, Согерти, и там снова поставили свои палатки. Старина Зеки продолжает свое лекционное турне.

Эд устало закрыл глаза. Он уже вообразил себе, как Иезекиль Джошуа Таббер плывет зайцем на теплоходе в Бразилию, или ищет политического убежища в посольстве Советского Комплекса, или просто скрывается где-то в укромном углу.

Вместо этого чокнутый странствующий проповедник как ни в чем ни бывало продолжает свое дело на несколько миль вверх по реке!

ГЛАВА VI

— Отлично, — сказал Эд Уандер. — Я за тобой заеду.

— Погоди, парень, — репортер вытащил сигару изо рта, чтобы воспользоваться ею, как указкой. — Не исключено, что старый лопух слегка рассержен на тебя, но уж на меня-то он зол всерьез. Это ведь я над ним насмехался и вывел его из себя. Это я заставил его говорить в гневе, как это называет его дочь. Думаю, будет лучше, если он для начала увидит только твою милую физиономию.

— Используем меня как приманку, чтобы дразнить тигра, а?

— Это была твоя идея снова найти его. Ты сказал, что ввязался в эту историю с самого начала. Бравый парень. Крутой мужик.

— Ты сказал, что тоже встрял в историю с самого начала, — проворчал Эд.

— Да, и я намерен в ней оставаться, но на расстоянии, парень, на расстоянии. Послушай, я не посмел даже заговорить об этом со Старой Язвой, городским редактором, но ты не рассказывай об этом никому, кроме меня, так что у “Таймс-Трибьюн” будут эксклюзивные права на эту информацию, и уж мы найдем способ выразить нашу благодарность. Это сенсация, Крошка Эд. Сенсация века.

До Эда Уандера только в этот момент дошло, насколько велика эта сенсация. Перед его мысленным взором замелькали картины. Он может продать ее в иллюстрированный журнал “Лук энд Лайф”. Он может продать ее...

Картины перед мысленным взором погасли. Никуда ему этого не продать. Если Баззо даже не посмел заговорить об этом с городским редактором такого заштатного городишко, как Кингсбург, кто будет слушать Эда Уандера в Ультра-Нью-Йорке?

Он подозревал, что из всех вовлеченных и историю единственными, кто действительно знал, что “Домотканый

стиль" и помехи на радио и телевидении — это результат проклятий Таббера, были он сам, Базз и Элен. За исключением, разумеется, самого Таббера, Нефертити и нескольких его последователей, "следующих слову", или как там они себя называют.

— Ну? — нетерпеливо сказал Базз.

Эд не знал, откуда у него взялась храбрость, но он ответил:

— Ладно. Я отправлюсь в Согерти, что бы из этого не вышло. Буду держать тебя в курсе. Помни, если из этого получатся деньги, яучаствую в дележе.

Репортер вытаращил глаза в преувеличенном торжественном обещании.

— Де Кемп всегда держит слово, — провозгласил он.

— Угу, — проворчал Эд, протягивая руку выключить телефон.

Эд спустился подъемником в подземный гараж, взял Фольксковер, включил его, поднял на полфута над полом, выехал по скату на улицу и взял направление на север. Толпы на улицах были несусветные. Он никогда не представлял, сколько народа живет в этом городе. В далеком прошлом, надо полагать, большинство проводило день на рабочем месте, вечер за телевизором, в кино, или слушая радио. В последние годы, по мере того, как число нужных профессий все уменьшалось и уменьшалось, так что в конце концов безработных стало больше, чем работающих, средний горожанин стал вести более сидячий образ жизни. Эд где-то встречал такие данные, что средний человек проводит восемь часов в день, будучи развлекаем средствами массовой информации.

Теперь этот порядок нарушился.

Эд направлялся на север на высоте примерно десяти футов и обратил внимание, что движение гораздо интенсивнее, чем можно было бы ожидать в это время дня. Не нужно было долго думать, чем это вызвано. Горожане выбрались к ближайшей воде искупаться или к ближайшему лесу на пикник. В основном их лица при этом не выражали надежды хорошо повеселиться. Вероятно, потому, что их переносные приемники и телевизоры не работали.

Эду Уандеру пришло в голову, что такие развлечения прошлого, как пикники и плавание, вышли из моды еще

в те времена, когда он был ребенком. В его дни детвора еще развлекалась самостоятельно — плавали, ловили рыбу, играли в бейсбол, путешествовали пешком, ездили в лагеря. Теперь ничего этого не делали, потому что это помешало бы смотреть ту или другую любимую программу. Отправьтесь в лагерь и пропустите "Час Роберта Хоупа Третьего", или "Я с ума скожу по Мери", не говоря уж о "Садистских Сказках". Конечно, всегда можно взять с собой переносной телевизор, но тогда придется смотреть передачи, сидя у костра, вместо того чтобы делать то же самое у себя дома в полном комфорте и с гораздо меньшим количеством комаров.

Рыбалка. Он вспомнил, как мальчишкой ездил с отцом на рыбалку. И самостоятельно тоже ездил, кстати сказать. Он мог вовсе ничего не поймать или принести домой жалкую связку окуней, но ему это нравилось. Сегодня мальчишки предпочитают посмотреть, как кто-то другой в Гольфстриме или у берегов Перу поймал марлина весом в полтонны или попал острогой в гигантского ската, ныряя с Большого Барьерного Рифа Австралии. Чужое сильное волнение игры с десятифутовой акулой-людоедом, как видно, гораздо сильнее, чем утомительное ожидание, пока четырехдюймовый окунь схватит своего червяка.

Согерти был одним из этих неизменных городов новоанглийского типа. Большие деревянные дома. Одноэтажные, двухэтажные, редко когда более чем трехэтажные, даже в деловой части города. Деревня-переросток, которая заставляет удивляться, как она вообще существует, и по какой причине ее жители не переселились в более приятное место.

Эд Уандер остановил свой маленький ховеркар перед Торntonским Мемориальным Театром, перед которым, как перед кинотеатрами в его собственном городе, стояла большая очередь. У обочины тротуара стояло три или четыре горожанина не в духе, которые явно сочли очередь слишком длинной, так что надеяться попасть внутрь безнадежно.

— Эй, парень, можешь мне сказать, где поставил свои палатки... ээ... преподобный Таббер?

— Никогда о нем не слышал, — сказал парень.

— А ты, приятель? — спросил Эд.

Приятель почесал в затылке.

— Чего-то я такое читал в газете про палаточный митинг возрождения религии или вроде того. Э, слушайте, так это идея! Можно туда пойти! Послушать про это возрождение.

— Ах ты черт, — радостно сказал парень. — Слушайте, я сейчас пойду домой, захвачу свою старуху, детей и бегом туда, пока все места не заняли.

— Вы мне можете сказать, где они остановились? — терпеливо спросил Эд.

— Ага, — сказал приятель, очевидно увлеченный идеей парня и уже сам собравшийся бежать. — Вон по той улице три квартала, потом поверни налево и двигайся, пока не доберешься до парка. Не ошибешься. — Последние слова он договаривал уже на бегу.

Эд проехал три квартала, свернул налево и через некоторое время добрался до парка. Похоже, парень и приятель будут разочарованы. Перед палаткой Таббера уже выстроилась длинная очередь. До вечера было далеко, но очередь уже стояла здесь.

— Только стоячие места, — пробормотал Эд, нажимая на рычаг спуска. Интересно, подумал он, бывают ли у Таббера утренние выступления? Он припарковал машину и направился ко входу.

— Эй, ты, стань в очередь, — проворчал кто-то в его адрес. К нему повернулись враждебные лица.

— Я пришел не для того, чтобы слушать... ээ... проповедь, — торопливо сказал Эд. — Я...

— Ну конечно, конечно, умник. Ты просто стань в очередь, и все. Я тут стою уже два часа. Только попробуй влезть без очереди, так получишь, что родная мать не узнает, понял?

При угрозе физического насилия у Эда, как обычно, сжался желудок, и он отступил на два шага назад. Он рассторянно посмотрел на трех-четырех приверженцев Таббера, которые изо всех сил старались навести порядок.

— Каждый услышит Говорящего Слово, — повторял один из них по кругу, как заведенный. — Он сократил свою речь до получаса, чтобы каждый смог услышать, по очереди. Пожалуйста, проявите терпение. Каждый услышит Говорящего Слово.

Один из стоящих в очереди пробурчал:

— Полчаса? Они что, хотят сказать, что я стою здесь столько времени ради получасового шоу?

— Это не вполне шоу, друг, — сказал Эд Уандер.

Он отошел от очереди. Чтобы добраться до входа, придется потратить несколько часов. Кроме того, это был не-подходящий способ посоветоваться с Таббером. Он хотел поговорить с пророком, если это было подходящее название для Таббера, наедине. Причем с минуты на минуту затея нравилась ему все меньшее.

Он обошел большую палатку вокруг, оказался позади нее и обнаружил, что, как и раньше, за ней скрывается маленькая палатка. Некоторое время Эд колебался. Он обошел вокруг полотняного жилища. Там был старомодный фермерский вагон и мирно пасущаяся лошадь.

Эд набрал в грудь побольше воздуха и вернулся ко входу. Как, интересно, постучать в дверь палатки? Он откашлялся и крикнул:

— Кто-нибудь дома?

Внутри послышалось шевеление, затем клапан палатки откинулся, и показалась Нефертити Таббер.

Она посмотрела на Эда и залилась румянцем.

— Здравствуй, добрая душа, — сказала она. Затем в быстром порыве, все сразу:

— О, Эд, мне так жаль, что все так вышло тогда. Я... Мне не следовало приводить отца...

— “Жаль”, — резко сказал он. — Всему миру жаль. Послушай, ты знаешь, что случилось?

Она молча кивнула.

— Сейчас я тебе расскажу, что случилось, — начал он.

Она быстро осмотрелась по сторонам, затем откинула клапан палатки.

— Пожалуйста, войди, Эд.

Он последовал за ней. Палатка оказалась на удивление большой. Она была удобно разделена на три комнаты, две из которых имели собственные клапаны, закрывающие входы. Спальни, решил Эд. Большая комната представляла собой комбинацию кухни, столовой и гостиной. Часть земляного пола даже была застеклена ковром. Самодельными ковром, каких Эд Уандер не видел с детства.

Вокруг стола стояли складные стулья, и Нефертити нерешительно указала на один из них. То, что самого Иезекиля Джошуа Таббера не было дома, придало Эду храбрости.

— Все теле- и радиостанции в мире молчат, — сказал он обвиняющим тоном.

Она кивнула.

— Я узнала об этом только час или два назад. Я ходила в город взять припасы у одного и следующих по пути, который живет не в Элизиуме.

Эд пропустил мимо ушей вторую часть ее фразы, которая звучала, как стопроцентное сумасшествие, и прицепился к первой части фразы.

— Ты видела всех этих людей на улицах?

Она молча кивнула.

— Как долго это уже продолжается?

Она поняла, о чем он спрашивает, вне всякого сомнения.

— Ты имеешь в виду... Силу? Власть выдохнуть слово?

Эд Уандер закрыл глаза в невыразимой усталости.

— Давай на время оставим эту идиотскую манеру выражаться. Что твой отец ДЕЛАЕТ на самом деле?

Она посмотрела на него так, словно ничто не могло быть более очевидным.

— Он пользуется Силой и произносит слово. Но, разумеется, как правило, только когда он в гневе. Ты и твой друг Базз Де Кемп разгневали его. Так же как Элен Фон-тейн перед тем.

— Вот так все просто, да? — саркастически произнес Эд.

— Не сердись, добрая душа, — девушка озадаченно нахмурилась. — До сих пор это не было так сильно. — Ее лицо прояснилось. — Может быть, раньше его никогда не выводили из себя настолько.

— Но послушай, как у него получается ДЕЛАТЬ такие вещи?

— Но он — Говорящий Слово, учитель пути в Элизиум и возлюбленный Всеобщей Матери.

— О, господи боже, — страдальчески пробормотал Эд. — Задай дурацкий вопрос и получишь дурацкий ответ.

Он машинально протянул руку и положил ее на руку девушки.

— Послушай, Нефертити, это важно...

Ее глаза слегка расширились, а рот округлился. Эд отдернул руку.

— Прошу прощения!

Ее голос был хриплым:

— Ничего.

Эду и самому пришлось откашляться. Ему хотелось бы знать, сколько лет Нефертити Таббер. Он только сейчас сообразил, что до нее, наверное, никогда не дотрагивался ни один мужчина. Во всяком случае, мужчина ее возрастной группы.

— Послушай, — сказал он снова, — мне все время кажется, когда я с вами всеми разговариваю, что я вступил в беседу на несколько веков позже, чем нужно. Скажи, чего хочет добиться твой старик... то есть, твой отец. Что это за разговоры о том, что коммунисты для него слишком мягкие. Они недостаточно радикальны для него?

Голос из-за его спины произнес:

— Мгм, у нас гость.

Эд вздрогнул, ожидая удара молнии между лопатками, и обернулся.

Лицо человека, стоящего позади него, было преисполнено всеобъемлющего понимания и печали. Таббер выглядел примерно таким же опасным, как богоматерь с младенцем кисти Микеланджело.

Эд Уандер тем не менее поднялся с места.

— А... мм... здравствуйте, сэр... уух, простите, не сэр... эз... Иезекиль... мм... добрая душа.

— Здравствуй, Эдвард. — Седобородый пророк просиял ему навстречу. — Ты ищешь дальнейшего просветления на пути в Элизиум?

Старик со вздохом уселся на один из складных стульев. Он явно не питал обиды по поводу того, что произошло в прошлый раз.

Нефертити тоже встала. Она принесла отцу стакан воды, которую налила из ковша. Эд Уандер помимо воли обратил внимание, что она двигается, как малайские женщины, которых он видел в передачах о путешествиях — голова и плечи гордо выпрямлены, бедра мягко колышутся.

— Н-ну, ээ, да, — торопливо сказал Эд. — Захватывающая тема. Насколько я понимаю, вы стремитесь к чему-то вроде Утопии. Мм...

Иезекиль Джошуа Таббер нахмурился.

— Добрая душа, тебе не удается понять слово. Мы не ищем Утопии. Предполагается, что Утопия — это совершенное общество, а любое совершенство автоматически перестает расти. Следовательно, концепция Утопии консервативна, если не реакционна. Это ошибка многих, в том числе так называемых коммунистов. Они думают, что как только их земля обетованная будет достигнута, всякий прогресс остановится, и будет достигнуто тысячелетнее блаженство. Чушь! Всеобщая Мать не знает остановок. Путь в Элизиум бесконечен!

Эду показалось, что некоторое время он следил за ходом мысли старика, но к концу все это превратилось в абракадабру.

Но Эду Уандеру часто приходилось иметь дело с чокнутыми. Неважно, что у этого были невероятные способности, с которыми Эд никогда до сих пор не сталкивался. Все равно это был псих. Эд сказал успокаивающее:

— Ага, после того, как вы объяснили, мне стало ясно. Утопия реакционна.

Таббер вопросительно посмотрел на него.

— Я понимаю, добрая душа, что твои мотивы для посещения нас могут быть иными, нежели интерес к пути. — Таббер благожелательно улыбнулся и посмотрел на Нефертити, которая все это время не сводила с Эда Уандера глаз. Она покраснела. Эта девушка непрерывно краснеет, подумал Эд Уандер. Не может быть, чтобы она на самом деле была настолько застенчива.

— Возможно ли, что ты пришел сюда из-за моей дочери? — мягко спросил Таббер.

Может быть, это и было сказано мягко, но Эд Уандер едва усидел на стуле. Все инстинкты умоляли его вскочить. Вскочить и бежать прочь!

— О нет, — запротестовал он. — Ээ...

— Отец! — сказала Нефертити.

Эд не смотрел на нее. Он подозревал, что Нефертити Таббер приобрела кирпичный цвет — если уж она способ-

на порозоветь при одном только виде мужчины. Эд, заикаясь, пробормотал:

— О нет. Нет. Я пришел по поводу телевидения и радио.

Иезекиль Джошуа Таббер нахмурился, но лицо его было таким, что хмурое выражение было добре, чем улыбка иного человека. Он печально сказал:

— Как жаль. Поистине, путь Всеобщей Матери, путь в Элизиум освещается романтической любовью юных. И я боюсь, Нефертити из-за меня ведет такую жизнь, что утрачивает возможности встретить пилигримов ее собственного возраста. — Он вздохнул и сказал:

— Но что у тебя за дело, Эдвард, по поводу телевидения и радио? Ты ведь знаешь, что мне не нравится направление, которого придерживаются наши средства массовой информации в последние годы.

Тихая манера собеседника позволила Эду расхрабриться. Похоже, Таббер совсем не был зол на него за фиаско на станции в ту ночь.

— Ну, вы бы могли все же не доводить это до такой крайности. Я имею в виду ваше отсутствие симпатии к ним.

Таббер был озадачен.

— Не думаю, что я понимаю тебя, добрая душа.

— Проклятие, — нетерпеливо сказал Эд. — Проклятие, которое вы наложили на телевидение и радио. Боже правый, только не говорите мне, что вы забыли, что это сделали!

Таббер ошеломленно переводил взгляд с Эда на Нефертити. Пристальное внимание девушки, сосредоточенное на Эде, постепенно рассеивалось по мере того, как росло понимание. Она сказала:

— Отец, ты, быть может, забыл, но тогда ночью в радиопередаче Эда ты был вне себя от гнева. Ты... возвзвал к силе, чтобы проклясть радио.

— И теперь в мире нет ни одной работающей телевизионной радиостанции, — выложил Эд.

Таббер тупо посмотрел на них.

— Вы хотите сказать, что я призвал гнев на эти, как признано, извращенные институции, и... это СРАБОТАЛО?

— Сработало, а как же, — мрачно сказал Эд. — Я теперь безработный. В этой отрасли были задействованы

несколько миллионов человек, и все они, в разных частях света, безработные.

— Во ВСЕМ мире? — спросил Таббер в изумлении.

— Ах, отец, — запротестовала Нефертити. — Те же знаешь, что тебе дана сила. Помнишь того молодого человека, который постоянно играл на гитаре свою народную музыку?

Таббер потрясенно уставился на Эда. Он ответил дочери:

— Да, но порвать пятидолларовые струны на гитаре на расстоянии нескольких футов — это совсем не...

— Или неоновая реклама, на которую ты жаловался, что глаза будто вот-вот выскочат у тебя из головы, — сказала Нефертити.

— Вы что, хотите сказать, что не знали, что это по-действовало? — спросил Эд. — Не знали, что после того, как вы прокляли радио, теперь не осталось ни одной работающей теле- или радиостанции?

Таббер произнес в благоговейном ужасе:

— Силы, которыми может наделить Всеобщая Мать, поистине достойны удивления.

— Достойны-то достойны, — резко сказал Эд. — Но вопрос в том, сможете ли вы их обратить назад? Люди впадают в отчаяние. Даже в таком маленьком городке, как этот, тысячи людей бродят по улицам, не имея, чем заняться. Даже небольшой палаточный митинг вроде вашего забит до отказа и... — он оборвал фразу. Лицо Иезекиля Джошуа Таббера внезапно стало пустым, трагически пустым.

— Ты хочешь сказать... добрая душа... — с трудом произнес Таббер, — что внезапно привлеченные нами огромные толпы, аудитория столь обширная, что я должен держать дюжину проповедей в день, что все это вызвано...

— Они пришли сюда, потому что больше нет места, где бы их развлекали, — резко сказал Эд.

Нефертити сказала тоном мягкого сочувствия:

— Я собиралась сказать тебе об этом, отец. Множество людей слоняется по улицам. Они отчаянно ищут развлечений.

К добродушному Таббера, на мгновение сломленному известием, медленно возвращалась сила.

— Развлечений!

— Иезекиль, неужели ты не видишь? — сказал Эд. — Люди должны что-то делать со своим временем. Они хотят, чтобы их развлекали. Люди имеют право немножко повеселиться. Это можно понять, верно? Они любят радио, они любят телевизор. Им нельзя в этом помешать. Ну так вот, они не знают, куда себя деть. Им нужно как-то убить время.

— Убить время! Убить время! — загремел Таббер. — Убивать время, добрая душа, это не значит совершать убийство, это значит совершать самоубийство. Мы совершаем самоубийство нации, влача пустую бессмысленную жизнь. Человек должен встать на путь к Элизиуму, а не искать способов прожигать жизнь!

— Да, но разве ты не видишь... ээ... добрая душа? — сказал Эд. — Люди не желают прислушиваться к твоим словам. Они настроены совсем на другое. Они хотят, чтобы их развлекали. И им нельзя помешать. Можно, конечно, отобрать у них радио, отобрать телевизор...

Еще продолжая говорить, захваченный спором, Эд Уандер понял, что уже сказал слишком много. Иезекиль Джошуа Таббер вырос ростом в гневе.

— Да? — громовым тоном вопросил он. — Отобрать у них радио и телевизор, и что они станут делать?

Эд старался вывернуться, но сила старика держала его в кулаке почти физически. Держала и требовала ответа. Он сказал:

— Ну, они обратятся к таким вещам, как кино.

— Неужели?

Эд Уандер измученно закрыл глаза.

Раздался чей-то незнакомый голос:

— Тебя ожидает свежая аудитория, добрая душа. Мы вывели предыдущую группу из палатки, и новая группа ждет, когда им явят слово.

Эд посмотрел вверх. Это был один из последователей Таббера, которого Эд видел перед входом в большую палатку.

Таббер стоял, выпрямившись во весь рост — футов семь, не меньше, и веса в нем было фунтов триста.

— Ах, они ожидают! Ну так они услышат истинное слово!

Эд Уандер, потеряв дар речи, взглянул на Нефертити. Она сидела с локтями, прижатыми к бокам, как будто в женском протесте против мужской психической силы, исходящей от ее отца.

Пророк бурей вырвался из палатки.

Эд снова взглянул на девушку. Все, что ему пришло в голову сказать:

— Я рад, что не упомянул карнавалы и цирк.

Нефертити покачала головой.

— Отец любит цирк, — сказала она.

Они некоторое время сидели в ожидании. Никто из них не мог бы сказать, как долго. В молчании они прислушивались к шумам, доносящимся из соседней палатки, и на конец раздался громовой рев голоса Таббера.

Нефертити начала что-то говорить, но Эд прервал ее.

— Я знаю, — сказал он. — Он говорит в гневе.

Она молча кивнула. Голос Таббера достиг максимальной высоты.

— Это Сила, — сказал Эд. И мрачно добавил. — А я так хотел увидеть новый фильм “Бен Гур снова в седле”...

Он угадал. О, он угадал в точности.

Доказательства появились, когда он отвел маленький Фольксховер обратно в Кингсбург. Впервые в своей жизни Эд Уандер наткнулся на линчующую толпу. Кричащая, визжащая, исходящая ненавистью толпа клубилась в невероятном беспорядке. Кричали, чтобы кто-то нашел веревку. Кричали, что надо пойти в парк и найти подходящую ветку. Другие наоборот кричали, что фонарь вполне сойдет. Где-то в середине толпы воющая, охваченная страхом жертва билась в хватке трех человек с дикими лицами, вытаращенными глазами, которые, похоже, были вожаками беспорядка. Если правомерно сказать, что у линчующей толпы есть вожаки.

Эд мог бы подняться над демонстрацией и проехать мимо. Все его инстинкты, страх физического насилия заставляли Эда немедленно убраться отсюда и побыстрее, в целях личной безопасности. Но полная невероятность происходящего захвatiла его. Он опустился на землю и стал смотреть.

Их было не меньше пяти сотен, и они были в бешенстве. Вопли и ругань, визг женщин, участвующих в беспорядке, все в целом было совершенно бессмысленно.

Эд крикнул проходящему участнику демонстрации:

— Что, черт побери, происходит? Где полиция?

— Мы их прогнали на фиг, — рявкнул в ответ разъяренный прохожий.

Эд продолжал смотреть. Кто-то сказал:

— Туземцы сегодня неспокойны, а? Пойдем вмешаемся, Крошка Эд. А то они убьют этого несчастного придурка.

Эд повернул голову. Это был Базз Де Кемп. Эд снова глянул на бушующую толпу.

— По-твоему, я совсем спятил?

Его желудок съежился от ужаса при одной только мысли о том, чтобы подойти к толпе.

— Ну кто-то же должен ему помочь, — буркнул Базз. Он вытащил сигару изо рта и швырнул ее в водосточный желоб. — Иначе это плохо кончится, — и он направился к толпе.

Эд Уандер вылез из ховеркара и сделал несколько шагов вслед за Баззом.

— Баззо! Ты куда?

Базз не оглянулся и исчез в клубящейся толпе.

Эд схватил за руку стоящего в отдалении типа, который вроде бы тоже наблюдал сцену, а сам в ней не участвовал.

— Что случилось? — спросил Эд.

Издалека раздался вой пожарных сирен.

Наблюдатель посмотрел на Эда и выдернул руку.

— Киномеханик, — крикнул он, перекрывая рев. — Люди часами стояли в очереди, а он сломал проектор и утверждал, что не может починить.

Эд Уандер уставился на него.

— Ты хочешь сказать, что они собираются повесить этого типа за то, что у него сломался проектор? Не может быть, чтобы кто-то рехнулся до такой степени!

— Вполне может быть, парень, — буркнул его собеседник. — Все уже дошли до предела. Эти ребятаостояли несколько часов, чтобы посмотреть новое шоу. А этот недоумок испортил проектор.

С Эдом Уандером произошло нечто, чего он так не сможет объяснить до конца жизни. Что-то щелкнуло. Страх толпы куда-то исчез, и свободный от страха рассудок подтолкнул его к действиям, о которых он две минуты назад даже подумать не мог. Он начал вслед за Баззом Де Кемпом проталкиваться в середину толпы.

Эд слышал собственный крик на пределе возможности легких:

— Он не виноват! Он не виноват! Это как радио и телевизор! Это во всем мире. Все кинопроекторы в мире вышли из строя. Он не виноват! Кино нигде не работает! Кино нигде не работает!

Каким-то невероятным образом он пробился в середину орущей толпы, где три вожака тащили жертву к ближайшему фонарю. Веревку к этому моменту уже нашли.

Голос Эда сорвался, когда он пытался перекричать рев толпы:

— Он не виноват! Кино нигде не работает!

Один из вожаков отпихнул его так, что Эд растянулся на земле. Он смутно интересовался, где Базз Де Кемп, поднимаясь на ноги и хватаясь за парализованного страхом киномеханика.

— Он не виноват! Кино нигде не работает!

В этот момент в них ударила струя воды под давлением.

ГЛАВА VII

Эда Уандера взяли на поруки Элен Фонтейн и Базз Де Кемп в середине следующего дня.

Базз первым вошел в камеру с одним из новых фотоаппаратов Поляроид-Лейка в руках, ухмыляясь, с неизменной сигарой в зубах. Над правым глазом у него была полоска лейкопластиря, которая придавала неряшливому газетчику распутный вид.

— Баззо! — возопил Эд. — Вытащи меня отсюда!

— Минутку, — сказал Базз. — Он отрегулировал отверстие линзы, поднес камеру к глазам и щелкнул три-четыре раза. Он радостно сказал:

— Немного удачи, и я напечатаю твой портрет на первой полосе. Как это звучит? Работник радио во главе линчующей толпы.

— Заткнись, Базз, — сказала Элен Фонтейн, появляясь у него за спиной. Она посмотрела на Эда Уандера и критически покачала головой. — Что случилось с лучшим другом продавца галантереи? Никогда не думала, что настанет день, когда я увижу Крошку Эда Уандера с перекосившимся галстуком.

— Ладно, ладно, вам все хиханьки, — проворчал Эд. — Следуй за мной, говорит Базз Де Кемп, и мы спасем киномеханика, как кавалерия, спускающаяся с вершины холма в последнюю минуту. Великолепно. Он, вроде как сматывается, а меня в результате промачивают насовсем по-жарные, а потом арестует полиция.

Базз бросил на него странный взгляд.

— Я слышал твои вопли, Крошка Эд. Про то, что ни один кинопроектор не работает. Откуда ты знал? Это случилось минут за пятнадцать до того, что происходило, не больше. Даже по телетайпу еще не было этих новостей.

— Вытащите меня отсюда, — фыркнул Эд. — Откуда, по-вашему, я мог это знать? Не будьте придурками.

Смотритель тюрьмы в форменной одежде появился и отпер дверь.

— Выходи, — сказал он. — Тебя выпускают.

Они втроем сопровождали Эда к выходу.

— Значит, ты был там, когда он наложил новое заклятие, а? — сказал Базз.

— Новое заклятие? — переспросила Элен.

— Что же еще? — сказал Базз. — Иезекиль Джошуа Таббер. Сначала он обеспечивает всем женщинам аллергию, если они начинают краситься и наряжаться. Затем он проклинает радио и телевидение. Теперь вдруг возникла странная помеха проецированию кинолент на экран: чтобы картинка исчезла и появилась следующая, требуется одна восьмая секунды. Это не мешает проецировать статичный кадр, но действие становится невозможным.

Они дошли до стола сержанта, и Эд собрал свои вещи. Ему объяснили ситуацию. Теоретически он был свободен. В действительности Базз собирался через газету добиться, чтобы с него сняли обвинение. Если это почему-либо не

поможет, Элен сказала, что она надавит на отца, чтобы он потянул за веревочки. Эд придерживался частного мнения, что единственный случай, когда Дженсен Фонтейн согласится потянуть за веревочки ради Эда Уандера, это если они будут обмотаны вокруг шеи последнего.

Когда они оказались на улице, Базз сказал:

— Давайте пойдем куда-нибудь и поговорим.

— Хорошо сказано — куда-нибудь, — сказал Эд. — Сейчас никуда не попасть ни за какие деньги. Везде только стоячие места, и время пребывания ограничено, чтобы другие тоже могли зайти.

— Мы можем пойти в клуб, — сказала Элен. — Вы войдете, как мои гости.

Ее Дженерал Форд Циклон стоял за углом. Они сели в машину, и Элен набрала код места назначения. Машина поднялась и заняла место в потоке движения.

Базз Де Кемп смотрел на орду слоняющихся пешеходов.

— Вчера уже было достаточно плохо, — сказал он. — Но сегодня нет школы. Дети не знают, куда себя деть.

— Как и их родители, — сказал Элен. — В этом городе что, никто не работает? Я думала...

— Неужели? — сказал Эд, почему-то разозленный.

— Со мной дело обстоит иначе, умник, — сказала она обиженно. — Я веду благотворительную работу в юношеской лиге и...

— Я просматривал данные, — сказал Базз. — Две трети населения трудоспособного возраста в Кингсбурге занесены в списки безработных. Из остальных большинство работает по графику двадцать пять рабочих часов в неделю, а некоторые из них состоят в более прогрессивных — мне нравится это слово — профсоюзах и работают двадцать часов в неделю. — Он выбросил недокуренную сигару вниз, на улицу. — Это оставляет очень много свободного времени.

Клуб располагался в паре миль за городской чертой. Если Элен Фонтейн ожидала, что он будет сравнительно пуст, она ошибалась. Она была далеко не единственная, кто привел в клуб гостей. Однако им удалось занять стулья за столом, который освободился как раз когда они

вошли. Элен вынула из бумажника кредитную карточку и положила на экран стола.

— Ребята, обед за мой счет. Что закажем?

— Они выбрали блюда, Элен набрала коды. Когда пища была доставлена и они приступили к обеду, она сказала:

— Ладно, давайте проясним ситуацию. Я не в курсе этой истории с кино.

Эд Уандер представил им полный отчет о событиях в Согерти. Когда он закончил, они оба таращились на него во все глаза.

— О матерь божья, — сказала Элен. — Ты хочешь сказать, что пока ты ему не рассказал, он даже не знал, что он это сделал? Радио и телевидение, я имею в виду.

— Помните, в передаче Эда? — сказал Базз. — Он забыл, что наложил проклятие на женскую сущность. — Он оценивающе оглядел Элен Фонтейн. — Знаешь, тебе “Домотканый стиль” к лицу.

— Благодарю вас, милостивый сэр. Если бы я нашла что-нибудь достойное похвалы в вашей внешности, я бы похвалила. Почему вы не пострижетесь?

— Сказал девушке комплимент и что получаю в ответ? — пожаловался Базз. — Издевательство. Я не могу себе позволить стрижку. Я самый непредусмотрительный в мире человек. Я, бывает, попадаю под холодный дождь и выхожу из-под него на три доллара беднее.

Эд мрачно произнес:

— Я признаю, что это я выпустил джинна из бутылки. Теперь он знает. — Они недоуменно уставились на него, и он объяснил. — Таббер. Теперь он знает, что он владеет Силой, как это называет Нефертити. Но гораздо хуже то, что она растет.

— Что растет? — хмуро спросил Базз.

— Сила, при помощи которой он накладывает заклятия. Как видно, она у него всегда была, но он только недавно начал использовать ее в таких масштабах.

— Ты хочешь сказать... — начала Элен, которую озарило.

— Я хочу сказать, что эти два первых глобальных проклятия он наложил в ярости, не зная, что делает. Это по-

следнее он произнес специально. Теперь он знает, что может делать это специально.

Эд продолжал:

— Вы задумывались над тем фактом, что мы трое — единственные в мире, если не считать маленькой группы Таббера, которые знают, что происходит?

Базз вытащил новую сигару и вставил в рот.

— Как я могу это забыть? Журналист, сидящий на самой потрясающей сенсации мира со времени Воскресения, и он не может о ней написать! Если я еще раз упомяну Старой Язве Таббера и его проклятия, он обещал меня вышвырнуть из газеты.

— По крайней мере у тебя все еще есть работа, — угрюмо сказал Эд. — Взгляни на меня. Я потратил несколько лет, работая в передаче "Час необычного", которая занималась всяческими спиритуализмом, экстрасенсорикой, летеющими тарелками, переселением душ, левитацией и бог весть чем еще. Все это время я имел дело с бесконечной вереницей чокнутых, придурков и жуликов. Наконец появился настоящий феномен. И что происходит? Моей карьере крышка.

— Вы оба разбиваете мое сердце, — раздраженно сказала Элен. — Не забывайте, я быстро продвигалась вверх в десятке лучше всех одевающихся женщин страны.

Базз посмотрел на нее.

— А что твой отец? Он был там, когда Таббер проклинал радио. Он не понимает, что происходит?

— Я думаю, примерно наполовину понимает, — ответила Элен. — Он считает, что Таббер — агент Советского Комплекса, который был отправлен саботировать американскую промышленность. Он хочет, чтобы Общество Стивена Дикейтюра расследовало деятельность Таббера и передало информацию ФБР. Мэтью Маллиган, разумеется, с ним согласен.

Эд Уандер закрыл глаза, чтобы скрыть свои страдания.

— Великолепно. Я просто вижу эту банду идиотов, рыскающую вокруг палатки Таббера. Новых проклятий будет — как собак нерезаных.

Элен сказала без большого убеждения:

— Общество состоит не из идиотов.

Базз злобно воззрился на нее сквозь дым только что зажженной сигары.

— А из кого оно состоит, по-твоему?

Она вдруг рассмеялась.

— Из прикурков.

Базз посмотрел на нее новым взглядом.

— По-моему, я скоро начну относиться к тебе с симпатией, — сказал он, кивая головой.

— Ладно, ладно, — сказал Эд. — Нужно что-то делать. Вы оба это понимаете, верно?

— Да, — сказал Базз. — И что именно делать?

— Может быть, если бы мы все поехали и повидались с Таббером... — озабоченно произнесла Элен.

Эд поднял руку.

— Не продолжай, пожалуйста. Вот сидим мы трое. Элен разгневала его, и результатом были “Домотканый стиль” и то, что очевидно будет крахом косметической промышленности и производства женской одежды. Базз разгневал его, и результатом был конец радио и телевидения. Я случайно сказал слишком много, в результате он разгневался и свернул весь кинобизнес. Имея за плечами такой опыт, как вы думаете, можем ли мы трое когда-нибудь показываться ему на глаза? Похоже, у нас выдающиеся способности служить поводом к катастрофе; а последствия расхлебывает все человечество.

— Думаю, ты прав, приятель, — пробурчал Базз, не вынимая сигары.

— Но мы должны что-то делать! — запротестовала Элен.

— И что именно? — спросил Базз у всех троих. Ответа не было.

Ни к чему большему они так и не пришли. Все ссыпались на том, что что-то нужно сделать. И никому не пришла в голову даже малейшая идея.

Эд в конце концов оставил их размышлять над проблемой, а сам взял кэб добраться до места, где он вчера оставил Фольксховер. Похоже, маленький ховеркар благополучно пережил нашествие народа и поливание пожарными машинами, которые в конце концов разогнали разъярен-

ную толпу и пришли на выручку несчастному киномеханику.

Снова оказавшись на месте происшествия, Эд поразился безумию толпы, возникшему в результате такого простого явления, что они не смогли посмотреть кино, на которое стояли в очереди. Что за черт, ведь уже самый конец двадцатого века, а не времена пионеров Дикого Запада! Нельзя линчевать человека, подозреваемого в том, что он испортил ваше вечернее развлечение!

Или можно?

Что сказал ему участник события? Все на пределе.

Эду Уандеру все это казалось бессмысленным. Да, он был основательно знаком с миром радио и кино и знал, насколько большинство граждан зависит от обеспечиваемых ими развлечений. Но Эд Уандер был сотрудником, а не пассивным зрителем и, по крайней мере подсознательно, относился к своей аудитории презрительно. Он сам, вместе со своими коллегами, смотрел телевизор только как часть работы.

Вернувшись к своему дому, он вспомнил, что нужно зайти в аптеку на углу за газетой, прежде чем подниматься в свою квартиру. Управляющий сохранил для него экземпляр. Остальные экземпляры утреннего выпуска "Таймс-Трибьюн" были, как и вчера, все распроданы.

Эд принял душ, воспользовался кремом NoShav, переоделся в чистое и, прежде чем приняться за газету, заказал себе стакан пива. Автобар не ответил, и Эд накмурился. Приспособление было рассчитано на разновидности сорока разных напитков и действовало через распределительный центр, который обслуживал эту часть города, примерно так же, как автоматическая кухонная сеть. Эд набрал код "Рыбацкого пунша" — с тем же результатом.

Раздраженный, он подошел к телефону и позвонил в центр. На экране появилась озабоченная пепельная блондинка и, прежде чем он успел открыть рот, сказала:

— Да, мы знаем. Ваш автобар не работает. К несчастью, у нас кончились запасы ввиду беспрецедентного спроса. Из Ультра-Нью-Йорка запрошены новые запасы. Спасибо. — Она отключилась.

Эд Уандер пробурчал что-то себе под нос и сел в кресло, намереваясь приняться за газету. Беспрецедентный

спрос. Ну, это не было непредсказуемым. Не имея другого занятия, люди стали куда больше пить.

Газета не имела ни малейшего подозрения по поводу истинной природы катастрофы, постигшей мировые средства массовой информации. Никакого вообще. Базз Де Кемп явно был единственным журналистом, который понимал, что происходит на самом деле, и его городской редактор зловеще предупредил его больше не упоминать Иезекиля Джошуа Таббера и его проклятий. АП-Рейтер и другие агентства новостей не имели ключа к разгадке. В больших статьях и отдельных колонках рассматривались разные гипотезы, начиная от пятен на солнце или радиоизлучения отдаленных звездных систем, и заканчивая ужасными заговорами Советского Комплекса или Европейского Содружества с целью нарушить баланс страны, лишив человека с улицы необходимых ему развлечений. Как именно это было достигнуто, оставалось спорным. Те, кто спорили против последнего обвинения, выдвигали в качестве аргумента то, что катастрофа захватила в той же мере и территорию Советского Комплекса, и территорию Европейского Содружества.

Собственно говоря, в некоторых странах проблемы были даже серьезнее, чем в Соединенных Процветающих Штатах Америки. В Англии, например. В Лондоне, Манчестере и Бирмингеме были беспорядки. Беспорядки были явно бессмысленными, бесполезными, не направленными ни на кого и ни на что конкретно. Просто беспорядки, творимые толпами людей, которым нечего делать.

Эд Уандер ощущал, как дурное предчувствие холодком поднимается по позвоночнику. Он видел вчера такую толпу. Он даже был захвачен ею.

Он быстро пробежал глазами газету в поисках истории с толпой линчевателей, которая чуть не прикончила незадачливого киномеханика, которого обвинили в том, что он сломал проектор. К удивлению Эда, он с трудом нашел статью. Он думал, что она займет всю первую полосу. В таком маленьком городке, как Кингсбург, это была, вероятно, первая попытка суда Линча за всю историю его существования. Но нет, статья была закопана внутри, и история была представлена скорее шуткой, чем серьезным делом, где сотни людей пришлось разгонять водой под дав-

лением из пожарных машин, и были вызваны десятки полицейских, чтобы усмирить разбушевавшуюся толпу.

Эд понял. Историю специально замяли. Отцы города, или кто-то там наверху, не хотел привлекать внимание населения к тому, как легко устроить беспорядки — и к тому, что это может оказаться развлечением. Нужно смотреть правде в глаза: когда вчерашние беспорядки достигли высшей точки, толпа вовлекла в свое коллективное существо множество мужчин, женщин и подростков.

Эд вернулся к первой странице. Президент выступил с каким-то наскоро состряпанным объяснением помех на телевидении и радио. До кино он еще не добрался. Когда доберется, будет основательная закавыка. Пятна на Солнце нарушают телепередачи? Конечно. Может быть. Или сильное радиоизлучение из космоса? О да. Возможно. Но кино? Как они собираются объяснить тот факт, что кадры в кинофильмах больше не могут сменяться положенным образом?

Эд покачал головой. Не хотел бы он сейчас оказаться на месте главного босса Соединенных Процветающих Штатов Америки. Президенту Эверетту МакФерсону предстоит неплохая работенка.

Была еще одна новость из Величайшего Вашингтона. Мольба Белого Дома ко всем вышедшим на пенсию актерам, циркачам, ветеранам варьете, музыкантам, певцам, исполнителям на карнавалах и всем остальным, имеющим хоть какое-то отношение к шоу-бизнесу или имевшим в сколь угодно далеком прошлом, явиться в ближайшие школы по месту жительства. В конце мольбы была угроза. Если кто-то не явится, это автоматически отменяет любые блага, которыми он пользовался благодаря страховке безработности.

Эд Уандер задумчиво потер кончик носа указательным пальцем. Это касается и его. Ему придется явиться. Умозаключения очевидны. Радио-телевизионное проклятие разразилось всего несколько дней назад, но Величайший Вашингтон уже открывает заново наскальные рисунки. Эд задумался над тем, насколько серьезными были беспорядки в Англии, и ему стало неуютно.

Он направился в свою автоматическую кухню и набрал себе ленч. Еда показалась ему безвкусной, несмотря на то,

что он толком не ел с прошлого дня. Он выбросил ленч в мусорный люк, не одолев и половины.

Эд подумал об Элен. Странно. Каким-то образом прошедшие несколько дней полностью изменили его чувства к ней. Она ему по-прежнему нравилась, но в этом не было страсти. А всего только неделю назад мысль о ней была в его уме самой важной.

Эд спустился подъемником на улицу. Там было кое-что новое. Стояла толпа под дверью винного магазина, собственно в двери стоял толстый человек и что-то объяснял. Когда Эд Уандер подошел поближе, он расслышал, о чем говорят.

— Извините, ребята, ничегошеньки не осталось. Все продали. Ждем новых поставок.

— А джин или ром? — крикнул кто-то.

— Абсолютно ничего, говорю вам. Виски, джин, ром, бренди — все продано.

— ВООБЩЕ ничего? — недоверчиво переспросил кто-то.

Владелец магазина сказал извиняющимся тоном:

— Все, что у меня есть — это несколько бутылок мен-толового коктейля.

— Что это такое? — пробурчал спрашивавший. — В нем есть алкоголь?

— Это крепкий ароматный подслащенный напиток, — сказал Эд. — Сладкий и пахнет мятою. Немного слабее виски.

— Можно его смешать с кока-колой? — спросил кто-то.

Эд закрыл глаза и пожал плечами.

— Ладно, я возьму бутылочку. Надо же, чтобы в доме было хоть что-то. А то это все сводит меня с ума.

Ему не требовалось уточнять, что именно сводит его с ума.

— И мне одну дайте.

Народ рванулся внутрь. Толстый владелец торопливо сказал:

— По одной бутылке в руки, ребята. У меня осталось всего несколько бутылок. И вы же понимаете, что это особенная вещь. Пятнадцать зеленых бутылка.

Эд Уандер пошел обратно в направлении своего дома. На углу собралась толпа. Он подошел поближе и стал на

цыпочки, чтобы посмотреть, в чем дело. В центре были трое детей, которые показывали простые акробатические упражнения. Толпа угрюмо наблюдала за ними, хотя время от времени кто-нибудь подавал ободряющие возгласы. Иногда ребятам бросали одну-две мелкие монеты. Репертуар их был весьма ограниченным.

Это напомнило Эду, что он должен явиться в ближайшую школу и зарегистрироваться как безработный, причастный к шоу-бизнесу.

Он сделал это на следующий день. Это заняло немного времени. Актеров, музыкантов и шоу-менов было не так много, как когда-то. А ветеранов варьете, цирка или карнавалов в Кингсбурге, очевидно, не было вовсе. Автоматизация прошла в мир развлечений, точно так же, как во все другие отрасли. При наличии телевидения сравнительно небольшая группа людей могла развлекать двести миллионов людей одновременно, тогда как в старые дни варьете составлял максимум пару тысяч зрителей одновременно. При наличии кино дюжина актеров может разыгрывать пьесу перед миллионными массами, тогда как в дни расцвета театра на представлении могло быть не больше нескольких сотен зрителей. При наличии радио, голос поп-певца может быть известен всему миру, тогда как певец, выступавший в ночном клубе прошлого, мог вызвать пьяные всхлипывания посетителей, занимающих в лучшем случае полсотни столиков. А музыканты? Здесь автоматизация достигла предела со своей консервированной музыкой пластинок и магнитных лент.

Нет, больше не было такого количества людей шоубизнеса, даже по сравнению с прошлым десятилетием, не говоря уж о четверти века назад или больше.

Когда дошла очередь до Эда пройти собеседование, он их разочаровал. Они тщательно записали все, что он когда-либо делал, и очевидно решили, что никакой пользы из этого извлечь нельзя.

Не думает ли он, что сможет работать конферансье в варьете?

Эд вздохнул. Да, он думает, что сможет.

Они с ним свяжутся.

Он вышел и сел в свой ховеркар.

Что-то нужно было предпринимать. Ему снова и снова приходило в голову, что он, Баззо и Элен — единственные за пределами кружка Таббера, кто знает, что в действительности происходит.

Мальчик с толстой кипой газет под мышкой выкрикивал экстренный выпуск. Эд сообразил, что уже очень давно не слышал, чтобы мальчишки-разносчики газет выкрикивали экстренный выпуск. Комментаторы новостей на радио и телевидении положили конец этому газетному обычью прошлого.

Он прислушался к тому, что кричит мальчишка. Все больше беспорядков то там, то здесь. Эду не нужно было читать газету, чтобы представить себе общую картину. Изнывающие от безделья люди, которые слоняются взад-вперед по улицам, не зная, чем заняться.

Все больше беспорядков. Интересно, подумал Эд, сколько времени пройдет, прежде чем люди станут объединяться для религиозных бунтов? Стычки между расами, между верующими разных религий, беспорядки политического характера. Это неплохое занятие, чтобы убить время, не так ли?

Он просто обязан был что-то предпринять. Должна быть какая-то отправная точка. Эд изменил направление движения. Он направился по дороге на юг и вскоре оказался на территории университета.

Ему повезло, и он без труда нашел профессора Вэрли Ди у него на кафедре факультета антропологии. Профессор несколько раз выступал в передаче Эда Уандера "Час необычного", задавая вопросы гостям. Но Эд никогда еще не сталкивался с ним на родной территории профессора.

Он хихикнул, предлагая Эду стул:

— Что, сэр, даже амбициозный Крошка Эд Уандер оказался среди безработных из-за помех на радиоволнах? Потрясающее событие. Техники уже пришли к какому-нибудь выводу? Что слышно про солнечные пятна?

— Не знаю, — сказал Эд. — Каждый раз, когда что-то происходит с радиоволнами, или с погодой, или с чем угодно, обвиняют солнечные пятна. Это все, что мне известно по данному вопросу.

На самом деле он не хотел обсуждать проблему помех приема радиоволн с профессором. Если они углубятся в

эту тему, он никогда не доберется до истинной причины своего визита.

Эд резко переменил тему:

— Послушайте, профессор, что вы можете мне рассказать об Иисусе?

Ди пробуравил его взглядом.

— Кого ты подразумеваешь под именем Иисуса?

Эд разозлился.

— Ради господа бога, конечно Иисуса. Иисуса из Назарета. Рожденного на Рождество. Умершего на кресте. Основателя христианства. Кого я еще мог подразумевать?

— Существуют Иисусы и Иисусы, Крошка Эд. В зависимости от того, к какой религиозной секте ты принадлежишь, или если ты не принадлежишь ни к одной и интересуешься исторической личностью под именем Иисус. Тебе нужен миф или история?

— Я говорю о реальности. Реальном Иисусе. Что я...

— Хорошо. Тогда начнем с того, что его имя было не Иисус. Его имя было Иешуа. Иисус — это греческое имя, а он был иудей. И он не был из Назарета. В то время в Палестине не было города с таким названием. Его придумали потом, чтобы заполнить некоторые пробелы в пророчествах, которые якобы предсказывали пришествие мессии. И он не был рожден на Рождество. Ранние христиане переняли празднование этого дня у язычников в попытке сделать популярной новую религию. Рождество было первоначально праздником зимнего солнцестояния, оно было привязано примерно к 25 декабря из-за неточности календаря. Неизвестно даже, на самом ли деле Иешуа умер на кресте. Если это так, то он умер за очень короткое время. Ужас казни через распятие состоит в том, сколько времени требуется жертве, чтобы умереть. Роберт Грейвс привел убедительные доводы в пользу интересной гипотезы, что Иисус пережил распятие, будучи в каталепсии, а затем был похищен с креста.

Эд смотрел на него вытаращенными глазами.

Вэри Ди продолжал скрипучим голосом:

— Ты хотел узнать об историческом Иисусе. Прекрасно. Это только начало. Например, многие серьезные учёные сильно сомневаются, что у Иешуа были какие-либо

намерения основать новую религию. Он был хорошим иудеем и честно исповедовал эту религию всю свою жизнь.

— Послушайте, — потребовал Эд. — Что-нибудь вообще соответствует действительности из того, чему меня ребенком учили в воскресной школе?

Професор язвительно хихикнул.

— Очень немногое. Что именно тебя интересует?

— Ну, например, история о том, как он накормил толпу двумя или тремя рыбами и несколькими хлебами.

Ди пожал плечами.

— Может быть, это иносказание. Многие поучения Иешуа были даны иносказательно.

— Ну, еще другие чудеса. Воскресение из мертвых. Исцеление прокаженных. И так далее.

Ди начал терять терпение.

— Современная медицина с легкостью творит чудеса такого рода. Во времена Иешуа процедура медицинского освидетельствования, удостоверяющая смерть человека, была примитивна, чтобы не сказать большего. Собственно говоря, нет необходимости так далеко углубляться в прошлое. Известно ли тебе, что мать Роберта И. Ли была объявлена мертвой и ее действительно похоронили? Через некоторое время она вернулась к жизни и была спасена. Что же касается проказы, это был и есть термин, не имеющий точного медицинского значения, под которым в то время подразумевали все, начиная с кожных болезней и заканчивая венерическими заболеваниями. Целителей-чудотворцев было на дюжину десяток, и религиозный деятель не мог рассчитывать на успех, если он не проявлял себя хорошо в этой области. Кстати сказать, известно, что Иешуа презрительно относился к своим последователям за то, что они постоянно ждали от него доказательств в виде чудес.

Эд Уандер поежился на стуле.

— Ну хорошо, оставим Иисуса. Что вы скажете о других чудотворцах? О Магомете, например?

Ди окинул его критическим взором.

— Я думал, что тебе с твоей программой, Крошка Эд, чудотворцев уже должно быть достаточно. Да, разумеется, в истории прошлого они нередки. Иисус, Магомет, Хасан ибн Саббах...

— Про этого я не слышал, — сказал Эд.

— Основатель исмаилитской шиитской секты мусульманства. Его последователи, ассасины, были невероятными фанатиками. Как бы то ни было, считается, что он совершал разные чудеса, в том числе телепортировался на несколько сотен миль за один миг.

— Но... — сказал Эд. Отношение профессора Ди к обсуждаемому вопросу предполагало очень серьезное "но".

— Но, — сказал Ди, — внимательное рассмотрение достойными доверия учеными жизнеописаний этих чудотворцев крайне редко выявляет свидетельства необъяснимых происшествий.

Это было совершенно противоположно мнению, которое высказал в последнем разговоре с Эдом Джим Уэстбрук. Эд завертелся на стуле. В результате беседы с профессором Ди он оставался на нулях.

Он встал.

— Ладно, спасибо, профессор. Не стану больше отнимать у вас время.

Ди разулыбался.

— Вовсе нет, Крошка Эд. Это одно удовольствие для меня. И я с нетерпением жду новой возможности выступить в твоей замечательной передаче, когда нынешние не приятности с радиоволнами будут позади.

— Они никогда не будут позади, — мрачно сказал Эд, собираясь уходить.

Это озадачило профессора.

— Никогда не будут позади? Но... почему?

— Потому что один из чудотворцев, о которых я говорил, наложил проклятие на радиоволны, — сказал Эд. — Я как-нибудь еще к вам зайду, профессор.

Он только через несколько дней решил снова связаться с Элен и Баззом. Несколько дней, проведенных в летаргическом оцепенении. Несколько дней нерешительности и отчаяния.

Должно быть что-то, что он, Баззо и Элен могли бы сделать. Но с чего начинать? Ни один из них не смел приближаться к одаренному Силой пророку. С другой стороны, Эда мучили ужасные предчувствия по поводу того, что Таббер может натворить, действуя по собственному усмотрению. Ему не нужен был катализатор в виде Эда или ос-

тальных. Он вполне мог самостоятельно придумать проклятия. И, возможно, именно этим сейчас и занимался.

Эд решил позвонить Элен Фонтейн и назначить ей свидание. Может быть, вместе им что-то придет в голову.

Ему не понадобилось ей звонить. Элен его опередила.

Аудиобудильник сообщил Эду, что его ждут у телефона. На экране показалось лицо Элен, когда Эд включил экран. Элен выглядела вне себя от горя.

— Крошка Эд! Ты знаешь, где Базз?

Эд нахмурился.

— Нет. Последний раз, когда я его видел, он оставался с тобой в клубе.

— Он исчез.

— То есть?

— Я пыталась найти его и предложить, чтобы мы снова собирались втроем и поговорили насчет этих дел. Но его нет в газете. И дома тоже нет.

Эда сразило внезапное предчувствие.

— Ты думаешь, он отправился к Табберу?

Ее глаза расширились.

— Этого я тоже боюсь.

— Я сейчас буду, — сказал Эд.

Он выключил телефон и направился к двери.

ГЛАВА VIII

— Вас хотят видеть два джентльмена, — раздался голос аудио.

Эд посмотрел на экран двери. Там стояли два человека. Два человека, которых он никогда до сих пор не видел.

Он открыл дверь, и они посмотрели на него без всякого выражения.

— Вы Эдвард Уандер? — спросил один из них, который был постарше.

— Совершенно верно.

— Кое-кто хочет с вами поговорить. — Он вытащил бумажник и открыл его, чтобы Эд мог посмотреть. — Мое имя Стивенс, а это Джонсон.

Эд непочтительно буркнул:

— Гестапо, да? Ну и что я могу для вас сделать?

— Пойти с нами, — вежливо сказал Джонсон.

Эд Уандер заупрямился.

— С какой стати? Что я, по-вашему, сделал?

Первый, Стивенс, сказал:

— Бросьте это, мистер Уандер. Дело серьезное. Пожалуйста, пойдемте с нами.

— Послушайте, я гражданин и налогоплательщик, — Эд подумал над сказанным. — По крайней мере был таковым неделю назад. У вас разве не должно быть ордера на арест или чего-то в этом роде?

— Да, в добрые старые времена так и было, — сказал Стивенс без враждебности. — Теперь все делается второпях. Чрезвычайное положение. Нам велели доставить вас, как можно скорее. Это мы и делаем.

Эд становился все упрямее.

— Нет, — сказал он. — Кроме того, я терпеть не могу быков.

Они посмотрели на него.

— Это давняя мечта, — сказал Эд. — Назвать полицейского быком.

— Ладно, — сказал Джонсон. — Вы ее осуществили. Теперь, когда вы назвали полицейских быками, пойдемте с нами.

Эд сдался.

— Хорошо. Но если вы считаете, что у вас чрезвычайное положение, вам следует знать, что у меня тоже чрезвычайное положение.

— Возможно, это одно и то же чрезвычайное положение, — сказал Стивенс.

Они доставили его вниз в подъемнике и сопроводили на улицу. Они шли по обе стороны от него, без напряжения, но Эд чувствовал, что если он вдруг попытается сделать рывок, то не пробежит больше двух футов. Около двери стоял огромный ховер-лимузин. Они усадили его на переднее сиденье и заняли места по обе стороны от него. Стивенс набрал код их места назначения. Ховеркар поднялся на полицейский уровень и быстро направился в южном направлении.

— Куда мы направляемся? — спросил Эд.

— Манхэттен.

— Зачем? — спросил Эд. — Чего-то я не понимаю. Помимо, я имею право позвонить адвокату и так далее.

— В добрые старые времена так и было, — сказал Стивенс.

Джонсон проявил больше склонности к сотрудничеству.

— Собственно говоря, мистер Уандер, мы не знаем, че-го они от вас хотят. Это самая секретная операция, в ко-торой я когда-либо участвовал.

— Кто это “они”? — потребовал ответа Эд снова в не-годовании.

Никто ему не ответил.

До Манхэттена была примерно сотня миль в южном направлении. Через пятнадцать минут Стивенс снизил скорость, и машина влилась в оживленный транспортный поток Ультра-Нью-Йорка.

Они подъехали к Нью Вулворт Билдинг, въехали в главный вход для экипажей и остановились перед тремя людьми в униформе, у двоих из которых были автоматы тяжелого калибра в специальных кобурах, из которых их можно было быстро выхватить.

Эд и его двое сопровождающих в штатском вышли из машины под неприятными взглядами охранников.

Были предъявлены и проверены документы. Невооруженный охранник подошел к телефону и тихо проговорил что-то в него. Затем он повернулся, кивнул и указал им на подъемник.

Они поднимались при ускорении, переворачиваю-щем желудок, в течение времени, показавшегося Эду фантастически долгим. Они достигли максимума скоро-сти, затем начали замедляться. Наконец дверь откры-лась.

Там были еще охранники, тоже вооруженные. Этих они тоже прошли. Сопровождающие Эда двое в штатском провели его через холл к боковому коридору. Когда они проходили мимо окна, Эд мимоходом глянул в него. Очевидно, они находились почти на самом верху самого вы-сокого здания Манхэттена. Некоторые двери комнат, мимо которых они шли, были открыты. В комнатах были десят-ки и сотни мужчин и женщин — работников офисов. Все казались обеспокоенными. Другие комнаты были заняты иной кипучей деятельностью: работали компьютеры IBM,

перфораторы, устройства для сравнения, автоматические принтеры, сортировщики.

— Что, черт побери, здесь происходит? — потребовал ответа Эд.

Джонсон рассудительно ответил:

— Как мы уже говорили, нам ничего не известно.

Наконец они добрались до места назначения. Эда про вели в небольшую приемную, пустую, если не считать одной девушки за столом.

Стивенс сказал:

— Уандер, Эдвард. Кингсбург. Приоритет 'С'. Номер Z-168.

Он протянул девушке конверт. Она открыла его и пробежала глазами единственный листок, который в нем был.

— Да, мистер Ярдборо ждет. — Она наклонилась к внутреннему переговорному устройству. — Мистер Ярдборо, мистер Уандер из Кингсбурга доставлен.

— Послушайте, вы, я что, арестован? — нервно сказал Эд. — Если да, то я хочу позвонить адвокату.

Девушка посмотрела на него и отрицательно покачала головой, как будто не в силах ответить. — Мистер Ярдборо примет вас сейчас.

Один из сопровождающих в штатском открыл перед Эдом внутреннюю дверь, затем закрыл ее за ним.

Мистер Ярдборо сидел за захламленным столом. Насколько Эд помнил, у высших чинов столы ни в коем случае не должны быть захламлены. Перед настоящим высокопоставленным сотрудником должен в каждый момент времени находиться только один деловой предмет.

Стол мистера Ярдборо был завален хламом, как черт-те что и даже хуже.

Он поднял глаза с тем же утомлением, что и его секретарша в приемной.

— Садитесь, мистер... ээ... Уандер. Посмотрим. — Он взял лист бумаги из кучи перед собой, затем три вырезки новостей.

Эд Уандер сел. По крайней мере, сейчас прояснится, что происходит. Все в целом чем дальше, тем меньше походило на полицейское дело. Он начал подозревать, что...

— Эдвард Уандер, — сказал Ярдборо. — Ведущий передачи "Час необычного", которая передается по радио из

Кингсбурга. Эта первая газетная заметка о вас написана... — он сверился с вырезкой, —... Баззом Де Кемпом, из кингсбургской "Таймс-Трибьюн". Она описывает, малость иронично, гостя вашей передачи Иезекиля Джошуа Таббера, проповедника, который вроде бы наложил... ээ... проклятие на сущность женщин.

Эд начал что-то говорить, но Ярдборо предостерегающе поднял руку.

— Минутку. Вторая заметка продолжает тему предыдущей. Мистер Де Кемп написал заметку в том же духе, в которой утверждается, что этот странствующий проповедник Таббер был причиной моды на так называемый "Домотканый стиль".

Ярдборо отложил вторую вырезку, взял третью.

— Третья заметка тоже подписана мистером Де Кемпом, но стиль несколько иной.

— Ее переписал редактор, — пробормотал Эд. Дело начало проясняться.

— Ах, вот как. Понятно. В этой заметке юмористического характера утверждается, что якобы этот Таббер — причина нынешних неприятностей с радио и телевидением. — Ярдборо отложил вырезку.

— Где вы это взяли? — спросил Эд.

— Поверьте, мистер Уандер, — печально улыбнулся его собеседник, — копии всех газет мира, выходящих на любом языке, приходят сюда на пять верхних этажей Нью-Булворт Билдинг. Наши переводчики просматривают их слово за словом.

Эд тупо посмотрел на него.

— Просматривают их слово за словом, — сказал Ярдборо, — в надежде найти хотя бы один намек. И это всего одна из операций, которые проводятся в этом здании, мистер Уандер. И это здание не единственное. Однако, достаточно сказать, что мы обнаружили эти три заметки о вас и Таббере. Ну, что вы можете сказать проливающего свет?

— То есть как, что я могу сказать? — простодушно удивился Эд. — Там все правда.

— Что правда? — спросил Ярдборо.

— Иезекиль Джошуа Таббер проклял женскую сущность. И проклятие сработало. Затем он проклял радио и

телевидение. Это произошло в моей передаче. И проклятие снова сработало.

Ярдборо поднялся на ноги.

— Хорошо, пойдемте со мной, мистер Уандер.

— Вы не хотите услышать историю целиком? — удивленно сказал Эд Уандер.

— Ваше дело вышло из моей юрисдикции, — сказал Ярдборо. Он собрал бумаги, имеющие отношение к Эду, и направился впереди Эда обратно в приемную. Двое в штатском все еще были там, терпеливо ожидая, как умеют терпеливо ожидать только полицейские.

Ярдборо буркнул в их сторону:

— Этот человек перешел в приоритет 'А'. Ответите головой, если с ним что-то случится. — Он повернулся к Эду Уандеру. — Следуйте за мной.

Они прошли по коридору путем, обратным тому, которым Эд шел сюда, пересекли холл. Их только один раз остановили охранники для идентификации. Наконец все четверо добрались до другого офиса, на этот раз больших размеров, с тремя столами в приемной. Там же было несколько охранников. Четверо или пятеро нервного вида типов сидели, очевидно в ожидании чего-то, каждый в окружении своих охранников.

— Садитесь, — велел Ярдборо Эду и подошел поговорить с девушкой, сидящей за столом. Он положил перед ней бумаги и заговорил приглушенным голосом. Она кивнула.

Ярдборо повернулся к Эду Уандеру.

— Желаю удачи, — сказал он. Двоим в штатском он добавил:

— Прилипните к нему, как пластырь, до дальнейших указаний.

— Есть, сэр, — сказали оба. Ярдборо вышел.

— Что, черт возьми, происходит? — потребовал ответа Эд.

На Джонсона, похоже, все это произвело впечатление.

— Ты у нас — первый тип с приоритетом 'А', — сказал он.

— Можно подумать, — фыркнул Эд. — Что это значит, приоритет 'А'?

— Тебе это знать ни к чему, — сказал тот.

Он ждал примерно час, прежде чем нервного вида тип вышел из двери одного из внутренних кабинетов, которые выходили в приемную, и вызвал:

— Эдвард Уандер?

Эд встал. Два его охранника заняли свои позиции.

Новоиспеченный тип приблизился.

— Вы Уандер?

— Да.

— Пойдемте со мной.

По дороге во внутреннее помещение тип принялся про-сматривать доклад и три вырезки по поводу Эда. Охран-ники держались позади.

Внутри были два стола. Второй был занят майором ар-мии, который снял мундир и перебросил его через спинку стула, а вдобавок распустил узел галстука. Он выглядел так, словно порядочно времени не спал.

Нервного вида тип сказал:

— Я Билл Оппенхаймер. Это майор Леонард Дэвис. Нам передали ваше дело с приоритетом 'А'.

Еще продолжая говорить, он передал доклад и вырезки майору Дэвису, который принялся утомленно просматри-вать их.

Оппенхаймер склонился к интеркому на своем столе и отчетливо произнес:

— У меня в офисе Эдвард Уандер из Кингсбурга, штат Нью-Йорк. Мне немедленно нужна полная информация о нем. Отправьте команду. — Он отключил интерком и по-вернулся обратно к Эду. — Садитесь, — опустошенно ска-зал он.

— Что, черт побери, значит приоритет 'А'? — ска-зал Эд.

— Это значит, что тот, кому присвоен такой приори-тет, полагает, будто ему известна причина, по которой взвеселились телевидение и радио.

— А кино вы почему не считаете? — спросил Эд. Он все еще не пришел в себя окончательно. События разви-вались слишком быстро, он не успевал приспособиться.

Военный оторвался от бумаг и глянул на Эда.

— Мы считали это не связанными между собой явле-ниями, — буркнул он.

— Ну так они связаны, — уверенно заявил Эд.

Оппенхаймер присел на край стола и вздохнул.

— К этому моменту, мистер Уандер, мы с майором опросили в этом офисе около трех сотен человек. Все они считали, что знают причину помех радиоволн. Все они были переданы нам по приоритету 'А'. Теперь прошу вас рассказать нам вашу историю в деталях. Чем больше деталей, тем лучше.

Майор фыркнул и бросил доклад и вырезки на стол.

— Во-первых, что за чушь насчет кино?

Эд сказал:

— Причиной помех на радио и телевидении послужило то же самое, из-за чего кинофильмы не могут правильно проецироваться. Кстати сказать, та же самая причина привела к появлению моды на "Домотканый стиль", — добавил он.

Майор щелкнул переключателем и сказал в свой интерком:

— Немедленно к действию. Высказано предположение, что крах кинематографа связан с явлениями на радио и телевидении. По мере выяснения дальнейшая информация будет представлена. — Он снова щелкнул переключателем. — Ладно, — сказал он Эду Уандеру. — Рассказывай всю историю.

Эд изложил им все, во всех деталях, которые они зарабо-вали. Он закончил последним событием — исчезновением Базза Де Кемпа.

Когда Эд договорил, они продолжали молча таращиться на него некоторое время, показавшееся ему довольно долгим.

Наконец Билл Оппенхаймер кашлянул, словно извini-няясь.

— Что думаешь, Ленни? — спросил он майора.

Майор почесал пальцем подбородок и скривил рот.

— Я отказался от того, чтобы думать, — сказал он. — Я уже слышал все, что только можно, так что еще и думать нет никакой необходимости.

Эд разозлился.

— Хиханьки, да? — сказал он. — Отличная шуточка, верно?

Оппенхаймер сказал с надеждой в голосе:

— Ты думаешь, мы должны его просто вышвырнуть?

— Я не сам сюда пришел, — возмутился Эд. — Меня похитили.

Они не обратили на него внимания. Майор покачал головой и сказал:

— Мы не можем его вышвырнуть. Мы никого не можем вышвырнуть, не проверив его историю всеми способами, начиная со вторника. — Он снова щелкнул переключателем на столе и сказал:

— Если кого-нибудь из нижеперечисленных еще не доставили сюда, пусть доставят. Одновременно полное досье на каждого. Приоритет 'АА'. Базз Де Кемп, Дженсен Фон-тейн, Элен Фонтейн, Мэтью Маллигэн, Иезекиль Джошуа Таббер. Да, я сказал Иезекиль Джошуа Таббер. И Нефертити Таббер. Все из Кингсбурга, штат Нью-Йорк, за исключением Табберов, которых последний раз видели в Содерти.

Оппенхаймер вздохнул и склонился к своему интеркому.

— Алиса, немедленно сделай ленту, которую мы только что наговорили, в пятидесяти копиях. Разослать как обычно. Приоритет 'АА'. Он продолжает придерживаться своей версии.

Они оба снова обернулись к Эду Уандеру и некоторое время молчали.

Майор открыл рот, чтобы что-то сказать. Затем закрыл. Оппенхаймер сказал без всякого выражения:

— Заклятия.

Интерком на столе майора что-то произнес. Брови майора поползли кверху.

— Пришлите немедленно.

Через несколько мгновений вошел посыльный, положил две копии доклада на столы и торопливо вышел.

Двое, не обращая внимания на Эда Уандера, принялись читать.

Оппенхаймер оторвался от бумаги. Его взгляд устремился на майора Дэвиса.

— Чрезвычайный приоритет?

— Да.

Майор встал из-за стола, потянулся было за мундиром, но передумал. В рубашке с закатанными рукавами, с распущенными галстуком, он направился к двери.

— Пойдемте, — сказал он Эду Уандеру.

Эд пожал плечами, встал и пошел за ним. Оппенхаймер прикрывал тыл, неся бумаги, относящиеся к Эду, а также новый доклад.

Когда они вышли в приемную, Джонсон и Стивенс вскочили на ноги и шагнули вперед.

— Вы охрана мистера Уандера? — спросил майор.

— Да, сэр.

Майор обратился к двум другим из присутствующих охранников.

— Вы освобождаетесь от предыдущего задания. Поможете охранять мистера Уандера. Если необходимо, ценой своих жизней. Дело чрезвычайного приоритета.

— Есть, сэр.

Все четыре охранника откинули полы пиджаков, так что кобуры оказались сверху и были теперь доступны мгновенно.

— Что за черт! — запротестовал Эд. Никто не обратил на него внимания.

На этот раз они поднялись этажом выше. Здесь было гораздо меньше суматохи. Они пересекли один холл, затем другой. Наконец они оказались рядом с дверью, перед которой стоял охранник. При их приближении он положил руку на оружие и не убирал ее до тех пор, пока Оппенхаймер и майор не предъявили документы.

— Еще один гость, — сказал Оппенхаймер охраннику. — Вас теперь шестеро, дежурить будете посменно. Постоянно должен быть один внутри, один снаружи. Я пришлю лейтенанта Эдмондса позаботиться о деталях. Пока он не появится, стойте здесь все шестеро.

Ему ответил хор голосов: “Есть, сэр”. Оппенхаймер открыл дверь и первым вошел внутрь. Это была шикарная свита.

Базз Де Кемп поднял глаза от книжки в бумажной обложке, которую он читал, сидя в кресле. Он ухмыльнулся, вынул изо рта сигару и сказал:

— Привет, Крошка Эд. Стало быть, они и до тебя добрались.

Эд Уандер уже утратил способность удивляться. Он опустился на кушетку и закрыл глаза.

Оппенхаймер и майор посмотрели на газетчика. Оппенхаймер сказал:

— Мы только что перечитали сведения, которые вы сообщили по делу Таббера. Они в основном подтверждают то, что нам только что рассказал Уандер. Это повышает ваш приоритет с 'АА' до чрезвычайного.

— Приятно слышать, — просиял Базз. — Сколько здесь еще народу с чрезвычайным приоритетом?

— В Соединенных Процветающих Штатах по меньшей мере несколько сотен. Чтобы выяснить, сколько таких в Англии, Европейском Содружестве и Советском Комплексе, мне нужно будет запросить последние данные. Возможно, к этому времени Союзные Нейтральные Штаты тоже взялись за дело.

Базз тихо свистнул.

— Дело приобретает настоящий размах.

— Размах войны, — сухо сказал майор.

Эд начал привыкать. Он брюзгливо сказал:

— Когда у вас тут кормят? Если я уже попал в заключение, пусть меня кормят хоть изредка.

— Вы не заключенный, — сказал Оппенхаймер. — Вы доброволец, выполняющий правительственное задание.

— А что, есть разница?

— Мы вскоре с вами свяжемся.

Вскоре не получилось. Получилось не раньше следующего утра. Тем временем была усовершенствована система их охраны и удовлетворены их потребности. Они провели несколько часов, пересказывая друг другу последние события, но это был скорее просто треп. В целом Базз Де Кемп прошел примерно через те же переживания, что и Эд Уандер. Его забрали двое агентов и отвезли в Нью Вулворт Билдинг. Его забрали как автора статей о Таббере. Поскольку он продолжал отстаивать свою версию происходящего, его приоритет поднялся с 'С' до 'АА', а с появлением Эда их приоритет возрос до чрезвычайного.

За Эдом и Баззом пришли утром. Но не Оппенхаймер и майор Дэвис. Очевидно, с ними теперь работали сотрудники высших эшелонов. На сей раз для сопровождения их к месту допроса явились полковник с двумя адъютантами.

Полковник Фредерик Уильямс из разведки Воздушных Сил.

Базз сунул книжку, которую читал, в карман куртки со словами:

— Просто на случай, если мы опять столкнемся с этой бюрократической волокитой. То бегом, то ждите, то бегом, то ждите... Лучше уж я захвачу что-нибудь почитать.

Полковник неодобрительно посмотрел на него. Базз ответил ему злобным взглядом, сгреб несколько сигар, которые он заказал вчера вечером, и затолкал их в нагрудный карман куртки:

— Горючее мне тоже понадобится.

Они проследовали за полковником и адъютантами. Охранники прикрывали тыл. Пиджаки их по-прежнему были откинуты, чтобы легко было выхватить оружие. Эду было интересно, какой потенциальной опасности они боятся, здесь на верхних этажах самого высокого небоскреба Ультра-Нью-Йорка, когда вокруг сотни людей из службы безопасности.

Место их назначения находилось еще на этаж выше. На этот раз вместо одной приемной было две. Первая была огромных размеров, с дюжиной столов секретарей и таким же количеством кабинетов позади них. Вторая была небольшой, и занимала ее средних лет мегера с производительностью/эффективностью автомата.

Она скрипуче сказала:

— Мистер Хопкинс ожидает вас, полковник. Остальные уже здесь.

— Благодарю вас, мисс Пресли.

Полковник собственноручно открыл внутреннюю дверь.

Кем бы ни был архитектор, спроектировавший Нью-Булворт Билдинг, он, очевидно, понимал, что наивысший этаж предназначен для облеченных наивысшей властью того или иного рода. Этот кабинет служил тому явным свидетельством.

Эд Уандер никогда в своей жизни не бывал в таком месте. Если у него и были какие-то представления о нем, в этом заслуга Голливуда. Как бы то ни было, он осмотрелся в изумлении.

В комнате был только один стол, который казался подвешенным на тонкой ножке с потолка, а не опирающимся на пол. За ним сидел, надо полагать, мистер Хопкинс. Эд Уандер и Базз Де Кемп осознали, кто такой мистер Хопкинс, одновременно. Базз тихонько присвистнул сквозь зубы.

Дуайт Хопкинс, Великий Примиритель. Дуайт Хопкинс, власть за троном, Дуайт Хопкинс, который возвышался над западной политикой, как колосс.

Дуайт Хопкинс избегал внимания общественности. Он в нем не нуждался. Однако правая рука президента Эверетта МакФерсона, мозговой трест из одного человека, Дуайт Хопкинс, которого некоторые даже называли альтер этого президента, не мог оставаться совершенно неизвестным пытливым гражданам. Президент МакФерсон мог быть, и был на самом деле, главной фигурой, символом, образом для публики, истинные усилия которого в сфере управления нацией ненамного превышали действия правящего монарха Великобритании. Но в то время, как обаятельные политики типа МакФерсона могут обладать тем, что привлекает избирателей, за сценой все равно должен быть такой вот Дуайт Хопкинс. Он пережил три администрации, Демократические Республиканцы передавали его Либеральным Консерваторам, а затем обратно, что никак не меняло их политику — впрочем, как и его. Между двумя партиями в эпоху Процветающего Государства редко бывали споры. Не считалось стоящим занятием пытаться повлиять на избирателей, затевая споры. Избиратели голосуют за человека, который им симпатичнее прочих, а не за принципы.

Дуайт Хопкинс сидел за небольшим столом. По одну сторону от него на легком стуле сидел, положив ногу на ногу, генерал армии. По другую сторону — высокий седой штатский. Напротив них в ряд сидели Дженсен Фонтеин, Элен Фонтеин и Мэтью Маллиган.

Эд снова обвел глазами комнату. Ошибки не было. Табберы подозрительно отсутствовали.

Хопкинс кивнул новоприбывшим.

— Вы, надо полагать, Базз Де Кемп, вы похожи на газетчика. А вы Эдвард Уандер. Почему вас зовут Крошка

Эд? — голос Хопкинса был твердым, но настойчивость в нем имела странный оттенок непринужденности, словно теперь, когда дело наконец попало в руки Хопкинса, спешки больше не требовалось.

— Не знаю, — сказал Эд.

Маллигэн открыл рот:

— Послушай, Уандер, если это все твоя...

Генерал прервал его громовым раскатом:

— Прекратите, мистер Маллигэн. Мистер Уандер здесь в равном с вами положении. Вы здесь для того, чтобы помочь прояснить вопрос, имеющий первостепенное значение для нации.

— Для всего мира, — мягко поправил высокий седой штатский.

Дженсен Фонтейн раздраженно сказал:

— Я требую ответа: неужели эти коммунисты там в Величайшем Вашингтоне считают, что они могут забрать граждан, имеющих хорошую репутацию и...

Дуайт Хопкинс без выражения смотрел на промышленного магната из маленького городка. Затем прервал его вопросом:

— Мистер Фонтейн, каковы, по вашему мнению, причины помех на радио и телевидении, и, далее, неполадок с кинопроекторами?

Дженсен Фонтейн посмотрел на политика стеклянными глазами и сказал тоном подсказки:

— Моя страна, да будет она всегда права...

— Я согласен с вами, сэр, — непринужденно сказал Хопкинс. — Но отвечайте на мой вопрос.

— Я назову вам причину, — рявкнул Фонтейн. — Саботаж Советского Комплекса. Подрыв американской промышленности. Подпольный...

— И каким образом им удалось это сделать?

— Это не моя обязанность выяснить. Вас, ребят из Величайшего Вашингтона, для этого выбирали. Судебный Департамент в том числе. Я думаю, ЦРУ могло бы найти виновных достаточно быстро, если бы не было заражено агентами коммунистов. Более того...

— Вы свободны, мистер Фонтейн, — сказал Дуайт Хопкинс. — Благодарим вас за сотрудничество.

Фонтеин только-только оседлал своего конька. Он как раз воздел кверху руку, чтобы выразительно взмахнуть ею, и тут полковник Уильямс твердо взял его за локоть.

— Я проведу вас к выходу, сэр.

Взгляд Маллигэна переместился с Хопкинса на полу-вырывающегося Фонтеина.

— Послушайте, вы не можете так обращаться с мистером Фонтеином! — крикнул он.

Седые брови Хопкинса поползли вверх.

— Ваше собственное мнение совпадает с мнением мистера Фонтеина, мистер Маллигэн?

Маллигэна вывели вслед за Фонтеином.

Дуайт Хопкинс обвел взглядом Элен, Базза и Эда Уандера.

— Я прочел доклады. С вами троими я действительно хотел поговорить в любом случае. Прошу простить, мисс Фонтеин, если мое обращение с вашим отцом показалось бесцеремонным.

— Бросьте, — сказала Элен, состроив недовольную гримасу. — Папе пойдет на пользу немного бесцеремонного обращения.

“Правая рука” президента откинулся на спинку стула и торжественно оглядел их.

— Неделю назад, в пятницу, — сказал он, — перестали работать радио и телевидение. В течение нескольких часов правительство не предпринимало действий. Предполагалось, что промышленность вскоре обнаружит причину неполадок и устранит ее. Однако, когда стало известно, что явление захватило весь мир, был назначен чрезвычайный комитет. На следующий день президент предназначил специальный фонд на увеличение размеров комитета и расширение его многообразных полномочий. На следующий день комитет превратился в комиссию. А еще через день на секретной сессии Конгресс проголосовал за представление неограниченных ресурсов, я был назначен главой этого проекта, отчитывающимся только перед президентом. Присутствующие здесь генерал Крю и профессор Брейгейл — мои ассистенты.

Баззу Де Кемпу не могла внушить благоговение даже такая персона, как Дуайт Хопкинс. Он вынул из кармана.

одну из своих неизбежных сигар, сунул в рот и, разыскивая спички, произнес:

— Вы, ребята, не слабо переполошились из-за этих развлечений для слабоумных. Вчера ночью майор сказал нам, что это так же важно, как война. И...

— Как ядерная война, мистер Кемп, — сказал Хопкинс.

— Не говорите ерунды, — сказала Элен.

Дуайт Хопкинс перевел взгляд на высокого седого штатского.

— Профессор Брейсгейл, будьте добры, обрисуйте нам некоторые аспекты ситуации, с которой мы столкнулись.

Профессор говорил сухо и внятно, словно читал лекцию, а не участвовал в беседе.

— Что происходит с цивилизацией, когда существует экономика изобилия, и отсутствуют развлечения для публики?

Все трое, Эд, Базз и Элен, одновременно пожали плечами, не пытаясь ответить. Вопрос был явно риторическим.

Он продолжал.

— Средний человек не способен к самопрограммированию. По крайней мере, такой средний человек, каков он сейчас. Он не может придумать, чем себя занять. Ему никогда не приходилось над этим задумываться. Человек развивался в таких условиях, в которых приложение имеющихся у него времени и энергии было заранее запрограммировано. Он работал и работал от двенадцати до восемнадцати часов в день. Весь день, и так каждый день. Иначе он умирал от голода. Как ему использовать свое время, определяли за него другие. Если и был какой-то отдых, то очень редко. В качестве отдыха и развлечения существовали только традиционные игры и танцы. Средний человек никогда не получал такой возможности, чтобы они ему прискучили — ему слишком редко удавалось ими заняться. Такое положение существовало на протяжении 99,99 процентов истории нашего вида.

Брейсгейл окинул их взглядом, и его голос стал еще более академически-сухим.

— То, что для творчества необходим досуг, свободное время, — это правда. Пока не существует класса лентяев, группы, у которой есть время заниматься чем-либо еще, кроме добывания средств к существованию, существует очень мало возможностей развития культуры. Тем не менее, наличие досуга не влечет за собой творческую деятельность автоматически.

Возникает вопрос: что происходит с культурой, имеющей изобилие всего — за исключением заранее определенной деятельности для нетворческого среднего человека? Другими словами, что станет с этим благополучным обществом, с нашим Процветающим Государством, если отнять у него радио, кино и, в особенности, телевидение — телевидение, средство усмирения массового человека.

Эд хмурился.

— Водевиль, — подсказал он. — Театр. Цирк. Карнавалы.

Профессор кивнул.

— Да, но я полагаю, что они будут лишь каплей в море, даже если мы организуем эти развлечения и обучим необходимые таланты. Сколько времени люди могут проводить таким образом?

Базз вытащил книжку из кармана куртки и помахал ею в воздухе.

— Есть еще чтение.

Брейсгейл покачал головой.

— Средний человек не любит читать, мистер Кемп. Это требует от него значительной умственной деятельности. Ему приходится визуализировать действие из слов, воображать голоса, выражения лиц и так далее. Он не способен на такой творческий труд.

Профессор, похоже, сменил тему.

— Вы когда-нибудь читали о беспорядках, которые захлестнули Константинополь во время правления Юстиниана, в результате незначительной ссоры из-за пустяков на конных бегах? Несколько десятков тысяч людей погибли.

Он некоторое время молчал, глядя на них, чтобы подчеркнуть значение своих слов. Затем продолжил:

— Я считаю, что Рим погиб из-за невероятно разросшегося праздного класса. Рим больше не был культурой,

борющейся за выживание, его обеспечивали колонии. Население получало пищу даром. У них было свободное время, но не было самопрограммирующейся творческой способности.

Брейсгейл закончил свою речь:

— Человек хочет чем-нибудь заниматься. Но если он неспособен самостоятельно придумать, чем заняться, что произойдет, если у него отнять его телевидение, его радио, его кино?

— Я читал о беспорядках в Англии, — сказал Эд, — и о беспорядках в Чикаго тоже.

Генерал прогромыхал, обращаясь к Хопкинсу:

— Надо разделаться основательней с этими драными журналистами. Они пропускают слишком много репортажей такого сорта.

Дуайт Хопкинс ему не ответил. Вместо этого он постучал по толстой кипе бумаг на столе и обратился к Эду, Баззу и Элен.

— Честно говоря, ваши отчеты меня изумляют и вызывают недоверие. Однако, в вашу пользу свидетельствует то, что вы подтверждаете рассказы друг друга. Если бы не вопрос с кинематографом, который никак нельзя объяснить атмосферными помехами, признаюсь, я бы и вовсе не склонен был рассматривать ваши показания. Тем не менее... в чем дело, мистер Де Кемп?

Все посмотрели на взъерошенного газетчика, который в свою очередь таращился на книгу, которую держал в руках.

— Я, наверное, взял не тот экземпляр, — сказал он, сам не веря своим словам. — Но я не мог ошибиться. — Он обвел всех глазами, как будто обвиняя. — Эта книга на французском.

Эд нахмурился, не понимая, чем вызвано замешательство Базза, и присмотрелся к книге.

— Это не французский. По-моему, больше похоже на немецкий.

— Это не немецкий, — сказала Элен. — Я немного изучала немецкий. Это выглядит как русский.

Базз сказал защищаясь:

— Не будьте идиотами. Это даже не кириллица. Я говорю, что это французский. Но этого не может быть. Я

читал эту книгу как раз перед тем, как сюда прийти. Иллюстрация на обложке та же самая, и...

Профессор Брейсгейл распрямил долговязую фигуру и поднялся на ноги.

— Дайте мне взглянуть, — сухо сказал он. — Я читаю и пишу на всех романских языках, на немецком, шведском и русском. Не знаю, что случилось, но... — он не закончил фразу. Его обычно спокойные серые глаза вытаращились. Это... я думаю, это на санскрите.

— Пустите, я посмотрю, — хрипло сказал Хопкинс. — Что за разногласия?

Профессор передал ему роман в бумажной обложке, служивший предметом спора.

— Ну, по-моему, это похоже на итальянский. Я этого языка не знаю, но...

— Боже правый, — выдохнул Эд. — Он снова это сделал. Он проклял беллетристику.

— Что? — взорвался генерал. — Вы совсем с ума сошли?

— Нет! Взгляните, — Эд вскочил на ноги. — Доклад, который лежит перед вами, вы в состоянии прочесть? Я в состоянии. Я могу прочесть бумаги, которые лежат у меня в кармане куртки. Взгляните на эту газету. — Он возбужденно показывал. — Новости прочесть можно. Но посмотрите на страницу комиксов. Все надписи превратились в абраcadабру. Для меня это выглядит, как немецкий, но я не знаю немецкого. Он проклял беллетристику.

— Садитесь, — скрежетнул Дуайт Хопкинс. В интерком на столе он сказал:

— Мисс Пресли. Я хочу, чтобы вы принесли сюда несколько книг, художественных и не художественных. И мне нужен немедленный рапорт, почему не доставлены Иезекиль Джошуа Таббер и его дочь.

— Да, сэр, — деловой голос мисс Пресли был явственно слышен. — Табберов еще не нашли. Оперативные работники, которые были посланы за ними, докладывают, что они покинули Согерти. Очевидно странствующий проповедник был крайне огорчен тем, что его речам не внимают.

— Есть ли хотя бы намек на то, куда они отправились? — хрипло спросил Хопкинс.

— Один из их последователей сказал, что они отправились в Элизиум. Ни в одном из шестидесяти четырех штатов, сэр, такой населенный пункт не значит-ся. Возможно, он находится в Европейском Содружестве или...

— Достаточно, мисс Пресли, — сказал Дуайт Хопкинс. Он выключил интерком и посмотрел сначала на Брейсгейла, а затем на генерала.

— В чем дело? — громыхнул генерал.

Но Брейсгейл знал, в чем дело. Он медленно произнес:

— Элизиум. Другое название Елисейских полей древних греков.

— Что за бред эти Елисейские поля? — потребовал ответа генерал.

— Рай, — сказал Дуайт Хопкинс. — Он провел рукой по подбородку, словно проверяя, гладко ли выбрит. — Наш друг Таббер отправился на Небеса.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА IX

— Небеса! — раздался сзади голос полковника Фредерика Уильямса, который все это время держал рот на замке. — Вы хотите сказать, что этот чернокнижник помер?

Эд Уандер покачал головой.

— Да нет. Элизиум — это такое дурацкое напыщенное название, которое они используют в новой религии Таббера. Они говорят о пилигримах на пути в Элизиум, в таком духе. Элизиум — это, ну, что-то вроде Утопии, если не считать того, что Таббер против Утопии. Он говорит, что это реакционная идея. Я забыл, почему именно. Что-то связанное с тем, что Утопия совершенна, а совершенство означает застой, или...

— Погодите минутку, — сказал Брейгейл. — У меня от вас голова болит.

— От разговоров про Зеки Таббера и его религию у кого угодно голова разболится, — сказал Базз. Он на мгновение умолк для большего драматического эффекта, затем произнес. — Мне кажется, я знаю, куда направились Таббер с дочерью.

Хопкинс посмотрел на Базза, временно неспособный вымолвить ни слова.

— Они в коммуне около Бирсвилла, в Кэтскиллс. Я слышал, как Таббер упоминал это место в одной из своих речей. Он приглашал всех слушателей, кто готов для... — Базз скривил рот, — ...земли обетованной, прийти в Элизиум и присоединиться к ним. Коммуна явно продолжает традиции коммуны Новой Гармонии Роберта Оуэна в Ллано, Луизиана и Деревни Равенства Джозии Уоррена.

Генерал Крю прогромыхал:

— О чём это вы, мистер?

Профессор Брейсгейл смотрел на Базза с новым уважением. Он повернул голову и сказал военному:

— Коммуны. Утопия. В девятнадцатом веке было серьёзное движение в их пользу. Большинство были основаны на религии, некоторые — нет. Святые последнего дня, мормоны, оказались наиболее удачливыми. Они были достаточно умны, чтобы адаптироваться, когда тот или иной аспект их учения не приживался. Остальные потерпели неудачу.

— Мы должны были догадаться, что они не уехали далеко, — сказал Эд. — Таббер путешествует в фургоне, запряженном лошадью.

— Хорсенваген? — громыхнул генерал. — Что это, новая немецкая модель?

— Лошадь и фургон, — сказал Эд. — Лошадь и фургон. Фургон, запряженный лошадью.

Военный уставился на него с недоверием.

— Неужели как в вестернах?

— Пожалуйста, Скотти, — сказал Дуайт Хопкинс, не глядя на него. Генерал заткнулся, и Хопкинс задумчиво сказал Эду Уандеру. — Похоже, вы — наш самый большой специалист по Иезекилю Джошуа Табберу.

Его слова были прерваны появлением мисс Пресли, у которой руки полностью были заняты книгами. Даже добросовестная мисс Пресли выглядела так, будто произошло что-то слегка приводящее в замешательство, вроде архангела Гавриила, затрубившего в рог, или исчезновения Атлантиды. Она положила книги на стол Хопкинса и произнесла:

— Сэр, я... я...

— Я знаю, мисс Пресли. На сейчас все.

Дуайт Хопкинс принялся осматривать книги одну за другой. Остальные смотрели на него. Он отложил последнюю книгу и потер глаза указательными пальцами жестом человека, смирившегося с неизбежным.

— Для меня это продолжает выглядеть как итальянский.

— Все книги? — нетерпеливо спросил генерал.

— Нет. Не все. Не художественные по-прежнему можно читать. Кроме того, — он выбрал одну книгу в твердом

переплете, — вот этот роман по-прежнему на английском. “Гекльберри Финн”.

— “Гекльберри Финн”? — переспросила Элен. — Марк Твен?

Эд Уандер закрыл глаза в немой мольбе к высшим силам.

— О господи боже. Новая история. Проклятие действует избирательно. Все, что Табберу не нравится, превращается в абракадабру. Все, что он одобряет, мы можем прощать. Боже правый, а мы еще говорили о цензуре! По-моему, я кое-что заметил на этой страничке комиксов.

— Что? — спросил Базз.

— Можно прочесть “Пого”. “Базз Сойер Младший” и “Маленькая Сиротка Энни” превратились в абракадабру, но “Пого” все еще можно прочесть.

Професор Брейсгейл взял газету.

— Вы правы, — сказал он. — По крайней мере, у нашего пророка есть чувство юмора.

— О матерь божья, — пробормотала Элен. — Все, что я могу сказать, это то, что нам тоже лучше им обзавестись.

Хопкинс медленно произнес:

— Мистер Уандер, когда ваша группа вошла в мой кабинет, я был готов счесть вас еще одной компанией неуравновешенных лиц, с которыми мы имеем дело с самого начала кризиса. Но теперь вся эта история достигла такой точки, где научное объяснение более невозможно. Я готов предоставить вам все ресурсы возглавляемой мной комиссии.

— Предоставить мне? — поразился Эд. — Почему именно мне?

Правая рука президента не был обескуражен.

— Потому что вы — самое лучшее, что у нас есть в качестве специалиста по Иезекилю Джошуа Табберу. Вы присутствовали на трех его, уhm, представлениях. Кроме того, я не сомневаюсь, что как ведущий передачи “Час необычного” вы очень хорошо разбираетесь в... ээ, необычном. И, разумеется, все это настолько необычно, насколько вообще возможно.

— Но... — простонал Эд.

Дуайт Хопкинс поднял руку.

— Я не имею в виду сказать, что ваша гипотеза, будто Иезекиль Таббер вызвал теперешнее чрезвычайное положение дел серией проклятий, это единственная гипотеза, которую моя комиссия будет продолжать расследовать. Отнюдь. Однако, мы создадим новый отдел, который возглавите лично вы, и который будет располагать всеми возможностями.

— Нет, — решительно сказал Эд.

Базз бросил на него странный взгляд. Не вынимая изо рта сигары, репортер сказал:

— Ты до сих пор не спросил “А мне-то что в этом всем?”, Крошка Эд.

Эд Уандер отчаянно набросился на него.

— Я знаю, что мне в этом всем. Конечно, я был на трех его представлениях, как их называет Хопкинс. Я видел старого скандалиста трижды, и каждый раз результат был все хуже. Что, по-твоему, случится в следующий раз? Он становится заносчивым...

— СТАНОВИТСЯ заносчивым? — горько рассмеялся Брейсгейл.

— ...Он начал чувствовать свои возможности, — Эд переключился на Хопкинса. — В самом начале он ничего о них не подозревал. Не ведал, что творил. Одно из его первых проклятий навлек на себя подросток, который упражнялся в народной музыке на своей гитаре. Таббер порвал на гитаре струны...

— Что в этом чудесного? — громыхнул генерал.

— ...на расстоянии. Потом еще одно явление привело его в гнев, как это называет его дочь. Неоновая реклама, или что-то в этом роде. Он наложил на нее проклятие. Не знаю, что с ней произошло. Может, перестала мигать.

Сзади полковник Уильямс сказал:

— Хотел бы я, чтобы он проклял неоновую рекламу напротив моего дома. Треклятая штука...

Генерал Крю посмотрел на полковника, и тот заткнулся.

Эд отчаянно сказал:

— Когда он наложил на женщин это заклятие “Домотканого стиля”, он не знал, что сделал это. Когда он по настояющему гневается, то не помнит, что говорил. Он был крайне удивлен, когда я сказал ему, что он проклял радио.

Он так же изумился, как и все остальные, что проклятие сработало. Но посмотрите, что происходит сейчас. Он проклял все развлекательное чтиво. Всю беллетристику — за исключением того, что ему нравится. Послушайте, я готов поспорить, что он даже ничуть не был зол, когда налагал это заклятие.

Дуайт Хопкинс нахмурил брови.

— Я убеждаюсь все больше и больше, — сказал он. — Эд Уандер, вы наш человек.

— Да говорю же вам: нет! Этот придурок полный псих, ему место в желтом доме. Что, если он увидит меня, и это ему напомнит какие-нибудь наши с ним споры, и он вспомнит, что его никто не слушает. Что, если он снова разгневается и наложит заклятие на всех неверующих? Знаете, что это значит? У него едва ли наберется пара сотен последователей. Говорю вам, этот чокнутый опаснее водородной бомбы!

Генерал Крю задумчиво произнес:

— Снайпер. Найти лучшего стрелка в службе безопасности. Пусть займет позицию на холме, с бесшумным винчестером и телескопическим прицелом Марк 8. Этот Элизиум, судя по тому, что сказал Де Кемп, расположен в холмах. Небольшое поселение, вдали от города. Снайпер...

Базз ухмыльнулся ему.

— А как вам понравится такая возможность, генерал: представьте, что-то не сработало, и Зеки налагает проклятие на порох. Или, еще лучше, на все взрывчатые вещества. Что случится с оттепелью холодной войны, если вдруг ни с того, ни с сего все взрывчатые вещества перестанут действовать?

Генерал нахмурился.

— Проклятия универсальны. В этом случае взрывчатка не будет взрываться и у коммунистов.

Базз вынул сигару изо рта и внимательно осмотрел кончик, который неровно дымился.

— Им не понадобится взрывчатка, — сказал он. — Одних только китайцев хватит, чтобы перерезать нас мясницкими ножами, сделанными на этих их сталеварнях на заднем дворе.

— Кроме того, не может быть и речи об убийстве, — сказала Элен. — Вообще-то, как Базз однажды сказал,

Таббер — это добрый и вежливый старикан, который, просто так случилось...

— Добрый и вежливый старикан... — ядовито пробормотал Эд.

— ...обладает какими-то силами, которых мы просто не понимаем. Он, похоже, и сам их не понимает. Очень хорошо. Я считаю, что Крошка Эд должен пойти и встретиться с ним. Не думаю, чтобы он что-то имел против Эда лично. Кроме того, у него пунктик на собственной дочери, а та без ума от Крошки Эда.

Упало молчание. Все взоры обратились к Эду Уандеру. Эд опустил глаза, невыразимо страдая.

— Это ложь! — простонал он.

— Базз? — сказала Элен.

Базз Де Кемп старался заставить свою сигару гореть равномерно. В ответ на обращение Элен он кивнул и гнусаво произнес:

— Верно, правильно. Смазливая шустрая девчонка, голубые глазки, щечки-яблочки, сама такая лапочка-симпатюльчка. Ежу ясно, что ей больше всего на свете хочется завести шуры-муры с Крошкой Эдом Уандером.

— О, черт бы вас побрал, — застонал Эд Уандер. — Нашли над кем поиздеваться, да?

— Уандер, — сказал Дуайт Хопкинс, — я даю вам офис и штат сотрудников.

— Нет, — сказал Эд.

Дуайт Хопкинс пристально посмотрел на него.

— Я могу позвонить по этому телефону, мистер Уандер, и через пару минут у меня будет приказ президента о призывае вас в вооруженные силы. В таком случае вы будете подчиняться приказам присутствующего здесь генерала Крю и станете делать, как вам велят.

— Старая армейская система набора добровольцев, — пробурчал Эд. — Ты, ты и ты.

Генерал радостно улыбнулся ему.

Эд сдался.

— Ладно, — сказал он. — А выпить что-нибудь найдется?

Примерно тридцать лет из своих тридцати трех Эдвард Уандер хотел быть большим начальником. Он так сильно этого хотел, что явственно себе это представлял. Эд делал

все, что было в его силах в разделенном на общественные слои застойном обществе. Он был воспитан на легендах своего народа, в которых говорилось, что любой гражданин общества изобилия ничем не хуже любого другого гражданина Соединенных Процветающих Штатов, и все имеют равные шансы собственным трудом проложить себе путь наверх, к президентскому креслу или к чему угодно.

К несчастью, Эд обнаружил, что тяжело собственным трудом проложить себе путь наверх, когда труда в обществе осталось чрезвычайно мало, а большая его часть автоматизирована. Те, у кого была работа, и доход которых, следовательно, был выше, чем у тех, кто значился в списках безработных, держались за нее всеми силами, относились к ней весьма ревностно и по возможности передавали ее потомкам, родственникам или на худой конец друзьям.

Нет. По мере взросления Эд Уандер все явственнее понимал, как малы у него шансы когда-либо сделаться большим начальником, имеющим подчиненных, послушно исполняющих его распоряжения; телефоны и интеркомы, по которым резким тоном отдавать ценные указания. Собственно говоря, к моменту его первого столкновения с Иезекилем Джошуа Таббером Эд почти пришел к выводу, что его единственный шанс на успех — жениться на Элен Фонтеин.

И вот он — большой начальник.

А Элен Фонтеин — одна из его ассистентов.

Так же, как и Базз Де Кемп. И ассистентов становилось все больше и больше. Эд был уже просто завален ими и не помнил имен даже незначительной их части.

Обещание Дуайта Хопкинса предоставить все мыслимые ресурсы нельзя было осуществить полнее, чем это было сделано. За четверть часа Эду Уандеру назначили свиту из охранников. За час штат его сотрудников был укомплектован. Среди прочих были мистер Ярдборо, которого, как оказалось, зовут Сесил, а также Билл Оппенхаймер и майор Леонард Дэвис. В числе охранников были Джонсон и Стивенс, а связным Эда с Дуайтом Хопкинсом был полковник Фредерик Уильямс. Хопкинс решил, что проект "Таббер", принимая во внимание его суть, должен быть

делом чрезвычайной секретности, и назначил в штат сотрудников всех, кто уже имел какое-либо отношение к расследованию Уандера. Если бы история попала в газеты, Хопкинс подозревал, что даже его репутация гаранта надежности не спасет дело.

Эд мрачно пялился в настольный экран своего рабочего стола.

У него не было ни малейшей идеи, откуда начинать. В архивах его отдела не было ничего, кроме его собственного доклада о Таббере и таких же докладов Базза и Элен. Не было смысла их читать. Он и так прекрасно знал все это. И этого было слишком мало.

Эд включил экран и откашлялся.

— Мисс... ээ...

Он забыл, как зовут его секретаршу.

— Рэнди, сэр. Рэнди Эверетт.

Эд посмотрел на нее и вздохнул.

— Рэнди, вам не к лицу "Домотканый стиль".

— Да, сэр, я знаю. Но, правду сказать, если я пытаюсь воспользоваться косметикой...

— У вас начинается зуд.

Ее глаза расширились.

— Откуда вы знаете?

— Я ясновидящий, — сказал Эд. — Послушайте, пришлите ко мне мистера Де Кемпа.

Он выключил интерком. Это было его первое действие на посту руководителя проекта "Таббер".

Базз вошел неуклюжей походкой, волоча ноги, с неизменной сигарой во рту. Он оценивающе осмотрел кабинет и тихонько свистнул.

— Ну наконец-то Крошка Эд Уандер — большой начальник! Трудитесь упорно, копите деньги, голосуйте за Демократических Республиканцев, и вы тоже доберетесь до верха. Елки зеленые, тебе даже не пришлось жениться на дочери босса!

— Заткнись, — сказал Эд, — не то я велю генералу Крю привлечь тебя на военную службу. — Он ухмыльнулся, представив себе эту картину. — Баззо Де Кемп, самая неряшликая штатская курица — в армии!

— Хиханьки, — сказал Базз, падая в кресло. — Начальство острит.

— Послушай, Баззо, — сказал Эд. — С чего мне начать?

Базз критически осмотрел кончик сигары, затем в раздумии обвел взглядом комнату.

— Мы можем для начала выяснить, что представляет собой проклятие. Когда в следующий раз мы — то есть ты, я на этот случай беру отгул, — таким образом, когда в следующий раз ты встретишься с Таббером, ты будешь хоть чем-то вооружен.

— Проклятие? Каждый знает, что такое проклятие.

— Прекрасно. И что же это такое?

Эд поразмыслил над этим. По размышлении он щелкнул переключателем на столе.

— Майора Дэвиса, пожалуйста.

На экране появилось лицо Ленни Дэвиса.

— Да, сэр. — Майор еще не вполне привык к тому, что его начальник — человек, которого он допрашивал и думал, не вышвырнуть ли из своего кабинета, еще вчера.

— Мы собираемся выяснить, что собой представляет проклятие, — сказал Эд. — Пошлите за учеными, которые могут это знать.

Майор тупо посмотрел на него.

— Какие именно ученыe могут знать, что представляет собой проклятие, сэр?

— Откуда мне знать?! — отрезал Эд и выключил экран.

На Базза Де Кемпа это произвело впечатление.

— Что нам теперь делать? — спросил Эд.

— Пойдем на ленч, — ответил Базз. — Надо захватить с собой Элен. Чем она занимается?

— Возглавляет отдел по “Домотканому стилю”, — сказал Эд. — Она должна выяснить все, что только можно, про “Домотканый стиль”.

Базз посмотрел на кончик сигары.

— Хорошая идея. С ней работают какие-нибудь ученыe?

Эд Уандер пожевал губу.

— Нет. Ты прав. Если нам дали неограниченные ресурсы, нужно их использовать. Один черт знает, сколько времени у нас осталось до того, как Таббер снова что-ни-

будь сотворит. — Он щелкнул переключателем. — Майора Дэвиса.

Лицо майора выражало даже чуть большую озабоченность, чем вчера вечером, решил Эд. Майор отозвался:

— Да, сэр.

— Ленни, — сказал Эд, — отправь несколько ученых в команду мисс Фонтейн. Мы хотим знать, что вызывает у женщин зуд.

Майор открыл рот, покачал головой и закрыл рот.

— Слушаюсь, сэр.

Базз задумчиво проследил взглядом, как лицо военного исчезает с экрана.

— Знаешь, — сказал он, — по-моему, майор долго не продержится. У него и так уже жабры позеленели.

Эд Уандер встал.

— Там, где его взяли, таких, как он, еще много, — сказал он.

Когда они вернулись с ленча и прошли через внешние помещения офиса Эда Уандера, он обратил внимание, что прибавилось еще два-три десятка сотрудников и несколько компьютеров IBM вместе с командой операторов и стопками перфокарт. Эд смутно заинтересовался, для чего они собираются использовать компьютеры. Может быть, ни для чего. Вероятно, Дуайт Хопкинс просто хочет, чтобы они были под рукой и наготове, на случай если для них найдется какое-нибудь применение.

Рэнди, его секретарша, сказала:

— Профессор МакКорд ждет вас в кабинете, мистер Уандер.

— Кто такой профессор МакКорд, черт его дери?

— Его прислал майор Дэвис, сэр.

— А, тогда он, наверное, эксперт либо по проклятиям, либо по зуду.

Когда Эд и Базз скрылись в кабинете, Рэнди Эверетт некоторое время потеряно смотрела им вслед. У нее был примерно такой вид, как будто она потратила свою последнюю монетку на телефон и ошиблась номером.

Профессор МакКорд при их появлении поднялся на ноги. Они обменялись традиционными приветствиями, после чего все уселись.

— Меня забрали два офицера службы безопасности, — сказал профессор МакКорд, — и в срочном порядке доставили сюда, в ваш кабинет. Прошу принять во внимание, что, хоть я и готов служить моей стране в любое время, я не имею ни малейшего представления...

— Вы профессор чего? — спросил Эд.

— Этнологии. Специализируюсь по племени банту.

Вынув свежую сигару из кармана куртки, Базз заметил:

— А майор лучше соображает, чем мне показалось. Профессор, что такое проклятие?

Профессор перевел взгляд на газетчика.

— Вы подразумеваете проклятие, накладываемое колдуном?

Оба кивнули, и профессор продолжал:

— Это выражение желания, чтобы кого-либо постигло зло. Колдун призывает на голову жертвы нечто злое, несущее вред.

— Ну, может быть, я неточно выразился, — сказал Эд Уандер. — Я скорее хотел бы узнать, что из себя представляет заклятие, заклинание.

Профессор явно не мог понять, чего от него хотят. Он сказал:

— Заклинание обычно представляет собой комбинацию слов или вымышленных слов, которые якобы имеют магическое действие. Англоязычный термин “spell”, если не ошибаюсь, произошел от древнеанглийского корня. Заклятие — это практически то же самое с точки зрения колдовства. Англоязычный термин “hex” — это американская идиома, ведущая происхождение из немецкого языка.

Высказавшись, профессор недоуменно нахмурил брови. Эд Уандер и Базз Де Кемп тоже.

— Знаю, знаю, — сказал Эд. — Но мне не нужны одни только определения. Вот, скажем, ваши колдуны-захари банту. Они накладывают заклятие на кого-то, обычно потому, что кто-то другой им за это заплатил. Верно? Ага. Так вот что именно они делают?

Профессор МакКорд непонимающе посмотрел на него.

— Как они это осуществляют? — спросил Базз. — Таким образом?

— Ну, — сказал профессор, — вообще-то у каждого колдуна своя собственная процедура. Обычно это сложный ритуал суеверий, включающий смешение необычных ингредиентов и песнопения с магическими словами.

Эд наклонился вперед.

— Это мы знаем. Но мы хотели знать, что из себя в действительности представляет проклятие. Понимаете? В действительности.

Профессор моргнул.

— Мы пытаемся выяснить, что такое проклятие, заклятие, заклинание на самом деле.

— Ну я же вам только что сказал.

Они долго смотрели друг на друга, отчего пользы было мало. Наконец Эд произнес:

— Вы верите в дьявола? То есть в Люцифера?

— Нет. Какое это имеет отношение к...

— А в черную магию?

— Я не верю ни в какую разновидность магии.

Наконец-то Эд поймал его. Он поднял вверх указательный палец.

— Тогда каким образом, по-вашему, колдун-знахарь может наложить проклятие на кого бы то ни было? Только не говорите, что они и не могут этого сделать. Существует слишком много свидетельств.

— Угм, — кивнул профессор МакКорд. — Теперь я наконец понимаю, к чему вы клоните. Знаете ли вы, кто такой либан? Я получил свою докторскую степень, изучая их.

— Я думал, что в своем дурацком “Часе необычного” слышал обо всем в таком духе, но, как видно, нет.

Этнолог был польщен.

— Либаны — это столь существенная часть африканского колдовства, что мне очень странно, что они так мало известны. Либан — это не совсем колдун, хотя он рождается в касте и не может вступить в нее другим образом. Они немногочисленны, их всего несколько семей. Либан — это серый кардинал всего племени, и они не смеют делать ничего без его совета. Например, если воины отправляются в набег, он извещает их, будет набег успешным или нет, дает им небольшие мешочки со священной пылью или пеплом, или чем-нибудь в этом роде,

чтобы привязать к кинжалам. Что я хочу сообщить, так это то, что либан — не жулик. Его положение наследственное, восходит к тысяче лет назад и более. Поверьте, если либан наложит проклятие на соплеменника, оно сработает.

— Как? — просто спросил Базз.

Профессор посмотрел на него.

— Все заинтересованные лица знают, что оно сработает. Жертва, либан и все остальные члены племени.

Это был ответ такого же плана, как Эд получил от Вэрли Ди. Он ни на что не отвечал. Суть вопроса заключалась в том, что едва ли кто-либо из всех затронутых миллиардов людей вообще знал о существовании Иезекиля Джошуа Таббера, не говоря уже о том, что он накладывает заклятие направо и налево.

Базз сказал Эду:

— Какое отношение эти либаны имеют к Таббера?

— К Таббера? — переспросил профессор МакКорд. — К какому Таббера?

— К Иезекилю Джошуа Таббера, — утомленно ответил Эд. — Вы его не знаете.

— Вы имеете в виду Джошуа Таббера? — сказал МакКорд. — Академика Иезекиля Джошуа Таббера?

— Академика? — потрясенно переспросил Базз.

— Джош получал свою академическую степень по политэкономии в то же время, когда я учился в докторантуре, — сказал МакКорд. — Выдающийся ученый.

Эд Уандер закрыл глаза в немом призывае к высшим силам.

Но Базз быстро сказал:

— Значит, вы с ним были знакомы, когда он был моложе. Послушайте, а он в то время питал какие-либо идеи насчет создания новой религии? Религии со множеством социоэкономических аспектов.

— А самое важное, не упоминал ли он вам что-нибудь о своей способности, о Силе проклинать? Накладывать заклятие на, скажем, телевидение? — спросил Эд.

— Не говорите ерунды, — сказал профессор МакКорд.

Эд щелкнул переключателем на столе.

— Билла Оппенхаймера, — сказал он.

Экран заполнило лицо Оппенхаймера. Эд видел его впервые со времени вчерашнего допроса. Оппенхаймер сказал:

— Да, сэр.

— С этой минуты вы отвечаете за выяснение прошлого Таббера, — сказал Эд. — В качестве отправной точки у нас есть данные о его учебе. Он получил академическую степень по экономике в...минутку... — он обернулся к МакКорду. — Какой коллеж?

— Гарвард.

Эд Уандер посмотрел на него с упреком.

— Ну конечно, это не мог быть какой-нибудь дурацкий коллеж библейского толка. Непременно Гарвард!

Он повернулся обратно к Оппенхаймеру.

— В Гарварде. Отправьте туда команду. Нам нужно все, что угодно, что только можно узнать о Таббере. Что он изучил. Проанализировать слово за словом все книги, которые он держал в руках. Отыскать его соучеников и выяснить все подробности, которые они в состоянии вспомнить. Раскопать его знакомства. Найти всех женщин, с которыми он встречался, они сейчас по крайней мере среднего возраста. У него есть дочь. Выяснить, на ком он женился. Что случилось с его женой. Жива ли она еще... Ладно, не вам это объяснять. Нам нужен полный отчет обо всех периодах жизни Таббера. Проясните этот вопрос с генералом Крю, если необходимо. Если вам нужны люди, есть ЦРУ, ФБР и Сикрет Сервис.

— Понял, — сказал Оппенхаймер. — Слушаюсь, сэр.

Его лицо исчезло с экрана.

— Ну, ты даешь, — сказал Базз. — Эд, у тебя появились замашки настоящей большой шишки.

— Если вы интересуетесь Джошем Таббером, — сказал несколько заинтригованный МакКорд, — вы в Гарварде много не найдете. Он там получил только академическую степень. Насколько я помню, докторат он заработал в Сорбонне, и, если не ошибаюсь, до того учился либо в Лейдене, либо в Гейдельберге. По-моему, изучал классическую философию.

— Философию? — повторил Эд Уандер.

— Приоритеты этического гедонизма, как мне помнится, — подтвердил МакКорд.

Базз допил содержимое своего стакана одним отчаянным глотком.

— Гедонизм! — сказал он. — И Таббер. Типа ешь, пей и веселись, потому что завтра все помрем, да?

— Ну, знаете ли, гедонизм более серьезное учение, — сухо заметил МакКорд. — Вкратце: Эпикур учил, что человек не только действительно стремится к наслаждению, но, более того, ему следует так поступать, потому что наслаждение — это единственное, что есть хорошего. Однако существенным является его определение наслаждения...

— Ладно, — сказал Эд. — Значит, Таббер расширил свой кругозор, изучая философию. Послушайте, профессор, я передам вас в руки моих ассистентов, которые запишут все, что вы вспомните о Таббере, а также все, что вы можете сказать о либанах, колдунах-знахарях, заклинаниях и проклятиях.

Когда профессор ушел, Эд взглянул на Базза, а Базз на Эда.

Через некоторое время Эд включил экран и сказал:

— Майора Дэвиса.

Когда появилось лицо Дэвиса, Эд сказал тоном упрека:

— Ленни! Этнологи, конечно, ученые, но они не знают, что такое проклятия. Найдите нам таких ученых, которые в этом разбираются. Возьмитесь за это всерьез, Ленини. Нам нужны результаты.

Майор Леонард Дэвис тоскливо посмотрел на него, открыл рот, собираясь очевидно запротестовать или, по крайней мере, пожаловаться, но поразмыслил и закрыл его.

— Слушаюсь, сэр, — сказал он. — Ученых, которые знают, что такое проклятие.

Его лицо исчезло.

— Ты быстро делаешь успехи, — одобрительно сказал Базз.

Они еще некоторое время смотрели друг на друга.

Наконец Эд включил экран и сказал:

— Соедините меня с Джеймсом С. Уэстбруком. Он живет к югу от Кингсбурга.

— Да, сэр, — сказала Рэнди, и через несколько мгновений на экране возникло лицо Джима Уэстбрука.

— Привет, Крошка Эд, — сказал он. — Прошу прощения, я жутко занят. Если ты не против...

Эд Уандер пропустил его слова мимо ушей.

— Послушай, когда мы в прошлый раз говорили о чудесах, ты сказал, что в них веришь. То есть, что ты веришь в существование явлений, которые нельзя объяснить при помощи нынешних научных знаний.

У Джима Уэстбрука на экране был такой вид, будто он торопится, но он все же ответил:

— Я рад, что ты стал выражаться точнее, приятель. Мне не нравится термин чудо.

— Ладно, послушай, ты веришь в проклятия? — спросил Эд. Он ждал, что собеседник станет отрицать.

— Разумеется, — сказал Уэстбрук. — Я немного занимался этим вопросом.

— Я говорю не про эти колдовские штучки, когда жертва убеждена, что заболеет, раз колдун наложил на нее заклятие — ну и в результате, естественно, умирает. Я имею в виду...

— Я действительно тороплюсь, — сказал Уэстбрук, — но... Послушай, приятель, колдуну не приходится убеждать жертву в том, что она будет жертвой. Жертва убеждается потому, что она на самом деле заболевает. Я пришел к выводу, что предзнаменования — это что-то, с чем не стоит шутить. Они не зависят от веры или суеверий, ни со стороны жертвы, ни со стороны практикующего. Точно так же, как ивовый прут, он же “волшебная лоза”, работает у людей, которые совершенно убеждены, что он не сработает.

— Продолжай, — сказал Эд.

— Проклятия осуществляются таким же образом. Я это обнаружил на одной вечеринке в канун дня всех святых. Если хочешь испытать, ну, назовем их так, необычные эмоциональные переживания, постараися представить себе, как снять проклятие, про которое ты не веришь, что ты сможешь его наложить, потому что проклятий вообще не существует — только бедная жертва уже основательно проклята, а ты ничегошеньки не знаешь о проклятиях. ПРИЯТЕЛЬ, это раза в три хуже, чем гипнотизер-любитель, который ввел кого-то в транс, навел постгипнотическое внушение, а теперь не может его отменить. По крайней мере, по гипнозу есть книги в библиотеках, из которых можно вычитать, как поступать в таком случае. Но попро-

буйте найти в книгах, как отменить проклятие кого-то, кого ты случайно, и сам в это не веря проклял. Приятель, это дело такого же рода, как "Я не знал, что ружье заряжено!"

Джим Уэстбрук хотел сказать что-то еще, но бросил взгляд на часы.

— Послушай, Крошка Эд, у меня больше нет времени разговаривать с тобой о заклятиях.

— Это тебе кажется, — ухмыльнулся Эд.

Уэстбрук нахмурился.

— Что это должно значить, приятель?

Эд радостно сказал:

— Ты только что поступил на работу, которая состоит в том, что ты отболтаешь себе весь язык, рассуждая обо всех аспектах проклятий, которые тебе известны.

— Ты бы лучше навестил врача, Крошка Эд, — сказал его собеседник. — Пока.

Он прервал связь.

— Стереотип, да? — радостно сказал Крошка Эд. Он щелкнул переключателем интеркома. — Майора Дэвиса, — сказал он.

Появилось лицо майора, и он отозвался одновременно утомленно и настороженно:

— Да, сэр.

— Есть такой Джеймс С. Уэстбрук, живущий на окраине Кингсбурга. Доставьте его сюда немедленно и выясните у него все, что ему известно о проклятиях. И, послушайте, майор. Он может не захотеть пойти. Но этот человек.., мм... чрезвычайного приоритета. Попрощайте лучше четверых.

— Да, сэр. Для ускорения дела: что еще о нем известно, сэр? Где он работает? Чем занимается? Его может не оказаться дома.

— Он инженер-консультант, специалист по лозоходству, — сказал Эд.

— По лозоходству, — тупо сказал майор Дэвис.

— Ну да, лозоходство. Поиск подземных вод и минералов при помощи ивового прута.

У майора Дэвиса был такой вид, будто его жестоко обидели.

— Да, сэр, Чрезвычайный приоритет. Забрать этого человека, который занимается лозоходством.

Его лицо, выражавшее подлинную трагедию души, исчезло с экрана.

ГЛАВА X

Эду Уандеру предоставили квартиру в Нью Вулворт Билдинг, тогда как Элен Фонтейн и Базза Де Кемпа разместили в ближайших отелях. Утром Эд Уандер спустился в свой офис пораньше, но, как видно, недостаточно рано. Его сотрудники, мужчины и женщины, во внешних помещениях уже развивали кипучую деятельность. Ему стало смутно интересно, чем они заняты. Он еще не успел отдать столько приказов, чтобы занять хотя бы часть сотрудников.

Он остановился рядом с одним столом и спросил:

— Чем вы заняты?

Молодой человек поднял на него взгляд.

— Чарами, — сказал он. Перед ним была стопка книг, брошюр и манускриптов, а также микрофон, подключенный к диктофону в левой руке.

— Чарами? — переспросил Эд.

Сотрудник, который уже успел вернуться к своему занятию, снова поднял на него взгляд. Он явно не узнал в Эде своего начальника. Эд, кстати сказать, тоже его не узнал. Он никогда его не видел до сих пор.

— Чарами, — повторил молодой человек. — Чары. Произнесение или распевание слов, которые, как предполагается, имеют магическое значение. Я собираю основополагающие данные.

— Вы хотите сказать, что у нас в штате есть сотрудник, который все свое рабочее время только тем и занимается, что собирает сведения о чарах?

Молодой человек посмотрел на него с сожалением.

— Лично я перевожу заклинания с сербо-хорватского. Еще пятьдесят с лишним человек занимаются переводами с других языков. Теперь прошу меня извинить. — Он снова склонился над книгами.

Эд Уандер отправился к себе в кабинет.

Рэнди Эверетт сообщила ему новости, которых было несколько. За ночь размеры офиса, предназначенного для проекта "Таббер", основательно увеличились, равно как и штат сотрудников. Они теперь работали в три смены. Эд этого не знал. Мистер Де Кемп еще не пришел, но звонил, чтобы уведомить их, что он чувствует недомогание.

В этом месте доклада мисс Эверетт Эд фыркнул:

— Недомогание! Позвоните этому лодырю и скажите, чтобы он явился сюда, неважно, с бодуна он или не с бодуна. Скажите ему, что я пошлю за ним взвод морской пехоты, если он не явится.

— Да, сэр, — сказала Рэнди.

— Соедините меня с майором Дэвисом, — сказал Эд.

Тип, появившийся на экране, имел майорские нашивки на воротнике, но это не был майор Дэвис.

— Где Ленни Дэвис? — спросил Эд Уандер.

— Дэвис с нами больше не работает, сэр. У него нервное истощение или что-то в этом духе. Моя фамилия Уэллс.

— Нервное истощение, в самом деле? Хм. Ладно, послушайте, Уэллс, чтобы с вами, военными, такого больше не было. Ясно?

— Да, сэр.

— Если кто-то здесь и имеет право на нервное истощение, это я один.

— Да, сэр.

Эд попытался вспомнить, зачем ему понадобился майор Дэвис, но не смог. Он выключил экран. Тот немедленно загорелся снова, и на нем появилось лицо полковника Фредерика Уильямса.

— Дуайт Хопкинс хочет немедленно видеть вас, Уандер, — сказал полковник.

— Иду, — сказал Эд. Он встал с места. Жаль, что нет Баззо, чтобы поддержать его. В должности большого начальника есть свои острые углы.

На выходе из помещений проекта "Таббер" за ним пристроились Джонсон и Стивенс, охранники. То есть по существу он продолжал находиться под стражей. Ну и ладно, какая разница. Он бы не нашел дорогу в офис Хопкинса самостоятельно. У него было смутное ощущение, что

вся эта комиссия, или как там официально именовалось учреждение, за прошедшую ночь выросла вдвое. В коридорах было больше суеты, еще больше оборудования было нагромождено в холлах, и еще больше помещений были заполнены столами, стеллажами, телефонами, интеркомами и прочими бюрократическими причиндалами.

Его немедленно впустили к Дуайту Хопкинсу. Правая рука президента заканчивал пресс-конференцию с пятнадцатью-двадцатью избранными типами делового вида, лишь несколько из которых были в форме. Эд не был представлен. Все они покинули кабинет, за исключением профессора Брейсгейла, единственного из них, кто был знаком Эду Уандеру.

— Садитесь, мистер Уандер, — сказал Хопкинс. — Как продвигается проект “Таббер”?

Эд вытянул руки ладонями вперед.

— Как он может продвигаться? Мы начали только вчера после полудня. Сейчас мы изучаем природу проклятия. Или, по крайней мере, пытаемся это делать. Мы также пытаемся, насколько возможно, собрать все данные о прошлом Таббера — возможно, нам встретится намек на то, каким образом он получил свои способности.

Хопкинс немного поерзal на стуле, как будто то, что он собирался сказать, было ему не по душе. Он произнес:

— Ваша гипотеза, гипотеза о Таббере, приобретает все большую убедительность, мистер Уандер. Мне пришло в голову, что один из аспектов нынешнего кризиса может быть вам неизвестен. Вам известно, что радар не затронут?

— Мне интересно это узнать, — ответил Эд.

— Но не это сводит с ума наших технарей. Не затронуто и радио в тех случаях, когда оно используется в международной торговле, мореходстве и так далее. Что вовсе уж невероятно, учебные кинофильмы можно показывать. Прошлой ночью я провел час на грани безумия, наблюдая, как наша суперкинозвезда Уоррен Уоррен великолепно исполняет комментарий к учебному кинофильму по географии для средних школ. Он любезно пожертвовал на это некоторую часть своего драгоценного времени. Но когда мы попытались запустить один из его обычных фильмов, “Королева и я”, пользуясь тем же самым проектором и

совершенно аналогичной пленкой, в чем нас заверили исследователи, у нас на экране получилась эта фантастическая задержка кадра.

Взгляд Дуайта Хопкинса был спокойным, но каким-то странным образом за этим спокойствием крылось бешенство.

— Телевидение в тех случаях, когда оно используется в телефонах, тоже не затронуто, — сказал Эд. — Проклятие избирательно так же, как с книгами. Нехудожественная литература не затронута так же, как и беллетристика, которая нравится Табберу. Черт побери, даже реплики в его любимом комиксе остались нетронутыми. Но все это не новости. Зачем вы опять об этом говорите?

Профессор Брейсгейл заговорил впервые за все это время.

— Мистер Уандер, одно дело, когда мы рассматривали вашу гипотезу наряду со многими другими. Но положение дел склоняет нас к тому, чтобы счесть вашу теорию единственной, имеющей смысл. Самая безумная гипотеза в результате оказывается самой правдоподобной.

— Что случилось с пятнами на Солнце? — спросил Эд.

— Если разобраться, — сказал Хопкинс, — солнечная активность способна, конечно, вызвать радиопомехи, но вряд ли избирательно. Ну и уж совсем трудно себе представить, чтобы она осуществляла цензуру над развлекательным чтивом.

— Значит, вы стали подозревать, что я не такой псих, как вам вначале казалось.

Чиновник пропустил его слова мимо ушей. Он сказал:

— Причина, по которой мы вас вызвали, мистер Уандер, заключается в том, что мы хотим с вами проконсультироваться по поводу нового проекта. Было предложено передавать телепрограммы в дома по телефонным линиям. Проект получит статус чрезвычайного и будет начат немедленно. Через месяц или около того в каждом доме Соединенных Процветающих Штатов Америки снова будут привычные развлечения.

Эд Уандер встал, перегнулся через стол Дуайта Хопкинса и заглянул Хопкинсу в лицо.

— Вы не хуже меня знаете, что можно сказать по поводу этой глупой идеи. Вы что, хотите окончательно рас-

строить экономику страны, выведя из строя телефон и телеграф вдобавок к радио и телевидению?

Хопкинс уставился на него.

Эд Уандер в ответ взорвался на Хопкинса.

Брейсгейл кашлянул.

— Именно этого мы и боимся. Значит, вы полагаете...

— Да. Таббер проклянет ваше новое кабельное телевидение, как только оно появится.

Похоже было, что перед ними более уверенный в себе Эд Уандер, чем тот, с которым они разговаривали всего лишь вчера. Дуайт Хопкинс оценивающе осмотрел его и наконец произнес:

— Профессор, что если вы познакомите мистера Уандера с последними разработками, связанными с кризисом?

Эд вернулся к своему стулу и сел.

Высокий седой профессор заговорил в своей лекторской манере:

— Ораторы на ящиках из-под мыла, — сказал он.

— Кто такие, черт возьми, ораторы на ящиках из-под мыла? — спросил Эд.

— Может быть, вы их уже не застали. Они уже уходили в прошлое в те времена, когда радио распространялось повсеместно и разнообразные передачи стали постоянным источником развлечений для масс. В 1930-е годы все еще были остатки ораторов на ящиках из-под мыла, но очень немного, если не считать исключений в Бостон Коммон и лондонском Гайд Парке. В середине столетия они исчезли окончательно. Это люди, выступающие на открытом воздухе, которые обращаются к своей аудитории с импровизированных трибун. В старые времена, когда по улицам в погожий весенний или летний вечер прогуливались толпы народа, эти ораторы могли заполучить аудиторию и удержать ее внимание.

— Ну и о чем они говорят? — нахмурился Эд.

— Ни о чем и обо всем. Некоторые были религиозными маньяками. Некоторые хотели что-нибудь продать, например, патентованные лекарства. Другие были радикалами, социалистами, коммунистами, профсоюзовыми деятелями и так далее в том же духе. Это был их шанс донести до широкой публики то, что они хотели сказать, неважно, что это было.

— Ну так что? — спросил Эд. — Пусть говорят. Это даст людям какое-то занятие, особенно если вы при этом снова запустите цирки, карнавалы и варьте.

— Не рассчитывайте чересчур на живые развлечения, мистер Уандер, — сказал профессор Брейсгейл. — Живое представление может посетить весьма ограниченное количество зрителей. Варьте теряет смысл, если вы сидите слишком далеко от сцены, равно как театр и цирк. Может быть, именно из-за этого потерпел крах Рим. Им приходилось строить все новые арены, чтобы туда вместилось все их население. Они просто не в состоянии были поддерживать столько шоу одновременно.

— Что все-таки плохого в этих ораторах на ящиках из-под мыла?

— Мистер Уандер, — сказал профессор Брейсгейл, — с появлением кино, радио и, наконец, телевидения, которое их перекрыло, голоса недовольных перестали быть слышны. Партии меньшинств и прочие несогласные не могли использовать эти средства массовой информации, потому что у них не было необходимых значительных денежных средств. Они были отброшены назад к распространению листовок, брошюр и небольших журналов или еженедельных газеток. И, разумеется, нам известно, как мало людей на самом деле читает что-либо, на чем нужно сосредотачиваться и размышлять. Даже те из нас, кто вообще читает, ежедневно сталкиваются с таким количеством материала, что мы относимся к нему весьма избирательно. Из чистой самозащиты мы должны посмотреть на заглавие или аннотацию, чтобы сориентироваться, о чем пойдет речь, и быстро решить. Очень немногие в группах, представляющих меньшинство, имеют талант или ресурсы представлять свои материалы завлекательным образом, как это делают более богатые издатели. Это привело к тому, что голос недовольных нашим процветающим обществом не достигал слуха масс.

До Эда Уандера начало доходить.

Хопкинс завершил рассказ:

— Но теперь каждый вечер сотни тысяч воинствующих ораторов-любителей стоят на углах улиц, собирают людей, которым больше нечего делать, кроме как слушать, людей,

которые изнывают от желания найти хоть какое-то занятие.

— Вы хотите сказать, что эти, мм, ораторы на ящиках из-под мыла организованы? Что у них идея...

Хопкинс поднял вверх худую руку.

— Нет. Пока нет. Но это всего лишь вопрос времени. Рано или поздно один из них выскажет мысль, которая понравится толпе. Он привлечет последователей, ему начнут подражать другие уличные ораторы. В том состоянии, в котором сейчас находится страна, почти любая по-настоящему популярная идея способна распространиться как лесной пожар. Новая религия, например. Или, еще вероятнее, новая политическая теория, безразлично — крайне правая или крайне левая.

— А! — сказал Эд. Теперь он окончательно понял, в каком направлении работают мысли политика Дуайта Хопкинса. У администрации определенно земля под ногами горит. Действия Таббера могут угрожать политическому климату. И все же Эд до сих пор не видел своей роли в этом деле.

Его не замедлили просветить.

Хопкинс сказал:

— Мистер Уандер, время играет против нас. Мы должны действовать. Необходимо войти в контакт с Иезекилем Джошуа Таббером.

— По-моему, хорошая идея. Давайте, связывайтесь с ним. Может, вам удастся возвратить к его патриотизму или чему-нибудь такому. Нет, я ошибся, патриотизм не пойдет. Он считает, что страной правит банда идиотов. Он противник процветающего государства.

— Крошка Эд, — вкрадчиво произнес Хопкинс. — Бойтесь, что человеком, который встретится с Таббером, будете вы. Я не вижу никого кроме вас, кому бы мы могли доверить столь важное поручение.

— Нет, нет, нет! Послушайте, почему бы вам не послать к нему несколько ребят из ФБР? Или из ЦРУ. Они ПРИУЧЕНЫ иметь дело с неприятностями. А я этого терпеть не могу.

Хопкинс прибег к самым мощным средствам убеждения:

— Если Таббер — причина всех нынешних неприятностей, отправка за ним полицейских любого рода может

обернуться катастрофой. Если же нет, то это только выставит нас дураками. Нет, единственный кандидат — вы. Он вас знает, а его дочь явно вам симпатизирует.

— Но я же вам нужен, чтобы руководить отделом, проектом “Таббер”, — в отчаянии сказал Эд.

— Мистер Де Кемп справится с этим до вашего возвращения.

— Меня можно пустить в расход, да? — горько сказал Эд.

— Если вы хотите сформулировать это именно таким образом, то да, — ответил Хопкинс.

— Ну так вам придется найти другого козла отпущения. Я и на несколько миль боюсь подойти к этому старому психу, — решительно произнес Эд Уандер.

Они дали ему очень подробную карту окрестностей Кэтскилла, где располагался Элизиум. Это было не очень далеко от водохранилища Ашока, равно как и от бывшей колонии художников Вудсток.

Эд проехал через этот город, далее к Бирсвиллу и затем к деревушке под названием Шеди. От нее грязная проселочная дорога длиной в несколько миль вела к общине Элизиум. По дороге Эду встретилось несколько дорожных знаков. Эд Уандер никогда еще не вел свой маленький Фольксховер над грязным проселком. Однако, не считая того, что за ним стелился плотный шлейф пыли, никаких иных отличий не было.

Он миновал небольшой коттедж, расположенный в стороне от дороги. Возможно, “хижина” будет более правильным словом. Вокруг нее был обширный сад, в котором росли и цветы, и овощи. Эд Уандер проехал дальше, миновал еще одно строение, похожее на первое, но не в точности. Эд машинально отметил, что проезжает дачный поселок, в каких люди скрываются от цивилизации, возвращаясь к природе в теплые месяцы. Эда эта идея не особенно привлекала, хотя, если вдуматься, в ней наличествовали и неплохие стороны...

И тут, когда слева появился еще один такой же коттедж, до него дошло.

Это был Элизиум.

От проселка расходились в разные стороны тропинки, ведущие, надо полагать, к другим обиталищам.

Эд скорчил гримасу. Неужто люди живут здесь круглый год? Забились в эту глушь и не видят никакой...эх, черт, никакой цивилизации?

Он заметил, что на домах нет ни телевизоров, ни радиоантенн. Кстати сказать, и никаких телефонных кабелей. Он испытал настоящее потрясение, когда сообразил, что в таком случае здесь не может быть общественного распределительного центра. Эти люди на самом деле должны сами готовить себе пищу.

Он опустил Фольксховер на землю, чтобы рассмотреть другие подробности. Теперь он видел три коттеджа. И ни одного ховеркара поблизости, если не считать его собственного.

— Рехнуться можно, — пробормотал он.

Несколько ребят играли среди деревьев в роще неподалеку от дороги. Они скакали по веткам, как обезьяны племя. Первой мыслью Эда было: почему родители позволяют им подвергаться такой явной опасности? Говорите что угодно против телевизора, но он, по крайней мере, отвлек детей от улицы и опасных игр. Если ребенку позволить гасить вокруг, как позволено этим, он может попасть в опасные ситуации. Затем Эду пришло в голову кое-что другое. Возможно, детей следует подвергать некоторой степени риска в игре. Не исключено, что сломанная рука во время процесса взросления входит в обучение и дает ценный опыт.

Эд собрался подойти к ребятам и спросить у них, куда ему ехать, но тут он заметил в отдалении знакомую ему особу. Он нажал рычаг подъема и направил к ней машину на небольшой скорости. Это была одна из последовательниц Таббера. Одна из тех женщин, которые стояли на входе в палатку в Кингсбурге, в первый вечер, когда Эд и Элен рассердили Иезекиля Джошуа Таббера.

Эд приблизился к ней и произнес:

— Ээ... возлюбленная душа...

Женщина остановилась и нахмурилась, явно удивленная при виде ховеркара на улицах — если, конечно, их можно было назвать улицами — Элизиума. Она явно не узнала Эда и неуверенно сказала:

— Добрый день, возлюбленная душа. Могу ли я чем-нибудь помочь?

Эд выбрался из машины и сказал:

— Вы, наверное, меня не помните. Я был на паре митингов, слушал... мм... Говорящего Слово. — Ему следовало обдумать это все заранее. Но факт тот, что он понятия не имел, что здесь увидит, и теперь говорил наобум.

— Я подумал: поеду и посмотрю на Элизиум, — сказал он.

Ее лицо прояснилось.

— Ты пилигрим?

— Ну, наверное, не совсем. Я просто хочу узнать побольше обо всем этом.

Эд оставил машину там, где она стояла, и увязался за женщиной. Проблемы парковки в Элизиуме не существовало.

— Я вас ни от чего не отвлекаю?

— О нет, — она продолжала свой путь. — Я только несус некоторые свои вещи издателю.

— Издателю?

— Вот в этот дом. Это наше издательство.

Эд Уандер глянул на дом, к которому они приближались. Он несколько отличался от коттеджей.

— Вы хотите сказать, что вы здесь издаете...

— Почти все.

Она выглядела не такой суровой, какой он ее запомнил по палаточному митингу в Кингсбурге. Если вдуматься, решил Эд, он просто ожидал, что слушатели палаточного митинга будут выглядеть суровыми. Фанатичные сектанты, с пеной у рта обличающие танцы, выпивку, игру в карты и тому подобные грехи.

Когда они уже подходили к двери, Эд спросил:

— Вы имеете в виду книги?

Представление Эда о книгоиздании включало акры, занятые печатными станками Руби Голдберг, полностью автоматизированными, с огромными рулонами бумаги, разворачивающимися с фантастической быстротой, с одного конца и законченными томами, которые выплывают с другого конца, заворачиваются и укладываются в коробки, опять-таки автоматически. Все на скорости тысяч единиц в час, если не в минуту. А этот дом весь имел размеры тридцать на сорок футов, никак не больше.

Эд последовал за женщиной внутрь дома.

— Книги, брошюры, даже небольшая еженедельная газета, которую мы рассылаем пилигримам по всей стране, которые еще не готовы присоединиться к нам здесь в Элизиуме. — Она приветствовала одного из двух мужчин, которые оказались внутри. — Келли, я наконец принесла два последних стихотворения.

Келли стоял перед приспособлением, в котором Эд распознал примитивную разновидность печатного станка. Левой ногой он качал педаль, чем-то напоминающую ножной привод старой швейной машины. Одновременно правой рукой он брал листы бумаги, ловко вставлял в движущийся пресс, столь же ловко вынимал их левой рукой, и повторял процесс снова и снова.

— Привет, Марта, — сказал Келли. — Хорошо. Норм может их запускать.

Эд завороженно наблюдал за ним. Если его рука попадет в пресс...

Келли ухмыльнулся Эду.

— Что, никогда не видел стереотипирующего станка?

— Вообще-то нет, — сказал Эд.

— Келли, это новый пилигрим, — сказала Марта. — Он был на нескольких выступлениях Джоша.

Они обменялись обычными любезностями. Некоторое время Эд наблюдал за всем происходящим в полнейшем изумлении. Он не мог бы удивиться сильнее, если бы попал в комнату, где женщины чесали шерсть и вытягивали его в нити при помощи веретена. Да, чего тут только не увидишь.

Пока Марта и Келли вели деловой разговор о технических деталях книги, которую они сейчас делали, Эд пошел ко второму работнику.

Этот достойный тип поднял глаза и приветственно ухмыльнулся.

— Меня зовут Хэйр, возлюбленная душа, — сказал он. — Норм Хэйр.

— Эд, — представился Эд. — Эд Уандер. А каким чертом вы тут занимаетесь?

Хэйр снова ухмыльнулся.

— Делаю набор. Это гарнитура Калифорния. Десятый кегль, шрифт стилизован под старину.

— Я думал, что набор делается на машине, которая похожа на печатную машинку.

Хэйр засмеялся.

— Этот способ устарел. Мы здесь в Элизиуме делаем это вручную.

Его рука сделала стремительное движение, мелькнула туда, затем обратно. Строки набора в его верстаке медленно удлинялись.

Эд сказал с легким отчаянием в голосе:

— Послушайте, в чем причина? Бен Франклин действительно печатал таким способом, но с тех пор выдумали парочку усовершенствований.

Пальцы наборщика ни на миг не прекращали стремительных движений. Парень явно был из тех, которые никогда не теряют хорошего расположения духа. По крайней мере, до сих пор с его лица еще не сходила усмешка.

— Есть несколько причин, — ответил он. — Во-первых, удовольствие от создания готовой вещи полностью собственными руками. Желательно — вещи наивысшего качества. Что-то разладилось в производстве вещей, если сапожник больше не делает обувь, начиная с куска кожи и заканчивая парой готовых туфель. Вместо этого он стоит перед гигантской машиной, в которой он ничего не понимает, наблюдает за двумя измерительными приборами и периодически переводит рычаг или нажимает кнопку, и так четыре или пять часов в день.

— О господи боже, — сказал Эд. — Но ведь этот ваш сапожник прошлого производил в день от силы одну пару обуви, а современный — от десяти до двадцати тысяч.

Печатник ухмыльнулся.

— Верно. Но у современного при этом язва желудка, ненависть к жене и начинающийся алкоголизм.

— Чем вы занимались до того, как стать наборщиком у Таббера? — неожиданно спросил Эд Уандер. — Вы говорите непохоже на малообразованного... — он не договорил. Фраза звучала не очень-то вежливо.

Норм Хэйр улыбался.

— Я делаю набор не для Таббера, а для Элизиума. Я работал директором-менеджером Всемирной Издательской Корпорации. У нас были отделения в Ультра-Нью-Йорке, Новом Лос-Анджелесе, Лондоне, Париже и Пекине.

Эд по собственному опыту знал, как непросто взобраться на пирамиду власти в процветающем государстве. Когда в производстве требуется только третья потенциальной рабочей силы нации, соревнование становится яростным. Эд сочувственно сказал:

— Прошел всю дорогу до верхушки, а они тебя выставили?

— Не совсем, — ухмыльнулся Хэйр. — Я для этого был слишком большим держателем акций. Однажды я прошел одну из брошюр Джоша Таббера. На следующий день и добрался до всего, что мог найти из написанного им. А на следующей неделе я сказал Всемирной, куда они могут отправиться, и приехал сюда помочь наладить это издательство.

Тип был определенно всерьез из-за угла мешком стукнутый, неважно, в хорошем расположении духа он находился или нет. Эд бросил думать на эту тему.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Ограниченнное издание последних стихотворений Марты Кент.

— Марты Кент? — Эд Уандер знал это имя. Поэзия не была его сильным местом, но лауреаты Американской Нобелевской Премии встречаются не так часто, чтобы можно было о них не слышать. — Вы хотите сказать, что она дала вам разрешение напечатать ее книгу?

— Я бы это немного иначе сформулировал, — ухмыльнулся Хэйр. — Вернее сказать, что Марта собственноручно отдала нам книгу.

— Марта! — воскликнул Эд. — Его обвиняющий взгляд переместился туда, где женщина, с которой он сюда пришел, разговаривала с Келли, работающим на ножном стереотипирующем станке. — Вы хотите сказать, что это Марта Кент?

— Попал в точку, — хихикнул Хэйр.

Эд Уандер кое-как попрощался и вернулся к тем двоим. Он произнес тоном обвинения:

— Вы — Марта Кент.

— Верно, возлюбленная душа, — улыбнулась она.

— Послушайте, — сказал Эд, — я не хочу показаться нахалом, но почему вы издаете книгу своих последних

стихотворений на таком крошечном, я бы сказал, одномерном предприятии?

— Ни в коем случае не проговоритесь Джошу Табберу, что я это сказала, — ответила она, и на ее лице появилось мимолетное проказливое выражение, — но, правду сказать, ради денег.

— Ради денег! — повторил Эд с отвращением.

У Келли кончилась бумага, он перестал давить на педаль, вытер руки о фартук и направился к ближайшей стопке книг. Он взял одну, вернулся к ним и без единого слова передал ее Эду.

Эд повертел книгу в руках. Она была переплетена в кожу. Что-то в ней было необычное. Эд открыл ее и пролистал страницы. Плотная бумага была обработана под старину. Автор был Эду незнаком. У Эда было странное чувство, что он держит в руках произведение искусства.

Марта Кент и Келли наблюдали за ним. Похоже, его поведение их забавляло, и Эд немножко смутился. Чтобы хоть что-то сказать, он произнес:

— Никогда не видел такой бумаги. Откуда вы ее получаете?

— Мы ее делаем сами, — сказал Келли.

Эд на мгновение закрыл глаза. Затем открыл их и сказал:

— Зачем вам деньги? Вы ведь все делаете сами. — Он обвиняюще указал на платье Марты Кент. — Это домотканое, верно?

— Да. Но мы не можем обойтись совсем без денег, даже в Элизиуме. Например, мы должны оплачивать почтовые услуги, когда отправляем нашу печатную продукцию. Иногда нам нужны лекарства. Нам приходится покупать соль. Удивительно, сколько всего набирается.

— Послушайте, — тоскливо сказал Эд. — Вы, Марта Кент, написали книгу — потенциальный бестселлер. Вы принесли ее сюда и выпускаете ограниченное издание, набирая ее вручную, печатая на ножном станке на бумаге, которую сами сделали. И сколько экземпляров вы напечатаете? Тысячу?

— Двести, — сказала Марта.

— И за сколько вы продадите каждый экземпляр? За сто долларов?

— За два доллара, — сказала Марта.

Эд снова закрыл глаза в нестерпимой муке.

— Два доллара за такую книгу? — сказал он. — Я не библиоман, но могу сказать, что первое ограниченное издание Марты Кент, ручной работы, практически бесценно. Но даже если вы просто отадите рукопись солидному издателю, вы получите целое состояние.

— Вы не понимаете, — рассудительно произнес Келли. — Нам не нужно состояние. Вот сотня долларов Элизиума пригодится. На лекарства, на...

Марта торопливо вмешалась:

— Только не проговоритесь Джошу Табберу о наших мотивах. Джош не всегда практичен. Он придет в негодование, если узнает, что мы докатились до того, чтобы издавать эту вещь ради накопления денег.

Эд сдался. Он резко сказал:

— И что он сделает с этими деньгами? Выбросит?

Марта и Келли сказали в один голос, как будто ничего не могло быть естественнее:

— Да.

— Я, пожалуй, выйду подышать воздухом, — сказал Эд.

Он прошелся обратно к Фольксховеру, борясь с желанием рвать на себе волосы.

Ладно, черт побери, он будет трактовать всякое сомнение в их пользу. Эта маленькая община, затерянная в холмах и лесах Кэтскилла, имеет свои достоинства. Хороший чистый воздух. Потрясающий пейзаж — Оверлук Маунтин на заднем плане. Возможно, прекрасное место, чтобы воспитывать детей. Хотя один дьявол знает, где взять для них школу. Эд задумался над этим вопросом. Если у Таббера академическая степень, Марта Кент — одна из его последовательниц, наверное, есть среди них и другие, кто может преподавать — что-то вроде небольшой школы в традициях прошлого.

Хорошо. Значит, у коммуны есть свои достоинства, хотя это все может выглядеть совсем по-другому зимой. Эд перевел взгляд с одного коттеджа на другой. У всех были трубы на крышах. Боже правый, эти люди на самом деле топят дровами. Которые, надо полагать, они же сами и рубят. Не иметь зимой даже газового отопления! Это до какой же степени психопатства можно дойти?

Однако, если вдуматься, здесь должно быть очень красиво зимой. Особенно, когда снег только что выпал. У Эда Уандера была привычка после сильного снегопада выезжать из Кингсбурга за город просто, чтобы посмотреть на снег ранним утром, на заснеженные ветки деревьев, на поля — прежде чем человек и солнце это испортят. Разумеется, он никогда не съезжал с главных дорог. Здесь это должно было выглядеть по-другому. Ему пришло в голову, что по-настоящему большой снегопад должен отрезать их здесь, так что они не могут добраться даже до Вудстока за припасами.

Он снова оборвал себя. Им не нужно отправляться в Вудсток, или куда-нибудь еще, за припасами. Они явно выращивают свои припасы сами.

Но что с медицинской помощью, если кто-нибудь заболеет во время снегопада? Может быть, кто-то из них имеет медицинское образование. Все остальное у них, похоже, есть.

Ладно, пусть у них есть все эти достоинства. Они все равно такие же помешанные, как банда шляпников из "Алисы в Стране Чудес". Забились в эту глушь, живут, как первопроходцы. Ни телевизора, ни радио. Интересно, как часто детей отпускают в город посмотреть кино. Наверное, никогда, решил Эд. Может, он не слишком хорошо знает Иезекиля Джошуа Таббера, но было очевидно, что пророк не особенно в ладах с современными фильмами, с их бесконечным насилием, преступлениями и тем, что с точки зрения Таббера, очевидно, является извращением ценностей.

Чем они, черт побери, занимают свое время?

А тут еще этот идиотский разговор, который у него только что состоялся с Мартой Кент, печатником Келли и наборщиком Хэйром. Они, должно быть, потратят месяцы работы на эту ее книгу. И что получат в результате? Четыреста долларов. Откуда они взяли эту сумму? Им нужно именно столько на что-то, что необходимо общине. Ладно. Чем нехороши восемьсот долларов, от которых половина останется в запасе на будущие нужды общины? Это что, никому даже в голову не пришло? Разве профессор Мак-Корд не сказал Эду, что Таббер имеет степень по экономике? Чему они учат в этом Гарварде?

Он снова поборол желание вырвать клок волос.

В этот момент Эд увидел еще одну знакомую особу, исчезающую в одном из коттеджей. Это была Нефертити Таббер.

Он позвал ее, но девушка не услышала.

Эд Уандер сделал глубокий вдох, выпрямился, оттянул воротник указательным пальцем и совершил один из самых храбрых поступков в своей жизни. Он подошел к коттеджу и постучал в дверь.

— Входи, возлюбленная душа, — раздался ее голос.

Эд открыл дверь и на мгновение замер на пороге. Время от времени он встречал в книгах выражение “дрожа всем телом”. Литературные герои иногда дрожат всем телом. Эд никогда раньше не представлял, как это может быть. Теперь он в точности знал, как это. Эд Уандер дрожал всем телом.

Однако, если только Говорящий Слово не находился в одной из двух комнат поменьше, которыми, видимо, мог похвастать коттедж кроме большой комнаты, в которую вела входная дверь, Нефертити Таббер была одна. В Нефертити Таббер не было ничего такого, от чего следовало дрожать всем телом. Эд перестал дрожать.

— О, Эдвард, — сказала она. — Возлюбленная душа. Ты пришел ко мне.

Она произнесла “возлюбленная душа” не вполне так, как обычно произносили последователи Таббера.

Эд закрыл за собой дверь и откашлялся.

Она приблизилась к нему, держа руки по швам, и остановилась перед ним.

Только и всего. Ему вовсе не пришлось думать об этом. Если бы он подумал, может быть, он бы не сделал. Не сделал того, что получилось так естественно.

Он крепко обнял ее и поцеловал от всего сердца — как это называл старик Хэмингуэй, звонкий поцелуй, “чмок”. У нее были губы, созданные для поцелуев. Но она явно не особенно практиковалась.

Похоже было, что Нефертити Таббер в восторге от исправления этого недостатка. Она не вырывалась. Ее лицо было обращено к Эду, в открытых глазах — мечтательное выражение.

Он снова поцеловал ее.

Через некоторое время он опомнился и нервно спросил:
— Ээ... где твой отец, ээ... милая?

Девушка пожала плечами, как будто не желала тратить время на разговоры.

— Отправился в Бустан поразмыслить над парой кружек пива.

Эд закрыл глаза в кратком призыва к своему ангелу-хранителю, если таковой имеется.

— Иезекиль Джошуа Таббер в городе, пропускает пару стаканчиков?

— Почему бы и нет?

Она взяла его за руку и отвела к кушетке. Кушетка, как машинально отметил Эд, была ручной работы, даже набивка, валики и подушки. Кто-то вложил уйму труда в этот предмет мебели. Девушка удобно уселась рядом с ним, не выпуская его руки.

— Не знаю, — сказал Эд. — Я просто вроде как по-думал, что твой отец должен быть против выпивки. Я все время ждал, что мой автобар начнет выдавать молоко, когда я закажу что-нибудь крепкое.

Эду пришло в голову, что это возможность, которую следует использовать, вместо того, чтобы целоваться и обниматься. Не взирая на то, как сильно Нефертити Таббер нуждается в практике. Он сказал:

— Послушай, Нефертити... кстати говоря, ты знаешь, что женщина, которой первоначально принадлежало это имя, была самой прекрасной женщиной древности?

— Нет, — вздохнула она и плотнее прижала его руку к своей талии. — Расскажи мне.

— Я думаю, что твой отец дал тебе это имя, потому что муж Нефертити Аменхотеп был первым фараоном, который учил, что существует единственный бог, — сказал Эд. Он почерпнул эти сведения у профессора Вэрли Ди в одной из передач “Час необычного”. Гость, помешанный на религии, придерживался убеждения, что древние евреи первыми пришли к монотеизму.

— Н-ну, нет, — сказала она. — Вообще-то меня так назвал рекламный агент. Мое настоящее имя — Сью.

— Рекламный агент!

— Угм, — отстраненно сказала она, словно не желая разговаривать. — Когда я была стриптизеркой.

— Когда ты была КЕМ?!

— Когда я выступала со стриптизом в цирке Борш.

Эд Уандер подскочил на месте и выпучил глаза.

— Послушай, — в отчаянии произнес он. — У меня что-то со слухом. Я могу поклясться, что ты сказала, будто выступала в стриптизе в цирке Борш.

— Угм, обними меня снова, Эдвард. Это было до того, как мой отец спас меня и привел в Элизиум.

Эд понял, что лучшее, что он может сделать — это переменить тему разговора. На какую угодно другую. Но он был не способен. Не больше, чем он был способен перестать раскачивать языком шатающийся зуб, как бы это ни было больно.

— Ты хочешь сказать, что твой отец позволил тебе выступать в стриптизе, в цирке Борш или где-нибудь еще?

— О, это было до того, как он стал моим отцом.

Эд Уандер закрыл глаза. Он отказывался что-либо понимать.

Нефертити быстро собрала все вместе.

— Я сирота и с детства была вроде как помешана на том, чтобы попасть в шоу-бизнес. Так что я сбежала из приюта и наврала про то, сколько мне лет. Мне было пятнадцать. Ну и в конце концов я получила работу в труппе, которая давала настоящие представления живьем. Меня записали, как Скромнику Нефертити, девочку, которая краснеет с головы до ног. Но дела у нас шли неважно, потому что кто сейчас хочет смотреть живые представления, когда самые хорошие вещи показывают по телевизору? Ну, короче говоря...

— Чем короче, тем лучше, — пробормотал Эд.

— ...отец меня спас. — Ее тон был извиняющимся. —

Это был первый раз, когда я слышала, как он говорит в гневе. Затем он привез меня сюда и вроде как удочерил.

Эд не спросил, что значит “вроде как удочерил”. Он сказал:

— Первый раз, когда ты слышала его говорящим в гневе? Что он сделал?

— Уфф, — поежившись, сказала Нефертити, — он... сжег дотла помещение ночного клуба. Вроде как, уфф, удар молнии и...

Эд с большим трудом вернул свои кружасиеся мысли к данному времени и месту. Он просто обязан был использовать предоставленную возможность. Он не мог сидеть и трепаться, когда ему такое рассказывали.

— Послушай, — сказал он твердо, отнимая у нее руку и полуобернувшись, чтобы смотреть на нее серьезно и важно. — Я пришел сюда не только, чтобы повидаться с тобой.

— Разве? — в ее лице была обида.

— Ну, не совсем, — торопливо сказал Эд. — Правительство поручило мне очень важную работу, Нефертити. Очень ответственную. Часть моих обязанностей состоит в том, чтобы выяснить... ну, узнать побольше о твоем отце и этом его движении.

— Замечательно! Тогда тебе придется проводить много времени здесь, в Элизиуме.

Эд удержался от энергичного “никоим образом!” и сказал:

— Для начала: я немножко путаюсь в этой новой религии, которую распространяет твой отец.

— Но почему, Эдвард? Она очень проста. Отец говорит, что все великие религии очень просты, по крайней мере, пока их не извратят.

— Ну, например, кто такая эта Всеобщая Мать, о которой вы всегда говорите?

— Как это кто? Ты, Эдвард.

ГЛАВА XI

Прошло много времени, прежде чем Эд Уандер снова открыл глаза. Он медленно произнес:

— У меня по-прежнему такое впечатление, что каждая вторая фраза в этом разговоре пропущена. Во имя Магомета,двигающего горы, о чём ты говоришь?

— О Всеобщей Матери. Ты — Всеобщая Мать, я — Всеобщая Мать. Эта крошечная птаха, что поет за окном — Всеобщая Мать. Всеобщая Мать — это все, Всеобщая Мать — это жизнь. Так объясняет отец.

— То есть, это что-то вроде Матери-Природы? — переспросил Эд с видимым облегчением.

— В точности как Мать-Природа. Всеобщая Мать трансцендентна. Мы, пилигримы на пути в Элизиум, не настолько примитивны, чтобы верить в, ну, бога. В бога-индивидуума, бога-личность. Если мы должны прибегать к этим терминам, а мы должны, чтобы распространить наше учение, то мы используем Всеобщую Мать как символ жизни в целом. Отец говорит, что женщина была первым символом мужчины в поиске духовных ценностей. Тройственная Богиня, Белая Богиня были почти универсальны в ранних цивилизациях. Даже в современности Мария почти обожествлялась христианами. Обрати внимание, что даже атеисты ссылаются на МАТЬ Природу, а не на ОТЦА Природу. Отец говорит, что религии, которые унизовили женщину, как это сделало мусульманство, достойны презрения и неизменно реакционны.

— О, — сказал Эд Уандер. Он жестоко поскреб свой подбородок. — Похоже, вы, ребята, не такие психи, как я сначала подумал.

Нефертити Таббер не слышала его слов. Она наморщила лоб, напряженно размышляя.

— Пожалуй, мы сможем занять тот коттедж за лабораторией, — сказала она.

Важность сказанного ею не сразу дошла до Эда.

— Лаборатория? — переспросил он.

— Угм, где доктор Ветцлер работает над своим лекарством.

— Ветцлер! Но это ведь не...

— Угм, Феликс Ветцлер.

— Ты хочешь сказать, что Феликс Ветцлер сидит в этой глупи... то есть, в этой маленькой общине?

— Конечно. Они там заставили его работать над пилюлями, от которых у женщин начинают виться волосы, или что-то в этом роде. Он возмутился, бросил все и приехал сюда.

— Феликс Ветцлер работает здесь! Гром и молния! Самый знаменитый... Над каким лекарством он работает?

— От смерти. Мы можем занять соседний с ним коттедж. Его закончат через день-другой. А...

Эд Уандер вскочил на ноги, как ужаленный. До него наконец дошло, о чем она говорит.

— Послушай, — торопливо сказал он. — Я уже говорил, что получил важное правительственное назначение. Мне нужно повидаться с твоим отцом.

Нефертити казалась огорченной, но тоже встала.

— Когда ты вернешься, Эд?

— Ну, не знаю. Ты знаешь, как это все. Правительство. Я работаю непосредственно под началом самого Дуайта Хопкинса. Долг прежде всего. И прочий этот бред. — Эд начал пятиться к двери.

Она следовала за ним. Около двери она подставила губы для поцелуя.

— Эдвард, знаешь, когда я в тебя влюбилась?

— Э... нет, — торопливо сказал он. — Откуда мне знать?

— Когда я услышала, как они называют тебя Крошка Эд. Тебе не нравится, когда тебя зовут Крошка Эд. Но они все так тебя называют. Им нет дела до того, что ты этого не выносишь, они этого даже не замечают.

Он внимательно посмотрел на нее. Вдруг все переменилось. Он сказал:

— Ты меня так никогда не называла.

— Никогда.

Он наклонился и снова поцеловал ее. Она не настолько нуждалась в практике, как ему показалось раньше. Он поцеловал ее снова, чтобы проверить предположение. Ей вряд ли вообще требовалась тренировка.

— Я вернусь, — сказал Эд.

— Конечно.

Он обнаружил Иезекиля Джошуа Таббера сидящего за столом в углу "Бара Диксона".

Поездку из Элизиума через Шеди и Бирсвил Эд осуществил в состоянии легкого умопомрачения. Однако, если вдуматься, он впадал в такое состояние всякий раз после встреч с Таббером и его приверженцами. Начинаешь знакомство с человеком, считая его религиозным фанатиком, возрождающим Библию, а выясняется, что у него степень академика по политэкономии, полученная в Гарварде. Его дочь казалась сперва простенькой пухленькой барышней в полосатом ситцевом платье, а выяснилось, что она — экс-стриптизерка и всего лишь приемная дочь Таббера. Новая

религия вроде бы представляла собой всего лишь еще одну секту чокнутых, а оказалось, что среди последователей Таббера — нобелевский лауреат Марта Кент и выдающийся ученый-биохимик Феликс Ветцлер.

Эд начал утрачивать свой страх перед Иезекилем Джошуа Таббером. Пророк с внешностью Линкольна приобретал для него все более реальные черты.

На этом месте Эд резко оборвал себя. Реальные, черт побери. Как же! Что может быть реального в ситуации, включающей в себя накладывание проклятий на весь мир только потому, что какой-то старый придурок разбушевался по поводу того или иного аспекта современного общества?

Эд увидел лошадь и фургон Таббера рядом с маленьким автобаром, на котором было просто написано "Бар Диксона". Эд Уандер начал копаться в карманах в поисках мелкой монеты, чтобы заплатить за стоянку машины. Справа от фургона Таббера как раз было свободное место. В этот момент он увидел полицейского, который пересекал улицу, направляясь к нему, и при этом с каждым шагом становился все мрачнее.

Когда он поравнялся с Фольксховером Эда, Эд спросил:
— В чем дело, друг?

Тот недоверчиво посмотрел на него.

— С этой стоянкой случилось что-то невероятное. Рехнуться можно.

Эд Уандер понял, к чему идет, но все равно не удержался и спросил:

— Что?

— Нет прорези для монеты. Должна быть прорезь. Вчера была. Всегда была прорезь для монет. Это чистое безумие. Можно подумать, что автомат прокляли.

— Н-да, — осторожно произнес Эд. Он выбрался из коверка и направился к "Бару Диксона".

Из автобара гремела музыка, издаваемая музыкальным автоматом. Эд Уандер подставил ей плечо, как сильному ветру, и пробился внутрь. Почему-то с тех пор, как перестали работать телевидение и радио, все включали музыкальные автоматы на силу урагана.

Таббер сидел в углу, перед ним стояла наполовину пустая кружка пива. Хотя бар был набит до отказа, он сидел

за столиком один. При виде Эда он поднял глаза и приветливо улыбнулся.

— О, добрая душа. Ты разделишь со мной кружку пива?

Эд морально приготовился и подвинул себе стул. Он храбро сказал:

— Конечно, я выпью пива. Мне только странно, что вы тоже пьете. Я думал, что все религиозные деятели трезвенники. Как это случилось, что пилигримы на пути в Элизиум не сопротивляются демону алкоголя?

Таббер усмехнулся. По крайней мере, похоже было, что старина в хорошем настроении. Он возвысил голос, перекрывая рев музыкального автомата.

— Я вижу, ты поднабрался нашей специальной терминологии. Но почему мы должны противиться благословению алкоголя? Это один из самых ранних даров Всеобщей Матери человечеству. Насколько мы можем проследить вглубь времен, на протяжении истории и предыстории человеку были известны алкогольные напитки, и он наслаждался ими. — Он поднял свою кружку с пивом. — Существуют письменные свидетельства пивоварения 5000 лет до нашей эры в Месопотамии. Кстати сказать, известно ли тебе, что когда в ранних книгах Библии упоминается вино, речь идет о ячменном вине, то есть, по существу, о пиве. Пиво — куда более древний напиток, чем вино.

— Нет, я этого не знал, — сказал Эд. Он заказал себе “Манхэттен”, чувствуя потребность в более солидной поддержке, чем может дать пиво. — Но большинство религий указывают, что алкоголь может быть катастрофой. Магометане вовсе не разрешают употреблять его.

Таббер мило пожал плечами, бросив неодобрительный взгляд на музыкальный автомат, который надрывался в рок’н’синговой версии “Тихой ночи”. Он почти кричал, чтобы перекрыть голосом музыку.

— Все, что угодно, может обернуться катастрофой, если им злоупотреблять. Можно выпить столько воды, что это окажется смертельно. Как, во имя Всеобщей Матери, называется эта вещь, которую они играют? Она мне смутно знакома.

Эд ответил.

Таббер всем видом выразил недоверие.

— И это “Тихая ночь”? Добрая душа, ты шутишь.

Эд счел, что они уже достаточно поговорили о пустяках, можно переходить к делу. Он сказал:

— Послушайте, мистер Таббер...

Таббер сверкнул на него глазом.

— ...ээ, то есть Иезекиль. Мне было поручено связаться с вами и постараться прийти к некоторому взаимопониманию по поводу событий прошедших пары недель. Думаю, лишним будет говорить вам, что мир вот-вот накроется медным тазом. В половине больших городов мира происходят беспорядки. Люди сходят с ума, потому что им нечего заняться. Ни телевизора, ни радио, ни кино. Нет даже комиксов или легкого чтения.

— Ты несомненно ошибаешься. Ведь мировая классика не была затронута моими действиями, предпринятыми с целью наведения порядка.

— Мировая классика! Кто к черту читает классику? Люди хотят чего-то, что они могли бы читать не думая! После тяжелого дня людям трудно сосредоточиться.

— Тяжелого дня? — мягко сказал Таббер.

— Ну, вы знаете, о чем я.

Бородатый религиозный лидер мягко произнес:

— В этом и заключается трудность, добрая душа. Всеобщая Мать создала человека в расчете на тяжелый день, как ты это называешь. Насыщенный день. Производительный день. Не обязательно день, полный тяжелого физического труда, разумеется. Умственные усилия настолько же важны, как и физические.

— Настолько же важны? — удивился Эд. — Гораздо более важны. Все это знают.

— Нет, — мягко произнес Таббер. — Рука столь же важна, как и мозг.

— Неужели? Кем был бы человек, если бы не мозг?

— А кем бы он был, если бы не рука?

— У некоторых обезьян есть рука, но они далеко не ушли.

— Такие животные, как дельфины и слоны, имеют мозг, но тоже далеко не ушли. Необходимо и то, и другое, добрая душа. Наличие одного столь же существенно, как наличие другого.

— Мы отклонились от темы, — сказал Эд. — Вопрос заключается в том, что мир стоит на грани краха из-за этих, этих... ну, из-за того, что вы сделали.

Таббер кивнул и заказал себе еще пива. Он хмуро посмотрел на музыкальный автомат, который теперь наяривал что-то народное и распевал гнусавым голосом. Эд Уандер вдруг подумал, что с каждым десятилетием певцы все больше гнусавят. Интересно, какими голосами пели сто лет назад?

— Отлично, — сказал Таббер.

— Что? — переспросил Эд. Музыкальный автомат его отвлек.

— Ты говоришь, что мир на грани краха. — Говорящий Слово довольно кивнул. — После краха, может быть, все вступят на путь в Элизиум.

Эд прикончил свой "Манхэттен" и заказал еще один.

— Послушайте-ка, — воинственно сказал он. — Я выяснил кое-что о вас. Вы образованный человек. Вы много повидали. Короче говоря, вы не дурак.

— Благодарю тебя, Эдвард, — сказал Таббер. Он вновь хмуро уставился на музыкальный автомат. Им с Эдом приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга.

— Хорошо. Теперь предположим, что все, что вы говорите о процветающем государстве, соответствует действительности. Давайте допустим, что это так. Ладно. Я только что был в Элизиуме. Я видел, как вы там живете. О'кей. Это подходит некоторым людям. Некоторым людям это должно прийтись по вкусу. Тихо и спокойно. Хорошее место, чтобы писать стихи, заниматься ручным трудом или научными экспериментами, может быть. Но, боже правый, неужели вы воображаете, что ВСЕ хотят так жить? У вас есть эта крошечная община из нескольких хозяйств. Весь мир не может к ней присоединиться. Это вещь, возможная лишь в незначительном масштабе. Вы не прекращаете говорить о вступлении на дорогу в Элизиум. Что, если все поступят по-вашему: как вы втиснете четыре или пять миллиардов людей в этот ваш маленький Элизиум?

Иезекиль Джошуа Таббер выслушал его. Теперь он хихикнул. И снова его хорошее настроение испортилось, когда он посмотрел на источник музыки. Музыкальный авто-

мат не умолкал ни на минуту. Всегда кто-нибудь снова бросал в него монетку.

— У тебя не получается услышать слово, добрая душа. Наш термин Элизиум имеет двойное значение. Конечно же, мы не ожидаем, что весь мир присоединится к нашей маленькой коммуне. Это всего лишь пример, которому должны последовать остальные. Мы своим примером показываем, что можно вести полную, осмысленную жизнь, не завися от бесчисленных продуктов нашего нынешнего механизированного общества. Возможно, мы ударяемся в крайность, чтобы подчеркнуть это более явным образом. Я пользуюсь фургоном и лошадью, чтобы показать, что ховеркары мощностью пятьсот лошадиных сил, пожирающие нефтепродукты с кошмарной скоростью, чтобы достичь быстроты двухсот миль в час, не необходимы. Есть много примеров показывающих, что мы слишком часто используем сложную машинерию исключительно ради нее самой.

— Не понимаю, — крикнул Эд.

— Возьмем к примеру счеты, — сказал Таббер. — Мы много лет насмехаемся над японцами, китайцами и русскими, потому что они настолько отсталые, что до сих пор используют счеты в бизнесе, в банках и так далее, вместо наших электрических счетных машин. Тем не менее, факт заключается в том, что счеты эффективнее и даже быстрее, чем средняя электрическая счетная машина, не говоря уж о том, что они гораздо реже выходят из строя. — Таббер сердито уставился на музыкальный автомат. — Волюстину, это устройство отвратительно.

Эд сказал в раздражении:

— Но мы не можем изъять все механические приспособления, которые изобрели в последние пару сотен лет.

— Я этого и не хочу, добрая душа. Совершенно верно, что нельзя отменить изобретение — не больше, чем затолкать яичницу-болтуню обратно в скорлупу. Однако мир далеко перешагнул порог разумного использования этих открытий.

Старик некоторое время размышлял.

— Давай рассмотрим гипотетический случай. Допустим, изобретательный предприниматель решил создать нечто, чего до сих пор никому и в голову не приходило

хотеть. Скажем, электрический шейкер-дозатор для мартини.

— Его уже сделали, — сказал Эд.

Таббер вытаращился на него.

— Ты наверняка шутишь.

— Нет. Я об этом читал. Его придумали в начале шестидесятых. Примерно в то же время, когда и электрические зубные щетки.

— Ладно, это все равно пример не хуже любого другого, — вздохнул Таббер. — Ну вот, наш тип, которого озарила идея, нанимает высококвалифицированных инженеров, самых лучших техников, чтобы они разработали электрический шейкер-дозатор для мартини. Они это делают. Затем он обращается к промышленности и заказывает большую партию таких приспособлений. Промышленность запускает их в производство, используя большое количество компетентных, хорошо обученных людей и множество ценных материалов. Наконец шейкеры-дозаторы для мартини произведены. Наш предприниматель теперь должен запустить их на рынок.

Он обращается на Мэдисон Авеню и вкладывает средства в рекламу и объявления. К этому моменту никто в Соединенных Процветающих Штатах Америки не имеет ни малейшей потребности в таком приспособлении, но их вскоре этому обучают. Реклама идет по всем средствам массовой информации. Рекламные кампании разработаны лучшими умами, которые произвела наша страна. В газетах упоминается, что Мэри Мэлоун, телезвезда, в таком восторге от своего шейкера-дозатора для мартини, что она пьет коктейли не только перед обедом, но и перед ленчем. Сообщается, что бармен королевы постоянно пользуется этим приспособлением. Пущен слух, что Синк Уотсон, четвертый из IBM-Ремингтона и помыслить не может о мартини, приготовленном другим способом.

— Я понял, куда вы клоните, — сказал Эд. — В результате каждый покупает такую штуку. Ну так в чем вред? Это поддерживает страну в действии.

— Это поддерживает в действии современную экономику, что да, то да. Но какой ценой! Наши лучшие умы заняты тем, что сначала создают подобную чепуху, а потом продают ее. В довершение этого мы уже в такой степени

использовали свои ресурсы, что превратились в нацию, не имеющую собственных запасов. Нам приходится ввозить сырье. Наши железные горы, наши нефтяные моря, наши природные богатства, которые казались неисчерпаемыми, были молниеносно истрачены теми, кто исповедует эту экономику расточительства. В довершение этого всего, как по-твоему, что делает такой образ жизни с мозгами нашего народа? Как могут люди поддерживать свое коллективное достоинство, единство и чувство соответствия, если им так легко внушить стремление к ненужным вещам, символам общественного положения, ерундовым вещам — пре-имущественно потому, что такая вещь есть у соседа или у третьеразрядного киноактера.

Эд отчаянно заказал еще один коктейль.

— Ну ладно, я согласен, что электрические шейкеры-дозаторы для мартини не нужны. Но это то, что люди **ХОТИЯТ**.

— Это то, что людям **ВНУШАЮТ** хотеть. Мы должны переработать себя. Мы решили проблему производства в избытке, теперь человек должен остановиться и заняться самим собой, выработать свой путь к собственной судьбе, путь в свой Элизиум. Подавляющее большинство наших ученых работает либо над способами уничтожения, либо над созданием новых продуктов, которые вовсе не нужны людям. Вместо этого им следует заняться лечением человеческих болезней, глубоким проникновением в тайны Всеобщей Матери, исследованием океанских глубин, стремлением к звездам.

— Хорошо. Но вы же видели, что люди просто-напросто не интересуются вашими идеями. Они хотят получить обратно свое телевидение, свое радио и свое кино. Им неинтересен путь в Элизиум. Вы ведь признали это и даже отказались от ваших лекций.

— В момент слабости, — кивнул Таббер. — Сегодня я намерен возобновить мои усилия. Мы с Нефертити поедем в город Онеонта, где моя палатка вновь... — он прервал речь и опять сердито воззрился на громыхающий музкальный автомат, который разразился рок'н'свинговой современной переработкой “Она спустится с горы”. — Во имя Всеобщей Матери, как кто-то может желать слушать ЭТО?

Эд рассудительно крикнул:

— Это ваша вина. Вы забрали у них телевизор, радио и кино. Люди не привыкли к тишине. Они хотят музыки.

— Не осмеливайся именовать ЭТО музыкой! — бесконечно печальное лицо Говорящего Слово начало знакомо меняться. Эд Уандер испугался.

— Послушайте, послушайте, — быстро сказал Эд. — Это естественная реакция. Люди набиваются в рестораны, бары, дансинг-холлы. Везде, где они могут получить хоть какое-то развлечение. Производители музыкальных автоматов работают в три смены. Пластинки расподаются моментально, как только попадают в продажу, с такой же скоростью, с какой их штампуют...

Эд резко оборвал себя. Этого говорить не стоило.

Иезекиль Джошуа Таббер, Говорящий Слово, рос на глазах.

Эд Уандер смотрел на него, не отрывая взгляда, не в силах вымолвить ни слова. Он подумал, что Моисей, должно быть, выглядел очень похоже, когда спустился с горы с Десятью заповедями и обнаружил, что его родные древние иудеи тем временем поклоняются золотому тельцу.

— Ах вот как! Тогда воистину я проклинаю это отвратительное изобретение! Уничтожающее покой, так что человек не слышит собственных мыслей. Воистину говорю я: кто хочет музыки, да услышит ее!

Громкость разноцветной музыкальной машины внезапно упала, и шесть белых лошадей, которые спускались с горы, превратились в "...мы споем на нашем пути..."

Эд Уандер нетвердо поднялся на ноги. Ему вдруг неодолимо захотелось тотчас выбраться отсюда. Он что-то пробормотал Иезекилю Джошуа Табберу в знак прощания и стал энергично проталкиваться к двери.

Когда он осуществлял свое бегство, он бросил последний взгляд на пророка-заклинателя Таббера. Тот продолжал смотреть на музыкальный автомат.

Кто-то из стоящих у стойки прорычал:

— Кто, черт его дери, запустил эту музыку?

Музыкальная машина переключилась на хор:

— Славься, славься, аллилуйя. Славься, славься, аллилуйя...

Эд Уандер направил маленький Фольксховер вдоль автострады к Ультра-Нью-Йорку.

Вот такие пироги. Он предупреждал Хопкинса. Такое впечатление, что он действует на Таббера, как катализатор. Он не может оказаться в пределах слышимости от Говорящего Слово без того, чтобы не появилось новое проклятие. Не то, чтобы старина не был способен разгневаться на что-нибудь без посторонней помощи. Интересно, подумал Эд, проклятие на автомат, собирающий плату за автостоянку, распространяется только на тот автомат в Будстоке, или явление наблюдается во всем мире? Таинственная сила Таббера, очевидно, не обязательно должна иметь универсальное применение. Когда он порвал струны на гитаре, это не были все гитарные струны в мире, но только на той конкретной гитаре. А из того, что рассказала Нефертити, когда он сжег ночной клуб, в котором она выступала, можно заключить, что молния ударила только в него, а не во все ночные клубы на земле.

— Благодарение Всеобщей Матери хотя бы за небольшие поблажки, — пробормотал Эд.

По дороге он остановился съесть сэндвич и выпить чашку кофе на стоянке для грузовиков.

Полдюжины посетителей столпились вокруг местного музыкального автомата, обескураженно глядя на него. Из него раздавалось: “Мои глаза увидели славу пришествия господня...”

Один из водителей сказал:

— Господи Иисусе, что бы я ни ставил, оно играет “Внемлите песням ангелов-провозвестников господних”.

Другой посмотрел на него в отвращении:

— О чём ты, приятель? Это никак не “Внемлите песням ангелов-провозвестников господних”. Это “Городок Вифлеем”.

Вмешался еще один.

— Да вы оба рехнулись, парни. Я эту песню помню с тех пор, как был мальчишкой. Это “Доброе приветствие и доброе прощание”.

Какой-то негр покачал головой.

— Матерь божья, да вы, ребята, просто ничего не смыслите в спиричуэлс. Эта машина играет “Спускайся,

Моисей". Что ты на ней ни нажимай, выходит "Спускайся, Моисей".

Эд Уандер решил забыть о сэндвиче. Насколько он мог судить, он сам продолжал слышать снова и снова о "Славе пришествия Господня" и "Славься, славься, аллилуйя".

Он вышел и вернулся в Фольксховер. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем они сдадутся и перестанут бросать монетки в музыкальные автоматы?

Он снова взял курс на Манхэттен и Нью Вулворт Билдинг. О'кей, он их предупреждал. Все, что он мог сказать, это — как хорошо, что старина Таббер сам любит пропустить стаканчик пива. Иначе, возможно, все спиртное в стране уже превратилось бы в апельсиновый сок, как только Говорящий Слово задумался бы над людьми, которые проводят свое время в барах, вместо того, чтобы как хорошие пилигримы слушать речи о пути в Элизиум.

В Нью Вулворт Билдинг его пропуск провел его мимо предварительной охраны и наверх, к пяти — только теперь их было десять — этажам, которые занимала чрезвычайная комиссия Дуайта Хопкинса.

Он обнаружил Элен Фонтейн и Базза Де Кемпа в своем собственном кабинете, склонившимися над портативным фонографом и глядящими на него с обвинением во взоре, как будто устройство их намеренно предало.

Когда Эд вошел, Базз вынул изо рта сигару и сказал:

— Ты не поверишь, но...

— Знаю, знаю, — проворчал Эд. — Ну и что слышите вы?

— Просто фантастика, — сказала Элен. — Для меня это звучит как "В одиночестве вхожу в сад".

— Нет, прислушайтесь, — настаивал Базз. — Вслушайтесь в эти слова. "Если последуете за мной, я сделаю вас ловцами человеческих душ. Если последуете за мной". Яснее ясного.

Для Эда Уандера это продолжало звучать как "Славься, славься, аллилуйя". Он упал на стул за столом.

Базз вынул из машины пластинку и поставил новую.

— А теперь послушайте это. Та должна была быть рок'н'свингом, а вот это — первые такты сюиты "Пер Гюнт". Он включил устройство. Первые такты сюиты "Пер Гюнт" оказались "Утром", как и предполагалось.

Эд заинтересовался.

— Оно снова избирательно.

Они посмотрели на него.

— Что снова избирательно? — обвиняющим тоном спросил Базз.

— Проклятие.

Базз и Элен обвиняющие уставились на него.

Эд сказал, защищаясь:

— Мы разговаривали в баре, а там орал на полную мощность музыкальный автомат. Ну и нам приходилось кричать, чтобы слышать друг друга.

— Прекрасно, — сказал Базз. — Почему ты его оттуда не вытащил?

— Значит, — утомленно сказала Элен, — он разгневался на музыкальные автоматы. Господи боже мой, кто-нибудь его остановит прежде, чем мы все окончательно рехнемся? Он испортил не только музыкальные автоматы, но и все пластинки. Воображаю, что творится с записями.

— Мне никогда не нравились музыкальные ящики, — сказал Эд. — Да, вот еще — у него, надо полагать, не оказалось десятицентовика — опустить в автомат на стоянке для машин. Поэтому...

— Эй, не перегибай палку, — сказал Базз. — Не говори, что он и их проклял.

— В них теперь больше нет прорези для монет, — ответил Эд. — Послушайте, что-нибудь важное случилось, пока меня не было?

— Ничего особенного, — сказал Базз. — В отсутствие Вашего Преосвященства все дела стоят. Мы притащили целую банду профессоров, докторов и самых разных ученых, от биологов до астрономов. Они все еще здесь, на самое большое, что нам удалось сделать — это убедить одного из сотни, что мы совершенно серьезно интересуемся тем, что такое проклятие. Мы задействовали несколько десятков из них — во всяком случае, так предполагается — для исследований по данному вопросу. Но никто не знает, с чего начать. Проклятие не затаишь в лабораторию. Его нельзя ни взвесить, ни измерить, ни проанализировать. Из всей этой толпы мы нашли только одного, кто верит, что проклятия действительно существуют.

— Неужели хоть кого-то нашли? — удивленно сказал Эд.

— Парень по имени Уэстбрук. Единственное, что меня беспокоит, так это то, что он, скорее всего, псих.

— Джим Уэстбрук? Ах да, я и забыл, что велел его доставить к нам. Джим Уэстбрук не псих. Он выступал у меня в "Часе необычного", задавал вопросы гостям. Что он предлагает?

— Он предложил, чтобы мы для начала призвали всю кафедру парапсихологии Дьюкского университета. Затем он предложил, чтобы мы послали представителей Европейского Сообщества, в Ватикан, в Рим за командой их лучших экзорцистов.

— Какие, черт побери, экзерсисы в такой ситуации?

— Экзорцисты, экзорцисты. Архивы церкви, вероятно, содержат больше информации об изгнании злых духов и тому подобным вещам, чем любая другая библиотека мира. Уэстбрук считает, что снятие заклятия — это родственная проблема. Еще он предложил, чтобы мы связались с Персоной Номер Один в Кремле, пусть он разыщет остатки архивов русской ортодоксальной церкви, и поговорили с Лими по поводу того, что может быть в запасниках английской церкви. Все они среди своих догматов числят изгнание злых духов.

Эд устало пробормотал:

— Наверное, я должен пойти и доложиться Хопкинсу, но насколько я знаю его и Брейсгейла, они промучают меня полночи. Мне и так уже все уши прожужжал Таббер со своими идеями.

— Отец раздобыл одну из брошюр Таббера. Он говорит, что путь в Элизиум — это суперкоммунизм.

— Дженсен Фонтеин примерно столь же компетентен в обсуждении программы Зеки Таббера, как евнух способен судить конкурс "Мисс Америка", — проворчал Базз.

— Вам все хиханьки, — пожаловался Эд. — Как бы там ни было, я слишком устал, чтобы думать. Что вы скажете, если мы переберемся в квартиру, которую они мне выделили, и немножко выпьем?

Базз полез в карман за новой сигарой со слегка смущенным видом.

— Мм... Крошка Эд...

— Слушай, — сказал Эд, — мне это прозвище осто-
чертело. Я им сыт по уши. Следующий парень, который
назовет меня “Крошка Эд”, получит расквашенную губу
в награду.

Базз Де Кемп заморгал.

— Парень, ты говоришь совершенно не так, как старый
Кро... то есть, Эд Уандер. Абсолютно. Абсолютно.

— Боюсь, мы не можем согласиться на твое предложе-
ние, Эд, — сказала Элен. — У нас с Баззом сегодня сви-
дание.

Эд перевел взгляд с одного на другого.

— Вот как? — он машинально дотронулся пальцем до
кончика носа. — Ну, хорошо.

Элен сказала, как будто оправдываясь:

— Мне кажется, даже если я больше не меняю каждый
день модные туалеты, я все еще способна научить этого
лодыря выглядеть так, чтобы оказывать честь своей про-
фессии.

— Безнадежно, сестричка, — злобно уставился на нее
Базз. — Я такой тип, который способен купить костюм за
две сотни долларов, и прежде чем я выйду в нем от пор-
тного, у него уже будет такой вид, словно я в нем спал.

— Хиханьки, — простонал Эд. — Спокойной ночи.

ГЛАВА XII

Эд как раз собирался сесть за завтрак и утреннюю га-
зету, когда появился запыхавшийся полковник Фредерик
Уильямс. Эд Уандер поднял на него взгляд.

— Специальное собрание в кабинете мистера Хопкин-
са, Уандер, — выкрикнул он.

— Я еще не закончил завтрак.

— Нет времени. Несколько важных событий.

Эд свернул газету и сунул ее в карман куртки, одним
быстрым глотком выпил кофе и встал.

— Ладно, пошли.

Он вышел вслед за полковником. Его собственные ох-
ранники, Джонсон и Стивенс, присоединились к ним в
холле. Вот вам стиль работы бюрократов, решил Эд. Вчера

они послали его в Элизиум, прямиком в лагерь предполагаемого врага, и даже детского духовного ружья не дали в качестве защиты. А здесь, в штаб-квартире комиссии на верхушке Нью Вулворт Билдинг, считается, что ему небезопасно ходить по коридорам без охраны.

Хопкинс был не один. Вообще говоря, в его кабинете была целая толпа народа. На этот раз Эду были знакомы почти все присутствующие. Брейсгейл, генерал Крю, Базз и Элен, полковник Уильямс, и наиболее важные сотрудники команды проекта "Таббер", возглавляемого Эдом. Надо полагать, из всех различных ветвей, расследующих катастрофу, команда Эда быстро приобретала самое важное значение.

Когда все расселись, Хопкинс обратил на них пронзительный взгляд, особо выделив Эда и Базза Де Кемпа. Он произнес:

— Прежде чем мы перейдем к докладу мистера Уандера о поездке в Элизиум, у нас есть еще пара других проишествий. Мистер Оппенхаймер?

Билл Оппенхаймер, тот, который первоначально вместе с майором Дэвисом поднял приоритет Эда и Базза до чрезвычайного, поднялся на ноги, как всегда, заметно нервничая.

— Говоря вкратце, — сказал он, — очень маленькие дети, все идиоты и большинство слабоумных не затронуты.

— Не затронуты чем? — громыхнул генерал Крю.

Оппенхаймер посмотрел на него.

— Всеми проклятиями. Они могут даже слышать радио и смотреть телевизор.

Билл Оппенхаймер сел.

— Мистер Ярдборо, — сказал Хопкинс.

Встал Сесил Ярдборо.

— Это очень предварительные сведения. Мы только начали работу в этом направлении, но теперь, когда мы связались с кафедрой парапсихологии Дьюкского университета, дело пойдет быстрее. — Он посмотрел на Эда Уандера, словно ожидая, что тот будет против того, что Ярдборо собирался сказать. — Один из наших сотрудников, имеющий богатый опыт в области экстрасенсорики, предложил научное объяснение возможностей Таббера.

Он бы не привлек большего внимания, даже если бы внезапно взмыл в воздух.

— Доктор Джейферс предполагает, — продолжал Ярдборо, — что Иезекиль Джошуа Таббер имеет телепатические способности, выходящие далеко за пределы тех, которые встречались до сих пор. Причем сам он может об этом не подозревать. Большинство телепатов могут связаться одновременно только с одним человеком, некоторые — с двумя или тремя. Об очень немногих известно, что они передавали мысль большему количеству людей, и то на очень ограниченном расстоянии. — Ярдборо обвел их глазами. — Доктор Джейферс считает, что Таббер — первый человек, который способен телепатически связываться со всем человечеством одновременно, независимо от их языковой принадлежности.

Брейстейл, который сидел, положив ногу на ногу, поменял их местами. Он мягко произнес:

— Какое это имеет отношение к проклятиям?

— Это всего лишь половина гипотезы Джейферса, — сказал Ярдборо. — Он также считает, что Таббер способен гипнотизировать людей посредством телепатии. То есть ему не нужно находиться рядом с человеком, которого он гипнотизирует. Он может быть на любом расстоянии от него.

По комнате прошел вздох словно бы облегчения.

— Не вяжется, — прямо заявил Эд Уандер.

Они повернулись к нему, и, казалось, все взгляды были свирепыми, даже взгляды Базза и Элеи.

Он развел руки ладонями кверху.

— Ладно, ладно. Я знаю. Все хотят, чтобы вязалось. Люди так устроены. Они сходят с ума, если случается что-то, на что нельзя приkleить этикетку. Им просто ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО нужно иметь объяснение. И все же этот доктор Джейферс не объясняет способностей Таббера. Конечно, это объяснение может сгодиться для радио-телефизионного проклятия, даже для кинопроклятия. И даже проклятие, наложенное на музыкальные автоматы, можно объяснить таким образом.

— Проклятие на музыкальные автоматы?! — не выдержал кто-то.

— Мы уже начали получать сообщения по этому поводу, — ровным тоном сказал Хопкинс. — Продолжайте, мистер Уандер.

— Однако это не объясняет того, что Таббер сделал физически. Запечатывания прорези для монет в автоматах автостоянок. Попадания молнии в ночной клуб, потому что его владелец устраивал шоу, в которых был стриптиз с участием подростков. Это не объясняет даже порванных на расстоянии гитарных струн.

Джим Уэстбрук, который сидел на углу с противоположной стороны стола, и которого Эд заметил только сейчас, сказал:

— Может быть, этот парень только ПОДУМАЛ, что струны порваны, потому что был под гипнозом Таббера.

Но непохоже было, что великий инженер-консультант сам верил в то, что говорил.

— Мы просто не знаем, — сказал Эд. — Может быть, есть такое качество в самой природе: когда возникает необходимость в личности определенного типа, раса порождает такого человека. Быть может, природа сочла, что именно сейчас нужен человек с такими способностями, как у Таббера. Когда был нужен Ньютон, родился Ньютон. Можем ли мы объяснить его? Во времена Возрождения в таких городах, как Флоренция, был всплеск супер-гениев. Может ли кто-то объяснить фантастические способности Леонардо и Микеланджело? Черт его знает. Просто пришло их время. Расу НЕ-ОБХОДИМО было вытащить из темного времени.

Дуайт Хопкинс вздохнул и провел худой рукой по рту и подбородку.

— Хорошо, — сказал он. — Тем не менее, мистер Ярдборо, проследите за тем, чтобы направление исследований доктора Джейферса продолжалось. Чрезвычайный приоритет. Мы не можем оставлять неисследованными возможные варианты. Угроза всей нашей нации растет в геометрической прогрессии.

— А теперь, — продолжил Хопкинс, — мы переходим к другому, очень неприятному вопросу. Генерал Крю, прошу вас.

Генерал тяжело поднялся на ноги, и еще до того, как он открыл рот, его лицо приобрело цвет красного дерева. Он взял со стола Хопкинса газету и потряс ею в воздухе.

— Кто тот предатель, который проболтался обо всем, АП-Рейтер?!

Эд Уандер вытащил свою газету из кармана и развернул ее. На первой странице самым крупным шрифтом было набрано:

**В КРАХЕ ТВ-РАДИО-КИНО
ВИНОВЕН
РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛИДЕР**

Эду не нужно было читать. Он знал, что там написано.

— Я думал, что тебе никто не поверит, — буркнул он в сторону репортера.

Базз ухмыльнулся ему, вынул изо рта сигару и ткнул ею, как указкой, в грудь Эда.

— Входит в игру мой счастливый случай. Это с самого начала была моя сенсация, и я просто не мог не увидеть ее в печати. Ты вчера оставил меня заместителем. Ну вот, я отправил пару ребят в Кингсбург, чтобы они притащили Старую Язву из его кабинета в Кингсбурге прямиком сюда. Я показал ему весь наш штат, работающий над проектом "Таббер". Наконец его проняло. Неважно, верит он в это сам, или нет, но самая большая сенсация века стряслась в его собственном городе. Статья у меня уже была написана. Он просто забрал ее с собой.

— А в АП-Рейтер она попала из "Таймс-Трибьюн", ты, идиот! — рявкнул на него Эд. — Ты знаешь, что ты наделал?

— Я знаю, что он наделал, — сказал Хопкинс. Все спокойствие мгновенно улетучилось из его голоса. — Он сделал из администрации посмешище. Мне казалось, я ясно сказал, что на этой стадии наши расследования должны держаться в тайне, пока не будут собраны более точные данные.

Эд Уандер вскочил с места, его лицо исказилось.

— Он сделал больше! Он подписал смертный приговор Табберу и его дочери!

Базз хмуро уставился на него, защищаясь:

— Не говори ерунды, приятель. Я не указывал, где они. Они в полной безопасности в своей заброшенной деревушке, в этом Элизиуме. Конечно, уйма людей на них в обиде. Хорошая возможность преподать урок старине Зе-

ки. Он обнаружит, что практически все в мире решат, что он козел.

— Он не в Элизиуме, — рявкнул Эд. — Он в Онеонте со своей палаткой размером в пинту, возглашает слово о возрождении. Пошли, Базз. Ты заварил кашу. Пойдем со мной. Они его линчуют.

Базз бросил сигару на пол.

— Ни фига себе, — пробормотал он, направляясь к двери.

Генерал тоже встал.

— Погодите минутку. Может быть, это к лучшему.

Эд Уандер бросил на него презрительный взгляд.

— Как и предыдущие ваши измышления. Чтобы снайпер подстрелил его на расстоянии. Рассмотрите только две возможности, солдат. Первая: что, если Таббер начнет бросать проклятия в толпу, которая соберется его линчевать. Представляете, чего он может наговорить? И вторая: что, если толпа доберется до него и прикончит? Думаете, проклятия с его смертью исчезнут? Откуда нам знать?

Базз уже был в двери, направляясь к внешним помещениям. Эд поспешил вслед за ним.

— Минутку, — крикнул Дуайт Хопкинс. Его прославленная уравновешенность полетела к черту. — Я могу позвонить в полицейское управление Онеонты.

— Не поможет, — бросил Эд через плечо. — Таббер и Нефертити меня знают, а толпа толстокожих копов может только усилить фейерверк.

В приемной Джонсон и Стивенс вскочили на ноги. Эд гаркнул им:

— Позвоните в гараж. Самую быструю полицейскую машину нам немедленно. Чтоб была готова, когда мы спустимся. Быстро, вы, уроды!

Он бросился по коридору в направлении подъемников.

Когда он добежал Базз уже вызвал подъемник. Они ворвались в кабину, нажали на кнопку спуска, и ноги чуть не подогнулись под ними, так быстро подъемник устремился вниз.

Машина уже ждала их. Эд торопливо сверкнул удостоверением, и они забрались на переднее сидение.

— Как эта штука работает? — спросил Базз. — Я никогда не ездил на автоматическом.

Эд Уандер время от времени водил Дженерал Форд Циклон, принадлежащий Элен.

— Вот так, — бросил он и набрал код, который должен был доставить их на другую сторону Джордж Вашингтон Бридж. Затем Эд схватил дорожную карту и определил координаты Онеконты. Городок находился от Нью-Йорка немногого дальше Кингсбурга, но западнее. Кратчайшая дорога лежала через Бинхэмтон.

Всю дорогу они не находили себе места. Будет почти полдень, пока они доберутся. Они понятия не имели, где Таббер поставил свою палатку. Они понятия не имели, когда он начнет свою лекцию. Если это будет как в Согерти, то он станет проводить не один митинг в день, а несколько. Не исключено, что он начнет довольно рано.

Эд Уандер полагал, что Таббер не переживет первого же выступления. Как только слушатели обнаружат, кто он такой, это будет все. Эд молча, про себя, произнес ругательство. Может, они уже обнаружили. Возможно, городская газета Онеконты напечатала объявление. Газета наверняка связана с АП-Рейтер. Если какой-нибудь сообразительный репортер связал эти две истории и обнародовал тот факт, что сомнительный пророк находится в городе, это уже будет означать для него смерть.

Они могли не беспокоиться, сколько времени у них уйдет на то, чтобы найти палатку Таббера. Рев толпы был слышен издалека. Эд переключился на ручное управление и ворвался в город, не снижая скорости.

— Эй, полегче, парень! — крикнул Базз.

— Сирена! — рявкнул Эд. — Должна быть какая-то кнопка. Найди, быстро! В этой машине должна быть сирена.

Базз пошарил. Раздалось завывание сирены, волна за волной. Они промчались сквозь небольшой городок Кэт-скайлл, встречные машины шарабались от них во все стороны — хотя сколько там было тех встречных машин. Эд Уандер подозревал, что большая часть города сейчас на представлении Таббера.

Они уже видели сцену действия. Там пылал огонь. Когда подъехали еще ближе, стало ясно, что горит палатка.

Повторялась сцена линчевания киномеханика в Кингсбурге. Все было примерно так же, только масштаб в десять

раз больше. Далеко за пределами возможного вмешательства полиции.

Толпа насчитывала несколько тысяч людей. Они ревели, кричали, визжали, верещали. Но на периферии люди просто толпились вокруг, они не могли увидеть, что происходит в середине. Толпу подавлял и сковывал ее же собственный размер.

С высоты ховеркара Эд Уандер и Базз Де Кемп ясно видели происходящее. В самом центре Иезекиль Джошуа Таббер и его дочь бились о толпу, их силуэты четко рисовались на фоне горящей палатки. Не было и следа других последователей отвергнутого пророка. Несмотря на всю напряженность момента, у Эда мелькнула мысль по этому поводу. Иисус был предан всеми учениками, даже Петром, когда его схватили римляне. Куда делись последователи Таббера, неважно, как мало их ни было? Где пилигримы пути в Элизиум?

Эд нажал на рычаг подъема, поднимая машину на высоту десяти футов, устремился в центр орущей, размахивающей кулаками и палками толпы. Толпа пылала ненавистью. Наводящий ужас запах ненависти и смерти, который редко можно встретить где-нибудь еще, кроме как в толпе и в битве. Вопли слились в один мощный вой ревущей ярости.

— Это невозможно, — прокричал Базз. — Давай выбираться отсюда. Слишком поздно. Они схватят и нас тоже!

Глаза репортера выпучились от страха.

Эд ринулся в центр свалки.

— Держи руль, он на ручном управлении! — крикнул он Баззу. — Опусти машину прямо перед ними.

Эд перебрался через спинку на заднее сидение. Он там кое-что заметил раньше. Базз Де Кемп схватился за руль, пытаясь затормозить, а Эд в тот же миг выхватил автомат из чехла.

— Эй! — крикнул ему репортер с вытаращенными глазами.

Эд ногой выбил стекло из правого заднего окна. Сирена продолжала завывать. Вожаки толпы — десяток вожаков, держащих бородатого пророка, который казался совершенно потрясенным и Нефертити, которая кричала и царапа-

лась, пытаясь пробиться к отцу, — уставились наверх. Они только сейчас обратили внимание на сирену.

Эд высунул автомат в окно и направил вверх. Он никогда не держал в руках похожего оружия. Он нажал на спуск, и рев выстрела, рванувшись назад в тяжелый ховеркар, оглушил его. Одновременно его ударило отдачей.

По крайней мере, это подействовало. Люди внизу бросились врассыпную. Эд опустил обойму в воздух.

— Вниз! — крикнул он Баззу.

— Не сходи с ума! Мы не можем...

Эд перегнулся через сиденье и ударил по рычагу подъема. Еще прежде чем машина коснулась земли, он распахнул дверцу. Пользуясь полицейским автоматом как дубинкой, нанося удары направо и налево, он бросился к шатающемуся старику.

Сама дерзость нападения привела к его успеху. Вращая тяжелое оружие, которое он держал за обжигающе горячий ствол, Эд тащил и подталкивал отвергнутого реформатора к машине и втолкнул его на заднее сиденье. Затем развернулся и, угрожая ошеломленной и временно бездействующей толпе автоматом, как будто он был заряжен, закричал:

— Нефертити!

Девушки не было видно.

— Давай убираться отсюда! — возопил Базз.

— Заткнись! — взревел Эд.

Нефертити, плача и хромая, в растерзанной одежде, пробилась сквозь ряды обескураженных линчевателей. Эд менее чем вежливо толкнул ее на заднее сиденье и ухватился за поднимающуюся вверх машину. Он почувствовал, как его схватили за ногу. Он пнул схватившего другой ногой. Рука разжалась. Машина покинула место происшествия.

— Они погонятся за нами! — крикнул Базз. — Тысяча машин бросится в погоню.

Эд Уандер был на пределе. Он из последних сил сдерживался, чтобы его не стошило. Его тряслось, как в приступе болотной лихорадки.

— Не погонятся, — сказал он дрожащим голосом. — Побоятся автомата. Толпа есть толпа. У нее хватит храб-

ности убить старика и девушку. А храбости столкнуться с автоматом — не хватит.

Нефертити, все еще захлебываясь слезами, занялась отцом. Она усадила его прямо, в то же время пытаясь привести в порядок свою порванную одежду.

Таббер издал первый звук с момента спасения.

— Они ненавидят меня, — потрясенно произнес он. — Они ненавидят меня. Они бы меня убили.

Базз Де Кемп наконец совладал со своей паникой.

— А чего ты ждал? — пробурчал он. — Рыбки к пиву?

У них были небольшие трудности с тем, чтобы провести растерзанных и нервных Табберов в Нью Вулворт Билдинг, но Эд к этому времени уже пришел в себя. Он смерил сердитым взглядом охранников на входе, схватил телефонную трубку и рявкнул:

— Генерала Крю. Чрезвычайный приоритет. Уандер у телефона.

Крю был у телефона через несколько секунд.

— Я привез Таббера, — резко сказал Эд. — Мы поднимаемся. Пусть Дуайт Хопкинс будет готов в своем кабинете, и верхушка моего штата. Мне нужны все, осведомленные о проекте "Таббер". — Он посмотрел на охранников. — Да, чуть не забыл, прикажите этим придуркам нас пропустить.

Он бросил телефон вооруженному охраннику и направился к подъемнику.

Базз поддерживал одной рукой престарелого пророка, другой Нефертити.

Они поднялись прямиком на самый верхний этаж.

— Нужно отвести их в твои апартаменты, — сказал Базз. — Мисс Таббер тоже в плохом состоянии, но старик-то и вовсе в шоке.

— В таком виде он нам и нужен, — тихо пробормотал Эд Уандер. — Пошли.

Хопкинс сидел за своим столом, остальные торопливо входили по одному или по двое.

Эд усадил вызывающего своим видом жалость старика на оббитую кожей кушетку, Нефертити рядом с ним. Другие расселись или остались стоять, глядя на причину кризиса, который потрясал правительство самой процветаю-

щей нации на земле. Прямо сейчас, судя по его виду, нельзя было подумать, что он способен потрясти собрание Школьного Совета маленького городка.

— Ну вот, — сказал Эд. — Позвольте мне представить вам Иезекиля Джошуа Таббера, Говорящего Слово. Теперь в ваших руках, джентльмены, возможность убедить его в том, что он должен отменить свои проклятия. — И Эд резко сел на место.

Некоторое время длилось молчание.

Дуайт Хопкинс, невероятно хриплым от напряжения голосом, сказал:

— Сэр, как представитель президента Эверетта МакФерсона и правительства Соединенных Процветающих Штатов Америки, я умоляю вас отменить то, что вы сделали, что бы это ни было — если это действительно сделали вы — что привело нацию на грань хаоса, где она ныне находится.

— Хаоса, — убито пробормотал Таббер.

Брейгейл сказал:

— Три четверти населения проводят большую часть своего времени, бесцельно бродя по улицам. Достаточно будет одной только искры, а искры уже начали вспыхивать.

— Мой отец болен, — негодующе произнесла Нефертити, обводя их взглядом. — Нас чуть не убили. Сейчас не время приставать к нему.

Дуайт Хопкинс вопросительно посмотрел на Эда Уандера. Эд едва заметно покачал головой. Иезекиль Джошуа Таббер был загнан в угол. Если они не договорятся с ним сейчас, произойдет что-нибудь, в результате чего к нему вернутся силы и душевное равновесие. Возможно, они поступали жестоко, но положение было жестоким.

Эд сказал, объясняя остальным:

— Вчера Иезекиль Таббер объяснил мне часть своих убеждений. Его secta считает, что страну душит ее собственный жир и в то же время страна стремится к саморазрушению, используя свои ресурсы как природные, так и человеческие с головокружительной быстротой. Он полагает, что мы должны разработать более простое, менее фанатичное общество.

Ошеломленный реформист посмотрел на Эда и обессиленно покачал головой.

— Я бы излагал это не совсем так... возлюбленная душа.

Джим Уэстбрук, откинувшись на спинку стула, держа руки в карманах, сказал сухо:

— Беда в том, что вы начали не с той стороны. Вы пытались добраться до людей. Изменить их образ мыслей. Факт тот, приятель, что люди в большинстве своем идиоты и всегда ими были. Не было такого периода в истории, когда человек с улицы, если у него появлялась такая возможность, не продемонстрировал бы себя с худшей стороны. Если им обеспечить свободу и безнаказанность, они погрязнут в садизме, распутстве, пьянстве, обжорстве, разрушениях. Взгляните на римлян с их играми. Взгляните на немцев, когда нацисты их подтолкнули к уничтожению низших рас, неарийцев. Взгляните на любых солдат в сражении, любой национальности.

Таббер покачал косматой медвежьей головой и проявил очень слабую тень былого огня:

— Но, ммм... возлюбленная душа, — удрученно запротестовал он. — Характер человека определяется скорее средой, чем наследственностью. Человеческие недостатки передаются через плохое воспитание. Грехи молодежи происходят не от природы, которая равно добра ко всем своим детям и не несет вины; они происходят от погрешностей образования.

Теперь пришла очередь Уэстбрука покачать головой.

— Звучит хорошо, но применить это невозможно. Нельзя вложить в сосуд больше, чем он способен вместить. Средний IQ составляет около сотни. Половина населения имеет IQ меньше этого. Вы можете обучать их всю жизнь, и ничего из этого не выйдет.

Изможденный пророк не сдавался:

— Нет, вы разделяете распространенное заблуждение. Правда, средний IQ около сотни, но в действительности лишь немногие от нас отличаются больше, чем на десять единиц от этой цифры. Среди нас столь же редко встречаются слабоумные, как и гении с IQ 140 или больше. Менее одного процента гениев — это драгоценный подарок расе. Их нужно искать и предоставлять все возможности разви-

вать их таланты, и лелеять. Те, кто имеют IQ ниже 90, — это наши неудачники, и из милосердия следует приложить все усилия, чтобы они жили настолько полной жизнью, насколько возможно.

Дуайт Хопкинс непринужденно сказал:

— Я думал, что ваш основной протест направлен против нашего общества изобилия и Процветающего Государства. Но сейчас вы излагаете обычную философию добра. Все люди равны, следовательно, мы должны жертвовать результаты труда удачливых тем, кто проиграл гонку.

Таббер выпрямился.

— Почему мы так презрительно относимся к так называемым “желающим добра”? Неужели пытаться творить добро так достойно порицания? Такое впечатление, что человек — наихудший враг самому себе. Мы все утверждаем, что стремимся к миру, но в то же время насмехаемся над теми, кто совестлив. Мы все утверждаем, что хотим лучшей жизни, а затем насмехаемся над теми, кто предлагает реформы, над “желающими добра”. Но это вне вопроса, который вы задали. Мои возражения против Процветающего Государства и нашего нынешнего общества заключаются не в том, что мы решили проблемы производства, а в том, что машина вышла из-под нашего контроля и безумствует. Я не отказываю производителю в результатах его труда. Право на продукты производства исключительно, но право на средства производства должно быть всеобщим. Это должно быть так не только потому, что сырье досталось нам от Всеобщей Матери, от природы, но и потому что мы все наследуем устройства и технологии, которые составляют истинный источник человеческого благосостояния. А также потому что сотрудничество делает вклад каждого человека гораздо значительнее, чем если бы он работал в одиночестве. Но этот вопрос вознаграждения более умных и наказания тех, кого Всеобщая Мать сочла нужным снабдить более низким IQ, более не существен. В экономике нищеты очевидно, что те, кто осуществляет больший вклад в общество, должны получить большее вознаграждение. Но в нашем обществе благосостояния почему мы должны лишать кого-либо изобилия? Мы никогда не отказывали ни в воздухе, ни в воде самым скверным преступникам, поскольку всегда было изобилие того и другого.

В обществе благоденствия самый недостойный гражданин может иметь хороший дом, наилучшие пищу, одежду и другие необходимые вещи, и даже предметы роскоши. Я был бы и впрямь идиотом, если бы протестовал против этого.

Генерал Крю громыхнул:

— Это что, проповедь? Давайте к делу. Этот человек признается в том, что — тем или иным способом — создал помехи, которые парализовали все наши массовые средства развлечения? Если так, то должны существовать законы, которые...

— Заткнитесь, — велел ему Эд Уандер, не повышая голоса.

Генерал посмотрел на него, не веря своим ушам, но все же повиновался.

— Мы ушли от первоначальной темы, — произнес Джим Уэстбрук. — Присутствующий здесь Иезекиль Таббер верит, что он в состоянии изменить нынешнее якобы хаотическое общество, перевоспитав среднего идиота, который составляет базовый элемент общества. На самом деле он не в состоянии этого сделать. По-моему, он должен был осознать действительное положение вещей, когда толпа напала на него, как только они узнали, что это он отнял у них их идиотские развлечения.

Таббер достаточно оправился, чтобы сердито уставиться на него.

— Ваш человек с улицы, как вы его назвали ранее, был сделан средним идиотом. Это не наследственное. Мои усилия были направлены на то, чтобы попытаться устранить некоторые из устройств, которые использовались для того, чтобы проштамповать его мозги. Почти каждый из этих средних идиотов, как вы их называете, мог бы быть, и, я надеюсь, все еще может быть, достойным пилигримом на пути в Элизиум. Представьте, что ребенка из высокообразованной благополучной семьи в роддоме по ошибке медсестры заменили на ребенка из трущоб. Неужели вы думаете, что ребенок из трущоб не покажет таких же результатов, как в среднем его товарищи? Или что отпрыск хорошей семьи, которого по ошибке теперь воспитывают в бедной части города, не будет в среднем таким же, как ЕГО товарищи?

Нефертити сердито посмотрела на них.

— Отец... — сказала она, но затем повернулась к Хопкинсу и Эду. — Он устал. ему нужен врач. Эти люди били его, пинали.

— Толпа все тех же средних идиотов, — сухо пробороматал Уэстбрук.

— Еще немного, милая, — сказал Эд Уандер. Он повернулся к Табберу. — Ладно, допустим, что мы согласимся со всем, что вы до сих пор изложили. При Процветающем Государстве страна катится в пропасть, и нам следует изменить ее таким образом, как этого хотите вы. Но я должен напомнить вам кое-что, что я услышал от вас в наш первый разговор. Мне кажется, я могу воспроизвести ваши слова почти дословно. Я назвал вас "сэр", и вы сказали: "Термин "сэр", вариант термина "сир", пришел к нам из феодальной эпохи. Он отражает отношения между дворянином и крепостным. Мои усилия направлены против таких отношений, против любой власти одного человека над другим. Ибо я чувствую, что кто бы ни клал на меня свою руку, чтобы управлять мною, он узурпатор и тиран; я объявляю, что он мне враг".

— Я не понимаю, к чему ты ведешь, возлюбленная душа.

Эд наставил на него указательный палец.

— Вы протестуете против того, чтобы кто-то управлял вами, вашими мыслями, вашими поступками. Но это именно то, что вы при помощи вашей силы, чем бы она ни была, делаете со всеми нами. Со ВСЕМИ нами. Вы, предполагаемый творец добра; на самом деле — величайший тиран в истории человечества. По сравнению с вами Чингиз Хан был дешевкой, Цезарь — новичком, Наполеон, Гитлер и Сталин — мелкими временщиками. Если...

— Прекратите! — крикнул Таббер.

— Что будет следующим? — поинтересовался Эд нарочито презрительным тоном. — Вы намерены отнять у нас речь, чтобы мы не могли даже пожаловаться на ваши действия?

Таббер обратил на него свой взор, преисполненный такой линкольновской печали, как никогда до сих пор. Воплощение обиды.

— Я... я не знаю. Я... полагал...

Дуайт Хопкинс непринужденно вмешался:

— Я предлагаю компромисс, сэр, ээ, то есть, Иезекиль. Несмотря на все ваши усилия вам не удалось донести ваше учение — какими бы ни были его достоинства или их отсутствие — до людей, которых вы любите, но которые до сих пор отвергали вас. Что ж, вот мой компромисс. Каждый день в течение одного часа вы будете в эфире. На всех теле- и радиоволнах мира. В этот час не будет никаких других соперничающих с вами программ. Этот один час в день будет ваш так долго, сколько вы пожелаете.

Нефертити и ее пророк-отец уставились на него.

— А... взамен? — дрогнул Таббер.

— Взамен все ваши, мм, проклятия должны быть сняты.

Потрясенный пророк на некоторое время замер в нерешительности.

— Даже если я буду выступать в эфире каждый день, возможно, они не станут слушать.

Базз Де Кемп хихикнул, не вынимая изо рта сигары.

— Это не проблема, Зеки, старина. Еще одно заклятие. Ты должен пообещать, что оно будет последним. Заклятие, призывающее всех слушать внимательно. Не обязательно верить, но обязательно слушать твою передачу.

— Я... я даже не знаю, возможно ли снять...

— Можно попробовать, — непринужденно, но настойчиво предложил Дуайт Хопкинс.

Генерал Крю вдумчиво сказал:

— Если хорошенько поразмыслить, то у меня три дочери. Со времени этого проклятия косметики и суетности жизнь стала куда более сносной. Я могу даже попасть в ванную по утрам. Нельзя ли сохранить его?

— И заклятие на музыкальные автоматы, — пробормотал Брейсгейл. — Ненавижу музыкальные автоматы.

— Что касается меня, — сказал Базз, перекатывая сигару из одного угла рта в другой, — я терпеть не могу комиксы. Как по мне...

Джим Уэстбрук внезапно рассмеялся.

— С моей точки зрения, приятель, можете оставить проклятыми радио и телевизор.

Дуайт Хопкинс сердито оглядел их.

— Хватит говорить ерунду, джентльмены.

Пожилой пророк набрал побольше воздуха.

— Ныне воистину говорю я...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эд Уандер, младший продюсер WAN-TV, быстрой походкой вошел в главный офис телерадиостанции. Он подмигнул Долли.

— Отличная у тебя прическа.

— Спасибо, Кро... то есть, мистер Уандер.

Эд ухмыльнулся ей.

— Это мне кое-что напомнило. Можешь отнести мокрый платок Джерри в контрольную будку Студии Три. У него разбит нос. Этот парень никак не выучит, как меня зовут.

Долли начала подниматься с места.

— Миссис Уандер у вас в кабинете, — сказала она.

— Хорошо, — ответил Эд, направляясь к своему кабинету.

Когда он вошел, Нефертити стояла у окна. Она обернулась.

Эд взял обе ее руки в свои и отодвинулся, делая вид, что критически рассматривает ее новое платье.

— Снова ходила по магазинам? Дорогая, ты прирожденная модница.

— Это так здорово! Ой, Эд, чуть не забыла. Телеграмма от Базза и Элен. Они на Бермудах.

— Медовый месяц, а?

Включился интерком на столе, и Долли сказала:

— Мистер Фонтейн у мистера Маллигэна. Он хочет видеть вас, мистер Уандер.

Эд поцеловал свою новобрачную.

— Подожди немного, милая. Я скоро вернусь, и мы спустимся на ленч. Хочу показать тебе, что и как.

Он направился в офис Маллигэна, гадая, что Фонтейну потребовалось на этот раз. Всякий раз, когда владелец WAN-TV появлялся на станции, она теряла деньги. Было

бы куда лучше, если бы он сидел дома и оставил дела профессионалам.

Дженсен Фонтейн сердито уставился на него из-за стола. Толстяка Маллигэна не было.

— Что за кризис, сэр? — спросил Эд, усаживаясь и доставая сигарету.

— Этот проклятый коммунист, Таббер!

— Мой тесть — не коммунист, мистер Фонтейн. Поговорите как-нибудь с Баззо, он вам растолкует. Среди других доказательств может засчитать тот факт, что Воссединенным Нациям понадобилось немало выкручивать руки Советскому Комплексу, чтобы те согласились дать ему время на своих телерадиостанциях.

— А я говорю, что он подрывной элемент! Как я позволил вам уговорить себя использовать нашу студию в качестве базы для его всемирного вещания, не могу понять!

Эд сказал небрежно, закуривая сигарету и бросая спичку в пепельницу на столе:

— Для начала, это обеспечивает нам солидный престиж. А время сразу перед и после часа Джоша ценится в изумрудах. Бизнес процветает. Все счастливы.

Пронзительный взгляд Фонтейна не смягчился ни на йоту.

— Но он распространяет это свое треклятое смущающее умы подрывное учение среди всех мужчин, женщин и детей, которые в состоянии добраться до радио или телевизора.

— Таков был договор, — рассудительно сказал Эд. — Дуайт Хопкинс превзошел себя, убеждая всех прийти к соглашению. Но это был единственный способ справиться с кризисом.

Дженсен Фонтейн постучал костлявой рукой по столу.

— Вы по-прежнему не понимаете! — вскричал он. Он драматически указал на стопку конвертов на углу стола. — Письма. Письма из всех стран Земли. Достаточно плохо уже то, что этот ультра-радикал изрыгает свои подпольные...

— Едва ли это назовешь подпольем, — пробормотал Эд.

— ...подрывные речи на английском, но они еще и переводят его на все языки мира!

— Часть соглашения, — рассудительно произнес Эд. Он оценивающе посмотрел на мешки с почтой. — Почта сторонников продолжает расти, а? Боже правый, что за рейтинг.

У Фонтейна был такой вид, словно он вот-вот прошибет головой потолок.

— Да вы непрошибаемы, Эд Уандер! Вы что, не понимаете, что этот идиот Дуайт Хопкинс и эти коммунисты в Величайшем Вашингтоне натворили, заключив это соглашение с Таббером?

Брови Эда поползли вверх.

— Я думал, что понимаю, — сказал он. — Они дали моему тестю шанс распространить свое учение.

— Да! Но вы понимаете, к чему это может привести? Эд вопросительно посмотрел на него.

Владелец телестудии драматически указал на мешки с почтой.

— Среди этих писем десять к одному в пользу передачи Таббера. Не понимаете? Они начали ВЕРИТЬ в него.

— Боже правый, — сказал Эд.

— Вы видели подсчет голосов общественного мнения? Люди начинают становиться последователями этого... этого... безумца. При такой скорости, с которой это все развивается, на следующих выборах мы будем голосовать за этот его бредовый Элизиум!

— Боже правый, — сказал Эд.

СОДЕРЖАНИЕ

Недремлющее око. Роман. <i>Перевод С. Алешиной</i>	5
Пионер космоса. Роман. <i>Перевод С. Бойчук</i>	151
Божественная сила. Роман. <i>Перевод С. Меерзон</i>	337

Літературно-художнє видання
Зал слави всесвітньої фантастики

Книга 23

РЕЙНОЛЬДС Мак

СИЛА ГОСПОДНЯ
(Російською мовою)

Відповідальний редактор *I. Чудінова*

Редактор *T. Продан*

Художник *H. Ширяєва*

Художній редактор *O. Шамрай*

Коректор *L. Москвич*

Комп'ютерна верстка *O. Яцук*

Здано до набору 03.04.95 Підписано до друку 27 06 95

Формат 84x108/32. Папір книжково-журнальний

Гарнітура Таймс Друк високий Умов.-друк арк 28,56.

Умов.фарб.-вид. 29,16. (Обл.-вид.арк 29,81

Замовлення № 5-196

МСП «Альтерпрес», 254053 Київ, вул Артема, 42, а/с 29

Надруковано з оригінал-макета на АТ
“Київська книжкова фабрика”,
252054, Київ-54, вул Воровського, 24.

БОЖЕСТВЕННАЯ СИЛА

